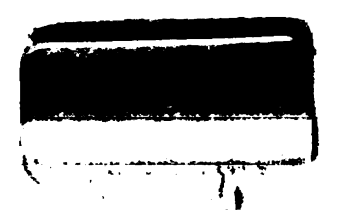


ИСТОРІЯ
ПЕРЕЯСЛАВЛЬСКОЙ ЗЕМЛИ

съ древнѣйшихъ временъ до половины XIII столѣтія.

МОНОГРАФІЯ

Василія Ляскоронскаго.

Изданіе второе.

КІЕВЪ.
Типографія Н. А. Гиричъ, Трехсвятительская улица, домъ № 14.
1903.

шается надъ уровнемъ моря [1]). Гипсометрическія измѣренія, произведенныя въ вышеназванной странѣ, показали, что наиболѣе возвышенные пункты ея находятся въ восточной части, а наиболѣе низменныя—въ западномъ углу ея [2]), Линіей, проведенной отъ устья р. Остра къ устью р. Коломака, впадающаго въ Ворсклу съ лѣвой стороны, можно раздѣлить всю страну на двѣ части: къ востоку отъ этой линіи находится возвышенная ея часть, а къ западу--низменная.

Возвышенности, наполняющія собой сѣверо-восточную половину вышеназванной территоріи, принадлежатъ къ тому отдѣлу высотъ, котарыя занимаютъ все центральное пространство Европейской Россіи и направляются къ югу, въ видѣ болѣе или менѣе возвышенныхъ, постепенно съуживающихся плоскостей. Эта приподнятая площадь центральной Россіи извѣстна въ наукѣ подъ именемъ *средне-русской возвышенности* [3]). Отроги высотъ послѣдней и заходятъ въ восточныя границы Переяславльской территоріи, представляя здѣсь тотъ водораздѣльный кряжъ, который, поднимаясь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до высоты 1000 футовъ надъ уровнемъ моря, отдѣляетъ бассейны двухъ рѣкъ—Днѣпра и Дона [4]). Отъ этого разграничительнаго между двумя бассейнами рѣкъ кряжа, идетъ на западъ первая болѣе возвышенная терраса, которая представляетъ собою нѣсколько неровную, приподнятую на нѣсколько сотъ футовъ (700—800) надъ уровнемъ моря страну, усѣянную въ разныхъ направленіяхъ группами небольшихъ плоскихъ холмовъ, достигающихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ высоты 130 сажень и болѣе [5]). Это--мѣсто истока многихъ рѣкъ и рѣчекъ, изливающихъ свои воды въ русла Днѣпра и Дона. Первый террасообразный уступъ простирается приблизительно до линіи, которую можно провести отъ

---

[1]) Списки населен. мѣстъ Полтав. губ., стр. VII: Гипсометрическая карта А. Тилло; Матер. для геогр. и статист. Россіи, собран. офицер. Генер. Штаба. Черниг. губ., Спб. 1861 г., с. 11.

[2]) Ibidem.

[3]) А. Тилло. Главные выводы, относящіеся до орографіи Европейской Россіи, с. 92.

[4]) Списки насел. мѣстъ. Полтав. губ., с. VII.

[5]) Такъ, напримѣръ, возлѣ верховьевъ рр. Сейма, Оскола, Псла и Ворсклы находится рядъ довольно возвышенныхъ плоскостей, подпимающихся въ иныхъ мѣстахъ выше 140 с. Эти возвышенные участки разбросаны въ нѣсколькихъ мѣстахъ, при чемъ болѣе высокіе изъ нихъ находятся на востокѣ, возлѣ г. Тима, С. Оскола, (Курской губ.) и пр. Здѣсь они составляютъ какъ бы группу высотъ, расположенныхъ близъ верховьевъ вышеназванныхъ рѣкъ; они уменьшаются мало по малу въ направленіи отъ г. Курска къ югу, къ вершинамъ рр. Ворсклы и С. Донца. Чѣмъ далѣе на западъ и югъ отъ этихъ высотъ, тѣмъ рѣже встрѣчаются такіе возвышенные участки, такъ что близъ верховьевъ рѣки Ворсклы они почти уже не встрѣчаются болѣе. См. А. Тилло: Гипсом. карта Россійской имперіи и Главные выводы, относящіеся до орогр. Европ. Россіи.

Исторія Переяславльской земли съ древнѣйшихъ временъ до половины XIII ст.

I.

Географическій очеркъ Переяславльской земли и границы послѣдней въ удѣльно-вѣчевой періодъ.

Очеркъ устройства поверхности Переяславльской земли. Переяславльская территорія въ третичную и послѣдующія затѣмъ эпохи. Орошеніе, климатъ, растенія и животныя Переяславльской земли въ до-монгольскій періодъ. Значеніе рѣкъ, лѣсовъ и болотъ этого края для населенія. Границы Переяславльской земли въ удѣльно-вѣчевой періодъ.

Огромная площадь земли къ востоку отъ средняго теченія Днѣпра, вплоть до водораздѣльнаго кряжа между дрѣпровскимъ и донскимъ басейнами, отличается нѣсколько однообразнымъ характеромъ устройства своей поверхности. Это—громадная равнина съ постепенно идущимъ пониженіемъ съ востока на западъ. Заключая нѣкогда въ своихъ предѣлахъ отдѣльное государство,—Переяславльскую землю, территорія эта не представляетъ собой совершенно замкнутаго цѣлаго, замѣтно отдѣленнаго отъ сосѣднихъ земель какими нибудь естественными предѣлами. Мы не видимъ здѣсь рѣзко выраженныхъ границъ, рельефно отдѣляющихъ эту землю отъ окружающихъ ее областей; вообще, весь складъ, весь характеръ страны не представляетъ собою рѣзкихъ, замѣтныхъ переходовъ отъ болѣе высокихъ ея частей къ низкимъ. Единственными и естественными границами ея служатъ, съ одной стороны,—водораздѣльныя плоскія возвышенности, кряжи, нѣсколько приподнятые надъ общимъ уровнемъ равнины, и теченіе рѣкъ и рѣчекъ, а также лѣса и болота,—съ другой. Ни цѣпей горъ, ни горныхъ системъ не встрѣчается въ вышеназванной странѣ. Вся площадь ея представляетъ собою обширную равнину, которая, начиная съ востока, рядомъ террасообразныхъ уступовъ, одинъ другого ниже, постепенно понижается по направленію къ западу, къ долинѣ р. Днѣпра, которая на нѣсколько только десятковъ саженъ (20—40) возвы-

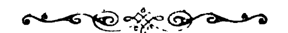
ванія, насколько мы ихъ поняли, побудили насъ разсмотрѣть, по возможности всесторонне, историческія явленія и объяснить ихъ смыслъ. Мы считали поэтому необходимымъ привлечь къ историческому изученію края всѣ необходимыя для этого научныя дисциплины, чтобы имѣть такимъ образомъ возможность выяснить не только тѣ или другіе элементы, слагавшіе общество, но и тѣ условія, при которыхъ они образовались и жили. Мы старались разсматривать изслѣдуемый предметъ или явленія съ разныхъ сторонъ, въ сопоставленіи съ другими сосуществующими, предшествовавшими и послѣдующими фактами; мы старались прослѣдить эволюцію его, открывая изслѣдованіе съ первыхъ началъ общественно—политической жизни, чтобы опредѣлить тѣ реальныя силы, которыя способствовали возникновенію тѣхъ или другихъ явленій въ странѣ, ихъ относительный ростъ, силу, взаимодѣйствіе и проч. Безъ знанія этихъ основныхъ началъ народной жизни, по нашему мнѣнію, врядъ-ли возможно болѣе или менѣе правильное пониманіе и послѣдующихъ стадій ея.

Вотъ тѣ задачи, которыя мы поставили себѣ цѣлью при изложеніи исторіи Переяславльской земли,

Конечно, мы не считаемъ нашу работу по части историческаго изслѣдованія удѣльно-вѣчевого періода указанной земли вполнѣ законченной. Мы смотримъ на нашъ трудъ какъ на первый камень, положенный въ основу того зданія, воздвигать которое возможно трудами, любовью и заботами многихъ работниковъ.

Во второмъ изданіи нашей работы мы сдѣлали кое-какія измѣненія, исправленія и дополненія, согласно указаніямъ компетентной критики, которой считаемъ долгомъ выразить нашу искреннюю благодарность.

Василій Ляскоронскій.



часто отклонялись въ сторону, останавливаясь на описаніи событій Кіевской или же Черниговской земли. Поступая такъ, мы имѣли, конечно, для этого свои основанія. Описывая какую либо область въ историческомъ отношеніи и полагая необходимымъ при передачѣ историческихъ фактовъ указывать и на связь этихъ фактовъ другъ съ другомъ и съ частнымъ и общимъ теченіемъ жизни народной, мы не считали возможнымъ упускать изъ вида и отношеній описываемой страны къ сосѣдямъ, особенно къ тѣмъ, которые имѣли къ ней постоянное и непосредственное отношеніе, настолько тѣсное, что долгое время въ общественно-политической жизни этихъ странъ чувствовалось унисонное біеніе пульса народной жизни, и нарушеніе ея въ одномъ мѣстѣ тотчасъ же отражалось и въ другомъ. Само собою разумѣется, что разсмотрѣніе такихъ взаимоотношеній составляетъ одно изъ условій научной разработки исторіи, безъ чего послѣдняя много потеряла бы въ своей полнотѣ и обстоятельности. Не даромъ наши почтенные историки, какъ напр., Бестужевъ-Рюминъ, Костомаровъ и пр., считали необходимымъ при историческомъ изученіи того или иного края Русской земли обращать вниманіе не только на окружающія земли, но и выяснять его отношеніе къ аренѣ всемірной исторіи. Если эта точка вѣрна и справедлива, то, конечно, и наши небольшія отступленія въ сторону Кіевской и Черниговской земель не только не лишни, но даже необходимы.

Изучая общественно-политическія явленія Переяславльской земли въ связи съ близлежащими областями, мы отмѣчали, какое вліяніе производили въ этомъ отношеніи экономическія условія, весьма часто являвшіяся одной изъ главныхъ причинъ междуземельныхъ столкновеній и продолжительной и упорной борьбы между князьями. Междукняжескія и междуплеменныя столкновенія такимъ образомъ были отраженіемъ столкновеній на экономической почвѣ: въ этихъ столкновеніяхъ по большей части проглядывала роковая необходимость для той или другой земли отстоять свое колеблющееся положеніе и сохранить общеніе съ тѣми культурными странами, которыя давали странѣ возможность сохранить и увеличивать свое духовное и матеріальное благосостояніе.

Разсматривая историко-географическое положеніе края, мы указали на существенныя черты его населенія и на серьезную роль его въ дѣлахъ всей Русской земли. Мы отмѣтили также чрезвычайную трудность, а подчасъ даже и трагичность положенія правителей этой многострадальной русской окраины, поставленной лицемъ къ лицу съ вѣчно волновавшимся, вѣчно приливавшимъ съ востока кочевымъ міромъ. Характеризуя населеніе Переяславльской земли и ея князей, мы отмѣчали, въ какой степени междуземельныя отношенія вліяли не отношенія междукняжескія и насколько тонко княжеская политика отражала въ своей дѣятельности всѣ болѣе или менѣе крупныя измѣненія во внутренней и внѣшней дѣятельности страны.

Мы сдѣлали краткій, далеко неполный, вслѣдствіе скудости источниковъ, очеркъ общественно-бытовой обстановки края въ удѣльно-вѣчевой періодъ и его религіозной жизни.

Вообще, мы старались выяснить основныя черты общественнаго и политическаго строя Переяславльской земли въ до монгольскій періодъ и указать на тѣ причины, которыя способствовали разложенію и упадку существенныхъ сторонъ ея жизни. Мы основывали свои выводы на первоисточникахъ, но не слѣпо довѣряя имъ, а принимая ихъ только послѣ тщательной провѣрки и освѣщенія ихъ помощью науки. Тѣ же научныя требо-

частью на свидѣтельствахъ арабскихъ писателей, частью на основаніи археологическаго матеріала, правда, не особенно значительнаго, по количеству, но все же настолько достаточнаго, чтобы можно было убѣдиться въ существованіи упомянутой торговли въ описываемой землѣ. Для большей убѣдительности нашихъ выводовъ въ этомъ отношеніи мы сдѣлали очеркъ наиболѣе крупныхъ находокъ арабскихъ монетъ въ сосѣднихъ губерніяхъ, имѣвшихъ тѣсную географическую связь съ Переяславльской землей. Раскопки послѣдняго времени, предпринятыя предварительнымъ комитетомъ по устройству археологическаго съѣзда въ Харьковѣ, вполнѣ подтвердили наши положенія.

Въ описаніи торговыхъ сношеній мы слѣдили за преемственной смѣной таковыхъ съ древнѣйшихъ временъ: этимъ, по нашему мнѣнію, можетъ выясниться болѣе или менѣе прочно неугасавшая осѣдлость страны, умѣвшая приспособляться въ укромныхъ мѣстахъ ко всевозможнымъ перипетіямъ на пути своей исторической жизни.

Историко-топографическія данныя края мы изслѣдовали болѣе или менѣе подробно и съ соблюденіемъ требуемыхъ наукой условій. Поэтому, мы обосновывали свои выводы въ этомъ отношеніи не на одномъ лишь звуковомъ сходствѣ названій, но принимали во вниманіе какъ общій характеръ мѣстности края, такъ и положеніе, роль и условія послѣдней въ тотъ или другой періодъ времени. Только послѣ тщательной провѣрки лѣтописныхъ извѣстій о тѣхъ или другихъ населенныхъ пунктахъ и сопоставленія ихъ съ топографическими данными позднѣйшаго времени, а также личнаго посѣщенія большинства древнѣйшихъ поселеній края, мы рѣшались дѣлать болѣе или менѣе опредѣленные выводы о той или другой мѣстности или ея поселеніяхъ. Необходимо при этомъ прибавить, что изданные археографич. коммиссіями и другими учеными обществами документы, а также географическіе карты и атласы южной Руси XVI, XVII и XVIII вв., изученные нами за границей, весьма много помогли намъ въ дѣлѣ историко-топографическихъ изслѣдованій Переяславльской территоріи.

Касаясь вопроса безчисленныхъ столкновеній юго-восточной окраины Руси съ кочевымъ міромъ, мы старались отмѣтить болѣе или менѣе крупные изъ нихъ и указать наиболѣе опасные боевые пункты края, на которые имѣли обыкновеніе нападать степняки. Въ соотвѣтствіи съ этимъ мы сдѣлали очеркъ оборонительныхъ средствъ Переяславльской земли, заключавшихся какъ въ рядѣ крѣпостей на пограничьѣ со степью, такъ и въ наличной силѣ военныхъ защитниковъ края. Кромѣ того, мы пытались опредѣлить колонизаціонные пункты въ Переяславльской землѣ, занимавшіеся выходцами изъ степей, и очертили роль ихъ въ дѣлѣ защиты края отъ враговъ.

Далѣе, мы старались выяснить тѣ условія, при которыхъ развивалась общественная жизнь въ странѣ и то вліяніе, какое оказывали при этомъ причины экономическія, моральныя и этнографическія; мы старались прослѣдить процессъ развитія политической жизни страны, отмѣчая, насколько то было возможно, тѣ измѣненія и перевороты, которые происходили вслѣдъ за предшествовавшими имъ соціально-экономическими измѣненіями въ странѣ и перемѣнами во взглядахъ и вѣрованіяхъ ея общества. Мы отмѣчали и тѣ вліянія, которыя производили на южную Русь не только близлежащія земли, но и отдаленныя культурныя области, имѣвшія общія точки соприкосновенія съ южной Русью. Мы не согласны такимъ образомъ съ нашими критиками, которые упрекали насъ за то, что мы, поставивъ своей задачей исторію Переяславльской земли,

болѣе или менѣе широкія связи, странахъ, чтобы исключить такимъ образомъ возможность считать такія находки случайными. Приводя археологическія данныя, мы не ограничивались только простымъ фактическимъ указаніемъ на ту или другую находку, а старались поставить ихъ во взаимную связь и намѣтить, по возможности, частныя и общія теченія жизни края. Поэтому, въ связи съ археологическимъ матеріаломъ, мы помѣстили и краткій обзоръ смѣны населенія края съ древнѣйшихъ временъ. Мы старались отмѣтить въ этомъ отношеніи малѣйшія указанія на такія смѣны, такъ какъ онѣ по нашему мнѣнію, весьма много могутъ способствовать намъ уясненію основнаго характера осѣдавшаго въ странѣ населенія. Передавая письменныя свидѣтельства по данному вопросу, мы считали необходимымъ представить обзоръ земляныхъ сооруженій, постепенно воздвигаемыхъ населеніемъ страны съ цѣлью защиты ея отъ враговъ. Поэтому, въ нашей книгѣ отведено соотвѣтствующее мѣсто описанію городищъ и длинныхъ валовъ края.

При изслѣдованіи вопроса о торговыхъ путяхъ южной Руси, мы отмѣтили направленіе наиболѣе крупныхъ изъ нихъ и указали, каково было судоходство въ южной Руси въ древнія времена. Сообщая о послѣднемъ, мы никакъ не могли согласиться съ мнѣніемъ проф. Голубовскаго объ обширности судоходства въ Переяславльской землѣ по всѣмъ рѣкамъ ея. Проф. Голубовскій считаетъ, что въ древности крупныя суда плавали даже по незначительнымъ рѣкамъ днѣпровскаго лѣвобережья, а г. Тихомировъ убѣжденъ въ этомъ какъ въ непреложной истинѣ. Къ сожалѣнію, наивная вѣра въ столь обширное судоходство въ южной Руси въ древнее время должна уступить болѣе правдоподобнымъ, болѣе отвѣчающимъ научнымъ требованіямъ объясненіямъ этого явленія, сдѣланнымъ нашими учеными естествоиспытателями (проф. Докучаевъ, Гуровъ, Красновъ и пр.). Послѣдніе, занимаясь столь мудреными для г. Тихомирова вопросами объ элювіѣ, дилювіѣ, пліоценѣ и пр. на территоріи Южной Россіи, коснулись между прочимъ и пресловутаго вопроса объ обширности судоходства въ указанной странѣ въ древнее время. Рядомъ убѣдительныхъ доводовъ эти ученые доказали, что по мелкимъ рѣкамъ края столь обширнаго судоходства, какъ о томъ полагали раньше, не могло существовать, а, слѣдовательно, его тамъ никогда и не было. Вполнѣ раздѣляя это мнѣніе относительно мелкихъ рѣкъ, мы, тѣмъ не менѣе, признавали и признаемъ фактъ существованія болѣе или менѣе крупнаго судоходства по крупнымъ рѣкамъ края, и что торговыя и оживленныя сношенія съ отдаленными странами,—куда собственно и плавали такія суда, отправляясь отъ крупныхъ рѣкъ,—безъ всякаго сомнѣнія существовали. Такимъ образомъ, отрицая крупное судоходство по мелкимъ рѣкамъ, мы вовсе не отрицали возможности для древнихъ руссовъ какъ съ правой, такъ и съ лѣвой сторонъ Днѣпра, плавать и въ Крымъ, и въ Пафлагонію, но только „отправляясь отъ крупныхъ рѣкъ“, такихъ, напр., какъ Днѣпръ, омывавшій предѣлы Переяславльской земли на протяженіи 250 или же 300 верстъ, но никакъ не отъ мелкихъ рѣченокъ, достигающихъ всего только нѣсколькихъ десятковъ верстъ всей своей длины.

Описывая торговые пути съ древнѣйшихъ временъ, мы остановились нѣсколько подробнѣе и на арабской торговлѣ, насколько она имѣла отношенія къ Южной Руси вообще и Переяславльской землѣ, въ частности. Мы были не согласны въ этомъ отношеніи съ г. Голубовскимъ, который отрицатательно относился къ торговымъ сношеніямъ арабовъ съ южной Русью. Мы строили свои выводы относительно даннаго вопроса

скій складъ страны, игнорировать эти вопросы врядъ-ли удобно. Мы, напримѣръ, знаемъ, что стратиграфія страны весьма много можетъ помочь намъ въ дѣлѣ выясненія вопроса о томъ или другомъ характерѣ мѣстности за болѣе или менѣе продолжительный періодъ времени. А вопросъ о томъ, была-ли страна издавна покрыта лѣсомъ или же она была отвѣка степью—только и можетъ быть разрѣшенъ болѣе или менѣе точно при помощи геологіи. Далѣе, геологія оказываетъ, кромѣ того, еще весьма важную услугу и историку, помогая ему въ опредѣленіи давности пребыванія человѣка на данной территоріи. Указывая на возможный предѣлъ существованія человѣка въ тотъ или другой геологическій періодъ времени, геологія помогаетъ намъ и въ опредѣленіи района, могущаго быть мѣстообиталищемъ человѣка въ отдаленные вѣками періоды времени, а это, полагаемъ, далеко не лишне для историка, избавляя его отъ напраснаго исканія признаковъ человѣческой жизни тамъ, гдѣ ея не могло быть. Слѣдовательно, вопросы о третичномъ, четвертичномъ и проч. періодахъ, пліоценѣ, міоценѣ, ледниковомъ періодѣ, диллювіѣ, аллювіѣ и проч.—вопросы не только не лишніе, но крайне важные и, потому, необходимые при научномъ изученіи страны. Мы были поэтому нѣсколько изумлены, когда во время нашего диспута услыхали отъ представителя каѳедры русской исторіи въ кіевскомъ университетѣ, проф. Голубовскаго, о ненужности для исторіи этихъ вопросовъ и о томъ, что глава, трактующая о геологіи страны, могла быть пропущена безъ ущерба для дѣла. Конечно, мы ничуть не удивились недоумѣнію въ этихъ вопросахъ нашего критика, г. Тихомирова, который никакъ не могъ понять, зачѣмъ это въ исторической книжкѣ приведены такія мудреныя слова, какъ диллювій, аллювій, міоценъ, пліоценъ, ледниковая эпоха, четвертичный періодъ и проч. Г. Тихомировъ—критикъ заурядный, мало извѣстный по этой части въ исторической литературѣ; слѣдовательно, его ошибки, его непониманіе, а отсюда и недоумѣніе—вполнѣ понятны. Но отрицательное отношеніе представителя университетской науки къ вопросамъ геологіи для для насъ является не вполнѣ понятнымъ. Поэтому, не считая возможнымъ согласиться съ мнѣніемъ г. Голубовскаго по данному вопросу, мы, выпуская въ свѣтъ второе изданіе нашей книги, все таки сочли умѣстнымъ вновь помѣстить геологическій очеркъ страны, опираясь, съ одной стороны, на вышеизложенные наши доводы на этотъ счетъ, а съ другой—на отзывы многихъ лицъ, читавшихъ нашу работу и нашедшихъ геологическій очеркъ края не только не лишнимъ, но вполнѣ умѣстнымъ и необходимымъ.

Разсматривая географическія условія днѣпровскаго лѣвобережья, мы старались отмѣтить все то, что придавало болѣе или менѣе своеобразный оттѣнокъ описываемой территоріи и оказывало вліяніе на историческія судьбы ея. Данныя археологіи, съ каждымъ годомъ становящіяся все болѣе обильными и цѣнными для науки, дали намъ возможность констатировать существованіе населенія въ описываемомъ краѣ съ древнѣйшихъ временъ и отмѣтить его значительныя торговыя связи не только съ окружающими землями, но и съ болѣе или менѣе отдаленными странами древняго міра. Особенно интересны и цѣнны въ этомъ отношеніи нумизматическія находки, позволяющія намъ слѣдить не только за направленіемъ торговыхъ путей, но и за группировкой населенія въ той или другой мѣстности Русской земли. Для большей убѣдительности и вѣскости нашихъ выводовъ въ этомъ отношеніи, мы сочли умѣстнымъ указать на такія находки не только въ данной территоріи, но и въ окрестныхъ, имѣвшихъ съ нею

полнить ихъ въ то время не было возможности. Такъ, г. Голубовскій, выпуская въ свѣтъ свою „Исторію Сѣверской Земли“, откровенно сознается, что вслѣдствіе недостатка времени, научныхъ средствъ и пособій, онъ долженъ былъ поневолѣ сдѣлать нѣсколько весьма важныхъ пробѣловъ, изъ которыхъ наиболѣе крупными являются—историко-топографическое изслѣдованіе страны, ея религіозный бытъ и бытъ семейный. Конечно, упомянутые авторомъ пробѣлы, которыхъ онъ не могъ заполнить, не были единственными: историческая наука выдвигала все новые и новые вопросы, требовавшіе детальной разработки и посильнаго для себя объясненія. Появившійся вслѣдъ затѣмъ новый трудъ пр. Д. И. Багалѣя по исторіи Сѣверской земли значительно пополнилъ указанные недостатки, но и онъ, конечно, не могъ дать подробныхъ и удовлетворительныхъ отвѣтовъ по нѣкоторымъ существеннымъ вопросамъ страны. Желаніе нѣсколько поправить дѣло въ этомъ отношеніи вызвало новую работу г. Голубовскаго, посвященную разработкѣ исторіи южно-русскихъ степей и ихъ отношенія къ русскимъ пограничнымъ со степью окраинамъ.

Признавая всю настоятельность и необходимость такой детальной и подробной разработки отдѣльныхъ вопросовъ, мы пришли къ выводу, что если поставленная и болѣе или менѣе удовлетворительно разрѣшенная задача, выясняющая взаимноотношеніе степняковъ къ русской землѣ, имѣетъ значеніе для исторической науки, то въ такой же степени необходимо и важно выясненіе положенія и роли южно-русскихъ окраинъ, въ ихъ отношеніяхъ не только къ степнякамъ, но и къ другимъ южно-русскимъ землямъ. Это и составляетъ цѣль нашей работы, посвященной изслѣдованію одной изъ такихъ окраинъ, Переяславльской земли, расположенной у порога степей и съ незапамятныхъ временъ принимавшей на себя безчисленные удары кочевого міра съ востока.

Мы задались цѣлью болѣе или менѣе подробно изслѣдовать Переяславльскую землю въ археологическомъ, географическомъ, историко-топографическомъ, политическомъ и соціально-экономическомъ отношеніяхъ. Само собой разумѣется, что при географическомъ обозрѣніи Переяславльской земли намъ пришлось коснуться и геологическаго строенія ея, насколько то было необходимо для выясненія вопроса о пребываніи въ ней человѣка въ отдаленную эпоху и для разрѣшенія вопросовъ, относящихся къ гидрографіи и флорѣ упомянутаго края. Считаемъ необходимымъ при этомъ прибавить, что, разсматривая Переяславльскую землю въ геологическомъ отношеніи, мы старались представить главные, существенные выводы этой науки относительно указанной территоріи. Конечно, вопросъ о томъ, что считать главнымъ и существеннымъ—крайне растяжимъ. Мы, напримѣръ, считали умѣстнымъ и необходимымъ изъ огромныхъ, въ тысячу и болѣе страницъ, сочиненій, посвященныхъ этому вопросу, сдѣлать извлеченіе на 10 или 15 страницахъ, не болѣе; намъ казалось, что такое извлеченіе, принимая во вниманіе необходимость разъясненія тѣсно связанныхъ съ геологіей вопросовъ края относительно археологіи, гидрографіи и флоры, не можетъ считаться пространнымъ, большимъ. Мы полагали, что если земство той или другой губерніи, интересуясь спеціально экономическими вопросами, считаетъ для себя не только умѣстнымъ, но даже необходимымъ болѣе или менѣе подробное знакомство съ геологическими вопросами края, то научно работающему изслѣдователю, не забывающему, что экономическія стороны края оказывали раньше и въ настоящее время оказываютъ громадное вліяніе на историче-

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Выпуская въ свѣтъ второе изданіе „Исторіи Переяславльской земли съ древнѣйшихъ временъ до половины XIII ст.“, считаемъ необходимымъ сказать по этому поводу нѣсколько словъ.

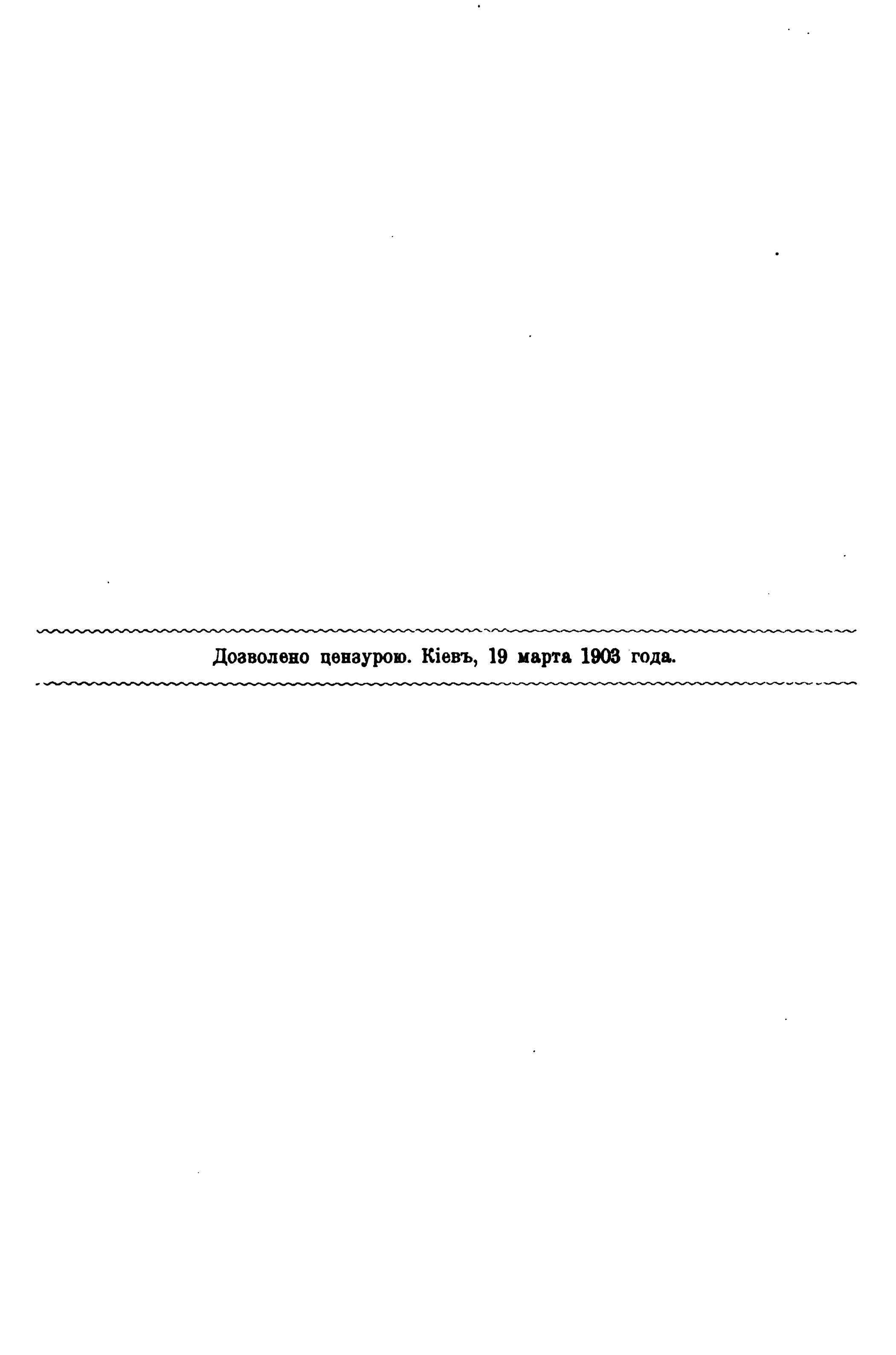
Какъ первое, такъ и второе изданіе нашей работы по данному вопросу является попыткой пополнить тотъ пробѣлъ въ исторической литературѣ, какой существовалъ въ ней относительно вышеназванной земли. Исходя изъ того взгляда, что болѣе или менѣе правильное пониманіе исторической жизни Русской земли, въ ея цѣломъ, возможно только послѣ детальнаго и подробнаго изученія ея составныхъ частей, мы и поставили своей задачей подобное изслѣдованіе Переяславльской земли по возможности съ древнѣйшихъ временъ. Мы исполняемъ такимъ образомъ часть того плана, какой намѣченъ и уже въ значительной степени исполненъ новой исторической школой относительно разработки древняго періода русской исторіи. Нашъ трудъ является такимъ образомъ однимъ изъ звеньевъ въ серіи другихъ трудовъ, посвященныхъ южно-русской исторіи. Въ виду того обстоятельства, что планъ областной разработки русской исторіи возникъ не особенно давно, мы и не имѣемъ предшественниковъ, которые представили бы работу, спеціально посвященную исторіи Переяславльской земли. Правда, нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ касались въ своихъ изслѣдованіяхъ историческаго прошлаго вышеназванной земли, но это дѣлалось не съ такой полнотой и обстоятельностью, какъ то требуется исторической наукой въ настоящее время. Такъ, проф. Багалѣй и Голубовскій въ своихъ трудахъ по исторіи Сѣверской земли, останавливали свое вниманіе и на Переяславльской территоріи, но только отчасти,—постольку, поскольку то было необходимо для выясненія общихъ основъ жизни Сѣверской земли. Оба труда вышеназванныхъ ученыхъ, посвященные историческому обзору судебъ огромнаго района земель, входившихъ нѣкогда въ составъ Сѣверянской территоріи, не могли, конечно, детально останавливаться на каждой изъ составныхъ ея частей въ отдѣльности. Само собой разумѣется, что при такихъ условіяхъ весьма многіе изъ существенныхъ вопросовъ той или другой земли не могли быть подробно разсмотрѣны и изучены. Кромѣ того, условія при которыхъ писалась вышеназванными учеными исторія Сѣверской земли, не были настолько благопріятными, чтобы изслѣдователь могъ воспользоваться во всей полнотѣ всѣми необходимыми научными матеріалами и пособіями. По многимъ вопросамъ существовали пробѣлы и по-

Дорогой памяти

отца и матери

съ глубочайшимъ благоговѣніемъ посвящаетъ

авторъ.



Дозволено цензурою. Кіевъ, 19 марта 1903 года.

ИСТОРІЯ
ПЕРЕЯСЛАВЛЬСКОЙ ЗЕМЛИ

съ древнѣйшихъ временъ до половины XIII столѣтія.

МОНОГРАФІЯ.

Василія Ляскоронскаго.

Изданіе второе.

КІЕВЪ.
Типографія Н. А. Гиричъ, Трехсвятительская улица, домъ № 14.
1903.

г. Харькова къ Рыльску. Пространство къ западу отъ вышеназванной линіи будетъ уже представлять собою вторую террасу, нѣсколько болѣе обширную по величинѣ сравнительно съ предыдущей, но нѣсколько ниже ея по высотѣ. Предѣлы этой второй террасы на западъ можно обозначить линіей, проведенной отъ верховьевъ рр. Остра и Удая—съ устью р. Коломака, впадающаго въ р. Ворсклу съ лѣвой стороны.

Общій характеръ поверхности второй террасы отличается большей равнинностью, сравнительно съ предыдущей. Здѣсь находятся тѣ междурѣчныя плато, которыя такъ характерны для территоріи среднеднѣпровскаго лѣвобережья. Здѣсь расположены значительные по своей величинѣ участки ровныхъ площадей, такъ называемыхъ въ лѣтописи „полей“, т. е. однообразныхъ, степныхъ плоскостей, безъ всякихъ почти возвышенностей на нихъ. Таковъ районъ земель между верховьями рр. Остра, Удая, Ромна и Сейма [1]), таковы степи между Сулой и Псломъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этой террасы,—главнымъ образомъ близъ верхняго теченія рѣкъ и въ промежуткахъ между ними,—встрѣчаются вѣтвистые овраги, балки, долины и пр.; попадаются также и болѣе низкія мѣстности, особенно по теченію рр. Псла и Ворсклы, гдѣ поверхность такихъ низменностей едва достигаетъ 60—70 саж. надъ уровнемъ моря. Отдѣльныя группы возвышенностей, высотою въ 90—100 сажень, изрѣдка попадаются въ предѣлахъ между рр. Хороломъ и Псломъ и въ томъ углу, который образуется между рр. Сулой и Удаемъ, къ сѣверу отъ нижняго теченія послѣдняго.

Къ западу отъ вышеописанной террасы расположенъ еще болѣе пониженный участокъ земли, достигающій высоты 60—80 саж. надъ уровнемъ моря. Западные предѣлы вышеназванной полосы земли могутъ быть очерчены линіей, проведенной между городами: Кобеляки (Полт. г.) и Козельцемъ (Черн. губ.). Характеръ мѣстности этой послѣдней террасы представляетъ уже почти сплошную равнину: частые долины, балки, холмы и пр. здѣсь мало-по-малу стушевываются, исчезаютъ, переходя въ болѣе ровныя, степныя мѣста, кое гдѣ перерѣзанныя ложбинами рѣкъ, текущихъ въ Днѣпръ [2]).

На сѣверной окраинѣ этой террасы, близъ десно-сейменской долины, замѣчается рядъ нѣсколько болѣе приподнятыхъ сравнительно

---

[1]) „И посажа посадникы свои Глѣбъ Гюргевичь по Посемью *за полемъ*, и у Выря“ .... „Слышавше Изяславъ и Ростиславъ, посласта по нихъ (бѣглецовъ), и постигоша *на поли*, и ту взяша ты три города, а нини уидоша“. Ип. л., с. 251—252. См. также Докучаевъ, Матеріалы къ оцѣнѣ земель Полт. губ.

[2]) *А. Тилло.* Главн. выводы, относящ. до орогр. Европ. Россіи. Гипсометрическая карта Россіи—его же.

съ окружающей мѣстностью высотъ, которыя составляютъ собой водораздѣльный кряжъ для рѣкъ, расходящихся въ противоположныя стороны и впадающихъ въ Днѣпръ и въ Десну; таковы: Супой, Трубежъ, Недра—съ одной стороны, и затѣмъ: Остеръ, Борзна, Вырь и пр.—съ другой. Начало этого кряжа теряется въ окрестностяхъ г. Суджи, откуда онъ идетъ полосой на западъ, суживаясь, прерываясь и понижаясь чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше. Отдѣльные, разорванные куски вышеназваннаго кряжа, безъ труда могутъ быть прослѣжены близъ Днѣпра, гдѣ они являются въ видѣ небольшихъ по высотѣ и пространству возвышенностей [1]).

Къ западу отъ послѣдней террасы, вплоть до самой Днѣпровской долины, мѣстность принимаетъ характеръ сплошныхъ пониженныхъ участковъ земли, саж. въ 50—60 высоты, среди которыхъ попадаются, небольшими группами, незначительныя возвышенія, теряющіяся въ общей массѣ низменныхъ плоскостей, наполняющихъ собою все пространство между послѣдней террасой и долиной Днѣпра [2]). Чѣмъ ближе къ Днѣпру, тѣмъ мѣстность становится все болѣе и болѣе ровной, плоской, обращаясь мало по малу въ сплошную, открытую равнину, лишь изрѣдка перерѣзанную долинами небольшихъ рѣчекъ и ручьевъ или же овраговъ [3]). Верстъ за 20 отъ Днѣпра, плоская равнина эта оканчивается уступомъ, представляющимъ собой края днѣпровской долины, вырытой нѣкогда могучими водами великой рѣки. Въ общемъ эта наиболѣе близкая къ днѣпровской долинѣ мѣстность Переяславльской земли поднимается приблизительно саженей на 50 надъ уровнемъ моря [4]). Абсолютная высота днѣпровской долины надъ уровнемъ моря едва достигаетъ въ иныхъ мѣстахъ 30 саженъ [5]). Исключенія въ видѣ немного болѣе приподнятыхъ возвышенностей, нѣсколько пестрящихъ эту однообразную равнину, относятся частью къ высотамъ, расположеннымъ по берегамъ рр. Сулы, Хорола, Псла, Ворсклы и пр., частью—къ возвышенностямъ, идущимъ неподалеку отъ р. Днѣпра. Наиболѣе низменною частью Переяславльской земли сравнительно съ другими его отдѣлами, можетъ считаться западный уголъ ея, который вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе извѣстенъ въ историческомъ отношеніи. Въ этой мѣстности, во многихъ мѣстахъ, еще и до сихъ поръ находятся пониженныя пространства съ несомнѣнными

---

[1]) А. Тилло opera citata; Списки насел. мѣстъ Полт. губ., с. VII.

[2]) Докучаевъ Наши степи прежде и теперь, с. 31: Списки насел. мѣстъ. Полт. губ., с. VII. Гипсометр. карта А. Тилло.

[3]) Ibidem.

[4]) Докучаевъ. Наши степи прежде и теперь, с. 31; Списки населенныхъ мѣстъ. Полтав. губ., с. VII.

[5]) Ibidem.

признаками бывшихъ здѣсь нѣкогда болотъ, площадь которыхъ въ настоящее время покрыта торфомъ [1]).

Такимъ образомъ, Переяславльская земля представляетъ собой обширную равнину съ замѣчательно постепеннымъ террасообразнымъ пониженіемъ съ сѣверо-востока на юго-западъ. Постепенное пониженіе страны съ востока на западъ было причиной, обусловливающей собой направленіе рѣкъ и рѣчныхъ долинъ этого края, а также—множества болотъ, какъ нынѣ существующихъ, такъ и бывшихъ здѣсь раньше; длинная сторона этихъ болотъ всегда почти направляется по линіи общаго уклона страны [2]).

Для того, чтобы понять, почему переяславльская территорія получила такой именно характеръ устройства своей поверхности, необходимо обратиться къ разсмотрѣнію процессовъ, происходившихъ въ отдаленныя отъ насъ эпохи, процессовъ, чрезвычайно сильно отражавшихъ свою дѣятельность на общемъ рельефѣ страны. Мы должны прибѣгнуть къ помощи геологіи, которая своими изслѣдованіями чрезвычайно помогаетъ географическимъ и историческимъ работамъ. Геологическія изслѣдованія, произведенныя строго-научнымъ путемъ, весьма много способствуютъ надлежащему пониманію природы страны и тѣхъ или другихъ ея особенностей. Исторія должна все это принимать во вниманіе и пользоваться главными, существенными выводами геологіи. О необходимости геологическихъ данныхъ для археологіи мы говорить не будемъ—они уже давно признаны, и ни одинъ ученый археологъ въ настоящее время не можетъ обойтись безъ помощи этой науки.

Обширная площадь земли къ востоку отъ средняго теченія р. Днѣпра, въ давнія, отдаленныя отъ насъ длиннымъ рядомъ вѣковъ, времена, въ такъ называемую третичную эпоху [3]) и послѣдующіе за-

---

[1]) Гуровъ. Геологич опис. Полтав. губ. Отчетъ Полтав. губ. земства. Харьковъ, 1888 г. с. 483; Семеновъ. Геогр. словарь Рос. имп. Спб. 1873 г. т. IV, с. 172.

[2]) Гуровъ, с. 858. Семеновъ. Геогр. словарь Рос. имп., т. IV, с. 172, 173. Образованіе болотъ въ Переяславльскомъ, Золотоношскомъ и Пирятинскомъ уѣздахъ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что долины рѣкъ и рѣчекъ этихъ уѣздовъ были постепенно заносимы лессовиднымъ суглинкомъ, который почти непроницаемъ для воды. Въ своемъ мѣстѣ будутъ указаны нами и другія мѣста на территоріи Переяславльскаго княжества, отличающіяся чрезвычайно болотистымъ характеромъ. Мы постараемся также выяснить и роль такихъ болотъ для населенія края въ древнее время.

[3]) Въ наукѣ подъ именемъ третичной эпохи обыкновенно разумѣется та эпоха, которая наступила непосредственно, послѣ отложенія мѣла. Съ концомъ третичной эпохи совпадаетъ такъ называемый ледниковый періодъ, когда значительная часть земной поверхности была покрыта сплошнымъ ледянымъ покровомъ. Что касается встрѣчаю-

тѣмъ періоды, подвергалась крупнымъ, стихійнымъ переворотамъ, типично и рѣзко отразившимся какъ на устройствѣ поверхности страны, такъ и на внутреннемъ строеніи послѣдней. По изслѣдованіямъ ученыхъ, съ конца мезозойскаго (вторичной эпохи) періода море надвигалось съ СВ на ЮЗ Европы и съ каждымъ отдѣломъ третичной эпохи захватывало все большую и большую площадь суши днѣпровскаго кристаллическаго плато, что доказывается сходствомъ по своему составу (кремнезему и глинезему) находящихся въ третичн. слояхъ породъ (мергель) съ современнымъ сѣрымъ или переходнымъ океаническимъ иломъ, пока въ концѣ третичной эпохи не наступило обратное явленіе — осушеніе площади вслѣдствіе ея поднятія. Въ каждый изъ такихъ періодовъ происходило соотвѣтственное отложеніе третичныхъ слоевъ. Вслѣдствіе частаго заимствованія верхними пластами своихъ слоевъ изъ нижнихъ, подвергавшихся сильнымъ размывамъ отъ постепеннаго разростанія въ третичную эпоху площади моря, расположеніе третичныхъ слоевъ не вездѣ бываетъ рѣзко отдѣлено, что и составляетъ причину ихъ неясности. Осадки третичной системы, вмѣстѣ съ наносами составляютъ почти сплошной покровъ территоріи Переяславльской земли, обнаруживаясь главнымъ образомъ въ ея рѣчныхъ долинахъ и балкахъ. Третичные пласты Переяславльской земли составляютъ только часть той обширной пло-

---

щихся въ наукѣ названій періодовъ: *четвертичнаго* или *послѣтретичнаго*, то можно сказать, что ихъ подраздѣленія и значеніе въ ряду другихъ геологическихъ эпохъ еще не вполнѣ установлены въ наукѣ. Мы не станемъ приводить здѣсь всѣхъ теорій, высказанныхъ по этому поводу какъ нашими русскими учеными, такъ и заграничными: мы ограничимся только краткимъ изложеніемъ того, къ чему пришли лучшіе знатоки въ этомъ дѣлѣ. Одинъ изъ нашихъ ученыхъ, г. Никитинъ, попытался сдѣлать сводъ мнѣній по этому вопросу. Онъ говоритъ, что въ настоящее время подъ именемъ *четвертичнаго* или *послѣтретичнаго* періода разумѣется періодъ отъ конца пліоцена до нашихъ дней; этотъ періодъ можно раздѣлить на двѣ эпохи: *плейстоценовую*, т. е древнюю, называемую обыкновенно *дилювіальною*, и эпоху *новѣйшую* или *аллювіальную;* конецъ плейстоценовой эпохи характеризуется исчезновеніемъ мамонта, носорога и другихъ громадныхъ млекопитающихъ, нынѣ совершенно изчезнувшихъ изъ предѣловъ Россіи. Это дѣленіе геологами четвертичной эпохи совпадаетъ съ дѣленіями археологовъ, которые установили древнѣйшій періодъ вышеназванной эпохи называть *палеолитическимъ*, а слѣдующій затѣмъ - *неолитическимъ*. Эпоха палеолитическая—это та эпоха, когда человѣкъ жилъ одновременно съ мамонтомъ, зачастую питался мясомъ послѣдняго и употреблялъ для борьбы съ врагами и въ домашнемъ обиходѣ самыя грубыя орудія изъ кремня, кости и камня; неолитическая эпоха характеризуется болѣе совершенными каменными или костяными орудіями, которыя, по большей части, являются уже въ болѣе изящномъ видѣ, съ полированной поверхностью. См. Nikitin, Congrès international d'Archéologie préhistorique et d'Anthropologie. 11 ème session à Moscou, du $^{1}/_{12}$ - $^{8}/_{20}$ août. 1892. Tome I. 1892. p. 2 3 О геологическихъ періодахъ см. Ляйэлль, Руководство къ геологіи, ч. I, с. 124. Gabr. de Mortillet. Formation de la nation francaise, p. 189—259.

щади третичной системы, которая находится между Днѣпромъ и Волгой. Эти пласты, покрытыя сверху валунными отложеніями и лёссомъ, могутъ быть отнесены къ двумъ отдѣламъ: *палеогену* и *неогену*. Первый представляется въ обнаженіяхъ главконитовыми глинами, зелено-сѣрыми рыхлыми песчаниками, голубовато и желтовато-бѣлымъ, мѣлоподобнымъ мергелемъ, и на глубинѣ—сѣрыми песками [1]). Второй выражается: бѣлыми и охристо-желтыми кварцевыми песками, глинистыми, кремнистыми или желѣзистыми песчаниками и, наконецъ,—различно окрашенными вязками глинами (пестрыми глинами) [2]), которыя составляютъ уже материковое (послѣ поднятія изъ воды) прѣсноводное образованіе, выражающее пліоценовую эпоху и эквивалентное понтійскому ярусу южныхъ степей [3]).

---

[1]) Гуровъ, стр. 630—631.

[2]) Гуровъ, стр. 645, 953, 588 и 589.

[3]) Гуровъ, стр. 694. Пліоценъ—верхній ярусъ третичной эпохи. Ляйэлль, ч. I, стр. 138.

[4]) Гуровъ, стр. 589; Борисякъ: Сборн. матер. геол. южн. Россіи, 1867, стр. 124. „Что касается условій образованія палеогенныхъ осадковъ, то самый нижній отдѣлъ его (спондиловый ярусъ) своими показателями—зеленовато-сѣрыми фосфоритовыми песками съ остатками глыбъ и слоевъ кремнистаго или слабо-кварцеваго песчаника, обломками окаменѣлыхъ деревьевъ, прослойками бураго угля, галекъ, фосфорита, белемнитовъ и проч.,—служитъ выраженіемъ мелководья и сильнаго морскаго размыванія прежде образовавшихся верхне-мѣловыхъ осадковъ. Въ мелководныхъ бухтахъ древне-третичнаго моря, ближе къ днѣпровскимъ выступамъ гранитогнейсовъ, отлагались пески съ эоценовыми раковинами, позднѣе получившіе кремнистый или желѣзистый цементъ. Лежащія на основаніи фосфоритовыхъ песковъ синія или зеленыя сланцеватыя, нѣжныя, часто кремнистыя глины, иногда внизу мергелистыя или переходящія въ мѣловой мергель, какъ тонкій осадокъ, должны служить доказательствомъ постепеннаго перехода отъ *глубокаго мѣловаго моря* къ древне-третичному *мелководью*". (Гуровъ, стр. 637).

Средній членъ южно-русскаго палеогена, представленный нѣжно-землистыми, мергелистыми, голубыми глинами, голубыми, голубовато-сѣрыми и бѣлыми мергелями, составляетъ образованіе глубокаго моря. Мѣлоподобный мергель и голубой, по своимъ свойствамъ соотвѣтствующій глобигериновому илу современ. морей, могъ образоваться, судя по аналогіи съ известков. дномъ Атлантическаго океана, на глубинѣ отъ 3000 до 3800 метровъ. (Гуровъ, стр. 637). Другіе изслѣдователи (Гюмбель) считаютъ глубину для образованія подобнаго ила отъ 4500 до 5500 метр. (Гуровъ, с. 607).

Третій, самый верхній слой палеогеннаго осадка, песчано-глинистый, образовался уже на менѣе значительной глубинѣ, нежели предыдущій. Судя по главконитовымъ, зеленовато-сѣрымъ; кремнистымъ и глинистымъ песчаникамъ и главконитовымъ пескамъ и глинамъ, изъ которыхъ первые заключаютъ окаменѣлости фораминиферъ, кремнистые скелеты радіолярій, кремнистые панцыри діатомовыхъ, кремнистыя иглы губокъ и проч., и соотвѣтствуютъ современнымъ океаническимъ радіоляріямъ, отлагающимся на извѣстной глубинѣ въ илѣ Атлантическаго океана, можно полагать, что такія отложенія на днѣ моря образовались на глубинѣ отъ 3000 до 4500 метровъ (Гуровъ, стр 638.). Такимъ образомъ, по изслѣдованіямъ ученыхъ оказывается, что „послѣмѣловое море, бывшее во время отложенія группы фосфоритовыхъ

Подъ именемъ *неогена* разумѣются пласты, залегающіе между палеогеномъ и дилювіальными наносами. Неогенъ характеризуется: a) бѣлыми кварцевыми песками съ желѣзистыми и жерновными песчаниками, и b) пестрыми лѣпными глинами.

„Во время отложенія въ Бессарабіи, Волыни и Подоліи, въ Крыму и на Кавказѣ морскихъ осадковъ средиземнаго яруса міоцена, разсматриваемая полоса южной Россіи составляла сушу. Послѣ этой эпохи мелководное міоценовое море[1], трансгредировало съ юга и покрыло всю южную часть Европейской Россіи, въ томъ числѣ губерніи: Херсонскую, Екатеринославскую, Кіевскую, Полтавскую, Харьковскую, Курскую, Воронежскую и Землю войска Донскаго, исключая нѣкоторыхъ острововъ днѣпровскаго кристаллическаго плато и Донецкаго кряжа. Съ этимъ наступленіемъ моря, конечно, связано было сильное размываніе выступившихъ тогда наружу горныхъ породъ, а въ Полтавской губ.—палеогеноваго яруса, который потерпѣлъ сильное смываніе въ полосѣ, которая намѣчала современную днѣпровскую долину“[2]).

Относительно послѣдующихъ за симъ временъ необходимо замѣтить, что на территоріи Переяславльской земли обнаруживается сильное развитіе покровныхъ постиліоценовыхъ ледниковыхъ и поледниковыхъ и новѣйшихъ аллювіальныхъ образованій, относящихся къ такъ называемой четвертичной или дилювіальной эпохѣ[3]).

Здѣсь можно различать *три* яруса *дилювіальныхъ образованій:* I) *доледниковый дилювій*, представленный прѣсноводными образованіями и распространенный въ центральной части площади; II) *ледниковый на-*

песчаниковъ, смѣнилось въ срединѣ палеогеннаго времени глубокимъ моремъ, изъ котораго осажденные мергели напоминаютъ собою мѣловые. Подъ конецъ палеогена море начало мелѣть, и осадками явились главконитовыя глинисто-песчаныя породы съ иглами губокъ, и кремнистыми панцырями радіолярій и діатомовыхъ. Обмелѣніе моря, совершившееся передъ отложеніемъ яруса бѣлыхъ песковъ, доказывается прѣсноводными осадками олигоценоваго возраста“. (Гуровъ, стр. 640 и 641).

[1]) Оно характеризуется остатками окаменѣлыхъ деревьевъ, двудольныхъ растеній, сарматскихъ раковинъ, чешуекъ скатовъ и проч. Гуровъ, стр. 671.

[2]) Гуровъ, стр. 641.

[3]) Въ прежнее время дилювіемъ назывался тотъ слой изъ ила и камней, который, по мнѣнію прежнихъ изслѣдователей, произошелъ вслѣдствіе разнаго рода стихійныхъ переворотовъ (урагановъ, бурь, землетрясеній, внезапныхъ поднятій суши въ иныхъ мѣстахъ, дѣйствія ледниковъ и плавающихъ ледяныхъ горъ и пр.), послужившихъ причиной наводненій материковъ и отложеній на нихъ вышеназваннаго слоя или же цѣлаго ряда слоевъ. (Ляйэлль. Руководстве къ геологіи, стр. 181—183. Потомъ, провѣривши факты, пришли къ выводу, что вышеназванный наносъ, извѣстный подъ именемъ дилювія, есть ничто иное, какъ сложный наносъ, произошедшій при содѣйствіи доледниковыхъ прѣсноводныхъ отложеній, ледниковъ и, наконецъ,—послѣледниковыхъ прѣсноводныхъ и атмосферныхъ процессовъ. (Гуровъ, стр. 695—875. *Ляйэлль*, стр. 181—183.

нось—меренныя или валунныя отложенія древняго ледянаго покрова, распространявшагося изъ Скандинавіи и Финляндіи; и III) *послъледниковый ярусъ*, къ которому слѣдуетъ отнести лёссъ и верхніе суглинки и супески, замѣщающіе другъ друга въ горизонтальномъ направленіи.

Первый ярусъ характеризуется прѣсноводными и мергелистыми, обильными углекислой известью глинами, иногда окрашенными водной окисью желѣза въ блѣдно-желтый цвѣтъ; иногда цвѣтъ глины бываетъ свѣтло-голубой и свѣтло-зеленый. Въ этомъ ярусѣ встрѣчаются кремнисто-известковыя конкреціи, зерна кварца, полеваго шпата, серебристо-бѣлой слюды и проч. Этотъ ярусъ прослѣженъ по берегамъ многихъ рѣкъ Полтавской губерніи. Здѣсь были открыты слѣдующія раковины: Limnaeus palustris, Planorbis, Helix, Paludina, щитки осетровыхъ и позвоночныхъ рыбъ, что даетъ основаніе причислять этотъ ярусъ къ четвертичной формаціи [1]). Подъ обыкновенной дилювіальной глиной и лёссомъ залегаютъ въ иныхъ мѣстахъ слои песка съ присутствіемъ въ нихъ прѣсноводныхъ раковинъ, живущихъ въ ближайшихъ рѣкахъ. Эти песчаныя пласты съ прѣсноводными раковинами, обыкновенно прикрыты желто-бурою глиною съ попадающимися въ ней костями мамонта; они лежатъ обыкновенно на третичномъ известнякѣ. Ученые полагаютъ, что передъ ледяной эпохой въ Средней Россіи и близлежащихъ къ ней мѣстахъ происходило образованіе озерныхъ и рѣчныхъ осадковъ, которые, т. е. осадки учеными (Кейльгакъ, Рулье, Никитинъ, Гуровъ и др.) признаны доледниковыми прѣсноводными образованіями [2]).

---

[1]) Гуровъ. стр. 695—710.

[2]) Они образовались въ то время, когда Скандинаво-русскій ледяной покровъ или материковый ледъ не достигалъ еще тѣхъ пунктовъ, куда онъ проникъ впослѣдствіи. Въ это время въ углубленныхъ или прѣсноводныхъ озерахъ осаждались продукты отмучиванія отчасти мѣстнаго матеріала, отчасти сѣвернаго, приносимаго сѣверными мутными ледниковыми водами во время обтаиванія ихъ въ лѣтнее время. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ процессѣ Гуровъ. „Во время отложенія понтійскаго известняка происходили сильная атмосферная денудація и дилювіальный процессы на обнаженной сушѣ юга Россіи. За этимъ уже слѣдовало отложеніе прѣсноводныхъ осадковъ, подстилающихъ въ Полтавской губ. валунныя (моренныя) образованія. При начинавшемся надвиганіи съ сѣвера обширнаго Скандинаво-финляндскаго ледника, которое, безъ сомнѣнія, совершалось медленно, ледниковыя воды выносили изъ основной морены тонкій илъ вмѣстѣ съ продуктами мѣстнаго размыванія въ видѣ слоистыхъ осадковъ въ широкихъ и плоскихъ рѣчныхъ долинахъ и озерахъ средней и южной частей Россіи, куда еще не достигалъ южный край ледянаго покрова. При дальнѣйшемъ движеніи къ югу и югу-востоку разроставшагося ледника, послѣдній покрылъ эти прѣсноводные осадки своей основной мореной въ среднихъ губерніяхъ Европейской Россіи, а также въ Черниговской и Полтавской губ. Вотъ почему эти валунные пласты не только покрыты валунными отложеніями, но даже—искаженными внѣдренія-

Второй отдѣлъ —это *ледниковый наносъ.* По изслѣдованіямъ ученыхъ, весь тотъ районъ лѣвобережнаго Приднѣпровья, который по высотѣ не превосходитъ 80 саженъ надъ уровнемъ моря, въ потретичный періодъ былъ покрытъ мощнымъ покровомъ такъ называемаго *Скандинаво-русскаго* ледника[1]). Въ этотъ отдѣлъ относятся находящіеся во многихъ мѣстахъ на площади Полтавской губ. такъ называемыя *дилювіальныя валунныя отложенія,* въ которыхъ заключаются обломки гор-

ми валунныхъ массъ. Поднятіе и осушеніе площади южной Россіи продолжалось во время образованія нижнедилювіальныхъ (доледниковыхъ) *прѣсноводныхъ пластовъ,* которые, показывая иногда смѣшанную рѣчную и моренную фауну, лежатъ высоко надъ уровнемъ моря (напр., возлѣ Таганрога). При объясненіи образованія этихъ осадковъ на площади Полтав. губ., необходимо допустить, что нынѣшнія рѣки - Пселъ съ Хороломъ и Сула съ Удаемъ, не имѣвшія такихъ углубленныхъ долинъ и руслъ, подпираемыя водами Днѣпра, разливались на обширное пространство въ равнинной и плоской мѣстности, образовавъ огромныя прѣсноводныя озера, въ которыхъ и совершали отложеніе сильно отмученные мергельные осадки, отличающіеся тонкою слоистостью, свойственною нынѣшнимъ озернымъ и долиннымъ образованіямъ. Явленіе обширныхъ разливовъ (для Полтав. губ.) въ доледниковую эпоху совершалось также, какъ нерѣдко и въ позднѣйшій (послѣледниковый) періодъ случались широкіе разливы и развивались огромныя аллювіальныя площади при сліяніи двухъ или нѣсколькихъ крупныхъ рѣкъ. Болѣе возвышенная полоса Полтавск. губ., въ сѣв. вост. части ея, представляемая Зеньковскимъ, Полтавскимъ и Константиноградскимъ уѣздами, оставалась въ то время непокрытою указанными разливами или озерными водами. Такимъ образомъ, въ то время, когда въ Арало-Каспійскомъ бассейнѣ продолжалось отложеніе моренныхъ осадковъ каспійской формаціи (Арало-Каспійск. осадки, *Морчисонъ*) на материкѣ южной Россіи образовались прѣсноводные осадки древняго постъ-пліоценоваго времени, которые поэтому нужно считать материковой прѣсноводной фаціей новѣйшей каспійскій формаціи, развитой на юго-востокѣ Россіи". (Гуровъ, стр. 713—715).

[1]) *Скандинаво-русскій ледникъ,* появленіе котораго обусловливалось, какъ мы видѣли, значительно большимъ райономъ древнихъ морей, далеко заходившихъ вглубь нынѣшнихъ причерноморскихъ степей и дававшихъ собой обильное количество водныхъ осадковъ, которые и послужили такимъ образомъ источникомъ образованія вышеназваннаго ледника, занималъ огромное пространство земель въ сѣверной, средней и южной Россіи. Въ послѣдней, крайнія, южныя границы его простирались приблизительно отъ верховьевъ р. Стыри Волынской губ., по сѣверной части Херсонской и Екатеринославской губ. и по юго-восточной части Полтавской. Дальнѣйшее направленіе окраинъ ледника шло по сѣверо-западному углу Харьковской губ., откуда оно дугой поворачивало въ предѣлы Воронежской губ., къ г. Павловску, на устье р. Бузулука, затѣмъ граница ледника, поднявшись къ сѣверу, шла уже по направленію къ р. Волгѣ, черезъ р. Медвѣдицу. (Докучаевъ. Наши степи прежде и теперь, стр. 2—6. Гуровъ, стр. 781—782). Такимъ образомъ, при наложеніи на карту ледниковаго района, мы видимъ, что онъ занималъ двѣ полосы земель въ бассейнахъ рр.—Днѣпра и Дона, преимущественно по ихъ лѣвымъ притокамъ. (Ibidem). Южныя границы его выступали къ югу въ видѣ двухъ широкихъ языковъ, которые, согласно своему положенію, названы: западный—Днѣпровскимъ, а восточный—Донскимъ, при чемъ послѣдній былъ градуса на два короче перваго: онъ доходилъ до 50° сѣверной широты. (Ibidem. Гуровъ, стр. 807; Никитинъ говоритъ по этому поводу: La

ныхъ породъ (эрратическіе валуны) сѣвернаго происхожденія и которыя, по способу ихъ образованія, носятъ въ настоящее время названіе *моренного или ледниковаго наноса.*

---

nouvelle édition (de la carte des limites de la répartition de blocs erratiques en Russie) montre un prolongement considérable du glacier vers le sud en deux larges bassins du Dniepre et du Don, les hauters des gouvernement d'Orel et de Koursk servant de barrières qui ont bifurquees la masse du glacier. (Nikitin, Congrès internat. d'Archéologie à Moscou, 1892, p. 6). На границѣ между этими такъ называемыми ледниковыми языками, находилось сравнит. возвышенное плато, служащее въ настоящее время водораздѣломъ между рр. Десной и Днѣпромъ, съ одной стороны, и Окой и собственно Дономъ съ другой. Это плато ученые считаютъ никогда не покрывавшимся льдами. (Докучаевъ. Наши степи прежде и теперь, стр. 6). Другая полоса суши, находившаяся въ такомъ положеніи, какъ вышеназванное днѣпровско-донское плато, простиралась съ сѣвера на югъ, по нынѣшнему правому берегу рѣки Волги, въ губ. Казанской, Саратовской, Пензенской, Симбирской и проч. (Ibidem). Картина занимаемой въ древности на югѣ Россіи ледниковой поверхности можетъ быть весьма ясно прослѣжена на гипсометрической картѣ А. Тилло, гдѣ отчетливо и точно указаны всѣ низменности и возвышенности приднѣпровскаго бассейна земель. (Гипсом. карта А. Тилло. См. 8-й съѣздъ естествоиспыт. и врачей).

Главное направленіе движенія ледниковыхъ массъ, констатированное многочисленными наблюденіями ученыхъ, было съ сѣверо-запада на юго-востокъ, изъ предѣлевъ Скандинавіи, Финляндіи и Олонецкой губ., на юго-востокъ, къ нынѣ степнымъ участкамъ земель, а оттуда далѣе на югъ, къ Черному морю, куда стекали не только донской и днѣпровскій ледниковые потоки, но, быть можетъ, и днѣстровско-бугскій. (Докучаевъ. Наши степи прежде и теперь, стр. 26). Въ своемъ движеніи, которое длилось цѣлыя десятки тысячелѣтій, Скандинаво русскій ледникъ производилъ тысячи видоизмѣненій, какъ со встрѣчающимися по пути материками, такъ и съ тѣми, по которымъ онъ двигался. Съ одной стороны, ледникъ подвергалъ процессу разрушенія, измельченія, изборожденія, исцарапыванія острыми краями, шлифованія и проч., множество горныхъ породъ, какія встрѣчались ему на пути, съ другой—физическіе и химическіе процессы, дѣйствовавшіе, безъ всякаго сомнѣнія, непрерывно, разрушали (вывѣтривали, окисляли, разбивали и проч.) горныя породы. Отсюда, благодаря вышеназваннымъ условіямъ, въ результатѣ ледниковой дѣятельности получились разнообразнѣйшіе продукты послѣдней: каменные обломки, округленные иногда отшлифованные валуны, щебень, гальки, крупно-зернистые пески, грубыя глины (краснобурыя и другія, идущія на кирпичи и посуду), бѣлые пески, илъ, суспензированный нѣкогда въ ледниковыхъ водахъ и подобный современному ледниковому илу, и, наконецъ,—разнообразныя, углекислыя, сѣрнокислыя, хлористыя и, иныя соли (Докучаевъ. Наши степи, стр 6—7). Понятно, благодаря тому, что дѣятельность ледниковаго процесса имѣла направленіе съ сѣверо-запада на юго-востокъ, въ этомъ направленіи группируются и матеріалы, подвергавшіеся дѣятельности ледниковъ, при чемъ замѣчено, что предметы болѣе грубые, трудно передвигаемые и менѣе разрушаемые, остались по большей части на сѣверѣ и сѣверо-западѣ, въ мѣстахъ, гдѣ начиналась дѣятельность скандинаво-русскаго ледника, между тѣмъ, какъ предметы болѣе мелкіе, болѣе легкіе и тонкіе, подвергавшіеся дѣйствію воды и движенія льдовъ, переносились далѣе на югъ, выходя иногда даже за предѣлы ледниковаго покрова. (Докучаевъ. Наши степи прежде и теперь, стр. 7, 8 9 и 10). Нельзя,

Валунныя отложенія въ Полтав. губ., по мнѣнію ученыхъ (Ѳеофилактовъ и Докучаевъ), состоятъ изъ двухъ пластовъ, раздѣленныхъ лёссомъ; одни изъ валуновъ сѣвернаго происхожденія, другіе—мѣстнаго. Валунный ярусъ представляетъ переходъ глинистыхъ породъ въ песчанистыя и щебневыя. Представителемъ этого яруса является *ва-*

однако, провести строгихъ границъ для полосъ того или иного ледниковаго образованія, т. к. онѣ несомнѣнно сливаются одна съ другой, составляя постепенный переходъ отъ одного къ другому, при чемъ эта постепенность чѣмъ дальше, тѣмъ проявляется больше и больше. Въ верхнемъ сѣверо-западномъ районѣ дѣйствій ледника, занимавшемъ почти весь сѣверъ Россіи, находится множество валунныхъ полей, заполненныя гравіемъ, грубыми песками, валунами, щебнемъ и пр. Здѣсь также много озеръ и болотъ. Въ слѣдующей полосѣ Россіи (полосѣ непосредственно примыкавшей къ предшествовавшему отдѣлу скандинаво-русскаго ледника) по теченію р. Волги (Ярославская, Костромская, Владимірская, Московская, Могилевская, Смоленская и другія губер.) идутъ поверхъ маломощные валунные пески, затѣмъ—грубыя, сильно песчанистыя глины со множествомъ сѣверныхъ эрратическихъ камней, характерныхъ своею округленностью, шлифовкою и царапинами (Гуровъ, стр. 343), и, наконецъ, пески съ валунно-галечной подстилкой въ основаніи. (Докучаевъ. Наши степи, стр. 10). Въ нижнемъ, послѣднемъ отдѣлѣ отложеній скандинаво-русскаго ледника, идутъ двѣ смежныя полосы, правда сильно изорванныя въ своемъ протяженіи: ихъ обыкновенно относятъ къ четвертичнымъ образованіямъ, содержащимъ въ себѣ моренныя залежи (dépôts morainiques), богатыя то глиной, то различнаго рода горными породами, смѣщенными и перенесенными водой, которая отняла у нихъ песокъ и глину (Congrès internat. d'Archéologie préhistorique et d'Antropol. Moscou. 1892. Trav. Nikitin, p. 36). Одна изъ этихъ полосъ, сѣверная, это полоса валуннаго суглинка, южные предѣлы котораго занимаютъ части Орловской и Черниговской губерній и далѣе на западъ: вторая полоса, южная,—идетъ по южной границѣ черноземной полосы, иногда даже переступая ее и вдаваясь вглубь, за предѣлы бывшаго ледника: это—полоса однороднаго, весьма характернаго ледниковаго лёсса, тонкозернистаго, пористаго, свѣтло-желтаго цвѣта (Гуровъ и Докучаевъ, стр. 10 и слѣд.). Подобный лёссъ обусловливаетъ собою плодородіе весьма многихъ мѣстъ, какъ Европы, такъ и Азіи (Россія, Китай и проч.). Обыкновенно онъ состоитъ изъ 2 частей: верхней, котораго фауна исключительно земная, и нижней, содержащей остатки моллюсковъ наземныхъ и воднаго характера. (Congrès intern. d'Archéol. 1892. Статья Никитина, p. 30). Составъ этого лёсса, по своему строенію, состоитъ обыкновенно изъ мельчайшихъ составныхъ частицъ, какъ-то: изъ зеренъ кварца, глины, углесолей и отчасти извести. (Гуровъ и Докучаевъ, стр 343 и 10–12; Ѳеофилактовъ. Тр. 3-го арх. с. въ Кіевѣ, 1874, стр. 154). Такимъ лёссомъ, толщиною сажня въ 3, сплошь покрыты всѣ водораздѣльныя плато Полтавской губерніи. При чемъ замѣчено, что по мѣрѣ приближенія къ востоку и юго-востоку, лёссъ въ своемъ составѣ заключаетъ болѣе песчаныхъ частицъ, дѣлается какъ бы грубѣе. (Ibidem). Та же песчановатость замѣчается и во всѣхъ почти пологихъ склонахъ къ рѣчнымъ и болотнымъ долинамъ. (Ibidem). Въ лёссѣ встрѣчаются изъ органическихъ остатковъ раковины наземныхъ и полуболотныхъ моллюсковъ, кости степныхъ грызуновъ, затѣмъ кости бобра, мамонта и проч. (Гуровъ, стр. 470).

Южную и восточную границы дѣйствія ледника на югѣ Россіи можно провести отъ г. Владиміра-Волынскаго на Овручъ, откуда она направляется на югъ къ Зве-

лунная глина или валунный суглинокъ съ остатками крупныхъ и мелкихъ эратическихъ валуновъ, которые переходятъ въ валунные пески [1]).

Валунныя отложенія, проникши въ Полт. губ. съ сѣвера, занимаютъ значительную часть ея площади. Южнымъ предѣломъ ихъ рас-

---

нигородкѣ и Кременчугу. Отъ г. Кобелякъ граница поднимается къ Гадячу и идетъ до г. Лихвина (Калужской губ.), и отсюда снова спускается внизъ на югъ, по системѣ Дона въ Воронежскую губ., гдѣ она доходитъ до р. Дона, пересѣкаетъ его и продолжается до р. Медвѣдицы (Гуровъ, стр. 781. Докучаевъ. Наши степи прежде и теперь, стр. 2—6). Далѣе, восточная граница идетъ на Аткарскъ и доходитъ до устья р. Суры, откуда перешедши черезъ Волгу, простирается на Вятку и далѣе въ сѣверо-восточномъ направленіи. (Гуровъ, стр. 781—2).

[1]) Прежде существовало двѣ гипотезы о происхожденіи валуновъ въ предѣлахъ Европы: 1) потопная или дилювіальная гипотеза (Соссюръ) и 2) гипотеза плавающихъ ледяныхъ горъ-айсберговъ (Ляйэлль). Затѣмъ, на основаніи изученія ледяного покрова Гренландіи и Норвегіи, была установлена гипотеза о существованіи въ древнее время обширныхъ ледниковъ или сплошного ледяного покрова, двигавшагося изъ Скандинавіи къ юго-востоку, югу и юго-западу, до предѣловъ распространенія сѣверныхъ валуновъ. Отсутствіе въ валунныхъ толщахъ морскихъ раковинъ, отсутствіе слоистости, нахожденіе обтертыхъ валуновъ, шлифованныхъ и исцарапанныхъ и при томъ всевозможныхъ породъ, разрушили двѣ прежнія гипотезы. Цѣлый рядъ ученыхъ (Bernhards, Charpantier, Agassiz, Heim, Torell, Кропоткинъ, Credner, Penck, Иностранцевъ и мн. др.) своими изслѣдованіями подтвердили существованіе въ Европѣ обширнаго ледника, имѣвшаго направленіе съ сѣвера и сѣверо-востока на югъ и юго-западъ. (Гуровъ, стр. 792—800). Среди валунныхъ суглинковъ и песковъ встрѣчаются неравномѣрныя скопленія въ видѣ болѣе или менѣе крупнаго щебня, принесенныхъ изъ другихъ мѣстностей эрратическихъ валуновъ чуждыхъ горныхъ породъ, большой величины отдѣльныхъ обломковъ послѣднихъ, обломковъ выставляющихся наружу, на пологихъ склонахъ или у крутыхъ обрывовъ рѣчныхъ долинъ и балокъ. (Гуровъ, стр. 736).

Эрратическіе валуны бываютъ величиною отъ горошины до трехъ метровъ въ діаметрѣ. (Гуровъ, стр. 342 и 736). Нерѣдко валуны зеркально отполированы и покрыты пучками прямыхъ параллельныхъ и рѣже кривыхъ бороздокъ, царапинъ и нѣжныхъ штриховъ), бываютъ съ полированной поверхностью и параллельными борозками, шрамами, царапинами и штрихами. (Гуровъ, стр 762—764). Валуны, большей частью принадлежатъ кристаллическихъ силикатовымъ породамъ: гранитамъ, гнейсамъ, кристал. сланцамъ, кремнямъ и пр., но встрѣчаются также валуны и осадочныхъ породъ, напр. песчаниковъ и известняковъ. (Валуны изъ сосѣднихъ губ. носятъ названіе мѣстныхъ). Материковый ледъ, вступивъ въ долину Днѣпра, отлагалъ свой матеріалъ на правой и особенно на лѣвой сторонахъ Днѣпра, вдали отъ русла послѣдняго, почему прилегающая къ самому Днѣпру мѣстность Полтав. губ. лишена сѣверныхъ валуновъ, скопленіе которыхъ тянется полосой параллельно долинѣ Днѣпра, и только у Кобелякъ и Манжоліи, гдѣ должна была находиться конечная морена, эта полоса приближается къ Днѣпру. Ледникъ при своемъ движеніи могъ переносить съ праваго берега Днѣпра на лѣвый - въ Полтавскую губ., обломки мѣстныхъ днѣпровскихъ кристаллическихъ породъ (Гуровъ, стр. 808).

При встрѣчѣ ледника съ болѣе мягкими породами, послѣднія даютъ большой матеріалъ *мѣстной основной моренѣ* или *поддонной моренѣ*, гдѣ валуны отличаются

пространенія можно считать линію, проведенную отъ г. Кобелякъ къ г. Кременчугу; восточная граница ледника проходила почти по границѣ Полтавской губ. Въ уѣздахъ, ближе расположенныхъ къ Днѣпру, валунныхъ породъ не встрѣчаются, по всей вѣроятности, вслѣдствіе размыванія и снесенія ихъ могучими водными потоками. Наибольшая толщина валунныхъ отложеній замѣчается на правыхъ окраинахъ рр. Псла, Хорола, Сулы и проч. [1]). Въ *нижнемъ валунномъ слоѣ* преобла-

---

угловатостью и острыми ребрами, малой обтертостью, малой шлифовкой и царапинами. (Гуровъ, стр. 816. Ѳеофилактовъ. Труды 3-го арх. съѣзда въ Кіевѣ, въ 1874 г., т. I, стр. 153- 154.

Ученые на основаніи своихъ изслѣдованій о ледникахъ, пришли къ заключенію, что въ Европѣ существовало *двѣ* ледниковыхъ эпохи, отдѣленныхъ одна отъ другой продолжительнымъ межледниковымъ періодомъ. (Гуровъ, стр. 825).

Валуны Полтав. губ., по большей части, происходятъ изъ сѣверныхъ мѣстъ: Скандинавіи, Финляндіи, Остзейскаго и Подмосковскаго краевъ и ближайшихъ къ Днѣпру губерній- Кіевской, Черниговской. Валуны, имѣющіе изборожденныя и отшлифованныя плоскости и округленную, хлѣбовидную и трехгранную форму, бываютъ распространены преимущественно въ нижнемъ валунномъ слоѣ. (Гуровъ, стр. 767. Вопросъ о коренномъ мѣсторожденіи валуновъ кристаллической и другихъ породъ въ Приднѣпровьи, разрабатывается уже давно. Г. Борнеякъ и нѣкоторые другіе изслѣдователи держались мнѣнія, что попадающіеся въ бассейнѣ земель обѣихъ сторонъ средняго Днѣпра валуны мѣстнаго, изъ днѣпровскихъ кристаллическихъ породъ происхожденія. Однако; точная провѣрка данныхъ констатировала, что изъ 19 образцовъ валуновъ, цѣлыхъ 11 не имѣютъ представителей на берегахъ Днѣпра, и это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что г. Борнеякъ не вводилъ нашего сѣвера (Финляндіи и Оленецкаго края) въ кругъ своихъ сравненій. Позднѣйшіе изслѣдователи, въ числѣ которыхъ видное мѣсто принадлежитъ проф. Ѳеофилактову, напротивъ, открыли въ наносахъ Кіевской губ. валуны породъ *силурійской* (изъ Эстляндской и Петербургской губ.), *девонской* (съ Волхова и изъ Орловской губ.), *каменноугольной* (центральн. губ. Россіи) и *юрскихъ* содержащихъ соотвѣтственныя окаменѣлости. Такимъ образомъ мнѣніе г. Борнеяка было отвергнуто, а установлено научнымъ образомъ, что валуны, распространенные въ дилювіальныхъ образованіяхъ Полтавской, Кіевской и Черниговъ. губ., принесены сюда *съ далекаго сѣвера* и *съ материка средней Россіи*. На основаніи сравненія петрографическаго состава и органическихъ остатковъ въ валунныхъ слояхъ Южной Руси, можно болѣе или менѣе точно опредѣлить коренное мѣсторожденіе валуновъ. Они происходятъ въ значительной степени (10 породъ) изъ Скандинавіи, Финляндіи, Олонец. губ. и изъ Подмосковнаго округа, а затѣмъ уже—изъ близлежащихъ къ Полтавской губ. мѣстъ. Процентное отношеніе валуновъ Полтав. губ. выражается такъ: финляндскихъ (отчасти м. б. скандинавскихъ)—29%; олонецкихъ 29%; эстляндскихъ 5%; подмосковныхъ 5%; ближайшихъ къ Полтавской губ—8%; мѣстныхъ 8% и днѣпровскихъ—12%. Вообще, въ Полтав. валунныхъ отложеніяхъ сѣверныхъ валуновъ находится 70%, а мѣстныхъ (включая сюда валуны черниговъ. и днѣпров. породъ) -29%. Что касается органическихъ остатковъ, то въ лессовидномъ суглинкѣ, составляющемъ промежуточныя образованія, встрѣчаются скопленія лёссовидныхъ раковинъ: Pura muscorum, Helix hispida, Succinea obbonga и кости мамонта. (Гуровъ, стр. 768—804: Ѳеофилактовъ. Труды 3 Археол. съѣзда въ Кіевѣ, стр. 54).

[1]) Гуровъ, стр. 775—776 и 831.

даютъ въ огромномъ большинствѣ мелкіе, округленные и изборожденные валуны сѣвернаго происхожденія, въ *верхнемъ же*,– напротивъ,— крупные, угловатые, почти необтертые валуны, преимущественно днѣпровскихъ породъ [1]).

Въ валунной глинѣ, которая по способу своего образованія не могла содержать органическихъ остатковъ, встрѣчаются, однако, какъ привносныя изъ другихъ, болѣе древнихъ періодовъ, окаменѣлости органическаго міра: 1) прѣсноводныя и сухопутныя равнины (Planorbis Marginalis, Limnaus sp., Succinea oblonga и пр.), 2) кости угасшихъ млекопитающихъ: мамонта (Elephas primigenius) и носорога (Rhinoceros tichorhinus), въ обоихъ валунныхъ ярусахъ; но эти кости являются въ обтертомъ видѣ, что указываетъ на ихъ болѣе отдаленное мѣстонахожденіе и на продолжительное странствованіе въ видѣ валуновъ [2]). Тоже было константировано г. Никитинымъ и для средней Россіи [3]). Валунныя отложенія Полтавской губ. составляютъ только небольшую часть того обширнаго валуннаго покрова, который обнималъ значительную часть площади Европейской Россіи, сѣверной Германіи и Великобританіи. Эта валунная площадь содержитъ во многихъ мѣстахъ валуны, принесенные иногда *болѣе чѣмъ за 1000 верстъ отъ ихъ кореннаго мѣсторожденія.*

Два валунныхъ горизонта въ предѣлахъ Полтавской губ., раздѣленные содержащимъ въ себѣ сухопутныя раковины и кости мамонта (Elephas primigenius) лёссомъ, указываютъ на 2 эпохи ледниковъ въ предѣлахъ Россіи [4]).

Нижняя основная морена Полтав. губ., характерная своей валунной или же ледниковой глиной, указываетъ слѣды остановокъ южнаго края скандинаво-русскаго ледника при отступленіи или же сокращеніи его. Верхняя же морена, содержащая мелкіе валуны сѣвернаго происхожденія и огромные валуны днѣпров. кристаллическихъ породъ, въ видѣ угловатыхъ и неокругленныхъ глыбъ, даетъ возможность полагать, что скандинаво-русскій ледникъ, въ періодъ второго оледенѣнія, вдавался на югъ большимъ рукавомъ или потокамъ, направлявшимся, согласно существующему рельефу, по долинѣ Днѣпра, захватывая по обѣ стороны рѣки болѣе или менѣе широкія площади. На краю ледника, гдѣ приходилась область обтаиванья, валунная глина

---

[1]) Гуровъ, стр. 777—778. Пенкъ называетъ валуны *потертыми монетами*, присутствіе которыхъ служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ прежняго существованія ледника.

[2]) Гуровъ, стр. 779: К. Өеофилактовъ. Труды 3-го археолог. съѣзда въ Кіевѣ, 1874 г., т. I, стр. 154.

[3]) Гуровъ, стр. 780.

[4]) Гуровъ, стр. 828.

мѣстами замѣщена пескомъ. Дилювіальный наносъ восточной полосы Полтав. губ., сходный съ глиной сосѣднихъ губерній и заключающій округленныя и равномѣрныя кварцевыя зерна, произошелъ отъ продуктовъ истиранія мѣстныхъ, третичныхъ, песчано-глинистыхъ породъ, съ присоединеніемъ матеріала изъ сѣверныхъ мѣстъ. Этотъ покровъ занимаетъ восточную часть Полтав. губ., Харьковскую, Курскую и западную часть Воронежской, незамѣтно сливаясь съ ледниковымъ отложеніемъ Полтавской губ., а на востокѣ—съ возвышеннымъ наносомъ Воронежской губ. [1]).

Третій отдѣлъ—*послѣледниковый ярусъ*. Самый верхній дилювіальный наносъ въ Полтавской губ. —это лёссъ, или же известково-суглинистая порода, разныхъ оттѣнковъ и цвѣтовъ—отъ свѣтло-желтаго до бураго, безъ валуновъ, частью песчанистый, частью глинистый или же мергелистый. [2]) Въ лёссѣ встрѣчаются иногда весьма часто—мелкія. нѣжныя наземныя раковины (Pp. Succinea, Helix и Pupa) и иногда кости громадныхъ вымершихъ животныхъ: мамонта (Elephas primigenius), носорога (Rhinoceros tichorhinus), лошади (Equus caballus fossilis). Толщина лёсса доходитъ мѣстами до 20 метр. [3]).

Лёссъ отлагался или на бѣлыхъ пескахъ, или же на валунныхъ породахъ во время размыванія, происходившаго вслѣдствіе постепеннаго станванія и отступленія къ сѣверу ледниковаго покрова. Этотъ размывъ и опредѣлилъ уже современныя рѣчныя долины края [4]). Лёссъ не представляетъ сплошнаго, непрерывнаго покрова Полтав. губ.; онъ тянется только по берегамъ рѣкъ; Сулы, Псла, Ворсклы и проч., а также по лѣвой сторонѣ долины р. Днѣпра. Тонкія междурѣчныя плато Полтавской губ. заняты желто-бурыми и красно-бурыми суглинками [5]).

---

[1]) Гуровъ. стр. 829 838.

[2]) Гуровъ. стр. 842. Ѳеофилактовъ. Труды 3-го арх. съѣзда въ Кіевѣ, въ 1874 г.. т. I. стр 151.

[3]) Гуровъ. стр. 856—857 и 860. Ibidem. стр. 154. Можно признавать поэтому существованіе мамонта какъ въ межледниковый. такъ и въ послѣледниковый періоды. Первое оледенѣніе отодвинуло мамонта. жившаго даже въ средней полосѣ Россіи. къ югу отъ Полтав. губ. Въ межледниковый періодъ это животное уже жило въ Полтавской губ.; затѣмъ онъ двигался къ сѣверу послѣ 1-го обледенѣнія. Во время отложенія верхняго лёсса на площади Полтав. губ.. мамонтъ еще продолжалъ жить въ этихъ мѣстахъ. что подтверждается нахожденіемъ частью обугленныхъ. частью разбитыхъ костей мамонта вмѣстѣ съ кремневыми орудіями человѣка въ с. Гонцахъ. возлѣ р. Удая (Гуровъ. стр. 861- 881).

[4]) Гуровъ. стр. 862.

[5]) Ibidem. стр. 871—875. Лёссъ нѣкоторые разсматривали. какъ отложенный ледниковыми рѣками или же озерами мелкоземъ. вымытый изъ основной морены древняго ледниковаго покрова.—мелкоземъ. подвергшійся впослѣдствіи переработкѣ атмосферой и водой. но Гуровъ считаетъ лёссъ продуктомъ исключительной дѣятельно-

Происхожденіе лёсса относятъ обыкновенно къ формаціямъ конца ледниковаго періода или же къ очень древнимъ послѣледниковымъ образованіямъ [1]). Такъ какъ, рядомъ съ формированіемъ и расположеніемъ въ странѣ лёсса, какъ продукта ледниковыхъ образованій, шли и другіе процессы, то составъ лёсса и лежащаго подъ нимъ мергеля не вездѣ одинаковъ: иногда здѣсь видно присутствіе эрратическихъ валуновъ, частью круглыхъ, частью гладкихъ со слѣдами параллельныхъ бороздъ и тонкихъ царапинъ, мѣстами—галекъ, или же иногда—темно-сѣрой породы съ грубыми кварцевыми зернами [2]). Это было причиной того, почему трудно отличить границы распространенія ледника отъ границы распространенія эрратическихъ блоковъ [3]). Прослойки этой породы, въ иныхъ мѣстахъ значительной толщины, содержатъ въ себѣ множество ржавыхъ, красно-бурыхъ или же синевато-сѣрыхъ пятенъ, какъ бы указывающихъ на болотный характеръ происхожденія лёсса, хотя нѣкоторые ученые признаютъ это за отложенія *фирновой и ледниковой грязи* [4]). Впрочемъ, съ этимъ нѣкоторые не согласны, какъ напримѣръ извѣстный ученый Никитинъ: „Во всякомъ случаѣ, говоритъ онъ, каково бы ни было мнѣніе ученыхъ о типичномъ верхнемъ лёссѣ, его нельзя разсматривать, какъ складъ (dépôt) ледниковой грязи, вытекшей изъ ледника“ [5]).

Непосредственно подъ лёссомъ, почти вездѣ въ Полтавской губ., залегаютъ бѣлые пески, прѣсноводный дилювій, а на водораздѣлахъ—бурыя, довольно грубыя глины, болѣе или менѣе лёссовидныя; во многихъ мѣстахъ въ этой глиняной толщѣ, мощностью до $1^1/_2$ саж., содержатся валуны; иногда ихъ замѣняютъ пески, напримѣръ—въ Харьковскомъ и Кобелякскомъ уѣздахъ, съ остатками моллюсковъ, общихъ лёссу (Lymnaeus palustris, Planorbis spiralis, Succinea и другіе) [6]). Въ этомъ горизонтѣ грубыхъ глинъ были находимы кости допотопныхъ животныхъ [7]).

сти атмосферной, именно—дѣйствія дождевыхъ водъ, которыя постепенно сносили въ рѣчныя долины мелкія частицы, произошедшія отъ вывѣтриванія породъ, что и послужило для образованія лёсса, Гуровъ, стр. 322—9.

[1]) Congrès intern. d'Archéologie et. c., стр. 22 (статья Никитина).

[2]) Гуровъ, стр. 329 и 322. Кварцевыя зерна, крупныя и мелкія, встрѣчаются то въ мергелѣ, то въ желтовато или же темно-сѣрой породѣ, то (одни крупныя)—въ желтыхъ слоистыхъ пескахъ. Гуровъ, стр. 322.

[3]) Congrès intern. d'Archéologie, trav. Nikitin, p. 26.

[4]) Докучаевъ, Наши степи, стр. 43; Гуровъ, стр. 321, 322.

[5]) Congrès intern. Travail de m-r Nikitin. p. 31.

[6]) Гуровъ, стр. 861 и 329.

[7]) Возлѣ м. Журавки (полт. г.) находили кости носорога (Rhinoceros tichorhinus) бизона (bos primigenius), мамонта Elephas prim., Cervus tarandus, Rongifer tarandus (Докучаевъ. Матер. къ оцѣнкѣ земель Полт. губ., Вып. XIV, стр. 22). Возлѣ м. Жовнина (Полт. г.), по сообщенію г. Борисяка, были открыты скелеты мамонта, заключенные въ лёссѣ (Гуровъ, стр. 321). Извѣстный Гильденштедтъ говоритъ, что въ Лубнахъ, какъ и въ Хоролѣ, встрѣчаются большія кости слоновъ. Hüldench., с. 32.

рога оленя и черепа сурка (Arctomys bobac)[1]. Иногда между нижними слоями этой глины и прѣсноводнымъ мергелемъ попадаются залежи темносѣрой породы (фирно-ледниковая грязь) вмѣстѣ съ эрратическими валунами.

Самый нижній горизонтъ потретичныхъ отложеній находится въ западной части нынѣшней Полтавской губ., въ Переяславльскомъ уѣздѣ; онъ сложенъ мелкозернистымъ обыкновенно слоистымъ мергелемъ, синевато-сѣрою цвѣта съ охристыми пятнами, мощностью до 6 саженъ и больше[2].

Изслѣдованія ученыхъ констатировали, что этотъ типичный прѣсноводный мергель, распространенъ вездѣ въ Полтавской губерніи, за исключеніемъ только Константиноградскаго уѣзда[3]. Кромѣ того, рядъ другихъ изслѣдователей (Вернадскій, Поляковъ, Агафоновъ и проч.) выяснили, что въ полосѣ нѣсколько большихъ высотъ надъ уровнемъ моря, въ предѣлахъ между рр. Ворсклой, Удаемъ и Сулою,—въ уѣздахъ: Кременчугскомъ, Хорольскомъ, Лохвицкомъ и другихъ мѣстахъ,—эти прѣсноводные мергели переполнены сильно вывѣтренными эрратичными валунами, обыкновенно мелкими, иногда же они замѣнены сильно мергелистыми песками (въ Гадячскомъ, Лубенскомъ, Кобелякскомъ и друг. уѣздахъ). Въ толщахъ этого прѣсноводнаго мергеля встрѣчались иногда кости мамонта. Такъ, г. Глинка нашелъ кости мамонта въ такомъ лёссѣ возлѣ хутора Анцибора, Ромен. уѣзда, Полт. губ.[4].

Такова въ общихъ чертахъ схема потретичныхъ образованій Полтавской губ. Нельзя, однако, сказать, чтобы эти образованія отличались какою либо правильностью: часто одна порода переходитъ въ другую, мѣняясь совершенно своими мѣстами. Въ виду тѣсной связи, какая существуетъ между собственнымъ лёссомъ, валунной глиной и прѣсноводнымъ мергелемъ, ученые относятъ всѣ эти образованія „къ свитѣ четвертичныхъ валунныхъ отложеній, образовавшихся на окраинахъ великаго Скандинаво - русскаго ледника, частью впереди его, частью—подъ нимъ, а частью и назади отступавшаго ледяного покрова“[5]. Ученые, на основаніи характера строенія породы, приписываютъ образованіе мергеля дѣйствію стоячихъ водъ[6], а образованіе лёсса—тѣмъ ледниковымъ водопольямъ, которыя, разливаясь въ обширныхъ пространствахъ на сушѣ, одѣтой частью степной, частью болотной ра-

[1]) Докучаевъ, стр. 14.
[2]) Докучаевъ, стр. 15.
[3]) Гуровъ, стр. 324—5.
[4]) Докучаевъ, стр. 15.
[5]) Ibidem, стр. 16.
[6]) Г. Гуровъ считаетъ ихъ продуктомъ долинныхъ, рѣчно-озерныхъ образованій (Гуровъ, стр. 325).

стительностью, оставляли здѣсь свой илъ, подобно тому, какъ это происходитъ еще и теперь по берегамъ нашихъ рѣкъ [1]). Благодаря такого рода происхожденію, первобытная поверхность лёссовыхъ образованій отличается замѣчательной равнинностью [2]).

Нельзя сказать, чтобы ледниковыя образованія рѣзко заканчивались на югѣ двумя вышеупомянутыми мысами—днѣпровскимъ и донскимъ. Слѣды сносовъ этихъ отложеній еще далѣе къ югу, къ берегамъ Азовскаго и Чернаго морей, констатированы г. Соколовымъ, который нашелъ тамъ мощныя толщи прѣсноводныхъ, песчано-галечныхъ отложеній, происшедшихъ отъ стока и таянія ледниковыхъ водъ. Г. Соколовъ полагаетъ, что отъ западнаго (днѣпровскаго) мыса ледниковаго покрова протокъ прѣсной воды частью направлялся прямо къ югу, къ Днѣпровско-Бугскому и Березанскому лиманамъ, частью же вода стекала, по всей вѣроятности, по долинѣ Днѣпра. Въ этихъ же мѣстахъ, недалеко отъ береговъ моря, внѣ рѣчной долины Днѣпра, найдены залежи свѣтло-желтой породы, весьма близкой по своему составу къ ледниковому лёссу [3]). Что касается водораздѣловъ, которые, какъ болѣе возвышенныя мѣста, не были заняты ни моремъ, ни ледниками, то они были покрыты элювіальными образованіями и продуктами вывѣтриванія, а также во многихъ мѣстахъ лёссомъ.

Современныя образованія составляютъ верхніе слои суши, происшедшіе отъ рѣчныхъ, озерныхъ и болотныхъ осадковъ, носящихъ вообще названіе *аллювія*. Онъ образовался подъ вліяніемъ различнаго рода факторовъ: вывѣтриванія, перемыванія, климата, растительности и проч. [4]).

Ихъ подраздѣляютъ обыкновенно на три категоріи: a) образованія делювіальныя (дождевой аллювій), b) образованія аллювіальныя (рѣчныя и озерныя) и c) эоловыя (дюнныя) [5]). Особенность восточнаго отдѣла средне-днѣпровской равнины составляетъ черноземный покровъ его верхняго слоя почвы, сплошь покрывающій огромныя пространства земли.

---

[1]) Докучаевъ, стр. 17.

[2]) Ibidem, стр. 19. Никитинъ и Соколовъ приблизительно опредѣляютъ время образованія лёсса, въ виду его положенія на остаткахъ мореновыхъ залежей и на основаніи присутствія въ немъ костей вымершихъ млекопитающихъ. Было констатировано, что подъ лёссомъ находится депо двухъ прѣсноводныхъ типовъ: 1) съ фауной озерной; 2) съ фауной проточной воды Г. Соколовъ считаетъ эти депо прѣсной воды, по времени образованія, параллельными ледниковымъ депо болѣе сѣвернымъ, подъ которыми они исчезли въ иныхъ мѣстахъ, напр. въ Полтав. губ. См. Congrès intern. d'Archéol. préh., tr. Nikitin, p. 31.

[3]) Nikitin, стр. 24.

[4]) Гуровъ, стр. 883.

[5]) Ibidem. Лёссъ встрѣчается и на низкихъ, и на высокихъ мѣстахъ.

Рѣчной аллювій, осадочный, слоистый, заполняетъ озерныя и рѣчныя низменности и содержитъ въ себѣ кости мамонта, носорога, иногда—типы вымершихъ въ тѣхъ мѣстахъ растеній [1]). Эоловыя отложенія образуютъ дюнные холмы по берегамъ современныхъ намъ и давно исчезнувшихъ водныхъ бассейновъ—это излюбленное мѣстопребываніе до-историческаго человѣка [2]).

Рѣчной аллювій, кромѣ того, характеризуетъ рѣчныя долины южной и восточной Россіи. Въ этихъ долинахъ можно различать рядъ террасъ, которыя, чѣмъ дальше отъ берега, тѣмъ древнѣе и наоборотъ [3]). Наиболѣе древнія изъ нихъ д. б. отнесены къ плейстоцену, т. к. онѣ содержатъ иногда кости мамонта и носорога въ ихъ первоначальныхъ положеніяхъ, совмѣстно съ остатками кремневыхъ и костяныхъ человѣческихъ орудій при нихъ. Слѣды такихъ стоянокъ человѣка каменнаго вѣка двухъ эпохъ отысканы и на сѣверѣ (возлѣ Ладоги, ст. Бологое и проч.), и на югѣ (въ Полтавской губ.—въ Гонцахъ, въ Кіевѣ, по Кирилловской улицѣ, въ 1893 г.). Иногда такіе слѣды пребыванія человѣка проявляются въ песчаныхъ отмеляхъ береговъ прежде высоко стоявшихъ рѣчныхъ и озерныхъ водъ (с. Бологое, побережья рр. Сулы, Трубежа, Оржицы и пр.). Здѣсь также находятъ остатки каменныхъ орудій и куски битой посуды вмѣстѣ съ разломанными костями вымершихъ нынѣ животныхъ (Bos brachiceros, Bos primigenius, Myoxus glis) и пр [4]).

Такимъ образомъ, поверхностныя образованія Полтавской губ. являются продуктами вывѣтриванія и выщелачиванія болѣе древнихъ горныхъ породъ: они составляютъ такъ называемый *элювій* или *почву* [5]).

Геологическій переворотъ, состоящій, какъ думаютъ, въ поднятіи нашихъ южныхъ окраинъ вмѣстѣ, или же—измѣненіе температуры воздуха этой полосы, послужилъ сначала къ отступленію, а потомъ къ исчезновенію, стаянію ледниковаго покрова и къ формированію рѣчныхъ долинъ и овраговъ [6]). Отсюда станетъ намъ понятной и та

---

[1]) Ibidem.

[2]) Докучаевъ, стр. 24. Гуровъ, стр. 990-903 и слѣд.

[3]) Ibidem, стр. 27. „Долинные осадки *средней* или *надлуговой террасы* образовались въ то время, когда русла рѣкъ не были еще такъ углублены, какъ теперь (Гуровъ, 883-4). Сверху надлуговыя террасы бываютъ иногда покрыты или вторичными наносами (атмосфернымъ намывомъ) или болотами, нерѣдко торфяными (Днѣпръ. Сула и т. д.), часто сыпучими дюнными песками (по рр. Ворсклѣ, Сулѣ и пр.). Луговыя долины, заливныя или поемныя, слагаются изъ новѣйшихъ рѣчныхъ осадковъ. По берегамъ рѣчной аллювіальной терассы встрѣчаются летучіе или дюнные пески, легко переносимые вѣтромъ.

[4]) Гуровъ, стр. 903 и слѣд.

[5]) Докучаевъ, стр. 15. 19. Congrès int. d'Archéologie, tr. de m-r Nikitin, p. 17—19.

[6]) Докучаевъ, стр. 24-27.

постепенная наклонность земель Переяславльскаго княжества отъ востока къ юго-западу, образовавшаяся вслѣдствіе сильнаго теченія водъ, стремившихся параллельно днѣпровской долинѣ.

Наблюдая во многихъ мѣстахъ однообразное строеніе земель Полтавской, Черниговской и западной части Харьковской губ., ученые полагаютъ, что въ прежнее время вся Полтавская губ. и прилегающіе къ ней участки сосѣднихъ губерній были *сплошной равнинной степью*, полого падавшей по направленію къ днѣпровской котловинѣ, которую считаютъ гораздо древнѣе остальныхъ рѣчныхъ долинъ [1]); появленіе этой котловины относятъ къ періоду болѣе раннему образованія ледника [2]). Полагаютъ также, что „приблизительно на мѣстѣ нынѣшнихъ долинъ Ворсклы, Сулы, Псла и проч. тянулись тогда (вѣроятно, съ незначит. и неполными перерывами) широкія, пологія, совершенно неоформленныя, пониженныя полосы степей, обязанныя своимъ происхожденіемъ исключительно геологическому строенію данной мѣстности, по которымъ и стекали вначалѣ остатки ледниковыхъ водъ, а затѣмъ—весенніе и дождевые потоки“ [3]). Низины и западины, въ видѣ округлыхъ котловинъ, соединяющихся иногда другъ съ другомъ, и служили началомъ рѣкъ и болотъ—истоками ихъ. Такія рѣки—болота существуютъ еще и до сихъ поръ (Слѣпородъ, Золотоноша, Переводъ и пр.), другія—совершенно исчезли [4]). Если мы прослѣдимъ внимательно характеръ поверхности сѣверо-восточной части земель Переяславльскаго княжества, то замѣтимъ еще и теперь ясные слѣды существованія здѣсь большого количества такихъ тарелкообразныхъ углубленій, которыя послужили затѣмъ къ образованію болотъ, озеръ, рѣкъ и лѣсовъ [5]). Не малой причиной для образованія рѣкъ и болотъ и ихъ сохраненія въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени было глинистое дно ихъ, т. к. глина задерживаетъ, какъ извѣстно, воду. Хотя задержанная такимъ образомъ вода и испарялась на воздухѣ, но окружающіе такіе участки лѣса не давали возможности водѣ окончательно исчезнуть изъ почвы. Мы постараемся разсмотрѣть сейчасъ важнѣйшія рѣки и рѣчки Переяславльскаго княжества, имѣвшія болѣе или менѣе тѣсное отношеніе къ исторіи края. Начнемъ съ главнѣйшихъ, какъ наиболѣе вліявшихъ на складъ и характеръ страны.

Самой обширной и наиболѣе важной рѣкой Переяславльской земли, омывающей западный отдѣлъ ея, былъ Днѣпръ. Несомнѣнно, Днѣпръ былъ главной артеріей всего Приднѣпровья, крупной водной

[1]) Докучаевъ, стр. 32.
[2]) Ibidem.
[3]) Докучаевъ, с. 32.
[4]) Ibidem.
[5]) Ibidem, стр. 42—41.

дорогой его, съ незапамятныхъ временъ шедшей отъ сѣверныхъ береговъ Чернаго моря вглубь Руси. Въ древнее время Днѣпръ игралъ чрезвычайно видную роль для прилегающихъ къ нему земель: его вліяніе было настолько сильнымъ, что захватъ части этого воднаго пути въ чьи либо руки тотчасъ же отражался на благосостояніи прилегающихъ къ нему мѣстъ, иногда удаленныхъ на значительное разстояніе отъ мѣста захвата.

Условія жизни по берегамъ средняго теченія р. Днѣпра были пригодны для развитія здѣсь осѣдлости. Рукава Днѣпра съ илистымъ дномъ чрезвычайно богаты рыбой и дичью [1]). Между этихъ рукавовъ, по теченію рѣки находится множество острововъ, заросшихъ лѣсомъ, лозой и тростникомъ [2]). Это—удобныя мѣста для селитьбы. Лѣвые берега средняго теченія р. Днѣпра, низменные и песчаные, были покрыты въ древности дремучими лѣсами, тянувшимися параллельно теченію этой рѣки. Еще и до настоящаго времени сохранились такіе лѣса въ нѣкоторыхъ участкахъ по берагу р. Днѣпра [3]), напр., въ Золотоношскомъ и Переяславльскомъ у. Полт. г. Днѣпровскія воды съ древнѣйшихъ временъ носили на своей поверхности многочисленныя торговыя суда различныхъ народовъ [4]). И теперь еще въ рукавахъ прежняго русла р. Днѣпра, среди болотъ, оставшихся отъ бывшихъ здѣсь когда-то рѣчныхъ протоковъ, находятъ якоря, днища судовъ и другія принадлежности судоходства [5]).

Уже съ отдаленныхъ временъ по берегу р. Днѣпра находились пристани и переправы, а именно: возлѣ Стаекъ, Канева, Черкасъ, Кременчуга, Переяславля, Дубкова и проч. [6]). Соприкасаясь своими притоками съ многочисленными рѣками, расходящимися въ различныя стороны, Днѣпръ оказывалъ свое вліяніе на окружающія мѣста. Выгодное положеніе этой рѣки и удобство ея береговъ, повидимому, обѣщали великую будущность ея бассейну и мы видимъ, что на берегахъ Днѣпра слагается сильный государственный организмъ. Но рѣка эта имѣла и свои недостатки и довольно крупные. Дѣло въ томъ, что Днѣпръ, какъ извѣстно, въ своемъ нижнемъ теченіи прегражденъ порогами, препятствующими судоходству. Кромѣ того, вся его нижняя часть течетъ среди пустынныхъ степей, не привлекавшихъ

---

1) Семеновъ II, стр. 78.

2) Ibidem. Списки населен. мѣстъ Полтав. губ., стр. XI.

3) Сп. насенныхъ мѣстъ. Полт. губ., стр. XI; П. Ланге. Днѣпръ и условія охоты въ районѣ его сред. теченія, с. 21.

4) Ѳ. Г. Мищенко. О Днѣпровскомъ пути древ. грековъ къ Балтійск. морю. См. Чт. въ Ист. Общ. Нест. Лѣт., к. II, стр. 95—97.

5) Семеновъ, II, стр. 79; Арандаренко, стр. 6.

6) Семеновъ, II, стр. 84. Списки нас. мѣстъ Полтавской губ., стр., XI. Маркевичъ. Рѣки Полт. губ. Записки имп. геог. общ. т. XI, 1856 г., с. 347—350.

сюда осѣдлаго населенія. Наконецъ, набѣги кочевниковъ уничтожали иногда весьма быстро то, что созидалось усиліями и трудами многихъ лѣтъ, даже цѣлыхъ вѣковъ. Всѣ эти условія неблагопріятно отражались на Приднѣпровьѣ и способствовали его упадку. Тѣмъ не менѣе, Днѣпръ долгое время служилъ главной водной дорогой Русской земли.

Второй рѣкой по важности своего значенія была р. *Десна*, принимающая съ лѣвой стороны р. *Сеймъ* [1]), подходящій весьма близко къ бассейнамъ рр. Дона и Оки. Собственно говоря, р. Десна имѣла значеніе для Черниговскаго княжества и Новгородсѣверскаго, составляя для нихъ главную артерію политической и торговой жизни. Для Переяславльскаго же княжества она была важна въ томъ отношеніи, что вблизи этой рѣки проходили его границы. Послѣдніе въ своей сѣверо-западной части касались и самой р. Десны, начиная отъ впаденія въ нее р. Остра. Въ другихъ мѣстахъ растущіе по берегамъ р. Десны лѣса были естественной гранью, до которой простирались земли Переяславльскаго княжества.

Начинаясь изъ Смоленской губ., р. Десна протекала черезъ Н.-Сѣверскую и Черниговскую земли, и только въ своей нижней части граничила съ Переяславльскимъ княжествомъ. Здѣсь она имѣетъ наибольшую ширину и глубину; здѣсь же растутъ и значительные лѣса, преимущественно дубовые и сосновые, сплошною массою идущіе до самаго Днѣпра [2]). Рѣка Десна была важна для Переяславльскаго княжества тѣмъ, что облегчала собой сношенія Приднѣпровской Руси съ Приволжской: по Деснѣ поднимались къ верховьямъ ея, откуда недалеко было попасть при помощи Жиздры на Оку, а съ послѣдней—и на Волгу, въ страну Болгаръ. Уже съ X в. Славяне двигались по этимъ путямъ и участвовали въ дѣлѣ расширенія своихъ границъ на востокѣ. Десна была посредницей въ политическихъ и торговыхъ сношеніяхъ между востокомъ и югомъ Руси [3]). Своимъ притокомъ—Сеймомъ, Десна подходитъ къ верховьямъ Оки, сближается съ притоками р. Дона, и способствуетъ такимъ образомъ тянувшимъ къ ней жителямъ учавствовать въ торговыхъ операціяхъ и съ землями Болгаръ, и съ побережьями Азовскаго моря [4]).

Обратимся теперь къ рѣкамъ Переяславльской земли, которыя проходили въ срединѣ ея. Большинство этихъ рѣкъ принадлежитъ къ Днѣпровскому бассейну и имѣетъ ту особенность, что начинаясь съ сѣверо-востока, течетъ къ юго-западу. Въ настоящее время рѣки

---

[1]) Обѣ эти рѣки упоминаются на первыхъ страницахъ нашихъ лѣтописей „А: друзии же сѣдоша на *Деснѣ* и по *Семи* и по *Сулѣ* и наркошася Сѣвера“. Ипат. лѣт., стр. 4.

[2]) Домонтовичъ. Матер. для геогр. и стат. Р., Черниг. губ., стр. 20.

[3]) Савельевъ. Мух. нум., стр. CXLIII.

[4]) Иловайскій, Ист. Рязан. княж., стр. 19.

эти сильно обмелѣли, затянулись пескомъ, иломъ, тиной, такъ что иныя изъ нихъ въ жаркое лѣто пересыхаютъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Обмелѣнію рѣкъ способствовали многочисленныя факторы, изъ числа которыхъ можно указать на уменьшеніе лѣсовъ въ краѣ, засореніе русла рѣкъ частью вслѣдствіе естественныхъ причинъ—быстраго таянія снѣговъ и сноса весенними водами землистыхъ частицъ, которыя осѣдаютъ на днѣ рѣкъ, частью—вслѣдствіе искусственныхъ запрудъ, плотинъ, гатей, водяныхъ мельницъ и проч. во множествѣ настроенныхъ по теченію вышеназванныхъ рѣкъ.

Въ сѣверо-западной части Переяславльскаго княжества протекаетъ р. *Остеръ*, впадающая въ Десну въ разстояніи 60 или 70 верстъ отъ Кіева [1]). Начинаясь у покатаго склона водораздѣльнаго кряжа, или лучше сказать возвышеннаго уступа, который клиномъ вдается между Десной и Днѣпромъ, эта рѣка течетъ въ низкихъ пологихъ берегахъ, еще и теперь въ значительной степени покрытыхъ лѣсами и болотами [2]). На верховьяхъ этой рѣки находится огромное болото—Остеръ, которое безъ сомнѣнія, было покрыто издавна дремучими лѣсами, воспоминанія о которыхъ сохранились еще въ народныхъ преданіяхъ у мѣстныхъ жителей. Его пограничная роль была извѣстна уже въ древности. По теченію Остра въ настоящее время расположены многочисленныя села и слѣдующія города: Козелецъ, Нѣжинъ, Остѐръ. Нѣкоторые изъ нихъ извѣстны были уже въ отдаленной древности; можно думать, что время основанія главнѣйшихъ населенныхъ пунктовъ по р. Остру относится къ періоду укрѣпленія границъ по этой рѣкѣ въ X столѣтіи.

Что касается нижняго отдѣла этой рѣки, то онъ, какъ извѣстно, примыкаетъ къ тому лѣсистому району, который тянется по правой и отчасти по лѣвой сторонахъ р. Десны, до самаго ея впаденія въ Днѣпръ, и составляетъ какъ бы преддверіе Полѣсья.

Относительно рѣки *Золотчи*, упоминаемой въ нашихъ лѣтописяхъ, можно полагать, что она, вѣроятно, соотвѣтствуетъ той р. Золочьѣ, или Узолочье, которая находится возлѣ с. Вишенекъ Остерскаго уѣзда, недалеко отъ лѣваго берега р. Днѣпра. На планѣ межеваго вѣдомства она извѣстна какъ *Узолочье* [3]).

---

[1]) Рѣка Остеръ упоминается въ лѣтописи очень рано: „И нача (Владиміръ св., въ 988 г.) ставити городы по Деснѣ, и по Устрьи, по Трубешеви...“ Ипат. л., стр. 83. „А отъ Чернигова 60 в. внизъ по Деснѣ, на лѣвой сторонѣ г. Остръ, а подъ нимъ пала въ Десну рѣка Остръ, а р. Остръ вытекла изъ подъ городища, изъ подъ Бѣлыя Вежи, отъ верху р. Удая“. Книга Большому Чертежу, изд. 1838 г., стр. 86.

[2]) Домонтовичъ. Матер. для геогр. ист. Р.: Чер. губ. стр. 34. Глубина р. отъ 2 до 3 аршинъ и болѣе: ширина—отъ 3 до 15 саженъ.

[3]) Т. Кибальчичъ. О находк. камен. вѣка на лѣвомъ берегу рѣки Днѣпра, стр. 8.

Съ юго-западной оконечности клинообразной возвышенности, вдающейся между бассейнами р. Десны и Днѣпра, вытекаетъ р. *Трубежъ*[1]), а съ южной—р. *Супой* и притокъ Трубежа, *Недра*. Начало Трубежа находится въ Козелецкомъ уѣздѣ, Черниговской губ., близъ дер. Сухини. Оно составляетъ вначалѣ болотистую долину, называемую *Трубайло*. Теченіе рѣки идетъ съ сѣвера на югъ. Въ настоящее время рѣка Трубежъ не велика: она имѣетъ въ ширину всего нѣсколько саженей (отъ 2 до 10 и болѣе) при глубинѣ нѣсколько менѣе 1 сажня. Низкіе, пологіе, болотистые берега этой рѣки, по большей части глинистые и только изрѣдка песчанные, указываютъ на мелководность ея русла. Въ 7 верстахъ отъ г. Переяславля р. Трубежъ впадаетъ въ Днѣпръ[2]).

Долина р. Трубежа, извѣстная въ столь недавнее еще время своими значительными дубовыми и березовыми лѣсами, съ каждымъ годомъ рѣдѣющими все болѣе и болѣе, въ древнее время была покрыта огромными дремучими лѣсами, гдѣ водились во множествѣ дикіе звѣри: кабаны, лоси, олени, медвѣди, козы, волки, лисицы и пр. и масса пернатой дичи: журавли, гуси, утки, бабы—птицы и проч.[3]). Остатки этихъ лѣсовъ и теперь еще кое-гдѣ сохранились въ тѣхъ мѣстахъ, особенно въ средней части этой рѣки. Эти лѣса образовались вслѣдствіе того, что подъ слоемъ сѣроватаго чернозема находится главнымъ образомъ желтобурая песчаная глина, задерживающая воду[4]). По теченію рѣки раскинулись обширныя болота, а мѣстами—роскошные луга, удобные для сѣнокосовъ и пастьбы скота[5]). На древнее заселеніе побережій р. Трубежа и на занятіе мѣстныхъ жителей скотоводствомъ въ бассейнѣ этой рѣки, есть указанія и въ лѣтописи (Янъ Усмошвецъ); въ настоящее время выдѣлкой кожъ занимаются жители нѣкоторыхъ мѣстъ по теченію р. Трубежа, напр. въ Барышевкѣ, Переяславлѣ, и проч.

Названіе Трубежъ—вполнѣ славянскаго корня, и можно думать, что поселенія славянъ возникли здѣсь очень рано.

Въ р. Трубежъ впадаютъ слѣдующія рѣки: *Недра*, съ лѣвой стороны, въ 30 верстахъ отъ Переяславля, и съ правой—Ильтица, въ древности *Альта*[6]), сливающаяся съ Трубежемъ у самаго Переяславля.

---

[1]) Списки нас. мѣстъ Полт. г., стр. XII. „А ниже Терехтемирова съ версту, съ Моск. стороны, пала въ Днѣпръ р. Трубежъ, ниже Кіева 60 вер., а р. Трубежъ пала въ Днѣпръ съ полуночи на полдень“. Книга Большому Чертежу, стр. 93.

[2]) Матер. для геогр. и стат. Россіи. Черн. губ., стр. 24—25; Арендаренко, стр. 6—7; Гуровъ, стр. 479.

[3]) Арандаренко, стр. 6; Списки нас. мѣстъ. Полт. губ., стр. XIII—XIV.

[4]) Гуровъ, стр. 479.

[5]) Ibidem, Гуровъ, стр. 479, и друг.

[6]) Ипат. л., стр. 92.

Тутъ же вблизи Трубежа находятся слѣдующія рѣчки: Броварка, Корань и Цыбля [1]). Рѣка Альта съ Трубежемъ образують тотъ выступъ, или мысъ, на которомъ нѣкогда былъ расположенъ древній Переяславль, т. е. главная крѣпость его.

Слѣдующая рѣка, текущая параллельно Трубежу, это р. *Супой* [2]). Она течетъ почти въ томъ же самомъ направленіи, какъ и Трубежъ, т. е.—съ сѣвера на югъ, и беретъ свое начало нѣсколько восточнѣе Трубежа. По характеру своихъ береговъ, и по свойствамъ своего теченія, своихъ водъ, эта рѣка имѣетъ много общаго съ предыдущей: тѣ же низменные, за нѣкоторыми исключеніями, берега, то-же медленное теченіе воды въ руслѣ, тѣ-же болота вокругъ и—тѣ-же остатки лѣсовъ и перелѣсковъ изъ дуба, березы и вяза. Эти лѣса въ большомъ количествѣ находились нѣкогда въ долинѣ р. Супоя [3]). О существованіи здѣсь лѣсовъ мы имѣемъ документальныя данныя за нѣсколько вѣковъ, съ одной стороны, и– изслѣдованія ученыхъ естествоиспытателей, изучавшихъ эту мѣстность,—съ другой. Лѣвый берегъ рѣки богатъ широкими лугами, окаймленными въ иныхъ мѣстахъ лѣсами и кустарниками. Вся долина р. Супоя въ настоящее время представляетъ почти сплошное торфяное болото, образовавшееся отъ искусственной задержки воды плотинами, гатями и проч. [4]), и развитія въ ней болотныхъ растеній, а среди него извивается слабая, узкая струя рѣки. На правой, мѣстами довольно приподнятой надъ рѣчной долиной сторонѣ Супоя, какъ въ среднихъ, такъ и въ нижнихъ частяхъ этой рѣки, разстилается нѣсколько неровная волнообразная равнина, покрытая въ иныхъ мѣстахъ значительными лѣсами [5]). Возвышенные берега Супоя чрезвычайно удобны для защиты страны отъ нападеній, и можно полагать, что здѣсь существовали укрѣпленія, относящіяся къ весьма отдаленной эпохѣ [6]). Невдалекѣ отъ впаденія Супоя въ Днѣпръ, между Трубежемъ и Супоемъ, сохранились и до сихъ поръ остатки укрѣпленій въ видѣ длинныхъ валовъ, городищъ и проч.

Нѣсколько покатая, постепенно понижающаяся въ направленіи къ юго-востоку отъ р. Супоя мѣстность обусловливала и направленіе большинства ручьевъ и рѣчекъ, получающихъ свое начало вблизи этой рѣки,

---

[1]) Арандаренко, стр. 6.

[2]) „И ходихомъ за Супой“ –говоритъ въ своемъ поученіи Владиміръ Мономахъ. См Сводн. лѣт., составл. Лейбовичемъ, стр 330. Далѣе р. Супой неоднократно упоминается въ лѣтописи. „А подъ нимъ (Домантовымъ) пала р. Супой, на Московск. сторонѣ“. Кн. Б. Чертежу, стр. 93. Названіе Супоя—славянскаго корня.

[3]) Списки нас. мѣстъ Р. Полт. губ., стр. XIV. Арандаренко. стр. 6 и 7.

[4]) Гуровъ, стр. 479.

[5]) Пассекъ, II, стр. 146—147.

[6]) См. объ этомъ у Голубовскаго. Печенѣги, Торки и Половцы до нашествія татаръ; Максимовича. Собр. соч., т. II, стр. 348.

и впадающихъ въ Сулу съ правой стороны. Такое направленіе имѣютъ рр. *Переводъ, Слѣпородъ, Оржица* и проч. Начинаясь изъ болотъ вблизи Оржицкихъ хуторовъ, въ сѣверной части Пирятинскаго уѣзда, рѣка Оржица течетъ далѣе на юго-востокъ и принимаетъ съ правой стороны р. Гнилую Оржицу, а затѣмъ р. Чугмакъ. Соединившись подъ с. Савинцами, эти три рѣки составляютъ дальше уже одну только рѣку, которую называютъ иногда Большой Оржицей. Она впадаетъ въ Сулу около с. Плехова. Оржица вѣроятно является той рѣкой, которая упоминается уже въ лѣтописи подъ именемъ *Съжицы* [1]). Небольшія рѣчки эти, скудныя водой, текущія въ пологихъ берегахъ [2]), имѣютъ, однако, по берегамъ значительныя болота, трудно переходимыя въ настоящее время, и, вѣроятно, мало доступныя прежде, что служило населенію надежной защитой отъ нападенія враговъ.

Нѣсколько къ востоку отъ Оржицы, параллельно послѣдней, течетъ р. *Слѣпородъ*, впадающая въ Сулу [3]). Начиная отъ самыхъ истоковъ своихъ возлѣ д. Григоровщины р. Слѣпородъ имѣетъ въ верхней своей половинѣ плоскіе берега, и въ нижней—высокіе и обрывистые [4]). На всемъ протяженіи Слѣпородъ окруженъ прирѣчными торфяными болотами, изъ которыхъ нѣкоторыя уже обратились въ торфяные луга. Въ настоящее время это уже не рѣчка, въ полномъ смыслѣ слова, а остатки таковой, слабые слѣды ея. Въ своей верхней части р. Слѣпородъ—это рядъ незначительныхъ болотъ, между которыми еще остались кое-гдѣ стоячіе ставки и пруды—озера, не особенно значительные по своимъ размѣрамъ. Находясь въ мѣстности ровной, богатой черноземомъ, защищенной съ сѣверо-востока р. Удаемъ и Сулой, слѣпородская долина была чрезвычайно удобна для заселенія. Рядъ оставленныхъ городищъ, валовъ и другихъ земляныхъ сооруженій весьма ясно свидѣтельствуетъ о давней осѣдлости на берегахъ этой рѣки.

Въ промежуткѣ между нижнимъ теченіемъ р. Супоя и Сулы протекаетъ нѣсколько небольшихъ рѣчекъ, изъ которыхъ однѣ едва сохраняютъ свое названіе, другія же начинаютъ превращаться въ бо-

---

[1]) „Всеволодъ же (1078) изоиде противу има (Олега, Бориса Святославича и половцевъ) на Съжици, и побѣдиша Половцѣ Русь, и мнози убіени быша ту". Ипат. лѣт., стр. 140. Въ половинѣ XVI ст. мы видимъ здѣсь рѣку Жжицу, гдѣ были уходы жителей каневскаго замка. См. Акты, относящіеся къ ист. засел. ю.-з. кр. Архивъ юго-зап. Россіи, ч. VII, стр. 101. Названіе Оржицы славянскаго корня. Ржавый цвѣтъ ея воды въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вѣроятно и послужилъ причиной названія этой рѣки.

[2]) Гуровъ, стр. 325; Докучаевъ, Русскій черноземъ, стр. 137.

[3]) По всей вѣроятности, рѣка эта получила свое названіе оттого, что трудно опредѣлить, откуда она беретъ свое начало, что питаетъ ее.

[4]) Гуровъ, стр. 331.

лота; нѣкоторыя изъ нихъ уже не доходятъ до Днѣпра, а теряются среди лѣсовъ и болотъ вблизи послѣдняго. Таковы: Золотоноша [1]), Бобрикъ, Ирклей [2]). По своему маловодью и небольшой величинѣ (онѣ всего длиной верстъ въ 30 или же около этого) эти рѣки въ настоящее время особеннаго значенія не имѣютъ. Въ древности онѣ были извѣстны только тѣмъ, что съ одной стороны, по берегамъ ихъ было удобно селиться, и мы видимъ, что здѣсь уже издавна группируется довольно густое населеніе, ведущее оживленную торговлю съ различными племенами, а, съ другой,—сюда зачастую направляли свои набѣги различные кочевники.

Одной изъ значительныхъ рѣкъ Переяславльскаго княжества, прорѣзывающихъ его съ сѣверо-востока на юго-западъ, посрединѣ, была рѣка *Сула* [3]). Эта рѣка играла весьма видную роль въ стратегическомъ отношеніи, служа оплотомъ княжества съ востока.

Начинаясь на склонѣ той водораздѣльной возвышенности, которая раздѣляетъ собою бассейны р. Сейма и многихъ днѣпровскихъ притоковъ (Сулы, Хорола, Псла и др.), р Сула близко подходитъ къ Сейму, отдѣляясь отъ него только узкой полосой возвышеннаго плоскогорья. Почти на всемъ своемъ протяженіи (около 330 верстъ) р. Сула течетъ по одному направленію, незначительно только отклоняясь въ сторону въ иныхъ мѣстахъ. Правый берегъ этой рѣки почти вездѣ высокъ, крутъ и обрывистъ, между тѣмъ какъ лѣвый — низменный, иногда болотистый, иногда песчаный. Возвышенный берегъ р. Сулы, изрытый во многихъ мѣстахъ оврагами, долинами, балками, представляетъ прекросно дренированную мѣстность, богатую влагой, а отсюда и лѣсами, которые въ древности были здѣсь велики и обильны всякаго рода дичью. Въ половинѣ XVII в. на верховьяхъ рр. Сулы и Терна находились большіе лѣса: Кореневскій лѣсъ, Козельскій, Гриневскіе и другіе [4]). Не меньшіе лѣса были и по среднему теченію этой рѣки. Вообще долина р. Сулы издавна славилась своей роскошной растительностью и разнооб-

---

[1]) Соединяясь съ р. Сгарью и Крапивной, р. Золотоноша направляется въ Днѣпръ. Р. Ирклей соединяется съ р. Коврайцемъ и также впадаетъ въ Днѣпръ. Рѣка Золотоноша теряется въ болотахъ и плавняхъ р. Днѣпра. См. Гуровъ, стр. 478. Арандаренко, стр. 8.

[2]) Берега ихъ низки; теченіе воды медленное: рѣченки текутъ извилисто, изгибаясь между лѣсами и болотами, гдѣ образуютъ множество острововъ и полуострововъ. Ibidem.

[3]) Гуровъ, стр. 317. „А друзии же сѣдоша на Деснѣ и по Семи и по Сулѣ"... Ипат. л. стр. 4. „А ниже Бобровицы 2 мили, съ московской стороны, пала въ Днѣпръ р. Сула". Кн. Б. Черт., стр. 94. Интересно замѣтить, что р. Сула есть и въ Прибалтійскомъ краѣ: это — притокъ Нѣмана и упоминается въ лѣтописяхъ. (См. Довнаръ-Запольскаго. Очеркъ исторіи кривичской и дреговичской земель до нач. XIII ст.).

[4]) Историко-статист. опис. Харьк. епархіи. М. 1852 г., ч. стр. 557.

разной фауной [1]). Оттого берега р. Сулы въ самыя отдаленныя времена были обитаемы человѣкомъ,

Близко подходя къ Сейму, р. Сула была важна какъ въ колонизаціонномъ отношеніи, такъ равно и въ торгово-промышленномъ. Кромѣ того, правые возвышенные берега р. Сулы, мѣстами обрывистые и крутые, покрытые лѣсомъ, были весьма удобны для возведенія на нихъ укрѣпленій. Болота, крутизна береговъ, рѣчныя воды и лѣса отлично защищали Посулье отъ враговъ. И дѣйствительно, мы видимъ здѣсь рядъ укрѣпленныхъ пунктовъ, прикрывавшихъ границы Переяславльскаго княжества съ востока. Они возникли здѣсь съ незапамятныхъ временъ.

Въ рѣку Сулу съ правой стороны впадаетъ много притоковъ [2]), изъ которыхъ важнѣйшими считаются; *Роменъ, Удай, Слѣпородъ* и *Оржица.*

Рѣка Роменъ играла не маловажную роль въ древнее время [3]). Находясь неподалеку отъ Десны, возлѣ тѣхъ путей, которыми обыкновенно проникали въ средину русскихъ земель кочевники, р. Роменъ защищала край отъ нападеній послѣднихъ. Здѣсь мы находимъ древнѣйшія поселенія жителей Посулія и поселенія тѣхъ инородцевъ, которые изъ степей приходили селиться на Русь.

Самымъ обширнымъ, многоводнымъ притокомъ р. Сулы, богатымъ всякими угодьями по своимъ берегамъ, была р. *Удай* [4]). Начинаясь въ Черниговской губерніи, съ того возвышеннаго кряжа, откуда берутъ начало р. Остеръ и нѣкоторыя другія рѣчки, р. Удай течетъ вначалѣ незначительной водной лентой въ низкой болотистой долинѣ, покрытой въ прежнее время густыми лѣсами [5]). Нѣсколько разъ мѣняя свое

---

[1]) Арендаренко, стр. 9. Спис. насел. м. Полт. губ., стр. X—XI.

[2]) Въ р. Сулу впадаютъ слѣд. рѣки: Роменъ, Бобрикъ, Лохвица, Удай, Артополотъ, Сулица, Кремянка, Мгарь, Ольшанка, Матяшовка, Слѣпородъ, Оржица, Кривая Руда, Хмелевка и проч., Арендаренко, стр. 11.

[3]) „А Роменъ вытекъ отъ верху р. Остря, отъ городища Бѣлыя-Вежи“ Кн. Бол. Черт., стр. 96. Она вытекаетъ изъ болотъ, находящихся близъ д. Фесовки, Конот. уѣзда. Течетъ сначала по направленію съ востока къ западу, а затѣмъ отъ г. Дмитровки поворачиваетъ на юго-востокъ. Роменъ принимаетъ въ себя притоки: М. Роменъ и Гайворонъ Рѣка Роменъ впадаетъ въ Сулу близъ г. Ромна. Берега низменны и болотисты, отчасти лѣсисты. См. *Домонтовичъ.* Матеріалы для геогр и стат. Россіи, Черниг. г., стр. 29.

[4]) „А выше Лубенъ миля пала въ Сулу р. Удай, а р. Удай вытекла отъ верху Остря рѣки, Бѣлыя-Вежи, отъ Путивля верстъ съ 60“. Кн. Больш. Черт., стр. 95. „А на реце Удои - Дидиковъщизна... земля Пирятинская“. Архивъ юго-зап. Россіи, ч. VII, т. I, стр. 102. Слово—Удай, по всей вѣроятности, тюркское. Подобныя по звуку названія встрѣчаются на Кавказѣ и возлѣ р. Дона: въ бассейнѣ послѣдняго есть рѣка Уда, впадающая въ Донецъ.

[5]) Кромѣ документальныхъ данныхъ, мѣстныя названія говорятъ здѣсь о большихъ лѣсахъ: Боршни, Дубовки, Березовки и проч.

направленіе, р. Удай возлѣ г. Пирятина расширяетъ русло, поворачиваетъ на востокъ и въ этомъ направленіи течетъ до самаго своего впаденія въ Сулу, возлѣ с. Тишковъ. Почти на всемъ своемъ протяженіи р. Удай течетъ въ живописной долинѣ съ возвышенными въ нѣкоторыхъ мѣстахъ берегами по обѣ стороны этой рѣки. Долина р. Удая, покрытая въ значительной степени лѣсами, изобиловала также болотами съ обширными зарослями тростника на нихъ [1]). По теченію рѣки, во многихъ мѣстахъ, разбросаны острова, покрытые лѣсомъ изъ дуба, береста, липы и пр. Въ древности долина р. Удая была покрыта густыми лѣсами, широко раскинувшимися по обоимъ сторонамъ этой рѣки. Рѣка Удай довольно многоводна; въ нее впадаетъ до 16 рѣчекъ [2]). Эта рѣка издревле ограждала Переяславльское княжество съ сѣвера отъ набѣговъ кочевниковъ. Въ XII в. мы находимъ уже здѣсь города: Прилуки, Пирятинъ, Переволоку, Песоченъ и проч. Цѣлый рядъ городищъ безъ названій по берегамъ этой рѣки говоритъ о важности ея въ стратегическомъ отношеніи [3]).

У самаго г. Пирятина въ р. Удай впадаетъ *Переводъ* [4]), — прежде рѣка, теперь же скорѣе болото съ нѣкоторыми признаками рѣки. Какъ рѣка, такъ и лѣса, еще такъ недавно окаймлявшіе ея берега [5]), исчезли въ настоящее время: первая превратилась въ болото съ отдѣльными, несоединяющимися между собою участками стоячей воды, а вторые—вырублены окончательно.

Къ востоку отъ р. Сулы, отдѣляясь отъ послѣдней междурѣчнымъ возвышеннымъ плато, протекаетъ р. *Псёлъ*, со своимъ главнымъ притокомъ *Хороломъ* [6]). Рѣка Псёлъ—наибольшая среди тѣхъ рѣкъ, которыя впадаютъ въ Днѣпръ съ лѣвой стороны, вслѣдъ за р. Десной, къ югу отъ послѣдней Длина этой рѣки доходитъ до 500 слишкомъ

---

[1]) Гуровъ, стр. 479—471. Списки насел. м. Р. Полт. г. стр. XII. Проф. Докучаевъ. Матеріалы къ оцѣнкѣ земель Полт. губ. Пирятин. уѣзда.

[2]) Арандаренко, стр. 11; Списки насел. м., стр. XII. Въ р. Удай впадаютъ слѣдующія рѣки: Иченька, Немировъ, Галька, Полово, Сможъ, Лисогоръ, Утка, Журавка, Махновка, Переводъ, Многа, Небораковщина и пр. Обиліе водъ р. Удая обусловливается тѣми многочисленными источниками и ручьями, которые питаютъ эту рѣку въ ея верхней и средней частяхъ.

[3]) Зап. Имп. Геогр. Общ., т. XI, Маркевичъ. Рѣки Полт. губ., с. 365.

[4]) „Подъ Пирятиномъ пала въ Удай рѣчка Переводъ". Кн. Б. Черт., стр. 96.

[5]) См. карту Кіевскаго воеводства Левассера де-Бопланъ.

[6]) „В суботу поидоша (въ 1111 г.) и быша на Хоролѣ, а в недѣлю доидоша, придоша на Пселъ". Ипат. л. стр. 192. „А ниже р. Сулы пала въ Днѣпръ р. Пселъ, изъ подъ Муравскія дороги, изъ подъ Думчево кургана". Кн. Бол. Чертежа, стр. 96. „А отъ Днѣпра вверхъ по Пслу 50 в., пала рѣчка Хороль, отъ Сулы, а на Хоролѣ отъ устья 20 в., городъ Хороль". Ibidem. „Отъ Сулы 4 мили, гдѣ Хоролъ речка у Пселъ упала, уходы тамъ"... Арх. юго-зап. Рос., ч. VII. т. I, стр. 103.

верстъ. Начинаясь на той водораздѣльной возвышенности въ Курской губерніи, откуда берутъ начало и другія рѣки, впадающія частью въ Днѣпръ, частью въ Донъ, р. Пселъ течетъ на всемъ своемъ протяженіи съ сѣверо-востока на юго-западъ, т. е. параллельно р. Сулѣ [1]). Обиліе водъ этой рѣки, благодаря ключамъ, скрывающимся по ея берегамъ, обширные непроходимые въ древности лѣса, сохранившiеся еще и до сихъ поръ въ значительномъ количествѣ въ верхнемъ теченіи этой рѣки [2]), давали возможность осѣвшему на ней населенію рано развить судоходство [3]), которое сохранялось на этой рѣкѣ до поздняго времени: Петръ Великій строилъ на ней суда для вывода ихъ въ Черное море, противъ турокъ. Особенно лѣсистъ правый, возвышенный берегъ р. Псла. Здѣсь растетъ преимущественно черный лѣсъ, особенно дубъ, кленъ, берестъ и проч. [4]). Лѣвый берегъ — низменный, иногда песчанный, иногда суглинистый или же иловатый [5]). Удобство условій для осѣдлой жизни по берегамъ этой рѣки способствовало раннему заселенію этихъ мѣстъ. Неясные намеки объ этомъ мы имѣемъ уже въ лѣтописи, гдѣ мѣста по рр. Пслу и Хоролу являются, какъ бы своей землей, въ которой русскія войска оставляютъ сани, когда снѣгъ растаялъ и продолжать путь на саняхъ было затруднительно. Рядъ городищъ по теченію этой рѣки своимъ содержимымъ свидѣтельствуетъ о существованіи здѣсь населенія съ самыхъ отдаленныхъ временъ. Но мѣста эти считались опасными, мало обезпеченными противъ случайностей всякаго рода со стороны степи и ея обитателей. Здѣсь по сосѣдству проходили тѣ пути, какими обыкновенно врывались кочевники въ русскія земли: невдалекѣ проходилъ страшный въ древнія времена Муравскій шляхъ, по которому совершали свои набѣги на Русь хищные народы. Неудивительно поэтому, если населеніе по р. Пслу не могло быть прочно привязаннымъ къ политическому тѣлу близлежащихъ земель.

Болѣе 70-ти рѣчекъ изливаютъ свои воды въ Пселъ, и между ними самой большей является р. *Хоролъ* [6]), Сравнительное многоводье этой послѣдней обусловливается тѣмъ, что въ нее впадаетъ около 30

---

[1]) Семеновъ, IV, стр. 228 и 789.

[2]) Въ Сумскомъ у. 1/5 часть земли занята лѣсомъ. Ibidem, стр. 789. См. также Голубовскаго: Печенѣги, Торки, Половцы, стр. 8.

[3]) По берегу Псла, въ землѣ, находятъ остатки древнихъ судовъ. Въ царствованіе Ивана Грознаго, извѣстный предводитель казаковъ, кн. Дмитрій Вишневецкій, съ согласія царя, построилъ суда на р Пслѣ и на нихъ спустился по этой рѣкѣ въ Днѣпръ, чтобы потомъ напасть на турецкія владѣнія (Лѣт. Рус. изд. А. П. V, стр. 194).

[4]) Арандаренко, стр. 13.

[5]) Арандаренко, с. 11, Семеновъ, IV, с. 228. Спис. нас. м. Полт. г., с XII.

[6]) Списки насел. мѣстъ. Полт. губ., стр. XII.

притоковъ, приносящихъ съ собою массу воды. Оттого близъ р. Хорола, по берегамъ послѣдняго, находится много болотъ, покрытыхъ тростникомъ, и были значительные лѣса, тянувшіеся иногда на большое разстояніе. Все это способствовало Хоролу быть въ числѣ заселенныхъ рѣкъ юго-восточной окраины Руси, и въ лѣтописи уже весьма рано находится упоминаніе о Хоролѣ [1]).

Въ числѣ другихъ рѣкъ, впадающихъ въ Пселъ, необходимо указать на *Локню*, *Грунь*, *Ташанскую Грунь* и *Голтву* [2]), послѣдняя въ великокняжеску эпоху носила названіе *Голтавъ* [3]). Незначительныя по своей величинѣ, онѣ, однако, благодаря удобству своего положенія, своей близости другъ отъ друга, давали возможность осѣдлому населенію двигаться понемногу отъ одной рѣки къ другой, все далѣе и далѣе на востокъ. Городища и курганы по берегамъ вышеназванныхъ рѣкъ говорятъ о населеніи, быть можетъ не особенно значительномъ, но существовавшемъ здѣсь съ древнѣйшихъ временъ. Послѣ р. Псла, въ Днѣпръ впадаетъ двѣ небольшія рѣчки: Келибердянка и Кобелячекъ [4]). Ихъ характеръ и значеніе подобны предудущимъ рѣкамъ.

Крайней рѣкой Переяславльскаго княжества, замыкающей его съ востока, была р. *Воркла* или иначе—Върьскла, извѣстная въ начальной лѣтописи подъ именемъ *Върскла* [5]). Это одинъ изъ значительныхъ притоковъ Днѣпра, впадающихъ въ послѣдній съ лѣвой стороны [6]). Какъ теченіе этой рѣки, въ общемъ параллельное рр. Сулѣ и Пслу, такъ и характеръ мѣстности близъ нея почти одинаковы съ вышеназванными рѣками: тоже обиліе лѣсовъ по берегамъ, тѣже возвы-

---

[1]) Въ лѣтописи о Хоролѣ упоминается со временъ Владиміра Мономаха: „томъ же лѣтѣ, говоритъ послѣдній, гонихомъ по Половцѣхъ за Хоролъ". Сводная л., стр. 330. „А отъ Днѣпра вверхъ по Пслу 50 верстъ пала рѣчка Хороль отъ Сулы". Книга Бол. Черт., стр. 96. Судя по иностр. картамъ XVI и XVII вв. населеніе по Хоролу было довольно значительнымъ.

[2]) Р. Локня, впадающая въ Пселъ возлѣ Суджи, играла роль пограничной рѣки, на которой въ древности находились городища. Другая Локня впадаетъ въ притокъ Сейма,—Виры См. Багалѣй. Общ. оч. древн. Харьк. г., с. 8—10. Арандаренко. стр. 13. Списки нас. м. Р. Полт. губ., стр. XII--XIII.

[3]) „И придоша на Пселъ и оттуда сташа на рѣцѣ Голтѣ". Ипат л., стр 192.

[4]) Арандаренко стр. 13. Списки нас. м. Полт губ., стр. XIV. Кромѣ того, идетъ еще цѣлый рядъ небольшихъ рѣчекъ: Ковраецъ, Свинотокъ, Выревидва, Гирманъ и Недогарокъ, которыя теперь по большей части лѣтомъ пересыхаютъ. Ibidem.

[5]) „И оттудо идоша Върьскла (въ 1111 году, во время похода Мономаха въ степи, на половцевъ). Ипат. л., стр. 193. „А ниже Кобыльника 10 верстъ пала въ Днѣпръ рѣка Ворсклъ, протоку 500 верстъ". Кн. Бол. Черт., стр. 97. Въ 1552 г, въ описаніи черкасскаго замка говорится: „Уходы або станы по реце Днепру, а по речкахъ: Ворскле (sic). Орели, Тясмени, и по обеохъ Инъкулехъ, а на Самари озера... См. Архивъ юго-зап. Россіи, ч. VII, т. I, стр. 84.

[6]) Семеновъ, I, стр. 559. Длина Ворсклы свыше 400 верстъ. Ibidem.

шенные, суглинистые правые берега, а лѣвые — низменные; то же богатство рѣки рыбой и дичью, наконецъ—тѣже благопріятныя условія для привлеченія населенія въ замкнутыя лѣсами и болотами укромныя мѣста, по теченію этой рѣки [1]). Ворскла—крайній предѣлъ осѣдлости на юго-востокѣ древней Руси; дальше шла уже сплошная степь, такъ называемыя „дикія поля“. Оттого и станетъ намъ понятнымъ то трогательное прощаніе русскихъ воиновъ другъ съ другомъ, когда они, во время похода на половцевъ, оставляли берега Ворсклы, чтобы выступить отсюда въ степь: „и оттуда,—говоритъ лѣтопись,—идоша Вързскла, ту же завъра, въ среду, хрестъ цѣловаша и възложиша всю свою надежю на хрестъ со многими слезами“.

Остается еще сказать нѣсколько словъ о нынѣшней р. *Срели*, которая въ лѣтописи извѣстна подъ именемъ *Угла* [2]). Эта рѣка, по берегамъ которой рослѣ лѣса (Кошь бояракъ) [3]), служила какъ бы аванпостомъ, защищавшимъ съ юго-востока русскія земли отъ нападеній враговъ. Оттого русскіе князья и направлялись къ этой рѣкѣ, если имѣли въ виду предупредить набѣги кочевниковъ. Еще далѣе къ югу находится р. *Самара* [4]), берега которой, покрытые въ сравнительно еще недавнее время (въ XVI—XVII ст.) густыми лѣсами [5]), служили удобными мѣстами для поселенія. Самара—соотвѣтствуетъ лѣтописному Снопороду [6]).

Кромѣ рѣкъ Днѣпровскаго бассейна, Переяславльское княжество касалось еще своими предѣлами одного изъ важныхъ водныхъ артерій древней Руси—это р. *Дона*, или лучше сказать—его главнаго притока, *Сѣверскаго Донца*. Послѣдній, впадая въ Донъ и такимъ образомъ сближаясь съ Азовскимъ моремъ, въ древнее время игралъ

---

[1]) См. соч. Арандаренко: Спис. нас. мѣст. Полт. г., с. XIII и Боплан. карту Украины.

[2]) Списки нас. мѣст. Р. Полт. губ., стр. XIII. „Богъ помоглъ ему (Мстиславу, 1152 г.) Половци побѣдити на *Углѣ* и на *Самарѣ*“. Ипат. л., стр. 317. „А ниже Ворскла 4 мили пала въ Днѣпръ р. Орель, а вытекла Орель отъ дороги, отъ Мурав. шляху“. Кн. Больш. Черт., стр 98.

[3]) Книга Большого Чертежа, стр. 18 и 97.

[4]) „А ниже Орели 6 миль пала въ Днѣпръ р. Самаръ“. Книга Больш. Чертежа, с. 98. На картѣ Beauplan'a р. Орель показана со многими притоками.

[5]) Beauplan. Description d'Ucraine, 1660 г. р. 17. Лѣтопись говоритъ о *Черномъ лѣсѣ* близъ р. Самары. Ипат. л., с. 369.

[6]) Ипат. л., стр. 369. Названіе „Самара“ близко къ былинному *Смородинка*, или же—*Самародинка*. Названіе *Снопородъ*—испорченное *Слѣпородъ* или *Самородъ* Вѣроятно, мѣстные жители окрестили такъ эту рѣку вслѣдствіе обилія по ея берегамъ скрытыхъ источниковъ, какъ бы дававшихъ рѣкѣ возможность самой возродиться отъ невидимыхъ простому глазу причинъ. Необходимо замѣтить, что въ 1552 г. „уходы“ Каневскаго и Черкасскаго замковъ значились по рѣкамъ: Супою, Оржицѣ, Слѣпороду, Удаѣ, Сулѣ, Пслу, Ворсклѣ, Орели, Самарѣ и пр. См. Архивъ юго-западной Россіи. Т. VII, ч. I, стр. 77—105.

весьма видную роль въ дѣлахъ южной Руси. Верховье С.-Донца находится на той возвышенности, откуда берутъ начало и другія рѣки: Переяславльской земли: Пселъ, Ворскла, Короча и проч. [1]). Общее направленіе теченія этой рѣки къ юго-востоку. Красивое мѣстоположеніе Донца обусловливается тѣмъ живописнымъ холмистымъ райономъ, среди котораго онъ протекаетъ. Сѣверскій-Донецъ служилъ ключемъ къ обладанію не только пріазовскаго побережья, но вообще—значительной части юго-восточной и восточной Руси. Значеніе Сѣв.-Донца обусловливалось какъ его выгоднымъ географическимъ положеніемъ, дававшимъ возможность сноситься съ отдаленными странами, такъ и свойствомъ самой рѣки, обильной въ тѣ времена своими водами, вполнѣ пригодными для практиковавшагося тогда невзыскательнаго судоходства [2]). Въ лѣтописяхъ находится упоминаніе о существованіи городовъ по р. Донцу:—Донцѣ, Сугровѣ и пр.; въ настоящее время по теченію этой рѣки разбросано множество городищъ.

Р. Донъ, протекая вблизи крупныхъ рѣкъ и впадая въ море, получала особенно важное значеніе въ древней Руси. То обстоятельство, что эта рѣка направлялась къ Азовскому морю, обусловливало и ея видную роль. Азовскимъ моремъ открывалась широкая дорога въ Европу и Азію. Мы имѣемъ несомнѣнные доказательства обширности и давности сношеній народовъ, обитавшихъ въ предѣлахъ нынѣшней южной Россіи, съ отдаленными странами Европы и Азіи. Между Крымскимъ полуостровомъ и Азіей издавна существовалъ весьма частый и оживленный обмѣнъ произведеній. Смѣнившіе грековъ, венеціанцы и генуэзцы долго имѣли свои факторіи и города по берегамъ Азовскаго моря, заводя торговыя дѣла съ отдаленными землями. Эти оживленныя сношенія не прекратились окончательно даже тогда, когда южными степями овладѣли кочевники. Близость Волги, отъ которой Донъ отдѣлялся небольшимъ волокомъ, еще больше увеличивала значеніе Донскаго пути. Населеніе Подонья съ незапамятныхъ временъ оказывало вліяніе на политическія отношенія въ древней Руси. Если Кіевъ тянулъ къ себѣ всѣ западныя земли, то восточныя еще долгое время не подчиняются Кіеву; онѣ ускользаютъ изъ подъ его опеки, и

---

[1]) Семеновъ, II, стр. 188.

[2]) При общей ширинѣ этой рѣки около 25 саж., глубина ея колеблется отъ 2 арш. до 3 саж. и болѣе, что вполнѣ достаточно для мелкихъ судовъ, особенно въ весеннюю пору, когда р. Донецъ, подобно прочимъ рѣкамъ, широко разливается въ своей долинѣ. Въ послѣдней на ея покатостяхъ растутъ лѣса и кустарники: возлѣ русла рѣки тянутся болота, поросшія тростникомъ. Истребленіе лѣсовъ по берегамъ Донца и происшедшіе отъ того наносы песку обмелили и значительно измѣнили русло Донца, а мельничныя плотины, пересѣкающія теченіе этой рѣки во многихъ мѣстахъ, сдѣлали возобновленіе судоходства весьма труднымъ. (Семеновъ, II, стр. 110).

только впослѣдствіи, когда Кіевъ окрѣпъ, усилился, со стороны послѣдняго являются попытки подчинить и эти земли своему вліянію: тогда-то произошло завоеваніе Бѣлой Вежи, Тмутаракани, Корчева пр. [1]).

Подводя общую характеристику рѣкъ Переяславльскаго княжества, можно сдѣлать выводъ, что всѣ рѣки, впадающія въ среднее теченіе Днѣпра съ лѣвой стороны, какъ то: Десна съ Сеймомъ, Сула, Пселъ, Ворскла и др. въ княжескую эпоху были сравнительно обильны водой и играли роль посредниковъ, передаточныхъ путей, между двумя великими водными, касавшимися морей, артеріями Руси,—Днѣпромъ и Дономъ. При помощи ихъ, въ сравнительно небольшое время, можно было проѣхать изъ днѣпровскаго бассейна въ донской, а отсюда и въ волжскій. По этимъ то рѣчкамъ двигалось и населеніе древней Руси, постепенно пробираясь все дальше и дальше вглубь степей. Но, представляя большія удобства для развитія осѣдлой жизни, Переяславльскія побережья были вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно удобны для нападеній враговъ, пробиравшихся въ страну параллельно рѣкамъ. Сознавая важность этого района Русской земли, князья очень рано заботятся о возведеніи по берегамъ наиболѣе извѣстныхъ рѣкъ, въ удобныхъ мѣстахъ, надежныхъ пунктовъ опоры — крѣпостей. Сюда обращаютъ свое вниманіе князья, сюда шлютъ они войска для защиты своихъ земель. Вспомнимъ походы св. Бориса въ степи, походы Владиміра Мономаха, Мстислава, Олега Святославича и проч.

Обилію водъ способствовали, конечно, огромные лѣса, росшіе прежде и сохранившіеся еще кое-гдѣ до нашихъ дней по берегамъ нѣкоторыхъ изъ вышеназванныхъ рѣкъ. Мы позволимъ себѣ привести ниже краткій очеркъ лѣсной растительности Переяславльской земли и ея болотъ въ отдаленныя отъ насъ времена княжеской эпохи.

Условія, способствующія росту лѣсной растительности, находились не всюду въ предѣлахъ Полтавской и сосѣднихъ съ нею губерній. По изслѣдованіямъ ученыхъ, тучный черноземъ, покрывающій на большихъ пространствахъ степныя плато приднѣпровскихъ губерній, не былъ удобной почвой для произрастанія лѣсовъ. Быстрое испареніе влаги среди степей не давало возможности лѣсамъ свободно рости на открытыхъ мѣстахъ, если къ этому недоставало другихъ благопріятныхъ условій. Наблюденія ученыхъ, произведенныя во многахъ мѣстахъ нашихъ степныхъ равнинъ Полтавской и Харьковской губ., показали, что тамъ, *„на ровныхъ степныхъ плато, удаленныхъ отъ рѣкъ,*

---

[1]) Что касается вопроса, какимъ племенамъ обязаны рѣки Переяславльскаго княжества своими названіями, то судя по корнямъ рѣчныхъ названій, можно полагать, что онѣ получили свои имена большею частью отъ славянъ: названія тюркскія также встрѣчаются среди Переяславльскихъ рѣкъ и обусловливаются тѣми историческими условіями, какія переживала Переяславльская земля, нерѣдко принимавшая въ свое лоно выходцевъ изъ степей.

ни крупныхъ, ни мелкихъ лѣсовъ никогда не существовало, да и не могло существовать" [1]). Лѣса были распространены только по теченію рѣкъ: въ долинахъ, балкахъ, оврагахъ и проч. Здѣсь изобиліе и мощность лѣсовъ обусловливались, главнымъ образомъ, тѣмъ, что съ одной стороны, мѣстность, занятая ими, была прекрасно дренирована, благодаря обилію ключей, которыя обыкновенно образуютъ у подошвы холмовъ и овраговъ такъ называемыя криницы, а, съ другой, тѣмъ, что рѣчныя испаренія давали обильную влагу окружающей растительности. Эти участки и были покрыты когда то, въ отдаленныя времена, дремучими лѣсами, остатки которыхъ сохранялись еще до самыхъ недавнихъ временъ [2]).

Такимъ образомъ, сплошные большіе лѣса на территоріи Переславльскаго княжества были разбросаны полосами или же отдѣльными клочками, и если встрѣчались по высокимъ нагорьямъ рѣкъ, то всегда въ мѣстахъ, прекрасно дренированныхъ и богатыхъ водою. Изслѣдованія ученыхъ констатировали, что долины рѣкъ и рѣчекъ, болота и балки въ древнее время были покрыты дремучими лѣсами [3]). Песчанныя земли и супески также благопріятствовали лѣсной растительности, но *чистый черноземъ не имѣлъ лѣсовъ* [4]). Такимъ образомъ, мѣстность, изрѣзанная балками, долинами, оврагами, обыкновенно болѣе богата лѣсами, чѣмъ ровная степь; низины же и болота, всегда, при благопріятныхъ условіяхъ, одѣвались сравнительно болѣе густой древесной растительностью.

Если мы взглянемъ на современную карту Полтавской, Харьковской, Черниговской и Курской губерній, гдѣ отмѣчены лѣсныя участки, то убѣдимся въ томъ, что лѣса удивительно какъ развиты именно въ тѣхъ мѣстахъ, которыя въ древнія времена служили границей земель. Начнемъ съ сѣвера, съ того участка, который примыкаетъ къ р. Деснѣ. Здѣсь, по теченію рѣки Остра, служившей въ древности сѣверной пограничной чертой Переяславльской земли, встрѣчается много болотъ и ручьевъ, вмѣстѣ съ порослью лѣсовъ при нихъ [5]). Дремучіе

---

[1]) Докучаевъ, Наши степи прежде и теперь, 74—75. „Древнихъ лѣсовъ ни въ историческое, ни въ доисторическое время никогда не существовало въ приднѣпровскихъ уѣздахъ, въ тѣхъ степяхъ, которыя ниже 65 саженъ надъ уровнемъ моря (Ibidem). Это доказывается пробными разрѣзами черноземныхъ и лѣсныхъ земель. Послѣднія были свѣтлѣе первыхъ, содержали въ себѣ такъ назыв. сѣрыя округленія —„орѣшки", были пронизаны кротовиной, чего нѣтъ въ настоящихъ лѣсныхъ земляхъ". (Докучаевъ, стр. 51—53).

[2]) Ibidem, стр. 67—75.

[3]) Докучаевъ. Наши степи прежде и теперь, стр. 67—75; Congrès intern. d'Archèlogie, tr. m-r Docoutzaeff (см. карту распространенія лѣсовъ въ Полт. и Хар. губ.).

[4]) Докучаевъ, с. 51—75.

[5]) Домонтовичъ. Матеріалы для геогр. и стат. Россіи Черниг. губ. стр. 11; Семеновъ, стр. 570—571.

лѣса и огромныя, не такъ еще давно труднопроходимыя болота, тянулись главнымъ образомъ по правой и отчасти по лѣвой сторонамъ этой рѣки, составляя собою прекрасный оплотъ, солидную границу съ сѣвера [1]). Кромѣ этихъ лѣсныхъ участковъ, обширная площадь лѣсовъ, разросшихся до грандіозныхъ размѣровъ, находилась въ томъ низменномъ углу, который лежитъ между устьемъ р. Десны и Днѣпромъ, протянувшись широкой полосой между двумя вышеназванными рѣками. Здѣсь же находятся обширныя болота и густые, сплошные кустарники [2]).

Такимъ образомъ, мѣстность по теченію р. Остра была издревле болотиста и покрыта дремучими лѣсами. Въ этомъ легко можно убѣдиться какъ по тѣмъ остаткамъ лѣсовъ, какіе еще уцѣлѣли тамъ до нашихъ временъ, такъ и по названію урочищъ, свидѣтельствующихъ о нѣкогда богатой лѣсной растительности въ этихъ мѣстахъ. Еще и теперь здѣсь въ юго-западной части равнины, попадаются длинныя, малопроходимыя болота, бол. частью заросшія лѣсами, кустарниками,— болота, тянущіяся на цѣлые десятки верстъ [3]). Особенно густой растительностью отличалось пространство близъ верховьевъ рѣкъ Остра и Удая. Здѣсь верховья этихъ двухъ рѣкъ, охваченныя со всѣхъ сторонъ сплошными лѣсами, весной сливаются вмѣстѣ, соединяясь болотами, низинами, ручьями. У мѣста сближенія верховьевъ вышеназванныхъ двухъ рѣкъ, въ направленіи къ сѣверу, къ р. Сейму, идутъ болота, извѣстныя подъ именемъ *Смоляжъ Гала.* Они расположены вблизи селеній: Сидоровки, Омбиша, Бурковки, Евлашевки, Прохоровъ и пр. Одна сплошная часть болота имѣетъ въ длину 8 а въ ширину— 5 верстъ [4]). Эта болотистая мѣстность, протянувшись въ направленіи съ сѣвера на югъ, являлась прекрасной защитой земель, лежащихъ на западъ отъ нея; она служила преградой отъ нападеній враговъ, стѣной, пробраться черезъ которую было не легко.

Почти параллельно вышеназванному болоту, нѣсколько къ востоку отъ него, расположенъ былъ другой рядъ болотъ, начинающихся у г. Борзны и сливающихся съ болотами р. Роменъ, впадающей въ Сулу [5]).

---

[1]) Домонтовичъ. Матеріалы для геогр. и стат. Россіи. Черниг. губ., стр. 20. Въ Остерскомъ уѣздѣ 227 озеръ, что говоритъ объ изобиліи водой этихъ мѣстъ.

[2]) Домонтовичъ. Матер. для геогр. и ст. Россіи. Черн. губ, стр. 10.

[3]) Домонтовичъ, Матер. для геогр. и ст. Россіи. Черн. губ., стр. 11; Семеновъ, стр. 570—571. Близъ нижняго теченія р. Остра мы находимъ также рядъ болотъ, особенно въ Козелецкомъ уѣздѣ: таковы болота: *Калита, Мосты, Топило, Бобровское* и проч. (Ibidem.), которыя сливаются при устьѣ р. Остра съ болотомъ Рудой, протянувшимся близъ сс. Красиловки, Требухова, д. Перегудовки.

[4]) Домонтовичъ, Матер. для геогр. и ст. Россіи Черн. губ., стр. 41.

[5]) Ibidem.

Начинаясь отъ г. Борзны, болото идетъ около села Тиницы, затѣмъ подходитъ къ болоту *Большой-Роменъ*, съ которымъ сливается и тянется далѣе уже въ его долинѣ, на протяженіи 52 верстъ, шириною отъ полуверсты до 3 верстъ [1]). Болото *Гайворонъ* [2]), находящееся вблизи с. Гайворона, замыкаетъ собою тотъ участокъ земель, который окаймляется рр. Удаемъ и Остромъ. Еще далѣе на востокъ тянется опять рядъ болотъ, расположенныхъ въ предѣлахъ между р. Сеймомъ и притоками Сулы. Таковы болота: *Верiевское*, оно же—*Гнилицкое*, и и *Сарнавское* идущее отъ с. Гуты на западъ, къ с. Красному, на 15 слишкомъ верстъ въ длину, и до 2 верстъ въ ширину; оно составляется изъ цѣлой сѣти небольшихъ болотъ, несомнѣнно непроходимыхъ въ древнее время [3]); затѣмъ начинается болото *Торговцы*, соединяющееся съ болотомъ Роменъ; оно растянулось на протяженіи 30 верстъ, при ширинѣ отъ 70 саженъ до 1 версты. Неподалеку отъ Тарговицкаго находится болото *Липка*, идущее на протяженіи 18 верстъ, и затѣмъ — болото *Руда*, длиною 10 верстъ, при ширинѣ отъ 70 до 350 саж. [4]). Если и въ настоящее время въ вышесказанной мѣстности, не смотря на истребленіе лѣсовъ и осушеніе значительныхъ участковъ болотъ, послѣднія все таки сохранились, то несомнѣнно, что въ отдаленную княжескую эпоху, они были еще обширнѣе, непроходимѣе, и служили солиднымъ препятствіемъ для нападеній враговъ, которые могли пробраться черезъ нихъ только зимою, когда болота и рѣки покрывались льдомъ. Далѣе къ с.-западу отъ вышесказанной мѣстности болота еще обширнѣе, длиннѣе. Такъ, на пути изъ г. Нѣжина въ Черниговъ находится болото *Смолянка* протянувшееся на 40 верстъ, при ширинѣ отъ 1 до 6 верстъ, и болото *Химовское*, начинающееся отъ деревни Фостики и идущее на 12 верстъ къ югу, къ верховьямъ р. Удая [5]).

Можно полагать, что этими болотами шла граница Переяславльской земли, касаясь затѣмъ на сѣверо-западѣ сплошной стѣны лѣсовъ, начинающихся отъ с. Крахаева и идущихъ до самаго устья р. Десны, подъ Кіевомъ. По своему характеру, всѣ эти болота въ настоящее время принадлежатъ къ неглубокимъ, торфянымъ болотамъ, извѣстнымъ у мѣстныхъ жителей подъ именемъ „пойменныхъ". Рѣдко глубина ихъ превосходитъ 3 аршина; они интересны тѣмъ, что почти всѣ соединяются между собою или съ рѣчными долинами при помощи протоковъ или же ручьевъ.

---

[1]) Ibidem, стр. 42.
[2]) Ibidem.
[3]) Домонтовичъ, Матер. для геогр. и стат. Россіи. Черн. губ. стр. 42.
[4]) Ibidem.
[5]) Ibidem, с. 42 и слѣд.

Такимъ образомъ, на основаніи вышесказаннаго можно полагать, что вся полоса земли по теченію р. Остра, вплоть до истоковъ рр. Удая и Ромна, была, безъ сомнѣнія, занята въ прежнее время дремучими, непроходимыми болотами и дебрями, незначительные остатки которыхъ сохранились до настоящаго времени [1]). Эти-то болота и дебри составляли наилучшую границу Переяславльской земли съ сѣвера.

Тотъ-же лѣсисто-болотистый характеръ имѣетъ мѣстность и дальше на сѣверо-востокъ, въ предѣлахъ земель, прилегающихъ къ водораздѣльнымъ высотамъ между р. Сеймомъ и верховьями рр. Сулы, Псла, Ворсклы, С. Донца, Оскола и пр. Болота расположены здѣсь также по теченію вышеназванныхъ рѣкъ и ихъ притоковъ и отличаются особенной непроходимостью: нѣкоторыя изъ нихъ даже въ лѣтнее время остаются малопроходимыми [2]).

Относительно дальнѣйшаго отдѣла сѣверной полосы Переяславльской земли, расположенной по склону долины р. Сейма, можно сказать, что она нѣсколько не походитъ на предыдущій; и здѣсь лѣса не рѣдки; но вмѣстѣ съ лѣсами здѣсь являются обширныя пространства степныхъ полей, расположенныхъ по возвышенностямъ междурѣчныхъ плато и кряжей. Болота и лѣсные участки встрѣчаются обыкновенно по тѣмъ балкамъ и долинамъ, которыя выпускаютъ изъ себя ручьи и рѣчки, впадающія съ одной стороны—въ Десну, съ другой—въ Сулу, Пселъ, Ворсклу и пр. Въ этой мѣстности, особенно у верховьевъ р. Сулы, существовали нѣкогда большіе лѣса, остатки которыхъ сохранились еще и теперь; здѣсь попадаются лѣсныя пространства, тянущіяся на значительное протяженіе: они подходятъ къ тѣмъ лѣсамъ, которые расположены съ лѣвой стороны теченія р. Сейма.

Верхнее теченіе рр. Сулы, Псла, Хорола и ихъ притоковъ протекаетъ по лѣсистымъ участкамъ, занимающимъ и теперь довольно значительное пространство [3]). О существованіи нѣкогда обширныхъ, дремучихъ лѣсовъ по берегамъ Сулы, Псла, Хорола и другихъ рѣкъ мы имѣемъ многочисленныя доказательства; геологическія изслѣдованія, произведенныя въ бассейнахъ вышеназванныхъ рѣкъ, констатировали существованіе въ данной мѣстности большихъ лѣсовъ, въ древній періодъ жизни русскихъ славянъ [4]); документальныя данныя позднѣйшихъ временъ (межевыя описи, историч. акты, иностранныя карты и проч.)

---

[1]) Болото Остеръ находится на верховьѣ р. Остра, между вершиной рр. Удая и Остра. Здѣсь же кругомъ идутъ и лѣса.

[2]) Семеновъ, стр. 708, 709.

[3]) Семеновъ, т. IV, стр. 776, 789; Багалѣй. Очерки изъ исторіи колониз. степной окраины. Москов. госуд. М. 1887, стр. 14—15. См. карты издан. русскимъ генеральн. штабамъ.

[4]) Докучаевъ. Наши степи прежде и теперь.

ду сосѣдними княжествами. Намъ остается теперь разсмотрѣть расположеніе болотъ и лѣсовъ въ остальныхъ частяхъ Переяславльской земли.

Весь водораздѣльный кряжъ, отдѣляющій систему рѣкъ Сулы, Псла, Ворсклы и проч. отъ рѣкъ Донского бассейна,—кряжъ, откуда беретъ свое начало множество рѣкъ и рѣчекъ, текущихъ въ разныя стороны, естественно долженъ былъ изобиловать водой, главнымъ образомъ—болотами, дающими питаніе рѣкамъ. Обиліе влаги въ этихъ мѣстахъ способствовало произрастанію лѣсовъ, существованіе которыхъ въ древнія времена не подлежитъ сомнѣнію. Еще и въ настоящее время, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Курской и Харьковской губерніи они занимаютъ 1/4 часть всей территоріи. Условія мѣстности восточнаго отдѣла Переяславльской земли благопріятствовали развитію въ послѣдней лѣсной растительности. Водораздѣльное плато между притоками Дона и Днѣпра изобильно усѣяно такъ называемыми круглыми или же овальными блюдцеобразными углубленіями, которыя даютъ богатый, почти неистощимый запасъ влаги подпочвеннымъ слоямъ, а отсюда—окружающимъ рѣкамъ и болотамъ. Такъ, въ Курской и отчасти Харьковской губ., въ тѣхъ мѣстахъ, откуда берутъ начало: Пселъ, Ворскла, Сеймъ и другія рѣки и рѣчки, въ уѣздахъ: Суджанскомъ, Обоянскомъ, Гайворонскомъ, Валковскомъ и проч., находятся такія тарелкообразныя, круглыя углубленія, впадины, закрытыя иногда кустарникомъ, иногда же—лѣсомъ, гдѣ скопляется и долго задерживается попавшая сюда съ весны влага [1]). Хотя почва здѣсь ровна, но она усѣяна этими почвенными углубленіями и во многихъ мѣстахъ обильно покрыта лѣсами [2]). Въ Сумскомъ, напр., уѣздѣ, даже въ настоящее время площадь лѣсовъ составляетъ 1/5 часть территоріи уѣзда [3]). Далѣе на сѣверъ, въ Суджанскомъ уѣздѣ, еще болѣе сохранилось лѣсовъ; здѣсь они занимаютъ почти 1/4 часть всего пространства уѣзда [4]). И теперь возлѣ верховьевъ р. Псла находится еще довольно лѣсовъ [5]). Что касается болотъ, то они обыкновенно находились по теченію рѣкъ, въ сосѣдствѣ съ тѣми мѣстами, которыя были покрыты лѣсомъ. Такъ, мы знаемъ лѣса и болота по теченію р. Ворсклы и ея притоковъ; они то главнымъ образомъ и служили задержкой врагамъ во время ихъ нападеній на Русскія земли. Такимъ образомъ, по теченію рѣкъ восточ-

---

[1]) См. Докучаева, Наши степи и пр., стр. 42, Гурова, пр. Леваковскаго, Семенова, т. I, стр. 389, 390 и 276

[2]) Семеновъ, т. IV, стр. 708.

[3]) Ibidem.

[4]) Ibidem, стр. 675, 776.

[5]) Семеновъ, т. III, стр. 581.

наго отдѣла Переяславльской земли, какъ въ его сѣверныхъ частяхъ, такъ и въ южныхъ, находились большіе лѣса, остатки которыхъ сохранились и до настоящаго времени, исчезая, однако, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе. О крупныхъ дубовыхъ и другихъ лѣсахъ, по рр. Ворсклѣ, Пслѣ, Хоролу и другимъ рѣкамъ мы имѣемъ данныя, собранныя еще не такъ давно [1]), въ древнія же времена лѣсныя заросли при нихъ были несомнѣнно и обширнѣе, и гуще [2]). Въ полномъ согласіи съ вышесказаннымъ находятся труды русскихъ ученныхъ,—гг. Докучаева, Краснова, Гурова и пр., которые на основаніи многочисленныхъ изслѣдованій, установили, что въ предѣлахъ Переяславльской земли, нѣкогда существовали большіе лѣса, но не на всемъ пространствѣ послѣдней, какъ думали нѣкоторые, а только лишь по теченію рѣкъ, главнымъ образомъ, въ долинахъ, гдѣ лѣса тянулись иногда довольно широкими лентами (плавенные лѣса). Мѣстами лѣса шли не сплошной массой, а отдѣльными участками, группируясь по нагорьямъ рѣкъ и рѣчекъ и сливаясь съ пойменными лѣсами; все же остальное пространство восточнаго отдѣла Переяславльской земли было издавна, отвѣка, степью роскошно одѣтой богатымъ покровомъ степныхъ травъ. Здѣсь ровная открытая мѣстность была удобна исключительно только для степной растительности, но никакъ не для лѣсовъ, которыхъ по мнѣнію ученыхъ въ этихъ мѣстахъ и не было вовсе. Степная, черноземная почва этихъ земель не давала возможности успѣшно развиваться здѣсь лѣсной растительности, и послѣдняя чѣмъ дальше отъ рѣчныхъ долинъ, тѣмъ все больше и больше рѣдѣетъ и исчезаетъ, наконецъ, переходя въ чистую типичную степь. По мнѣнію проф. Краснова: „въ восточной и сѣверо-восточной половинахъ Полтавской губ., которыя наиболѣе возвышенны и древни, древесная растительность вполнѣ хорошо чувствуетъ себя только по краямъ высокихъ береговъ рѣкъ и болотъ, гдѣ всасывается изъ нижележащихъ слоевъ влага. Здѣсь наибольшее количество лѣсныхъ формъ; это, повидимому, центры распространенія лѣса, откуда онъ двигался вглубь водораздѣловъ, разрыхляя своими корнями почву, создавая орѣховатый (признакъ лѣсной земли) почвенный горизонтъ и пр.“ [3]). Вообще, изслѣдованіями ученыхъ доказано, что чисто степные, широколиственные лѣса находятся, главн. образомъ, въ тѣхъ мѣстахъ, которые не спускаются ниже 65 саж. надъ уровнемъ моря [4]); внѣ этой высоты степнныхъ лѣсовъ не существуетъ. А между тѣмъ, рядомъ со степью, по

---

[1]) См. Списки насел. мѣстъ Полт. губ., стр. IX.

[2]) См. 8-й съѣздъ естествоиспыт. и врачей,—карту лѣсной растительности лѣвобережнаго Приднѣпровья въ древнее время.

[3]) Докучаевъ, Наши степи прежде и теперь, стр. 74.

[4]) Ibidem, стр. 74, 75.

поймамъ Днѣпра Сулы, Псла и Ворсклы, дремучіе лѣса процвѣтали издревле, представляя мѣстами непроходимую чащу [1]).

Западный склонъ днѣпровско-донскаго водораздѣльнаго кряжа былъ покрытъ въ своей сѣверной части лѣсами которые тянулись и далѣе къ югу; а чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ все болѣе и болѣе попадались сплошныя лѣсныя пространства, главнымъ образомъ, по теченію рѣкъ, такъ что въ общемъ, картина лѣсовъ этого края, въ древнее время, представляла почти безпрерывную линію лѣсовъ, защищавшихъ Переяславльскія окраины востока и съ сѣверо-востока. Такъ, мы знаемъ, что берега верхняго теченія рр. Сулы, Псла и особенно Ворсклы были густо покрыты лѣсами, которые раскинулись здѣсь на значительное пространство [2]). Затѣмъ, чѣмъ дальше къ югу отъ средняго теченія названныхъ рѣкъ, тѣмъ становилось все меньше и меньше лѣсовъ, уступающихъ мѣсто ровной степи или же пескамъ, на которыхъ, однако, попадались клочки отдѣльныхъ лѣсовъ, продержавшихся еще до недавнихъ временъ [3]). Но эти лѣсныя заросли не имѣютъ уже сплошнаго характера: онѣ разбросаны здѣсь въ видѣ отдѣльныхъ участковъ, почти не связанныхъ другъ съ другомъ, и только почва своимъ характеромъ указываютъ намъ на существованіе на ея поверхности въ отдаленныя отъ насъ вѣками времена обширныхъ лѣсовъ [4]). Въ Валкскомъ уѣздѣ, гдѣ берутъ свое начало рѣки Можъ, Турушна и Коломакъ, еще и теперь находится не мало сплошныхъ лѣсныхъ пространствъ, которыя, безъ сомнѣнія, были прежде и обширнѣе и гуще [5]).

Особенно лѣсисты были берега р. Ворсклы съ притоками, главнымъ образомъ, въ верхнемъ ея теченіи. На картѣ современнаго распространенія лѣсовъ въ предѣлахъ Европейской Россіи еще и теперь указаны значительные участки ихъ по теченію названной рѣки. Несомнѣнно, въ старину они были, по размѣрамъ своей площади и по своей густотѣ, значительно большими. На рр. Бѣлкѣ и Буромлѣ, притокахъ Ворсклы, въ княжескія времена находились дремучіе лѣса, остатки которыхъ сохранялись еще въ 17 стол. [6]). Они не исчезли совсѣмъ даже и въ настоящее время.

---

[1]) Ibidem.

[2]) Семеновъ, г. VI, стр. 170—173. Багалѣй, Очерки изъ исторіи колониз. степ. окраины москов. госуд., стр. 15—16. См. иностранныя карты: Боплана, I. Гондіуса, Блейва и пр Ср. современ. карты данной мѣстности издан. Воен. Топогр. Отд Глав. Штаба.

[3]) Семеновъ, IV, стр. 685.

[4]) Семеновъ, стр. 167.

[5]) См. карту Украины Левассера де Бопланъ.

[6]) См. карты: Боплана, Гондіуса, Блейва и пр.; Книгу Больш. Черт, стр. 8, 11. Голубовскаго, Печенѣги, торки и Половцы, стр. 8. Багалѣя, Очерки изъ ист. кол. степ. окр. Моск. г., стр. 14.

Равнымъ образомъ, были лѣса и по р. Мерлу, на всемъ ея протяженіи, начиная отъ верховьевъ и до впаденія въ р. Ворсклу [1]). Особенно значительные лѣса находились по среднему теченію р. Мерла, около Краснокутска, гдѣ они имѣли сплошной характеръ и сливались съ лѣсами, расположенными по р. Котельвѣ [2]). Густой лѣсъ сохраняется еще и теперь на водораздѣлѣ рѣкъ Коломака и Можа. Въ Книгѣ Большаго Чертежа находятся указанія на существованіе въ указанныхъ мѣстахъ непроходимыхъ болотъ и лѣсовъ [3]). Еще и теперь по теченію р. Можа, въ мѣстности около р. Озерянки, есть непроходимыя болотныя и лѣсныя чащи [4]).

Остается еще прибавить къ вышесказанному, что и нижнее теченіе р. Ворсклы также не было безлѣснымъ въ прежнее время, равно какъ и берега двухъ рѣкъ--Орели и Самары, обильныхъ водами и протекающихъ въ удобной для произрастанія лѣса мѣстности [5]).

Что касается рѣкъ Донскаго бассейна, подходящихъ своими верховьями къ вышеназванному водораздѣльному плато, то многочисленныя данныя свидѣтельствуютъ объ обиліи лѣсовъ по берегамъ ихъ. Такъ, въ Курской г., у верховьевъ рр. Донца и Оскола, въ концѣ XVI и началѣ XVII вв. находился обширный, такъ называемый *Музацкій лѣсъ* [6]). Тутъ же, невдалекѣ, по теченію близлежащихъ рѣчекъ находились и другіе лѣса: Погорѣльскій, Юшковы Бояраки и пр. [7]). Верхнее теченіе р. Донца нѣсколько вѣковъ тому назадъ протекало среди лѣсовъ; здѣсь находились лѣса: Болховы Бояраки, Юшковы Бояраки, Долгіе Бояраки, Разумный лѣсъ и другіе [8]). И въ послѣдующее время верхнее теченіе р. Донца было покрыто по обоимъ берегамъ дремучими лѣсами: еще не такъ давно Зміевскіе и Чугуевскіе лѣса, богатые корабельными деревьями, были полны дикимъ звѣремъ и птицей всякаго рода [9]). Возлѣ Изюма также росли обширные лѣса [10]). Черный лѣсъ помѣщается лѣтописью по верховьямъ р. Сама-

---

[1]) Ibidem.

[2]) Ibidem.

[3]) Книга, глагол. Большой Чертежъ, стр. 11: „А межъ Мжа и Коломака, на Муравской дорогѣ рву три версты, а по сторонамъ тово рву обойти нельзя: пришли лѣса и болота". При впаденіи Коломака въ Ворсклу былъ такой боръ, лѣса и топи, что къ нимъ нельзя было и добраться. См. Багалѣя, Очерки изъ исторіи кол. степ. окраин. Москов. госуд., стр. 14.

[4]) Стат. опис. Харьк. Епар., ч. I, стр. 192.

[5]) Beauplan. Description. d'Ucraine, 1660, p. 17. См. Ипат. л., с. 369. Д. И. Эварницкій, Вольности запорожскихъ казаковъ, Спб. 1898, с. 271—283.

[6]) Книга глагол. Большой Чертежъ. М. 1838, стр. 6, 17, 31, 81.

[7]) Ibidem, стр. 12, 22, 14, 29, 34 и 87.

[8]) Курск. губ., стр. VII: Кн. Б. Черт. стр. 24, 25, 26.

[9]) Истор.—ст. опис. Харьк. еп., чт. IV, стр. 283 и стр. 7.

[10]) Ibidem, IV, стр. 193—4; ч I, стр. 197,

ры и Оскола въ XII ст., а это указываетъ на обширность лѣсовъ въ данной мѣстности [1]).

Въ лѣсистыхъ мѣстахъ лѣвобережнаго Приднѣпровья, въ мѣстахъ съ большимъ процентомъ чернозема, произрастаютъ слѣдующія породы деревъ: дубъ, берестъ, грабъ, вязъ, иногда—ясень, осина, липа, кленъ, береза и пр.; на песчаныхъ же участкахъ растетъ преимущественно сосна, ель, верба. Песчаные участки земель съ глинистой подпочвой еще и теперь покрыты значительными лѣсами, особенно осокорью и отчасти дубомъ тамъ, гдѣ песчаный слой сверху прикрытъ черноземомъ. Мѣста влажные преимущественно изобилуютъ ольховыми и березовыми лѣсами, а супещаныя, съ той же глинистой подпочвой,—вербой и ивой, которыя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ достигаютъ огромной величины [2]). Кромѣ того, въ этой полосѣ разбросаны во многихъ мѣстахъ, особенно по берегамъ рѣчекъ и болотъ, въ значительномъ количествѣ кустарники и лозы, бывшіе прежде непроходимыми: глодъ, тернъ, орѣшникъ, крушина и проч. Такимъ образомъ, разсматривая лѣсные участки, находящіеся въ предѣлахъ Переяславльской земли, мы можемъ сдѣлать общій выводъ, что лѣса росли главнымъ образомъ по берегамъ рѣкъ, въ долинахъ послѣднихъ, и изрѣдка внѣ ихъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя по природѣ своей были пригодны для этого, то есть,—содержали постоянно влагу, необходимую для жизни дерева, и были защищены отъ неблагопріятныхъ условій долинами, балками, рѣчными берегами и пр. [3]). Внѣ этихъ мѣстъ, поверхность земли всюду представляла однообразную степь, обильно поросшую крупными, густыми травами, служившими для водившихся тамъ животныхъ и пищей, и убѣжищемъ отъ враговъ [4]). По словамъ стариковъ, въ обширныхъ степныхъ равнинахъ, росли такія могучія травы, „що ажъ по груди хватаютъ, а то ще й бильше, а роса по трави, якъ, вода“ [5]). И дѣйствительно, изслѣдованія ученыхъ подтверждаютъ вышесказанное. Некошенная, несбитая пасущимся скотомъ степь какъ бы покрывалась сверху растительнымъ войлокомъ, который способствовалъ задержанію на ея поверхности весенней и дождевой

---

[1]) Ипат. л., стр. 369.

[2]) Арандаренко. т. I, стр. 60.

[3]) Вспомнимъ, какія мѣры принимало для борьбы со степниками москов. государство, устраивая засѣки и валы по берегамъ рѣкъ, вблизи лѣсныхъ участковъ.

[4]) „Единственный уголокъ, гдѣ еще сохранились мѣстами дѣвственныя степи, находится въ самомъ восточномъ участкѣ Константиноградскаго уѣзда, на земляхъ гг. Струкова и Бѣзака. Здѣсь еще и теперь растутъ ковыли по поясъ человѣка; здѣсь еще и теперь дереза, бобовникъ и вишенникъ образуютъ хотя и низкорослые, но густые, часто непролазные, кустарники, упорно выдерживающіе борьбу со скотомъ и человѣкомъ“, Докучаевъ, Наши степи прежде и теперь, стр. 62.

[5]) Докучаевъ, Наши степи прежде и теперь, стр. 62.

влаги, прекрасно впитываемой и служившей ей для развитія роскошной степной растительности [1]).

Вотъ эти то лѣса и служили, съ одной стороны,—защитой славянскому населенію отъ нападеній враговъ и границей между землями [2]), съ другой—они питали собой множество рѣкъ и рѣчекъ, перерѣзывающихъ страну въ разныхъ направленіяхъ.

Говоря о лѣсахъ и степяхъ Переяславльской земли, мы, конечно, должны сказать нѣсколько словъ о той разнообразной фаунѣ, которая наполняла эти лѣса и степи. Несомнѣнно, въ стародавнія времена княжеской эпохи, дремучіе, мощные, малопроходимые лѣса Переяславльскаго княжества заключали въ своихъ чащахъ, кромѣ общераспространенныхъ и существующихъ понынѣ породъ животнаго царства, еще не малое число и такихъ представителей, которые теперь или совершенно исчезли съ лица земли, или же—сохранились въ незначительномъ количествѣ въ какихъ либо глухихъ, малодоступныхъ и отдаленныхъ уголкахъ Россіи.

Дикіе звѣри, нѣкогда водившіеся во множествѣ въ лѣсныхъ пущахъ Юж. Россіи, принадлежали къ различнымъ породамъ; здѣсь были: туры или зубры (bos primigenius, bos bison) [3]), медвѣди, олени, лоси, дикіе кабаны, серны, волки, лисицы, куницы, соболи, горностаи, бобры, выдры и пр., а изъ птицъ: орлы, лебеди, бабы птицы, гуси, утки, тетерева, рябчики, дрохвы, стрепета, куропатки, и пр. „Въ южномъ краѣ Руси,—говоритъ г. Аристовъ,—гдѣ начиналась степная полоса, обиліе звѣрей и дичи было еще значительнѣе, чѣмъ въ сѣверо-восточной части ея“ [4]). Въ „Поученіи“ Владиміра Мономаха мы находимъ подтвержденіе того, что въ переяславльскихъ и черниговскихъ лѣсахъ водились во множествѣ дикіе звѣри, за которыми усердно охотился, зачастую не безъ риска, этотъ неустрашимый, энергичный князь. Туры, медвѣди, лоси, олени, дикіе кони и разнообразныя птицы служили предметомъ княжеской охоты. Оттого мы и видимъ цѣлый рядъ князей, бывшихъ страстными охотниками на птицъ и звѣрей. Ольга, Мстиславъ Тмутараканскій, Всеволодъ Ярославичъ, Владиміръ Мономахъ и другіе князья—типичные представители охотничьей отваги и энергіи русскаго человѣка въ древнія времена [5]). „Тура мя два метала на розѣхъ съ конемъ,—говоритъ Владиміръ Мономахъ,—олень мя одинъ болъ, а два лося: одинъ ногами топталъ, а другой рогами билъ, вепрь

---

[1]) Докучаевъ. Наши степи прежде и теперь, стр. 62.
[2]) Ibidem.
[3]) Правительственный Вѣстникъ, 1895 г. № 41.
[4]) Аристовъ. Промышл. древней Руси, стр. 5.
[5]) Лавр. л., с. 25—82 и пр.

ми на бедрѣ мечъ отнялъ, медвѣдь ми у колѣна подклада укусилъ, лютый звѣрь (волкъ или рысь) скочилъ ко мнѣ на бедры, и конь со мною поверже“ [1]). Сообщенія арабскихъ писателей (Массуди, Ибнъ-Хордадбегъ, Ибнъ-Фоцланъ и др.) о торговлѣ руссовъ мѣхами бобровъ, соболей, лисицъ, куницъ, горностаевъ и пр., свидѣтельствуютъ о томъ, что охотничій, звѣроловный промыселъ былъ распространенъ среди русскихъ людей съ отдаленныхъ временъ, сохраняясь въ Южной Руси довольно упорно. Въ полной силѣ мы застаемъ его въ XV и XVI вв. [2]).

Объ изобиліи звѣрей въ юго-восточной Россіи сохранились извѣстія, относящіеся къ XIII и XIV вѣку, и нѣсколько болѣе позднему времени. Такъ, Марко Поло, посѣтившій Южную Русь въ 1271 г., говоритъ, что Русь изобилуетъ разными мѣхами: горностаевыми, собольми, куньими, лисьими, ласочкиными. Митрополитъ Пименъ, во время своего путешествія въ 1392 г. въ Царьградъ, проѣзжая черезъ угодья Дона, говоритъ, что здѣсь во множествѣ водились: медвѣди, олени, лоси, дикіе кабаны, козы, лисицы, волки, куницы, зайцы и проч., а также—огромное количество птицъ: орлы, лебеди, гуси, утки, драхвы, журавли, тетерева, рябчики, куропатки и проч. Михаилъ Литвинъ, въ половинѣ XVI ст., сообщаетъ, что „въ лѣсахъ и степяхъ звѣрей множество: дикіе волы (bisontes), дикіе ослы (anagri), олени—убиваются для кожи, а мясо—бросается, кромѣ филейныхъ частей; козъ и кабановъ оставляютъ безъ вниманія. Газелей убиваютъ тысачами. На берегахъ живетъ множество бобровъ. Птицъ удивительно много, такъ что мальчики весной наполняютъ лодки яйцами утокъ, дикихъ гусей, журавлей, лебедей и потомъ ихъ выводками наполняются и птичьи дворы. Орлятъ запираютъ въ клѣтки для перьевъ къ стрѣламъ“ [3]). Въ XVI ст. бобровый промыселъ былъ однимъ изъ важныхъ въ лѣвобережной Украинѣ: въ актахъ XVI ст. весьма часто упоминается о бобровыхъ гонахъ, бобровыхъ уходахъ и пр. Куньи мѣха также добывались въ XVI в. въ Приднѣпровьи. [4]).

Необходимо добавить къ вышесказанному, что еще не такъ давно въ предѣлахъ Переяславльской территоріи водились во множествѣ животныя, нынѣ изчезнувшія изъ тѣхъ мѣстъ. Жившій въ южной Руси, въ первой половинѣ XVII в., франц. инженръ Бопланъ говоритъ, что по берегамъ Днѣпра, ближе къ порогамъ, среди малонаселенныхъ равнинъ, водились дикіе кони, олени, лоси, кабаны, козы и проч. [5]).

---

[1]) Лавр. л., с. 105.

[2]) См. Архивъ юго-запад. Россіи, ч. VII, т. I.

[3]) Аристовъ, Промышл. др. Руси, стр. 6—7.

[4]) См. Архивъ юго-зап. Россіи, ч. VII, т. I.

[5]) Beauplan. Description d'Ucraine, 1660, p. 83. Писатель прошл. вѣка—Рубанъ говоритъ, что дикіе кони водились по р. Орели.

Далѣе, извѣстія еще болѣе поздняго времени подтверждаютъ существованіе многихъ породъ дикихъ животныхъ въ лѣсахъ юго-восточной Руси. Такъ, въ „Хронолого-географическомъ описаніи Слободско-украин. губ. 1767—1777 гг." говорится, что во многихъ уѣздахъ нынѣшней харьковской губ.: харьковскомъ, сумскомъ, изюмскомъ, валковскомъ, мерефинскомъ, ахтырскомъ и др., кромѣ общераспространенныхъ и встрѣчающихся еще и теперь породъ животныхъ и птицъ, попадались, правда уже въ сравнительно незначительномъ количествѣ, слѣдующія животныя: медвѣди, дикія козы, куницы, горностаи, выдры и бобры. Тоже можно сказать и относительно бассейна рр. Десны и Сейма[1]). „Въ XVII ст. въ Путивльскомъ уѣздѣ водилось множество куницъ, лисицъ, волковъ, медвѣдей, лосей, дикихъ кабановъ, такъ что охота на нихъ составляла значительный промыселъ" [2]). Въ позапрошломъ столѣтіи въ Воронежскихъ лѣсахъ водились соболи, зубры, олени, дикіе кабаны и проч. [3]).

Рыбы въ озерахъ и рѣкахъ Южной Руси въ древнее время было огромное количество [4]). Рыбный промыселъ составлялъ одну изъ важныхъ статей въ домашнемъ обиходѣ населенія. Въ XIV и XV ст. рыбная торговля процвѣтала въ Приднѣпровьи, гдѣ составлялись даже для этого особыя артели рыбопромышленниковъ. Рыбу ловили сѣтями, неводами, вершами, въятерями, удочками, на рѣкѣ дѣлали подводныя перегородки русла съ пропусками для прохода рыбы, такъ называемые *ѣзы* [5]).

Укажемъ теперь въ краткихъ словахъ на значеніе рѣкъ, лѣсовъ и болотъ лѣвобережнаго Приднѣпровья для населенія.

Несомнѣнно, рѣчные пути оказывали огромное вліяніе на развитіе народной жизни, служа прекрасными проводниками для колонизаціи, заселенія края, для отдаленныхъ международныхъ сношеній племенъ другъ съ другомъ и, наконецъ,—для развитія политической жизни страны. Система южно-русскихъ рѣкъ замѣчательно способствовала сближенію отдаленныхъ частей Русской земли другъ съ другомъ. Благодаря могучимъ рѣкамъ, сѣверъ и югъ, отдаленныя сѣверныя моря—Бѣлое и Балтійское—и побережья Чернаго, Азовскаго и Каспійскаго морей сближались между собою и со временъ глубокой древности обмѣнивались своими произведеніями. Находившіяся вблизи рѣки болота и лѣсныя заросли отлично защищали населеніе отъ нападеній

[1]) Въ концѣ прошл. стол. медвѣди водились въ Черниговскихъ, Городницкихъ и Березанскихъ лѣсахъ. Шафонскій, стр. 169.

[2]) Багалѣй. Очерки исторіи колонизаціи степной окраины Московск. госуд., стр 8. Олени и лоси водились въ Полтавской губ. еще въ прошломъ столѣтіи. См. Кіев Стар., 1882 г., № 9, стр. 373—379

[3]) Ibidem.

[4]) Beauplan. Description d'Ukranie, p. 14. См. Арх. Юго-Зап. Руси, т. III, ч. I.

[5]) Аристовъ. Промышл. древней Руси, с. 20—31. Арх. Юго-Зап. Р. ч. VII, т I.

враговъ, которые, особенно степняки, сильно боялись лѣса, откуда всегда можно было ожидать внезапнаго нападенія; поэтому, печенѣги, половцы, татары и др. подобные имъ народы во время своихъ набѣговъ старались избѣгать лѣсовъ. Вблизи рѣкъ обыкновенно сосредоточивалось и населеніе, по теченію же рѣкъ проходили главнымъ образомъ и границы между княжествами. Лѣсные участки очень цѣнились населеніемъ, которое, не смотря на постоянно грозившую опасность со стороны кочевниковъ, упорно продолжало оставаться въ своихъ излюбленныхъ мѣстахъ. Съ подобнаго рода явленіемъ можно весьма наглядно познакомиться изъ описаній тѣхъ „уходовъ", тѣхъ угодій, какія имѣлись въ XV и XVI вв. по берегамъ рѣкъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра [1]).

Остается еще сказать нѣсколько словъ о климатѣ описываемой страны. Климатъ Переяславльской земли не можетъ быть названъ мягкимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и не суровъ. Морозы выше 20% рѣдкость. Лѣтомъ же зной бываетъ довольно силенъ. Равнинность страны и обиліе рѣчныхъ водъ составляетъ причину равномѣрности орошенія ея Очертивъ въ краткихъ словахъ физико-географическія условія Переяславльской земли, приступимъ къ опредѣленію ея границъ въ удѣльно-вѣчевой періодъ. Необходимо при этомъ замѣтить, что вопросъ этотъ является однимъ изъ трудныхъ, вслѣдствіе малочисленности, отрывочности, неполноты и зачастую сбивчивости необходимымъ для того данныхъ. Письменные документы,—главнымъ образомъ лѣтописи,—на которыхъ мы будемъ основываться, не даютъ намъ полной и ясной картины прошлаго въ томъ именно отношеніи, которое насъ интересуетъ. Поэтому, мы можемъ представить только приблизительныя черты границъ Переяславльской земли полагая, что строгая точность въ границахъ врядъ ли существовала и на самомъ дѣлѣ. Попытаемся, насколько то возможно, болѣе подробно опредѣлить вышеназванныя границы.

Сѣверной границей Переяславльской земли, была, во-первыхъ, р. Остеръ, затѣмъ—тотъ водораздѣльный кряжъ, который отдѣляетъ бассейнъ Посемья отъ бассейна лѣвыхъ притоковъ средняго теченія Днѣпра [2]), и иногда—теченіе р. Сейма. Очевидно, сѣверные предѣлы Переяславльской земли, начиная отъ р. Остра, проходили нѣсколько выше нынѣшней границы между полтавской и черниговскими губерніями: они скорѣе приближались къ той линіи, которая теперь занята полотномъ кіево-курской желѣзной дороги, но никакъ не проходили ниже послѣдней, какъ это полагали прежніе изслѣдователи [3]). Дѣйствительно, признавать сѣверную границу проходящей ниже р. Остра—мало основаній: обыкновенно защитительный элементъ помѣщается на

---

[1]) См. Архивъ юго-зап. Руси, т. VII, ч. I. А. Яблоновскій. Źródła dziejowe, t. XXII.

[2]) Н. Барсовъ. Очерки рус. истор. географіи, В. 1885, с. 165.

[3]) См. Погодина, IV, с. 230—232; Багалѣя, Ист. Сѣвер. земли, с. 148.

внѣшней сторонѣ границы, но никакъ не на внутреней; защитительный ровъ роется не на той сторонѣ, гдѣ находятся защитники, а на той, откуда нападаютъ враги. Тоже можно примѣнить и къ служащимъ, въ качествѣ защиты, рѣкѣ и болоту. Напротивъ, за прохожденіе границы по р. Остру и по прямой линіи далѣе на востокъ мы имѣемъ нѣкоторыя данныя; во-первыхъ,—Городокъ Остерскій принадлежалъ къ Переяславльскому княжеству; во-вторыхъ,—при построеніи крѣпостей по р. Сулѣ, одновременно строятся онѣ и по р. Остру; а извѣстно, что крѣпости строились главнымъ образомъ на опасномъ пограничьи, внутри же страны—только тогда, когда главная боевая линія не могла удержать враговъ; въ тѣхъ пунктахъ, которые считались наиболѣе опасными, ставились городки-крѣпости, въ остальныхъ,—естественныя условія мѣстности защищали ее отъ нападеній враговъ. Такъ какъ на протяженіи всего теченія р. Остра, по обѣимъ сторонамъ послѣдняго, находились въ древнее время обширные лѣса и болота, то усиленно защищать этотъ именно отдѣлъ сѣверной границы княжества было излишнимъ; однако, въ особенно опасныхъ мѣстахъ, мы находимъ крѣпости, возникшія здѣсь очень рано; это—Городецъ Остерскій, при устьѣ Остра въ Десну, и, по всей вѣроятности,—г. Нѣжинъ, признаваемый одними за древній Уненѣжъ, а другими,—за Нѣжатинъ [1]). Что города существовали по р. Остру уже въ X в.—мы имѣемъ указанія въ лѣтописи: „и нача (Владиміръ) ставити городы по Деснѣ, и по Устрьи, по Трубешеви, и по Сулѣ, и по Стугнѣ“ [2]). Отъ верховьевъ р. Остра граница направлялась къ верхнимъ притокамъ р. Сулы:—Ромну, Терну, Бобрику и проч., приподнимаясь при этомъ нѣсколько къ сѣверу. Здѣсь мы видимъ пограничные города: Вырь, Вьяхань и Попашъ [3]).

Далѣе граница проходила по тому водораздѣлу, который отдѣлялъ Посемье отъ верховьевъ рр. Сулы, Псла, Ворсклы и пр. [4]). Не всегда, однако, этотъ отдѣлъ сѣверной границы Переяславльской земли проходилъ сухопутьемъ; иногда граница касалась р. Сейма; такъ, въ XI ст., въ эпоху борьбы Мономаха со Святославичами, къ Переяславльской землѣ была присоединена р. Вырь съ находящимися на ней населенными пунктами. Городъ Курскъ также по временамъ принадлежалъ Переяславлю [5]). А если два такихъ пункта, какъ Курскъ и

---

[1]) Погодинъ, VI, с. 230—232; Багалѣй, Ист. Сѣвер. земли до полов. XIV ст., с. 148. Н. Барсовъ. Географ. словарь рус. земли, с. 149.

[2]) Ипат. л., с. 83; Лавр. л., с. 119—119.

[3]) Погодинъ, т. IV, с. 276—277; Барсовъ. Матер. для истор.—геогр. словаря Россіи, с. 45, 47.

[4]) Н. Барсовъ. Геогр. начальной лѣт., с. 160; Багалѣй. Исторія сѣв. земли до полов. XIV ст., с. 128; Голубовскій, Ист. Сѣв. земли, с. 62—63.

[5]) Н. Барсовъ. Очерки рус. истор. геогр. Геогр. нач. лѣтописи, с. 164—5.

Вырь, находились въ рукахъ переяславльскихъ князей, то необходимо заключать отсюда, что и Посемье, по крайней мѣрѣ его южная часть, принадлежало нѣкоторое время Переяславльской землѣ. Но въ другія, менѣе благопріятныя для Переяславльской земли времена, граница шла по тому водораздѣлу, который находится между Посемьемъ и верховьями рѣкъ—Сулы, Псла и Ворсклы. Въ этомъ отдѣлѣ сѣверной границы вышеназванной земли мы находимъ рядъ крѣпостей: Вырь, Локню, Путивль, Курскъ и пр.; онѣ лежали на пограничьи Переяславльской земли съ Н.-Сѣверской и частью со степью.[1]).

Включая въ число переяславльскихъ земель и г. Курскъ, мы должны будемъ, сообразно этому, отодвинуть сѣверную границу переяславльскихъ владѣній нѣсколько дальше Курска, поднявъ ее до г. Новосиля (Тульск. г.), такъ какъ до этого мѣста доходили курскія земли[2]). Эта сѣверо-восточная часть земель княжества, за исключеніемъ развѣ узкой полосы по теченію рѣкъ окскаго бассейна, мало имѣла значенія: она проходила по степи, огромнымъ клиномъ врѣзывавшейся между Рязанской и Сѣверской землями. Здѣсь находилось такъ называемое „поле“, т. е. степи: „и послася (говорится въ лѣтописи подъ 1146 годомъ) Изяславъ Мьстиславичъ полемъ къ Ростиславу Ярославичу у Рязань“[3]).

Восточная граница Переяславльской земли проходила по тому возвышенному кряжу, который служитъ водораздѣломъ между днѣпровскимъ и донскимъ бассейнами; она начиналась близъ верховьевъ рр. Псла и Сейма и затѣмъ направлялась къ югу, черезъ верховья рѣкъ: Псла, Ворсклы, Сѣверскаго-Донца и пр.[4]). На эту восточную и юго-восточную границу Переяславльской земли обращаютъ особенное вниманіе сѣверскіе князья, которые имѣли здѣсь свои торговые и политическіе интересы и покровительствовали разсѣянному группами по теченію рр. С.-Донца и Оскола населенію. Въ половинѣ XII в. „владѣнія сѣверскихъ князей простирались отъ устья рѣки Оскола,—Донцомъ, до впаденія въ нее р. Можа; затѣмъ, по теченію послѣдней, водораздѣломъ, до верховьевъ Коломака и его берегомъ, до рѣки Ворсклы“[5]). Далѣе граница спускалась на югъ, по р. Ворсклѣ, до впаденія послѣдней въ р. Днѣпръ. Это—южная граница Переяславльской земли. Здѣсь мы видимъ нѣсколько населенныхъ мѣстъ, безъ сомнѣнія рано занятыхъ славянами; таковы Донецъ и цѣлый рядъ городищъ по теченію С.-Донца

---

[1]) Погодинъ, т. IV, с. 294.

[2]) Погодинъ, т. IV, с. 294.

[3]) Ипат. л., с. 236.

[4]) Н. Барсовъ. Очерки рус. ист. геогр. Геогр. начальной лѣтописи, В. 1885 г. с. 163-4. Погодинъ, IV, с. 293.

[5]) П. Голубовскій. Печенѣги, Торки и Половцы до нашествія татаръ, с. 109.

и далѣе—Полтава и Перволока,—на Ворсклѣ[1]). Восточные и юго-восточные предѣлы Переяславльской земли не могутъ считаться точными: здѣсь вблизи лежали огромныя степи, обитали кочевники, которые то наступали, то отступали въ свои степи, слѣдовательно, прочной границы здѣсь не могло и быть. Р. Ворскла со своими притоками, одѣтая по берегамъ, особенно—верхнимъ и нижнимъ, значительной лѣсной растительностью, служила крайней границей Переяславльской земли съ юго-востока. За Ворсклой уже начиналась чужая земля,—степь, дикая, пустынная, постоянно тревожимая кочевниками съ востока[2]).

На западѣ Переяславльскія границы касались Черниговской и Кіевской земель и на крайнемъ юго-западѣ—пустынныхъ степей. Десна и Днѣпръ отдѣляли переяславльскія владѣнія отъ черниговскихъ и кіевскихъ. Впрочемъ, Днѣпръ не вездѣ отдѣлялъ переяславльскія земли отъ кіевскихъ: послѣднія находились и на лѣвой сторонѣ Днѣпра; онѣ тянулись здѣсь узкой полосой, параллельно лѣвому берегу р. Днѣпра, по теченію р. Корани, текущей близъ лѣвой стороны днѣпровской долины и впадающей въ Днѣпръ неподалеку отъ Переяславля[3]). Слѣдовательно, въ этомъ отдѣлѣ границы Переяславльской земли проходили, вѣроятно, близъ той полосы лѣсовъ, которая тянется надъ долиной р. Днѣпра.

Такимъ образомъ, пространство Переяславльской земли, въ Приднѣпровьѣ, въ лучшую эпоху своего существованія, заключало въ себѣ почти всю нынѣшнюю Полтавскую губ., на протяженіи 300-тъ слишкомъ верстъ по теченію р. Днѣпра, за исключеніемъ, быть можетъ, ея юго-восточной части, находящейся на лѣвой сторонѣ р. Ворсклы,—значительную часть губ. Курской, Харьковской, т. е. юго-западный уголъ первой и сѣверо-западную половину второй, полосу земли въ нынѣшней Орловской губ., до г. Новисиля, и, наконецъ,—южный отдѣлъ Черниговской губ., приблизительно, ту часть ея, которая отрѣзывается линіей р. Остра и подходящими къ верховью послѣдняго водораздѣльными высотами между десенскимъ и средне-днѣпровскимъ бассейнами.

---

[1]) Н. Барсовъ. Геогр. начальной лѣтописи, с. 163, 164. Погодинъ, IV, с. 294 Пассекъ. II, с. 199; Иловайскій, Влад. періодъ, с. 71. Населенныя мѣста существовали по р. Ворсклѣ очень рано и сохранялись долго потомъ. Такъ, въ 1552 г. татары взяли въ плѣнъ нѣсколько сотъ людей близъ мм. Котельвы и Опошни. Въ болѣе раннюю эпоху (XV в.) извѣстны поселенія по р. Ворсклѣ: Опошня, Глинскъ, Бѣльскъ, Куземинъ и пр. См. Ал. Яблоновскаго. Źródla dzejowe, t. XXII.

[2]) Н. Барсовъ. Географія нач. лѣтописи, с. 160—4; К. Пассекъ, границы южной Руси, кн. II, с. 199—202, Beauplan—карта Украины 1649 г.

[3]) Н. Барсовъ. Геогр. нач. лѣт., с. 160; Грушевскій. Ист. Кіев. земли, с. 9; Лавр. л., с. 134.

Кромѣ того, Переяславльской землѣ принадлежала также часть Поволжья, въ промежуткѣ между Окой и верхней Волгой. Приволжскій отдѣлъ земель Переяславльскаго княжества достался послѣднему еще со временъ Ярослава Мудраго, составляя какъ бы дополненіе къ переяславльскому удѣлу [1]). Быть можетъ, впрочемъ, что Приволжье еще до начала удѣловъ находилось въ зависимости отъ Переяславля: существовала какая то связь между сѣверной и южной Русью, и князь ростовскій является также защитникомъ юго-восточной русской окраины [2]). Связь эта, однако, вскорѣ порвалась, и Приволжскій край выдѣлился въ самостоятельную землю.

Въ означенныхъ границахъ заключалась территорія Переяславльской земли. Вообще, предѣлы послѣдней, вслѣдствіе различнаго рода историческихъ обстоятельствъ, часто измѣнялись, сокращались, суживались, особенно съ востока, и юго-востока, гдѣ граница не могла быть вполнѣ опредѣленной и устойчивой: близость степи, постоянно высылавщей все новыя и новыя волны кочевыхъ народовъ препятствовали этому, и мы замѣчаемъ, какъ подъ напоромъ кочевниковъ, границы Переяславльской земли отодвигаются все дальше и дальше на западъ, почти вплоть до теченія р. Сулы, которая была болѣе или менѣе постоянной, прочной защитой вышеназванной страны съ востока. Этотъ же западный отдѣлъ Переяславльской земли, ограниченный съ востока Сулой, былъ главнымъ историческимъ ядромъ ея.

Географическія условія этого края, защищеннаго съ разныхъ сторонъ или широкой рѣкой, или обширными болотами съ порослью густыхъ лѣсовъ при нихъ, или же, наконецъ,—цѣпью возвышенныхъ плоскостей, круто нависшихъ надъ берегомъ рѣки, въ значительной степени способствовали прочному утвержденію здѣсь осѣдлой жизни. Богатство края естественными произведеніями, удобства его географическаго положенія близъ крупныхъ водныхъ путей, съ незапямятныхъ временъ привлекали сюда осѣдлое населеніе. Однако, близость степи, постоянно волновавшей и передвигавшей на западъ все новыя и новыя толпы кочевыхъ народовъ, дѣлала и этотъ край не безопаснымъ. Населеніе и здѣсь чувствовало себя въ постоянномъ страхѣ отъ нападеній кочевниковъ и, насколько то было возможно, старалось оградить и защитить себя отъ нихъ. Рядъ укрѣпленій, относящихся къ отдаленной эпохѣ, расположенныхъ въ удобныхъ мѣстахъ, свидѣтельствуетъ объ опасности, какой съ незапамятныхъ временъ подвергалась эта страна.

---

[1]) См. Соловьева, т. II, стр. 11: Карамзина, II, 46.

[2]) См. Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ, издавн. Срезневскимъ.

Не смотря, однако, на многія невзгоды пограничной со степью жизни, славянское населеніе не ограничивалось западнымъ отдѣломъ Переяславльской земли; оно заходило далеко на востокъ, выбирая для своихъ поселеній болѣе или менѣе удобныя мѣста по берегамъ рѣкъ и болотъ или же вблизи лѣсовъ, длинными лентами перерѣзывающихъ этотъ край. Такъ, мы знаемъ, что славянское осѣдлое населеніе существовало по рѣкамъ Хоролу и Пслу, гдѣ русскія войска, во время княжескихъ походовъ на половцевъ, чувствуютъ себя какъ дома [1]). Далѣе, мы имѣемъ основаніе считать, что осѣдлое населеніе находилось и по р. Ворсклѣ, отлично защищенное здѣсь, какъ мы видѣли раньше, лѣсами, въ изобиліи росшими по обоимъ берегамъ этой рѣки. За рѣкой Ворсклой, въ описываемую нами пору княжеской эпохи, не было уже сплошныхъ славянскихъ поселеній: тамъ начиналась уже дикая, пустынная степь, широкимъ ковромъ разстилавшаяся до береговъ Чернаго и Азовскаго морей. Спорадическое, частью славянской расы, частью смѣшанное до извѣстной степени съ кочевниками, населеніе существовало еще небольшими разсѣянными группами, къ востоку отъ р. Ворсклы, въ бассейнѣ С.-Донца и его притоковъ, но оно не было здѣсь прочнымъ, исчезая или перекочевывая съ мѣста на мѣсто подъ вліяніемъ разнаго рода невгодъ и столкновеній съ кочевыми народами.

Намъ не должно казаться страннымъ существованіе славянскаго населенія въ причерноморскихъ степяхъ. Не надо забывать, что славянскія поселенія нѣкогда простирались вплоть до самыхъ береговъ Чернаго и Азовскаго морей, что здѣсь было русское княжество,—Тмуторокань, привлекавшее къ себѣ взоры русскихъ князей. Существовали какія-то условія, которыя, не смотря на постоянный приливъ кочевниковъ въ южно-русскія степи, давали возможность русскому населенію оставаться на морскомъ побережьи и вести дѣятельныя сношенія съ окружащими землями. Съ древнѣйшихъ временъ, насколько помнитъ исторія, южно-русскія земли, находились въ связи съ морями—Чернымъ и Азовскимъ. Одно изъ послѣднихъ даже носило названіе русскаго моря. Въ начальную эпоху русской исторической жизни, съ паденіемъ хазарскаго царства, сломленнаго русской силой, въ южно-русскія степи открывался свободный доступъ восточнымъ кочевникамъ, и слабо связанное съ политическимъ тѣломъ русской земли разбросанное въ степяхъ населеніе славянской крови то исчезаетъ въ непосильной борьбѣ съ врагами, то переходитъ съ мѣста на мѣсто защищаясь землянными окопами, рвами, лѣсами и болотами, то отливаетъ вглубь Русской земли, подъ защиту ея крѣпостей и военной силы. Вслѣдствіе все большаго и большаго напора кочевниковъ съ востока, вмѣсто наступательнаго движенія, колонизаціи по теченію

---

[1]) Ипат. л., с. 192.

рѣкъ и закрѣпленія новыхъ участковъ за собою, замѣчается постепенно оступленіе населенія на западъ и сѣверъ, и мы видимъ, что мѣста, несомнѣнно раньше занятыя славянскими поселеніями, постепенно подъ напоромъ кочевниковъ попадаютъ въ руки послѣднихъ. Прежнія сплошныя славянскія поселенія разрываются, мало-по-малу отступаютъ изъ наиболѣе опасныхъ мѣстъ, и вскорѣ появляются обособленные участки славянскихъ владѣній, оазисами расположенные среди попавшихъ въ руки инородцевъ пустынныхъ земель. Таковы придонскія поселенія русскихъ, такова Тмутаракань, отрѣзанная отъ Русской земли, но долгое время не перестававшая сознавать свое родство, свою связь съ послѣдней, таковы, наконецъ, бродники, организовавшіе своеобразное государство среди степей и оказывавшіе дѣятельную поддержку своимъ единоплеменникамъ, жившимъ на русскихъ границахъ.

II.

Территорія Переяславльской земли въ древнѣйшій періодъ своей исторической жизни.

Слѣды древнѣйшихъ поселеній въ странѣ. Сообщенія древнихъ писателей о жителяхъ южной Руси. Скиѳы, сарматы, готы и другіе народы, пребывавшіе въ предѣлахъ южной Руси. Славяне и ихъ утвержденіе въ восточно-европейской равнинѣ.

Переяславльская земля представляетъ большой интересъ въ археологическомъ отношеніи. Эта страна еще и до сихъ поръ, не смотря на многія неблагопріятныя условія, продолжаетъ сохранять огромное количество памятниковъ старины, восходящихъ нерѣдко ко временамъ глубочайшей древности. Къ сожалѣнію, отдаленное прошлое вышеназванной земли остается мало разработаннымъ. На Переяславльской территоріи было сдѣлано чрезвычайно мало строго научныхъ археологическихъ изслѣдованій. Въ большинствѣ случаевъ археологическій матеріалъ собирался любителями—коллекціонерами, часто безъ необходимыхъ для науки точныхъ свѣдѣній объ обстоятельствахъ и мѣстѣ, гдѣ была сдѣлана та или другая находка. Только въ областяхъ верхней и средней Сулы и близъ Переяславля археологическія раскопки были произведены болѣе тщательно и подарили науку весьма цѣнными предметами глубокой старины. Если прибавить къ этому нѣсколько изслѣдованій въ Курской и Харьковской губерніяхъ, то мы исчерпаемъ все то, что было сдѣлано археологіей въ лѣвобережномъ Приднѣпровьи. Въ остальныхъ мѣстахъ послѣдняго, не смотря на обиліе и цѣнность археологическаго матеріала, научныхъ изслѣдованій не производилось, и сохранявшіеся дотолѣ памятники старины мало по малу разрушались и исчезали безъ всякаго слѣда для науки. Понятно, при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, нѣтъ никакой возможности возстановить хотя бы приблизительную картину прошлой жизни страны; мы ограничимся только слабымъ, далеко не полнымъ очеркомъ ея, предоставляя будущимъ изслѣдователямъ дѣлать соотвѣтствующія поправки и дополненія.

Счастливая случайность дала возможность констатировать на территоріи Переяславльскаго княжества присутствіе человѣка одновременно съ мамонтомъ, т. е. въ такъ называемый въ геологіи потретичный періодъ. Мы разумѣемъ извѣстную находку г. Каминскимъ въ с. *Гонцахъ* (Лубенскаго у., Полтав. губ.) костей мамонта, частью въ обыкновенномъ, частью же—въ обугленномъ и раздробленномъ состояніи, одновременно съ кремневыми, каменными орудіями человѣка при нихъ [1]). Это было одно изъ интереснѣйшихъ открытій, и, кажется, впервые присутствія человѣка въ предѣлахъ южной Россіи въ столь отдаленную эпоху. Вскорѣ и въ другихъ мѣстахъ Россіи стали мало-по-малу появляться, правда немногочисленные, но все же ясные и убѣдительные слѣды человѣческихъ стоянокъ въ отдаленный тысячелѣтіями періодъ прошедшей жизни [2]).

Все это факты единичные, немногочисленные, но тѣмъ не менѣе чрезвычайно важные для археологіи, такъ какъ ими констатируется существованіе человѣка въ нашемъ отечествѣ, въ отдаленную эпоху пліоценоваго періода, во второй половинѣ ледниковой эпохи. Гонцовская находка не стоитъ особнякомъ; рядомъ съ ней мы имѣемъ еще и другіе [3]), уже болѣе многочисленные факты, о существованіи человѣка на территоріи Переяславльскаго княжества, въ эпоху сравнительно нѣсколько болѣе позднюю, чѣмъ эпоха мамонта, носорога и пещернаго медвѣдя, но все же весьма отдаленную отъ нашихъ дней и теряющую свою хронологію въ неясной дали прошедшихъ вѣковъ.

---

[1]) См. рефераты объ этомъ гг. Каминскаго и Ѳеофилактова въ Трудахъ III Археолог. съѣзда въ Кіевѣ, въ 1874 г. Во время открытія этой находки, одни изъ кремневыхъ орудій были разбросаны вокругъ, другіе—лежали вблизи костей. Кости и человѣческія орудія изъ нихъ находятся частью въ коллекціи Лубенской гимн. (Полтав. губ.), частью—въ музеѣ г. Скаржинской, въ д. Кругликѣ (Лубен. у., Полт. губ.). См. Коллекцію древностей музея Е. Н Скаржинской. Москва. Изд. Имп. Моск. Арх. Общ., стр. 1—2.

[2]) Такъ, были сдѣланы открытія древнѣйшаго пребыванія человѣка въ различныхъ частяхъ Россіи: въ *Эстоніи*, у с. *Кудни*, въ глинахъ прѣсной воды и глинахъ торфяныхъ. Здѣсь встрѣчались остатки изчезнувшихъ животныхъ: bos primigenius, cervus, sus scrofa fer. вмѣстѣ съ остатками битой посуды, каменныхъ и костяныхъ орудій (Congrès intern. d'Archéol. prehist., Nikitin, p. 17); возлѣ *Ладоги*; возлѣ ст. Николаев. ж. д. *Бологое*, у береговъ прежде высоко стоявшихъ озеръ и другихъ водъ. Здѣсь, на ряду съ отшлифованными каменными и изрѣдка отбивными кремневыми орудіями древняго типа, попадаются уже и черепки битой посуды съ орнаментомъ и безъ него, но вообще грубой работы (Ibidem): вблизи г. *Воронежа*—А. Кельсіевъ. Палеолит. кухон. остатки въ с. Костенкахъ, Воронеж. у. и проч. Находка гр. Уваровымъ орудій камен. вѣка близъ с. Карачарова, Влад. губ.

[3]) См. находку г. Мокіевскимъ костей мамонта вмѣстѣ съ кремневыми человѣческими орудіями, въ обрывѣ, на берегу озера въ с. Шаповаловкѣ, Конотоп. у. Черн. губ. Д. Самоквасовъ. Веществ. памятники древности въ предѣлахъ Малороссіи. Изъ протоколовъ антроп. выст. 1879 г.

Эти находки относятся къ такъ называемой эпохѣ каменнаго вѣка. Каменныя, преимущественно кремневыя орудія, какъ-то: ножи, стрѣлы, наконечники копій, молоты, и другія разнаго рода орудія, сѣкиры, примитивная, съ характернымъ орнаментомъ и изломомъ, посуда, изобилующая зернами кварца, и другіе предметы, находимые во многихъ мѣстахъ на вышеназванной территоріи частью въ курганахъ, частью на поверхности земли, иногда въ песчаныхъ розсыпяхъ, иногда вдали отъ послѣднихъ — указываютъ на существованіе здѣсь населенія съ незапамятныхъ временъ. Весьма много предметовъ каменнаго вѣка содержатъ прирѣчныя, покрытыя песками террасы, столь характерныя для рѣкъ Полтавской губ. По выраженію г. Гурова, песчаные бугры, *дюнные холмы по берегамъ современныхъ намъ и давно исчезнувшихъ водныхъ бассейновъ — излюбленное мѣстопребываніе доисторическаго человѣка*[1]). Дѣйствительно, во многихъ мѣстахъ Полтавской губ., въ такихъ дюнныхъ прирѣчныхъ пескахъ весьма часто были находимы предметы періодовъ каменнаго, бронзоваго и послѣдующимъ затѣмъ временъ. Такъ, по теченію р. Трубежа, недалеко отъ г. Переяславля, къ сѣверо-востоку отъ него, въ песчанныхъ дюнахъ, попадаются разломанныя кости животныхъ, куски древней посуды, характерной своимъ строеніемъ (изломъ указываетъ присутствіе зеренъ кварца), своимъ орнаментомъ и своей формой[2]). Подобныя же вещи (кости, посуда, пряслица, угли, грузила, разныя металлическія вещи и пр.) были находимы во множествѣ по берегамъ рр. Днѣпра, Сулы[3]), Оржицы[4]), Удая[5]), Ворсклы и проч. Г-нъ Зарѣцкій, интересующійся Полтавской стариной, собралъ довольно интересную коллекцію разнаго рода предметовъ, найденныхъ въ такихъ песчанныхъ дюнахъ по берегамъ рѣкъ, преимущественно возлѣ Ворсклы, Псла и проч. Здѣсь были отысканы: каменныя, бронзовыя и желѣзныя орудія въ видѣ копій, стрѣлъ, мечей, ножей, кельтовъ, фибулъ, иголъ; стекляныхъ, серебряныхъ и золотыхъ бусъ, глиняной посуды, бронзовыхъ принадлежностей сбруи и проч.[6]). Кромѣ дюнныхъ песковъ, каменныя, кремневыя и костяныя орудія были находимы во многихъ мѣстахъ на территоріи Переяславльской земли. Такъ, каменные топоры были находимы въ г. Переяславлѣ и

---

[1]) Гуровъ, стр. 24.

[2]) Д. Самоквасовъ. Вещ. памят. древн. въ пред. Малороссіи, стр. 2—3.

[3]) Возлѣ сс. Засулья, Песокъ, Березняковъ, д. Солоницы и пр. См. Музей Е. Н. Скаржинской. Мы лично видѣли остатки древней посуды у с. Мацковецъ, Луб. у. Полт. г.

[4]) Возлѣ сс. Золотухъ, Оржицы и пр. гдѣ мы лично видѣли выше описываемые предметы.

[5]) Въ окрестностяхъ с. *Хитцевъ* (Луб. у.). Музей г-жи Скаржинской. Археол. замѣтки (рукопись) пр. В. Б. Антоновича.

[6]) Полтавскій естественно-историч. музей. П. 1892 г., стр. 17; Д. Багалѣй. Очеркъ древностей харьков губ. Харьковъ, 1890 г., стр. 4.

его окрестностяхъ [1]). Кремневыя стрѣлы, изъ такого же матеріала ножи, наконечники копій и другія орудія были неоднократно находимы возлѣ Днѣпра, частью въ Переяславльскомъ, частью въ Золотоношскомъ уѣздахъ. Возлѣ с. *Хоцекъ,* къ юго-востоку отъ г. Переяславля были вырыты изъ песчаныхъ холмовъ: кремневые наконечники стрѣлъ сердцевидной формы, кремневый ножъ, кремневые остатки отъ другихъ ножей; и кромѣ того,—тутъ же нѣсколько бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ и два глиняныхъ сосуда съ сожженными человѣческими костями [2]). Покойный проф. М. Максимовичъ собралъ въ предѣлахъ Золотонош. уѣзда нѣсколько экземпляровъ кремневыхъ ножей, стрѣлъ, каменныхъ молотовъ и проч. [3]). Подобнаго рода предметы встрѣчаются въ значительномъ количествѣ и въ другихъ мѣстахъ, прилегающихъ къ Днѣпру [4]). Такъ, близъ устьевъ р. Сулы, возлѣ м. *Жовнина* и *Прохоровки* найдены каменныя молоты [5]), а возлѣ с. *Лебеховки* (Кременч. у. Полтав. губ.)—кремневые стрѣлы [6]).

Еще болѣе имѣется указаній о каменныхъ орудіяхъ, найденныхъ въ центрѣ территоріи Переяславльскаго княжества. Такъ, каменныя орудія найдены въ Переяславльскомъ уѣздѣ у с. *Вьюнищъ, Пологовъ,* и д. *Кучакова* [7]), вблизи гор. *Лубенъ* (Полт. г.), и въ уѣздѣ послѣдняго: въ сс. *Гонцахъ* и *Повстенъ* (на р. Удаѣ), въ с. *Вязовкѣ,* недалеко отъ р. Сулы, затѣмъ въ х. *Чеберякахъ,* с. *Исачкахъ, Клепачахъ* [8]); въ м. *Монастырищѣ* (Нѣж. у.); возлѣ сс. *Беціевки* и *Медвѣжьяго* (Ром. у.); въ х. *Богодаровкѣ* (Лохв. у.), въ *Лѣсовой слободѣ* (Лохв. у.), въ сс. *Липнягахъ* и *Бѣлякахъ* (Хор. у.) [9]). Кромѣ того,

---

[1]) См. Журналъ Кіев. Город. Музея, находки подъ №№ 455, 465, 486, 494, 453, 464, 516, 536 и пр.

[2]) Самоквасовъ. Основанія хронологич. классифик. стр. 85: его-же: Вещ. памятн. древн. въ предѣл Малороссіи, стр. 2—3.

[3]) Древности камен. вѣка. Указатель выставки 3-го арх. съѣзда въ Кіевѣ, стр. 7. Каменный молотъ и кремневыя стрѣлы, найденныя въ Золотоношск. у. (Полт. губ.), находятся въ музеѣ древностей Импер. унив. св. Владиміра. См. Книгу для запис. вещей муз. Импер. унив. св. Влад., № 1364.

[4]) См. Журналъ Кіев. Город. Музея: находки подъ №№: 370, 375, 381, 403, 444 и 451.

[5]) Указ. выст. 3-го арх. съѣзда въ Кіевѣ, стр. 7. См. коллекцію древн. въ музеѣ г-жи Скаржинской, стр. 2.

[6]) Ibidem.

[7]) Здѣсь въ глинистомъ торфѣ, на мѣстѣ бывшаго кургана, былъ найденъ полированный молотъ-топоръ съ просверлиной для рукоятки. См. Книгу для запис. вещей музея древностей Импер. унив. св. Владиміра, № 2754. Въ с. Вьюнище были находимы каменныя орудія. См. Журналъ Кіев. Город. Музея, №№ 516, 536, 548, 594, 550, 556.

[8]) Въ с *Исачкахъ* найденъ четыреуг. пирамид. топоръ изъ бѣлаго кварца безъ просверлины, нѣсколько кремневыхъ осколковъ, орнаментованныхъ черепковъ и пр. См. музей Скаржинской: Замѣтки (рукопись) проф В. Б. Антоновича.

[9]) Ѳ. Каминскій. Слѣды древн. эпохи каменнаго вѣка по р. Сулѣ и ея прито-

слѣды каменныхъ орудій и могилъ древней эпохи были констатированы возлѣ сс. *Воронькова*, *Вишенекъ*, *Гнѣдина*, *Койлова*, *Броваровъ*, *Скопцевъ*, *Селища*, *Войнинцевъ* и западной границы княжества близъ *Пуховки*, *Лѣтокъ* и пр.[1]). Далѣе, орудія и другіе предметы изъ камня были находимы и вблизи сѣверной и восточной границъ Переяславльскаго княжества, въ Конотопскомъ и Борзенскомъ уу., Черниговской губ., и въ Роменскомъ у. Полт. г.[2]). Затѣмъ, кремневыя орудія открыты возлѣ городищъ Кукольскаго и Хазарскаго, а также въ Изюмскомъ, Купянскомъ и Богодуховскомъ уѣздахъ Харьковской губ. На юго-восточной окраинѣ, по теченію р. Орели, найдены погребенія каменнаго вѣка[3]).

Кромѣ того мы имѣемъ указаніе, что человѣкъ каменнаго вѣка жилъ по берегамъ средняго теченія р. Удая. Возлѣ с. *Б. Кручи* (Пирятинскаго у., Полтавской губ.), былъ раскопанъ проф. В. Б. Антоновичемъ курганъ, гдѣ покойникъ имѣлъ окрашенныя въ красную краску голову и другія кости[4]). Тоже было констатировано и близъ г. Лубенъ (Полт. г) и въ полосѣ Приднѣпровья, близъ *Переяславля*, *Бубновской Слободы* и пр.[5]).

Кромѣ предметовъ каменнаго вѣка, на территоріи Переяславльскаго княжества, попадается не мало предметовъ, сдѣланныхъ изъ бронзы. Послѣдніе частью относятся къ скиѳской эпохѣ и попадаются на ряду съ желѣзными, очевидно распространявшимися среди скиѳовъ,

камъ. См. Труды III археол. съѣзда въ Кіевѣ, въ 1874 г., стр. 147—152, и Музей Е. Скаржинской. Вблизи сс. Липняговъ и Бѣляковъ найдены каменные полированные топоры—молоты, а возлѣ с. Медвѣжьяго—камен. молотъ. Замѣтки (рукопись) проф. В. Б. Антоновича. Возлѣ м. Монастырища (Нѣж. у., черниг. губ.), найдена каменная, шлифованная, сѣкира со сверлиной. Д. Самоквасовъ. Веществ. памят. древн. въ предѣлахъ Малороссіи, стр. 4.

[1]) Въ х. *Олава* (Ромен у., полт. г.) найденъ каменный полированный топоръ—молотъ, а вблизи обширнаго городища у с. *Бецѣевки* (Роменск. у.)—кремневыя стрѣлы. Археол. замѣтки (рукопись) проф. В. Б. Антоновича.

[2]) Указ. выст. 3 арх. съѣзда, с. 12—14. Багалѣй. Общ. оч. древн. Хар. г. 1890, стр. 2—3; Гр. Уваровъ. Каменный вѣкъ, II стр. 84; Музей г. Зарѣцкаго въ г. Полтавѣ (раск. у Лихачевки): музей Е. Скаржинской — кремневыя наконечн. стрѣлы у с. Твехпзбеннаго (Харьк. губ., Староб у.).

[3]) Н. Бѣляшевскій. Первобытный человѣкъ на берегахъ р. Днѣпра. Кіев. Стар., 1890 г., апр., стр. 1—21. Д. Самоквасовъ. Вещ. пам. древн. въ пред. Малороссіи, стр. 3; его-же—Осн. хрон. клас.. стр. 9. Книга для запис. вещей музея древн. Импер. унив. св. Владиміра, № 2858—2926. Т. Кибальчичъ. О нахожденіи предметовъ каменнаго періода на лѣвомъ берегу р. Днѣпра, въ 1879 г., Спб. 1880 г., стр. 6—8 и 15. О камен. орудіяхъ близъ Пуховки и Лѣточекъ см. Журналъ Кіевск. Город. Музея №№ 275, 282, 284, 285, 294, 303, 307, 346. О наход. по р. Орели см. Нидерле. Челов. въ доисторич. вр., с. 148—9.

[4]) В. Б. Антоновичъ. Дневникъ раскопокъ (рукопись), стр. 48.

[5]) Въ расположенныхъ къ ЮЗ отъ г. Лубенъ валахъ попадаются кости, окрашенныя въ красный цвѣтъ. О каменныхъ предметахъ близъ г. Переяславля см. раскопки г. Бранденбурга 1902 г., Зноско-Боровскаго, дневники котораго находятся въ Кіевскомъ городскомъ музеѣ.

и съ каменными, являющимися съ ними вѣроятно въ силу традиціонныхъ обрядовъ, какъ извѣстно удерживающихся у нѣкоторыхъ народовъ очень долго, частью относятся къ болѣе позднему времени. Кромѣ того, здѣсь встрѣчаются также бронзовыя издѣлія, очевидно, болѣе ранняго періода, преимущественно оружіе, сдѣланныя исключительно изъ бронзы. Это какъ бы намекаетъ, что на территоріи Переяславльскаго княжества существовала мѣстная обработка бронзы. Однако, сказать утвердительно, что она существовала на югѣ Руси мы не можемъ за недостаткомъ соотвѣтственныхъ фактическихъ доказательствъ. Правда, у насъ есть кое-какія указанія на счетъ мѣстнаго производства бронзовыхъ издѣлій на югѣ Руси, а именно: 1) открытіе древней разработки мѣди въ Бахмутскомъ у., Екатеринославльской губ.[1]). 2) находка въ Полтавской губ. возлѣ с. Березняковъ и у м. Триполья бронзовыхъ формъ для выдѣлки ножей и другихъ предметовъ[2]); но эти указанія слишкомъ малочисленны и не могутъ послужить для общихъ выводовъ на этотъ счетъ. Не рѣшая вопроса объ этомъ категорически, а признавая, что многія изъ бронзовыхъ издѣлій могли быть привозными, мы можемъ, однако, указать на нѣсколько находокъ бронзовыхъ предметовъ на территоріи Переяславльской земли какъ въ мѣстности, лежащей ближе къ историческому центру, такъ и по окраинамъ ея. Бронзовые предметы домашняго обихода и вооруженія (фибулы, браслеты, серьги, головныя шпильки, булавки, кольца, пряжки, бубенчики, подвѣски, копья, стрѣлы, топоры, серпы, долота, псалліи, лопатки, гирьки и пр.) были находимы во многихъ мѣстахъ на территоріи Переяславльской земли, а именно: близъ *Переяславля*[3]) и въ уѣздѣ послѣдняго, въ селеніяхъ: *Вьюницахъ*[4]), *Цибляхъ*[5]), *Лѣплявомъ*[6]), *Келебердѣ*[7]), *Козинцахъ*, *Хоцкахъ*[8]), *Карани*[9]), въ золотоношскомъ уѣздѣ: въ с. *Прохоровкѣ*[10]); затѣмъ близъ г. *Лубенъ*[11]), *Монастырища*[12]), *Остра*[13]),

---

[1]) Труды III арх. съѣзда въ Кіевѣ, т. II, стр. 211.

[2]) Коллекція древн. изъ музея Е. Скаржинской, стр. 9. Бѣляшевскій, Первобытный человѣкъ на берегахъ р. Днѣпра, стр. 19.

[3]) Въ Переяславлѣ были найдены: бронзов. бубенчики, бронз. наконеч., копья, браслеты, серьги съ подвѣсками и проч. украшенія. См. Журналъ Кіев. Город. Музея, находки подъ №№: 742, 2434, 2462, 2467, 3042 3, 6115, 6124, 6611, 6614, 6622.

[4]) Ibidem, № 2747, 2826, 6570, 6908. Здѣсь б. найдены бронзовыя фибулы, бронзовые браслеты.

[5]) Ibidem, № 2717.

[6]) Ibidem, №№ 782, 2921—3, 2471, 2445, 2479, 2889, 6102, 6108, 6594. 6885—6, 6932, 7084. Здѣсь были наход. бронз. фибулы, шпильки, гирьки, подвѣски, топорики и проч.

[7]) Ibidem, №№ 1869—75, 1975, 2375, 2447, 2466, 2914, 2928 34, 3029, 6571—4, 6616, 6945—58, 6978, Здѣсь были находимы: бронзов. фибулы, браслеты, пряжки, пуговицы, кольца, пояски и проч.

[8]) Ibidem, № 2652 и № 783.

[9]) Ibidem, №№ 6209, 6562—3. Здѣсь были находимы бронзов. фибулы и бронзовыя псалліи.

[10]) Ibidem, № 2840—42. Бронзовыя удила; № 2457—бронзовыя кольца.

[11]) Ibidem, № 759.

[12]) Ibidem, № 2450. Мѣдное кольцо.

[13]) Ibidem, № 2787, 2882. Бронзов. кольца.

д. *Старгородки*[1]), *Погребовъ*[2]), *Переволочной*[3]), *Каратулей*[4]), *Пуховки*[5]), и проч. Кромѣ того, бронзовые кельты были найдены; вблизи дд. *Клепачей* и *Александровки* (въ 7 верст. отъ г. Лубенъ)[6]); возлѣ с. *Вишенекъ* (Остерскаго у., Черн. г.)[7]); возлѣ м. *Маячки* (Кобелякскаго у.), въ небольшомъ курганѣ—5 бронзовыхъ кельтовъ[8]); бронзовые кельты попадаются также въ песчаныхъ розсыпяхъ въ *Богодуховскомъ, Купянскомъ, Изюмскомъ* и *Старобѣльскомъ уѣздахъ* (Хар. губ.[9]). Бронзовыя стрѣлы были находимы во многихъ мѣстахъ Переяславльской территоріи, а именно: возлѣ г. *Ромна* (Полт. г.), въ аксютинскихъ и волковецкихъ курганахъ[10]), г. *Борзны* (Черн. г.)[11]); г. *Лубенъ* (Полт. губ.)—въ курганахъ *Лысой Горы* и въ курганѣ *„св. Аѳанасія"* близъ Лубенскаго Мгарскаго монастыря, возлѣ сс. *Шершневки, Александровки, Мацковецъ, Лукомья* (Луб. у.)[12]);—мѣдныя и бронзовыя стрѣлы[13]) возлѣ д. *Клепачи* (Луб. г.), въ урочищѣ „Парпуровщина"[14]); по р. Удаю: въ *Заудайкахъ, Павстенѣ, Варвѣ, Гонцахъ, Духовой, Лушникахъ, Тишкахъ*[15]) и въ нѣсколькихъ мѣстахъ Лохвицкаго у.[16]); въ золотонош. у., въ песчанныхъ розсыпяхъ противъ устья р. Роси возлѣ *Прохоровки и Бубновской Слободы*[17]), вблизи с. *Хоцекъ* (Переясл. у.)[18]); *Гнѣдина* и *Вишенекъ* (Остер. у., Черн. г.)[19]),

[1]) Ibidem, № 2798--2801. Бронзов. кольца.

[2]) Остер. у. Черниг. г. Ibid. № 2239—42 бронз. булавки и № 6105—бр. шпилька.

[3]) Полтав. губ., кобеляк. у., № 2885—6. бронзов. фибулки. Ibidem.

[4]) № 2370--бронзов. подвѣска. Ibidem.

[5]) Остер. у. Черн. г. № 6565. Часть фибулы. Ibidem.

[6]) Коллекція древностей изъ музея Е. Н. Скаржинской, въ д. Кругликѣ, Лубен. у., Полт. г., с. 9). Кельтъ былъ найденъ въ землѣ, въ лѣсу, на глубинѣ 5 вершковъ.

[7]) Тамъ же найдена и бронзовая пила. К. Мельникъ. Каталогъ коллекціи древн. А. Поль въ Екатеринославѣ. Кіевъ, 1893 г., стр. 36.

[8]) Музей г. Поля. Замѣтки (рукопись) В. Б. Антоновича.

[9]) Д. Багалѣй. Общій очеркъ древн. Харьк. губ., 1890 г., стр. 5. Бронз. кельтъ и бронз. топорикъ были найд. у с. Трехизбеннаго. (Староб. у.) см. музей Е. Скаржинской.

[10]) Гр. Бобринскій. Курганы и сл. арх. нах., стр. 162; Дневникъ раскопокъ (рукопись) проф. В. Б. Антоновивича, стр. 21; Д. Самоквасовъ. Основ. хронолог. классиф., стр. 29, 30 и 35; Кибальчичъ. Древности, Кіевъ, 1876 г., стр. 19—20. Б. И. Ханенко. Древности Приднѣпровья, в. II.

[11]) Труды Импер. Москов. археол. общ., т. X, стр. 32—34.

[12]) Музей Е. Скаржинской. Коллекція древностей, стр. 5, 8 и 9.

[13]) Прозоровскій. Опись предметовъ, хранящихся въ музеѣ Импер. рус. арх. общ. Спб. 1869 г., стр. 69.

[14]) Коллекція древностей музея Е. Скаржинской, стр. 12.

[15]) Зап. Арх. Общ. т. III, стр. 200—1. Музей Е. Скаржинской.

[16]) См. указатель выставки 3-го арх. съѣзда въ Кіевѣ, въ 1874 г. стр. 42.

[17]) Коллекція стрѣлъ. М. Максимовича. Книга музея университета св. Владимира, № 1366—88. Журналъ Кіев. Город. музея. Раскопки г. Зновско-Боровскаго.

[18]) Д. Самоквасовъ. Основ. хронол. классиф., стр. 85.

[19]) Бронзовый наконечникъ дротика. Бѣляшевскій. Первобытный человѣкъ на берегахъ Днѣпра, стр. 11—12.

цѣлый рядъ находокъ бронзовыхъ предметовъ близъ г. Ромна, въ сс. Волковцахъ, Аксютинцахъ, Будкахъ и пр., возлѣ сс. *Глиница* и В. *Будищъ* (Зѣньк. у.), и близъ г. *Полтавы* [1]) Въ с. *Лебеховкѣ* (Крем. у.) отысканы: бронзовыя цилиндрическія трубочки съ привѣсками, бронзовыя стрѣлы, серебряныя бляхи и разнообразныя бусы [2]). Наконецъ много бронзовыхъ вещей и такія же орудія отысканы въ песчаныхъ розсыпяхъ въ *Богодуховскомъ*, *Купянскомъ* и *Изюмскомъ* уѣздахъ Харьковской губ. [3]).

Перечисленныя указанія не исчерпываютъ, конечно, всего того, что могло бы быть найдено при систематическомъ и правильномъ изслѣдованіи края; несомнѣнно, каменныя и бронзовыя орудія отыскались бы еще во многихъ и многихъ мѣстахъ на территоріи Переяславльскаго княжества. Для насъ же важны, однако, и тѣ немногія указанія на присутствіе въ краѣ человѣка въ болѣе или менѣе отдаленный періодъ каменнаго вѣка.

Отрывочность и немногочисленность археологическихъ данныхъ не позволяетъ намъ представить послѣдовательный переходъ отъ одной эпохи къ другой. Мы можемъ только констатировать, что грубая, почти первобытная жизнь мѣстнаго населенія не отличалась однообразностью и неподвижностью. Напротивъ, мы здѣсь замѣчаемъ постепенное вытѣсненіе прежнихъ грубыхъ формъ болѣе цивилизованнымъ элементомъ, который является совмѣстно съ прежними условіями, но уже не въ подчиненной роли, а въ роли господствующей. Мы разумѣемъ совмѣстное нахожденіе, наряду съ грубыми, часто обрядовыми сосудами (черепяными или же металлическими) и другими вещами; предметовъ высокаго искусства, но, конечно, не мѣстнаго производства, а привозныхъ изъ чужихъ странъ. Такъ какъ нахожденіе въ курганахъ каменныхъ орудій вмѣстѣ съ другими, металлическими и глиняными болѣе высокой работы, пріурочивается въ наукѣ иногда къ такъ называемой скиѳской эпохѣ, то мы и перейдемъ къ описанію скиѳскаго періода на югѣ Россіи, предпославъ предварительно краткій очеркъ удобствъ и неудобствъ Переяславльской территоріи для кочевниковъ и ихъ полукочевныхъ сородичей.

Земли къ востоку отъ средняго теченія р. Днѣпра, по своему характеру, представляютъ переходную ступень между лѣсными и степными землями южной Руси. Этотъ отдѣлъ послѣдней не могъ быть, какъ извѣстно, названъ совершенной степью, такъ какъ заключалъ въ себѣ не мало лѣсныхъ участковъ, особенно по берегамъ рѣкъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не могъ онъ также считаться и лѣсной землей, потому что лѣса, судя по изслѣдованіямъ ученыхъ, какъ теперь, такъ

[1]) Б. И. Ханенко. Древности Приднѣпровья. Вып. II. Полтав. земскій естеств.-историч. музей, Полтава, 1892 г., стр. 19. Отчетъ Импер. Арх. Ком. 1895 г., с. 23.

[2]) Указат. выст. при 3 арх. съѣздѣ въ Кіевѣ, с. 40—42. Отч. Арх. Ком. 1890—8 гг.

[3]) Д. Багалѣй. Общій очеркъ древностей Харьков. г., 1890 г., стр. 5.

и въ древнее время, никогда не покрывали ея поверхности такимъ густымъ сплошнымъ покровомъ, какъ это предполагали раньше. Лѣсные участки являлись по большей части, въ мѣстахъ низкихъ, по берегамъ рѣкъ и озеръ, въ мѣстахъ поемныхъ, могущихъ обильно увлажняться испаряющейся влагой. Вся эта страна имѣла такой характеръ, что соединяла въ себѣ всѣ необходимыя условія какъ для степной, кочевой жизни, такъ и для жизни осѣдлой. Общій характеръ поверхности страны: равнинность ея ближайшихъ къ Днѣпру участковъ, параллельность рѣкъ, текущихъ по степной равнинѣ, постепенно склоняющейся къ Днѣпру, и лѣсистость склоновъ по берегамъ ея рѣкъ въ такой пропорціи, что на сѣверѣ, югѣ-востокѣ и на югѣ, по окраинамъ территоріи Переяславльскаго княжества, находились наиболѣе лѣсные участки,—все это, конечно, способствовало въ значительной степени осѣдлости тѣхъ племенъ, которыя когда либо сталкивались съ вышеназванной землей [1]). Страна эта одинаково была удобна и для быстраго перехода черезъ нее по тѣмъ промежуточнымъ между рѣками, параллельнымъ другъ другу равниннымъ пространствамъ, плато, которыя тянутся отъ р. Днѣпра на востокъ,—и для осѣдлости, которая могла основаться въ удобныхъ, укромныхъ мѣстахъ, по берегамъ рѣкъ, защищенныхъ лѣсами и болотами и другими естественными условіями: крутыми берегами, оврагами, озерами и проч. Можно поэтому думать, что населеніе Приднѣпровья составлялось въ теченіи долгаго ряда вѣковъ какъ изъ постепеннаго разселенія народовъ по теченію рѣкъ, такъ и изъ тѣхъ отдѣлявшихся отъ безконечнаго передвигавшихся племенныхъ массъ, этнографическихъ элементовъ, которые по какимъ либо причинамъ считали для себя болѣе выгоднымъ промѣнять кочевую жизнь на осѣдлую. Мало-по-малу, такія группы осѣдали въ странѣ и тѣмъ увеличивали ростъ населенія въ ней. Это общее соображеніе, какое можно приложить относительно заселенія вышеназванной территоріи. Необходимо замѣтить далѣе, что переходныя территоріи, по которымъ двигались народы изъ однихъ мѣстъ въ другія, обыкновенно имѣютъ такой сложный характеръ своего населенія. Что касается Переяславльскихъ земель, то онѣ, безъ сомнѣнія, служили съ незапамятныхъ временъ такой переходной ареной, черезъ которую непрерывной волной стремились различные народы въ ту или другую сторону. Съ древнѣйшихъ временъ исторія передаетъ намъ несомнѣнный фактъ—постояное движеніе народовъ, съ востока, изъ средней Азіи, на западъ, черезъ предѣлы южной Россіи [2]). Движенія эти, въ большинствѣ слу-

[1]) Земли по Остру, Трубежу, Супою, Удаю и проч. рѣкамъ были населены въ очень отдаленное отъ насъ время, что доказывается археологич. находками на берегахъ этихъ рѣкъ.

[2]) Въ древнее время, насколько то знаетъ исторія, это движеніе имѣло направленіе съ востока на западъ, при чемъ главную массу движенія составляли разнаго

чаевъ, производились кочевыми народами, конечно, черезъ тѣ обширныя степныя пространства, которыя разстилаются широкой полосой на югѣ Россіи. Не смотря однако, на частоту этихъ передвиженій, мы замѣчаемъ съ древнѣйшихъ временъ несомнѣнныя признаки осѣдлости въ предѣлахъ между Днѣпромъ и Дономъ.

Первыя извѣстія объ обитателяхъ южной Россіи вообще и приднѣпровкаго края,—въ частности, даютъ намъ древніе писатели, какъ греческіе, такъ и римскіе: Гомеръ, Геродотъ, Діодоръ, Гезіодъ, Страбонъ, Плиній и проч оставили довольно значительное количество драгоцѣнныхъ свѣдѣній о нашихъ краяхъ[1]). Правда, свѣдѣнія эти не могутъ отличаться точностью и строгой опредѣленностью, но, за неимѣніемъ другихъ, они все же даютъ существенный матеріалъ для возсозданія хотя бы только нѣкоторыхъ основныхъ чертъ жизни нашего края въ то отдаленное время. За VI вѣковъ до Р. Х. по сѣвернымъ берегамъ Чернаго моря находилось много греческихъ колоній, отличавшихся богатствомъ, многолюдностью своихъ городовъ и дѣятельнымъ, промышленно-торговымъ характеромъ своихъ жителей[2]). Если эти колоніи были многочисленны, если онѣ процвѣтали и богатѣли, то были, слѣдовательно, причины, способствовавшія росту этихъ колоній. Нельзя думать, чтобы одно только приморское положеніе давало ростъ и силу этимъ цвѣтущимъ землямъ; несомнѣнно, заселенныя мѣста находились и дальше, въ глубинѣ страны, главнымъ образомъ—по теченію рѣкъ, бороздящихъ страну въ разныхъ направленіяхъ[3]). Отсюда—выводъ, что туземное осѣдлое населеніе какъ по берегамъ р. Днѣпра, такъ и по другимъ рѣкамъ, существовало одновременно съ греческими колоніями по берегамъ Чернаго моря. Геродотъ говоритъ о скиѳскихъ племенахъ, обитавшихъ въ бассѣйнѣ средняго теченія

рода кочевники: скиѳы, сарматы, гунны, авары, печенѣги, половцы, и проч.: съ востока же, изъ Азіи, пришли въ Европу и славянскія племена и частью поселились въ предѣлахъ Руси, частью подвинулись дальше, въ западную Европу. (Воцель. Древнѣйш. бытовая исторія славянъ, перевед. Задерацкимъ, Кіевъ, 1875 г., стр. 6, 36). Затѣмъ, нѣсколько позднѣе, кромѣ этого движенія съ востока, мы замѣчаемъ движеніе обратное—осѣдлое населеніе движется по рѣчнымъ участкамъ, съ запада на востокъ, но движеніе это медленное, идущее постепенно, шагъ за шагомъ, мало похожее на то, какое совершалось въ этихъ мѣстахъ значительно раньше, при началѣ формированія русскаго государства.

[1]) Strab., VII, Рус. Древн. въ памятн. иск., изд. гр. Т. И. Кондаковымъ Вып. I, с. 1—30. Herodod. IV.; Homeri Odissea XI, 14—19. Hom. Ilias, XIII, 5—6. Strab. XI, c. II, VIII.

[2]) Есть основанія предполагать, что греческимъ колоніямъ по берегу Чернаго моря предшествовали *финикійскія* и *карійскія* колоніи См. Лаппо-Данилевскаго, стр. 364.

[3]) Гр. Уваровъ. Изслѣдов. I, стр. 44—45. См. объ этомъ у Лаппо-Данилевскаго, стр. 370.

Днѣпра и о связи ихъ съ греками. Одной изъ значительныхъ, важныхъ по своему значенію и размѣрамъ колоній, была *Ольбія*, на устьѣ р. Буга; она возникла за 6½ вѣковъ до Р. Хр. Обширная торговля велась этой колоніей съ окружающими мѣстами; въ Ольбіи были дворцы, рынокъ, театръ, гимназія; городъ былъ окруженъ стѣнами, жители знакомились съ литературой грековъ, восхищались произведеніями послѣднихъ и проч.[1]). Кромѣ Ольбіи, по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей, въ тотъ же періодъ, встрѣчаются слѣдующія колоніи: Тирасъ, Херсонесъ, Пантикапея, Фанагорія, Тана и проч. Все это говоритъ о томъ, какъ велика была торговля Припонтійскихъ мѣстъ; отсюда вывозили: хлѣбъ, рыбу, воскъ, медъ, вино, рабовъ, лошадей и проч.[2]).

Древнѣйшими обитателями нижнихъ Днѣпровскихъ береговъ и вообще южной Россіи, по сообщеніямъ древнихъ, были *киммеріяне*[3]). Но извѣстія древнихъ объ этомъ народѣ отличаются неясностью, неопредѣленностью. Тѣмъ не менѣе, изъ немногочисленныхъ извѣстій о нихъ мы можемъ сдѣлать выводъ, что народы, обитавшіе къ сѣверу отъ Чернаго моря, уже достигли извѣстной стадіи гражданскаго развитія: у нихъ замѣтны уже племенныя отличія, они имѣли царскую власть, имѣли у себя города, какъ административно-торговые и военные центры. Господство киммеріянъ продолжалось до VII в. до Р. Х., когда ихъ смѣнили *скиѳы*[4]). Скиѳы, первоначально обитавшіе къ востоку отъ Каспійскаго моря, въ VII в., по словамъ Геродота, были потѣснены массагетами, подъ давленіемъ которыхъ они перешли Волгу и заняли обширное пространство земель между рр. Дономъ и Дунаемъ[5]). Хотя большая часть скиѳовъ принадлежала къ кочевникамъ, но нѣкоторыя племена ихъ были уже осѣдлыми[6]). Скиѳы скоро расширили свое могущество. Киммеріяне были вытѣснены и прогнаны скиѳами изъ приморскихъ пунктовъ, которые съ этихъ поръ занимаются скиѳами. Овладѣвъ причерноморскими степями и поселившись среди нихъ, скиѳы столкнулись здѣсь съ давними обитателями этихъ мѣстъ — съ греками. Послѣдніе вступили со скиѳами въ извѣстнаго рода компромиссы, вслѣдствіе чего торговля на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря не прекращалась. Подъ вліяніемъ главнымъ образомъ грековъ

---

[1]) Herod. IV, 78—80; Рус. Древн., издав. г. Толстымъ и Кондаковымъ, II, с. 34.

[2]) Ѳ. Г. Мищенко. О днѣпровск. пути древн. грековъ къ Балтійск. морю. Чтеніе въ Общ. Нест. Лѣт., кн. II, 1878—1887 г., ст. 95—97.

[3]) Herod hist. IV, стр 11—14.

[4]) Strab. XI, cap. II и VIII.

[5]) Herod. hist., lib. IV, c. 11—13.

[6]) Strab. I. XI, c. II. Скиѳы считаются большинствомъ ученыхъ (Гриммъ, Бергманъ, Гильфердингъ), кочевниками арійскаго племени. См. Бестужевъ-Рюминъ, Рус. исторія, I, стр. 3. Лаппо-Данилевскій, Скиѳскія древности, стр. 359.

нѣкоторыя скиѳскія племена измѣняютъ свой образъ жизни; одни изъ нихъ, ближе живущіе къ морю, короче знакомятся съ греческой культурой и заимствуютъ отъ нея нѣкоторыя черты политическаго устройства и образованія: царь скиѳскій имѣетъ въ Ольбіи громадный дворецъ, украшенный греческими мастерами, скиѳы знаютъ греческій языкъ, литературу; они обучаютъ своихъ дѣтей въ гимназіяхъ и проч.[1]. Съ другой стороны, идутъ дѣятельныя торговыя сношенія скиѳовъ съ греками: скиѳы продаютъ грекамъ золото, скотъ, мѣха, хлѣбъ, медъ, рыбу, рабовъ, лѣкарства и проч.[2]). *Скиѳы пахари—земледѣльцы*, очевидно, осѣдлые, правдоподобно жили по обѣимъ сторонамъ средняго теченія Днѣпра, сѣяли хлѣбъ и занимались торговлей имъ; изъ городовъ черноморскихъ ходили торговые караваны вглубь скиѳской страны[3]), для которой шло изъ Греціи: оружіе, ткани, утварь, вино, плоды[4]). Нельзя, однако, думать, чтобы кочевые народы, которыхъ обыкновенно все богатство состоитъ въ стадахъ, могли бы сами положить въ странѣ начало осѣдлости и отсюда—земледѣлію. Скорѣе всего, скиѳы земледѣльцы—это покоренные скиѳами осѣдлые народы, жившіе тамъ и раньше и затѣмъ вошедшіе въ составъ скиѳскихъ племенъ. Такъ или иначе, но древнѣйшія скиѳскія преданія уже указываютъ на земледѣльческій бытъ скиѳовъ[5]), что какъ бы подтверждаетъ давность занятія скиѳовъ земледѣліемъ. Такимъ образомъ, за шесть вѣковъ до Р. Х. на югѣ Россіи обитали скиѳскія племена, занимавшія здѣсь огромную территорію. Разсказывая, что по Днѣпру жили скиѳы-земледѣльцы, сѣющіе хлѣбъ для продажи грекамъ, Геродотъ говоритъ далѣе, что по берегамъ Днѣпра находились прекрасные луга, что Днѣпръ изобиловалъ рыбой, что вода его была чиста, здорова и пріятна на вкусъ и проч. Скиѳы кочевники были очень воинственны; они одѣвались въ шкуры животныхъ, поклонялись богу войны. Скиѳы позволяли иностранцамъ селиться на своей землѣ и заниматься здѣсь земледѣліемъ и другими промыслами[6]).

---

[1]) Herod. hist. lib. IV, c. 78—80. Соловьевъ, I, стр. 36 37.

[2]) Жиръ *понтійскихъ бобровъ*, по словамъ Страбона, отличался особенно цѣлебными свойствами. Strab., III, cap. IV, 15.

[3]) Herodoti lib. IV, 16—18. О сношеніяхъ скиѳовъ съ греками см. Лаппо-Данилевскій, Скиѳскія древности, стр. 365—366.

[4]) Лаппо-Данилевскій, Скиѳскія древности, стр. 370. Карамзинъ, I, прим. 12. Соловьевъ I, 28—29.

[5]) Упоминаніе въ этомъ преданіи о плугѣ, серпѣ, чашѣ и пр. говоритъ о земледѣльческомъ бытѣ скиѳовъ. Herod. hist., lib. IV, 5.

[6]) Herodoti lib. IV, 51—Кромѣ того, въ землѣ скиѳовъ издавна селились и греческіе переселенцы, которые, по словамъ Геродота, основали здѣсь племя гелоновъ, имѣвшее большой деревянный городъ. Можно полагать отсюда, что греки селились среди скиѳовъ весьма охотно.

Немногочисленныя и неполныя свѣдѣнія и скиѳахъ, переданныя намъ древними писателями, въ настоящее время пополняются тѣми археологическими данными, какія открываются въ курганахъ на территоріи Переяславльской земли. Археологическія раскопки, произведенныя въ предѣлахъ Полтавской и смежныхъ съ нею губерній: Черниговской, Кіевской, Харьковской, Екатеринославльской и проч., констатировали въ вышеозначенномъ районѣ несомнѣнные слѣды скиѳской жизни. Многочисленныя могильныя насыпи, разбросанныя во многихъ мѣстахъ на территоріи Переяславльской земли, своимъ содержимымъ вполнѣ убѣждаютъ насъ въ вышесказанномъ. Во многихъ мѣстахъ по берегамъ рѣкъ, впадающихъ въ Днѣпръ съ лѣвой стороны (Сула, Пселъ, Ворскла[1]) и проч.), попадаются разнообразные памятники скиѳской жизни. Скиѳскіе курганы сохранившіеся въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ въ земляхъ восточной части Полтавской губерніи, въ области р. Сулы доходятъ до огромнаго числа, иногда сплошь занимающаго пространство на цѣлыя версты. Весь правый, возвышенный берегъ р. Сулы, почти на всемъ своемъ протяженіи, усѣянъ многочисленными могильными насыпями, курганами, иногда довольно значительныхъ размѣровъ по своей величинѣ и высотѣ. Въ иныхъ курганахъ высота насыпи достигаетъ 8—10 саженъ.

Особенно много такихъ кургановъ съ богатѣйшимъ содержимымъ скиѳской эпохи, находится въ области верхней Сулы, въ окрестностяхъ г. Ромна, здѣсь мѣстность къ сѣверу отъ вышеназваннаго города на правомъ, возвышенномъ берегу рѣки Сулы, вблизи с. Аксютенецъ, Б. Будокъ, Волковцевъ и пр., буквально усѣяна такими могильными насыпями, курганами. И въ другихъ, близлежавшихъ мѣстахъ, замѣчается также большое количество скиѳскихъ могилъ, напр. возлѣ сс. Поповки, Ярмолинецъ, Глинска (зашт. городъ), Чеберяковъ, Сребнаго, Липоваго, Дубровы, Медвѣжьяго и проч. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ число кургановъ доходитъ до нѣсколькихъ сотъ, расположенныхъ въ недалекомъ разстояніи другъ возлѣ друга: напримѣръ, въ сс. Поповкѣ и Липовомъ ихъ свыше 1000, вблизи с. Аксютинецъ—свыше 400 и проч. Изъ числа этихъ кургановъ около 150-ти подверглось раскопкамъ въ разное время[2]). Особенный интересъ представляютъ курганы, находящіеся вблизи с. Аксютинецъ, гдѣ было разрыто свыше полутораста кургановъ, подарившихъ науку довольно цѣннымъ археологическимъ матеріаломъ. Проф. В. Б. Антоновичъ, Д. Я. Самоквасовъ и С. А. Мазараки, производившіе раскопки въ верхнемъ теченіи р. Сулы, вблизи

---

[1]) Скиѳскія предметы были найдены у. с. *Лихачевки* (на р. Ворсклѣ) Богодух. у. Харьков. губ. См. Рус. Древн., издав. гр. Т. и Кондаковымъ, II, стр. 123.

[2]) Д. Я Самоквасовъ Веществ. памят. древн. въ предѣл. Малороссіи, стр. 9.

г. *Ромна* и с. *Аксютинецъ*, и г. Каминскій—въ среднемъ теченіи этой рѣки, возлѣ г. *Лубенъ*, открыли довольно много интереснаго для археологіи матеріала[1]). Въ нашу задачу не входитъ, конечно, детальная передача всего того, что было добыто изъ кургановъ во время раскопокъ. Наша задача ограничивается изложеніемъ существеннаго фактическаго матеріала и тѣхъ выводовъ, какіе получены на основоніи археологическихъ открытій. Добытый вышесказанными изслѣдователями археологическій матеріалъ даетъ полное основаніе относить вышеназванные курганы къ скиѳской эпохѣ. Характерныя черты скиѳской жизни и похоронныхъ обрядовъ обнаруживается при этомъ чрезвычайно рельефно.

Въ насыпи кургановъ, состоящихъ обыкновенно изъ чернозема, иногда изъ суглинка, попадаются въ значительномъ количествѣ куски черепковъ темнобураго или же красноватаго цвѣта, грубаго типа, съ орнаментомъ или же безъ него[2]). Внутри кургана обыкновенно, за рѣдкими исключеніями, встрѣчаются остатки склеповъ, изъ толстыхъ дубовыхъ брусьевъ, обыкновенно заложенныхъ въ видѣ колодца, срубомъ, или же поставленныхъ частоколомъ; сверху могила закрывалась такими же брусьями[3]). Могила покойника вырывалась въ материкѣ, ниже уровня поверхности; поверхъ могилы иногда устраивался *точекъ* изъ утрамбованной земли или же глины, и нѣсколько выше этого послѣднаго точка - *другой* такой-же *точекъ;* поверхъ обоихъ точковъ—слѣды углей, большихъ и малыхъ и золы[4]). Иногда дно кургана посыпано известью[5]). Покойникъ въ большинствѣ Аксютинскихъ кургановъ головою обращенъ на *югъ*, въ другихъ, напр. Липовскихъ,—на *западъ*[6]); Вмѣстѣ съ умершимъ въ могилу клались или же приносились въ жертву послѣ похоронъ нѣкоторыя животныя: собака, свинья, молодой быкъ, большая птица[7]). Какъ на спеціальную особенность

---

[1]) Отчетъ Импер. археол. ком. за 1882—88 гг., стр. 146—147, 149. Б. И. Ханенко. Древности Приднѣпровья, в. 2-й. К. 1899 г.

[2]) В. Б. Антоновичъ. Дневникъ раскопокъ (рукопись). стр. 19, 20 и проч.— Графъ Бобринскій. Курганы и случайныя археол. находки близъ м. Смѣлы, стр. 171. Отчетъ Имп. Арх. ком. за 1882—1888 гг. Спб. 1891 г.

[3]) Д. Я. Самоквасовъ Веществ. памятн. древн. въ предѣлахъ Малороссіи. Изъ протоколовъ антропологической выставки 1879 г.

[4]) В. Б. Антоновичъ. Днев. раскоп. стр. 19, 20, 21. Гр. Бобринскій. Курганы и случайныя археолог. находки, стр. 161—170. Отч. Имп. Арх. Ком. за 1882—88 и 1891 гг.

[5]) Гр. Бобринскій. Курганы и случайн. археол. находки, стр. 169—177.

[6]) В. Б. Антоновичъ. Дневникъ раскопокъ (рукопись), 1893 г. стр. 19—21, Гр. Бобринскій. Курганы и случайн. археол. находки, стр. 161, 169, 170, 171 и 177. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ было замѣтно отклоненіе въ положеніи головы къ странамъ свѣта, къ востоку и западу. Б. И. Ханенко. Древности Приднѣпровья, в. 2-й. К. 1899 г.

[7]) В. Б. Антоновичъ. Днев. раскоп., с. 19; Гр. Бобринскій, с. 166, 170.

скиѳскаго погребенія, надо указать на присутствіе *сѣры* и *красной краски*, (аврипигментъ), находимыхъ въ курганахъ [1]). На костяхъ покойниковъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣтны слѣды дѣйствія огня, обугленности; вблизи покойника—сосуды, глинянные, обыкновенно темнаго, чернаго, изрѣдка красно-кирпичнаго цвѣта, а вокругъ—шлакъ, куски красной глины и большіе угли [2]). Попадаются въ насыпи и *амфоры*, иногда тонкой греческой работы остродонныя, съ двумя ручками; или же терракотовыя—ушастыя, покрытыя чернымъ лакомъ; иногда же—глиняныя, красныя, грубой работы, безъ украшеній [3]); затѣмъ—множество простыхъ глиняныхъ сосудовъ изъ черной глины, съ ушкомъ, дырочками вблизи вѣнца, съ орнаментомъ или же безъ нихъ [4]). Изъ металлическихъ вещей однѣ относятся къ оружію, другія—назначены для домашняго обихода или же для украшенія. Въ иныхъ курганахъ преобладаетъ бронза, (въ Аксютинскихъ курганахъ) въ другихъ—желѣзо (въ Липовецкихъ); встрѣчается не мало и золотыхъ вещей, какъ украшенія при оружіи, или же въ видѣ отдѣльныхъ предметовъ, игравшихъ спеціально назначенную для того роль. Такъ, мы имѣемъ здѣсь золотое *ожерелье* изъ орнаментированныхъ бляшекъ; золотую массивную филигранную *серьгу* съ коническимъ донышкомъ и другія золотыя серьги [5]); золотой *обручъ* (гривну) въ 1 ф. вѣсомъ, *золотую доску* съ изображеніемъ оленя на ней; *залотыя бляшки* съ изображеніями животныхъ и съ дырочками для прикрѣпленія къ тканямъ или же кожи; золотыя *бляшки* въ видѣ человѣческихъ масокъ; золотой медальонъ и проч. [6]). Встрѣчается изрѣдка, какъ случайность, б. м. другого погребенія, позднѣйшаго,—*серебряная* бляха и такія же шпильки. Румяна и бѣлила были извѣстны скиѳскимъ женщинамъ [7]). Иногда попадаются въ курганахъ просверленныя кости разнообразныхъ животныхъ—кабана, медвѣдя, волка, человѣка и проч.; онѣ служили, по всей вѣроятности, амулетами [8]). Въ числѣ украшеній, ожерелья, употреблялись африканскія раковины—moneta cyprea—что указываетъ

---

[1]) В. Б. Антоновичъ. Дневн. раск., стр. 19; Гр. Бобринскій, стр. 169, 171; Т. Кибальчичъ. Древности, стр. 22, 23. Отч. Им. Арх. К. за 1882 88 гг., CXLVII.

[2]) В. Б. Антоновичъ, стр. 20. Гр. Бобринскій, стр. 168—179; Т. Кибальчичъ. Древности, 14—15.

[3]) Гр. Бобринскій. стр. 166—171, Т. Кибальчичъ. Древности, стр. 15—16. Отч. Им. Ком. 1882—88 гг., CXLIX.

[4]) Гр. Бобринскій, стр. 169, 170, 171 и др.

[5]) Ibidem, стр. 168.

[6]) Гр. Бобринскій, стр. 168—171; В. Б. Антоновичъ, стр. 20 21 Т. Кибальчичъ. с. 23—37. Д. Самоквасовъ. Основанія хронол. клас., с. 31. Б. И. Ханенко. Др. Приднѣпр., в. 2.

[7]) Гр. Бобринскій, стр. 178. В. Б. Антоновичъ. Археол. замѣтки (рукопись).

[8]) В. Б. Антоновичъ. Дневникъ раскопокъ (рукопись), стр. 21. Т. Кибальчичъ, стр. 23—32. Отч. Имп. Арх. Ком. за 1882—88 гг., стр. CXLYII.

на обширныя сношенія скиѳовъ съ отдаленными странами[1]). Изъ предметовъ, сдѣланыхъ изъ бронзы, обращаетъ особенное вниманіе на себя сосудъ—*котелъ*, вѣсомъ въ 1 пудъ, бронзовое *блюдо*, бронзовыя *вазы*, круглыя, бронзовыя *зеркала* съ такими же ручками, украшенными изображеніемъ лошади, змѣи съ человѣческой головой[2]); бронзовые *браслеты*, шейные витые *обручи*, *серьги*, *бусы*, *пуговицы*, *шпильки* и пр.[3]). Особенно интересны бронзовыя *булавы* съ бубенчиками: онѣ, вѣроятно, служили символомъ какого либо достоинства. Бронзовое оружіе состояло изъ *мечей* (иногда украшенныхъ золотомъ на ручкѣ), *кинжаловъ*, *ножей*, *топориковъ* (попадаются миніатюрные, очевидно, символическіе), наконечниковъ *копій*, множество *стрѣлъ* самаго разнообразнаго характера—трехгранныхъ, бороздчатыхъ, крючковатыхъ, узкихъ, корытчатыхъ, иногда довольно крупныхъ широкихъ и проч. Бронзою же и золотомъ украшались и *колчаны*, *лукъ*, ножи и пр. Истые сыны степей—скиѳы, украшали и своего спутника-лошадь бронзою: бронзовыя *удила*, бронзовые *усики* удилъ, бляхи для упряжи съ изображеніемъ разныхъ животныхъ—барана, лошади, птицы[4]), крестообразныя и гвоздеобразныя украшенія отъ лошадиной сбруи и проч.[5]).

Изъ числа желѣзныхъ предметовъ наибольшее количество ихъ относится къ оружію и сбруѣ: желѣзные *мечи*, *боевые топоры*, *кинжалы*, *ножи*, *панцыри*, *поножи*, *копья*, *стрѣлы*—все это весьма часто попадается въ курганахъ на ряду съ желѣзными *удилами*, *усиками удилъ*, *втулками* для охватыванія древка, *гвоздями*, *долотами* и проч.[6]). Въ числѣ предметовъ вооруженія въ одномъ изъ кургановъ близъ х. Поповка, былъ найденъ *костяной панцырь*, пластинки котораго нашивались на кожу или ткань[7]). Древніе писатели (Павзаній) говорятъ, что скиѳы умѣли выдѣлывать панцыри изъ копытъ лошадей, изъ роговой массы, стрѣлы и ножи изъ кости[8]). Костяныя украшенія были у скиѳовъ на лошадиной упряжи, причемъ пластинки эти украшались изображеніемъ головы лошади, барана и пр.[9]).

---

[1]) В. Б. Антоновичъ. Дневн. раск. (рукопись), стр. 21.

[2]) Гр. Бобринскій. Кург. и случ. арх. находки, стр. 170; Самоквасовъ. Основ. хронол. классиф., Опис. катал. коллек. древн., стр. 29. Т. Кибальчичъ, Древности, стр. 19—32. Б. И. Ханенко, Древн. Приднѣпровья, в. 2-й.

[3]) Ibidem, Отч. Имп. Арх. Ком. 1882—8 гг. CXLVII, CXLVII, CXLIX.

[4]) Гр. Бобринскій, стр. 161—179.

[5]) Ibidem.

[6]) Гр. Бобринскій, стр. 161—171; Самоквасовъ. Основанія хронолог. классифик., стр., 29, 30, 22, 35. Отч. Имп. Арх. К. 1882—88 гг., CXLVII—CXLIX.

[7]) Гр. Бобринскій, с. 168.

[8]) Рус. Древн. въ памят. искус., изд. Толстымъ и Кондаковымъ, Вып. II, стр. 65.; Д. Самоквасовъ. Осн. хронол. кл., с. 29; Кибальчичъ, стр. 29—32.

[9]) Отч. Имп. Арх. Ком. за 1882—88 гг., стр. CXLVII—VIII.

Такимъ же характеромъ скиѳскаго способа погребенія съ возвышенными надъ могилой, защищенной деревянымъ склепомъ, площадками—*точками,* посыпанными пепломъ и углями, съ покойниками, частью погребавшимися обыкновеннымъ образомъ, частью подвергавшимися при погребеніи дѣйствію огня, съ металлическими вещами, сосудами, животными и всѣми особенностями скиѳскаго погребальнаго ритуала, отличаются курганы по среднему теченію р. Сулы, вблизи г. *Лубенъ* (Полтав. губ.). Здѣсь, въ урочищѣ *Лысая Гора,* въ 2 верстахъ къ югу отъ г. Лубенъ, въ разрытыхъ г. Каминскимъ курганныхъ насыпяхъ, сгруппировавшихся на гребнѣ Лысой Горы, почти буквально повторилось то, что было наблюдаемо въ Аксютинскихъ и Липовецкихъ курганахъ, съ тѣмъ только отличіемъ, что курганныя насыпи въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ основаніи, на границѣ съ материкомъ, были окружены кольцомъ изъ камней, положенныхъ въ недалекомъ разстояніи одинъ отъ другого; покойники были обращены головою на востокъ; въ остальномъ же содержимое Лысогорскихъ кургановъ походило на таковое аксютинской и липовецкой группъ. Въ курганахъ Лысой Горы отрыли: огромную *амфору,* очевидно греческаго издѣлія, во всякомъ случаѣ привозную; *терракотовые сосуды,* тонкіе и изящные, расписанные рисункомъ растительнаго и животнаго царства [1]); *сосуды* болѣе *грубаго типа,* чернаго цвѣта, сдѣланные безъ помощи гончарнаго колеса; глиняные грушевидные, коричневаго цвѣта, болѣе искусной работы, сосуды съ выдающеюся поверхъ отверстія глиняной же ручкой, множество кусковъ битой, грубаго типа, разнообразно орнаментированной посуды, разсѣянной въ огромномъ количествѣ въ насыпи кургановъ. Затѣмъ, изъ металлическихъ вещей найдены: желѣзный пережженный пластинчатый панцырь, мечъ, кинжалы, бронзовыя, желѣзныя и кремневыя стрѣлы, копья, электроновое кольцо и проч. При открытіи скелета лошади, погребенной въ одной изъ могилъ, найдены желѣзныя удила и такія же стремена [2]).

Интересно отмѣтить, что въ Лысогорскихъ и нѣкоторыхъ Аксютинскихъ курганахъ, рядомъ съ бронзовыми (сплавъ, пуговицы, стрѣлы) и желѣзными вещами, встрѣчается не мало предметовъ изъ камня, кремня (молотъ, стрѣлы, плитки для растиранія краски и проч.) [3]). Курганы со слѣдами несомнѣнно скиѳской обстановки обнаружены во многихъ мѣстахъ на территоріи Переяславльскаго княжества. Такъ, вблизи г. *Глинска,* въ курганахъ, разрытыхъ г. Мазараки, найдены

---

[1]) См. нашу работу. Археологич. раскопки близъ г. Лубенъ (Полт. г.), въ урочищѣ Лысая гора. Кіевъ, 1892 г.

[2]) Ibidem.

[3]) Ibidem.

скиѳскіе предметы; тоже было констатировано г. Каминскимъ возлѣ г. *Лубенъ.* въ урочищѣ „Замокъ“, гдѣ, кромѣ урны, черныхъ лоснящихся скиѳскихъ сосудовъ, бронзовыхъ и желѣзныхъ предметовъ, и расположенной на слоѣ угля груды человѣческихъ и звѣриныхъ костей (медвѣдя, козы, овцы),—обнаружены куски *сѣры* и *реальгара* [1]). Къ скиѳской эпохѣ можно также отнести и находку возлѣ *Краснаго Колядина* (Конотопскаго у., Черниговской губ.), гдѣ были открыты черепки грубаго типа и остатки греческихъ амфоръ съ клейменными донышками. Тоже обнаружено и возлѣ с. *Медвѣжьяго* (по р. Ромну), гдѣ найдены куски древнихъ черепковъ [2]). Интересна находка возлѣ с. *Тишковъ* (Лубенск. у.), заключавшая золотыя орнаментированныя пластинки и бронзовыя издѣлія и оружіе. Около г. *Кременчуга*, изъ небольшаго кургана, были вырыты костяныя ножны, украшенныя рѣзьбой, изображающей звѣрей. Послѣдніе по рисунку очень сходны съ таковыми на скиѳскихъ керамическихъ издѣліяхъ [3]).

Древнія амфоры были находимы во многихъ мѣстахъ Полт. губ. Такъ, амфора изъ желтой глины была найдена возлѣ х. *Савинскаго* (Луб. у.), а куски подобной амфоры—возлѣ с. *Клепачи* (Луб. у.), въ урочищѣ „Парпуровщина“. Въ 1893 г. была вырыта изъ земли амфора въ Золотоношскомъ у. Остатки (уши и часть боковъ) отъ терракотовой раскрашенной амфоры найдены въ курганахъ возлѣ с. *Лихачевки* (Хар. г.); затѣмъ неподалику отъ с. *Сергіевки* (Полт. г. Крем. у.)—греческая амфора. Возлѣ сс. В. и М. *Будки* (Ром. у.) найдена большая терракотовая ваза съ рисунками, изображающими битву, а возлѣ Аксютинецъ и Волковцевъ—покрытыя чернымъ лакомъ вазочки съ выгнутыми ушками [4]). Черный глиняный сосудъ съ ручкой найденъ вблизи с. *Харитоновки* (Прил. у.) [5]).

Что касается другихъ предметовъ, сдѣланныхъ изъ бронзы, и относимыхъ съ большой вѣроятностью къ скиѳской или же ближайшей къ ней эпохѣ [6]), то на вышеупомянутой территоріи попадается ихъ не мало.

Сѣверная граница нахожденія скиѳскихъ предметовъ касается юга Черниговской губ., гдѣ возлѣ г. Борзны были открыты предметы скиѳскаго періода: черепки ярко-красной глины, золотыя бляхи съ изображеніемъ оленя, многогранные бронзовые наконечники стрѣлъ, бронзовыя пряжки, пуговицы, втулки; желѣзные наконечники копій,

---

[1]) Музей. Е. Н. Скаржинской; В. Б. Антоновичъ. Арх замѣтки (рукопись).

[2]) Т. Кибальчичъ. Древности, стр. 10—11.

[3]) Записки Арх. Общ., 3, стр 378. Труды 3-го арх. съѣзда, т. II, с. 208.

[4]) См. Кіевскій Городской Музей. Раскопки С. А. Мазараки.

[5]) Археол. замѣтки (рукоп.) В. Б. Антоновича; Музей Е. Скаржинской.

[6]) Интересно замѣтить, что бронзовыя стрѣлы весьма отчетливо характеризують скиѳскіе курганы; гдѣ такихъ стрѣлъ нѣтъ, всѣ находимые предметы, по большей части, не относятся къ скиѳамъ.

желѣзный панцырь, бронзовыя украшенія въ видѣ головъ звѣриныхъ, птичьихъ и проч. [1]).

Остается еще весьма существенный пробѣлъ относительно восточной границы скиѳскихъ поселеній. Къ сожалѣнію, у насъ почти нѣтъ никакихъ свѣдѣній на этотъ счетъ, хотя вопросъ о придонской, связующей южный (прикавказскій) отдѣлъ скиѳскихъ поселеній съ приднѣпровскимъ—одинъ изъ важныхъ.

Единственное указаніе, извѣстное намъ о пребываніи скиѳовъ въ восточной части Переяславльской территоріи—это раскопка у. с. *Лихачевки* (Харьк. г., Богодух. у.), на берегу р. Ворсклы. Содержимое разрытыхъ г-мъ Зарѣцкимъ кургановъ доказываетъ несомнѣнную принадлежность послѣднихъ къ скиѳской эпохѣ. Такъ, въ этихъ курганахъ было найденс, кромѣ *сѣры* и *реальгара*, составляющихъ обычную принадлежность скиѳскихъ могилъ, нѣсколько предметовъ, относящихся къ оружію и украшеніямъ скиѳскаго характера [2]).

Подводя итогъ вышесказанному относительно скиѳовъ и сопоставляя съ тѣми сообщеніями, какія оставили намъ классическіе писатели, мы должны придти къ заключенію, что скиѳскія племена обитали на обширномъ пространствѣ отъ береговъ Чернаго и Азовскаго морей до южнаго отдѣла Десно-Сеймскаго бассейна, гдѣ было констатировано скиѳское пребываніе, и что приморскія скиѳскія поселенія находились въ многоразличныхъ отношеніяхъ съ приднѣпровскими и, надо полагать, также и съ донскими своими сородичами.

Съ половины IV в. до Р. Х. замѣчается новое движеніе народовъ съ востока, въ предѣлы Скиѳіи: на берегахъ Дона появляются *сарматы* и начинаютъ вести упорную борьбу со скиѳами и греческими колоніями. Съ другой стороны, съ запада, на скиѳовъ нападаютъ воинственныя племена *гетовъ* и *даковъ*, которыя окончательно подрываютъ могущество скиѳовъ, наносятъ роковой ударъ греко-скиѳской культурѣ [3]). За нѣсколько десятилѣтій до Р. Х. скиѳы потеряли всѣ земли

---

[1]) Труды Импер. Московск. Археол. Общ., т. X, с. 32—34.

[2]) Изъ числа оружія здѣсь найдены: большое желѣзное копье и большой желѣзный ножъ; множество стрѣлъ какъ желѣзныхъ, такъ и бронзовыхъ. Изъ предметовъ украшенія—двѣ массивныхъ золотыхъ серьги, золотыя бляхи съ изображеніемъ козловъ, туровъ или медвѣдей, птичьихъ головъ съ загнутыми клювами, золотыя пуговицы и проч Эти бляхи составляли украшенія къ колчану со стрѣлами. Кромѣ того, здѣсь были найдены бронзовыя пряжки, бронзовое ушко сосуда и большая круглая бляха, покрытая золотымъ, орнаментированнымъ по краямъ, листомъ; затѣмъ—остатки раскрашенной амфоры и стеклянныя бусы. Въ другихъ курганахъ были отысканы также золотыя бляшки, изображающія лежащаго оленя, бронзовыя стрѣлы и пр. См. В. Б. Антоновичъ. Замѣтки (рукопись) и Русскія древн. въ памятн. искус., издав. гр. Толстымъ и Кондаковымъ, II, с. 123.

[3]) Strab., lib. VII.

между Днѣпромъ и Дунаемъ, уступивъ ихъ *гетамъ*, народу ѳракійскаго племени, нѣсколько родственному скиѳамъ по своимъ привычкамъ и нравамъ [1]). Въ I в. по Р. Х. на территоріи восточной Европы являются изъ прикавказскихъ странъ *аланы*, сильно опустошавшіе потомъ предѣлы западной Европы. Часть ихъ оставалась еще въ IV в. въ степяхъ припонтійскихъ [2]). Затѣмъ идетъ цѣлый рядъ передвиженій кочевыхъ народовъ, безпрерывно приливавшихъ все новой и новой волной съ востока. Эти передвиженія разорвали тѣ связи скиѳскихъ племенъ съ греками, какія возникали на почвѣ мирныхъ отношеній между сосѣдями, и были причиной того, что въ теченіе значительнаго промежутка времени, мы положительно лишены всякихъ свѣдѣній о скиѳахъ. Вскорѣ могущество скиѳовъ падаетъ окончательно подъ напоромъ новыхъ кочевниковъ *сарматовъ*; они истребили значительную часть (восточную) скиѳовъ, и овладѣли ихъ страной, навсегда разрушивъ скиѳское могущество. Одна часть послѣднихъ была отодвинута на сѣверъ, другая—на юго-западъ. Такимъ образомъ, въ первомъ вѣкѣ послѣ Р. Х. господствующимъ народомъ на югѣ Россіи являются сарматы [3]). Римляне испытали на себѣ силу этихъ воинственныхъ кочевниковъ, когда завоеванія Ѳракіи и подунайскихъ земель поставили ихъ лицомъ къ лицу съ сарматами. Въ это время сарматы представляли нѣсколько племенъ, изъ которыхъ выдѣлялись два наиболѣе могущественныхъ—*роксоланы и языги*. Первые обитатели по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей, въ предѣлахъ земель между Дономъ и Днѣпромъ, вторые на западъ отъ нихъ—въ равнинѣ Тиссы и Дуная, т. е. въ Бессарабіи, Валахіи и отчасти—въ Венгріи [4]). Въ имени роксоланы нѣкоторые видятъ сближеніе со словомъ *россъ*, считая ихъ предками славянъ, скрывавшихся здѣсь подъ разными именами [5]).

Во времена первыхъ римскихъ императоровъ раксоланы вступили въ борьбу съ римлянами и одержали надъ послѣдними верхъ; они побѣдили римскія войска и затѣмъ вступили въ соглашеніе съ римлянами, обязавшимися платить имъ опредѣленную дань, чтобы только не испытывать ихъ грозныхъ набѣговъ [6]). Впрочемъ, эта мѣра не устранила опасности. Не смотря на заключеніе союза, сарматы вскорѣ опять вступаютъ въ борьбу съ римлянами и жестоко разоряютъ владѣнія

[1]) А. Погодинъ. Сбор. статей по арх. и этн. Спб., 1902 г.

[2]) Ibidem, стр. 10. Кулаковскій. Аланы по свѣд. классич. писателей. К. 1899 г.

[3]) Шафарикъ. Слав. древн., т. II; стр. 107—110. Сарматы имѣли нѣкоторые варварскіе обычаи, свойственные кочевникамъ востока: они расписывали свое тѣло узорами и вели кочевой образъ жизни; поклонялись мечу и огню и приносили въ жертву лошадей.

[4]) Шафарикъ. Слав. древн., т. I, стр. 201; Соловьевъ, I, стр. 36—37.

[5]) Иловайскій. Историко-критич. замѣтки. Рус. Архивъ 1895 г. № 2, стр. 249.

[6]) Соловьевъ, I, стр. 36.

послѣднихъ. Могущество роксоланъ, однако, было непродолжительнымъ; роксоланы мало по малу ослабѣваютъ вслѣдствіе выхода изъ ихъ союза нѣкоторыхъ племенъ и наплыва съ запада *готовъ* и съ востока *гунновъ*.

Во II в. по Р. Х. германскія племена двинулись отъ береговъ Балтійскаго моря и овладѣли огромной территоріей между Балтійскимъ и Чернымъ морями, покоривъ своей власти племена антовъ, славянъ и финновъ[1]). Они заняли земли къ востоку и западу отъ Днѣпра и образовали сильное государство, готское, которое раздѣлялось на двѣ части: восточныхъ и западныхъ готовъ. Восточные готы или *остъ-готы* занимали земли между Днѣпромъ и Дономъ, а западные, *вестъ-готы*,—между Днѣпромъ и притоками Дуная.

Интересно замѣтить, что готы, отъ береговъ Балтійскаго моря добрались до Чернаго, овладѣвъ на пути всѣми тѣми водными путями, по которымъ впослѣдствіи двигались и варяжскія дружины[2]). Фактъ передвиженія германскаго племени на берега Днѣпра и Дона и борьба населенія за эту территорію интересны въ томъ отношеніи, что эти обстоятельства указываютъ на несомнѣнное пребываніе въ вышесказанной мѣстности осѣдлаго населенія. Послѣ цѣлаго ряда упорныхъ войнъ съ окружающими народами, готы образовываютъ на берегахъ Понта сильное государство, представитель котораго, Германрихъ, обладалъ уже обширной территоріей въ предѣлахъ древней Руси: ему были подвласны тринадцадь племенъ, между которыми считаютъ Чудь, Весь, Мерю, Мордву и проч. Мало по малу, послѣ захвата въ свои руки племенъ по главнымъ рѣчнымъ путямъ Руси, готы рѣшаютъ прибрать также и венедовъ, обитавшихъ по р. Вислѣ и около нея, отъ р. Вислы до р. Днѣпра[3]). Не смотря на отчаянное сопротивленіе венеды должны были покориться воинственнымъ готамъ. Послѣдовательно проводя свою политику захвата рѣчныхъ торговыхъ и стратегическихъ путей, готы направляютъ свое оружіе и противъ западныхъ сосѣдей—эстовъ и геруловъ, сидѣвшихъ на одной изъ водныхъ дорогъ въ Русь, и покоряютъ ихъ[4]). Такимъ образомъ, мы видимъ, что народъ, явившійся въ сравнительно небольшомъ количествѣ въ чужую землю и поселившійся по среднему и нижнему теченію Днѣпра, получаетъ силу, крѣпнетъ и покоряетъ окружающія славянскія племена, слѣдуя своей дальновидной политикѣ. Изъ всего вышесказаннаго для насъ,

---

[1]) Ibidem,

[2]) Бестужевъ-Рюминъ, Рус. Ист, I, стр. 4.

[3]) Соловьевъ, I, стр. 78—79. Есть преданіе, что готы явились въ Южную Русь сначала всего лишь на трехъ корабляхъ, привезшихъ воинственныя дружины германцевъ.

[4]) Ibidem, стр. 41—42. Арцыбашевъ, т. I. стр. 8.

очевидно, важенъ выводъ, что подчиненная готамъ территорія обладала такими счастливыми географическими условіями, которыя давали возможность осѣвшему тамъ народу окрѣпнуть, развиться политически и оказать вліяніе на окружающія племена, подчинить ихъ себѣ и проложить дорогу къ тѣмъ воднымъ путямъ, которые сближали между собою культурныя страны, лежащія по краямъ морей, назначительными частями прилегающихъ къ огромному пространству великой восточно-европейской равнины. Мы должны предположить при этомъ, что готы вели обширную торговлю, если имъ понадобилось сосредоточить въ своихъ рукахъ владѣніе двумя морями—Балтійскимъ и Чернымъ [1]).

Въ IV в. по Р. Хр. на югъ нынѣшней Россіи надвинулись страшные *гунны;* они покорили антовъ и готовъ, при чемъ какъ первые, такъ и послѣдніе, очевидно, были поставлены въ данническую зависимость отъ гунновъ, сохраняя, впрочемъ, нѣкотораго рода политическую самостоятельность: не смотря на подчиненіе гуннамъ, мы видимъ у готовъ и антовъ князей, облеченныхъ военной и гражданской властями. Властвуя въ теченіе довольно значительнаго промежутка времени въ качествѣ господъ, готы не могли помириться со своими ближайшими сосѣдями, антами, которые тормозили политическія и торговыя дѣла ихъ; готскій князь, Винитаръ, рѣшилъ отдѣлаться отъ антовъ; онъ напалъ на нихъ, потерпѣлъ сначала неудачу, но потомъ взялъ верхъ и распялъ ихъ предводителя, Бокса, вмѣстѣ съ его сыновьями и семидесятью другими предводителями антовъ [2]). Гунны отомстили за антовъ, видя въ этой борьбѣ попытку готовъ добиться независимости: готы были побѣждены и Винитаръ палъ въ неравной битвѣ [3]). Гунны разорили готское царство; восточные готы были побѣждены и покорились, вошедши въ составъ гуннскихъ полчищъ, вестготы же подвинулись на западъ и частью перешли въ предѣлы Византійской имперіи, частью—ушли за Карпаты. Анты, конечно, покорились гуннамъ. Такимъ образомъ, изъ этой краткой исторіи столкновеній народовъ на югѣ Руси въ V в., мы можемъ замѣтить тотъ фактъ, что анты становятся какъ бы въ болѣе близкія отношенія къ гуннамъ: послѣдніе вступаются за нихъ и, какъ узнаемъ дальше, сближаются съ этими народами и, очевидно, черпаютъ отсюда свои

---

[1]) По теченію р. Днѣпра существуютъ городища, о которыхъ преданіе или совсѣмъ умалчиваетъ или же приписываетъ ихъ народу франковъ, то есть готовъ. См. Голубовскій. Печенѣги, Торки, Половцы, стр. 91. Ир. Житецкій. Смѣна народностей въ южной Россіи. Кіев. Ст. 1883 г., май, с. 18. Готскіе предметы, находимые въ области Средняго Днѣпра, подтверждаютъ письменныя указанія о пребываніи готовъ въ указанной территоріи. См. изслѣдов. В. В. Хвойка; Б. И. Ханенко. Др. Придн., в. III.

[2]) Соловьевъ, I, стр. 80.

[3]) Ibidem.

главныя силы.[1]). Гунны переняли также многіе обычаи антовъ: постройки городовъ, бани, напитки, одежда и проч. во многомъ напоминаетъ славянъ. Византійскіе писатели (Маврикій, VI в.) говорятъ, что анты были гостепріимны, благосклоны къ путешественникамъ; жили они въ лѣсахъ и болотахъ; жилища ихъ имѣли по нѣсколько выходовъ изъ предосторожности на случай неожиданнаго нападенія враговъ. У нихъ много князей и они часто враждуютъ между собою. Не смотря на то, что анты были данниками гунновъ, послѣдніе переняли отъ нихъ нѣкоторые обычаи и настолько сблизились за короткое время съ антами, что ихъ уже смѣшиваютъ съ послѣдними[2]). Могущество гуннскаго государства достигло своего апогея во времена Аттилы, когда предѣлы его простирались отъ Рейна до Волги и отъ Балтійскаго моря до Македоніи. Со смертью Аттилы (453 г.) рушилась гуннская держава, и народы освободились изъ-подъ гнета этихъ варваровъ. Югъ Россіи представлялъ тогда разрозненные остатки племенъ, не составлявшихъ никакого опредѣленнаго политическаго организма. Во второй половинѣ V вѣка *болгары*, пришедшіе съ береговъ Волги, начинаютъ тѣснить славянъ, жившихъ на югѣ Руси, близъ черноморскихъ степей; они подвинули часть этихъ славянъ на западъ, въ предѣлы Византійской имперіи. Вскорѣ затѣмъ они сами дѣлаютъ нападенія на земли Византіи. Въ VI в. императоръ Анастасій выстроилъ уже стѣну, которая должна была защищать Царь-Градъ отъ набѣговъ болгаръ[3]). Въ половинѣ VI ст. изъ азіатскихъ степей вновь нахлынули варвары, которые не уступали въ дикости и жестокости гуннамъ: это были *авары*. Они напали на антовъ, покорили ихъ, разорили землю и стали безгранично властвовать надъ ними. Жестокость обхожденія аваровъ (обровъ) съ антами передана лѣтописью[4]). Въ VII в. ихъ государство простиралось отъ Дона до Дуная и на западъ до предѣловъ Чехіи. Они, однако, не долго владѣли славянами; въ половинѣ VII в. могущество обровъ начинаетъ слабѣть; они потерпѣли

[1]) Мы наблюдаемъ и впослѣдствіи, что живущіе въ этихъ предѣлахъ народы напр. бродники, при движеніи татаръ, пристаютъ къ послѣднимъ и дѣйствуютъ противъ Руси, хотя потомъ они опять становятся свободными. Мы привели этотъ фактъ для того, чтобы указать, что одинаковыя условія производятъ и одинаковыя явленія, и что полуосѣдлое населеніе чрезвычайно дорожитъ своей территоріей.

[2]) Соловьевъ, I, с. 81.

[3]) Бестужевъ-Рюминъ, I, стр. 74.

[4]) Лѣтописецъ говоритъ, что когда обину надо было куда нибудь ѣхать, онъ не запрягалъ въ телѣгу ни коня, ни вола, а запрягалъ въ нее по три, по четыре или по пяти женщинъ. По словамъ лѣтописи, Обры были велики тѣломъ и горды умомъ. „И насиліе творяху (авары) женамъ Дулѣбьскымъ: аще поѣхати бяше Обрину, не даляше въпрячи коня, ни волу, но веляше впрячи 3, или 4, ли 5 женъ в телѣгу и повести Обрина, и тако мучаху Дулѣбы“. Ипат. лѣт., стр. 7.

страшное пораженіе отъ Карла Великаго въ 796 г. въ Паннонін. Во второй половинѣ 9 в. ихъ доканали болгары. Затѣмъ авары мало по малу исчезаютъ совсѣмъ, такъ что со времени лѣтописца сохранилась поговорка, сочиненная по этому поводу: *„погибоша аки обры“* гласитъ эта поговорка, если указывается на окончательную гибель кого либо.

Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній, когда каждый изъ покоренныхъ народовъ освободился изъ подъ власти аваръ. Относительно обитателей юга Россіи мы имѣемъ, правда, указаніе, что они сбросили съ себя аварское иго въ 636 году: князь болгарскій, Кувратъ, обитавшій со своимъ народомъ вблизи береговъ Азовскаго моря, свергъ съ себя подчиненіе аварамъ [1]). Появленіе *хазаръ* на югѣ Россіи окончательно сломило аварскую силу. Послѣ паденія могущества аваровъ, мы не встрѣчаемся уже болѣе съ племенемъ антовъ. Нельзя, однако, допустить, чтобы анты, этотъ многочисленный народъ, исчезли окончательно или же—переселились цѣлой массой куда либо въ другое мѣсто. Несомнѣнно, они остались на своихъ прежнихъ мѣстахъ, подъ защитой лѣсовъ и болотъ, которыми такъ изобиловала ихъ страна. По словамъ Маврикія, вся страна антовъ изобиловала болотами, лѣсами и тростникомъ, среди которыхъ и сохранялось населеніе [2]). Берега рѣкъ, покрытые въ древности лѣсами, давали полную возможность существованія здѣсь осѣдлаго населенія, въ данномъ случаѣ—антовъ. Вслѣдъ за гуннскимъ и аварскимъ движеніями, въ предѣлы грекоримскаго міра начинается новое движеніе славянъ и болгаръ, силою историческихъ обстоятельствъ ставшихъ близкими сосѣдями. Въ VII в. часть болгаръ утвердилась въ странѣ къ сѣверу отъ Чернаго и Азовскаго морей и отсюда стала дѣлать опустошительные набѣги на предѣлы Византійской имперіи. Ихъ ужасные набѣги направлены были на придунайскія владѣнія имперіи. Аспарухъ, сынъ Куврата, свергшаго иго аваръ, поселился сначала между Днѣстромъ и Дунаемъ, а затѣмъ въ 679 году завоевалъ всю Мизію, гдѣ уже тогда жили многіе славяне [3]).

Весьма вѣроятно, что болгары, вступивъ въ борьбу съ славянами, жившими на югѣ Руси, включили, подобно другимъ народамъ, напр., гуннамъ, въ число своихъ полчищъ и славянскіе отряды. Не успѣвъ окончательно вытѣснить славянъ изъ южной Россіи, болгары подвинулись дальше, на юго-западъ, въ предѣлы Византійской имперіи. Нельзя сказать, чтобы передвиженіе это совершилось вдругъ, ра-

---

[1]) Карамзинъ, (изд. Евдокимова), I, стр. 19.
[2] *Strategicum Mauricii. Upsaliae. Ed. Scheffer.* 1664 г. in 8⁰. I, XI, стр. V.
[3]) Карамзинъ, (изд. Евдокимова), I, стр. 20.

зомъ; по всей вѣроятности, оно шло постепенно, и эта постепенность передвиженія на западъ положила начало безпрестаннымъ сношеніямъ южно-русскихъ славянъ съ болгарами подунайскими. Собственно говоря, болгары не добровольно оставили предѣлы южной Россіи: ихъ потѣснили съ востока могущественные кочевники—*хазары*. Первоначально хазары обитали между Каспійскимъ и Чернымъ морями. Они были извѣстны въ вышеназванной мѣстности еще со II в. по Р. Х. Въ продолженіи долгаго времени хазары вели борьбу съ армянами, а затѣмъ—съ персами[1]). Съ VII в. они начинаютъ вести борьбу не только на югѣ, съ персами, но и на западѣ, съ болгарами. Вскорѣ хазары покорили болгаръ и овладѣли Таврическимъ полуостровомъ. Съ каждымъ годомъ могущество хазаръ увеличивается. Они раздвигаютъ свои предѣлы все больше и больше. Если попытки упорной и продолжительной борьбы съ халифатомъ въ VII в. были и неудачны для хазаръ, такъ какъ они были вытѣснены изъ предѣловъ сѣвернаго Кавказа, то расширеніе власти на сѣверъ, въ предѣлахъ Россіи, было велико: хазары подчинили своей власти множество славянскихъ племенъ: полянъ, сѣверянъ, вятичей, радимичей и проч.[2]).

Хазары утвердились на территоріи юго-восточной Руси, въ приморскихъ земляхъ, съ VII в. Они представляли собою полуосѣдлый народъ: по своимъ изстари выработаннымъ привычкамъ, хазары были скорѣе кочевниками, чѣмъ осѣдлыми, но жизнь вблизи другихъ народовъ и частыя столкновенія съ ними не могли не повліять на измѣненіе хазарской жизни съ поворотомъ въ пользу осѣдлости. Особенно дѣятельныя сношенія заводятся съ Византіей. Византійскій императоръ Юстиніанъ II даже женился на сестрѣ хазарскаго кагана[3]). Хазары участвуютъ въ торговлѣ съ Кавказомъ и Средней Азіей, не говоря уже о восточной Европѣ, куда вели такіе удобные пути сообщенія, какъ рѣки Волга, Донъ, Днѣпръ и проч. Хазары строятъ города съ каменными стѣнами; они защищаются отъ враговъ валами, окопами, рвами и проч. Разнообразныя сношенія съ окружающими народами способствуютъ развитію среди хазаръ вѣротерпимости, о чемъ свидѣтельствуютъ какъ арабскіе, такъ и другіе писатели: хазары дозволяютъ подвластнымъ имъ народамъ судиться по своимъ законамъ[4]). Хазары овладѣли большей частью тѣхъ великихъ водныхъ путей, которые пролегали на югѣ Россіи: въ ихъ рукахъ находились устья рр. Дона, Волги, Кубани, Урала и пр. вмѣстѣ съ берегами тѣхъ морей, въ которыя впадаютъ вышеназванныя рѣки.

---

[1]) Бестужевъ—Рюминъ, I, стр 78.
[2]) Ibidem, стр. 78, 79.
[3]) Бестужевъ-Рюминъ. Рус. Ист., т. I стр. 71.
[4]) Ibidem, стр. 80.

Мы замѣчаемъ такимъ образомъ еще разъ, что народъ, собственно говоря кочевой, очутившись на югѣ Руси, въ бассейнѣ Дона и Днѣпра, мало по малу склоняется къ осѣдлому образу жизни, вѣроятно побуждаемый къ этому находящимся въ вышеназванныхъ мѣстахъ осѣдлымъ населеніемъ.

Извѣстно, что при столкновеніи осѣдлаго міра съ кочевымъ, происходитъ взаимное вліяніе ихъ другъ на друга, при чемъ въ большинствѣ случаевъ, при равныхъ условіяхъ въ численномъ отношеніи, культура осѣдлости подчиняетъ хотя отчасти кочевой элементъ. Нѣчто подобное замѣчаемъ мы и здѣсь, въ спепяхъ, на юго-востокѣ Руси: при всякомъ сношеніи южно-русскихъ князей во время борьбы Кіева съ поднѣпровскимъ лѣвобережьемъ изъ за власти, кочевники, въ большинствѣ случаевъ, охотно идутъ на помощь князьямъ черниговскимъ и сѣверскимъ, имѣвшимъ свои естественныя связи со степью и ея обитателями.

Не вдаваясь въ широкія обобщенія относительно древнѣйшаго періода территоріи Переяславльскаго княжества, подвергавшейся, какъ извѣстно, безчисленнымъ нашествіямъ въ большинствѣ случаевъ кочевыхъ народовъ съ востока, изъ нѣдръ Азіи, мы тѣмъ не менѣе, безъ особаго труда можемъ подмѣтить общія черты жизни этой страны, черты обращающія на себя вниманіе. Мы замѣчаемъ, что предстепная полоса Русской земли, не смотря на безпрерывный рядъ нападеній со стороны враговъ, продолжаетъ сохранять основное, осѣдлое поселеніе, выносившее, конечно, при этомъ весьма много относительно своей густоты и этнографической цѣлостности: кочевыя орды, при столкновеніи съ осѣдлымъ населеніемъ, вырываютъ изъ него не мало здороваго, энергичнаго населенія, заставляя его работать въ свою пользу и на мѣстѣ въ покоренной странѣ, и во время отдаленныхъ внѣшнихъ, въ большинствѣ случаевъ хищныхъ военныхъ предпріятій. Если скиѳы, кочевники—конники по преимуществу, начинаютъ мало по малу, частями, принимать осѣдлый характеръ, то это говоритъ лишь о столкновеніи этого народа съ какимъ-то другимъ племенемъ, очевидно, издавна уже осѣдлымъ и миролюбивымъ. Археологическія раскопки до нѣкоторой степени подтверждаютъ это наше общее соображеніе. Послѣдующая, такъ называемая сарматская эпоха, даетъ въ этомъ отношеніи весьма много цѣнныхъ указаній: многочисленные клады монетъ римскаго императорскаго періода, преимущественно его первыхъ вѣковъ, находимые въ различныхъ частяхъ территоріи Переяславльскаго к-ва, частью вблизи великихъ водныхъ путей, частью совершенно вдали отъ послѣднихъ, указываютъ, что осѣдлыя поселенія существовали во многихъ мѣстахъ на Переяславльской территоріи и въ первыя вѣка христіанской эры.

Готы, явившіеся въ Русь въ качествѣ завоевателей въ сравнительно небольшомъ числѣ, [1]) образовали обширное государство, расположенное между Дунаемъ, и Дономъ, а это, безъ сомнѣнія, было бы не мыслимо *безъ существованія осѣдлаго населенія въ вышеназванной странѣ.* Гунны и другіе кочевники, приливавшіе въ южную Русь, ведутъ упорную борьбу съ осѣдлымъ населеніемъ, при чемъ въ значительной степени подвергаются вліянію своихъ новыхъ подданныхъ, что и выразилось въ образѣ жизни гунновъ и ихъ выдающагося военнаго полководца, а это опять указываетъ на данную осѣдлость въ предѣлахъ южной Руси.

Въ хазарскій періодъ мы видимъ большой укрѣпленный городъ Саркелъ на берегахъ Дона; безъ сомнѣнія, на послѣднемъ было еще нѣсколько городовъ, но лѣтописецъ не сообщилъ намъ объ этомъ, какъ и обо многомъ, болѣе или менѣе интересномъ для насъ. Затѣмъ, послѣ паденія хазарскаго царства, населеніе Подонья не исчезло, а продолжало жить по прежнему въ излюбленныхъ мѣстахъ, то разрѣжаясь, то пополняясь славянскимъ элементомъ, который прочно держится въ разъ занятыхъ пунктахъ. Послѣднее соображеніе невольно наводитъ на мысль, не существовало-ли славянское населеніе въ юговосточной окраинѣ Руси съ древнѣйшихъ временъ, скрываясь подъ различными названіями.

Согласно лѣтописи, всѣ славяне, населявшіе Русскую землю, вышли частью изъ предѣловъ Карпатъ, частью изъ придунайскихъ земель. Лѣтописный разсказъ, въ смыслѣ преданія, имѣемъ за собою нѣкоторое основаніе; однако, онъ не можетъ считаться неопровержимой истиной. Если можно признать фактъ частичнаго выселенія славянъ отъ береговъ Дуная на востокъ, то это фактъ не общій, а частный, мало имѣющій отношенія къ тому главному и неопровержимому положенію, что славяне, какъ и всѣ вообще выходцы изъ Азіи, *съ востока* двигались въ Европу и при этомъ переселеніи основывались, осѣдали въ излюбленныхъ мѣстахъ, не прекращая тѣмъ, однако, своего наступательнаго движенія на западъ. Самый лѣтописный разсказъ о приходѣ славянъ съ запада не выдерживаетъ критики, при сопо-

---

[1]) Говорятъ, готы первоначально пришли въ Русь на трехъ корабляхъ и вооруженною силою овладѣли страной. Болѣе продолжительное господство готовъ въ Русской землѣ и ихъ завоевательная политика должны были бы оставить по себѣ какой либо слѣдъ въ народной памяти. Не есть-ли лѣтописный разсказъ о призваніи Рюрика видоизмѣненное преданіе о приходѣ трехъ готскихъ кораблей, тѣмъ болѣе, что лѣтописецъ, стараясь повидимому правдиво передать слышанное преданіе, заставляетъ призванныхъ князей подчинять близлежащіе народы въ очень короткій промежутокъ времени? Рюрикъ такимъ образомъ заслонилъ собою прежнюю легенду, продолженіе которой видно сейчасъ же при его преемникѣ, Олегѣ вѣщемъ.

ставленіи его съ другими разсказами изъ той же лѣтописи; въ лѣтописи, напр., говорится, что еще апостолъ Андрей нашелъ на берегу Днѣпра славянъ; слѣдовательно, согласно такому сообщенію, славяне обитали въ предѣлахъ Днѣпра еще въ первые вѣка христіанской эры, что ясно стоитъ въ противорѣчіи съ тѣмъ, что высказано лѣтописью о славянахъ дальше.

Великая водная дорога Днѣпромъ и Дономъ, на берега Чернаго моря, гдѣ были расположены со временъ отдаленной древности богатые, цвѣтущіе города, кипѣвшіе торговымъ движеніемъ, не могла только закончиться береговыми приморскими пунктами. Она шла дальше, по великимъ воднымъ артеріямъ, впадающимъ въ гостепріимный Понтъ. Понятно, Дунай, эта величайшая рѣка Европы, не могъ ускользнуть отъ того общаго участія въ торговыхъ и культурныхъ сношеніяхъ, какія велись въ то время на востокѣ Европы. Мы видимъ впослѣдствіи, какое огромное вліяніе оказывали народы, обитавшіе по нижнему теченію Дуная, на дѣла Руси, и какъ эта послѣдняя смотрѣла на придунайскія страны въ X в., во времена первыхъ кіевскихъ князей. Нельзя поэтому упускать изъ вида того факта, что вліяніе придунайскихъ обитателей на Русь началось очень давно и было настолько же сильнымъ и значительнымъ, какъ и вліяніе другихъ племенъ, обитавшихъ по воднымъ дорогамъ, соприкасавшимся съ территоріей русскихъ славянъ. Отсюда не будетъ страннымъ для насъ занесенное въ лѣтопись преданіе, что славянскія племена явились въ предѣлы русской земли съ Дуная и разселились уже потомъ по рѣчнымъ путямъ. Нѣтъ, сомнѣнія, что подобныя выселенія происходили, хотя и небольшой массой, и происходили не особенно давно, если преданія о нихъ дошли до составителя начальной лѣтописи. Интересно замѣтить, что преданія о царѣ-змiѣ сохранились у русскихъ славянъ и у ѳракійскихъ племенъ. Зміевые валы, какъ въ Болгаріи, такъ и въ южной Руси—извѣстное явленіе. Давленія многочисленныхъ племенъ (кельтовъ, германцевъ, римлянъ) способствовали такимъ выселеніямъ на востокъ и сѣверо-востокъ; кромѣ того, торговыя связи обусловливали болѣе частыя сообщенія подунайскихъ славянъ съ приднѣпровскими. Конечно, не одни только подунайскія славянскія племена испытывали на себѣ силу враговъ и ихъ натискъ; мы видимъ, что подобныя невзгоды испытываются и прибалтійскими славянами, которые одинаковымъ образомъ въ свою очередь тѣснятся своими врагами съ запада. Все это заставляетъ славянскія племена подвигаться на востокъ, уступая давленію болѣе сильныхъ народовъ.

Такимъ образомъ, мы наблюдаемъ какъ бы два потока славянъ, циркулирующихъ по великой водной дорогѣ Днѣпромъ. Послѣдній всегда былъ важенъ для славянъ, и едва ли можно согласиться, чтобы соприкасавшіяся когда либо съ нимъ племена не отдавали бы части

своего населенія приднѣпровскимъ землямъ. Не оспаривая возможности передвиженія славянскихъ племенъ изъ предѣловъ Галиціи на востокъ[1]), трудно, однако, повѣрить, чтобы населеніе, разъ достигши Днѣпра и другихъ сосѣднихъ рѣкъ, не остановилось на этой рѣкѣ и не постаралось завладѣть обоими ея берегами, а отсюда—и другими рѣчными путями, соприкасающимися съ Днѣпромъ, Десной, Сеймомъ и проч. Мы не можемъ подтвердить нашего мнѣнія основными фактами, но мы признаемъ, что земли по Деснѣ, Сулѣ и Сейму по удобству своего положенія и плодородію почвы скорѣе могли привлечь къ себѣ населеніе, чѣмъ лѣсистые участки земель хотя бы и по верхнему теченію р. Днѣпра. Занятіе сѣверянами земель по Деснѣ, Сейму и по Окѣ, судя по лѣтописи, совершилось очень рано: другія племена, напр. Вятичи, Радимичи, уже застали сѣверянъ между Десной и Окой, и одни изъ нихъ, какъ радимичи поселились въ бассейнѣ Сожа, а вятичи должны были двинуться дальше на востокъ, къ Окѣ[2]). Признавая возможность движенія славянъ отъ Карпатовъ на востокъ, мы можемъ думать, что они распространились отсюда и по всей восточной Европѣ: они могли оттѣснить при своемъ движеніи на сѣверъ финскія племена и, вѣроятно, германскія, которыя должны были перебраться на Скандинавскій полуостровъ; въ своемъ движеніи на югъ, къ Дунаю, они опять встрѣтились съ германцами а затѣмъ—на нижнемъ Дунаѣ съ ѳрако-иллирійцами[3]). „Оба эти движенія, говоритъ пр. Петровъ, относятся къ такой глубокой древности, что нельзя даже приблизительно опредѣлить ихъ время“ [4]). Итакъ, мы видимъ, двоякое теченіе колонизаціоннаго движенія славянъ изъ средней Европы къ бассейну Днѣпра: съ сѣверо-запада и съ юго-запада[5]). Слѣды обоихъ этихъ движеній сохранились въ мѣстныхъ южно-русскихъ названіяхъ, которыя имѣютъ много сходства съ названіями какъ въ прибалтійскихъ, такъ и въ придунайскихъ странахъ. Помимо отдаленнаго сходства въ названіяхъ разныхъ предметовъ, мы имѣемъ цѣлый рядъ названій городовъ и поселковъ, въ Прибалтійской, Подунайской и Поднѣпровской странахъ, звучащихъ сходно между собою; таковы: Преяслау, Переяславль, Переяславецъ, Предслава, Чарниковъ, Черниговъ, Белгардъ, Бѣлгородъ, Вышеградъ, Вышгородъ, Кіевецъ, Кіевъ, Куявы и проч.[6]) Не вдаваясь въ разсмотрѣніе вопроса, когда образовались эти

---

[1]) Ключевскій. Бояр. Дума, стр. 18—20. Л. Нидерле. Человѣч. въ доист. времена.

[2]) Ипат. лѣт., стр. 4.

[3]) Петровъ, Лекціи по всемір. исторіи, т. II, стр. 83.

[4]) Ibidem.

[5]) Когда болгары овладѣле Мизіей въ 678 г., они нашли тамъ славянъ, именуемыхъ сѣверянами.

[6]) См. карт. Европ. Россіи, издан. подъ ред. полк. Стрѣльбицкаго, въ масшт. 10 верстъ въ дюймѣ.

имена: какія изъ нихъ раньше, какія позже, мы, однако, должны признать большое родство всѣхъ тѣхъ славянскихъ племенъ, которыя обитали въ вышеназванныхъ территоріяхъ.

Первоначальная исторія *славянъ русскихъ* чрезвычайно кратка, скудна извѣстіями, бѣдна сюжетами. Сообщенія древнихъ писателей (Плиній, Тацитъ, Птоломей, Страбонъ и проч.) о славянахъ отличаются неясностью и неопредѣленностью. Изъ краткихъ, однако, и отрывочныхъ свѣдѣній о славянахъ, мы узнаемъ, что занимавшіе русскую территорію славяне, соприкасаясь съ различными народами: греками, германцами, тюрками и проч., и разселяясь по рѣчнымъ путямъ, были охватываемы, какъ тисками, съ двухъ сторонъ, со стороны Балтики и Понта, германскимъ и греческимъ мірами, которые оказывали на нихъ большое вліяніе. Культурная сила, само собою разумѣется, побѣждала болѣе слабыя по своему умственному и политическому развитію племена, но въ то же время она незамѣтно своимъ вліяніемъ создавала внутри этихъ племенъ другую силу, которая потомъ проявляетъ свою дѣятельность уже самостоятельно, ставъ сначала въ полузависимыя, а потомъ въ равныя отношенія со своими прежними руководителями и главарями. Эта культурная иноземная сила растворялась въ славянскомъ элементѣ и давала ему своеобразное направленіе [1]). Мы не будемъ здѣсь приводить многочисленныхъ сооообщеній древнихъ писателей о всѣхъ славянахъ вообще. Мы ограничимся здѣсь исключительно только тѣми извѣстіями, которыя касаются griднѣпровскихъ славянъ. Тацитъ, говорящій о славянахъ — венедахъ, вообще, болѣе склоненъ видѣть ихъ осѣдлымъ народомъ, чѣмъ кочевымъ, хотя свирѣпость ихъ и воинственность заставляла римскаго историка колебаться въ этомъ опредѣленіи. Образъ жизни венетовъ былъ скорѣе осѣдлый, чѣмъ кочевой: они имѣли дома, а не кибитки, имѣли мечи и щиты и сражались пѣшими. Это общія свѣдѣнія о славянахъ, разсѣянныхъ на огромномъ пространствѣ отъ береговъ Балтійскаго до Чернаго и Азовскаго морей. Затѣмъ мы имѣемъ извѣстія о славянахъ уже болѣе точныя, передающія больше подробностей о славянскихъ племенахъ въ отдѣльности.

Птоломей, жившій во 2 вѣкѣ по Р. Х., говоритъ о народѣ Савари (Savari), который, согласно толкованіямъ ученыхъ, обиталъ въ юго-восточныхъ предѣлахъ Россіи. Птоломей помѣщаетъ Роксолановъ, которыхъ ученые въ настоящее время признаютъ за славянъ [2]), на югѣ

[1]) „Притокъ норманновъ въ Россію прекратился только со слѣдовавшимъ за Ярославомъ поколѣніемъ, такъ что по Титмару, населеніе Кіева еще въ 1018 г. состояло „maxime ex velocibus Danis“. Извѣстія Ал Бекри. т. I, стр. 107.

[2]) Иловайскій, Розысканія о началѣ Руси; Шафарикъ, I, с. 105 и 201—2.

Россіи, по берегамъ Азовскаго моря, между низовьями Днѣпра и Дона, а къ сѣверу и сѣверо-востоку отъ нихъ—саваровъ, т. е. вѣроятно сѣверянъ[1]). Указываютъ дальше на сходство названій сѣверянъ, саврикова и саваровъ, причемъ край Саврика (Savrica) въ Певтингеровой таблицѣ помѣщается въ предѣлахъ юго-восточной Россіи, около р. Дона[2]). Гвидо Равенскій помѣщаетъ также гдѣ то вблизи океана (Черное м.) земли роксолановъ, савриковъ и савроматовъ[3]).

Послѣдующіе историки оставляютъ намъ больше свѣдѣній о славянахъ. Іорнандъ (VI в.) говоритъ, что венеды (Veneti) занимаютъ обширную территорію между верховьями Вислы и Днѣпромъ. Онъ ихъ раздѣляетъ на 2 племени: анты (Antes) между Днѣпромъ и Днѣстромъ, и собственно славяне (Sclavi)—между Днѣстромъ и Дунаемъ[4]). Далѣе, онъ точнѣе опредѣляетъ мѣстожительство антовъ и помѣщаетъ ихъ въ причерноморскихъ странахъ, по сосѣдству съ Понтомъ, между Днѣпромъ и Днѣстромъ[5]). Анты были самые могуемщественные изъ венетовъ. Іорнандъ, однако, ничего не говоритъ объ обитателяхъ лѣвой стороны Днѣпра, которая собственно и составляетъ весь нашъ интересъ. Гораздо опредѣленнѣе высказывается на этотъ счетъ Прокопій Кесарійскій, сообщенія котораго трудно заподозрѣть въ невѣрности, такъ какъ онъ писалъ частью какъ очевидецъ, частью на основаніи оффиціальныхъ свѣдѣній. Онъ разъясняетъ, что венеты и анты—это племена славянскаго корня и что анты занимали мѣста къ сѣверу отъ племени утургуровъ, именовавшихся прежде киммерійцами, обитавшими по берегамъ Дона и Азовскаго моря[6]). Слѣдовательно, возможно полагать, что анты обитатели на территоріи лѣваго берега р. Днѣпра. „Народы антовъ и славянъ многочисленны“, говоритъ Прокопій[7]). Они уже владѣли вышеназванной территоріей, когда готы одолѣли ихъ и покорили своей власти. Слѣдовательно, съ большимъ основаніемъ можно полагать, что славяне жили по берегамъ Чернаго моря уже во II или III в. по Р. Х.

Послѣ разрозненныхъ и отрывочныхъ извѣстій древнихъ о славянахъ въ предѣлахъ южной Руси, мы находимъ болѣе подробныя и

---

[1]) Ир. Житецкій. Смѣна народностей въ южной Россіи, стр. 16—17.

[2]) Голубовскій. исторія Сѣвер. земли, стр. 3.

[3]) Ibidem.

[4]) *Iornandus*. De Getarum. orig. et. c. Ed. Car. Gloss. Sttutgarie 1861 г.

[5]) Беберъ. Всеобщ. исторія, т. IV, стр. 826. Шафарикъ, I, с. 113—114.

[6]) „Меотійскій заливъ, впадаетъ въ Понтъ-Евксинскій. Тамошніе обитатели, именовавшіеся прежде киммерійцами, теперь уже называются утургурами. Дальнѣйшіе края къ сѣверу занимаютъ безчисленные народы Антовъ“. Procopii. De bello gottico, lib. III, стр. IV: Арцыбашевъ, I, стр 9, 10 и проч. Шафарикъ, I, с. 115, 249.

[7]) Шафарикъ, I, стр. 232.

опредѣленныя извѣстія о нихъ у арабскихъ писателей (Ибнъ-Даста, Аль-Бекри, Истахри, Массуди, Ибнъ-Фоцланъ и проч.).

Прежніе Роксоланы являются уже у арабовъ руссами; они обитаютъ гдѣ-то по берегамъ Азовскаго моря; этимъ русскимъ принадлежитъ и г. Тмутаракань, находившійся вблизи Керченскаго пролива, на полуостровѣ Тамани. Славянскія поселенія, по сообщеніямъ арабовъ, занимали обширное пространство въ бассейнахъ Волги и Дона, которыя считаются у арабовъ славянскими рѣками. Одинъ изъ арабскихъ писателей X в. говоритъ по этому поводу слѣдующее: „между большими и извѣстными рѣками, впадающими въ море Понтусъ, находится одна, называемая Танаисъ, которая проходитъ съ сѣвера. Берега ея обитаемы многочисленнымъ народомъ славянскимъ и другими народами, углубленными въ сѣверныхъ краяхъ“ [1]). Насколько славяне были значительны въ данной мѣстности, видно изъ того, что Азовское море называлось по ихъ имени славянскимъ, *русскимъ моремъ* [2]). Еще болѣе подтверждаютъ вопросъ о сплошныхъ, издревле занимаемыхъ славянскимъ населеніемъ мѣстахъ въ юго-восточной Руси, археологическія данныя. Сходство добытыхъ археологіей въ разныхъ мѣстахъ Россіи предметовъ въ ихъ орнаментаціи съ таковыми предметами, найденными въ предѣлахъ Полтав., Черниг. и Харьков. губ. [3]), указываетъ на обширность территоріи, занимаемой славянами. Этотъ выводъ какъ бы подтверждаетъ сообщеніе о многочисленномъ народѣ антахъ-славянахъ, обитавшемъ въ предстепной полосѣ южной Россіи.

Такимъ образомъ, прослѣдивъ вкратцѣ отдаленную судьбу приднѣпровскихъ славянъ, мы видимъ, что они обитали вблизи Днѣпра съ древнѣйшихъ временъ, скрываясь только подъ различными названіями. Частыя передвиженія кочевниковъ, измѣняя нѣсколько ихъ этнографическій составъ, не могли ихъ вытѣснить изъ разъ занятой территоріи. Сообщенія древнихъ писателей о славянахъ на юго-востокѣ Руси, сообщенія о нихъ же арабовъ и археологическія данныя, указывающія на сходство находимыхъ въ курганахъ предметовъ съ сѣверскими, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ давности славянскихъ поселеній на югѣ Руси.

До VII вѣка однако, мы не видимъ еще нигдѣ самостоятельныхъ славянскихъ государствъ; въ VII в. на западѣ сложилось чехо-моравское государство подъ управленіемъ нѣкоего Само, который является объединителемъ западныхъ славянъ. Вслѣдъ затѣмъ идетъ образова-

---

[1]) Гаркави, стр. 140 и 125.

[2]) Голубовскій. Исторія Сѣверской Земли, стр. 5.

[3]) Рефератъ г. Кондакова. Мелкія древности Кубан. и Терской областей, см. Труды III Археологич. съѣзда.

ніе другихъ славянскихъ государствъ; Хорватскаго, Сербскаго и проч. Позже другихъ славянъ образовалось государство Русское. Причина этого заключалась главнымъ образомъ въ томъ, что славяне жили разсѣянными племенами, часто враждовали другъ съ другомъ, часто подвергались набѣгамъ чужеземныхъ народовъ и потому не могли скоро составить изъ себя политическаго тѣла, объединеннаго одной руководящей идеей—защиты отъ окружающихъ враждебныхъ народовъ. Только изрѣдка мы замѣчаемъ такое федеративное объединеніе славянъ, но оно обыкновенно долго не удерживается.

Въ VIII в. мы уже застаемъ славянъ на обширномъ пространствѣ, составляющемъ нынѣ предѣлы Россійской Имперіи. Славяне раздѣлялись на множество племенъ, каждое изъ которыхъ занимало опредѣленную территорію: *поляне*, *древляне*, *кривичи*, *дреговичи*, *сѣверяне* и проч. Сѣверяне утвердились въ области лѣваго Поднѣпровья, занявъ земли по Деснѣ, Сейму, Сулѣ, отчасти по верхней Окѣ и С. Донцу. По лѣтописи, восточная вѣтвь славянъ (Хорваты Бѣлые, Сербы, Хорутане), потѣсненная съ запада врагами, направилась на сѣверо-востокъ Европы и заняла по пути свои мѣста; одни изъ славянъ осѣлись по среднему Днѣпру, гдѣ и получили названіе *полянъ*, другіе заняли лѣса и назвались *древлянами*, третьи заняли бассейнъ Двины и назвались *полочанами*, отъ р. Полоты и т. д. Ильменскіе славяне, или просто *славяне*, *кривичи*, дали отъ себя колоніи: отъ нихъ вышли сѣверяне, сѣвшіе по Семи, Деснѣ и Сулѣ [1]). Относительно сѣверянъ лѣтопись говоритъ слѣдующее: „а друзие (славяне) же сѣдоша на Деснѣ и по Семи и по Сулѣ и нарѣкошася *сѣверы*“ [2]), и далѣе: „себо токмо словѣнскъ языкъ въ Руси: Поляне, Древляне, Новъгородци, Полочане, Дьрьговичи, *Сѣвера*“... [3]). Мы не можемъ, однако, согласиться съ разсказами лѣтописи относительно разселенія славянскихъ племенъ. Переданная лѣтописцемъ наивная картина разселенія племенъ не можетъ считаться научной основой, т. к. передвиженія народовъ никогда не совершаются всей массой, обыкновенно прочно привязывающейся къ однажды занятой территоріи. Процессъ заселенія территоріи бываетъ обыкновенно настолько сложнымъ и совершается онъ такъ медленно, что рѣшать его столь простымъ способомъ, какъ передаетъ лѣтопись, врядъ ли возможно.

---

1) Ипат. лѣт., стр. 4—6; Соловьевъ, I, стр. 45.
2) Ипат. лѣт., стр. 4.
3) Ibidem, стр. 6.

III.

Періодъ прочнаго утвержденія славянъ въ бассейнѣ средняго Днѣпра.

Южная половина сѣверянской территоріи и ея ближайшіе сосѣди. Колонизаціонное движеніе сѣверянъ въ земли сосѣдей. Слѣды славянскихъ поселеній въ Подоньи. Археологическія данныя о пребываніи сѣверянъ на территоріи Переяславльскаго княжества: похоронные обряды и предметы, отысканные въ городищахъ и курганахъ Городища и курганы. Населенныя мѣста на территоріи Переяславльскаго княжества.

Южный отдѣлъ Сѣверянской территоріи, входившій въ составъ Переяславльскаго княжества, охватывалъ, какъ мы знаемъ, обширное пространство земель, залегавшихъ въ восточной части средняго Поднѣпровья, вплоть до предѣловъ могучихъ степей, широкой полосой раскинувшихся на необъятномъ пространствѣ къ сѣверу отъ береговъ Чернаго и Азовскаго морей. Природа щедро одарила этотъ благословенный край, эту прекрасную окраину Русской земли, разсыпавъ здѣсь могучею рукою свои дивные дары. Тучный черноземъ, покрытый роскошными, густыми травами, прелестныя рѣки, серебряными струями текущія въ живописныхъ берегахъ, дремучіе лѣса, чередующіеся съ широкими полями, болѣе или менѣе умѣренный климатъ, наконецъ,—близкое сосѣдство такихъ важныхъ для народной жизни водныхъ путей, какъ Днѣпръ и Донъ,—все это дѣлало этотъ край съ самыхъ отдаленныхъ временъ предметомъ исканій и желаній со стороны многихъ народовъ, послѣдовательно смѣнявшихъ въ своемъ непрерывномъ движеніи другъ друга. Славянское племя, прочно утвердившись въ вышеназванной странѣ, продолжало мало-помалу, сообразно съ обстоятельствами, выполнять завѣщанныя мѣстными и политическими условіями задачи своей жизни.

Своеобразныя особенности устройства поверхности и этнографическаго состава этого южнаго отдѣла сѣверянской территоріи были причиной того, что съ самыхъ отдаленныхъ временъ этотъ край пред-

ставлялъ выдѣлившуюся изъ славянской семьи политическую единицу, примыкавшую то къ той, то къ другой сосѣдней области, соблюдая, однако, всегда интересы славянской народности. Послѣднее обстоятельство объясняется преобладаніемъ въ этомъ краѣ славянскаго элемента, занимавшаго по лѣтописи сплошное пространство до бассейна р. Сулы. Сообщенія лѣтописца о грубости и дикости нравовъ сѣверянъ кажутся преувеличенными. Звѣриный образъ жизни сѣверянъ можно было бы признать, если бы этому такъ не противорѣчили извѣстія той-же лѣтописи, что сѣверяне были подчинены на извѣстныхъ условіяхъ, договорѣ, другому народу: дикіе народы, какъ извѣстно, не способны исправно вносить дани, какъ-бы мала ни была послѣдняя. Если придерживаться сообщеній лѣтописи, то разселеніе славянъ въ Днѣпровскомъ бассейнѣ шло сначала по правой сторонѣ р. Днѣпра, а затѣмъ уже былъ занятъ и лѣвый берегъ этой рѣки. до р Сулы. Сѣка Сула такимъ образомъ является крайнимъ предѣломъ славянскихъ поселеній на югѣ. Что же за племена находились къ югу отъ этой рѣки? Или, быть можетъ, здѣсь совсѣмъ не было населенія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можно найти какъ въ тѣхъ многочисленныхъ вещественныхъ доказательствахъ, — курганахъ, валахъ, городищахъ, которыя на огромномъ пространствѣ разсѣяны по лѣвой сторонѣ р. Днѣпра, такъ и въ сообщеніяхъ нашей начальной лѣтописи. Въ Никоновской лѣтописи есть любопытное сообщеніе по этому поводу. Дѣло въ томъ. что занимавшія югъ Россіи славянскія племена—Уличи и Тиверцы, помѣщены лѣтописью между Днѣстромъ и Дунаемъ. Дѣйствительно, мѣстность отъ устьевъ Днѣпра до Дуная, какъ прилежащая къ великой водной дорогѣ, была очень удобной, выгодной для осѣдлаго, промышленнаго населенія. Но, признавая за этой мѣстностью важность ея географическаго положенія, мы не можемъ не признать такой же важности и значенія, и за мѣстностью по р. Днѣпру, въ его нижнемъ теченіи. Даже болѣе того; признавая поселенія Уличевъ и Тиверцевъ въ южной Россіи, въ бассейнѣ Днѣстра и Дуная, мы должны также искать поселеній внизъ по теченію Днѣпра, за р. Сулой. Эта мѣстность, отъ которой зависѣлъ торговый путь и даже государственное значеніе Кіева, должна была имѣть населеніе, какъ ниже р. Сулы, по Днѣпру, такъ и дальше, отъ пороговъ. Неблагопріятныя условія нижней части Днѣпра, протекающаго въ пустынной мѣстности, перерѣзаннаго рядомъ пороговъ, наконецъ — вѣчно оцѣпляемаго многочисленными ордами разныхъ кочевыхъ народовъ, дѣлали этотъ нижнеднѣпровскій край не всегда выгоднымъ для осѣдлости: населеніе его часто искало убѣжища въ болѣе благопріятныхъ для жизни мѣстахъ. Но до поры до времени, пока впереди этой мѣстности, съ востока, находилась защита, пока какая нибудь сила заслоняла собой отъ враговъ нижнеднѣпровскій край, послѣдній имѣлъ на-

селеніе. Слѣды такихъ поселеній указаны лѣтописью. Такъ, Никоновская лѣтопись сообщаетъ объ этомъ слѣдующее: „И бѣ у него (Игоря) воевода именемъ Свѣнтелдъ; и примучи Угличи и возложи на ня дань Игорь, и даде Свѣнтелду; и не дадеся ему одинъ градъ именемъ Пересѣченъ, и седе около его три лѣта, и едва взятъ его. И бѣша сѣдяще Угличи по Днѣпру внизъ и посемъ придоша межи воинъ Дѣстръ и сѣдоша тамо“ [1]). Слѣдовательно, согласно лѣтописному разсказу, тиверцы и угличи были многочисленны и сильны; они обитали въ нижнемъ теченіи Днѣпра, гдѣ у нихъ было множество городовъ. Если города возникаютъ съ политическою цѣлью, то въ равной степени, они появляются и на торговыхъ, промышленныхъ путяхъ, а такимъ путемъ былъ, безъ сомнѣнія, путь Днѣпромъ на греки. Отсюда — сообщеніе Никоновской лѣтописи о нахожденіи уличей и тиверцевъ, на нижнемъ Днѣпрѣ вполнѣ правдоподобно; и только впослѣдствіи, когда для этихъ племенъ настали болѣе тяжелыя времена, когда на нихъ стали оказывать давленіе кіевскіе князья, съ одной стороны, и кочевники съ востока, съ другой,—совершилось переселеніе ихъ съ Днѣпра на западъ, къ Днѣстру и Дунаю. Это сообщеніе Никоновской лѣтописи о нахожденіи угличей по Днѣпру подтверждается еще слѣдующимъ соображеніемъ. Кіевъ, какъ извѣстно, задавшись централизаціей окружающихъ племенъ, старается объединить весь край по теченію Днѣпра; если это такъ, то чтобы быть послѣдовательнымъ въ своей политикѣ, послѣ покоренія сѣверянъ, онъ долженъ былъ начать покореніе и ниже сидящихъ племенъ, т. е. уличей и тиверцевъ. Дѣйствительно: *„въ лѣто 884, іде Олегъ на Сѣвяры и побѣди Сѣверы, и възложи на нихъ дань легъку“* [2]), *Въ 885 г.: „И бѣ обладая Олегъ Деревляны, Полянми, Радимичи, а со Уличи и Тиверьцы имѣяше рать“* [3]). Здѣсь непосредственность похода на уличей, послѣ похода на сѣверянъ, говоритъ въ пользу того, что уличи и тиверцы обитали по Днѣпру. Констатируя фактъ нахожденія уличей и тиверцевъ на нижнемъ Днѣпрѣ, мы какъ бы подтверждаемъ сообщенія другихъ писателей, которые говорятъ о многочисленныхъ племенахъ, занимавшихъ обширную территорію къ сѣверу отъ приазовскихъ степей. Высказываясь по этому поводу, нашъ уважаемый историкъ Соловьевъ говоритъ слѣдующее: „Указанія лѣтописца на многочисленность Тиверцевъ и Угличей, на ихъ упорное сопротивленіе Русскимъ князьямъ, на ихъ жилища отъ Днѣстра, или даже отъ Дуная до самаго Днѣпра, и, можетъ быть, дальше на востокъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія, что это тѣ са-

---

[1]) Никоновская лѣт., стр. 26.
[2]) Ипат. лѣт., стр. 13, 14.
[3]) Ibidem.

мыя племена, которыя Прокопію и Іорнанду были извѣстны подъ именемъ антовъ" [1]). Интересно сообщеніе лѣтописи о томъ, что у тиверцевъ и угличей было много городовъ: „и бѣ множество ихъ (Уличей и Тиверцевъ), сѣдяху бо по Бугу и по Днепру, оли до моря, и суть грады ихъ и до сего дне; да то ся зваху отъ Грекъ Великая Скуфь" [2]). Извѣстіе лѣтописи и другихъ источниковъ о существованіи у тиверцевъ и угличей многихъ городовъ внизъ по Днѣпру указываетъ весьма ясно на участіе этихъ народовъ не только въ рѣчной торговлѣ, но также и въ торговлѣ морской. Это сообщеніе для насъ чрезвычайно важно: мы знаемъ, что готы, покоривъ славянъ, обитавшихъ вблизи Днѣпра, дѣлаютъ на ладьяхъ набѣги въ предѣлы Византіи. Эти морскіе набѣги съ уходомъ готовъ изъ предѣловъ Россіи, не прекратились. Какъ прежде, при готахъ, такъ и потомъ, славяне, подчиненные Кіеву, по словамъ К. Багрянороднаго, строятъ лодки и дѣлаютъ набѣги на Византію.

Несомнѣнный фактъ, что населеніе упорно держится однажды занятыхъ мѣстъ и неохотно покидаетъ ихъ, даже не смотря на многія невзгоды. Можно полагать такимъ образомъ, что и на Дону еще задолго до появленія тамъ казаковъ жило, хотя и не особенно густо, осѣдлое славянское населеніе, послужившее основнымъ ядромъ, вокругъ котораго отлагались другіе переселенческіе слои русскаго народа. Образъ жизни, общественное устройство и отважныя отдаленныя походы на судахъ говорятъ въ пользу прямой преемственности придонскаго населенія отъ обитателей болѣе отдаленнаго времени.

Мы имѣемъ некоторыя данныя въ пользу того, что славянскія поселенія существовали въ Подоньи въ сравнительно болѣе позднюю пору, когда кочевники занимали не только южныя степи, но даже господствовали чуть не надъ половиной русскихъ славянъ, раскинутыхъ между Днѣпромъ и Волгой. Первое, что бросается въ глаза изучающему древній періодъ русскаго государства—это существованіе русскихъ владѣній—Тмутаракани, въ отдаленномъ углу приморскихъ земель, отдѣленныхъ отъ остальной Руси огромнымъ промежуткомъ степей, находившихся во власти кочевниковъ. Какъ можно себѣ объяснить этотъ фактъ? Несомнѣнно, въ разрѣшеніи этого вопроса мы должны обратить вниманіе на отношеніе Тмутаракани къ русскимъ землямъ. Мы замѣчаемъ постоянное тяготѣніе этой земли къ сѣверя-

---

[1]) Соловьевъ, I, стр. 46. Арцыбашевъ, т. I, стр. 8. Срезневскій. Чтеніе древн. Рус. лѣт., 24. Шафарикъ, славян плем. въ нын. Россіи. Лавровскій и Брунъ также согласны съ этимъ выводомъ относительно антовъ. О множествѣ городищъ по берегу нижняго Днѣпра, начиная отъ конца пороговъ, говоритъ г. Терещенко. Очерки Новор. края. Спб. 1854 г., стр. 64—78.

[2]) Ипат. лѣт. стр. 7

намъ,—Чернигову и Новгородъ-Сѣверску, а затѣмъ—Переяславлю. Такое тяготѣніе объясняется болѣе или менѣе частыми сношеніями сѣверянъ съ Тмутараканью, что станетъ намъ болѣе понятнымъ, если мы припомнимъ, что сѣверяне относительно водныхъ путей находились въ исключительно счастливыхъ условіяхъ: ихъ рѣчные пути давали дорогу отъ одной рѣки къ другой, ихъ рѣки давали возможность одинаково легко попасть на Волгу, на Донъ, и на Днѣпръ, а отсюда и въ три моря, омывающія съ юга предѣлы Россіи—Черное, Азовское и Каспійское[1]). Признавъ такую зависимость Трутаракани отъ сѣверянъ, мы неминуемо должны признать и слѣдствія, отсюда вытекающія, а именно: что рѣчные, торговые пути, особенно при проходѣ черезъ пустынныя и опасныя страны, требуютъ непремѣнно защищенныхъ и удобныхъ станцій, гдѣ бы можно было отдохнуть и запастись всѣмъ необходимымъ на дорогу. Трудно, напр., согласиться, чтобы по Днѣпру ниже Переяславля не было такихъ укрѣпленныхъ пунктовъ, куда бы можно было укрыться въ случаѣ опасности. Дѣйствительно, мы видимъ такіе города на Днѣпрѣ, ниже Кіева,—Каневъ, Родня, Черкасы и проч. Естественно, что и по Дону, или же его притоку—Донцу, должны были находиться такіе славянскіе города, крѣпости. На Дону, какъ главномъ пути изъ земель славянъ въ Азовское море, находилась сильная крѣпость Саркелъ или же Бѣлая-Вежа нашихъ лѣтописей[2]).

Такимъ образомъ, въ разрѣшеніи вопроса о давности славянскихъ поселеній на югѣ Россіи, въ Подоньи и вблизи Азовскаго моря, можетъ послужить намъ извѣстное въ древности славянское княжество на берегу Босфора Киммерійскаго, именно Тмутаракань. Чтобы возникнуть такому значительному пункту въ столь отдаленномъ разстояніи отъ

---

[1]) См. объ этомъ Гаркави, стр. 153—154. Это удобство путей, сближающихъ водныя дороги, одно время послужило не въ пользу славянъ: Хазары овладѣли главными руслами славянскихъ рѣкъ и подчинили себѣ расположенныя на нихъ славянскія племена.

[2]) Бѣлая-Вежа разсматривается нѣкоторыми нашими учеными (Голубовскій), какъ славянское поселеніе, завоеванное потомъ хазарами, которые буквально и перевели на свой языкъ названіе этого города, такъ какъ, по объясненію восточныхъ языковѣдовъ, слово „Саркелъ" обозначаетъ „Бѣлый городъ". Подтвержденіе своей мысли о славянскомъ населеніи Бѣлой-Вежи ученые видятъ въ томъ, что жители Бѣлой-Вежи, въ 1117-мъ году, переселились въ Русь, въ Сѣверскую область, именно—на верховыя р. Остра, въ то мѣсто, гдѣ въ настоящее время находится нѣмецкая колонія Белемешь. Полагаютъ, что эти переселенцы ушли изъ Подонья потому, что имъ трудно было отстаивать тамъ свою самостоятельность безъ поддержки со стороны своихъ земляковъ, занятыхъ въ это время междоусобной борьбой, (Голубовскій. Исторія Сѣвер. земли, стр. 89). Домонтовичъ. Матер. для геогр. и стат. Черн. губ.; Карамзинъ, I. ч.

сплошныхъ поселеній русскихъ славянъ и чтобы продержаться тамъ столь значительный періодъ времени, необходимо, чтобы славянскій элементъ находился по крайней мѣрѣ въ главныхъ пунктахъ на пути изъ Руси въ Тмутаракань. Разумѣется, сношенія велись съ этимъ отдаленнымъ краемъ какъ сухопутьемъ, такъ и рѣчными путями.

Вообще, область р. Дона, благодаря своему географическому положенію, съ древнѣйшихъ временъ служила посредствующимъ звеномъ въ международныхъ сношеніяхъ племенъ, обитавшихъ по приморскимъ окраинамъ южной Руси и въ предстепной полосѣ послѣдней. Древнѣйшіе письменные источники, не давая вполнѣ ясныхъ свѣдѣній о южной Россіи, оставляютъ, однако, кое-какія данныя, говорящія о безпрерывности осѣдлыхъ поселеній, начиная отъ береговъ Азовскаго моря и вверхъ по р. Дону [1]). Скиѳскія племена, основавшія Босфорское царство у восточныхъ береговъ Крыма, выборомъ мѣстности для своего государства, подверждаютъ наше положеніе о заселеніи береговъ Дона. Смѣна босфорскихъ скиѳовъ готами, несомнѣнно владѣвшими Днѣпромъ, Дономъ и берегами Чернаго и Азовскаго морей, говоритъ въ пользу значительнаго количества поселеній по теченію р. Дона. Исторія послѣдующихъ временъ, съ ясными указаніями на заселенность донскихъ береговъ, подверждаетъ вышесказанное.

Что въ юго-восточной окраинѣ Россіи, въ предстепной полосѣ, занятой отчасти Переяславльскимъ княжествомъ, и даже въ самой степи, въ удобныхъ мѣстахъ, существовало спорадическое осѣдлое населеніе славянской крови, въ этомъ, кажется, нельзя сомнѣваться. Мы имѣемъ нѣкоторыя основанія въ пользу вышесказаннаго какъ въ письменныхъ памятникахъ, такъ и въ вещественныхъ. Письменныя свидѣтельства констатируютъ существованіе осѣдлаго населенія въ бассейнѣ р. Дона, въ сравнительно болѣе позднее время, въ XII в. Такъ, въ области С. Донца, въ періодъ господства тамъ кочевниковъ, было нѣсколько городовъ, изъ числа которыхъ лѣтопись указываетъ намъ на Сугровъ, Балинъ, Чешюевъ и проч. [2]).

Что эти города заключали въ себѣ славянское населеніе, родственное русскимъ, въ этомъ, кажется, трудно сомнѣваться. Когда русское войско въ 1111-мъ году подошло къ стѣнамъ г. Шаруканя, то прежде чѣмъ начинать военныя дѣйствія, была выслана впередъ прицессія духовенства съ крестами и хоругвями. Жители отворили ворота, вышли на встрѣчу и поднесли русскимъ въ даръ медъ и рыбу. Очевидно, если бы населенье не было христіанскимъ, отъ него трудно было бы ожидать такой покорности, страннымъ показался бы

---

[1]) Страбонъ, кн. 7 и 11.

[2]) Ипат. лѣт., стр. 192, 204.

даже такой пріемъ русскихъ по отношенію къ совершенно незнакомымъ жителямъ. Обращеніе религіозной процессіи къ углубленному въ степи городу являлось какъ-бы вопросамъ со стороны русскихъ: не согласны-ли жители этихъ городовъ, очевидно занятыхъ русскими единоплеменниками и христіанами, опять вступить въ союзъ со своими родичами? Разсчетъ, какъ мы видѣли, оказался вѣрнымъ, и жители отворили русскимъ ворота. Оказалось, впрочемъ, что въ однихъ городахъ еще существовало прежнее населеніе, славянское, другіе уже сильно измѣнили свой составъ въ пользу степняковъ. Такъ, городъ Сугровъ уже настолько отсталъ отъ своихъ родичей, что не пожелалъ сдаться русскимъ, за что и былъ сожженъ. Тотъ фактъ, что *кочевники вообще не строили городовъ*, а если и имѣли ихъ иногда, то такіе города обыкновенно попадали въ ихъ руки путемъ захвата у мѣстнаго осѣдлаго населенія, говоритъ въ пользу того, что городки эти были созданы не кочевниками, а колонизаціоннымъ населеніемъ въ общей массѣ преимущественно славянскимъ. Остатки такихъ поселеній—городковъ съ славянскимъ населеніемъ существовали очень долго, даже когда окружающая степь превратилась въ настоящую пустыню, рѣдко посѣщаемую самыми кочевниками.

Съ древнѣйшихъ временъ, не смотря на постоянный приливъ кочевниковъ въ предѣлы южной Руси, мы замѣчаемъ наступательное движеніе славянскаго элемента на юго-востокъ—въ предѣлы Дона, С. Донца, Волги, Кубани и проч. Подверждеіемъ вышесказанному служатъ многочисленныя свидѣтельства иноземныхъ писателей, особенно арабскихъ, интересовавшихся Русской землей благодаря ея посредничествующему положенію въ торговыхъ сношеніяхъ восточнаго и западнаго міровъ.

Утвердившись на берегахъ Днѣпра, русское населеніе упорно стремится на югъ, къ бойкимъ, торговымъ мѣстамъ, занимая здѣсь излюбленныя угодья и тѣмъ полагая прочныя начала осѣдлости. Русскій народъ въ дѣлѣ заселенія новыхъ мѣстъ отличается чрезвычайно своеобразными чертами, какъ это показали наблюденія въ самое недавнее время. Онъ можетъ, ища мѣстъ для осѣдлости, проходить огромныя разстоянія и поселиться въ тѣхъ мѣстахъ, которыя находятся вблизи враждебныхъ ему кочевниковъ. Замѣчалось также, что поселеніе въ какой либо мѣстности хотя бы одного только семейства, иногда одного человѣка, привлекало сюда уже и другихъ, даже не смотря на болѣе или менѣе неудобныя условія для селитьбы. Случались факты неоднократнаго возврата людей на прежнія мѣста, оставленныя раньше по какой либо причинѣ. Населеніе осѣдало не только вблизи какихъ либо торговыхъ, проѣздныхъ трактовъ путей, но даже и поотдаль отъ нихъ, лишь бы только эти мѣста были удобны для пахоти, сѣнокоса, былъ бы вблизи лѣсъ, годный для постройки и

проч.[1]). Конечно, всѣ эти необходимыя условія для привлеченія осѣдлости издревле существовали на берегахъ р. Дона. Днѣпровскій бассейнъ, вслѣдствіе лучшихъ условій для осѣдлой жизни, несомнѣнно былъ заселенъ болѣе густо, чѣмъ бассейнъ донской. Но послѣдній подходилъ весьма близко къ днѣпровскому лѣвобережью, которое такимъ образомъ и способствовало постоянному приливу населенія въ придонскія мѣста.

Развитію осѣдлости въ придонскихъ степяхъ много мѣшали, какъ извѣстно, кочевые народы, безпрестанно смѣнявшіе другъ друга. Они частью вытѣсняли собою славянскій элементъ, частью—покоряли его, поставивъ въ извѣстнаго рода зависимость, выражавщуюся данью опредѣленнаго размѣра. Славяне Подонья, болѣе слабые численностью и военными силами, сравнительно съ кочевниками, иногда вступали въ борьбу съ послѣдними, иногда же подчинялись имъ, вырабатывая даже довольно сносный для себя, насколько то можно заключать по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, modus vivendi. Они, напримѣръ, свободно занимаются торговлею, наравнѣ съ другими народами, составлявшими хазарское государство, свободно исповѣдываютъ свою религію, пользуются своимъ судомъ, обычаями и пр. Такъ шло дѣло до тѣхъ поръ, пока не появились съ востока новыя силы кочевниковъ, которыя начали систематически тѣснить славянъ и раздѣлили ихъ на двѣ части. Одна часть славянъ отхлынула на западъ, ближе къ Днѣпру и Деснѣ, другая, совершенно отрѣзанная отъ родного элемента,—подалась частью на югъ, къ азовскому побережью, гдѣ вскорѣ исчезли и слѣды ея, частью на сѣверъ, въ область Оки и Волги. Подъ давленіемъ степняковъ, все дальше и дальше простиравшихъ на западъ свои опустошительные набѣги, начинается колонизаціонное движеніе изъ приднѣпровскаго края на сѣверо-востокъ, въ предѣлы инородческихъ земель, расположенныхъ между Волгой и Окой. Выгодное промышленно-торговое положеніе Волги привлекало сюда славянское населеніе, особенно изъ тѣхъ странъ южной Руси, которыя много терпѣли невзгодъ отъ столкновеній съ кочевниками и населеніе которыхъ искало на сѣверѣ защиты и убѣжища отъ безпокойной жизни, какую имъ приходилось выносить дома. Это движеніе на востокъ было столь сильнымъ, что арабы, на основаніи своихъ наблюденій, называли Волгу „русской рѣкой"[2]). Ибнъ-Хаукалъ о Волгѣ говоритъ: „Таваристанское (Каспійское) море преимущественно питается русской рѣкой, называемой Итилемъ"[3]).

---

[1]) См. рефератъ г. Личкова въ засѣд. Истор. Общ. Нестора лѣт., 1893 г., ноябрь.
[2]) Гаркави. Сказан. мус. писат., стр. 55.
[3]) Ibidem.

Слѣдовательно, населеніе Подонья, мало-по-малу, послѣ разрушенія хазарскаго царства, съ которымъ оно, очевидно, мирно уживалось, очутилось лицемъ къ лицу съ кочевниками и должно было вступить съ ними въ неравную борьбу, результатомъ которой является отступленіе славянскаго населенія частью на сѣверъ, въ сѣверскую область, частью къ предѣламъ С. Донца, чтобы подкрѣпить тамошнія славянскія поселенія.

Если славянскія поселенія существовали въ бассейнѣ Дона, то еще съ большимъ правомъ мы можемъ заключить о существованіи славянскаго населенія вблизи р. Днѣпра, къ югу отъ р. Псла и Ворсклы. Несомнѣнно, это рабросанное славянское населеніе испытывало не мало бѣдствій со стороны степи. Днѣпровско-Донское населеніе открываетъ теперь борьбу съ кочевниками, борьбу упорную и продолжительную. Оно служило лучшимъ оплотомъ отъ степняковъ для сѣверской земли: безпрестанная борьба съ окружающими народами тѣснѣе сблизила между собою разбросанное среди степей славянское населеніе составившее впослѣдствіи довольно значительную общину, извѣстную подъ именемъ „*бродниковъ*“, принимавшихъ такое дѣятельное участіе въ дѣлахъ Русской земли.

Если посмотрѣть карту хотя-бы половины земляныхъ укрѣпленій древней эпохи,—кургановъ и такъ называемыхъ городищъ, въ Полтавской губ. и сосѣднихъ съ нею губ.—Екатеринославльской и Харьковской, то мы согласимся съ тѣмъ, что здѣсь, особенно поближе къ Днѣпру, было когда-то довольно значительное населеніе. Мы встрѣчаемъ множество городищъ по теченію рр. Орели, Ворсклы, Хорола, Псла, Сулы, Удая и проч. Отсюда можно сдѣлать болѣе или менѣе вѣроятное предположеніе, что осѣдлое населеніе существовало въ приднѣпровскихъ краяхъ съ давнихъ временъ.

Однимъ изъ весьма важныхъ доказательствъ давности славянскихъ поселеній на территоріи Переяславльскаго княжества, какъ въ западной его части, такъ и въ восточной служатъ археологическія данныя, подкрѣпляемыя византійскими и арабскими писателями и нашими лѣтописями. Содержимое могильныхъ насыпей, остатки городковъ, валовъ и другихъ предметовъ старины убѣждаютъ насъ въ существованіи населенія въ вышесказанномъ районѣ въ эпоху, предшествовавшую оффиціальному принятія христіанства въ среднемъ Поднѣпровьѣ. Припомнимъ, что говоритъ намъ объ этомъ наша начальная лѣтопись. „А Радимичи, и Вятичи и Сѣверо—повѣствуетъ лѣтописецъ,—одинъ обычай имяху.... аще кто умряше, творяху трызну надъ нимъ, и по семъ творяху кладу велику, и възложатъ на кладу мертвѣца, и съжигаху, и по семъ собравше кости, вложаху въ ссудъ малъ и поставляху на столпъ на путехъ, иже творятъ Вятичи и нынѣ“ [1]). Слѣ-

---

[1]) Ипат. лѣт., стр. 7—8.

довательно, сѣверяне, какъ и ихъ родичи-вятичи, сожигали своихъ умершихъ и прахъ ихъ помѣщали въ курганахъ. Сообщеніе лѣтописи подтверждается многочисленными раскопками въ предѣлахъ Сѣверской земли [1]).

Не смотря на то, что, лѣтопись говоритъ о славянскихъ поселеніяхъ только до р. Сулы [2]), мы имѣемъ основаніе утверждать, что такія поселенія находились, какъ къ югу отъ вышеназванной рѣки, такъ и къ востоку отъ нея. Подтвержденіемъ вышесказанному служитъ археологическій матеріалъ, собранный частью въ сѣверномъ, частью въ восточномъ отдѣлахъ Переяславльской территоріи. Такъ, во многихъ мѣстахъ Курской губ.,—въ Курскомъ, Суджанскомъ и друг. уѣздахъ, въ разрытыхъ раскопками курганахъ обнаружены глиняные *сосуды съ пережженными костями* [3]). Тоже было констатировано въ Харьковской губ.,—въ Сумскомъ и въ Богодуховскомъ, Ахтырскомъ и др. уѣздахъ, гдѣ встрѣчаются обряды погребенія съ трупосожженіемъ, при чемъ въ могилу, которая иногда была выжигаема, ставились сосуды съ пережженными костями [4]). Судя по вышеназваннымъ раскопкамъ, покойникъ сожигался на кострѣ гдѣ-то внѣ кургана, и только послѣ сожженія въ сосудъ заключался пепелъ съ обожженными костями покойника и тѣхъ животныхъ, которыя при семъ сожигались, и все это ставилось въ курганъ, на которомъ впослѣдствіи совершалась тризна [5]). Сосудовъ въ курганѣ находилось иногда одинъ, иногда—два, даже три, при чемъ, на ряду съ сосудами, содержавшими остатки сожженныхъ костей, попадались и пустые сосуды, очевидно наполненные прежде пищей или питьемъ. Покойникъ сожигался въ одеждѣ и съ вещами, остатки которыхъ были находимы въ курганахъ вмѣстѣ съ сожженными костями [6]). Практиковался и другой *способъ сожженія покойника на особоустроен-*

---

[1]) Д. Самоквасовъ Основ. хронолог. классиф., опис. и катал. коллекц. древностей. Сѣверянскіе курганы и ихъ знач. въ наукѣ.

[2]) Ипат. л., стр. 4

[3]) Слѣды сожженія были обнаружены: въ с. *Рождественскомъ* (судж. у.), въ курганахъ возлѣ с. *Марьяновки* (путив. у.), у с. *Волокитина*, на границѣ путивльскаго и глуховскаго уѣздовъ, у. *Бѣлогорской Николаевской пустыни*, возлѣ Миронолья и проч. (Дмитрюковъ. Труды курск. статист. комит. I, стр. 507 и слѣд.), возлѣ сс. *Клюквы* и *Александровки*, Курскаго у.; возлѣ „Подмонастырской Слободы" и пр. Самоквасовъ Сѣв. курганы и ихъ знач. въ исторіи. См. Труды 3-го арх. съѣзда въ Кіевѣ, стр. 185—224 Основан. хронологич. классификаціи, опис. и коллек. древностей стр. 72—73.

[4]) Д. Багалѣй. Общій очеркъ древностей Харьк. губ., стр. 5. Слѣды погребенія съ сожженіемъ обнаружены возлѣ с. *Сѣтнаго* (Сум. у.).

[5]) А. Котляревскій. О погребальн. обычаяхъ языч. Славянъ. Изд. 1891 г. III ч. Труды 3 арх. съѣзда, стр. 185—200.

[6]) Д. Самоквасовъ. Сѣвер. курганы и ихъ знач. въ ист. Труды 3-го арх. съѣзда въ Кіевѣ, стр. 194—203.

номъ кострѣ, поверхъ котораго насыпался потомъ курганъ. Впрочемъ, слѣдовъ подобныхъ сожженій на территоріи Переяславльскаго к—ва чрезвычайно мало [1]).

Необходимо замѣтить, что курганы со слѣдами трупосожженія заключаютъ въ себѣ не мало весьма характерныхъ вещей, являющихся существеннымъ признакомъ славянской переходной эпохи: здѣсь въ однихъ курганахъ попадаются: *мѣдныя* и *серебрянныя* спиральныя серьги, мѣдныя витые браслеты и такія же мѣдныя гривны, пряжки. кольца, привѣски въ видѣ полумѣсяца, иногда узорчатыя (въ Бѣлгород. курганахъ) серебряныя: ленты, медальонъ; множество бусъ самаго разнообразнаго состава: мѣдныхъ, стеклянныхъ позолоченыхъ и посеребряныхъ сверху, сердоликовыхъ, каменныхъ, глиняныхъ и проч.; въ другихъ, кромѣ разноцвѣтныхъ бусъ (зеленыхъ, бѣлыхъ, синихъ и пр.), попадаются серебряныя изогнутыя спиралью круглыя проволоки, серебряные слитки, мѣдные браслеты, кольца (въ Бѣлгородск. курганахъ), круглыя, неспаянныя кольца, серебряная четырехъугольная проволока, загнутая по величинѣ головы съ согнутыми тонкими кружечками по концамъ [2]); въ третьемъ (Бѣлгород. городище, Судж. у.),— серебряный перстень съ круглымъ зеленымъ стекломъ, желѣзный ножъ и стрѣлы, глиняныя пряслица; небольшой сосудъ изъ красной глины, обрѣзной рогъ, заостреная лошадиная кость и клыкъ вепря [3]). При бусахъ, частью цѣлыхъ, частью расплавленныхъ дѣйствіемъ огня, попадаются остатки глиняныхъ сосудовъ иногда съ орнаментами, а также бронзовыя и желѣзныя вещи, ножи, копья и проч. [4]). Встрѣчается иногда погребеніе вмѣстѣ съ лошадью, при чемъ въ головахъ у лошади находится пустой глиняный сосудъ [5]). Неизвѣстно, впрочемъ, принадлежитъ-ли погребеніе съ лошадью славянскому племени или же это могила другого народа, случайно попавшая въ группу славянскихъ могильниковъ.

Въ курской губ., возлѣ *Бѣлгородскаго Николаевскаго монастыря* (Судж. у.), въ числѣ разнообразныхъ предметовъ: бронзовыхъ и серебряныхъ колецъ, подвѣсокъ, бусъ, проволокъ, серегъ; стеклянныхъ, металлическихъ разнаго рода бусъ и проч., была найдена серебрянная монета г. Гренингена (1027—1054 г. [6]).

---

[1]) Д. Багалѣй. Исторія Сѣвер. земли, стр. 80, примѣчаніе.

[2]) Ibidem стр. 202. Раскопки у с. Рождественнаго. Самоквасовъ. Основ. хронол. клас., стр. 73—75.

[3]) Самоквасовъ. Основ. хронол. классиф., стр. 85.

[4]) Труды 4-го арх. съѣзда, стр. 185—201. Самоквасовъ. Основ. хрон. клас., стр. 72—75.

[5]) Ibidem.

[7]) Самоквасовъ. Основан. хронол. классиф., стр. 85.

Посмотримъ теперь, нѣтъ-ли подходящихъ археологическихъ данныхъ для территоріи главнаго ядра Переяславльскаго княжества, въ предѣлахъ отъ Днѣпра и Десны до р. Сулы, несомнѣнно занятыхъ болѣе густо сѣверянскими поселеніями.

Въ верхнемъ бассейнѣ р. Сулы, возлѣ с. *Липоваго*, равно какъ и возлѣ г. *Ромны*, обнаружены тѣ же вещи, что и въ курганахъ, восточной половины Переяславльскаго княжества; здѣсь были найдены: разнообразныя бусы изъ стекла, композиціи, серебра, камня; серебряныя серьги, привѣски, витыя кольца, браслеты и проч.[1]).

Почти тоже было констатировано г. Мазараки и на р. Сулѣ, возлѣ г. *Глинска*, ниже г. Роменъ, гдѣ въ курганахъ было найдено множество разнообразныхъ бусъ: золотыхъ, бронзовыхъ, стеклянныхъ позолоченыхъ, аметистовыхъ, сердоликовыхъ граненыхъ, глиняныхъ и проч., серебряныя ленты (на головѣ и ногахъ) и проволоки (крученыя), серебряныя серьги съ бисерными бусами, серебряныя кольца безъ спайки концевъ; подвѣски изъ морскихъ раковинъ; бронзовыя кольца, серьги съ серебрянной подвѣской; шиферныя пряслица и проч. Въ числѣ интересныхъ предметовъ здѣсь былъ найденъ саманидскій диргемъ X в., служившій очевидно привѣской[2]). Въ этихъ же курганахъ вблизи г. Глинска г. Мазараки нашелъ чешуйчатый желѣзный панцырь, стрѣлы, колчанъ и проч.[3]).

Подобнаго рода находки были сдѣланы по теченію р. Сулы, и ниже, возлѣ г. *Лубенъ* (Полт. губ.). Такъ, въ Лубенскомъ у., неподалеку отъ с. *Клепачей* (въ 10 в. отъ г. Лубенъ), на поляхъ, окружающихъ это село, весьма часто находятъ разнообразные предметы: глиняныя, стекляныя и изъ композиціи бусы; пряслица изъ краснаго шифера, бронзовыя стрѣлы, желѣзныя и бронзовыя пряжки, желѣзные наконечники копій, желѣзные топоры и проч. Въ находящихся неподалеку отъ Клепачей курганахъ, вблизи городища, по направленію къ с. Калайдинцамъ, вырыты два серебряныхъ кольца и одна серьга[4]).

Желѣзная боевая сѣкира найдена вблизи с. *Ольшанки*, въ урочищѣ „Филоновъ яръ“[5]). Не мало предметовъ; относящихся повидимому къ вышеназванной эпохѣ, отыскано вблизи г. *Лубенъ* (Полт. губ.). Здѣсь, въ урочищѣ Лысая гора, на полѣ, усѣяномъ разными древними черепками, найдены обломки стеклянаго браслета, а въ самомъ г.

---

[1]) Т. Кибальчичъ. Древности, стр. 14.

[2]) Археол. зам. (рукопись) В. Б. Антоновича. Самоквасовъ, основ хронолог. классиф., стр. 77—78.

[3]) Ibidem.

[4]) Музей Е. Скаржинской.

[5]) Ibidem.

Лубнахъ „на Валу“ [1]) выкопанъ желѣзный мечъ, желѣзныя стрѣлы и привѣски изъ *lapis lasuli*; кромѣ того, здѣсь же. „на Валу“, найдено (выкопано?) толстое серебряное кольцо съ несходящимися острыми концами, бусы изъ *lapis lasuli*, бусы изъ стекла, изъ композицій съ мозаикой и проч.; привѣски изъ гранита съ просверлиной; пряслица изъ краснаго шифера и изъ глины; грузила изъ жженной глины, мѣдныя пряжки и проч. [2]). Кромѣ того, въ Лубнахъ же найдена и серебряная серьга съ подвѣскою изъ сердолика [3]), а въ окрестностяхъ этого города—два бронзовыхъ браслета, желѣзная шейная гривна и древній желѣзный серпъ [4]).

Нѣсколько ниже г. Лубенъ, вблизи сс. *Мацковецъ* и *Александровки*, неподалеку отъ устья р. Слѣпорода, также попадаются подобные предметы. Такъ изъ мѣстныхъ кургановъ были вырыты мелкія разноцвѣтныя бусы, въ числѣ которыхъ двѣ янтарныя и одна большая четыреугольная [5]). Тамъ же вырыты, кромѣ того: бронзовая вещица, похожая на голову пѣтуха и желѣзное кольцо изъ согнутой проволоки [6]).

Весьма интересна раскопка г. Сабанѣева возлѣ с. *Линовицы* (Пирятинск. у.) въ урочищѣ „Росошь“, содержащемъ до 40 кургановъ. Въ разрытыхъ курганахъ, заключавшихъ въ себѣ покойниковъ, погребенныхъ безъ предметовъ вооруженія и какихъ либо сосудовъ, головою на сѣверо-западъ, нѣсколько ниже уровня почвы, найдено множество серебряныхъ украшеній, въ числѣ коихъ —нѣсколько экземпляровъ серегъ того типа, который принято называть „*кіевскими*“, но по времени болѣе древнихъ, сравнительно съ тѣми, какія встрѣчались до сихъ поръ, такъ какъ въ нихъ нѣтъ металлическихъ спаекъ; очевидно, онѣ были сдѣланы въ то время, когда спайка металловъ не была еще извѣстна. Въ пользу древности похороненныхъ говорятъ также найденныя при этихъ вещахъ бусы, состоящія изъ мелкаго серебрянаго бисера, нанизаннаго на серебряныя же проволоки, перевитыя между собою; въ общемъ эти бусы схожи съ таковыми, найденными въ Кіевскомъ кладѣ, на мѣстѣ древней Іорданской церкви [7]).

Особеннымъ обиліемъ предметовъ, характерныхъ по своему виду и составу и весьма схожихъ съ тѣми, которые были указаны нами

---

[1]) Валомъ называются въ Лубнахъ остатки древней крѣпости, расположенной на крутой горѣ, высящейся надъ извивающимся къ р. Сулѣ спускомъ дороги.

[2]) Музей Е. Н. Скаржинской.

[3]) Указатель выставки при 3-мъ арх. съѣздѣ. въ Кіевѣ, стр. 40—42.

[4]) Музей Е. Скаржинской.

[5]) Прозоровскій. Опись предметовъ, хранящ. въ Музеѣ Импер. Рус. Арх. Общ. Спб. 1869 г., стр. 42.

[6]) Ibidem, стр. 77—89.

[7]) Чтеніе въ Истор. Общ. Нестора Лѣт., кн. II, въ періодъ 1878—87 гг. стр. 272—273.

раньше, отличается г. *Переяславль* и его окрестности. Вблизи этого города существуетъ множество разнаго рода земляныхъ насыпей, по своему содержанію относящихся къ глубокой древности. Такъ, неподалеку отъ г. Переяславля были отысканы „серебряныя серьги въ видѣ большихъ тонкихъ колецъ, до половины обвитыхъ двумя тонкими проволоками--гладкою и крученою, по образцу шейной гривны; концы образуютъ застежку". [1]), Въ самомъ г. Переяславлѣ, въ различныхъ пунктахъ: въ уродище „Альтецкомъ", близъ „острога", „ярмарочной площади" и проч. найдено множество разнообразныхъ вещей: серебряныхъ колецъ, безъ спайки концевъ, серебряныхъ сережекъ съ разнообразными подвѣсками—круглыми серебряными [2]), разными серебряными бусами, яговидными ажурными подвѣсками—бусами; серебряными подвѣсками въ видѣ полумѣсяца, украшенными филигранью со слѣдами позолоты, бронзовыми привѣсками въ видѣ кольца и проч., большое количество бусъ самаго разнообразнаго характера: стеклянныхъ, сердоликовыхъ, глиняныхъ, серебряныхъ стеклянныхъ позолоченыхъ и друг., затѣмъ—металлическія пуговки и проч. [3]).

Подобная находка была сдѣлана также и вблизи с. *Броваровъ* (Остер. у., Черн. губ.), гдѣ было вырыто 3 серебряныхъ изъ толстой проволоки серьги, каждая съ 3 подвѣсками изъ проволоки, на которой нанизаны бусы: стеклянныя, гранитныя, перламутровыя и проч. [4]).

Къ востоку отъ р. Сулы, въ Хорольскомъ у. возлѣ с. *Липняги*, въ курганахъ, былъ найденъ большой желѣзный боевой топоръ [5]), а вблизи с. *Лебеховки* (Кременч. у.), на ряду съ бронзовыми предметами, отыскано монисто съ разнообразными бусами изъ стекловидной массы синяго и краснаго цвѣтовъ [6]).

Мы привели здѣсь описаніе нѣсколькихъ находокъ, которыя, съ одной стороны,—указываютъ на пребываніе славянъ въ Приднѣпровьѣ, съ другой—на пребываніе въ немъ другихъ народовъ *не славянской крови*. Изслѣдователи, работавшіе надъ археологіей южной Россіи, сдѣлали выводъ, что украшенія изъ *ляписъ-лазули* и цвѣтныхъ камней,

---

[1]) К. Мельникъ. Каталогъ коллекціи древностей А. Н. Поль въ Екатеринославѣ, Кіевъ, стр. 1893 г.

[2]) Находки въ урочищѣ „ярмарочная площадь". Самоквасовъ. Осн. хронол. классиф., стр. 74.

[3]) Самоквасовъ. Основ. хронолог. классиф., стр. 73—74.

[4]) Ibidem.

[5]) См. Музей Кіевской Духовной Академіи.

[6]) Музей Е. Скаржинской. Мы не беремся опредѣлить, къ какому времени относятся желѣзные боевые топоры, отысканные въ курганахъ. Быть можетъ, они болѣе ранняго времени, чѣмъ славянская эпоха.

[7]) Указатель выст. III арх. съѣзда, стр. 40 Замѣтка (рукопись) В. Б. Антоновича.

сидящихъ въ выпуклыхъ гнѣздахъ,—принадлежатъ *варварской эпохѣ*. Къ сожалѣнію, на территоріи Переяславльскаго к-ва мы имѣемъ слишкомъ мало относящагося къ этому вопросу матеріала, чтобы на основаніи его можно было сдѣлать какія нибудь широкія обобщенія. За исключеніемъ незначительнаго количества предметовъ, относящихся несомнѣно къ варварской эпохѣ, найденныхъ на территоріи Переяславльскаго княжества, мы не имѣемъ ничего, чѣмъ бы можно было возстановить болѣе и менѣе полно то недостающее звено въ археологіи, которымъ можно связать эпоху скиѳскую со славянской. Къ числу предметовъ варварской эпохи мы можемъ отнести: *перстень съ круглымъ зеленымъ стекломъ*, вырытый въ Бѣлгородскомъ городищѣ (Суджанск. у., Харьков. губ.), *привѣски* изъ *ляписъ-лазули*, найденныя въ г. Лубнахъ (полтав. губ.) и золотую *фибулу*, украшенную гранатами, найденную вблизи г. Нѣжина (Черниговъ. губ.), въ черниговскомъ городищѣ, вмѣстѣ съ римскими монетами II вѣка по Р. Хр. [1]).

Мы можемъ указать еще на нѣсколько предметовъ, которые найдены на территоріи Переяславльской земли и которые безъ сомнѣнія принадлежатъ къ первымъ вѣкамъ христіанской эры: бронзовая вещица, похожая на голову пѣтуха, вырытая вблизи сс. Александровки и Мацковецъ (Лубен. у., Полт. губ. [2]); золотой жезлъ, найденный въ боходуховскомъ д. Харьков. губ.; онъ свитъ изъ двухъ колецъ, вѣсомъ около 3 или 4 фунт., и имѣетъ изображенія оленя, рыси и вепря; затѣмъ—множество византійскихъ и римскихъ монетъ I, II, III, и слѣд. вѣковъ по Р. Хр. [3]).

Мы не сомнѣваемся, что предметовъ, относящихся къ вышеназванной эпохѣ, въ Приднѣпровьѣ существуетъ гораздо больше, но, къ сожалѣнію, мы должны были ограничиваться только тѣми рѣдкими сообщеніями, какія приведены нами выше.

Земляныя сооруженія, особенно курганы, своимъ содержимымъ часто служатъ прекрасными иллюстраторами общественной, матеріальной и духовной жизни прошедшихъ временъ. Особенно интересны въ этомъ отношеніи похоронные курганы.

Мы не будемъ приводить здѣсь пространныхъ выписокъ о самихъ способахъ погребенія древнихъ славянъ, такъ живо и подробно переданныхъ арабами (Ибнъ-Фоцланъ, Массуди и проч.): онѣ обще-

---

[1]) Рус. Древности, въ памят. искус., издав. подъ редак. гр. Толст. и Кондакова, в. III, стр. 147—148. Въ Воронежской губ., близъ д. Колосковой, на берегу р. Оскола, найд. пять большихъ бронзовыхъ фибулъ готскаго типа, украшенныхъ кружками, серебр. пряжка и подвѣски съ прорѣзан. фигурами; бронзов. проволочныя подвѣски и пр. См. Отчетъ Имп. Арх. Ком. 1895 г. с. 55.

[2]) Прозоровскій, Опись предм., хран. въ муз. Имп. Рус. Общ., 1869, стр. 77.

[3]) Д. Багалѣй. Общій оч. древн. Харьк. губ., Харьковъ, 1890 г. стр. 5—6.

извѣстны и цѣликомъ выписаны занимавшимися сѣверянской археологіей лицами (Котляревскій, Самоквасовъ, Багалѣй и пр.). Мы должны только сдѣлать общій выводъ, что славяне язычники сожигали вмѣстѣ съ умершимъ его жену или же дѣвушку, согласившуюся сопутствовать покойника въ загробной жизни, убитыхъ животныхъ, плоды, оружіе, украшенія и проч. Если умиралъ знатный человѣкъ, то послѣ погребенія на курганѣ, насыпанномъ надъ прахомъ покойника, котораго имя, званіе и дата смерти описывались на вкопанномъ на вершинѣ кургана деревяномъ столбѣ,—совершали тризну или поминовеніе усопшаго.

Такимъ образомъ, на территоріи Переяславльскаго княжества, въ языческую эпоху, существовало параллельно два обряда погребенія: обрядъ трупосожженія и обыкновеннаго зарыванія трупа въ землю вмѣстѣ съ предметами вооруженія, украшенія и домашней утвари. Послѣдній способъ погребенія, судя по изслѣдованіямъ, повидимому преобладалъ сравнительно съ первымъ. Археологическими раскопками константировано, что погребеніе въ курганахъ практиковалось и въ періодъ IX—X в.[1]). Но нельзя сказать, чтобы всѣ курганы съ признаками трупосожженія относились къ этому періоду: мы знаемъ, что трупосожженіе и насыпаніе кургановъ практиковалось и у скиѳовъ, и у готовъ, и у другихъ народовъ, такъ что высказаться категорически о всѣхъ подобныхъ курганахъ въ настоящее время нѣтъ возможности. Существуетъ множество памятниковъ сѣдой языческой старины, разбросанныхъ во многихъ мѣстахъ на территоріи Переяславльскаго княжества, въ видѣ разнаго рода кургановъ, городищъ, длинныхъ валовъ, иногда тянущихся на довольно большое разстояніе, каменныхъ строеній и проч. Однако, только немногіе изъ нихъ подвергались изслѣдованію, большинство же ежегодно гибнетъ безъ малѣйшаго слѣда для науки.

У насъ нѣтъ подъ руками достаточно подробныхъ свѣдѣній, для составленія картины распространенія такихъ древнихъ земляныхъ сооруженій на территоріи Переяславльской земли; мы можемъ только замѣтить, что не смотря на всѣ неблагопріятныя условія, ихъ тамъ существуетъ еще и теперь огромное количество. Несомнѣнно, правиль-

---

[1]) Чтеніе въ Истор. Общ. Нестора Лѣт., кн. II, въ періодъ 1878—1887 г., стр. 272—273.

[2]) Самоквасовъ. Раскопки „Черной могилы“, въ Черниговѣ. Мазараки, раскопки кургановъ возлѣ г. Глинска. Упоминаніе Ибнъ-Фоцлана о продававшихся русскимъ славянамъ: бусахъ (зеленыхъ, цвѣтныхъ, стеклянныхъ) пуговицахъ, — браслетахъ, пряжкахъ, кольцахъ, серьгахъ съ привѣсками и проч., а также разнаго рода оружія—мечахъ, копьяхъ, дротикахъ, шлемахъ, желѣзныхъ кольчугахъ и пр.,—говоритъ въ пользу того, что находимыя въ курганахъ подобныя вещи могутъ относиться къ IX—XII в. *Гаркави*. Сказ. мус. пис. о слав. и рус., стр. 956.

ное рѣшеніе вопроса о времени возникновенія этихъ сооруженій—дѣло трудное и едва-ли когда либо вполнѣ разрѣшимое, хотя вопросъ этотъ весьма важенъ для выводовъ какъ относительно времени, такъ и степени населенности вышеназваннаго края.

Несомнѣнно, многія городища и длинные валы Южной Руси насыпаны съ цѣлью защиты территоріи отъ набѣговъ разнаго рода враждебныхъ народовъ, преимущественно кочевниковъ; но когда они были насыпаны—неизвѣстно. Нѣкоторые ученые относятъ время возникновенія подобнаго рода сооруженій къ эпохѣ кіевскаго князя Владиміра св., который, по словамъ Брунона, оградилъ свою страну валомъ и рвомъ отъ набѣговъ хищниковъ [1]). Мы не вполнѣ согласны съ такой гипотезой. Если полагать, что русское государство сразу выросло при Владимірѣ св., тогда, конечно, и огражденіе страны валами вполнѣ можетъ быть приписано ему одному. Но если признавать эпоху Владиміра св. только какъ одну изъ интегральныхъ частей цѣлаго ряда предшествующихъ эпохъ, проявляющихъ въ себѣ послѣдовательный ростъ русскаго государства, то отсюда и защиту страны земляными валами мы должны отнести еще задолго до Владиміра св. Кромѣ того, существованіе нѣсколькихъ ярусовъ этихъ длинныхъ валовъ, тянущихся съ перерывами на цѣлые десятки и даже сотни верстъ, и отстоящихъ на большое разстояніе отъ собственно кіевской территоріи, говоритъ вполнѣ ясно о томъ, что подобныя сооруженія не могли быть сдѣланы въ періодъ одного правителя, хотя бы и очень дѣятельнаго и энергичнаго. Молчаніе лѣтописи, говорящей о многихъ подробностяхъ, даже менѣе важнаго характера, о построеніи такихъ валовъ, подверждаетъ наше мнѣніе о томъ, что не Владиміру св. обязаны эти валы своимъ происхожденіемъ. Мы знаемъ, что и другіе народы (кромѣ славянъ), жившіе на югѣ Россіи, насыпали, въ огражденіе отъ враговъ валы, проводили рвы и проч. Такъ, уже въ глубокой древности, въ V в. до Р. X., въ землѣ скиѳовъ были разграничительные валы, тянувшіеся на значительное разстояніе [2]). Далѣе, въ римскую эпоху, въ Германіи (на сѣверѣ) были огромные защитительные валы, вызывавшіе удивленіе у современниковъ императора Августа [3]). Византійцы практиковали способы ограждаться земляными валами отъ нападеній враговъ. Въ V и VI вв. византійскіе императоры, для огражденія своего государства отъ набѣговъ „сѣверныхъ варваровъ, оцѣпили его, къ востоку и западу отъ Чернаго моря, линіями валовъ и крѣпостей, для сооруженія которыхъ императоры не щадили средствъ: на Дунаѣ во

---

[1]) В. Б. Антоновичъ. Зміевы валы въ предѣлахъ Кіевск. земли, Кіев. Стар. 1884 г., мартъ.

[2]) Геродотъ, IV.

[3]) Тацитъ. De moribus et situ Germanorum.

времена Юстиніана было построеное до 60 крѣпостей. Всего же въ Дакіи, Эпирѣ, Ѳесаліи, Македоніи и Ѳракіи Юстиніанъ построилъ для защиты отъ варваровъ до 600 укрѣпленій. По сѣверной границѣ до Трапезунта онъ защитилъ фортами всѣ дороги, которыми могли вторгаться хищники... Проходы изъ земель, находившихся за Кавказомъ, въ области, на югъ его, были перегорожены *длинными стѣнами и валами*, которыя были выведены Юстиніаномъ и персидскимъ царемъ на общій счетъ обоихъ государствъ, потому что и персидскія, и римскія области одинаково страдали отъ нашествій конныхъ скиѳскихъ полчищъ, вторгавшихся черезъ эти проходы, которые назывались алданскими и иберійскими воротами" [1]. Далѣе, готы умѣли строить валы, города и пр. [2]). Тоже можно сказать и относительно хазаръ [3]). Слѣдовательно, приписывать постройку валовъ, городищъ и другихъ земляныхъ укрѣпленій только однимъ славянамъ нельзя. Въ настоящее время можно только до нѣкоторой степени приблизиться къ общей классификаціи городищъ и кургановъ. На основаніи аналогичныхъ сравненій въ способѣ укрѣпленія, выборѣ мѣста и находимыхъ при семъ предметовъ, можно полагать, что многія изъ городищъ относятся къ весьма давнему времени, во всякомъ случаѣ старше лѣтописной даты. Одни изъ городищъ Переяславльской территоріи, судя по найденнымъ какъ внутри городищъ, такъ и въ курганахъ, вблизи нихъ, предметамъ,—несомнѣнно славянскаго происхожденія, другія — болѣе ранней эпохи.

Въ настоящее время еще не выясненъ окончательно способъ узнавать древность тѣхъ земляныхъ сооруженій, которыя извѣстны нынѣ подъ именемъ „городищъ". Многочисленныя наблюденія, однако, даютъ возможность составить болѣе или менѣе удовлетворительную схему для характеристики древнихъ городищъ. Древнія городища характеризуются тѣмъ, что: 1) они устроены, по большей части, у рѣки: или на мысу, образуемомъ двумя сходящимися рѣками, или такъ, что одна часть подобнаго городища защищена рѣкой, а другія стороны—крутыми, недлинными оврагами; 2) пространство между оврагами, гдѣ оканчивается площадь городища, и гдѣ открывается доступъ въ послѣднее, преграждается обыкновенно валомъ и рвомъ; 3) по краямъ городище обнесено землянымъ валомъ или же каменной стѣной; 4) форма городища, по большей части, круглая, иногда четыреугольная; 5) площадь городища обыкновенно не велика, хотя бываютъ и

---

[1]) Веберъ. Всеобщая исторія, т. IV, стр. 784—5.

[2]) Рус. Древн. въ памятн. искус., издаваем. гр. Толстымъ и Кондаковымъ, в. III, стр. 118—130.

[3]) Извѣстія Ибнъ-Даста, издан. Хвольсономъ, стр. 27.

исключенія, поражающія своею громадностью. (Бѣльское городище на р. Ворсклѣ); 6) внутри городища попадаются слѣды прежней жизни: оружіе, посуда, украшенія и проч.

Такого рода городища находятся въ большомъ количествѣ на югѣ Россіи. Такъ, мы знаемъ нѣсколько такихъ древнихъ городищъ съ несомнѣнными слѣдами древней греческой жизни возлѣ с. Томаковки, на Днѣпрѣ, гдѣ въ обнесенныхъ каменными стѣнами городищахъ, попадались: остатки амфоръ, куски полированной разнообразной посуды, сходной съ ольвійской, остатки греческихъ свѣтильныхъ сосудовъ, мраморъ въ подѣлкахъ, древнія монеты и проч.[1]). Мы привели здѣсь примѣръ такихъ городищъ съ несомнѣнными остатками греческой жизни не съ тою цѣлью, чтобы признать большинство подобныхъ сооруженій на территоріи Переяславльскаго к-ва за греческія поселенія; мы только желаемъ указать, что *нѣкоторыя изъ полтавскихъ городищъ* носятъ на себѣ, судя по находимымъ въ нихъ и около нихъ предметамъ, слѣды *греческой жизни;* амфоры, куски черепковъ по своему составу, цвѣту и выдѣлкѣ вполнѣ аналогичны съ древне-греческими, наконецъ, древнія византійскія монеты говорятъ въ пользу вышесказаннаго. Приведенное соображеніе не покажется, конечно, страннымъ послѣ цѣлаго ряда указаній на давнія многоразличныя сношенія греческаго міра съ южной Русью[2]). Не говоря уже о многихъ вещахъ и монетахъ, несомнѣнно византійскаго типа, попадающихся въ среднемъ поднѣпровьѣ, необходимо припомнить, что Византія была издавна въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ южной Русью, и что византійскіе императоры, послѣ долгихъ и частыхъ войнъ, присоединили къ своему титулу императора въ числѣ другихъ названій и *антскій* (Anticus)[3]). Принимая въ соображеніе то обстоятельство, что Византія, обороняясь отъ враговъ, вступала въ сдѣлку съ персидскимъ государствомъ на счетъ постройки укрѣпленій противъ нападеній варваровъ, мы съ большимъ основаніемъ можемъ полагать, что подобный способъ ограждаться валами могъ быть введенъ въ странѣ, связанной еще болѣе тѣсно съ Византіей, чѣмъ Персія, какъ при помощи тѣхъ поселенцевъ, которые тамъ жили, такъ и при помощи обширной торговли, практиковавшейся въ южной Руси съ древнѣйшихъ временъ. Мы знаемъ, что при вторженіи варваровъ въ Византію изъ странъ, лежащихъ къ сѣверу отъ Чернаго моря, участвовало отчасти и осѣдлое населеніе

[1]) Запис. Одес. Общ. Ист. и древн., т. VI, с. 546, 550. Рефератъ г-на Чиркова.

[2]) Покойный М. Максимовичъ говорилъ: „Теперь, послѣ блестящихъ розысканій и находокъ въ могилахъ всей Кіевской губ., изданныхъ г. Фундуклеемъ, становится очевиднымъ и несомнѣннымъ распространеніе здѣсь греческихъ поселеній въ глубокой древности, и притомъ болѣе обширное, чѣмъ предполагали прежде". Максимовичъ, т. I, стр. 761.

[3]) Веберъ, IV, стр. 829.

послѣднихъ. Это обстоятельно знакомило такое полуосѣдлое населеніе съ фортификаціоннымъ строемъ византійцевъ. По возвращеніи на родину, познакомившееся съ византійскими порядками осѣдлое населеніе могло примѣнять и у себя такой способъ защиты, который являлся особенно необходимымъ послѣ того, какъ доступъ въ богатые предѣлы Византіи былъ затрудненъ почти безпрерывной цѣпью укрѣпленій, и варвары стали производить свои набѣги на поднѣпровскія земли [1]). Кромѣ того, ближайшіе сосѣди приднѣпровскихъ славянъ съ запада были отдѣлены большими лѣсами и болотами и долгое время находились въ сравнительно болѣе низкомъ уровнѣ культуры, чѣмъ поляне и даже сѣверяне. Да и политическія, юридическія и религіозныя нормы этихъ сосѣдей—были ниже полянскихъ и сѣверянскихъ.

Такимъ образомъ, система защиты страны длинными валами, извѣстными теперь подъ именемъ „зміевыхъ“, скорѣе могла быть заимствована у нашей ближайшей сосѣдки съ юга—Византіи, чѣмъ съ запада, отъ своихъ западныхъ сосѣдей, какъ это полагаютъ ученые. Нѣкоторые даже полагаютъ, что большая часть земляныхъ валовъ относится къ доисторическому времени [2]).

Мы не оспариваемъ, конечно, того, что и западные славяне практиковали способъ защиты земляными укрѣпленіями, но тамъ мы видимъ совершенно другой характеръ въ этомъ отношеніи: замѣчается въ большинствѣ *изолированность* такихъ *укрѣпленныхъ валами пунктовъ*, въ земляхъ, занятыхъ западными славянами, существуетъ немного такихъ сплошныхъ, идущихъ на огромное пространство земляныхъ сооруженій, какъ это мы видимъ въ Приднѣпровьѣ. Итакъ, можно полагать что—или сама широко развившаяся осѣдлость, или же важность днѣпровской страны для какихъ либо народовъ, сильно заинтересованныхъ въ ней, могла воздвигнуть такія солидныя укрѣпленія, незыблимо покоющіяся въ теченіи длиннаго ряда вѣковъ.

Конечно, славяне могли строить и свои собственныя и воспользоваться находившимися въ странѣ готовыми укрѣпленіями для своихъ цѣлей, но это уже было тогда, когда русское населеніе вышло далеко за предѣлы главной линіи валовъ, которые такимъ образомъ остались внутри страны, потерявъ свое стратегическое назначеніе: вотъ почему уже очень давно (по лѣтописи въ XI и въ XII ст.) огромные валы уже не служатъ защитой отъ враговъ.

Такимъ образомъ, мы склонны полагать, что способъ защищаться длинными земляными окопами скорѣе могъ быть заимствованъ отъ болѣе близкихъ, находившихся въ давнихъ сношеніяхъ съ южною Русью сосѣдей, чѣмъ отъ западныхъ славянъ.

---

[1]) Веберъ, IV, стр. 832.

[2]) Л. Нидерле. Человѣчество въ доисторич. времена.

Что касается собственно городищъ славянскаго типа, то о способѣ ихъ возведенія мы узнаемъ отъ арабовъ. Аль-Бекри, говоритъ слѣдующее: „И такимъ образомъ строятъ славяне большую часть своихъ крѣпостей: они направляются къ лугамъ, обильнымъ водами и камышемъ, и обозначаютъ тамъ мѣсто круглое или четыреугольное, смотря по формѣ, которую желаютъ придать крѣпости и по величинѣ ея. И выкапываютъ вокругъ него ровъ, и выкопанную землю сваливаютъ въ валъ, укрѣпивъ ее досками и сваями подобно битой землѣ, покуда стѣна не достигнетъ до желанной высоты. И отмѣриваютъ тогда дверь, съ какой стороны имъ угодно, а къ ней приходятъ по деревяному мосту“. [1]).

Мы не будемъ здѣсь приводить длинныхъ цитатъ различныхъ авторовъ, (Ходаковскій, Погодинъ, Срезневскій, Уваровъ, Котляревскій и проч.), пытавшихся каждый по своему разрѣшить вопросъ о городищахъ. Не задаваясь цѣлью излагать исторію вопроса о городищахъ. мы отпускаемъ все это [2]). Мы склоняемся къ мнѣнію большинства изслѣдователей, что такія городища возникали съ стратегическою цѣлью,—защиты окрестнаго населенія отъ враговъ.

Многія изъ городищъ, находящихся на территоріи Переяславльскаго княжества, несомнѣнно были занимаемы поселенцами славянскаго происхожденія. Выборъ мѣстности, на которой находятся эти городища, даетъ основаніе считать ихъ укрѣпленіями, возникшими съ стратегическою цѣлью. Мы можемъ указать на цѣлый рядъ такихъ городищъ, расположенныхъ въ пограничныхъ мѣстахъ, по большей части, на побережьяхъ рѣкъ, обыкновенно служившихъ защитой для страны. Такъ, въ сѣверномъ отдѣлѣ Переяславльской земли мы находимъ слѣдующія городища. На устьѣ р. Остра въ Десну, на крутомъ берегу расположено древнее укрѣпленіе, нынѣ *Старогородка.* О важности этого пункта—нечего говорить: онъ былъ очень укрѣпленъ и его значеніе сознавалось съ отдаленныхъ временъ.

Нѣсколько южнѣе, въ 3 верстахъ отъ с. Крыхаева, къ юго-востоку, въ урочищѣ „*Кисково*, существуетъ обнесенное двухсаженной высоты валомъ обширное городише, со входомъ съ юго-восточной стороны [3]).

Подвигаясь далѣе на востокъ, по теченію р. Остра, мы находимъ рядъ такихъ городищъ частью вблизи теченія р. Остра, частью— нѣсколько южнѣе послѣдняго. Такъ, надалеко отъ г. Нѣжина, къ с.-з. отъ послѣдняго, въ 2 верстахъ отъ с. Плоскаго, при болотахъ „*Пески*“

---

[1]) Куникъ и Розенъ. Извѣстія Аль-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и славянахъ.

[2]) О городищахъ см. статью Д. Анучина въ энциклоп. словарѣ Брокгауза.

[3]) Д. Самоквасовъ, Древніе города Россіи, Спб. 1873 г.; приложенія стр. 23.

и *„Голо“*. находится городище, занимающее пространство около 8 десятинъ; городище имѣетъ двое проходовъ—воротъ, изъ которыхъ одинъ называется кіевскимъ, а другой—нѣжинскимъ: оно окружено тройной цѣпью валовъ и столькихъ же рвовъ. Площадь его покрыта лѣсомъ [1]).

Несомнѣнно, и въ г. Козельцѣ существовало древнее земляное укрѣпленіе, но оно, по всей вѣроятности, уже исчезло подъ новыми дворищами и постройками. Въ г. Нѣжинѣ сохранялись еще недавно (прошл. стол.) древнія укрѣпленія—городища [2]). Затѣмъ, мы видимъ рядъ городищъ—у с. *Сиволожа* (лѣтописный Всеволожъ), *Иванъ Города* и далѣе по теченію р. Ромна и его притоковъ: возлѣ *Бѣлой-Вежи, Гайворона, Самбора, Гиревки* и проч. [3]).

Слѣды второй цѣпи укрѣпленій, шедшей до верхняго теченія р. Удая, почти парраллельно первой, замѣтны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Такъ мы имѣемъ ихъ въ *Зоворичахъ, Бобровицѣ, Носовкѣ, Дорогинкѣ* [4]).

Намъ остается продолжить ту цѣпь городищъ, которая находилась на восточной и юго-восточной окраинахъ Переяславльскаго княжества, чтобы показать, какая собственно преслѣдовалась цѣль возведеніемъ подобнаго рода сооруженій. Мы обратимъ наше вниманіе на верховья р. Сулы, гдѣ по водораздѣлу пролегала весьма удобная, торная дорога для нашествій разнаго рода кочевниковъ въ Русскія земли. Здѣсь мы видимъ городища: *Вырьское*, вблизи г. Бѣлополья [5]), *Вьяхановское* — на берегу р. Терны, насупротивъ р. Бобрика впадающаго въ Сулу [6]), *Попашъ городище*, лежащее при устьѣ р. Попадьи въ

---

1) Ibidem, стр. 24. Шафонскій, стр. 447.

2) Шафонскій говоритъ: Другое земляное укрѣпленіе находится въ „Новомъ мѣстѣ“, вблизи городской плотины. Шаф., стр. 462—3.

3) Д. Самоквасовъ. Древніе города Россіи, приложенія стр. 1, 25. Величина городища вблизи Гайворона болѣе 100 саженъ; форма—круглая; помѣщается на западномъ берегу р. Ромна (нынѣ болото съ протоками); валъ высотою въ 3 сажня. Д. Самоквасовъ, ibidem.

4) Ibidem, стр. 23, 24—42.

5) „Въ 1127 году Всеволодъ (Ольговичъ) послася по Половцѣ. И приде же Половецъ 7 тысящи и сташа у Ратмирѣ дубравы *„за Выремъ“*. Лавр. л., стр. 181—2. Ипат. л., стр. 209. Въ царской грамотѣ 1704 г. говорится: „въ 180 (1672) г. по указу Царя и В. К. Алексѣя Михайловича бояринъ и воевода кн. Григорій Ромодановскій въ Путивльскомъ уѣздѣ, въ 30 в. отъ Путивля, на р. на *Виру*, да устьѣ р. Крыги, въ угодьяхъ Путивльцевъ, построилъ городъ Бѣлополье на *старомъ Вирскомъ городищѣ*“. Преосвящ. Филаретъ. Истор.—стат. опис. Харьк. епар., ч. III, стр. 407. П. Голубовскій. Печенѣги, Торки и Половцы, стр. 91, 92.

6) „Если мы изслѣдуемъ мѣстность, говоритъ г. Голубовскій, въ юго-восточномъ направленіи отъ Выря, то, кажется, найдемъ Вьяхань въ городищѣ, находящемся въ 30 верстахъ отъ Бѣлополья, на юго-западѣ, въ 5 в. отъ слободы Терновъ, на берегу р. Терны... Въ актѣ 1638 г. это городище называется то Лехановскимъ,

Сулу [1]), нѣсколько ниже, на правой сторонѣ р. Сулы, *городище* у с. *В. Будки* [2]). Затѣмъ, прерываясь на нѣкоторомъ разстояніи полемъ, цѣпь городищъ продолжается вблизи верхнихъ притоковъ р. Псла: городище возлѣ г. *Суджи* [3]), далѣе—у с. *Рыбицы*, что близъ *Миропольи*, а отсюда—по верховью р. Ворсклы, гдѣ мы видимъ *Хотмыжское городище* [4]). У верховьевъ р. С. Донца линія городищъ учасчается: здѣсь мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ ихъ, расположенныхъ одно вслѣдъ за другимъ на правой сторонѣ этой рѣки. Такъ, здѣсь лежатъ: *Бѣлгородское* городище [5]), находящееся у верховья р. С. Донца, затѣмъ ниже—*Нежегольское* [6]), *Салтановское* [7]), *Котковское* [8]), *Гумнинское* [9]), *Чугуево* [10]), *Мохначево*, расположенное близъ впаденія р. Уды въ Донецъ, *Кабаново* [11]), *Мохначево* [12]), *Змiево* [13])—при устьѣ р. Можа въ Донецъ, и городище *Каменное*, лежащее нѣсколько ниже „Змiеваго городища" [14]). Этимъ заканчивается для насъ рядъ городищъ на восточной границѣ Переяславльской территоріи. Соединительнымъ звеномъ, связывающимъ во-

---

то Дехановскимъ, то просто городищемъ. Близость его названія съ Вьяханемъ и близость его къ Вырю, мѣстонахожденіе его на дорогѣ отъ Выря къ р. Сулѣ, даетъ право считать это городище за остатокъ города Вьяханя". Голубовскій, Печенѣги, Торки, Половцы, стр. 93.

[1]) Голубовскій. Печенѣги, Торки и Половцы, стр. 93—94.

[2]) Оно поставлено на картѣ Beauplan'a, XVII ст.

[3]) Д. Самоквасовъ. Сѣвер. кург. и ихъ знач. для исторіи, стр. 200—204.

[4]) „А рѣчка Руда пала въ Ворсколъ, ниже Хотмыжскаго городища. А Хотмыжское городище на Ворсклѣ". Книга Больш. Черт., стр. 9.

[5]) „А Бѣлъ-городъ стоялъ на Донцѣ, на Бѣлой горѣ, на правой сторонѣ Донца, и послѣ Литовскаго разоренья, перенесенъ на другую сторону Донца, съ нижнія стороны Бѣлаго колодезя, отъ берега отъ Донца отъ *старого городища* 380 саженъ". Книга Кольш. Черт , стр. 24.

[6]) „А промежъ Нежеголи и колодезя Нежегольсково, на Крымской сторонѣ, на Донцѣ, *городище Нежегольское*". Книга Больш. Черт., стр. 26.

[7]) „А ниже Салтановскаго колодезя, на Донцѣ, *городище Салтановское* отъ колодезя съ версту". Книга Больш. Черт., стр. 27.

[8]) „А на Крымской сторонѣ, ниже Салтановскаго колодезя, съ полтртеьятцать, *городище Котковское*". Книга Больш. Черт., стр. 27—28.

[9]) „А ниже Котковскаго городища верстъ 5, городище *Гумнинья*. Книга Больш. Черт., стр. 28.

[10]) „А ниже Тетлѣги (рѣки), на Донцѣ, *Чугуево* городище". Книга Больш. Черт., стр. 28.

[11]) „А на усть Уды *Кабаново* городище, по лѣвой сторонѣ, отъ устья версты съ 2". Книга Больш. Черт. стр. 28.

[12]) „А ниже Кабанова городища, съ Крымской стороны, внизъ по Донцу, *Мохначево* городище, отъ Кабанова верстъ съ 5". Книга Больш. Черт., стр. 29.

[13]) „А ниже Мжа, на Донцѣ, съ Крымской стороны, *Змѣево городище*". Книга Больш. Черт., стр. 34.

[14]) Путешествіе акад. Гильденштедта по Слободско-украинской губ., Переводъ и предисл. М. Салтыковой, примѣчанія Д. Багалѣя. Харьковъ, 1892 г., стр. 31 и 68.

сточный отдѣлъ пограничной линіи съ юго-восточнымъ, служило теченіе рр. Коломака и Можа, гдѣ мы находимъ цѣлый рядъ кургановъ, чередующихся съ расположенными между нихъ городищами. Съ юго-востока Переяславльскіе предѣлы были окаймлены также рядомъ городищъ, расположенныхъ по двумъ, идущимъ параллельно другъ другу, изломаннымъ линіямъ Можъ-Коломакъ и Уды-Мерлъ. *О Зміевскомъ* городищѣ, расположенномъ на устьѣ р. Можа, мы уже говорили. Городище *Кукулевское*, огромныхъ размѣровъ, лежитъ между р. Ордынкой и верщиной р. Мерефы, впадающей въ Можъ [1]). На водораздѣлѣ между верховьями рр. Можа и Коломака расположено *Хазарское городище*, носящее несомнѣнные слѣды древности, т. к. густо поросло огромнымъ лѣсомъ [2]). Затѣмъ, по р. Коломаку, ниже, расположено городище *Высокопольское*, а вблизи—*Коломацкое* [3]). Этотъ рядъ древнихъ укрѣпленій, возможно продолжить до р. Ворсклы, такъ какъ мы имѣемъ свѣдѣнія, что это продолженіе существуетъ [4]). На картѣ, изданной при историч. трудахъ Погодина, по р. Коломаку обозначена цѣпь городищъ до самой р. Ворсклы.

Что касается р. Уды и ея притоковъ, то здѣсь мы имѣемъ слѣдующія городища: *Кабаново*, при устьѣ у. Уды въ Донецъ. Нѣсколько выше лежитъ *Хорошее* городище [5]); еще выше — *Донецкое* [6]). Р. Мерлъ, на своемъ верховьѣ имѣетъ группу городищъ, свидѣтельствующихъ о древней сторожевой жизни въ этой мѣстности [7]). Неподалеку отъ верховья р. Можа находится городище *Хмелевое*.

---

[1]) Оно все поросло огромными дубами въ 7 и 8 арш. въ обхватѣ. Городище состоитъ изъ 2 плоскостей, возвышающихся одна надъ другой, такъ что это какъ бы двѣ крѣпости, изъ которыхъ одна заключена внутри другой. Длина городища около 450 саж., а ширина около 250 саж. Съ востока и юго-востока оно защищено тройнымъ рядомъ высокихъ валовъ; съ западной и сѣверо-западной — широкимъ крутобережьемъ рѣки, впадающей въ Можъ и проч. Пр. Филаретъ. Истор.—стат. опис. Харьк. епархіи, ч. I, отд. II, стр. 295—296.

[2]) Преосв. Филаретъ. Ист. ст. опис. Харьк. епар., ч. I, отд. II, с. 277—8: Голубовскій. Печенѣги, Торки и Половцы, стр. 97.

[3]) Въ росписи 1571 г. кн. Тюфякина о станичной службѣ читаемъ: „Коломакъ перелѣзти *Коломацкимъ городищемъ*, черезъ ровень“. Пр. Филаретъ. — Ист. статист. описаніе Харьк. еп., ч. II, стр. 256 и 303

[4]) Сообщеніе г. Голубовскаго о томъ, что мы не имѣемъ свѣдѣній о городищахъ по р. Коломаку до впаденія его въ Ворсклу не имѣетъ основанія.

[5]) „А вверхъ по Удамъ, съ лѣвыя стороны, Хорошее городище, отъ устья верстъ съ 20“. Книга Больш Черт., стр. 28.

[6]) „А по лѣвой сторонѣ, вверхъ по Удамъ, выше Хорошаго городища, *Донецкое* городище, отъ Хорошева верстъ съ 5. Книга Больш. Черт., стр. 29. „Да внизъ по Удамъ (ѣхали) черезъ Павлово селище къ Донецкому городищу да къ *Хорошеву* городищу, черезъ Хорошевъ колодезь, да черезъ Удскія ровни“, стр. 29; Истор.—стат. опис. Харьк. епар., ч. I. отд. I, стр. 108—111 и II, стр. 98.

[7]) Шафонскій, стр. 639

Понятно, ни р. Донецъ, ни двойной рядъ крѣпостей съ юга, какъ мы только что видѣли, по теченію рр. Можа-Коломака и Уды-Мерла, не могли вполнѣ обезопасить край отъ враговъ, которые имѣли полную возможность, минуя вышеназванныя линіи, прорваться черезъ верхнюю Ворсклу. Чтобы избѣжать этого, по Ворсклѣ, отъ впаденія въ послѣднюю р. Мерла, расположенъ цѣлый рядъ городищъ, несомнѣнно относящихся къ древней эпохѣ и представляющихъ мѣстами довольно солидные размѣры. Такъ, мы имѣемъ древнее укрѣпленіе у с. *Опошни*[1]); затѣмъ у сс. Куземина и Бѣльска находится огромное городище, извѣстное подъ именемъ *Бѣльскаго*. Оно обширнѣе всѣхъ, какія только встрѣчаются въ предѣлахъ Полтавской губ., и представляетъ слѣды глубокой древности[2]). Вотъ что говоритъ объ этомъ Шафонскій: „Подъ с. Бѣльскомъ два земляныхъ древнихъ укрѣпленія; между этими земляными укрѣпленіями—валъ, соединяющій ихъ. Длина вала городища $1^1/_2$ версты, а ширина—450 саж., толщина вала—4 сажня у подошвы и сажень вверху; вышина вала 8, а до рва 10 и больше саженъ. Ровъ шириною на 2 и 4 сажня. Видно, что по угламъ стояла каменная стѣна съ башнями, развалины которыхъ еще сохранились въ то время (XVIII в.). Попадаются желѣзные наконечники стрѣлъ. Вторая земляная крѣпость—къ сѣверо-востоку отъ первой и въ 5 верстахъ, на высокомъ берегу р. Ворсклы. Вся ея поверхность равняется 399 с. Валъ и внутрен. поверхность заросли большимъ чернымъ лѣсомъ и садами[3]). Отъ первой крѣпости далѣе идетъ высокій валъ черезъ с. Куземинъ; валъ длиной 26 верстъ и 76 саженъ. Онъ крутъ и широкъ, поросъ деревьями. Рядомъ съ валомъ—глубокій ровъ, отъ дна котораго до вершины будетъ около 10 саженъ. За рвомъ—другой валъ, поменьше перваго, идущій параллельно послѣднему. И валъ, и ровъ поросли крупнымъ лѣсомъ изъ вязовъ, дубовъ, обхвата въ 3 и болѣе“[4]).

---

[1]) Шафонскій, стр. 639.

[2]) Шафонскій. стр. 653—654. На картѣ Beauplan'a—Bielsky H.

[3]) Ibidem, стр. 655.

[4]) Ibidem, 655—656. Въ 2 верстахъ отъ вышеупомян. укрѣпленія, за р. Сухою Грунькою, находится земляное укрѣпленіе, называемое *Скороборъ*, вблизи котораго—много могилъ. Ibidem. Форма Бѣльскаго городища, по сообщенію гр. Бобринскаго, представляетъ неправильный четвереугольникъ, величиной около 1 квадратной версты. Площадь городища обнесена высокимъ и широкимъ валомъ, отдѣленнымъ отъ окрестнаго поля широкимъ и глубокимъ рвомъ. Высота вала, въ среднемъ, достигаетъ 6 саженъ, ширина его, не вездѣ одинаковая сверху, мѣстами, равняется тремъ сажнямъ. Насыпь вала изрѣзана углубленіями, мѣстами довольно правильными. Западная сторона г—ща расположена надъ очень глубокой балкой, гдѣ нынѣ протекаетъ р. Сухая Грунь. Валъ пересѣкается 4 выходами, симметрично расположенными по 4 сторонамъ укрѣпленія. Передъ входомъ въ валъ съ сѣвера расположено 4 холма, какъ бы для укрѣпленія подъемнаго моста; выходъ надъ рѣкой защищенъ на-

Выше него находится городище *Скельское*, упоминаемое въ росписи границъ между Россіей и Польшей въ 1642 году: „рубежъ идетъ до р. Ворскла, а Ворскломъ внизъ до *Скельскаго* городища, которое въ царскую сторону останется, а рубежъ отъ него межъ Бѣльскимъ городищемъ и оттуль черезъ р. Ворсклу, Бѣльское городище раздѣлить пополамъ“ [1]).

Нѣсколько выше находится городище *Немеровское* [2]). Еще выше, недалеко отъ впаденія въ р. Ворсклу р. Буромли--городище *Кукуево*, и къ востоку отъ него—городище *Каменка* [3]).

Мы ничего не можемъ сказать относительно городищъ нижняго теченія Ворсклы, т. к. не имѣемъ никакихъ свѣдѣній по этой части. Мы, однако, не можемъ не высказать предположенія, что и ниже по рѣкѣ существовали городища, исполнявшія такую-же цѣль, какъ и вышележащія [4]). Кое-какіе слѣды древней жизни сохраняются еще и теперь вблизи г. *Кобелякъ* (полтав. губ.) [5]).

ружнымъ валомъ. У всѣхъ воротъ, съ обѣихъ сторонъ, въ валу, замѣтны правильныя углубленія, окруженныя боковыми возвышеніями, свидѣтельств. о нѣкогда бывшихъ здѣсь сторожевыхъ башняхъ и пр. постройкахъ. Извнутри, вдоль по высокому наружному валу, встрѣчаются глубокія и неглубокія ямки, малые валы, слѣды строеній, холмы, возвышенія, курганы и проч. Эти сооруженія, группируясь иногда въ очень значительномъ количествѣ, представляютъ картину, трудно поддающуюся описанію. Внутри городища было также множество кургановъ и другихъ насыпей. Дорога къ рѣкѣ, у ЮЗ спусковъ, идетъ между двумя рядами укрѣпленій. Съ двухъ сторонъ къ городищу примыкаютъ прямые валы, большихъ размѣровъ, тянущіеся приблизительно на 5 верстъ съ С и СВ и около 10 верстъ къ Ю. Съ сѣверной стороны валъ достигаетъ берега р. Ворсклы у с. Куземина, а съ южнаго доходитъ до р. Ворсклы, неподалеку отъ Глинска, затѣмъ круто поворачиваетъ къ сѣверу и слѣдуетъ по возвышенному берегу р. на протяженіи 8 верстъ. Пространство, охватываемое этимъ городищемъ, имѣетъ около 10 верстъ; наибольшая ширина его около 6 верстъ. Бѣльское городище находится посрединѣ западнаго вала. Стѣны городища, въ разрѣзѣ, представляютъ безчисленную массу раздробленныхъ костей животныхъ: кабановъ, козуль, человѣческихъ и пр. Здѣсь же встрѣчаются черепки глиняной посуды скиѳскихъ образцовъ: т. е. глубокихъ чашъ съ узкимъ бортомъ, покрытыхъ поливой, низкихъ пузатыхъ горшечковъ и чарочекъ на высокихъ ручкахъ. Черепки украшены обычнымъ скиѳскимъ орнаментомъ—треугольниками, точками и другими геометрическими фигурами. Встрѣчаются также горшки отъ прямыхъ, грубыхъ горшковъ, съ вѣнчиками, украшенными дырочками; встрѣчаются также черепки греческаго издѣлія, каменныя грузила, ручные жернова, точильныя плиты, метательные камни, обломки бронзовыхъ котловъ, бронзовыя стрѣлы и проч. (Отчетъ Императ. Арх. Ком. за 1895 г., изслѣдованіе гр. Бобринскаго, стр. 126—127).

[1]) Истор.—стат. опис. Харьк. епар., ч. III, стр. 95.

[2]) Ibidem, Голубовскій. Печенѣги, Торки и Половцы, стр. 96.

[3]) Ibidem.

[4]) Несомнѣнно, древнее укрѣпленіе, существовало и въ Полтавѣ, но оно исчезло подъ тѣми крѣпостными сооруженіями, которыя были сдѣланы въ XVII в. и во время шведской войны.

[5]) Кіевск. Стар. 1895 г. № 4, статья Л. Падалки.

Такой же рядъ земляныхъ укрѣпленій, служившихъ для прикрытія страны съ востока, мы находимъ и по теченію р. Псла, начиная отъ верховьевъ послѣдняго. Городища возлѣ Суджи и Мирополья мы уже видѣли. Нѣсколько ниже, на правомъ берегу р. Псла, лежитъ городище *Липецкое*, находящееся въ двухъ верстахъ отъ г. Сумъ. Въ росписи 1571 г. читаемъ: „А Пселъ перелѣзти у Липецкаго городища, да на верхъ Боровни"...[1]). Затѣмъ идутъ городища: *Городецкое*, существовавшее до 1642 года[2]), *Михайловское*, *Азацкое* и *Каменное*, упоминаемое въ разграничительномъ между Россіей и Польшей актѣ 1647 года[3]). Еще далѣе къ югу, возлѣ г. Гадяча, въ 9 верстахъ отъ послѣдняго, вверхъ по теченію р. Псла, вблизи с. *Кнышевки*, находится древнее городище[4]). Древніе валы пролегаютъ вблизи мѣстечка *Лютеньки* и *Веприка*[5]), являясь какъ бы передовыми форпостами расположенныхъ на правомъ берегу р. Псла городищъ *Кнышевскаго* и *Гадяцкаго*, остатки земляныхъ укрѣпленій которыхъ были еще видны въ прошломъ столѣтіи[6]), Южнѣе г. Гадяча, также на правомъ берегу р. Псла, расположены городища *Старое* и *Новое*[7]). Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подъ рукою матеріаловъ, при помощи которыхъ намъ было бы можно возстановить послѣдующія звенья псельскихъ городищъ въ нижнемъ теченіи этой рѣки; мы не сомнѣваемся, однако, что они тамъ существовали.

Такимъ образомъ, мы набросали общій очеркъ городищъ восточной части Переяславльскаго княжества. Судя по расположенію ихъ и извѣстнаго рода системности, мы можемъ сдѣлать болѣе или менѣе правдоподобный выводъ, что подобнаго рода земляныя сооруженія были устроены съ стратегическими цѣлями защиты страны отъ враговъ. Конечно, мы привели здѣсь только пограничныя городища и тѣ, которыя расположены вблизи нихъ, вообще же въ предѣлахъ Харьковск. губ. городищъ существуетъ значительно больше. Г. Багалѣй насчиты-

---

[1]) Истор.—стат. опис. Харьк. епар., ч. III, стр. 279.

[2]) Ibidem, стр. 498.

[3]) Ibidem, стр. 530—531. На картѣ Beauplan'a 17 ст. на мѣстѣ этого городища написано: Horodyszy. H.

[4]) „Подъ с. Кнышевкою, въ 9 верстъ отъ Гадяча вверхъ, лежитъ на горѣ древняя земляная пустая крѣпость, четверогранная и рвомъ обнесенная безъ бастіоновъ. Къ узкому концу приходитъ еще валъ со рвомъ". *Шафонскій*, стр. 621.

[5]) Шафонскій стр. 607 и 608.

[6]) Шафонскій говоритъ, что г. Гадячъ былъ обнесенъ валомъ стр. 625. Въ Книгѣ Больш. Черт. сказано: „А выше Новаго городища 10 в. городище *Гадское*, а Гадичья тожъ". Кн. Больш. Черт., стр. 97.

[7]) „А выше Миръ городка на Пслѣ городище Старое, отъ Миръ городка 10 верстъ, и выше Стараго на Пслѣ городище Новое отъ Стараго верстъ съ 7". Книга Больш. Черт., стр. 97.

ваетъ ихъ до 42, причемъ на долю днѣпровскаго бассейна приходится 23, а на долю донскаго 18 городищъ[1]); въ томъ числѣ—на Пслѣ 7 городищъ; на его притокахъ 2; по р. Ворсклѣ 6, на Восклицѣ--1; у Локни, впадающей въ р. Виры, 4 городища; на р. Терны 1, на р. Мерлѣ и вблизи ея 2, и т. д.[2]).

Еще рельефнѣе выступаетъ наружу эта оборонительная роль подобныхъ укрѣпленій—городищъ по теченію р. Сулы. Здѣсь во многихъ мѣстахъ сохранились еще до нашихъ дней характерные остатки древнихъ земляныхъ сооруженій. Мы имѣемъ цѣлый рядъ такихъ городищъ вмѣстѣ съ цѣлой системой земляныхъ насыпей—валовъ при нихъ, по р. Сулѣ, начиная отъ верхняго до нижняго теченія послѣдней. Такъ, вблизи г. *Ромны*, сохранявшаго еще недавно остатки древней крѣпости[3]), мы встрѣчаемъ Городище[4]); далѣе, подобныя же земляныя укрѣпленія встрѣчаются—въ *Глинскѣ* и возлѣ г. *Глинска*[5]), въ

---

[1]) Д. Багалѣй, Общій очеркъ древностей харьков. губ., стр. 7: въ Лебединскомъ у. 12 городищъ, въ ахтырскомъ—6, Старобѣльскомъ—5, изюмскомъ—4, богодуховскомъ—3, волчанскомъ—1.

[2]) Ibidem.

[3]) „Городъ *Роменъ*, говоритъ Шафонскій, — имѣлъ окруженное землянымъ валомъ мѣсто съ замкомъ внутри". Шафонскій стр. 567—571. Роменское городище, лично осмотрѣнное нами, расположено на крутомъ, нависшемъ надъ рѣкой холмѣ, соединявшемся съ прилегающимъ плато небольшимъ перешейкомъ, сохраняетъ въ себѣ остатки очень древней жизни. Такъ, здѣсь, въ насыпи валовъ, попадаются кости и черепки сосудовъ очень древняго (скиѳскаго и камен. вѣка) типа.—Это древнѣйшее укрѣпленіе было не велико. Оно простиралось по нагорью, близъ нынѣшняго Собора въ длину около 130 саженъ, а въ ширину отъ 20 до 50 саженъ.

[4]) „Въ 3 верстахъ отъ г. Ромна, говоритъ Шафонскій,—внизъ по рѣкѣ Сулѣ, на правомъ, высокомъ берегу, стоитъ *земляная древняя пустая крѣпость „Городище"* называемая, о которой въ народѣ сохранилось преданіе, что въ ней прежде города Ромна городъ находился, но какъ его называли, отчего онъ запустѣлъ—нѣтъ никакихъ свѣдѣній". Шафонскій. стр 563.

[5]) По дорогѣ отъ Глинска въ Прилуку на р. Малой Локнѣ, говоритъ Шафонскій (стр. 536), стоитъ старая земляная крѣпость, длиною въ 250 с., а шириною въ 278. Валъ еще довольно высокъ, особенно отъ рва. Около всей крѣпости ровъ, а за онымъ—другой, поменьше. Вся крѣпость скатиста къ р. Локнѣ. Во многихъ мѣстахъ видны человѣческія кости. По словамъ Шафонскаго, г. Глинскъ былъ обнесенъ землянымъ валомъ (Шафонскій, стр. 539); но большая часть городскаго землянаго укрѣпленія уже развалилась (Ibiden, стр. 542). „Кромѣ сего за большимъ Муковцемъ, къ Сулѣ, вверхъ и внизъ оной, хребетъ горы, на которой сдѣланъ особливый *земляной валъ* въ 259 саж. длиною, и по концамъ онаго, направо и налѣво, стоятъ двѣ маленькія крѣпостцы наподобіе цитадели, соединяющіяся означеннымъ валомъ. Около сихъ крѣпостей обведенъ отъ города и отъ р. Сулы ровъ съ небольшимъ валомъ. Эти крѣпости, лежащія высоко, командуютъ надъ городомъ и надъ всѣми мѣстами по р. Сулѣ находящимися. Крѣпостцу, лежащую внизъ по Сулѣ, окружаютъ съ двухъ сторонъ два глубокіе яра. Въ другой, стоящей вверхъ по Сулѣ крѣпостцѣ, есть двѣ большихъ насыпи". Шафонскій, стр. 597.

Лохвицѣ [1]), *Сѣнчѣ* [2]), *Лубнахъ* [3]), *Александровкѣ* [4]), *Лукомьѣ* [5]), ***Буромкѣ*** [6]), *Воинской Греблѣ* [7]) и проч.

Конечно, мы опускаемъ здѣсь перечисленіе того огромнаго количества кургановъ, которые разсыпаны по всему правому нагорью р. Сулы, чередуясь мѣстами съ длинными валами, идущими то по горѣ, то нѣсколько отступивъ отъ послѣдней.

---

[1]) Горъ Лихвлца, въ XVIII ст. былъ окруженъ землянымъ полуразвалившимся валомъ. Шафонскій, стр. 597 Во время осмотра въ г. Лохвицѣ его остатковъ старины, мы не видѣли уже здѣсь слѣдовъ валовъ, которые, по всей вѣроятности, судя по мѣстности, занимали центръ города, охваченный излучинами протекающей здѣсь рѣки.

[2]) При м. *Сѣнчѣ* въ XVIII в. находился старый земляной валъ, развалившійся съ 4-мя развалившимися воротами, а при нтмъ—особый земляной же замокъ. Шафонскій, стр. 583. Городище близъ Сенчи, лично осмотрѣнное нами, представляетъ два городка, расположенными на краю полого спускающихъ къ берегу склона долины. Высокій валъ защищалъ это городище со стороны суши; здѣсь же находится и глубокій ровъ. Внутри городища—множество валовъ и холмовъ, очевидно назначенныя для укрыванія отъ непріятеля.

[3]) Что касается Лубенскихъ укрѣпленій, лично видѣнныхъ нами, то часть ихъ, судя по выбору мѣстности, относится несомнѣнно къ древнѣйшей эпохѣ. Городище Лубенское, носящее нынѣ названіе „Валъ", представляетъ собою типъ древнихъ укрѣпленій: оно высится на горѣ надъ рѣкой, и съ трехъ сторонъ защищено крутыми обрывами: съ четвертой же—его замыкалъ ровъ и валъ. Городище представляетъ форму удлиненнаго овала, съ болѣе крупными валами посрединѣ, въ видѣ четвереугольника. Кромѣ того, близъ города, въ направленіи къ урочищу Лысая гора, откуда пролегала древняя дорога въ Лубны, находится длинный валъ и ровъ, расположенные съ з. на в., отъ обрыва Сулы къ провалью, густо заросшему лѣсомъ. Несомнѣнно, этотъ валъ и ровъ вырыты для задержанія враговъ.

[4]) На крутомъ берегу р. Слѣпорода, близь с. Алекландровки, недалеко отъ впаденія вышеназваннои рѣки въ Сулу, находится чрезвычайно хорошо сохранившееся городище, именуемое мѣстными жителями „Городокъ". Въ с. Александровкѣ есть также слѣды городища на поднимающемся среди села холмѣ.

[5]) Лукомьскія укрѣпленія—типичны по своей оригинальности. См. нашу работу: Остатки древн.-Лукомльскаго городища. Кіев. Стар. 1893 г., № 9.

[6]) Городище Буромки чрезвычайно типично. Оно круглой формы и расположено на томъ возвышенномъ мысу, который навысаетъ надъ долиной р. Сулы, съ одной стороны, и надъ оврагомъ—съ другой. Довольно правильной формы валъ, опоясующій городище, высотой до 3 саженей, имѣетъ по внѣшней стороны глубокій ровъ. Съ южной и сѣверной сторонъ въ крѣпость ведетъ двое воротъ. Слѣды укрѣпленій болѣе обширныхъ размѣровъ, видны и далѣе въ мѣстечкѣ, къ сѣверу отъ этой круглой крѣпости. Эта вторая крѣпость также занимала мысъ, но только большихъ уже размѣровъ. Неподалеку отсюда, на томъ же возвышенномъ берегу р. Сулы есть и другое городище также круглой формы.

[7]) Въ описаніи Каневскаго замка 1552 г. сказано: „А далей за Днепромъ.. где Сула в Днепръ впадываетъ, отъ вышей у мили по речъку Переволочъну, то монастыря Пустынскаго... а выше речъки Переволочъное вполмими подъ ***Войномъ Городищемъ*** езы 4..." и т. д. Архивъ юго-запад. Россіи, ч. VII, т. I, стр. 101. Городище близъ с. Воинской Гребли, лично осмотрѣнное нами, представляетъ трехстороннюю

Мы начертили систему городищъ, группировавшихся по теченію рѣкъ, защищавшихъ Переяславльскія земли съ востока. Густой рядъ посульскихъ древнихъ укрѣпленій указываетъ, что безопасность достигалась не легко, что враги часто могли прорваться мимо этой боевой линіи. Такимъ образомъ, населеніе, не смотря на то, что было прикрыто со стороны степей рядомъ рѣкъ съ Сулой во главѣ, должно было ограждать себя земляными валами и въ другихъ мѣстахъ. Мы находимъ такой рядъ городищъ по теченію второстепенныхъ рѣкъ Переяславльскаго княжества, какъ бы дополняющихъ собою ту цѣпь укрѣпленій, которую мы разсмотрѣли раньше. Такъ, мы видимъ городища по р. *Ромну:* у *Краснаго Колядина*[1]), *Липоваго* и *Медвѣжьяго, Беціевки*[2]) и проч.

Другая дополнительная линія городищъ расположена по р. Удаю. На верховьяхъ р. Удая находятся городища: въ с. *Дорогинкѣ*[3]), въ *Монастырищѣ*[4]), и вблизи послѣдняго, на островѣ, на р. Удаѣ, гдѣ

насыпь, примыкающую своими крайними валами къ рѣкѣ Сулѣ, образуя такимъ образомъ четырехъугольникъ. Длина насыпей, составляющихъ городище, доходитъ до 70 саженъ. Ширина—около 10 саженъ; съ западной стороны насыпи идетъ ровъ, а за нимъ—небольшой валъ и опять ровъ; съ юго-восточной стороны — только ровъ. Отъ рѣки къ валамъ городища идетъ другое углубленіе, очевидно нѣкогда наполнявшееся водой. Въ насыпи встрѣчаются въ большемъ количествѣ: уголь, куски обугленнаго дерева, куски обожженной глины, камни, кости, черепки посуды древняго типа и пр. Вокругъ насыпей крестьяне находятъ много круглыхъ пряслицъ краснаго и синяго цвѣтовъ.

1) „М. *Красный-Колядинъ* имѣетъ земляной валъ обвалившійся и внутри онаго—особливый земляной же замокъ—говоритъ г. Шафонскій, стр. 554". Въ полуверстѣ отъ Краснаго-Колядина, у с. *Грицевки*, находится круглый городокъ. Городище у Краснаго-Колядина — чрезвычайно типично; оно расположенно на длинномъ, далеко вдающемся въ болотистую долину рѣки мысѣ, постепенно понижающемся къ своему концу. Въ средней части этого мыса и находится старое городище. Оно соединяется съ прилегающей новой крѣпостью только узкимъ перешейкомъ Городище обнесено высокимъ валомъ и рвомъ, за которымъ, по склону горы, идетъ опять валъ, сливающійся съ отлогостью берега. Съ южной стороны находилось близь рва нѣсколько укрѣпленій, въ видѣ валовъ и другихъ насыпей. Въ городищѣ находили вещи, относящіяся къ древнему періоду (скиѳскому).

2) „А въ верхъ по Ромону городокъ *Медвѣжей*, да городокъ *Липовой*. Книга Больш. Черт., с. 95. О Беціевскомъ городищѣ, весьма солидномъ по размѣрамъ, см. Примѣч. къ труд. III арх. съѣзда, ч. II, стр. 209. Медвѣжье городище, лично осмотрѣнное нами, состоитъ изъ двухъ городищъ, расположенныхъ другъ возлѣ друга. Одно изъ городищъ неправильной овальной формы, другое—неправильной четыреугольной. Эба находятся на крутомъ мысу, навысающемъ надъ рѣкой. Валы и рвы при нихъ сохранились.

3) Самоквасовъ. Древніе города въ Россіи. Приложенія, стр. 24; Шафонскій, стр. 447.

4) „Въ м. Монастырищѣ — земляной городокъ, сдѣланный еще за польскаго владычества" Шафонскій, стр. 447.

находились развалины *древней земляной крѣпости*[1]), въ г. *Прилукахъ*, сохранявшихъ еще въ XVIII ст. „развалины земляныхъ укрѣпленій съ четырмя воротами“[2]); далѣе—въ м. *Варвѣ*[3]), *Пирятинѣ*[4]), около с. *Повстена*[5]), около с. *Городища* и неподалеку отъ послѣдняго въ м. *Чернухахъ* на р. Многѣ[6]). Вообще, по словамъ Маркевича, „по берегамъ Удая встрѣчается много насыпей, валовъ, могилъ и городищъ“[7]).

Значительное пространство, находящееся между рр. Ромномъ и Удаемъ, конечно, не могло быть оставлено беззащитнымъ, и мы видимъ, что въ тѣхъ мѣстахъ, которыя были наиболѣе опасны, расположено нѣсколько укрѣпленныхъ пунктовъ. Такъ, возлѣ м. *Городни*[8]), находится *круглое городище*, затѣмъ есть городища—возлѣ *Иваницы*[9]),

---

[1]) Шафонскій, стр. 435.

[2]) Шафонскій, стр. 509—511. Планъ прилукскихъ укрѣпленій 18 в находится въ интересномъ сборникѣ плановъ нѣкотор. украинскихъ городовъ, оставляющемъ собственность Черниговской гимназіи. Объ укрѣпленіяхъ болѣе древней эпохи говоритъ въ путешествіи митрополита Макарія Павелъ Алепскій. См. переводъ г. Муркоса.

[3]) Городище въ м. Варвѣ довольно значительныхъ размѣровъ, въ формѣ пятиугольника. Оно расположено надъ р. Удаемъ, спускаясь къ послѣднему обрывомъ. Длина валовъ городища около 574 саженъ. Вокругъ вала находится ровъ, сохранившійся еще довольно хорошо до настоящаго времени. Ближайшая къ обрыву мѣстность носитъ названіе *замка*. Городище лично осмотрѣно нами.

[4]) Остатки Пирятинскаго городища сохранялись еще до недавняго времени въ городскомъ участкѣ, извѣстномъ подъ именемъ „Замка“. Оно занимало тотъ мысъ, который вдается между рѣками Переводомъ и Удаемъ. Здѣсь находилось древнѣйшее поселеніе города.

[5]) Расположенное надъ р. Удаемъ, городище это, лично осмотрѣнное нами, овальной формы, внутри отличается замѣчательной неправильностью — буграми, валами, выемками и проч. Вокругъ идутъ валы и ровъ. Внутри городища встрѣчаютъ погреба, входъ въ которыя выложенъ кусками кирпичей, покрытыхъ синевато-зеленой эмалью, стекловиднаго характера.

[6]) „Въ м. Городищѣ, лежащемъ между рр. Удаемъ и Многой, съ лѣвой стороны Удая, находится старое земляное укрѣпленіе и въ немъ — небольшой замокъ“. Шафонскій стр. 584. Тоже въ Чернухахъ. Шафонскій стр. 565. Мѣстоположенія городища въ м. Городищѣ вполнѣ отвѣчаетъ условію древнихъ укрѣпленій. Это узкій небольшой мысъ, круто спускающійся обрывомъ къ р. Удаю. Остатки валовъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще сохранились.

[7]) Маркевичъ. Рѣки Полтав. губ. Зап. Имп. рус. геогр. Общ., т. XI, стр. 365.

[8]) „Въ с. *Городнѣ*, на столбовой дорогѣ отъ Иваницы къ Прилукѣ, въ 9 вер. отъ мѣстечка, въ урочищѣ „Городище“, стоитъ земляной высокій валъ, окружностью двѣ версты, на которомъ остатки кирпичнаго строенія видны. Нынѣ онъ заросъ лѣсомъ, и никто о его началѣ и перемѣнахъ не знаетъ“. Шафонскій, стр. 505—506, Маркевичъ. Рѣки Полтав. губ. Зап. Имп. Геогр. Обш., т. XI, стр. 369.

[9]) Неподалеку отъ м. *Иваницы*, лежащаго между двухъ рѣкъ — Иваницы и Сможа, въ углу, образуемомъ сліяніемъ вышеупомянутыхъ рѣчекъ, находится „старинная земляная *маленькая крѣпость*. Вокругъ — разбросаны могилы“. Шафонскій. стр. 492 и 505.

возлѣ *Сребнаго*[1]), *Иванковцевъ* и *Дегтярей*, *Бѣлой-Вежи*, *Самбера*, *Гиревки* и пр.[2]).

Понятно, и на другихъ рѣчкахъ вблизи р. Удая находились городища, которыя въ настоящее время исчезаютъ мало по малу подвергаясь постепенной распашкѣ, вслѣдствіе возрастающей густоты населенія въ тѣхъ мѣстахъ. Такія городища существовали на р. Переводѣ, у с. *Поддубновки*, на *Островѣ* и на Слѣпородѣ[3]), близъ с. *Александровки*; на р. Оржицѣ: въ мм. *Городищѣ*, *Яблоновѣ* и *Оржицѣ*[4]).

Намъ остается разсмотрѣть еще двѣ линіи городищъ, изъ которыхъ одна тянется по теченію р. Супоя, а другая—по р. Трубежу. На верховьяхъ Супоя мы находимъ два городища: у м. *Быкова*[5]) и у с. *Петровки*[6]); подобныя древнія укрѣпленія существовали и ниже по

[1]) По словамъ Шафонскаго, въ *Сребномъ* находился „старинный земляной развалившійся валъ". Городище м. Сребнаго расположено на мысу, идущемъ въ горной части мѣстечка. Здѣсь еще видны остатки валовъ и рвовъ, составлявшихъ какъ-бы двѣ линіи укрѣпленій. Валы и рвы при нихъ опоясываютъ весь тотъ мысъ, который тянется въ мѣстечкѣ по направленію къ рѣкѣ. Отъ поля онъ, вѣроятно, отдѣлялся валомъ, слѣдовъ котораго, однако, не уцѣлѣло, есть только небольшой ровъ. „Подъ м. Сребнымъ, въ верху отъ онаго, надъ р. Лысогоромъ, стоитъ *древняя земляная крѣпость*, длиною 192, а шириною 152 с. Она вся пашется, и валъ мѣстами уже мало виденъ". Шафонскій, стр. 556 и стр. 527.

[2]) Близъ сс. Иванковцевъ и Дегтярей на р. Лисогорѣ, лежитъ островъ въ лѣсу; на этомъ островѣ было городище: валъ земляной и на немъ остатки стѣнъ. Никто не знаетъ ни когда онъ устроенъ, ни-какъ его названіе. Шафонскій, стр. 506. На картѣ Beuplan'a XVII в., указаны слѣдующія городища: H. Bialavies, Sambory H. Targovice H. Городище у Бѣлой-Вѣжи едва сохраняетъ свои остатки: это два параллельные рва и при нихъ отрѣзокъ вала съ нѣсколькими курганами вокругъ. Остальное—сглажено временемъ. Городище близъ Самбора правильной круглой формы. Такое же городище находится и у Гиревки. Особенно интересно городище у с. Кошаръ. Оно обширныхъ размѣровъ, круглой формы, съ хорошо сохранившими валами.

[3]) „На р. Переводѣ, за Прилукою, между Погребами, Николаевской и Поддубновкой, на островѣ, стоитъ старый большой земляной валъ, въ которомъ, по преданіямъ прилуцкихъ жителей, былъ городъ, назыв. Край-Городъ. На р. Переводѣ подъ симъ городищемъ стоялъ каменный мостъ, по которому изъ Прилукъ въ Кіевъ лежала въ древности дорога". Шафонскій, стр. 506, Маркевичъ. Рѣки Полтав. губ., стр. 386. Городище возлѣ сс. Поддубновки и Николаевски четыреугольное съ двумя въѣздами. На сѣвер. краяхъ находится много черепковъ поливяныхъ и простыхъ, разнообразныхъ формъ и цвѣтовъ. Замѣтки (рукопись) В. Б. Антоновича.

[4]) Замѣтки (рукопись) В. Б. Антоновича. Остатки городищъ въ Яблоновѣ и Оржицѣ сохранились до настоящаго времени. Мы лично имѣли возможность удостовѣриться въ этомъ.

[5]) Городище круглой формы съ высокимъ валомъ, и глубокимъ рвомъ. Самоквасовъ. Древніе города въ Россіи. Приложенія, стр. 23.

[6]) Петровское городище, круглой формы, расположено среди болота р. Супоя, окружающаго его со всѣхъ сторонъ. Оно помѣщается на возвышеніи. Площадь городища, обведенная вокругъ валомъ, равна двумъ десятинамъ. Внутри валъ высотой въ 1—2 арш. и наружу—8—12 арш., насыпь изъ песчаной земли. Рукопись В. Б. Антоновича. Самоквасовъ. Древніе города Россіи, приложенія, стр. 23.

теченію этой рѣки, но мы знаемъ изъ нихъ только одно въ м. *Ташани* и другое близъ *Бубнова*, при устьѣ р. Супоя [1]). Что касается р. Трубежа, то и здѣсь, какъ и на его притокахъ, существуютъ городища: въ верхнемъ теченіи: въ м. *Бобровицѣ*, и въ $1^1/_2$ в. отъ послѣдняго [2]), затѣмъ въ *Заворичахъ*, у с. *Ядловки*, въ *Барышевкѣ* и въ *Переяславлѣ* [3]).

Если мы прибавимъ къ вышесказанному нѣсколько городищъ, у сс. *Вигуровщины*, *Вишенекъ*, *Воронькова* [4]) и пр., расположенныхъ у западныхъ окраинъ Переяславльской территоріи, то мы исчерпаемъ главнѣйшій матеріалъ по этой части. Мы замѣтимъ при этомъ, что вблизи многихъ изъ приведенныхъ выше городищъ находились курганы со слѣдами древней жизни. Такимъ образомъ, большое количество уцѣлѣвшихъ до нашихъ дней городковъ и другихъ земляныхъ насыпей на Переяславльской территоріи, говоритъ въ пользу того, что послѣдняя была сравнительно густо населена съ древнѣйшихъ поръ, и что населеніе, упорно сохраняя разъ занятыя мѣста, подъ защитой земляныхъ стѣнъ, медленно подвигалось впередъ, завоевывая все большее и большее пространство удобной для осѣдлой жизни земли. Всматриваясь въ характеръ земляныхъ насыпей, находящихся въ Приднѣпровьѣ, въ восточной и западной части послѣдняго, мы замѣчаемъ, что длинные валы полукругомъ огибаютъ сравнительно небольшую территорію прилегающаго къ берегу Днѣпра пространства, затѣмъ они расширяютъ ея предѣлы, охватывая уже больше земли, замыкая ее вторымъ полукружіемъ валовъ и такъ далѣе. Послѣдній, обширный валъ, безъ сомнѣнія возникъ позже, когда пришлось защищать раздвинувшееся, разселившееся въ разные концы населеніе. Въ той мѣстности, которая, по своимъ условіямъ, не позволяла устраивать безпрерывныхъ валовъ, мы видимъ систему защиты страны при помощи густо поставленныхъ крѣпостей—городищъ, въ перемежку связанныхъ сравнительно недлинными валами. Слѣдовательно, первоначально защищалась главнымъ образомъ прилегающая къ Днѣпру территорія, а за-

---

[1]) Максимовичъ. Собр. сочин., т. I, стр. 764, 765. „Ташань еще въ исходѣ прошлаго столѣтія называлась Городищемъ, — говоритъ Максимовичъ. Безъ сомнѣнія, это одинъ изъ древнихъ городовъ украинскихъ“. Максимовичъ. Собр. Соч., т. II, с. 348. Возлѣ *Бубновой Слободки* есть городище, относящееся къ княжеской эпохѣ. Скелеты въ немъ лежатъ головою на юго-западъ. Замѣтки (рукопись) В. Б. Антоновича.

[2]) Городокъ въ м. Бобровицѣ имѣетъ въ окружности около 2 верстъ; высота насыпи 3 сажня. Городище, отстоящее отъ м. Бобровицы на $1^1/_2$ в., окружено двумя валами съ промежуткомъ для воротъ. Д. Самоквасовъ. Древніе города Россіи, прилож., стр. 23.

[3]) Городокъ въ с. Заворичахъ находятся возлѣ болота „Трубайла“. Онъ круглой формы Д. Самоквасовъ. Древ. города Россіи, прилож. стр. 23.

[4]) Въ м. Вороньковѣ (Переяс. у.) есть круглое городище и въ разстояніи $^1/_4$ в. подъ лѣсомъ—группа кургановъ, до 40 Замѣтки (рукопись) В. Б. Антоновича.

тѣмъ уже и окружающія земли. Это мы замѣчаемъ вокругъ г. Кіева и вокругъ Переяславля: и тотъ и другой отцѣпляются сначала однимъ, а потомъ—другимъ рядомъ валовъ. Слѣдовательно, валы насыпало то населеніе, которое болѣе всего было заинтересовано Днѣпромъ въ торгово-промышленномъ отношеніи, а это, безъ сомнѣнія, произошло гораздо раньше лѣтописной даты о времени возникновенія русскаго государства. Оттого мы и видимъ, что вблизи этой интенсивно пульсирующей, въ то время существенно важной и особенно энергичной артеріи народной жизни, уже очень рано появляются крупные населенные пункты.

Такимъ образомъ мы обозрѣли большую половину укрѣпленныхъ пунктовъ Переяславльской земли, какъ въ средней ея части, такъ и по окраинамъ, на границѣ со степью, вѣчно шумѣвшей прибоемъ безконечныхъ волнъ кочевыхъ народовъ, постепенно смѣнявшихъ другъ друга. Это неумолкаемая борьба кочеваго міра съ осѣдлымъ разыгривалась съ потрясающимъ драматизмомъ въ широкой предстепной окраинѣ Русской земли, грудью выдерживающей натискъ дикихъ кочевниковъ.

Съ древнѣйшихъ поръ, вслѣдствіе болѣе или менѣе благопріятныхъ географическихъ условій, осѣдлое населеніе сгруппировывалось вблизи р. Днѣпра, Десны, вообще неподалеку отъ тѣхъ мѣстъ, которыя издавна были извѣстны своимъ выгоднымъ стратегическимъ или же удобнымъ для торгово-промышленныхъ цѣлей положеніемъ. При описаніи рѣчныхъ путей на югѣ Россіи, мы уже говорили о громадномъ значеніи ея крупныхъ рѣкъ, какъ Днѣпръ, Донъ, Бугъ и пр. По этимъ главнымъ путямъ постоянно циркулировало торговое движеніе народовъ, теряющее свое начало въ туманной дали прошедшихъ вѣковъ.

Здѣсь же полагала свое начало и осѣдлость въ странѣ, и такая зависимость населенія отъ главной водной артеріи весьма рельефно выступаетъ при разсмотрѣніи общественной и политической группировки въ Приднѣпровьи, какъ въ восточной, такъ и въ западной ея частяхъ: населеніе правой стороны Днѣпра тянетъ къ своему центру—Кіеву, населеніе лѣвой стороны, хотя и отдаленное отъ Днѣпра, тянетъ къ Переяславлю, а послѣдній—къ Кіеву, указывая тѣмъ на свою тѣсную связь и зависимость отъ приднѣпровскихъ главныхъ пунктовъ. Основавшись вблизи Днѣпра, осѣдлость начинаетъ мало по малу раздвигаться въ стороны; прежнія узкія рамки, огражденныя огромными валами, уже не могутъ вмѣстить всего населенія, которое поэтому и разселяется вокругъ, продолжая, однако, вслѣдствіе большой опасности со стороны враговъ, защищаться земляными окопами, являющимися то въ видѣ незначительныхъ по размѣру городищъ, то въ видѣ длинныхъ валовъ, тянущихся на цѣлыя

версты, то въ видѣ громадныхъ окоповъ съ высокими валами, рвами, сторожевыми курганами и проч.

Подробное обозрѣніе остатковъ древнихъ городищъ позволяетъ намъ сдѣлать болѣе или менѣе, правдоподобный выводъ, что славянское осѣдлое населеніе Переяславльской земли болѣе плотно сгруппировывалось въ западной ея части, заключенной между Десной, Днѣпромъ и Сулой; въ восточнмъ же отдѣлѣ находилось разсѣянное небольшими поселками населеніе, ютившееся въ удобныхъ, болѣе или менѣе безопасныхъ мѣстахъ.

Западная половина Переяславльскаго княжества почти всегда тянула къ Кіеву, въ рукахъ котораго находились не только великій водный путь на греки, но и другіе пути, пересѣкающіеся недалеко отъ Кіева. Эта часть Переяславльскаго княжества издревле принимала дѣятельное участіе въ томъ оживленномъ торговомъ движеніи, какое происходило по берегамъ Днѣпра съ древнѣйшихъ временъ. Оттого, по берегу этой рѣки и вблизи нея, въ удобныхъ для осѣдлости мѣстахъ, возникаетъ рядъ городовъ, теряющихъ время своего основанія въ отдаленномъ прошломъ.

Мы постараемся сдѣлать краткій очеркъ городовъ, селъ и другихъ населенныхъ пунктовъ на территоріи Переяславльскаго княжества. Главное историческое ядро послѣдняго находилось, какъ извѣстно, въ западной его части, доходя приблизительно до теченія р. Сулы, которая была лучшей его защитой съ востока, со стороны степи. Поэтому мы и займемся описаніемъ тѣхъ населенныхъ мѣстъ, которыя находились въ этомъ, сравнительно лучше обставленномъ районѣ Переяславльскихъ земель.

Прежде всего мы разсмотримъ главный пункъ, столицу княжества,—г. *Переяславль*. Это—одинъ изъ древнѣйшихъ и значительнѣйшихъ городовъ Русской земли. Онъ расположенъ недалеко отъ Днѣпра, при впаденіи р. Альты въ Трубежъ. Древнѣйшая укрѣпленная часть г. Переяславля занимала тотъ выступъ, мысъ, который находится при сліяніи Трубежа съ Альтой. Время возникновенія этого города теряется въ отдаленной древности. Мы не имѣемъ никакихъ прочныхъ основаній, чтобы точно опредѣлить, когда и по чьему почину возникъ г. Переяславль, такъ какъ у насъ нѣтъ ни своихъ, ни чужеземныхъ письменныхъ или иныхъ достовѣрныхъ памятниковъ, относящихся къ вышеназванному вопросу. Г. Переяславль упоминается уже на первыхъ страницахъ нашей лѣтописи. Существуетъ разсказъ въ первоначальной лѣтописи о томъ, что Переяславль основанъ въ 993 году Владиміромъ св., который, встрѣтясь здѣсь съ печенѣгами, побѣдилъ послѣднихъ, послѣ того какъ южно-русскій богатырь, Янъ Усмошвецъ, одолѣлъ печенѣжскаго силача, и что Владиміръ въ память объ этомъ

событіи, назвалъ вновь выстроенный городъ Переяславлемъ,—„зане переялъ славу отрокъ тотъ“—повѣствуетъ лѣтопись[1]). Такимъ образомъ, лѣтопись приписываетъ возникновеніе г. Переяславля побѣдѣ князя Владиміра св. надъ печенѣгами. Но съ этимъ врядъ-ли можно согласится. Не говоря уже о томъ, что самый разсказъ о борьбѣ съ печенѣжскимъ богатыремъ много похожъ на заимствованіе въ описаніи сюжета борьбы изъ другихъ источниковъ (Іоанна Малалы)[2]),—и что онъ мало согласенъ даже съ тѣмъ, что старался доказать составитель лѣтописи[3]),—противорѣчія открываются въ лѣтописи сами собою, и лѣтописецъ, безъ сомнѣнія, со всею наивностью, не замѣтилъ ихъ.

Прежде всего—упоминаніе о существованіи г. Переяславля встрѣчается въ той же лѣтописи, но только значительно раньше 993-го года. Подъ 907 годомъ лѣтопись разсказываетъ о томъ, какъ Олегъ, послѣ побѣды надъ греками у Царь-Града, обязалъ ихъ выдавать такъ называемые „уклады“ т. е. опредѣленныя суммы денегъ, на русскіе города: на Кіевъ, Черниговъ, *Переяславль*, Любечъ и проч.[4]). Второе лѣтописное сообщеніе о Переяславлѣ до 993 года мы находимъ въ той же лѣтописи подъ 945 годомъ, гдѣ, въ договорѣ руссовъ съ греками сказано: „да послетъ царство ваше (русское) да испишетъ имена ихъ, и тогда възмутъ мѣсячьное свое, і посли слѣбное свое, а гостье—мѣсячное свое: первое отъ града Кіева, и паки ис Чернигова и ис *Переяславля* и прочии городи“[5]). Слѣдовательно, неоднократное

---

[1]) Ипат. л., стр. 83—85.

[2]) Ф. Терновскій. Изученіе визант. исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси. Кіевъ 1875 г., стр. 8, 9.

[3]) Объясненіе происхожденія названія Переяславль отъ слова *переять* и *слава*—наивно, т. к. Владиміръ, обязанный Усмошвецу побѣдой, несомнѣнно назвалъ бы городъ его именемъ (Янъ) или же прозвищемъ (Усмошвецъ). Скорѣе всего, это названіе могло образоваться отъ собственнаго имени, какъ вообще произошли многія имена городовъ и селъ, напр. Рославль, Мстиславль, Ярославль, Владиміръ и проч. Названіе *Переяславль* производятъ отъ собственнаго имени существительнаго *Преславъ* или *Предславъ*, отъ котораго могло образоваться прилагательное *Переславлинъ*, сокращенное *Переславль* или *Предславль*, перешедшее позже въ *Переяславль*. Подходящее къ послѣднему названіе собственнаго имени „*Предслава*“ всрѣчается уже въ лѣтописи; въ договорѣ Игоря съ греками 944 г. упоминается посолъ „передъславинъ“; т. е. вѣроятно, одно изъ лицъ княжеской семьи. У Владиміра св. была дочь Предслава. См. Чтенія въ Историч. Общ. Нест. лѣт., к. II, стр. 88, ст. Бережкова. Писать „Переяславъ“—столь же неправильно, какъ неправиленъ въ объясненіи названія г. Переяславля и лѣтописный домыселъ *переять славу*.

[4]) „И заповѣда Олегъ... даяти угдады на Русскіе городы: пѣрвое на Кіевъ, тоже на Черниговъ, и на *Переяславль* и на Польтескъ, и на Ростовъ, и на Любечъ, и на прочія городы: по тѣмъ бо городамъ сидяху князья подъ Ольгомъ суще“. Ипат. лѣт., стр. 18.

[5]) Ипат. лѣт., стр. 30.

упоминаніе о г. Переяславлѣ до 993 года уничтожаетъ правдивость объясненія лѣтописи о времени возникновенія названія г. Переяславля. Кромѣ вышеприведенныхъ указаній о существованіи Переяславля раньше 993 года, мы имѣемъ объ этомъ еще одно лѣтописное извѣстіе. Такъ, лѣтопись, передавая о построеніи Владиміромъ св. городовъ на Руси, по рѣкамъ,—относитъ эти работы непосредственно вслѣдъ за крещеніемъ (988 г.): „не добро есть мало городовъ около Кіева, сказалъ Владиміръ, и нача ставити городы по Деснѣ, и по Устри и Трубешеви, и по Сулѣ, и по Стугнѣ“ [1]).

Если города ставились по р. Трубежу, то г. Переяславль, судя по важности своего положенія, долженъ былъ возникнуть однимъ изъ первыхъ: близость Днѣпра, существованіе вблизи послѣдняго осѣдлаго населенія (разсказъ старика отца Яна Усмошвеца) и удобство стратегическаго положенія этого города—много говорятъ въ пользу вышесказаннаго. Да и потомъ, въ болѣе позднюю пору, мы что-то не видимъ другихъ городовъ по р. Трубежу, кромѣ Переяславля. Такимъ образомъ, опираясь на вышесказанное, можно полагать, что г. Переяславль существовалъ гораздо раньше лѣтописной даты не только 993, но и 907-го годовъ, Является вопросъ: когда же именно возникъ г. Переяславль, или къ какому, наконецъ, времени можно приблизительно отнести его основаніе? Отвѣтить въ положительномъ смыслѣ, точно, на эти вопросы, конечно, нельзя, т. к. не только о Переяславлѣ, но даже о Кіевѣ мы не имѣемъ точныхъ данныхъ, могущихъ объяснить намъ время его возникновенія. Не смотря на это, мы вправѣ прибѣгнуть къ догадкамъ и предложеніямъ, которыя, при сопоставленіи ихъ съ соотвѣтствующими условіями, могутъ приблизительно помочь разъясненію поставленнаго вопроса.

Слово „*Переяславль*“—несомнѣнно славянскаго корня. Населенныя мѣста съ названіемъ Переяславль встрѣчаются, кромѣ Россіи, еще и въ другихъ мѣстахъ, нѣкогда имѣвшихъ или даже и теперь имѣющихъ славянское населеніе. Такъ, на Дунаѣ, во время Святослава мы видимъ Великую и Малую Преславы или же Переяславецъ лѣтописи. Затѣмъ у прибалтійскихъ славянъ, къ юго-западу отъ г. Штетина, существуетъ, не смотря на полное онѣмеченіе края, еще и до сихъ поръ г. Преяслау, именуемый иногда Пренцлау [2]). Послѣдній городъ неод-

---

[1]) Ипат. лѣт., стр. 83.

[2]) Prenzlau, dieser Stadtname ist alter Wahrcheinlichkeit nach ursprünglich der Mannesname przemyslaw im Gmenoslow 6, 81. primislaw. Der höhmische Lexicograph. Jungmann bezeichnet Prenzlau durch Przemyslaw... Przemyslav... Premysl=scharfsinnig αγχενος *Cedex Pomcraniae diplomaticus*. Herausg. von d-r K. Tr. W. Hasselbach.. Erste Band, 1862, p. 30, 81, 83, 153.

нократно упоминается въ актахъ XII ст. въ Помераніи[1]); слѣдовательно, онъ существовалъ здѣсь уже съ очень давнихъ временъ.

Такимъ образомъ, съ названіемъ, „Переяславль“ мы встрѣчаемся въ трехъ различныхъ мѣстахъ: въ Россіи (на Днѣпрѣ и близъ Оки и Волги), въ Помераніи, нѣкогда занятой славянами, и на Дунаѣ [2]). Всѣ вышеназванныя мѣста, какъ извѣстно, издавна были заняты славянскими племенами; всѣ эти мѣста, кромѣ того, издревле были славны своей торговлей. Днѣпровскій и Дунайскій Переяславли, кромѣ того, были чрезвычайно важны для прилегающей къ нимъ территоріи. Въ ихъ рукахъ сосредоточивались интересы окружающихъ земель. Необходимо поэтому обратить вниманіе на причины, въ зависимости отъ которыхъ возрастало значеніе и вліяніе этихъ городовъ. Прежде всего, на поднѣпровскій Переяславль, оказывалъ большое вліяніе Днѣпръ, которымъ шелъ древнѣйшій торговый путь на югъ и сѣверъ. Здѣсь получило развитіе и русское государство, основавшись вблизи узла торговыхъ путей—г. Кіева. Но если г. Кіевъ получилъ свой ростъ и значеніе благодаря тому, что былъ расположенъ въ чрезвычайно удобномъ пунктѣ, то, конечно, тѣмъ же можно объяснить и возникновеніе г. Переяславля, какъ передоваго пункта, складочнаго мѣста для идущихъ въ средину Руси товаровъ. Но не только торговыя цѣли ставили Переяславль на очень видную роль; еще больше онъ цѣнился, какъ удобный стратегическій пункъ, защищавшій собою Русскую землю съ востока. Поэтому за Переяславлемъ издавна утвердилось и долго оставалось неизмѣннымъ серьезное вліяніе на дѣла Руси. Онъ былъ въ одинаковой степени важенъ и для Кіева, и для Чернигова. Земли обоихъ онъ защищалъ отъ враговъ, охранялъ ихъ торговые пути [3]). Кромѣ того, Переяславльскій край, вслѣдствіе расположенія своихъ рѣкъ, былъ какъ бы посредникомъ въ дѣлахъ сосѣднихъ земель. Онъ поэтому справедливо можетъ быть названъ ключемъ къ Русской землѣ, его правой рукой, безъ устали защищавшей родную землю отъ безпрестанныхъ набѣговъ кочевыхъ народовъ.

Такимъ образомъ, мы можемъ полагать, что возникновеніе города въ такомъ пунктѣ, какъ Переяславль, обусловливалось какъ торговыми, такъ и стратегическими цѣлями. Слѣдовательно, прочное водвореніе славянской осѣдлости въ Приднѣпровьѣ было приблизительно временемъ, когда основался крупный поселокъ, превратившійся

---

[1]) Ibidem.

[2]) Въ Россіи мы знаемъ три Переяславля: Переяславль Южный или Русскій, Переяславль Рязанскій и Переяславль Залѣскій; вблизи Дуная находились Великая и Малая Предслава.

[3]) Ипат. л., стр. 18 и 30.

потомъ въ укрѣпленный городъ. Когда осѣдлое населеніе стало устанавливаться болѣе или менѣе прочно въ Приднѣпровьѣ, въ удобныхъ мѣстахъ начали возникать города, какъ центры для обмѣна туземныхъ произведеній на привозныя изъ другихъ странъ, и какъ защита окрестнаго населенія отъ враговъ. Отсюда возникновеніе Переяславля со своимъ послѣднимъ названіемъ находится въ тѣсной зависимости отъ развитія осѣдлой, а затѣмъ и государственной жизни славянъ на берегахъ Днѣпра. Можно полагать поэтому, что Переяславль существовалъ уже гораздо раньше лѣтописной даты, и что онъ возникъ почти одновременно съ Кіевомъ или же нѣсколько позже его [1]), когда славянскія племена прочно осѣлись на занятыхъ ими земляхъ, проявивъ попытки къ формированію болѣе или менѣе крупнаго государственнаго тѣла. Вотъ для охраны этой разроставшейся все больше и больше осѣдлости и государственности въ Приднѣпровьѣ и для регулированія своихъ отношеній со степью и былъ необходимъ такой выдвинутый въ степь, укрѣпленный пунктъ, какъ Переяславль. Важную, защитительную роль со стороны степи и исполняетъ этотъ городъ въ теченіе довольно значительнаго промежутка времени. Понятны отсюда и тѣ работы о Пореяславлѣ со стороны кіевскихъ князей, которые зорко наблюдаютъ за интересами его. Во времена Олега, на Переяславль идутъ „уклады“ отъ грековъ; тѣ же заботы видны и при Игорѣ [2]).

При Владимірѣ св. Переяславль уже важный стратегическій пунктъ, сильно укрѣпленный въ виду его близости со степью. По всей вѣроятности, Владиміръ св. 993 году только возобновилъ и расширилъ укрѣпленія города, которыя до того не были цѣлесообразно устроены [3]). Въ 1008 году здѣсь была выстроена каменная церковь Возвиженья Честнаго Креста Господня [4]). Вблизи г. Переяславля, съ юго-восточной стороны, отъ Днѣпра по направленію къ сѣверо-востоку и затѣмъ— къ западу идутъ два земляныхъ вала, довольно значительныхъ по своей высотѣ и протяженію. Не рѣшая вопроса о времени возведенія этихъ (въ народѣ—зміевыхъ) валовъ, и аналогично сопоставляя ихъ съ такими же валами Кіевской губ., можно замѣтить, что ровъ и валы эти устроены съ оборонительною цѣлью.

---

[1]) Ибнъ-Даста, жившій въ X в., говоритъ что руссы имѣли у себя много городовъ и вели обширную торговлю. Гаркави, стр. 268.

[2]) Мы не можемъ ничего возразить противъ того, что, быть можетъ, на мѣстѣ Переяславля находилось раньше какое либо другое поселеніе (хотя бы и не въ видѣ города) древнѣе славянской эпохи, но этотъ вопросъ насъ не касается, такъ какъ мы разсматриваемъ *поселеніе съ названіемъ Переяславль.*

[3]) Мы видимъ и въ другихъ мѣстахъ, что князья строятъ города не въ прямомъ смыслѣ основанія ихъ, а въ этомъ именно, то есть — въ смыслѣ построенія крѣпости.

[4]) Сводная лѣт., стр. 104.

При Ярославѣ I значеніе Переяславля еще болѣе увеличивается. Проводя идею единства въ Русской землѣ, Ярославъ Мудрый опредѣлилъ г. Переяславль въ удѣлъ своему любимому сыну Всеволоду, который долженъ былъ вести безпрестанную войну съ вѣчно волновавшеюся степью. При такой видной политической роли, г. Переяславль былъ не менѣе важенъ и въ религіозномъ отношеніи, т. к. отсюда было весьма удобно насаждать ученіе Христа среди кочевниковъ сосѣдей. Кромѣ того, г. Переяславль оказывалъ сильное вліяніе въ религіозномъ отношеніи и на разсѣянное въ степи населеніе славянской крови. Послѣднее постоянно выказывало свое тяготѣніе къ Переяславлю, являющемуся такимъ образомъ связующимъ элементомъ среди разбросаннаго въ степяхъ русскаго населенія. Оттого на этотъ городъ обращаютъ вниманіе и князья, и духовенство. Когда произошла распря въ семьѣ Ярослава I, окончившаяся изгнаніемъ Изяслава изъ Кіева и водвореніемъ въ послѣднемъ Святослава, Всеволодъ занялъ Черниговъ, а его сынъ, Владиміръ Мономахъ,—Переяславль. Впрочемъ, Мономахъ весьма часто отлучался изъ вышеназваннаго города, который, въ виду своего положенія, не могъ оставаться безъ надзора. Тогда церковные іерархи сами заботятся о нуждахъ его. Такъ, въ 1089 г. епископъ Ефремъ, по словамъ лѣтописи, окончилъ въ Переяславлѣ обширную церковь во имя св. Михаила, которую украсили всякими украшеніями и церковными сосудами [1]). Въ соотвѣтствіи съ этимъ идутъ и заботы объ укрѣпленіи города.

Возобновленныя Переяславльскія укрѣпленія были надежнымъ оплотомъ противъ враговъ: въ стѣнахъ города было 3 воротъ, изъ которыхъ первыя, *княжьи*, вѣроятно, находились въ сѣверной части стѣнъ, вторыя, *епископскія*,—вели на юго-западъ, къ Днѣпру, невдалекѣ отъ котораго возчикъ впослѣдствіи архіерейскій домъ въ с. Андрушахъ; третьи, *кузнечьи*, судя по разсказу лѣтописи, вели къ тому мѣсту, гдѣ теперь находится мостъ черезъ р. Трубежъ, при въѣздѣ въ Переяславль съ юго-востока [2]). Самая крѣпость, такъ называемый впослѣдствіи верхній городъ, была невелика, какъ вообще всѣ укрѣпленыя мѣста великокняжеской эпохи. Она помѣщалась на томъ участкѣ земли, который находится между рѣками Трубежемъ и устьемъ р. Альты, впадающей здѣсь въ Трубежъ. Окруженный валами, стѣнами, этотъ небольшой мысъ и былъ переяславльскимъ кремлемъ. Во-

---

[1]) П. С. Рус. Лѣт. I, стр. 89; Барсовъ. Матер. для—ист. г. слов., Рос., стр. 159.

[2]) „Того же лѣта (1136) приде Всеволодъ съ всею братьею, къ Переяславлю, и стояше подъ городомъ три дни; и бишася у епископскихъ воротъ, и въ княжихъ воротъ, и почутиша Ярополка идуча, идоша на верхъ Супоя и ту пристроившася дождаша ихъ". Ипат. л., стр. 214 „Изяславъ же перешедъ полкы своими, не всходя на гору и ста на лузи, противу Кузнечимъ воротамъ". Ипат. л., стр. 266.

кругъ кремля находился также городъ, защищенный уже менѣе сильно, носившій названіе посада или предгородія [1]).

Благодаря во время выстроенныхъ укрѣпленіямъ вокругъ Переяславля, этотъ городъ не легко могъ быть взятъ врагами. Такъ, когда Всеволодъ Ольговичъ въ 1136 г. напалъ съ войскомъ на Переяславль, послѣдній выдержалъ осаду и не сдался Ольговичамъ [2]).

Тѣмъ же объясняется удачный отпоръ врагамъ и въ другія времена: прочность Переяславльскихъ укрѣпленій была причиной того, что враги не сразу осмѣливались нападать на нихъ. Такъ, Юрій Долгорукій, воюя на югѣ, долго не рѣшался подступать къ Переяславлю, и послѣдній только тогда попалъ въ его руки, когда вышедшее изъ крѣпости войско Изяслава Мстиславича было разбито. Мы видимъ также, что г. Переяславль остается невредимымъ, даже въ то время, когда враги съ страшной силой свирѣпствуютъ вокругъ него [3]). Словомъ, до самаго грознаго нашествія татарской силы въ половинѣ XIII ст., г. Переяславль сдерживалъ своеволіе кочевниковъ, заставляя ихъ осторожно относиться къ твердынямъ этого города. Находившіеся въ Переяславлѣ епископы и князья дѣятельно заботятся объ укрѣпленіи его и о построеніи въ немъ церковныхъ и другихъ зданій. Въ 1090 г. митрополитъ Ефремъ окончилъ заложенную Владиміромъ Мономахомъ обширную церковь св. *Михаила*, которую по словамъ лѣтописца „украси всякою красотою и церковными сосуды“ [4]).

Въ 1098 г. Владиміръ Мономахъ воздвигъ въ Переяславлѣ церковь *Успенія* Псв. Богородицы на княжемъ дворѣ [5]). Кромѣ того, мы видимъ здѣсь также церковь *св. Іоанна* съ монастыремъ и крѣпкой темницей при немъ; въ послѣдней, въ 1146 году, послѣ бѣгства изъ Кіева, томился несчастный Игорь Ольговичъ, столь извѣстный своей трагической кончиной [6]). Въ окрестностяхъ г. Переяславля находились

---

[1]) „Вячьславъ и Изяславъ поидоста (въ 1151 г.) на Гюргя к Переяславлю, и братъ Изяславль Святополкъ и Берендичи, и пришедше бишася у Переяславля по два дни; третій же день ѣхаша по обычаю бится городу и пѣшцѣ выринушася на нѣ из города, и тако наѣхавъше на много избиша пѣшьцѣ и *передъгородие* пожгоша“. Ипат. л., стр. 306.

[2]) Ипат. лѣт. стр. 214.

[3]) Ипат. лѣт., стр. 143, 158, 161, 186, 188, 208, 219, 253 и проч.

[4]) Ипат. лѣт., стр. 146. Недавно, при производствѣ работъ по перестройкѣ новой Успенской церкви въ Переяславлѣ, были открыты остатки фундамента заложенной Мономахомъ церкви; форма и внутренее строеніе кирпича, а также — кладка стѣнъ изъ глыбъ дикаго камня, связанныхъ цементомъ, вполнѣ подтверждаютъ предположеніе изслѣдователей — проф. кіевск. дух. акад. Лашкарева и другихъ, о томъ, что это остатки Мономаховой церкви св. Михаила.

[5]) Ипат. лѣт. стр. 179.

[6]) Въ 1146 г. бѣжавшаго послѣ неудачной битвы подъ Кіевомъ Игоря (Ольговича), „емше въ болотѣ (Дорогижичьскомъ), приведоша къ Изяславу и посла и въ

монастыри: св. *Саввы*, *Рождества Пречистыя Богородицы* и св. мучениковъ *Бориса* и *Глѣба* [1]); въ послѣднемъ, по лѣтописнымъ извѣстіямъ, и скончался Владиміръ Мономахъ въ 1125 г. [2]). Борисоглѣбскій монастырь, по всей вѣроятности, стоялъ на берегу р. Альты, гдѣ погибъ св. Борисъ [3]).

Къ востоку и юго-востоку отъ Переяславля, начинаясь отъ Днѣпра, проходятъ два высокихъ земляныхъ вала со рвомъ на внѣшней (къ степи) сторонѣ. Эти валы, носящіе у мѣстныхъ жителей названіе „зміевыхъ валовъ", насыпанныхъ будто бы „Зміемъ", запряженнымъ въ плугъ, тянутся на довольно значительное разстояніе [4]). Валъ, расположенный ближе къ Переяславлю, называется теперь „большимъ валомъ", а другой, составляющій вторую дугу,—„малымъ валомъ". Первый, начинаясь у Днѣпра, на восьмой верстѣ перерѣзываетъ дорогу на Золотоношу и затѣмъ идетъ къ селу Малымъ Каратулямъ, а оттуда—къ с. Строковой. Указываютъ дальше на продолженіе этого большаго вала къ р. Супою [5]). Малый валъ отстоитъ на разстояніи 10 верстъ къ востоку отъ большого вала. Онъ также начинается у Днѣпра и сначала идетъ параллельно большому валу, а затѣмъ поворачиваетъ къ послѣднему и сходится съ нимъ у Стрюковой [6]). Такимъ образомъ, г. Переяславль имѣлъ значительное пространство земли, уже съ древнѣйшихъ временъ защищенной отъ нападеній враговъ. Съ сѣверной стороны окрестности Переяславля ограждались кромѣ того полосой дремучихъ лѣсовъ, до которыхъ и доходили вышеупомянутые валы. Объ этихъ валахъ нѣ-

---

монастырь на Выдобычь, и оковавъ и посла Переяславлю, и всади в порубъ в монастырь святаго Іоана" Ипат. л., стр. 233. Въ П. С. Р. Л. IX, 179, сказано: „всадиша его (Игоря) въ подъ клѣть каменъ у св. Іоанна въ монастыри". *Барсовъ*. Мат. для истор.—геогр. слов. Р., стр. 159.

1) См. Барсовъ. Матер. для истор.—геогр. словр. Р., стр. 160.

2) Лаврен. лѣт., с. 280.

3) Максимовичъ. Собр. сочин., II, стр. 334.

4) Преданіе о Переяславскихъ зміевыхъ валахъ, отличающееся нѣкоторыми варьянтами, въ основѣ передаютъ, что эти земляные валы сдѣланы чудовищнымъ „Зміемъ", котораго запрягли въ плугъ св. Кузьма и Демьянъ и провели такую земляную борозду до самаго Чернаго моря. (Максимовичъ. Собр. соч., II, стр. 341). Въ одномъ изъ варьянтовъ говорится, что Змій, проведши борозду до Чернаго моря, сталъ пить воду послѣдняго и до того напился, что лопнулъ и погибъ. Въ другомъ—что борозда проводилась для разграниченія земель, принадлежащихъ Змію и Кіевскому князю.

5) Максимовичъ, II, стр. 341.

6) Ibidem. Мѣстные жители передавали Максимовичу, что Бѣлое озеро, находящееся возлѣ Строковой, во время наводненія, соединяется притокомъ съ Трубежемъ возлѣ урочища Дубовая шея. Передавали также, что валъ идетъ отъ Ташани черезъ Выпозки, Помокли и Строкову до Дубовой шеи. Замѣтки (рукоп.) В. Б. Антоновича.

сколько разъ говорится въ лѣтописи: „въ се же лѣто (1095 г.) придоша Половцѣ Ітларь, Китанъ к Володимеру на миръ; і приде Итларь у городъ Переяславль, а Китанъ—ста *межи валома* с вои" [1]). Въ 1149 г., во время войны съ Изяславомъ Мстиславичемъ, Юрій Долгорукій, „стоя 3 дни у Стряквѣ, а четвертый день поиде отъ Стряквы мимо городъ, по зори, исполцився и ста *межи валома*" [2]).

Неподалеку отъ Переяславля къ востоку отъ послѣдняго, находился также и *Красный дворъ* княжескій, о которомъ есть указаніе въ лѣтописи [3]). Въ окрестностяхъ Переяславля, вѣроятно, на берегу Днѣпра, при устьѣ р. Трубежа находился и г. *Устье*, упоминаемый лѣтописью въ концѣ XI ст.: „въ 1096 г. воева Куря съ Половци у Переяславля и Устье пожьже" [4]). Извѣстный знатокъ южно-русской старины,—Максимовичъ, говоритъ, что во время одного изъ разливовъ Днѣпра, на прибрежной полосѣ послѣдняго обнаружился фундаментъ изъ кирпичей типичной формы и выработки великокняжеской эпохи. Здѣсь, по мнѣнію г. Максимовича, и находился г. Устье [5]). Къ юго-западу отъ Переяславля по пути къ Днѣпру, встрѣчается лѣтописная *Карань*, существующая и въ настоящее время: „Всеволодъ, оставшись на Днѣпрѣ... посла Святослава, брата своего, къ Переяславлю.... и поможе Богъ Андреевичемъ на Святослава, и гониша по нихъ до Корани" [6]).

Въ небольшомъ разстояніи отъ Переяславля находились *Стряковъ* (Стряква) и *Кудново*, упоминаемыя лѣтописью подъ 1149 годомъ. Строково находилось къ сѣверо-востоку отъ Переяславля, въ 15 верстахъ отъ послѣдняго. Оно лежало на той большой дорогѣ, которая вела къ Переяславлю съ сѣверо-востока: „Въ 1142 г. Игорь Ольговичъ восхотѣ ити къ Переяславлю и пришедъ ста Стрѣкви" [7]).

Изъ этого военнаго похода Юрія противъ племянника мы узнаемъ также мѣстоположеніе с. *Куднова* [8]).

Собираясь идти на Переяславль, противъ Изяслава Мстиславича, Юрій Долгорукій послалъ приглашеніе къ своимъ союзникамъ—полов-

---

[1]) Ипат. лѣт., стр. 158.

[2]) Ипат. лѣт., стр. 265.

[3]) Псл., VII, 44.

[4]) Ипат. л., стр. 161. Въ 1136 г. половцы опять сожгли г. Устье. Ник. л., с. 160.

[5]) Лавр. л., стр. 292: Ипат. л., с. 219; Максимовичъ. Собр. соч. II, стр. 353—355

[6]) Псл I, стр. 134. Корань—д. Корань переясл. уѣзда, надъ рѣкой того же имени. Карамзинъ. II, прим., стр. 108.

[7]) Псл., I, 135. Барсовъ. Матер. для истор.—геогр. слов. Р., стр. 191. Нынѣ с. Строкова (переяславл. уѣзда).

[8]) Разсказъ Ипатьевской лѣтописи о борьбѣ Юрія съ племянникомъ подъ Переяславлемъ отличается неясностью и видимыми пропусками. Для выясненія истины мы сопоставляли его съ извѣстіями другихъ лѣтописей.

цамъ идти на Переяславль; самъ же онъ не рѣшился безъ посторонней помощи осаждать этотъ городъ, а остановился на границѣ Переяславльскихъ земель, у Бѣлой-Вѣжи, гдѣ и простоялъ около мѣсяца. Но дѣло было серьезное: надо было спѣшить, чтобы не дать времени Изяславу заручиться союзниками и собраться съ силами. Юрій двинулся къ Супою, поджидая къ себѣ половцевъ: „И стояша у Бѣлывежи мѣсяцъ, съжидаючи къ себѣ Половецъ и отъ Изяслава покорения; и видѣвше, оже отъ Изяслава нѣту ни вѣсти, и оттолѣ поидоша Супоеви"... „и Половци дикиѣ придоша к Гюргеви ту на Супой многое множьство... Дюрги же рече: поидемъ Переяславлю, тути ему прити да негли ту покоритися, и пришедше сташа у *Кудьнова* сельца, перешедше Стряковъ" [1]). Въ Воскресенской лѣтописи сказано: „и пришедше сташа у *Куднова* сельца, и перешедше Стряковъ сташа" [2]). Слѣдовательно, Строковъ находится за Кудновымъ, къ западу, а не впереди него, какъ это поставлено въ Ипатьевской лѣтописи. Дѣйствительно, на Супоѣ есть мѣсто, называемое Шкудановской — по своему звуку сходное съ Кудновымъ. Такимъ образомъ, мы помѣщаемъ лѣтописное *Кудново* на правой сторонѣ Супоя, невдалекѣ отъ лежащей на послѣднемъ деревни Шкудановка, которая, вѣроятно, была выселкомъ изъ Куднова, находившагося гдѣ-то вблизи. Мы вполнѣ соглашаемся въ этомъ случаѣ съ г. Барсовымъ, который, не умѣя точно опредѣлить это мѣсто, говоритъ однако, что судя по ходу дѣлъ, его надо искать гдѣ-то къ юго-востоку отъ Переяславля [3]). Дѣйствительно, ходъ движеній противниковъ (Юрія и Изяслава) много говоритъ въ пользу только что высказаннаго нами. Такъ, въ лѣтописномъ разсказѣ о приближеніи Юрія къ Переяславлю нѣтъ ни слова, никакого намека на валы, о которыхъ говорится дальше довольно ясно. Слѣдовательно, прибывъ въ Кудново, Юрій не переходилъ еще валовъ, потому что, вѣроятно, или самъ опасался осады, или же завлекалъ въ послѣднюю своего противника. Такая нерѣшительность въ поведеніи Юрія можетъ быть объяснена тѣмъ, что Юрію было желательно вызвать на бой противника, раздѣливъ предварительно силы послѣдняго. Вотъ почему, намъ кажется, можно объяснить пребываніе Юрія въ теченіи 3-хъ дней возлѣ Строковой, и только на четвертый день онъ рѣщился двинуться и стать „межи валома" [4]). Битва, какъ извѣстно, окончилась

---

[1]) Ипат. л., стр. 264.

[2]) Воскрес. лѣт., стр. 46.

[3]) Барсовъ. Матер. для ист.—геогр. слов. Рос., с. 109; Арцыбашевъ, II, стр. 731. Что стоянка Юрія была не близко отъ Переяславля, видно изъ отвѣта плѣннаго половчина. На вопросъ Изяслава: „отъ котораго есте станови-поѣхали?—половчинъ отвѣчалъ: „издалеча есми поѣхали"... Ипат. л., с. 265.

[4]) Ипат. л., стр. 265. Лавр. л., стр. 305.

пораженіемъ Изяслава, который бѣжалъ въ г. Каневъ [1]). Послѣднее обстоятельство еще болѣе убѣждать насъ въ томъ, что сраженіе происходило не вблизи Переяславля, а подальше отъ него, такъ что Изяславу было удобнѣе бѣжать въ близлежащее мѣсто, именно въ Каневъ, а не въ Зарубъ, не смотря на то, что Изяславъ все таки уходилъ въ Кіевъ [2]). Далѣе, подобное разсмотрѣніе мѣстности по нижнему теченію р. Супоя еще болѣе подтверждаетъ наше предположеніе относительно Куднова. Дѣйствительно, естественныя условія довольно хорошо защищали Переяславльскія окрестности съ сѣверной стороны; не говоря уже о валѣ, слѣды котораго указываютъ отъ м. Ташани, на Супоѣ, до р. Трубежа. возлѣ урочища Дубовой Шіи [3]), широкая полоса лѣсовъ и болотъ, значительные остатки которыхъ сохранились до настоящаго времени отъ сс. Сосновой и Помоклей до теченія Трубежа на западъ, прикрывала собою этотъ районъ съ сѣвера. Такимъ образомъ, отсюда трудно было ожидать нападенія враговъ. Оставалась еще восточная сторона, которая была слабѣе защищена рѣкой Супоемъ. Здѣсь-то и должны были находиться стратегическіе пункты, вблизи переправъ черезъ рѣку, безъ сомнѣнія, извѣстные врагамъ, сюда то и шелъ Юрій Долгорукій. Мы полагаемъ, что Кудново лежало гдѣ-то вблизи втораго вала—у с. Вергуновъ или же Чеботковъ [4]).

Что касается с. *Мажева*, то, судя по ходу лѣтописнаго разсказа, его также надо искать вблизи Переяславля. Съ большой вѣроятностью его можно видѣть въ нынѣшнемъ м. Глемязовѣ, находящемся въ тридцати слишкомъ верстахъ къ юго-востоку отъ Переяславля. Признавать лѣтописное Мажево въ нынѣшнемъ с. Мацковцахъ (Арцыбашевъ)—трудно: ходъ военныхъ дѣйствій указываетъ другое. Послѣ проигранной битвы на Рутѣ (1151 г.), Юрій бѣжалъ въ Переяславль, гдѣ и затворился. Союзники Юрія ушли въ Остерскій городокъ, Изяславъ Мстиславичъ пошелъ на Юрія, къ Переяславлю. Повидимому, Юрію также

---

[1]) Ипат. л., стр. 267. Лавр. л., стр. 306.

[2]) Ibidem.

[3]) Сочиненія М. Максимовича, т. II, стр. 341.

[4]) Въ Никоновской лѣтописи записано народное преданіе о переяславльскомъ богатырѣ, Демьянѣ Кудновичѣ, который разбивалъ цѣлыя полчища половцевъ. И теперь еще среди мѣстныхъ жителей сохраняется легенда о борьбѣ св. Кузьмы—Демьяна со Змѣемъ, при чемъ послѣдній былъ побѣжденъ Кузьмой, запряженъ въ плугъ, которымъ и проведены тѣ валы, что находятся въ окрестностяхъ Переяславля. Несомнѣнно, возникновеніе легенды относятся ко временамъ борьбы степняковъ съ утверждавшеюся здѣсь осѣдлостью. Интересно замѣтить, что малорусскій богатырь Чеботко (см. путешествіе Эриха Лассоты къ Запорожцамъ), очень схожъ по своей дѣятельности съ Кузьмой—Демьяномъ лѣтописи, и мы дѣлаемъ предположеніе, не есть ли нынѣшнее с. Чеботки древнее Кудново, и это тѣмъ болѣе, что неподалеку находится и д. Шкудановка.

было бы удобнѣе вмѣстѣ съ другими укрыться въ Остерскій городокъ, откуда ему все же было бы ближе и безопаснѣе бѣжать въ свои сѣверныя земли. Но Юрій почему то этого не сдѣлалъ. Очевидно, онъ надѣялся получить откуда-то помощь. Судя по прошлому, можно полагать, что онъ ждалъ помощи со стороны бѣжавшихъ союзниковъ, или же со стороны степи, отъ половцевъ [1]). Планъ этотъ былъ узнанъ, и противники Юрія рѣшили не допустить враговъ до соединенія съ Юріемъ и тѣмъ поставить послѣдняго въ безвыходное положеніе. Теперь Изяславъ идетъ къ Зарубу, переходитъ здѣсь Днѣпръ, въ намѣреніи, конечно, идти на перерѣзъ могущимъ явиться на помощь Юрію союзникамъ. Онъ доходитъ до Мажева, останавливается здѣсь лагеремъ, откуда „князья пріѣздяху биться къ городу",—говоритъ лѣтопись [2]), и эта подробность указываетъ, что Мажево находилось не особенно близко отъ г. Переяславля [3]). Слѣдовательно, Можево лежало на торной дорогѣ половецкихъ набѣговъ на Русскую землю, т. е. близъ того мѣста, куда раньше приходило многое множество половцевъ.

Почти одновременно съ извѣстіемъ о Кудновѣ и Мажевѣ въ лѣтописи встрѣчается упоминаніе о с. *Янчинѣ*, возлѣ котораго стоялъ Юрій Долгорукій въ 1149 году, передъ битвой съ племянникомъ Изяславомъ, и о *Строковомъ*: „А Гюрги, говоритъ лѣтопись, — стоя 3 дни у Стряквы, а на четвертый день поиде отъ Стряквѣ мимо городъ, по зори, исполцився, и ста межи валома... ста же полкы своими объ ону сторону Трубежа, за звѣринцемъ у рощенія... [4]). И бысть наутрея Изя-

---

[1]) Какъ извѣстно, половцы приходили часто на помощь къ Юрію въ 1150 г. „придоша половци въ помочь Дюргеви на Изяслава, и придоши Переяславлю". Ипат. лѣт., стр. 281.

[2]) Никон., лѣт. стр. 189; Воскрес. лѣт., стр. 55; Лавр. л., с. 317.

[3]) Карамзинъ, II, пр. 344; Барсовъ. Мат. для ист.—геогр. слов. Россіи, с. 121. Не есть-ли слово Глемязовъ, или Гельмязевъ, какъ его называютъ мѣстные крестьяне, испорченное, подъ вліяніемъ татаръ или иныхъ кочевниковъ, слово Мажево, которое по восточному, могло передаваться какъ El—Magew или же Al—Magewo. Въ книгѣ Большаго Чертежа это мѣсто называется Алмазово. Наше предположеніе относительно лѣтописнаго Мажева основывается главнымъ образомъ на томъ соображеніи, что столкновенія со степняками происходили большей частью по прямому пути изъ степей черезъ низовья р. Супоя, Сулы и ея притоковъ. Въ эти мѣста неоднократно являлись торки, половцы и проч. какъ для военныхъ, такъ и для мирныхъ цѣлей. См. Ипат. лѣт., с. 331, 379 и Лавр., л., с. 338.

[4]) Ипат. л., с. 265—6. Татищевъ (Ист. Рос. II, с. 344)—относительно расположенія Юрьевыхъ войскъ послѣ выхода изъ Стряквы—говоритъ, что „Юрій пошелъ мимо Переяславля, сталъ между валомъ и по оной странѣ Трубежа за звѣринцемъ у рощеня". Если такъ, то войско Юрія, заключавшее, кромѣ русскихъ силъ еще и половцевъ, растянулось, и одно крыло, именно половецкое придвинулось къ Трубежу, къ югу отъ Переяславля, гдѣ и затѣяло перестрѣлку; остальное же войско Юрія стояло за валомъ, позади Янчина. Ночью подошелъ къ „рощенію" и Юрій съ остальнымъ войскомъ, но затѣмъ онъ опять отступилъ за валъ, за Янчино.

славъ отслуша обѣдню у святомъ Михаилѣ... поиде противу Гюргеви. Дюрги же стояше за Янцинымъ селцемъ: и стояша противу себе и до вечернии" [1]). Очевидно, Юрій стоялъ между валами, а с. Янчино находилось у него впереди, что выясняется изъ дальнѣйшаго разсказа лѣтописи. Когда стало извѣстно, что Изяславъ выступилъ изъ города на Юрія, послѣдній поспѣшилъ перейти валъ и выстроилъ свои полки: „Изяславъ же, исполца полкы своя, выступи на поле, иде же есть Красный дворъ. Видивъ же Гюрги и Святославъ Ольговичъ и Святославъ Всеволодичь, оже полци идуть, и тако исполцивше полки своя, поидоша имъ, и *прошедше валъ* ту сташа" [2]). Слѣдовательно, Янчино было гдѣ-то за валомъ, и, правдоподобно, его можно видѣть въ дер. г. Каневскаго (прежде Яненки), расположенномъ въ 5 верстахъ отъ Переяславля, въ небольшомъ разстояніи отъ вала; отсюда древнее Янчино никакъ нельзя признавать въ м. Яненковыхъ Пологахъ, отстоящихъ къ юго-востоку отъ города, въ 25 верстахъ отъ послѣдняго [3]).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что вокругъ Переяславля существуетъ цѣлый рядъ заселенныхъ мѣстъ, преимущественно вблизи рѣкъ, т. к. внѣ послѣднихъ въ древній періодъ русской жизни, трудно было искать какихъ либо поселеній.

Если признавать на основаніи прочныхъ данныхъ существованіе укрѣпленной боевой линіи по теченію р. Трубежа, Сулы и проч., то и р. Супой можно считать въ числѣ второстепенныхъ боевыхъ линій Переяславльской земли. Дѣлать исключеніе въ этомъ отношеніи для р. Супоя едва-ли основательно: на Супоѣ, какъ и на другихъ рѣкахъ, должны были существовать поселки и укрѣпленія при нихъ. Дѣствительно, на нижнемъ теченіи р. Супоя мы видимъ древній *Песоченъ*, упоминаемый въ лѣтописи: „Въ то же лѣто (1172 г.) сѣдящю же Глѣбови Юрьевичю въ Кыевѣ на столѣ отнѣ и дѣднѣ, въ первое лѣто приде множьство Половѣць, раздѣлившеся на двое, — однии поидоша къ Переяславлю и сташа у Пѣсочна, а друзии поидоша по оной сторонѣ Днѣпра Кыеву и сташа у Корсуня [4]).

Далѣе, у самаго устья р. Супая, находится лѣтописная *Дубница*, нынѣ с. Бубново (Золот. у., Полт. губ. [5]). „Томъ же лѣтѣ (1155 г.) придоша изнова Половци на миръ и сташа по Дубницю оли до верхъ

---

[1]) Ипат. лѣт., стр. 265—266.

[2]) Ипат. л., стр. 267. Максимовичъ, II, 341.

[3]) Барсовъ. Матеріалы для ист. геогр. сл. Р., стр. 219; См. Арцыбашевъ: Ист. Р., стр. 116, примѣч. 741. На трехвестной картѣ Генер. Штаба х. Каневскаго названъ Яненками.

[4]) Ипат. лѣт., стр. 379.

[5]) Въ Кн. Больш. Черт. на устьѣ р. Супоя поставленъ г. Дубновъ, который, говоритъ Максимовичъ, сначала былъ Дубковымъ, а потомъ уже Дубновымъ. Максимовичъ, I, стр. 748 и II, стр. 347.

Супоя. Дюргий же скупяся съ сыновцемъ своимъ съ Ростиславомъ и с Владимиромъ, и съ Ярославомъ Изяславичемъ... поиде на снемъ къ Каневу" [1]). Въ виду того, что Юрій Долгорукій, узнавъ о приходѣ половцевъ, отправился для заключенія съ послѣдними мира къ Каневу, можно полагать, что и Дубница лежала гдѣ-то неподалеку отъ Канева, и никакъ не на р. Переводѣ, какъ это полагали г. Надеждинъ и Неволинъ [2]).

Но если укрѣпленные пункты находились на нижнемъ теченіи р. Супоя, то еще болѣе они должны были существовать и въ средней и верхней частяхъ послѣдняго. Нынѣшнее м. Ташань можетъ считаться за такой городокъ: „еще въ прошломъ столѣтіи, говоритъ г. Максимовичъ—оно называлось Городищемъ. Безъ сомнѣнья, это одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ украинскихъ, который я назову городкомъ Супойскимъ, въ отличіе отъ Остерскаго и Подкіевскаго. Отъ Переяслава до него верстъ 25" [3]).

Съ большою вѣроятностью можно полагать и лѣтописную *Черную Могилу*, гдѣ произошла встрѣча Изяслава и Ростислава Мстиславичей, въ одномъ изъ множества кургановъ, находящихся неподалеку отъ лѣваго берега верхняго Супоя [4]).

Мы не имѣемъ упоминаній лѣтописи о населенныхъ мѣстахъ въ верхнемъ теченіи р. Супоя; мы не сомнѣваемся, однако, что они тамъ существовали, и краснорѣчивымъ подтвержденіемъ вышесказаннаго служатъ остатки городищъ, о которыхъ мы упоминали выше. Но если у насъ нѣтъ подробныхъ свѣдѣній о верхнесупойскихъ городахъ, то продолженіе боевой линіи уже отмѣчено лѣтописью: на подходящей къ верховьямъ Супоя рѣчкѣ Рудѣ мы видимъ с. *Носово*, въ которомъ нельзя не видѣть нынѣшняго м. Носовки (Черниг. губ., Нѣж. у.). Въ 1747 г. Мстиславъ Изяславичъ нагналъ Глѣба Юрьевича у Носова на Рудѣ и захватилъ въ плѣнъ часть его дружины [5]).

Что касается *Нѣжатина*, упоминаемаго лѣтописью одновременно съ Городкомъ и Баручемъ, то, по всей вѣроятности, это нынѣшній городъ Нѣжинъ (черн. г.), лежащій на верхнемъ теченіи р. Остра. На основаніи того, что Нѣжатинъ упоминается на ряду съ двумя други-

---

[1]) Ипат. лѣт, стр. 331; Лавр. л., стр. 328.

[2]) Погодинъ, IV, стр. 280; въ опис. тарифа подымной подати 1631 г. оно названо miasteczko Bubnowo; на картѣ Beauplan'a—*Babauwka*.

[3]) М. Максимовичъ. Собр. соч., II, стр. 348.

[4]) Псл., П. 35; См. Шафонскаго, с. 446; Самоквасова. Древн. гор. Россіи. Сравн. Барсовъ, Матер. для ист-геогр. сл. Р., стр. 212.

[5]) Ипат. лѣт., стр. 253. Въ люстраціи остерскаго замка 1614 г. сказано: Pokazali potum dekret I. K. M., de data 14 Martii 1628, między panem Oleszkiem a bojary y meszczany Oztrskiemi o Nosowkę. Архив. юг.-з. Россіи, ч. VII, т. I, стр. 346.

ми вышеназванными городами, служившими опорными пунктами на пограничной полосѣ Переяславльскаго к-ва, можно полагать, что и Нѣжатинъ лежалъ гдѣ-то на границѣ Переяславльской земли [1]).

Естественныя условія, выгодныя для защиты этого мѣста отъ враговъ, вполнѣ согласуются съ мѣстоположеніемъ г. Нѣжина. Здѣсь былъ пунктъ, вблизи котораго пролегала дорога между верховьями рѣчекъ Остра и Удая. Понятно, возникновеніе укрѣпленія въ такомъ опасномъ пунктѣ было дѣломъ вполнѣ естественнымъ и настолько же необходимымъ, какъ и укрѣпленіе на устьѣ этой рѣки. Находящіяся неподалеку отъ Нѣжатина населенныя мѣста играютъ такую же защитительную роль, какъ и послѣдній. Таковы, Бахмачъ, Сиволожъ, Бѣлая-Вежа и проч. Кромѣ того, Нѣжатинъ лежалъ среди населеннаго участка Переяславльской земли, и враги неоднократно нападаютъ и разоряютъ и жгутъ все вокругъ него (1135 г. и 1137 г. и пр.). Что Нѣжатинъ находился на сѣверной окраинѣ Переяславльской земли, въ этомъ мы убѣждаемся изъ похода Изяслава Мстиславича 1147 года: „иде Изяславъ изъ Кіева на Лто, и оттолѣ иде къ Нѣжатину, а отъ Нѣжатина шедъ и ста у Русотины полки своими и оттуда посла Улѣба Чернигову“ [2]). Если принимать мнѣніе Максимовича на этотъ счетъ, то Изяславъ при движеніи къ черниговскимъ предѣламъ, сначала спустился внизъ по Днѣпру, къ с. Гнѣдину, а оттуда уже пошелъ къ Русатину или Русановкѣ на Трубежѣ [3]); но намъ не понятны такія большія отклоненія князя отъ прямого пути. Зная, что Изяславъ шелъ на помощь сѣверо-восточнымъ частямъ Переяславльской земли, въ Посемье, мы должны предположить, что онъ направлялся туда прямымъ путемъ и достигъ затѣмъ Посемья, гдѣ уже началъ распоряжаться сынъ его, Мстиславъ. Не видя нигдѣ враговъ и не получая извѣстій изъ Чернигова, Изяславъ послалъ въ послѣдній узнать о причинѣ всего этого; вскорѣ раскрылась передъ его глазами измѣна черниговскихъ князей, и Изяславъ поспѣшилъ возвратиться назадъ и остановился на Супоѣ, т. к. въ этой позиціи онъ могъ чувствовать себя болѣе или менѣе безопаснымъ [4]).

---

[1]) Аристовъ. О землѣ половецкой, стр. 4. Татищевъ говоритъ, что половцы въ 1135 году *взяли городокъ на Острѣ Нежатинъ*. Татищевъ, II, с. 248.

[2]) Ипат. лѣт., стр. 243.

[3]) Максимовичъ. II, с. 345.

[4]) Ипат. л., стр. 244. Никон. лѣт., стр. 174. Воскрес. лѣт. стр. 40. Сообщеніе нѣкоторыхъ лѣтописей о томъ, что кіевскій князь Изяславъ Мстиславичъ, узнавъ объ измѣнѣ черниговскихъ князей, возвратился немедленно же въ Кіевъ (см. Воскр. л., с. 40; Арцыбашевъ, с. 103)—малодостовѣрно. Въ Ипат., Лавр., Никон. и въ другихъ лѣтописяхъ дѣйствительно сказано, что Изяславъ возвратился назадъ—„вспять“, но это ничуть не значитъ еще, что онъ, не останавливаясь нигдѣ, удалился въ Кіевъ. Напротивъ, въ Никоновской лѣтописи сказано, что Изяславъ съ береговъ р. Супоя,

Что касается упоминаемаго въ лѣтописи, одновременно съ Нѣжатинымъ, *Русотина*, то мы расходимся съ тѣми изслѣдователями, которые видѣли Русатинъ въ нынѣшнемъ с. Русановѣ на р. Трубежѣ (Остер. у., Черниг. губ.). Судя по ходу лѣтописнаго разсказа, надо полагать, что Русатинъ находился гдѣ-то выше Нѣжатина, оставивъ который, Изяславъ, подстрекаемый черниговскими князьями, двигался на встрѣчу Юрію Долгорукому, который, по словамъ черниговскихъ, опустошалъ уже ихъ землю: „земля наша погибаетъ",—заявляли они и торопили Изяслава идти на помощь [1]). Изяславъ съ сыномъ, судя по разсказу лѣтописи, уже придвинулся къ Посемью, овладѣть которымъ было крайне необходимо, чтобы прервать связь своихъ противниковъ съ половцами, но нигдѣ не слышалъ ничего о жестокостяхъ и даже—о присутствіи враговъ [2]). Поэтому, былъ посланъ въ Черниговъ гонецъ разузнать, въ чемъ дѣло. Въ виду того, что Изяславъ ожидалъ ежеминутно встрѣтить враговъ, онъ двигался осторожно, подъ защитой укрѣпленій, куда онъ и спѣшитъ, какъ только являлась опасность. Изяславъ подошелъ къ Посемью и остановился у Русатина, который мы предполагаемъ въ с. Риботинѣ, лежащ. невдалекѣ отъ г. Коропа (Черниг. губ.). Въ этомъ насъ убѣждаетъ еще болѣе то

вторично, съ крестными грамотами, отправилъ своего посла въ Черниговъ, (Ник. лѣт., с. 174). Изъ Ипатьевской же лѣтописи, отличающейся большими подробностями, видно, что Изяславъ, повернувши обратно, послалъ Глѣба къ черниговскимъ не съ береговъ р. Супоя, а откуда то изъ другого мѣста, находящагося гдѣ-то выше послѣдней рѣки. Дѣйствительно, нельзя согласиться, чтобы Изяславъ, раскрывъ измѣну черниговскихъ князей и пославъ объ этомъ извѣстіе въ Кіевъ,—продолжалъ бы все таки двигаться впередъ, поближе къ землямъ Вятичей, которыя будтобы уже опустошались Юріемъ; напротивъ, получивъ извѣстіе объ измѣнѣ, онъ скорѣе, шелъ назадъ, подъ защиту своихъ болѣе или менѣе укрѣпленныхъ мѣстъ, достигнувъ которыхъ и чувствуя себя уже внѣ опасности, онъ и останавливается здѣсь лагеремъ. Слѣдовательно, Изяславъ въ моментъ полученія извѣстія объ измѣнѣ черниговскихъ князей находился гдѣ-то выше Супоя. Проф. П. Голубовскій говоритъ по этому поводу, что Изяславъ, во время своего движенія на помощь черниговскимъ, находился гдѣ-то недалеко отъ Чернигова. (Исторія Сѣверской земли, с. 131). Мы не знаемъ, на чемъ собственно основываетъ свое заключеніе г. Голубовскій. Князь Изяславъ съ дороги послалъ извѣстіе объ измѣнѣ въ Кіевъ; на Супой же онъ пришелъ позже, когда посланный въ Кіевъ гонецъ, спустя нѣкоторое время, возвратился и донесъ о мятежѣ въ Кіевѣ и объ убіеніи кіевлянами князя Игоря. Татищевъ прямо говоритъ, что Изяславъ, раскрывъ измѣну, возвратился назадъ къ Нежатину, откуда и былъ посланъ гонецъ въ Черниговъ съ крестными грамотами, самъ же Изяславъ еще глубже ушелъ въ свои земли и остановился на р. Супоѣ. (Татищевъ. Ист. Р., III, с. 306). Такимъ образомъ, г. Нежатинъ можно видѣть въ г. Нѣжинѣ, Черниг. губ.

[1]) Ипат. лѣт., стр. 243—244.

[2]) Сынъ Кіевскаго князя, Мстиславъ, занялъ въ это время города по Сейму (Курскъ, Путивль и пр.) и, очевидно, съ очень небольшимъ войскомъ. (Соловьевъ, II, с. 144).

обстоятельство, что Мстиславъ Изяславичъ не сталъ бы завоевывать Посемья, еслибы не надѣялся на помощь находящагося вблизи отца. Что такой путь на Посемье—вещь обычная видно изъ того, что въ 1159 году жена Изяслава бѣжала изъ Кіева, сначала въ Переяславль, и отсюда на Городокъ, на Глѣбль, Хоробръ (Коропъ, Черниг. г.) Ропескъ и пр. [1]).

Въ сѣверо-западномъ углу Переяславльскихъ земель находилась знаменитая крѣпость—*Городецъ Остерскій*, или же иначе—*Городокъ на Въстри* [2]), игравшій такую важную роль въ древнее время. Онъ лежалъ на устьѣ р. Остра, при впаденіи послѣдняго въ Десну, на возвышенномъ, чрезвычайно удобномъ для расположенія крѣпости берегу рѣки Остра [3]). Остерскій Городокъ былъ одинаково важенъ какъ для Кіева, такъ и для Чернигова, служа интереснымъ посредникомъ для нихъ обоихъ. Это обстоятельство дѣлало Остерскій Городокъ яблокомъ раздора между сосѣдними землями, представители которыхъ часто спорили у стѣнъ его. Здѣсь, можно сказать, была арена междоусобныхъ распрей среди князей удѣльно-княжескаго періода: укрываясь подъ защиту остерскихъ укрѣпленій, князья выжидали тамъ время для достиженія своихъ цѣлей. По лѣтописи, основаніе г. Остра относится ко временамъ Владиміра Мономаха: „того же лѣта (1098 г.) заложи Володимеръ Мономахъ городъ на Въстри"—говоритъ лѣтопись [4]). Нельзя, однако, считать это сообщеніе безусловно вѣрнымъ: мы знаемъ, что еще раньше, въ X в., Владиміръ св. ставилъ города по Деснѣ, Остру, Трубежу и проч. Слѣдовательно, Въстрскій Городокъ, какъ и другіе городки, возникъ раньше, и Владиміръ Мономахъ только возобновилъ укрѣпленія его или же выстроилъ новыя, болѣе прочныя. Юрій Долгорукій неоднократно укрывался въ Остерскомъ Городкѣ, когда ему приходилось бороться съ соперниками--Изяславомъ Мстиславичемъ и его союзниками. Понятно, во время междоусобій Горо-

---

[1]) Ипат. л., стр. 344. Собственное имя Русатинъ, очевидно, дошло до насъ въ испорченномъ переписками видѣ, т. к. въ одной лѣтописи оно читается Русатинъ, въ другой—Росатина, въ третьей—Роситинъ и пр.

[2]) Ипат. л., стр. 179, 221, 253, 256 и проч.

[3]) Въ люстраціи остерскаго замка 1628 г. говорится „Tak mam tedy ludzie starzy dali sprawę, że zamek Ostrski był przedtym pawyż nad rzeką Ostzem we trzesz milach od tega miejsca, gdzie teraz jest, jakoż pokazowali nam Horodyszcze bardzo wysokie, na ktorym powiadali, że tu był *zamek Ostrski*, ktory kiedy Tatarawie zburzyli, przeniesiony jest potem za Gastulta na gorę, ktora jest w widlach, z jednej strony rzeka Ostrz wpada w rzekę Desnę, a w drugą rzeka Desna, na ktorym to miejscu tenże Gastolt cerkiew murawaną zbudawał, ktòra y do tego czasu stoi". (Архивъ юго-запад. Россіи. ч. VII, т. I, стр. 341). Въ Кн. Бол. Черт. стр. 86, объ Острѣ сказано: „А отъ Чернигова 60 в., внизъ по Деснѣ, на лѣвой сторонѣ, городъ *Остръ*"...

[4]) Ипат. лѣт., стр. 179.

докъ подвергался большимъ опустошеніямъ, такъ какъ долгая осада раздражала непріятелей. Сознавая большое значеніе за Остерскимъ городкомъ, служившимъ точкой опоры для честолюбивыхъ лицъ, князья, претендовавшіе на первенство въ Южной Руси, стараются нанести вредъ его твердынямъ. Такъ, Изяславъ Мстиславичъ, которому сильно не по душѣ приходился Городецъ Остерскій, въ 1152 г., воспользовавшись удобнымъ случаемъ, разрушилъ укрѣпленія Остерскаго Городка, предавъ огню всѣ его зданія, при чемъ сильно пострадала отъ огня и церковь св. Михаила, заложенная во время Владиміра Мономаха, или же нѣсколько раньше его[1]). Около пятидесяти лѣтъ Остерскій Городокъ находился въ развалинахъ. Въ 1195 г. Всеволодъ Юрьевичъ послалъ своего тіуна, Гюрю, изъ Суздаля въ южную Русь для возобновленія разрушенныхъ остерскихъ укрѣпленій и церкви при нихъ[2]).

Кромѣ Остерскаго городка, къ переяславльскому Поднѣпровью принадлежалъ еще одинъ пунктъ на берегу Десны и Днѣпра, напротивъ Кіева,—такъ называемый „*Городокъ*“ [3]). Этотъ Городокъ извѣстенъ съ начала XI ст. Въ 1026 г. здѣсь былъ заключенъ миръ между Ярославомъ I и его братомъ, Мстиславомъ Тмутараканскимъ[4]). Полъ вѣка спустя, сюда, по словамъ лѣтописи, вышелъ „весь Кіевъ“ навстрѣчу привезенному въ ладьѣ тѣлу убитаго въ сраженіи съ половцами, кіевскаго князя Изяслава I, (въ 1078 г.)[5]). Владиміръ Мономахъ, узнавъ объ ослѣпленіи Василька Ростиславича, двинулся съ союзниками противъ Кіевскаго князя и остановился возлѣ Городка, въ бору[6]). Очевидно, Городокъ этотъ былъ очень важенъ для князей лѣвобережнаго Поднѣпровья, и они пользовались имъ, какъ опорой, когда приходилось вести войну.

---

[1]) Въ 1152 г. Изяславъ Мстиславичъ, Изяславъ Давидовичъ и Святославъ Всеволодовичъ... „сдумавше, разведоша Городокъ Гюргевъ, и пожгоша и божницю же святаго Михаила; верхъ бяше нарубленъ деревомъ, и то сгорѣ“. Ипат. л., с. 308.

[2]) Воскресен. лѣт., стр. 102. Въ настоящее время отъ древней церкви остались однѣ развалины съ остатками фресокъ на нихъ. См. сообщ. г-жи Половцевой.

[3]) Объ этомъ „Городкѣ“ см. статью г. *Гошкевича*: Замокъ князя Симеона Олельковича и лѣтописный Городецъ подъ Кіевомъ.

[4]) „Въ лѣто 1026) Ярославъ совокупи воя многи и приде Кіеву, и створи миръ съ братомъ своимъ Мстиславомъ, у Городца“ Ипат. л., стр. 104.

[5]) Ibidem, стр. 141.

[6]) Ibidem, стр. 171. Неподалеку отъ этого „Городка“, находится р. Родунка, вблизи которой остановился Юрій Д., ожидая помощи отъ Половцевъ. „Р. Родунка, говоритъ г. Гошкевичъ, должна быть принимаема за восточный протокъ р. Десны. Выходила она изъ Десны у с. Троещины, огибала его, поворачивала къ югу и текла параллельно Черторыѣ, снова впадая въ Десну, нѣсколько ниже с. Вигуровщины“. Гошкевичъ. Замокъ кн. С. Олельковича и лѣтоп. Городецъ, стр. 15—25.

Разсматривая населенныя мѣста западной части Переяславльской земли, мы приводили только названія тѣхъ населенныхъ пунктовъ, которыя упомянуты лѣтописью. Такъ какъ послѣдняя не представляетъ собою спеціально географическаго сочиненія, то мы, конечно, не можемъ утверждать, чтобы, помимо названныхъ лѣтописью городовъ и селъ, на указанномъ отдѣлѣ Переяславльской территоріи не было другихъ поселеній: они, безъ сомнѣнія, существовали, но не упомянуты лѣтописью.

Мы обозрѣли западную половину главнаго, болѣе густо населеннаго отдѣла Переяславльской земли, отмѣчая его наиболѣе извѣстные пункты. Разсмотримъ теперь его восточную часть, прилегающую къ бассейну р. Сулы, которая замыкала эту область съ востока. Мы обратимъ прежде всего наше вниманіе на верхній отдѣлъ этой области, чрезвычайно интересный въ историческомъ отношеніи, такъ какъ здѣсь Переяславльская земля была наиболѣе открыта для непріятельскихъ нападеній: по открытому полю, находящемуся между верховьями р. Сулы и рѣкой Сеймомъ, свободно проникали враги въ Переяславльскіе предѣлы и опустошали ихъ. Понятно, эта область, служившая ареной столкновеній, не могла быть упущена изъ виду лѣтописцемъ, который и передалъ намъ нѣкоторыя подробности о ней. Во-первыхъ: лѣтописью отмѣчены города—крѣпости, расположенные въ этой опасной мѣсности. Такъ, мы видимъ здѣсь: *Всеволожъ*, *Бохмачъ*, *Бѣловѣжу*, *Глѣбль* и пр [1]). Эти города лежали на границѣ со степью, и хотя принадлежали Черниговской землѣ, но были не менѣе интересны и для Переяславльской, которая старается устроить здѣсь живой оплотъ изъ различнаго рода степныхъ выходцевъ [2]). Во-вторыхъ, эта область заселяется пришлымъ элементомъ изъ степей, и подобнаго рода политика была какъ нельзя болѣе цѣлесообразной, такъ какъ переселявшіеся сюда полукочевые народы, принужденные оставить свои привольныя степи, прочно осѣдали въ русской землѣ и служили ей оплотомъ противъ своихъ прежнихъ притѣснителей—кочевниковъ; здѣсь селились бѣловежцы, казары; здѣсь же осѣлись и торки, ушедшіе изъ степей отъ половцевъ. Эти общія соображенія должны послужить намъ основаніемъ для разъясненія нѣкоторыхъ вопросовъ о древнихъ городахъ Переяславльскаго к—ва.

---

[1]) „Слышавше инии гради Уненѣжъ, Бѣловежа, Бохмачъ, оже Всеволожъ взятъ, и побѣгоша Чернигову, и инии гради мнози бѣжаша" Ипат. лѣт., стр. 252. Погодинъ, IV, стр. 229—232. Всеволожъ—нынѣ с. Сиволожъ (Борз. у., Черн. г.); Бохмачъ—м. Бохмачъ (Конотоп. у.; Черн. г.); Бѣлавежа—С. Бѣлыя-Вежи (Конотоп. у., Черниг. губ.).

[2]) „Небольшіе укрѣпленные пункты, расположенные *по окраинамъ волости*, могли были очень полезны, во время хищническихъ вторженій, столь обыкновенныхъ въ древнее время". Сергѣевичъ. Вѣче и князь., стр. 37. На верховьяхъ р. Удая мы видимъ Туркеневку, по всей вѣроятности получившую свое названіе отъ слова *торки* и проч.

О первой боевой линіи, направляющейся отъ верховьевъ р. Ромна (Бѣло-Вежа) къ верховьямъ р. Борзны (Бохмачъ, Борзна и пр.) мы уже говорили. Остается отыскать еще другой рядъ крѣпостей, исполнявшихъ такую же роль, какъ и предыдущіе. Р. Удай съ находящимися на ней городами какъ нельзя лучше была пригодна для оборонительной цѣли; но эта рѣка была слишкомъ удалена отъ первой линіи крѣпостей, а потому, чтобы достичь цѣли, надо было построить еще нѣсколько опорныхъ пунктовъ въ этомъ промежуточномъ до р. Удая мѣстѣ. Мы пріурочиваемъ къ такимъ городамъ *Ярошевъ*, *Глѣбль*, *Баручъ*, *Бронь Княжъ*, *Городокъ и Серебряный*. Ярошевъ можно видѣть въ с. Ярышевкѣ, лежащемъ на дорогѣ изъ Прилукъ къ верховьямъ р. Ромна [1]). Глѣбль—это нынѣ с. Твердохлѣбовъ (Ром. у., Полтав. губ.), на р. Бышкинѣ, впадающей въ Сулу. Что касается Баруча, то его долгое время относили къ западному отдѣлу Переяславльской земли и пріурочивали то къ Борисполю, то къ м. Баришевкѣ, на Трубежѣ [2]), или же считали мѣстомъ неопредѣленнымъ. Мы не станемъ приводить здѣсь подробныхъ соображеній того или иного изъ авторовъ, касавшихся этого вопроса, мы ограничимся здѣсь только замѣткой, что такой опытный иcлѣдователь древней рус. географіи, какъ г. Барсовъ, помѣщаетъ г. Баручъ къ сѣверной части Переяславльскаго к—ва [3]). Судя по всему, Баручъ находился въ сѣверо-восточной части вышеназваннаго к—ва, вблизи тѣхъ мѣстъ, на которыя обращалось тогда особенное вниманіе въ виду опасности ихъ со стороны степи. Такія опасныя мѣста и защищались крѣпостями, которыя и видны здѣсь между рѣкой Сулой и Сеймомъ. Естественно, что подобнаго рода городки—крѣпости не были заняты постояннымъ гарнизономъ; они наполнялись имъ въ случаѣ опасности, и тогда въ города „гнали" жителей [4]). Въ виду того, что Баручъ упоминается одновременно съ Нѣжатинымъ, Городкомъ и проч., мы высказываемъ предложеніе, что лѣтописный Баручъ можно видѣть въ нынѣшнемъ с. Бережевкѣ (Прил. у., Полт. губ.), расположенномъ при большой дорогѣ изъ степей внутрь Переяславльской земли. И это тѣмъ болѣе правдоподобно, что здѣсь пролегалъ обычный путь половцевъ и другихъ враговъ, приходившихъ грабить слабозащищенную русскую окраину.

Что касается *Городка*, упоминаемаго въ лѣтописи одновременно съ Баручемъ и Нѣжатиномъ [5]) то его, по этимъ же самымъ причи-

---

[1]) „Гюрги же пришедъ ста у Ярышева, и ту к нему пріѣха Святославъ Олеговичъ". Ипат. л., стр. 263.

[2]) См. Погодина, IV, стр. 271; А. Стороженко. Очерки Переясл. старины и пр.

[3]) Барсовъ. Очерки рус. историч. геогр., стр. 166. Аристовъ. О землѣ Половецкой, с. 4.

[4]) Ипат. лѣт., стр. 208.

[5]) „Въ 1134 Пріидоша Ольговичи съ половци, и взяша Городокъ и Нѣжатинъ и села пожгоша и Баручь пожгоша" Псл., I, 132. Ник. л., с. 158; Воскр. л., с. 30.

намъ, слѣдуетъ искать вблизи Нѣжатина и Баруча. Быть можетъ, Городокъ этотъ совпадаетъ съ нынѣшнимъ м. Городней, (на р. Сможѣ, лѣвомъ притокѣ Удая), близко подходящимъ и по своему названію, и по стратегическому расположенію къ лѣтописному Городку [1]). Не трудно теперь уже отыскать и лѣтописный *Серебряный*, который, безъ сомнѣнія, есть нынѣшнее м. Сребное (Полт. г., прилуц. у.), расположенное на р. Лысогорѣ [2]).

Р. Удай съ цѣлымъ рядомъ городищъ по своимъ берегамъ несомнѣнно представляла одну изъ боевыхъ линій, прикрывавшихъ съ сѣверо-востока Переяславльскія земли, а это было тѣмъ болѣе необходимо, что отсюда, черезъ пограничныя поля, открывался свободный доступъ для вражескихъ вторженій.

Въ сѣверной половинѣ этой рѣки мы видимъ нѣсколько городовъ, современниковъ посульскимъ крѣпостямъ по своему возрасту. Такъ, здѣсь мы находимъ гг. *Прилукъ*, *Переволоку* и *Пирятинъ* [3]). Первый городъ находился на томъ пути, который шелъ далѣе на сѣверо-востокъ, къ Бѣлой - Вежѣ, Вырю и проч. Положеніе г. Прилукъ на перепутьи къ Посемью было не безинтересно для переяславльскихъ князей, въ чемъ можно убѣдится изъ лѣтописныхъ извѣстій. Въ Духовной Владиміра Мономаха сказано, „и на весну посади мя отецъ въ Переяславли передъ братіею, и ходихомъ за Супой, и ѣдучи къ Прилуку городу, и срѣтоша ны внезапу Половѣчьскыѣ князи 8 тысящь“ [4]). Очевидно, половцы уже пробрались на правый берегъ р. Удая, въ степныя равнины между Супоемъ и Удаемъ. Берега р. Удая, какъ извѣстно, подвергались неоднократнымъ набѣгамъ и опустошеніямъ, при чемъ страдали и города, лежащіе здѣсь, въ томъ числѣ и г. Прилуки [5]).

Прилуки, какъ и другіе города Переяславльской земли, несомнѣнно сохраняли населеніе и послѣ татарскаго погрома южной Руси въ 1240 году. Въ этомъ мы убѣждаемся изъ позднѣйшихъ документовъ, относящихся къ періоду болѣе раннему, чѣмъ вторичное заселеніе степныхъ земель лѣвобережнаго Приднѣпровья а именно: изъ Книги Большаго Чертежа, гдѣ Прилуки названы городомъ [6]), изъ до-

---

[1]) Барсовъ. Очерки рус. историч. геогр., стр. 162.; Аристовъ. О землѣ половецкой, с. 4.

[2]) Ibidem, Ипат. л., стр. 387. Погодинъ, IV, стр. 271 и 281.

[3]) Нынѣ Прилуки—уѣздный гор. Полт. губ.; Переволочное—м. прилуц. у., Полт. губ.; Пирятинъ,—уѣздный г. Полт. губ.

[4]) Сводная лѣтопись, изд. Лейбовичемъ, стр. 330.

[5]) Въ 1098 г. половцы „взяша 3 городы, Посѣченъ, Прилукъ, и многа села повоеваше“ Ипат. л. стр. 150, Воскр л., с. 6. Лавр. л., с. 208. Въ 1138 году Ольговичи, пришедши на помощь половцевъ, воеваху сначала по Сулѣ, а затѣмъ и г. Прилукъ взяша“. Воскр. лѣт., стр. 31; Ипат. лѣт., стр. 216.

[6]) „А выше Журавки 3 мили, на Удаѣ, городъ Прилуки“. Кн. Больш. Черт., стр. 96.

кумента начала XVII в. (Тарифа подымной подати Кіевск. воеводства, 1631 г.) и изъ Beauplan'овой карты первой половины XVII в. [1]).

Нѣсколько ниже г. Прилукъ, на томъ же берегу р. Удая, у расширеннаго здѣсь въ видѣ большаго озера русла рѣки, находилась *Переволока* лѣтописи. Упоминаніе о Переволокѣ одновременно съ Прилуками позволяетъ намъ видѣть ее въ теперешнемъ с. Переволочномъ (прилуц. у., Полтав. губ.) [2]), тѣмъ болѣе, что набѣги половцевъ въ этотъ періодъ были съ сѣверо-востока [3]).

Защищенная въ своемъ верхнемъ теченіи рядомъ городовъ, изъ которыхъ только нѣкоторые упомянуты лѣтописью, а другіе являются передъ нами въ видѣ обширныхъ городищъ, о которыхъ уже говорилось раньше, область р. Удая имѣла крѣпости и дальше, внизъ по теченію.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ р. Удай, слившись со своимъ притокомъ—Переводомъ, дѣлаетъ поворотъ на востокъ, находился древній городъ *Пирятинъ*. Мѣстоположеніе этого города, сосредоточеннаго на мысу, между двухъ рѣкъ, и окруженнаго съ трехъ сторонъ расширяющимися здѣсь водами рр. Перевода и Удая, было удобно для возникновенія въ этомъ пунктѣ городка—крѣпости, прикрывающей собою населенныя мѣстности по теченію рр. Слѣпорода, Оржицы, Супоя и проч. [4]). Въ лѣтописи первое упоминаніе о городѣ Пирятинѣ относится къ 1155 году, когда князь Глѣбъ Юрьевичъ, возвращаясь изъ-подъ Переяславля, гдѣ „не успѣ ничтоже,—взя градъ Пирятинъ“ [5]). Но если Пирятинъ упоминается, какъ городъ въ 1155 году, то, нѣтъ сомнѣнія, онъ существовалъ значительно раньше, и во всякомъ случаѣ можетъ считаться ровесникомъ приводимымъ лѣтописью городамъ—Переволоку и Прилукамъ. По всей вѣроятности, недоступность г. Пирятина, окруженнаго огромными болотами, не давала возможности врагамъ быстро

---

[1]) „Xiąże jego mości Konstanty Korybut Wiszniewiecky, jako opiekun potomkow zeszlego xięcia jego mosci Michala Wiszniewieckiego: z miasta Przyluki и т. д. Архивъ юго-запад. Р., ч. VII, т. I, с. 366. Г. Прилуки поставленъ и на картѣ Beauplan'a XVII в. какъ городъ Przyluka.

[2]) „Въ 1092 г. взяша половци 3 городы: Пѣсоченъ, Переволоку, Прилукъ, *Сводная лѣтопись*, стр. 107. Объ этой Переволокѣ говорится въ описаніи подымной подати кіевск. воеводства 1631 г. (Архивъ юго-запад. Россіи, ч. VII, т. I, стр. 386), гдѣ оно названо sielo Przewloczne; на картѣ Beauplan'a—Przewoloczyna. Есть еще другая Переволока или Переволочная—рѣка и посел. при устьѣ р. Сулы, но, судя по разсказу лѣтописи, здѣсь говорится о Переволочной на р. Удаѣ. См. Архивъ ю.-з. Р., стр. 101.

[3]) Голубовскій. Печенѣги, Торки и Половцы, стр. 82.

[4]) Барсовъ. Матер. для ист.—геогр. слов. Рос., стр. 102. Эта древнѣйшая часть г. Пирятина, сохранявшая еще до недавняго времени валы надъ берегомъ, носитъ названіе „Замка“.

[5]) Лаврент. лѣт., стр. 326; Никон. л., стр. 200; Максимовичъ, II, стр. 343—344.

справиться съ нимъ, и потому лѣтопись молчитъ о немъ въ своемъ дальнѣйшемъ повѣствованіи Пирятинъ существовалъ, какъ городъ, въ XVII ст., что мы видимъ изъ карты *Beauplan'a*, гдѣ онъ названъ *Peratin*. Далѣе, о немъ есть извѣстіе въ Книгѣ Большаго Чертежа [1]), въ описаніи каневскаго замка XVI ст. [2]) и въ описаніи подымной подати Кіевск. воеводства 1631 г. [3]). Начиная отъ г. Пирятина, р. Удай своими водами и болотами не мало защищала прилегающія сюда Переяславльскія земли, такъ какъ пробраться черезъ вышеназванныя преграды было не легко. Вообще, р. Удай была трудно проходима. Въ одномъ только мѣстѣ открывался болѣе или менѣе удобный переходъ черезъ рѣку, и здѣсь мы видимъ лѣтописный *Полкостѣнъ*, вѣроятно, нынѣшнее с. Полстинъ (пирят. у., полт. губ.), на р. Удаѣ [4]). Разсмотрѣніе мѣстности, откуда нападали въ то время половцы, даетъ намъ право искать Полъкостѣнь гдѣ то на Удаѣ. Дѣйствительно, въ 1125 году половцы нападаютъ на предѣлы Переяславльскаго к-ва съ востока. При поспѣшномъ отступленіи назадъ, половцамъ было удобнѣе всего двигаться по знакомой и кратчайшей дорогѣ черезъ р. Удай.

Лѣтопись не оставила намъ никакихъ свѣдѣній на счетъ другихъ поселеній на нижнемъ теченіи р. Удая. Мы высказываемъ, однако, догадку, что исконное населеніе существовало тамъ и въ то время, и краснорѣчіемъ свидѣтельствомъ этому служатъ разбросанныя по берегамъ этой рѣки городища, о которыхъ мы уже говорили раньше. Кромѣ, того, Книга Большаго Чертежа и карта Боплана говорятъ въ пользу того, что населеніе по р. Удаю существовало тамъ издавна и вовсе не явилось исключительно результатомъ переселенческихъ движеній съ правой стороны Днѣпра, во второй половинѣ XVII в., какъ это думаютъ многіе [5]). Правда, это населеніе находилось въ неблагопріятныхъ условіяхъ для своего роста, но все же оно тамъ существовало и сохранило до нашихъ дней названія тѣхъ мѣстностей, которыя встрѣчаются въ лѣтописи нѣсколько вѣковъ тому назадъ. Безъ прямой передачи потомству мѣстныхъ названій, врядъ-ли послѣднія сохранились-бы.

---

[1]) „А выше Коренки—городъ Пирятинъ". Кн. Больш. Черт., стр. 96.

[2]) „Тамъ же на Удаи земля Пирятинская, отчизна боярина Каневскаго Чайки". Архивъ юго-запад. Россіи. ч. VII, т. I, стр. 102.

[3]) „Z majętności dziedzinych potomków xięcia Michala Wiszniewieckiego, miasta Piratina, summa zlotych dwieście dwadzieścia pięć". Арх. ю. з. Россіи, ч. VII, т. I, стр. 386.

[4]) Въ 1125 г. Переяславльскій князь, Ярополкъ Владиміровичъ, преслѣдуя уходившихъ съ грабежа половцевъ, нагналъ ихъ у Полкостѣня. Половцы были разбиты. Одни бѣжали, другіе—истопоша въ рѣкахъ Пол. I, стр. 129—130. Барсовъ. Географич. словарь рус. земли, стр. 163. На картѣ Beauplan'a (XVII в.) Полстенъ названъ Pu(l)stin.

[5]) Г. Лазаревскій, Падалка, Василенко и другіе.

Понятно, ни р. Удай, ни рядъ второстепенныхъ, параллельныхъ ему рѣчекъ, впадающихъ въ верхнюю Сулу съ правой стороны, ни, наконецъ, цѣпь крѣпостей между ними,—не могли вполнѣ защитить страну отъ враговъ, которые постоянной волной били въ нее съ востока. Къ востоку отъ Сулы, вплоть до Ворсклы, край былъ болѣе открытъ, доступенъ для вторженій враговъ. Эта восточная часть Переяславльскаго к-ва, примыкавшая здѣсь къ пустыннымъ, малонаселеннымъ, дикимъ въ то время половецкимъ степямъ, была наиболѣе опасной стороной его.

Прочной, постоянной границей осѣдлости съ востока была р. Сула, которая составляла собою первую сильную боевую линію Переяславльскаго к-ва. Здѣсь разыгрывались кровавыя драмы столкновеній кочевой жизни съ осѣдлой, здѣсь боролась Русь съ кочевниками, постепенно отступая все далѣе и далѣе, въ чужіе края, подъ защиту надежныхъ укрѣпленныхъ пунктовъ.

Съ древнѣйшихъ временъ правители Земли Русской стали обращать свое особенное вниманіе на удобство р. Сулы въ стратегическомъ отношеніи, и потому, какъ сообщаетъ лѣтопись, уже въ X в. по р. Сулѣ ставятся города—крѣпости, населенныя „лучшими мужами,“ взятыми изъ чужихъ краевъ [1]). Это сообщеніе лѣтописи о заселеніи вновь построенныхъ Владиміромъ св. крѣпостей лучшими людьми, набранными изъ чужихъ земель, весьма краснорѣчиво указываетъ намъ, насколько важны были эти восточные, выдвинутые ближе къ степи, стратегическіе пункты Русской земли. Такимъ образомъ, если принимать лѣтописныя извѣстія буквально, безъ провѣрки ихъ и сопоставленія съ историческимъ ходомъ событій, то придется согласиться, что время возникновенія большинства городовъ по р. Сулѣ относятся къ эпохѣ Владиміра св., являвшагося главнымъ иниціаторомъ и виновникомъ ихъ построенія. Мы не совсѣмъ согласны съ такимъ выводомъ; мы полагаемъ, что города существовали по Сулѣ и раньше Владиміра св., который только лучше укрѣпилъ, быть можетъ,—увеличилъ и пополнилъ ихъ. Дѣйствительно, уже на первыхъ страницахъ лѣтописи мы находимъ, что славянское населеніе существуетъ по р. Сулѣ: „друзии же сѣдоша по Деснѣ и по Семи и по Сулѣ и нарекошася Сѣвера“—говоритъ лѣтопись [2]). Но, извѣстное явленіе—гдѣ существуетъ населеніе,—тамъ необходимо возникаютъ укрѣпленные городки поселки, особенно, если эта страна составляетъ пограничный рубежъ какого либо племени. Лѣтопись сохранила намъ извѣстіе, что берега Сулы издавна были заняты сѣверянами. Если, согласно лѣтописи, сѣ-

---

[1]) Ипат. л., стр. 83; Лавр. лѣт., стр. 119.
[2]) Ипат. л., стр. 4.

веряне жили только до р. Сулы, а не дальше отъ этой рѣки, то, естественно, они должны были издавна оградится, защититься городами на этомъ порубежьи со степью. Такимъ образомъ, города по Сулѣ — сверстники прочно осѣвшей въ тѣхъ мѣстахъ славянской осѣдлости. Выдвинутое въ степь, на границу съ разными полудикими кочевниками, окраинное славянское населеніе естественно должно было заняться скорѣе защитой своего собственнаго очага, чѣмъ попеченіемъ о благѣ другихъ своихъ сосѣдей единоплеменниковъ. Это порубежное со степью населеніе зачастую, въ виду своихъ собственныхъ выгодъ. должно было жить въ мирѣ со степняками, стараясь ладить съ ними и иногда снисходительно смотрѣть даже на хищническія вторженія варваровъ черезъ пограничныя земли, лишь бы только послѣднія не страдали отъ этаго [1]). Конечно, подобнаго рода положеніе не могло понравиться тѣмъ лицамъ, которыя, задавшись цѣлью сліянія своихъ земель въ одно цѣлое, одинаково наблюдали за интересами всѣхъ составныхъ частей Русской земли. Вотъ почему серьезная задача объединенія Руси, доставшаяся, въ силу историческихъ обстоятельствъ, на долю Владиміра св., одного изъ энергичныхъ русскихъ князей, заставила этого князя обратить серьезное вниманіе на грозный юго-востокъ, зловѣще шумѣвшій вѣчно набѣгавшими бурями кочеваго міра, и позаботиться о возведеніи укрѣпленій въ удобныхъ мѣстахъ и снабженіи ихъ надежнымъ гарнизонномъ, набраннымъ „и отъ Словенъ и отъ Кривичъ, и отъ Чюдий, и отъ Вятичъ“ [2]).

Такимъ образомъ, область р. Сулы, или лучше сказать, правый нагорный берегъ этой рѣки, въ древнее, отдаленное отъ насъ вѣками время, игралъ роль стратегической боевой линіи, защищавшей съ востока плодородныя и населенныя мѣстности Переяславльскаго к—ва. Несмотря на то, что у насъ есть прямыя, правда немногочисленныя указанія, что спорадическія группы русскаго населенія существовали далеко на востокъ отъ р. Сулы,—по рр. Хоролу, Пслу, Ворсклѣ и проч.,—но сплошное, постоянное, коренное русское населеніе могло болѣе или менѣе прочно утвердиться только къ западу отъ р. Сулы, да и то не всегда густо, какъ въ другихъ мѣстахъ. Не всегда спокойно жило это посульское населеніе. Многочисленныя азіатскія кочевыя племена, опустошительными потоками врывавшіяся въ предѣлы южнорусскихъ земель, не давали возможности находившемуся тамъ населенію

---

[1]) Съ подобнымъ явленіемъ мы знакомимся изъ лѣтописи, гдѣ указывается, что выдвинутые далеко въ степь города съ родственнымъ русскимъ населеніемъ (Шаруканъ, Балинъ, Чешюевъ и проч.), въ XII ст. оказались во власти половцевъ, продолжая, однако, вести свою прежнюю жизнь. Ипат. л., стр. 192.

[2]) Ипат. л., стр. 83. Владиміръ св. очевидно, не вполнѣ надѣялся, на мѣстное славянское населеніе

прочно осѣсться и завести здѣсь правильное хозяйство. Жители Посулія были въ вѣчномъ ожиданіи набѣговъ какихъ либо кочевыхъ народовъ съ востока, въ вѣчномъ страхѣ подвергнуться опустошительному грабежу, пожарамъ, неволѣ. Надо было постоянно заботиться о томъ, чтобы какъ можно какъ лучше, какъ можно цѣлесообразнѣе укрѣпить посульскую боевую линію, которая своими болотами, своей рѣкой, наконецъ,—своими лѣсами въ бассейнѣ р. Сулы, была и безъ того уже весьма значительной преградой стремительнымъ, быстрымъ набѣгамъ степняковъ. Не смотря на это, не всегда и не во всѣхъ мѣстахъ являлась возможность удержать враговъ, которые часто прорывались черезъ защищенную границу и шли дальше, вглубь страны, разливаясь опустошительнымъ потокомъ, смывавшимъ все на своемъ пути, отъ одного края страны до другаго. Повторяя свои набѣги изъ года въ годъ, варвары знакомились съ каждымъ походомъ все болѣе и болѣе съ мѣстностью этой многострадальной окраины Руси, и потомъ, узнавъ ея слабые пункты, вѣрнѣе нападали на нихъ.

Мы не будемъ здѣсь перечислять тѣхъ многочисленныхъ набѣговъ разныхъ кочевыхъ народовъ, грабившихъ и опустошавшихъ юговосточные предѣлы Руси съ незапамятныхъ временъ; скажемъ только, что р. Сула сильно стѣсняла кочевниковъ, которые, исподволь опустошая ея берега, взяли, наконецъ, въ 1185 году всѣ города по Сулѣ: „Половцы по Рсіи и по Сули грады подѣлиша"—повѣствуетъ лѣтопись [1]). Конечно, переданный лѣтописью погромъ Посулія не былъ единичнымъ, исключительнымъ фактомъ. Мы знаемъ, изъ той же лѣтописи, что неоднократные, ожесточенные набѣги кочевниковъ на юговосточные предѣлы Руси были весьма частымъ, зауряднымъ явленіемъ въ то время; сколько же прошло такихъ набѣговъ, незаписанныхъ лѣтописью?

Однако, не смотря на многія невзгоды, осѣдлость не покидала разъ насиженныхъ очаговъ, отстаивая, насколько то было возможно, свои земли, свое добытое тяжелымъ трудомъ достояніе. Мы видимъ, что для задержанія прорывавшихся черезъ главную боевую линію враговъ, строятся какъ бы дополнительныя боевыя линіи, раскинутыя далеко внутри страны. Такъ, къ западу отъ р. Сулы, мы находимъ городки—крѣпости по рр. Удаю, Слѣпороду, Оржицѣ, наконецъ,—по Супою, гдѣ является рядъ укрѣпленныхъ пунктовъ, могущихъ, если не совсѣмъ преградить доступъ врагамъ, то, хотя на время задержать ихъ. Понятно, что всѣ эти второстепенныя линіи укрѣпленій были значительно слабѣе главной защитительной линіи по р. Сулѣ. Р. Сула своими естественными особенностями была чрезвычайно какъ пригод-

---

[1]) Лавр. л., с. 179; Воскр. лѣт., с. 99. См. Христоматію Аристова, стр. 1274.

на для оборонительной цѣли: почти весь правый берегъ этой рѣки, начиная отъ верховьевъ и до устьевъ ея, поднимается на весьма значительную высоту (отъ 30 до 40 саж.), сравнительно съ лѣвымъ берегомъ, низменнымъ и во многихъ мѣстахъ покрытымъ обширными, малопроходимыми въ то время болотами. Кромѣ природной гористости праваго берега р. Сулы, обширные лѣса, густо покрывавшіе склоны его, составляли такимъ образомъ еще одно изъ препятствій для набѣговъ кочевниковъ.

На этомъ-то правомъ возвышенномъ берегу р. Сулы и расположенъ рядъ укрѣпленій, извѣстныхъ уже со временъ глубокой древности; таковы: *Ромны* (Роменъ), *Снятинъ* (Къснятинъ), *Лубны* (Лубьно), *Лукомье* (Лукомль), *Горошинъ, Буромка* (Буромль), *Жовнинъ* (Желни), и проч. Всѣ эти города встрѣчаются въ XI и XII ст., но какъ мы раньше замѣтили, время ихъ возникновенія несомнѣнно относится къ болѣе раннему періоду. Можно полагать, однако, что они возникли, какъ постоянные укрѣпленные пункты, со временъ князей объединителей Русской земли, которые, ставъ единодержавными правителями ея, позаботились прежде всего о возведеніи крѣпостей по теченію рѣкъ, въ пограничныхъ со степью русскихъ окраинахъ [1].

Всѣ эти городки—крѣпости, по характеру выбираемой ими мѣстности, замѣчательно схожи между собою. Обыкновенно они помѣщаются на возвышенныхъ пунктахъ, часто на выступахъ, мысахъ, вдающихся въ рѣку или болото, такъ что, по крайней мѣрѣ, три стороны крѣпости прекрасно защищены или водой, или же—крутизной спуска. Такой именно характеръ болѣе всего соотвѣтствовалъ системѣ древнихъ укрѣпленій: при незнакомствѣ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, трудно было взять такой укрѣпленный городокъ, даже не смотря на малочисленность заключающагося въ немъ гарнизона. Единственный слабый пунктъ такого укрѣпленія—входъ со стороны равнины, обыкновенно защищался двойнымъ рядомъ земляныхъ укрѣпленій, или же охранялся болѣе обширной крѣпостью, только послѣ захвата которой можно было и думать о взятіи главнаго укрѣпленія, такъ сказать кремля крѣпости. Таковъ характеръ почти всѣхъ, извѣстныхъ въ исторіи древне-славянскихъ укрѣпленій, расположенныхъ по берегу р. Сулы; таковы остатки древнихъ укрѣпленій гг. Ромна, Лубенъ, Лукомья, Снѣтина и проч.

Вершина р. Сулы близко подходитъ къ той переходной, пограничной со степью территоріи, по которой имѣли обыкновеніе двигаться кочевники во время своихъ хищническихъ набѣговъ на Русскія земли. Понятно, здѣсь должны были возникнуть укрѣпленные пункты,

---

[1]) Сводная лѣтопись I, стр. 89. Ипат. л., стр. 83.

и прежде всего—въ удобныхъ мѣстахъ по верхнему теченію р. Сулы. Такъ, недалеко отъ впаденія р. Ромна въ Сулу, на правомъ, возвышеномъ берегу послѣдней лежитъ г. *Роменъ*[1]), упоминаемый уже въ Духовной Владиміра Мономаха: „и къ Выреви бяху пришли Аепа и Бонякъ: хотѣша взяти и; ко Ромну идохъ со Олгомъ и зъ дѣтьми на ня, и они очитивше бѣжаша“[2]). Г. Ромны извѣстенъ Книгѣ Больш. Чертежа, гдѣ сказано: „А выше Глинска 20 верстъ пала въ Сулу рѣчка Ромонъ, а на устьѣ—городъ Ромонъ (Роменъ)“[3]). На картѣ Beauplan'a Ромны названы г. Rumne. Положеніе этого города вблизи степей увеличивало значеніе его въ смыслѣ солиднаго оборонительнаго пункта, откуда было удобно наблюдать за движеніемъ враговъ, и если представлялась возможность—удерживать ихъ: достаточно было появиться гдѣ либо вблизи Ромна русскимъ войскамъ, чтобы кочевники бѣжали въ свои степи.

Ниже г. Ромна, недалеко отъ г. *Лохвицы*, которая несомнѣнно является однимъ изъ древнихъ русскихъ городовъ, на правомъ, возвышенномъ берегу р. Сулы, лежитъ лѣтописный *Късятинъ*, упоминаемый въ Духовной Владиміра Мономаха: „И Бонякъ приде со всѣми половци къ Кснятину, идохомъ на ня исъ Переяславля за Сулу, и Богъ ны поможе, и полъкы ихъ побѣдихомъ, и князи изьимахомъ лѣпшии“[4])...

На правомъ берегу р. Сулы, въ области средняго Удая, находится с. Пески, прежде вѣроятно *Песоченъ* лѣтописи, подвергшійся въ 1093 г. разоренію вмѣстѣ съ Прилукомъ и Переволокой[5]).

Верстахъ въ 15-ти ниже впаденія р. Удая въ Сулу, на томъ-же крутомъ, правомъ берегу послѣдней, лежитъ г. *Лубны*[6]), упоминаемый въ лѣтописи подъ именемъ *Лубно* или *Лубьно*[7]).

Выгодное въ стратегическомъ отношеніи положеніе этого города на среднемъ теченіи р. Сулы дѣлало его чрезвычайно важнымъ въ дѣлѣ защиты русскихъ окраинъ отъ набѣговъ разныхъ кочевниковъ;

---

[1]) Нынѣ—Ромны, уѣздный городъ Полтав. губ. Остатки древней крѣпости сохранились до настоящаго времени.

[2]) Сводная лѣт., ч. I, стр. 332—Духовная В. Мономаха.

[3]) Кн. Б. Черт., стр. 95. На картѣ Гаштольда (пол. XVI в.) находится г. Ромны.

[4]) Сводная лѣт. I, стр. 282 и 332—Духовная В. Мономаха. О Снѣтинѣ упоминается въ опис. тарифа подымной подати 1631 г. См. Архивъ юго-з. Россіи, ч. VII, т. I, с. 407. На картѣ Beauplan'a—Sniatin.

[5]) Ипат. л. стр. 150; Свод. лѣт., с. 282. На картѣ Beauplan'a—Piaski. С. Пески находится на р. Удаѣ, ниже Куреньки.

[6]) Въ настоящее время Лубны — уѣздный городъ Полтавской губ. На картѣ Beauplan'a—Lubnie обозначены какъ городъ. На картѣ Гаштольда (полов. XVI в.) показанъ г. Лубны.

[7]) Свод. лѣт., стр. 212; Ипат. л., с. 186; Лавр. л., с. 241, 271. Барсовъ, стр. 117; Погодинъ, IV, с. 270.

городъ имѣлъ сильную крѣпость, остатки которой, видоизмѣненные временемъ, существуютъ и понынѣ въ видѣ такъ называемаго „вала", нависшаго надъ склономъ къ р. Сулѣ [1]). Владимiръ Мономахъ упоминаетъ о Лубнахъ въ своей „Духовной" дѣтямъ: „потомъ паки на Боняка (идохомъ) къ Лубьну, и Богъ ни поможе" — говоритъ онъ [2]). Въ 1107 году близъ Лубенъ были разбиты половцы соединенными силами русскихъ князей [3]). Лубны, упоминаются въ Книгѣ Большаго Чертежа: „А выше Лукомля 2 мили—городъ Лубны отъ Переяславля 60 верстъ" [4]). Затѣмъ, въ описанiи каневскаго замка 1552 года сказано: „уходъ Гостиловскiй: пасеки ходятъ тамъ на замокъ отъ Володины горы до Лубенъ; земъля Лубъни--на замокъ". Въ описанiи тарифной подати Кiевск. воеводства упоминаются и Лубны [5]), Ниже Лубенъ, при устьѣ р. Слѣпорода, находился г. *Слѣпородъ*, упоминаемый въ лѣтописи, и въ актахъ XV ст., но принявшiй впослѣдствiи (при Вишневецкихъ) имя г. Александровска или Александровки. Остатки земляного городка видны здѣсь и понынѣ [6]).

Еще ниже, недалеко отъ впаденiя въ Сулу рѣки Оржицы, расположенъ древнiй *Лукомль* [7]), упоминаемый въ лѣтописи въ XII ст. Когда въ 1179 году Кончакъ сдѣлалъ нобѣгъ на Переяславльскiя земли „князи Рустiи поидоша за Сулу и сташа близь городища Лукомля; вѣсть же примше Половци, яшася бѣгу опять своею дорогою, и князи воротишася восвояси" [8]). Очевидно, здѣсь былъ удобный стратегическiй пунктъ, могшiй сдѣлать серьезное препятствiе врагамъ. Лукомье встрѣчается въ Книгѣ Большаго Чертежа, на картѣ Beauplan'a, и въ описанiи тарифа подымной подати кiев. воеводства въ 1631 году [9]).

---

[1]) Въ лубенскомъ „валу" открываются разнаго рода подземелья, указывающiе на древнiе ходы, но никто ихъ не изслѣдовалъ, и потому трудно опредѣлить, къ какому времени они относятся. Къ сѣверу отъ древней лубенской крѣпости сохранились слѣды обширныхъ укрѣпленiй, изъ кургановъ которыхъ добыты скиѳскiе предметы. См. раскопки Ѳ. Каминскаго и Е. Скаржинской.

[2]) Сводная лѣтопись, стр. 332.

[3]) Ипат. л., стр. 186—7; Свод. л., стр. 212.

[4]) Кн. Больш. Черт., стр. 95.

[5]) Арх. юго-з. Россiи, ч. VII, т. I, с. 102 и 402.

[6]) Свод. л., с. 282. Арх. юго-зап. Россiи, ч. VII, т. I, с. 387. Мѣстоположенiе укрѣпленiй с. Александровки, лично осмотрѣнное нами, соотвѣтствуетъ характеру древнихъ крѣпостей. Это крутой, отдѣленный отъ окружающихъ высотъ холмъ со слѣдами валовъ по его вершинѣ. Послѣдними могли, конечно, воспользоваться и въ болѣе позднiя времена.

[7]) Нынѣ м. Лукомье, Луб. у., полт. губ.

[8]) Ипат. лѣт., стр. 415.

[9]) „А выше Горошина 2 мили—городъ Лукомля". Кн. Больш. Чертежа, с. 95; у Beauplan'a Лукомье названо—Lukomla; о мѣстѣ Lukoml'a говорится въ актахъ XVII ст. См. Арх. юго-зап. Россiи, VII, т. I, с. 402. Объ остаткахъ древняго лукомльскаго городища см. нашу работу—Кiев. Стар. 1893 г., сентябрь.

Возлѣ *Горошина*, лежащаго на лѣвой сторонѣ р. Сулы, нѣсколько ниже впаденія въ послѣднюю р. Оржицы, происходила обыкновенно переправа половцевъ, шедшихъ грабить переяславльскія окрестности [1]). Изъ упоминаемыхъ лѣтописью посульскихъ укрѣпленій это единственное почти исключеніе, что городъ этотъ лежитъ на лѣвой сторонѣ р. Сулы.

Трудно однако, допустить, чтобы все низовье р. Сулы—отъ Лукомля до Горошина и дальше по Сулѣ—осталось открытымъ незащищеннымъ въ древнее время. Положимъ, расширенное русло рѣки и болота въ нижнемъ теченіи ея служили не малой защитой этихъ мѣстъ отъ нападеній кочевниковъ, но, конечно, такой защиты было недостаточно, и половцы зачастую прорывались черезъ этотъ укрѣпленный оплотъ южно-русскихъ окраинъ. Такимъ образомъ, если средняя часть р. Сулы была усѣяна укрѣпленіями, то, нѣтъ сомнѣнія, что и въ нижнемъ отдѣлѣ этой рѣки они существовали съ древнѣйшихъ временъ, и князья не переставали заботиться о возведеніи посульскихъ укрѣпленій, подвигая ихъ все дальше и дальше къ низовьямъ рѣки и населяя ихъ плѣнными жителями, выводимыми изъ отдаленныхъ мѣстъ.

Такъ, въ 1116 году, по плану, начертанному Владиміромъ Мономахомъ для защиты юго-восточныхъ границъ Руси, возникаетъ на нижнемъ теченіи Сулы г. *Желни*, построеный переяславльскимъ княземъ, Ярополкомъ Владиміровичемъ: „Въ лѣто 1116 Ярополкъ сруби городъ Жельди Дрьючаномъ, ихже бѣ полонилъ“ [2]).

Положеніе Жовнина на большой, еще до недавняго времени называвшейся *цареградской* дорогѣ [3]), указываетъ на всю важность этого пункта въ дѣлѣ обороны страны отъ враговъ, стремившихся нападать на сравнительно болѣе густо населенное Приднѣпровье. Но если сознавалась необходимость воздвигать укрѣпленіе въ Жовнинѣ, то возможно ли допустить. чтобы на такомъ громадномъ пространствѣ, какъ отъ Лукомля до Жовнина, вовсе не было крѣпостей по берегу р. Сулы; иначе—обѣ вышеназванныя крѣпости—Лукомье и Желни, расположенныя на большомъ разстояніи другъ отъ друга, потеряли бы все свое значеніе. Необходимо поэтому поискать, нѣтъ-ли на этой линіи такихъ мѣстъ, которыя пополнили бы, связали собою непрерывную

---

[1]) „Томъ же лѣтѣ гонихомъ по Половьцихъ за Хоролъ, иже Горошинъ взяша“—говорится въ дух. Мономаха. См. Лавр. л., с. 239. На картѣ Beauplan'a — Horoszyn. Въ нынѣшнемъ Горошинѣ сохранились надъ рѣкой остатки древнихъ валовъ, но они съ каждымъ годомъ становятся все менѣе и менѣе замѣтными.

[2]) Ипат. лѣт., стр. 203. Желни—нынѣ м. *Жовнинъ*, золотонош. у., Полт. губ. На картѣ Боплана оно названо Żolnin. Въ опис. тарифа подымной подати 1631 г. сказано: „z miasta Żolnina—summą złotyh sto ośmdziesiąt“. Арх. ю.-з. Р., ч. VII, т. I, с. 386.

[3]) Максимовичъ. Собран. сочиненій. II, стр. 340.

цѣпь посульскихъ укрѣпленій. Г. Горошинъ, какъ находящійся на лѣвой сторонѣ р. Сулы, не могъ, конечно, служить серьезной помѣхой нападеніямъ кочевниковъ, которые и пробираются мимо него, предварительно пограбивъ окрестности и самый городъ. Но если г. Горощинъ не могъ собою выполнять роли оборонительной крѣпости на Сулѣ, то съ большой вѣроятностью можно предположить, что вблизи него должны были находиться пункты, игравшіе подобную роль. Дѣйствительно, при разсмотрѣніи топографической карты р. Сулы, мы видимъ, что на правомъ берегу этой рѣки, почти напротивъ м. Горошина, находится м. *Буромка*, упоминаемая въ книгѣ Большаго Чертежа подъ именемъ *Буромля;* она же есть и на картѣ Боплана, и въ описаніи тарифа подымной подати кіевск. воеводства 1631 г.[1]). Послѣднее обстоятельство, т. е. упоминаніе Буромки въ Кн. Больш. Чертежа наравнѣ съ Лукомьемъ и Горошинымъ, отмѣченныхъ лѣтописью, а также расположеніе Буромки на мысу, треугольномъ выступѣ въ болотистую долину р. Сулы, указываетъ на древность этого мѣста. Кромѣ того, большую услугу въ опредѣленіи древнихъ географическихъ названій той или другой мѣстности оказываютъ намъ близлежащія урочища, являющіяся иногда живыми указателями прошлаго страны. Такъ, почти напротивъ м. Буромки, на лѣвомъ берегу р. Сулы, находится хуторъ *Супромы*, указывающій своимъ названіемъ на расположеніе противъ какого-то Рима или же Рома. Да и самое названіе Буромка близко подходитъ по корню къ имени Рима, Римова[2]). Наконецъ,– разсмотрѣніе условій мѣстности, гдѣ находится м. Буромка, еще болѣе подтверждаетъ нашу догадку. Мы знаемъ, что половцы и другіе степняки неоднократно нападали на низовья р. Сулы и недалеколежащее отсюда Поднѣпровье, бывшее въ теченіи значительнаго періода времени весьма важнымъ для интересовъ Руси, особенно въ виду своего положенія вблизи большой торной дороги въ степи и вблизи Кіева, къ которому, какъ извѣстно, тянула эта осѣдлая юго-восточная русская окраина. Здѣсь, черезъ низовья р. Сулы, лежалъ тотъ путь, которымъ обыкновенно шли половцы, если движеніе отъ верховьевъ р. Сулы, черезъ рр. Удай и Остеръ, было почему либо неудобнымъ для степняковъ[3]).

О движеніи половцевъ черезъ низовья Сулы есть указанія въ лѣтописи. Въ Духовной Владиміра Мономаха неоднократно упоминается, что половцы посѣщали эти мѣста: „Томъ же лѣтѣ,—говоритъ Мономахъ, — гонихомъ по Половцихъ за Хоролъ, иже Горошинъ взяша....

---

[1]) Книга Больш. Чертежа, стр. 95; у Beauplan'a оно называется Borumle. Въ актахъ XVII ст. оно названо Buromla. См. Арх. юго-з. Россіи, ч. VII, т. I, с. 368.

[2]) Мѣстные крестьяне называютъ это поселеніе *Бурімка*, съ удареніемъ на *и*.

[3]) Близъ Буромки проходилъ такъ назыв. *Злодѣйскій шляхъ*, упоминаемый въ документахъ XVI—XVII вв. См. А. Лазаревскаго, Лубенщина и кн. Вишневецкіе.

и далѣе—„и сѣдѣхъ въ Переяславли 3 лѣта и 3 зимы... и идохомъ на вои ихъ за Римовъ, и Богъ ны поможе избиша и, а другия поимаше, и пакы Илтареву чадь избиша и вежи ихъ взяхомъ, шедше за Голтавомъ“ [1]). Упоминаніе почти одновременно о Римовѣ и Голтавѣ, указываетъ, по нашему мнѣнію, на расположеніе этихъ мѣстъ въ одной линіи движенія въ степи и обратно. Въ 1185 году половцы, задумавъ напасть на русскія земли, раздѣлились на—двое: одна часть ихъ пошла грабить Посемье, а другая—направилась къ Переяславлю, и на возвратномъ пути отъ послѣдняго, со злости на неудачу, напала на Римовъ и взяла его [2]). Если принять во вниманіе то обстоятельство, что половцы во время набѣга 1184 года двинулись на грабежъ по двумъ направленіямъ, и что по пути къ Переяславлю они нападаютъ и страшно разоряютъ Посульскіе города, то спрашивается, какой городъ могъ подвергнуться разоренію отъ возвращавшихся изъ подъ Переяславля половцевъ, и—какими мѣстами двигались половцы отъ Переяславля? Очевидно, половцы разорили Посуліе включительно до Горошина, гдѣ была удобная переправа для слѣдованія къ Переяславлю. Лежащія ниже Горошина мѣста, повидимому, оставались пока не разоренными, и половцы довершаютъ теперь то, чего не успѣли сдѣлать раньше: они вконецъ разоряютъ Посуліе [3]). Слѣдовательно, отступленіе половцевъ направлялось куда-то черезъ нижнюю Суду, вблизи которой и надо искать Римова [4]). Вообще, можно замѣтить, что черезъ

---

[1]) Свод. лѣт., стр. 330—331. Духовная В. Мономаха.

[2]) Ипат. лѣт., стр. 436.

[3]) Выраженіе Слова о полку Игоревѣ, что „въ Римѣ (жители) кричатъ подъ саблями половецкими“—является такимъ образомъ отголоскомъ той кровавой драмы, которая разыгралась тогда на всемъ Посульѣ. Половцы были особенно раздражены противъ Посулія: во время военныхъ дѣйствій въ 1185 г. противъ Переяславля, они *взяли всѣ города по Сулѣ*. Лавр. л., с. 379. Воскр. л. с. 99.

[4]) Мы не считаемъ возможнымъ видѣть Римовъ лежащимъ на границѣ трехъ уѣздовъ полтав. губ. (Роменскаго, Прилуцк. и Лохвицкаго), какъ это полагали нѣкоторые изслѣдователи (Барсовъ, стр. 173; Голубовскій, Балалѣй и пр.), или же признавать г. Ромны за лѣтописный Римовъ (Карамзинъ, Ш, 72). Во 1-хъ, возлѣ указываемаго на границѣ трехъ уѣздовъ селенія нѣтъ болота, куда бы могли уйти жители, какъ о томъ сообщаетъ лѣтопись; во 2-хъ, Ромны и Римовъ, какъ справедливо замѣчаетъ Погодинъ, упоминаются въ лѣтописи отдѣльно, и ихъ нельзя смѣшивать (Погодинъ, IV, 266). Равнымъ образомъ, нельзя также пріурочивать Римова къ с. Римаревкѣ, находящемся на притокѣ р. Псла-Грунѣ къ с.-в. отъ Гадяча (Барсовъ. Очерки рус. историч. гографіи, стр. 163). Методъ отыскиванія населенныхъ мѣстъ при помощи сопоставленія сходныхъ по созвучію названій не всегда надеженъ, особенно, если не принимать въ соображеніе другихъ обстоятельствъ. Большую услугу въ дѣлѣ выясненія мѣстоположенія древнихъ урочищъ оказываютъ акты, относящіеся къ исторіи заселенія юго-западнаго края въ XVI ст. Такъ, въ описаніи Каневскаго замка 1551 г. говорится: Тамъ-же на Сулѣ „уверхъ далей отъ *Войновскаго* (городища), землею ити два дни, а рекою болшъ, уходы: *Ромъковщизна*, Мехведовщина“... и т. д. (Архивъ юго-запад. Россіи, ч. VII, т. I, стр. 101).

нижній отдѣлъ рѣки Сулы проходили обычные пути кочевниковъ при нападеніи ихъ на Переяславль и отступленіи отъ послѣдняго. Сюда устремляются и русскія войска, чтобы успѣть перерѣзать отступленіе кочевникамъ, заходившимъ вглубь Переяславльской земли. Такъ, въ 1179 году русскіе князья, при извѣстіи о нападеніи Кончака на Переяславль, пошли за Сулу и стали близъ Лукомльскаго городища: провѣдавшіе объ этомъ половцы поспѣшно отошли въ свои степи [1]). Нѣсколько времени спустя, когда половцы, разоривъ Посулье, воевали около Переяславля, Святославъ и Рюрикъ, вмѣстѣ съ другими союзниками, опять повторили прежній маневръ: они пошли Днѣпромъ на половцевъ;—услыхавъ объ этомъ, половцы возвратились отъ Переяславля и на пути взяли г. Римовъ [2]).

Такимъ образомъ, на основаніи вышесказаннаго, можно полагать, что Римовъ находился на нижней Сулѣ, вблизи м. Буромки. Пріурочивая Римовъ къ окрестностямъ м. Буромки, мы возстановляемъ тотъ рядъ посульскихъ древнихъ укрѣпленій, который, начинаясь на верховьѣ р. Сулы, тянется по всему нагорному (правому) берегу этой рѣки. Конечно, и нижнее теченіе Сулы не могло оставаться безъ укрѣпленій. Усиливавшаяся опасность со стороны степи, вызывала, какъ у правителей юго-восточной окраины Руси, такъ и у ея жителей, стремленіе какъ можно лучше защитить свои опасныя и слабыя мѣста. Мы уже знаемъ нѣсколько фактовъ, относящихся къ данному вопросу, переданныхъ нашею начальною лѣтописью. Такъ, на нижнемъ теченіи р. Сулы, на правомъ ея берегу, находился г. *Желни* или же *Жельди*. Выгодное стратегическое положеніе его было замѣчено переяславльскимъ княземъ, Ярополкомъ Владиміровичемъ, который и „срубилъ (въ 1116 году), городъ Желни Дрючаномъ, ихъ же бѣ полонилъ“ [3]).

На томъ же основаніи мы помѣщаемъ, и *Деменескъ*, упоминаемый тописью въ 1155 году,—ниже Горошина на Сулѣ, т. е. на торной дорогѣ половецкихъ набѣговъ въ русскіе предѣлы. Здѣсь находится с. Демьянка, соотвѣтствующая по нашему мнѣнію лѣтописному Деменеску [4]).

Такимъ образомъ, если низовья р. Сулы составляютъ предметъ заботъ русскихъ князей, если послѣдніе строятъ здѣсь укрѣпленія,

---

[1]) Ипат. лѣт., стр. 415.

[2]) Ипат. л., стр. 436.

[3]) Ипат. лѣт., стр. 203... См. Погодинъ VI, с. 170; Максимовичъ, II, стр. 344.

[4]) Дѣйствительно, въ виду того, что половцы только тогда подошли къ Переяславлю, когда былъ повоевалъ Деменескъ. (См. Ник. лѣт.. стр. 203), можно полагать, что этотъ городъ лежалъ не за Переяславлемъ, т. е. къ западу отъ него, а, напротивъ,—къ востоку. Нельзя поэтому Деменескъ видѣть въ с. Демьянкахъ, находящемся въ нѣсколькихъ верстахъ къ западу отъ Переяславля. Ср. Погодинъ, IV; Барсовъ. Матер. для ист.—геогр. слов. Россіи, стр. 60.

вообще—заботятся о защитѣ этихъ земель отъ враговъ, то, безъ сомнѣнія, послѣдовательно проводя свою идею, князья должны были бы укрѣпить, обезопасить и самое устье р. Сулы. Естественныя условія мѣстности у нижняго отдѣла р. Сулы не давали возможности болѣе или менѣе удачно привести въ исполненіе тотъ цѣлесообразный планъ защиты страны укрѣпленіями, который былъ выполненъ начиная съ ворховьевъ этой рѣки. Низменное положеніе береговъ р. Сулы вблизи впаденія послѣдней въ Днѣпръ, исключало возможность строить здѣсь частыя укрѣпленія, которыя могли бы сдерживать набѣги кочевниковъ. Сравнительная рѣдкость укрѣпленій на нижней Сулѣ заставляла князей юго-восточной окраины Руси прибѣгать къ иному способу защиты: мы замѣчаемъ активный отпоръ степнякамъ со стороны Руси,—неоднократные *военные походы* въ эти мѣста съ цѣлью предупрежденія враговъ. Здѣсь часто велись войны, происходили стычки съ врагами, а потому нѣтъ ничего страннаго, если мѣстныя названія черпали свои имена изъ окружающихъ, постоянныхъ условій страны. Дѣйствительно, на берегу нижней Сулы есть *Воинска Гребля* и *Воинское Городище*, въ которомъ мы видимъ древній лѣтописный *Воинь*. Мы постараемся выяснить мѣстоположеніе Воиня изъ разсмотрѣнія политическихъ событій того времени.

Въ 1079 году „приде Романъ съ Половцы къ Воину; Всеволодъ же ста у Переясловля и створи миръ съ Половцѣ“ [1]). Очевидно, этотъ *Воинь* находился гдѣ-то неподалеку отъ Переяславля [2]). Однако, другія упоминанія лѣтописи о Воинѣ не могутъ относиться къ указанному мѣсту. Такъ, въ 1055 году Всеволодъ Ярославичъ выступилъ войной на торковъ, пришедшихъ зимой къ Воиню и побѣдилъ ихъ [3]). Далѣе, подъ 1110 годомъ говорится: „идоша веснѣ на Половцѣ Святополкъ, и Володимеръ, Давидъ; и дошедше Воиня, воротишася“ [4]). Нельзя думать, чтобы собравшіеся въ походъ князья, прошли такъ мало и возвратились съ похода, сдѣлавъ всего нѣсколько верстъ отъ города. Въ 1147 г. Изяславъ Мстиславичъ заключилъ съ половцами миръ, у Воиня [5]). Если бы этотъ Воинь лежалъ близъ Переяславля то, конечно,

---

[1]) Ипат. лѣт., стр. 143.

[2]) Воинь этотъ можно считать нын. с. Войнинцы, близъ Переяславля. (Барсовъ. Матеріалы для истор.—геогр. слов. Р., стр. 37). Названіе Воинь, встрѣчающееся вблизи Переяславля, указываетъ, что и здѣсь происходили частыя нападенія и войны, слѣдствіемъ которыхъ и явились огромные длинные зміевы валы. Къ востоку отъ Лубенъ находится р. Войниха и урочище того же названія при ней. Тоже замѣчается и къ востоку отъ с. Буромки. Безъ сомнѣнія, причина этихъ названій одна и таже.

[3]) „Въ 1055 лѣто иде Всеволодъ на Торкы зимѣ къ Воіню, и побѣди Торкы“ Ипат. л., с. 114.

[4]) Ипат. лѣт., стр. 188.

[5]) Лавр. л., с. 299. Татищева, II, с. 304.

и миръ былъ бы заключенъ въ этомъ городѣ. Очевидно, этотъ Воинь долженъ былъ находится гдѣ-то дальше на востокъ, поближе къ степямъ.

Болѣе всего этому сотвѣтствуетъ с. *Воинская Гребля*, или просто *Воинское*, лежащее близъ впаденія р. Сулы въ Днѣпръ. Подтвержденіемъ нашей догадки служитъ описаніе Каневскаго замка 1552 г., гдѣ между прочимъ говорится: „а далей, за Днѣпромъ же.... на реце на Суле устье, гдѣ Сула въ Днепръ впадываетъ, отъ того вышей у мили по речъку Переволочъну—то манастыря Пустынскаго рыбъ осмая часть, бобровъ—половина, а вышей речъки Переволочъное вполъмили, подъ *Войномъ Городищемъ* езы 4“ [1]..... Такимъ образомъ, Воинь находился на нижней Сулѣ, недалеко отъ устья послѣдней, и замыкалъ собою ту цѣпь укрѣпленій, которыя тянулись по всему правому нагорью р. Сулы.

Намъ остается опредѣлить еще нѣсколько населенныхъ мѣстъ, упоминаемыхъ лѣтописью и лежащихъ въ районѣ къ западу отъ р. Сулы.

Прежде всего, мы постараемся опредѣлить положеніе *Оброва*, упоминаемаго Владиміромъ Мономахомъ въ знаменитой Духовной своимъ дѣтямъ: „и паки идохомъ, (послѣ побѣды надъ Олегомъ и Борисомъ) Переяславлю и стахомъ въ Обровѣ“ [2]. Такъ какъ половцы обыкновенно прорывались черезъ слабо защищенныя естественными условіями мѣста, въ удобныхъ для переправы пунктахъ, то ничуть не будетъ страннымъ искать лѣтописный Обровъ вблизи такихъ опастныхъ мѣстъ со стороны степи. Въ данномъ случаѣ мы видимъ на (правомъ) берегу Днѣпра с. Бобровицы, считавшееся прежде городомъ [3]. Эта Бобровица вполнѣ можетъ соотвѣтствовать вышеназванному Оброву, въ чемъ легко убѣдиться изъ разсмотрѣнія лѣтописныхъ извѣстій. Владиміръ Мономахъ, посаженный отцемъ охранять юго-востокъ Руси отъ кочевниковъ, ходилъ изъ Переяславля въ Обровъ; слѣдовательно, послѣдній былъ гдѣ-то къ востоку отъ Переяславля.

Что касается упоминаемаго въ лѣтописи *Малотина*, то онъ, по всей вѣроятности, находился на низовьяхъ р. Сулы. Въ 1140 г. половецкіе князья съ войсками пришли въ предѣлы Южной Руси для заключенія мирныхъ переговоровъ. По обоюдному соглашенію русскихъ князей и половцевъ, мѣстомъ переговоровъ былъ избранъ *Малотинъ* [4], Карамзинъ (II, пр. 274) говоритъ, что Малотинъ былъ гдѣ-то около Сулы и Днѣпра. Догадка основательная, если принять во вниманіе

---

[1]) Архивъ юго-запад. Россіи, ч. VII, т. I, стр. 101.

[2]) Сводная лѣт., стр. 330.

[3]) „А ниже Черкасовъ 6 миль, городъ Бобровица“. Кн. Больш Черт., стр. 49. См. также Beauplean—„Déecription d'Ucraine“.

[4]) Ипат. л. с. 220; Лавр. л., с. 292; Воскр. л., с. 32.

обыкновеніе половцевъ приходить въ эти мѣста для переговоровъ. Не есть-ли Малотинъ испорченное названіе городища Климятинъ, которое лежало близъ устьевъ р. Сулы и долгое время было чрезвычайно важнымъ пунктомъ? Быть можетъ, переписчикъ прочиталъ **климатинъ**, откуда затѣмъ уже образовалось **кмалатинъ**[1].

Окончивъ обзоръ Посульскихъ укрѣпленій, сдерживавшихъ нападенія кочевниковъ, перейдемъ теперь къ расмотрѣнію другихъ вспомогательныхъ средствъ, примѣнявшихся въ странѣ все съ той же цѣлью охраны ея отъ набѣговъ со стороны степи. Кромѣ валовъ, разнаго рода окоповъ и городовъ, русскіе князья весьма часто пользовались для защиты своихъ земель, добровольными выходцами изъ степей, которыхъ и селили на порубежныхъ, наиболѣе опасныхъ окраинахъ. Поэтому, намъ необходимо опредѣлить, гдѣ осѣдали выходившіе изъ степей торки и ихъ сородичи, являвшіеся въ русскіе предѣлы подъ давленіемъ половцевъ и очертить въ краткихъ словахъ ихъ участіе въ оборонѣ юго-восточной Руси отъ кочевниковъ. Если мы разсмотримъ восточныя столкновенія князей съ половцами, то замѣтимъ, что съ половцами X ст. такія столкновенія, по большей части, происходятъ въ порубежныхъ со степью мѣстахъ—на верхней и нижней Сулѣ: возлѣ Выря, Ромна, Бѣловежи, Снятина, Лубенъ, Лукомья, Горошина и проч.; затѣмъ—на правой сторонѣ Днѣпра: по р. Роси, Тясминю, Стугнѣ и пр. Особенно интенсивна борьба Руси съ полуосѣдлыми кочевниками: въ 1055 году была война Переяславльскаго князя съ торками и половцами[2]; пять лѣтъ спустя—опять борьба съ ними[3]. Въ 80—хъ годахъ мы снова видимъ войну руси съ воставшими торками и половцами[4].

Насколько можно опредѣлить изъ лѣтописныхъ извѣстій, торки по собственному почину начали приходить съ цѣлью поселенія въ русскіе предѣлы. Такъ, въ 1055 году торки появились возлѣ Воина, и переяславльскій князь Всеволодъ вынужденъ былъ идти противъ нихъ войною[5]). Очевидно, подъ давленіемъ грозныхъ повелителей степей—половцевъ, торки подвинулись ближе къ предѣламъ Переяславльской земли и даже сдѣлали попытку перейти границу ея возлѣ Воиня, чѣмъ и вызвали противъ себя скорый походъ русскаго князя[6].

---

[1]) О Климятинѣ см. Акты Ю. и З. Россіи; Кп. Пос. Метр. велик. кн. литовск. I, 36 и II, 306. Мнѣніе пр. Голубовскаго о томъ, что Малотинъ—с. Малютинцы (пирят. у., полт. г.) не имѣетъ основанія, т. к. оно построено на одномъ только звуковомъ сходствѣ названій.

[2]) Ипат. лѣт., стр. 114.

[3]) Ibidem, лѣт., стр. 114—115.

[4]) Ibidem, стр. 143.

[5]) Ипат. лѣт., стр. 114.

[6]) Это извѣстіе о движеніи торковъ подтверждаетъ, какъ нельзя лучше, наше мнѣніе о положеніи Воиня, разсматриваемаго нами какъ пограничное укрѣпленіе на

Лѣтопись передаетъ намъ, что „Всеволодъ ходи на Торкы и побѣди Торкы". Побѣда, однако, не была полной; она являлась только временнымъ отраженіемъ враговъ, ибо спустя пять лѣтъ, въ 1060 году, русскіе князья собрали большое войско и двинулись на торковъ, которые на этотъ разъ потерпѣли страшное пораженіе и отъ русскаго оружія, и отъ зимы, и отъ мора, голода и проч. [1]). Торки находились теперь въ затруднительномъ положеніи: ихъ усиленно тѣснили съ востока половцы, подъ давленіемъ которыхъ торки и двигаются къ предѣламъ Переяславльской земли. Эти торческія движенія были преддверіемъ болѣе грозныхъ нашествій изъ степей, которыя высылаютъ все новыя и новыя волны кочевниковъ; вскорѣ за торками врываются въ предѣлы Переяславльской земли половцы и разбиваютъ Переяславльскаго князя, Всеволода Ярославича [2]). Въ концѣ XI ст. торки уже жили въ предѣлахъ Переяславльской земли, о чемъ сохранились ясныя свидѣтельства лѣтописи. Такъ, въ 1080 году Владиміръ Мономахъ ходилъ на „торковъ Переяславльскихъ", которые „заратились", т. е. возстали войною на Русь [3]). Если припомнить, что столкновенія съ кочевниками происходятъ вблизи Воиня, что къ Воиню торки придвинулись не добровольно, а подъ напоромъ половцевъ, которые двигались по стопамъ бѣглецевъ, то естественно отсюда заключать, что торки были поселены на тѣхъ участкахъ земли, которые были наиболѣе опасными. Мы полагаемъ, что торки занимали пространство въ предѣлахъ Переяславльскаго княжества, между Воинемъ и Зарубомъ, т. е. между низовьями Сулы, Супоя и Трубежа, отодвигаясь все дальше и дальше вглубь страны. Въ концѣ XI ст. мы видимъ уже торковъ и въ другихъ мѣстахъ Переяславльскихъ земель, именно—въ сѣверо-восточной пограничной полосѣ на торной дорогѣ половецкихъ набѣговъ въ Русь: они дополняютъ здѣсь охрану второстепенной боевой линіи послѣдней. Торки служатъ Руси въ качествѣ вспомогательнаго войска, которое, въ случаѣ опасности, посылалось въ нарочно выстроенные для того городки—крѣпости. Такъ, въ 1125 году торки сгоняются Ярополкомъ въ Баручъ и другіе города. Нѣсколько раньше, въ бытность Владиміра Мономаха княземъ въ Переяславлѣ, торки обитали уже неподалеку отъ послѣдняго [4]). Въ остальныхъ мѣстахъ мы видимъ торковъ на пограничьѣ со степью. Такимъ образомъ, наиболѣе опасныя мѣста заселя-

---

нижней Сулѣ.—Слабо защищенный южный участокъ посульской линіи представлялъ собою какъ бы ворота, черезъ которыя было сравнительно легче и удобнѣе пройти, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ.

[1]) Ипат. лѣт., стр. 115—116.

[2]) Ипат. лѣт., стр. 115.

[3]) Ипат. лѣт., стр. 143.

[4]) Ипат. лѣт., стр. 186.

ются этими полукочевниками, служившими оплотомъ, дополненіемъ къ той цѣпи укрѣпленій, которыя послѣдовательно воздвигались Русью въ ея юго-восточныхъ предѣлахъ. Обширныя степныя пространства между Сулой, Супоемъ и Удаемъ, а также вблизи низовьевъ р. Сулы, служили удобными мѣстами для торческихъ поселеній, такъ какъ здѣсь были огромныя степныя приволья и пролегали обычные пути половцевъ изъ степей. Торки скоро попривыкли къ своей новой родинѣ и начали служить ей въ качествѣ легкаго коннаго войска. Впрочемъ, торки иногда доставляли много хлопотъ русскимъ князьямъ, и только количественное большинство русскаго народа, мало по малу, ассимилировало этихъ полудикихъ кочевниковъ со своей народностью. Въ виду того, что князья обыкновенно садили вновь приходившихъ своихъ подданныхъ на пограничьѣ со степью, можно полагать, что торки обитали также и вблизи верхняго теченія р. Сулы [1]).

Въ этомъ же районѣ близъ нижней Сулы надо искать и нѣкоторыхъ мѣстныхъ названій, упоминаемыхъ лѣтописью. Такъ, относительно м. *Вороницы* въ Духовной Владиміра Мономаха сказано: „паки идохомъ другое с. Вороницѣ, тогдаже и Торци придоша ко мнѣ исъ Половець Четѣевичи, идохомъ противу имъ на Сулу“ [2]). Въ виду того, что Мономахъ, говоритъ о приходѣ къ нему торковъ, уходившихъ отъ половцевъ, и о походѣ на Сулу, можно полагать, что Вороница лежала гдѣ-то по пути къ Сулѣ. Чтобы разъяснить себѣ это, мы должны припомнить, что половцы, вскорѣ послѣ вокняженія Мономаха въ Переяславлѣ, начинаютъ усиленно нападать на Переяславльскія земли, особенно на Приднѣпровье, какъ на правой, такъ и на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Такъ, въ 1095 году половцы подошли къ Переяславлю и осадили его [3]). Затѣмъ идетъ цѣлый рядъ нападеній на окрестности Переяславля. Около 1096 года Мономахъ ходилъ со Святополкомъ на хищнаго Боняка за Рось Въ 1104 г. опять походъ на Боняка, за Рось [4]) Такимъ образомъ, Поросье и смежныя съ нимъ земли на лѣвой сторонѣ Днѣпра подвергались сильнымъ опустошеніямъ половцевъ, и Мономаху надо было зорко слѣдить и не допускать, чтобы половцы прорывались черезъ Рось и Сулу. Естественно поэтому и искать здѣсь тѣхъ пунктовъ, откуда начинались походы князей въ степи: лѣтописную Вороницу мы видимъ въ м. Вороницахъ, находящемся неподалеку отъ Ирклѣева

---

[1]) Неподалеку отъ верхняго теченія р. Сулы мы находили сс. Бѣловежцевъ, Козаръ и проч., что говоритъ о заселеніи этихъ мѣстъ выходцами изъ степей. Лавр. л., стр. 240.

[2]) Свод. л., с. 331.

[3]) Ипат. л., с. 158; Лавр. л., стр. 219.

[4]) Сводная лѣт., стр. 331.

(золотонош. уѣзда) [1]). Здѣсь же, мы полагаемъ, надо искать и *Саково*, куда приходили половцы на миръ. Быть можетъ, это с. Чаховка, находящаяся вблизи Воронинецъ (золотонош. у., Полт., губ.).

Въ числѣ населенныхъ мѣстъ Переяславльской земли упоминается также и *Дмитровъ*, который, судя по ходу дѣлъ, можно видѣть въ нынѣшней с. Дмитровкѣ (Конотоп. у., Черниг. губ.), такъ какъ половцы появлялись въ то время со стороны сѣверской земли, князья которой выступаютъ на защиту своихъ предѣловъ [2]).

Въ крайнемъ, сѣв.-восточномъ углу Переяславльской земли, у верховьевъ р. Сейма, находился одинъ изъ древнѣйшихъ русскихъ городовъ—г. *Курскъ*. Время основанія его неизвѣстно. Онъ упоминается уже очень рано, въ житіи св. Ѳеодосія Печерскаго. Въ XII ст. Курскъ нѣкоторое время принадлежалъ Переяславльскому к-ву. Это—посредникъ между населеніемъ Подонья и Приднѣпровья [3]).

Послѣ обозрѣнія населенныхъ мѣстъ главнаго ядра земель Переяславльскаго к-ва, мы должны сказать нѣсколько словъ относительно осѣдлости въ его восточныхъ предѣлахъ. Что славянскія поселенія не ограничивались р. Сулой, а шли дальше на востокъ и доходили до самой р., Ворсклы, въ этомъ можно убѣдиться какъ изъ дошедшихъ до насъ письменныхъ памятниковъ, такъ и изъ многочисленныхъ памятниковъ вещественныхъ, являющихся нѣмыми свидѣтелями давней осѣдлой жизни въ этихъ мѣстахъ. Спорадическое населеніе славянской крови съ древнѣйшихъ временъ существовало къ востоку отъ р. Сулы. Разсѣянное населеніе это, подъ вліяніемъ борьбы съ кочевниками, то отступало назадъ, къ болѣе заселеннымъ мѣстамъ, то уходило въ самыя крѣпкія, недоступныя мѣста, то медленно исчезало отъ разнаго рода невзгодъ на границѣ со степью [4]). Впрочемъ, населеніе продолжало удерживаться здѣсь въ укромныхъ, защищенныхъ лѣсными и болотными чащами уголкахъ, чрезвычайно упорно. Можно полагать, что оно сохранялось тамъ и послѣ татарскаго погрома, когда, подъ вліяніемъ перехода центра тяжести политической жизни на сѣверъ, южно-русскія земли, съ уходомъ значительной части населе-

---

[1]) Погодинъ (IV, стр. 269) и Арцыбашевъ (II, 353) считаютъ Вороницу мѣстомъ неопредѣленнымъ. О Вороницѣ см. Beauplan'a—Description d'Ucraine".

[2]) „Въ лѣто 1183 „придоша Измаилтяне безбожнѣи Половци на Русь воевать ко Дмитрову съ окаяннымъ Концакомъ и съ Глѣбомъ Тириевичемъ... князь же Святославъ Всеволодичь поидоша на Половцѣ и сташа у Олжичь, ожидающе Ярослава изъ Чернигова". Ипат. л., с. 424. У Боплана—Dmitrowka.

[3]) Н. Барсовъ. Географ. словарь Рус. земли, с. 109, 110; Ипат. л., стр. 160, 218, 221, 233 и пр.; Книга Больш. Черт., с. 83; на картахъ XVI в. и на картѣ Боплана—*Kursk*.

[4]) Изъ просьбы жителей Кіевск. замка (XVII ст.) мы видимъ, какъ иногда пустѣли села, имѣвшія раньше значительное населеніе См. Архивъ юго-запад. Россіи. Акты, относящ. къ исторіи засел. юго-зап. края, стр. 129—144 и проч.

нія, начали мало по малу пустѣть. Остатки сѣверянскихъ поселеній (севрюки) существовали въ XVII в. по теченію многихъ рѣкъ сѣверянской территоріи: по Удаю, Сулѣ, Пслу, Ворсклѣ и пр. „Не вполнѣ исчезнувшее населеніе этой страны, говоритъ проф. Владимірскій-Будановъ, есть *Сѣверская Русь*, сохранившая свое древнее названіе у тогдашняго поколѣнія: рѣки той пустыни именуются „севирскими", уходы —„сиверскими" [1]).

Благодаря лѣтописнымъ извѣстіямъ, мы узнаемъ, что въ XII в. въ восточныхъ отдѣлахъ Переяславльской земли существовало нѣсколько населенныхъ пунктовъ. Такъ, на р. Ворсклѣ, недалеко отъ впаденія въ нее р. Коломака, мы находимъ *Лтаву*, въ которой не безъ основанія усматриваютъ нынѣшнюю Полтаву [2]). Въ 1174 Игорь Святославичъ, собравъ войска свои „ѣха в поле за Воръсколъ, и срѣте Половцѣ, иже ту ловять языка; изъима ѣ, и повѣда ему колодникъ, оже Кобякъ и Концакъ шлѣ къ Переяславлю. Игорь же слыша въ то поѣха противу Половцемъ, и перећха Въросколъ у Лтавы къ Переяславлю" [3]). Нѣсколько западнѣе Ворсклы мы находимъ *Голтавъ*, т. е. нынѣшнее м. Голтву расположенную на р. Голтвѣ, близъ ея впаденія въ Псёлъ: „И паки Илтареву чадь избиша, и вежи ихъ взяхомъ, шедше за Голтавомъ"—говоритъ Мономахъ [4]). Весьма вѣроятно, что Голтва и Полтава одного корня.

Въ Ипатской лѣтописи сказано: „А в недѣлю поидоша в ню же хрестъ цѣлують, и приидоша на Пслъ и оттуда сташа на рѣцѣ Голтѣ, ту пождаша и вои, и оттудо идоша Върьскла" [5]). Въ Книгѣ Большаго Чертежа и въ актахъ, относящихся къ исторіи лѣвобережья (XVI—XVII ст.), есть упоминаніе о Голтвѣ [6]). На картѣ *Beauplan'a* оно названо *Oltma*.

---

[1]) М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Населеніе юго-западной Россіи отъ пол. XV в. до Любл. уніи (1569 г.) стр. 46, 134. Въ XVI ст. жители *сѣверскихъ уходовъ* жаловались, на козаковъ, „которые уставичъне тамъ живуть на мясе, на рыбе, на меду, з пасекъ, зъ свепетовъ, и сытять тамъ собе медъ яко дома". Архивъ юго-запад. Руси, ч. VII, т. I, стр. 103. Объ уходахъ „сиверскихъ"—тамъ же, стр. 103, 315, 316, 359, 90. См. также жалован. грам. 1571 г. короля Сигизмунда-Августа казаку Емельяну Ивановичу на землю *Сиверу*. Чт. въ Общ. Нестора Лѣт., кн. 8, ст. 11—12, дополненія.

[2]) Барсовъ. Мат. для ист.—г. сл. Р., с. 115—116, Погодинъ, IV, 281. Въ Актахъ начала XVII ст. Полтава упоминается какъ городъ. См. Акты Моск. госуд., Разряд., пр., с. 625.

[3]) Ипат. лѣт., стр. 387.

[4]) Лавр. лѣт., стр. 240—241. Свод. лѣт., стр. 330.

[5]) Ипат. лѣт., стр. 192.

[6]) „А ниже Хороля на Пслу гор. Голтва, отъ устья Хороля 5 верстъ". Кн. Бол. Черт. с. 97. Въ 1631 г. взималась повинность съ мѣст. „Arkliiwa, Kropiwny, Holtwy".

На другомъ притокѣ р. Псла—Хоролѣ находился г. *Хоролъ*, о которомъ сохранились извѣстія въ Начальной лѣтописи. Такъ, въ Духовной Владиміра Мономаха сказано: „томъ же лѣтѣ гонихомъ по Половцихъ за Хоролъ, иже Горошинъ взяша“ [1]). Во время знаменитаго похода князей въ днѣпровскія степи на половцевъ, въ 1111 году, русскія войска оставили сани въ Хоролѣ, а сами двинулись дальше: „въ субботу поидоша и быша на Хоролѣ, и ту и сани пометаша“ [2]). Если русскіе оставляли сани въ Хоролѣ, то здѣсь, очевидно, существовало населеніе, т. к. трудно предположить, чтобы сани оставлялись въ пустынѣ на произволъ судьбы. Въ Книгѣ Большаго Чертежа [3]), въ актахъ XVI ст., относящихся къ исторіи лѣвобережной Украины, есть упоминанье о Хоролѣ [4]). Изъ карты *Beauplan*'а видно, что р. Хоролъ была сильно заселена, т. к. здѣсь указаны многія селенія и мѣстечки [5]). Словомъ, и Хоролъ, и Пселъ, и Ворскла съ незапамятныхъ временъ имѣли населеніе, которое, на смотря на многія невзгоды, продолжало сохраняться въ разъ насиженныхъ мѣстахъ. Мы видимъ, что и по Ворсклѣ издавна существовала осѣдлость, о которой сохранилось нѣсколько извѣстій въ начальной лѣтописи. Довольно характерно въ этомъ отношеніи сообщеніе лѣтописи, что половцы, дошедши до Ворсклы въ 1174 г., начали ловить жителей для *добыванія* языка, т. е. для полученія свѣдѣній о русскихъ войскахъ. А если это такъ, то трудно допустить, чтобы можно было ловить языка въ пустынѣ; слѣдовательно, по Ворклѣ жили еще русскіе, и только за этой рѣкой разстилалась дикая, т. е. половецкая степь [6]).

Естественныя условія въ районѣ р. Ворсклы настолько же способствовали сохраненію здѣсь осѣдлости, какъ и въ другихъ мѣстахъ юго-восточной окраины Руси. Берега р. Ворсклы были покрыты въ древности большими лѣсами, а это, какъ извѣстно, составляло весьма удобную защиту осѣдлости отъ степняковъ: подъ покровомъ лѣса юти-

---

Арх. юго-з. Р., ч. VII, т. I, стр. 366. См. также Акты Моск. гос. Разряд. Пр., с. 176, 625.

[1]) Свод. лѣт., стр. 330.

[2]) Ипат. лѣт., стр. 192.

[3]) „А отъ Днѣпра вверхъ по Пслу 50 в. пала рѣчка Хороль отъ Сулы, а на Хоролѣ, отъ устья 20 в., г. Хороль“ Кн. Больш. Черт., стр. 96.

[4]) Арх. юго-зап. Рос. ч. VII, т. I, стр. 397. Акты Моск. г., Разр. Пр., с. 345.

[5]) Берестовка, Апонасовка, Липовая Долина, Русановка, Разбишевка, Петровка, Березовая Лука, Камишня, Хомутецъ, Зубовка, Миргородъ, Бѣлики, Горкушинцы, Шишаки, Хоролъ, Вишняки, Колбасовка, Зайченцы, Бѣляки и проч. См. атласъ Beauplan'а.

[6]) Ипат, л., с. 389. Запис. Импер. Рус. географ. Общ., кн. VI, 1852 г. Бѣляевъ. О географич. свѣд. въ древней Руси, стр. 95. Голубовскій. Печенѣги, Торки и Половцы, стр. 102—3.

лось населеніе, обставленное здѣсь всѣми условіями привольной, но не всегда безопасной жизни.

Мы знаемъ, что и на притокахъ Ворсклы, напр. Мерлѣ, въ XII ст., жило еще русское населеніе, но оно не всегда тянуло къ Переяславлю, составляя предметъ заботъ сѣверскихъ князей [1]). Даже и въ послѣдующія времена, когда край между Сулой и Ворсклой сильно опустѣлъ, подвергаясь частымъ нападеніямъ татаръ, которые то быстро проносились по немъ, то кочевали на обширныхъ степныхъ равнинахъ его, населеніе продолжало существовать, сохраняясь въ лѣсныхъ чащахъ, густо покрывавшихъ берега этихъ рѣкъ.

Не менѣе вѣскимъ доказательствомъ существованія поселенія въ этихъ мѣстахъ служатъ городища, окопы и валы, расположенные на побережьи Ворсклы и другихъ рѣкъ на границѣ со степью. Все это говоритъ о давнемъ заселеніи этого края. Понятно, р. Ворскла, Пселъ и другія сосѣднія рѣчки не могли такъ искусно защищать близлежащія земли, какъ р. Сула; минуя Ворсклу, степняки пробирались дальше вглубь русскихъ земель. Не смотря, однако, на это, русскіе князья постоянно заботятся о своихъ окраинныхъ земляхъ, стараясь не оставлять ихъ на произволъ судьбы; они употребляютъ всевозможныя усилія, чтобы обезопасить этотъ край цѣпью крѣпостей въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ наиболѣе угрожала опасность, и мы замѣчаемъ множество городищъ, начиная отъ Донца и его притоковъ, по р. Ворсклѣ, Пслу и другимъ до долины р. Сейма. Существуетъ цѣлый рядъ городищъ также по берегамъ р. Донца и ближайшимъ къ нему рѣкамъ. По рр. Можу, Коломаку, обоимъ Мерчикамъ, Мерефѣ и другимъ разбросано множество земляныхъ укрѣпленій съ характерными слѣдами древней жизни. Не отрицая того, что нѣкоторыя изъ этихъ городищъ могутъ относиться къ доисторическому прошлому, мы полагаемъ, однако, что часть ихъ можетъ быть отнесена къ лѣтописному періоду. О нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранились извѣстія въ документахъ XVI и XVII ст., кое-какихъ коснулась археологія, но многія изъ городищъ еще не обслѣдованы въ достаточной степени. Упоминаніе лѣтописи о г. Донцѣ, находившемся гдѣ-то вблизи г. Харькова, подтверждаетъ мнѣніе о населенности восточной части Переяславл. к—ва съ древнѣйшихъ временъ. Такимъ образомъ, крайній юго-восточный отдѣлъ переяславльскихъ земель былъ защищенъ и природой, и нѣсколькими оборонительными линіями, вблизи которыхъ и сохранялось населеніе, по большей части, русской крови.

Мы разсмотрѣли сохраненныя намъ письменными источниками населенныя мѣста Переяславльскаго к—ва, извѣстныя со временъ глу-

---

[1]) Голубовскій. Печенѣги, Торки и Половцы, стр. 100—104.

бокой древности; мы убѣдились, что большинство такихъ населенныхъ и защищенныхъ окопами пунктовъ находилось по теченію рѣкъ, которыя въ нѣсколько рядовъ замыкали переяславльскую территорію и служили ей немалой защитой отъ враговъ. Бѣглый обзоръ историческихъ событій на этой юго-восточной окраинѣ Руси, въ XI и XII ст., событій, представляющихъ въ большинствѣ случаевъ ожесточенную борьбу осѣдлаго міра съ кочевымъ, весьма ясно указываетъ намъ, что наибольшее количество враждебныхъ столкновеній со степью происходило именно на этихъ, охваченныхъ рѣками полосахъ земли, особенно въ восточномъ районѣ ихъ.

Постоянный приливъ кочевыхъ массъ обусловливаютъ собою медленное отступленіе осѣдлаго славянскаго населенія на западъ и возведеніе частаго ряда укрѣпленій по главной оборонительной линіи, подкрѣпляемой внутри страны нѣсколькими второстепенными боевыми линіями, идущими въ подспорье главной, и составлявшими какъ бы второй и третій рядъ укрѣпленій. Задача охранять такимъ образомъ свои земли идетъ, хотя и медленно, впередъ, и въ результатѣ является рядъ новыхъ крѣпостей, подвигающихся все болѣе и болѣе къ слабозащищеннымъ, опаснымъ мѣстамъ к—ва. Однако, и цѣпь укрѣпленій не всегда служила надежной опорой и защитой населенію. Тогда, въ подкрѣпленіе земляной защитѣ, придается инородческое населеніе, вышедшее изъ степей и поселившееся въ пустынныхъ, степныхъ поляхъ, занимающихъ обширныя пространства вблизи верхнихъ и нижнихъ отдѣловъ р. Сулы. Эти выходцы изъ степей, убѣгая отъ своеволія болѣе сильныхъ кочевниковъ—половцевъ, мало-по-мало, ассимилировавшись съ русскими, стали живымъ оплотомъ Русской земли, которой они служили въ качествѣ легкаго коннаго войска.

Такъ защищалась юго-восточная окраина Руси отъ враговъ, такъ сохранилось населеніе ея подъ дружнымъ усиліемъ княжеской власти и народной массы, безпрестанно боровшейся съ кочевниками. И не пустыненъ былъ этотъ край даже въ печальныя времена своей жизни, даже послѣ урагана татарскаго погрома сохранившій въ укромныхъ мѣстахъ населеніе, преемственно передававшее отъ поколѣнія къ поколѣнію названія населенныхъ мѣстъ. Мы приведемъ прекрасныя слова по этому поводу покойнаго проф. М. Максимовича, знатока южно-русской исторической жизни. „Было мнѣніе, что съ нашествія Батыева на Кіевъ, Переяславль и другіе города Украины,—она оставалась надолго безлюдною степью и населилась уже другимъ новопришлымъ народомъ. Но это долгое запустѣніе Украины и замѣна ея прежняго народа другимъ—сущая небылица, за которую теперь можетъ хвататься одна историческая немочь, не умѣя изъяснить нѣкоторыхъ явленій южно-русской жизни прямо изъ нея самой“.

„Города и села[1]) Украины были опустошаемы и прежде Батыя, и послѣ него, и, между тѣмъ, они возобновлялись тѣмъ же народомъ, не покидавшимъ родныхъ пепелищъ. Оттого почти всѣ города и села украинскія, упомянутые въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ, существуютъ понынѣ на своихъ мѣстахъ и съ своими прежними именами иногда измѣненными. А лѣтописцы, говорившіе о городахъ и селахъ только по случаю, конечно, не назвали намъ и половины тѣхъ селъ и городовъ, которые были въ древней Украинѣ, и они, конечно, продолжаютъ свое бытіе донынѣ, наравнѣ съ упомянутыми въ лѣтописяхъ. Какъ бы могло это быть, если бы страна запустѣла надолго? Безлюдныя степи и пустыя урочища были бы нѣмы для новыхъ пришельцевъ и не сказали бы имъ своихъ древне-русскихъ именъ“ [2]).

---

[1]) Въ 1092 году „половцы взяли 3 города на р. Удаѣ и многа *села* воеваша по обоима сторонама“. Лавр. л., 208. Ипат. л., с. 150. „Того же лѣта (1110 г.) пришедше Половци, воеваше около Переяславля по *селамъ*. Тогоже лѣта взяша Половьци, ідучи назадъ, много *селъ*“. Ипат. л., с. 188. Въ 1135 г. половцы пожгли *села* близъ Городка и Баруча. Лавр. л., стр. 287. Въ слѣд. году—опять разореніе половцами городовъ и *селъ* по Сулѣ. Лавр. л., с. 288. Въ 1142 году половцы пожгли *села* по Стрякви, близъ Переяславля. Лавр. 294; въ 1154 году половцы „много зла створиша около Переяславля: пожгоша бо *села вся*“. Лавр. л. с. 326. Курсивъ вездѣ нашъ.

[2]) Относительно вопроса о населеніи Южной Руси послѣ татарскаго нашествія, существовало прежде, да и теперь еще поддерживается нѣкоторыми изслѣдователями мнѣніе о пустынности и совершенной незаселенности южно-русскаго предстепья вплоть до начала XVII в.,. когда населеніе будто бы вновь появилось здѣсь, вызванное колонизаціей края, Сторонники этого мнѣнія основываются главнымъ образомъ на отсутствіи соотвѣтственныхъ письменныхъ документовъ объ этомъ вопросѣ и на нѣкоторыхъ указаніяхъ письменныхъ источниковъ, говорящихъ о пожалованіи польскимъ магнатамъ—Вишневецкимъ, Ельцамъ и пр. такъ называемыхъ „пустыпь“ въ тѣхъ или иныхъ мѣстахъ на лѣвой сторонѣ средняго Днѣпра. Мы не согласны съ такимъ взглядомъ. Мы не отрицаемъ, конечно, что населеніе Днѣпровскаго лѣвобережья, съ XIII вѣка, подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ условій, значительно перѣдѣлано, но оно не исчезло отсюда совсѣмъ, какъ не исчезло оно и изъ сѣверо-восточной Руси, пострадавшей отъ татаръ значительно больше. Мнѣніе о свирѣпости и некультурности татаръ въ настоящее время, благодаря блестящимъ работамъ французскаго ученаго Cahun'a, не можетъ считаться серьезнымъ, а отсюда прямой выводъ, что и полнаго разоренія и запустѣнія южной Руси не было. Что это такъ, лучшимъ подтвержденіемъ сказаннаго могутъ служить ниже приведенныя данныя письменныхъ источниковъ, указывающихъ, что населенные пункты существовали въ краѣ до пресловутой колоназаціи съ правой стороны Днѣпра. Такъ, въ актахъ, относящихся къ XVI в., Актахъ Моск. госуд. издан. Акад. Наукъ (Разрядный Приказъ), можно найти указанія что большинство упоминаемыхъ начальною лѣтописью городовъ Переясл. земли, въ концѣ XVI и нач. XVII вв. все еще существовало какъ города, укрѣпленные сообразно условіямъ тогдашняго времени. Эти акты упоминаютъ: о Переяславлѣ, Нѣжинѣ, Борзнѣ, Ивангородѣ, Прилукахъ, Серебряномъ, Пирятинѣ, Лохвицѣ, Лубнахъ, Ромнѣ, Лукомьѣ, Хоролѣ: Голтвѣ, Полтавѣ, Миргородѣ и проч. См. Акты Моск. госуд., стр. 41, 103, 176, 338, 345, 408, 441, 444, 621, 625 и проч. Тоже можно видѣть и на древнѣйшихъ иностранныхъ картахъ южной Руси. Вообще, стараясь доказать перерывъ въ историческомъ процессѣ южной Руси, изслѣдователи упускаютъ изъ вида законъ эволюціи народной жизни, не допускающій такихъ продолжительныхъ запустѣній края и быстрыхъ заселеній его, законъ, дѣйствующій постоянно и безпрерывно въ однажды принятомъ направленіи.

IV.

Промышленность и торговля.

„Нѣкогда задолго до признанія Варяговъ, въ странахъ между Понтомъ и Бельтомъ, была несравненно большая населенность, образованность и общественность, нежели какъ думали прежніе ученые. Шафарикъ, Славян. Древности, т. I, отд. IV и V.

Физико-географическія особенности Переяславльской земли и вліяніе ихъ на населеніе послѣдней. Лѣсныя, степныя и водныя богатства края. Звѣриный промыселъ и рыбная ловля. Земледѣліе, скотоводство, пчеловодство. Гончарное, плотничье, кузнечье и проч. ремесла. Обработка предметовъ роскоши и привозъ ихъ. Вліяніе географическихъ условій на переяславльское населеніе. Слѣды древнихъ торговыхъ сношеній края съ культурными странами — греками, римлянами, Византіей и арабами. Судоходство въ южной Руси въ древнія времена и условія его развитія. Главныя пути торговли въ древнее время. Предметы торговли. Вліяніе торговли и промышленности на общественное и политическое развитіе края.

Познакомившись въ общихъ чертахъ, насколько то было возможно, съ прочнымъ установленіемъ славянской осѣдлости въ среднемъ Приднѣпровьѣ, перейдемъ теперь къ выясненію тѣхъ условій, благодаря которымъ вышеназванная осѣдлость утверждалась и прогрессивно развивалась въ предѣлахъ Переяславльской земли. Намъ придется теперь коснуться торговли и промышленности Переяславльскаго края, какъ такихъ факторовъ экономической жизни, которые всегда оказывали огромное вліяніе на развитіе внутренней и внѣшней жизни страны. Необходимо при этомъ постоянно имѣть въ виду, что природа страны и ея географическое положеніе играютъ въ этомъ дѣлѣ первенствующую, стихійно-доминирующую роль; они всегда оказываютъ огромное вліяніе на живущее въ странѣ населеніе, способствуя послѣднему въ выборѣ его занятій, выработкѣ типичныхъ чертъ нравовъ, характера, обычаевъ, равно какъ и основъ его умственнаго и нравственнаго развитія. Дѣйствительно, человѣкъ, поставленный въ тѣсную связь съ окружающей природой, поневолѣ тѣсно сживается съ послѣдней, приспособляется къ ней, и, мало-по-малу, незамѣтнымъ образомъ, становится, и по своему образу жизни, и по своему умствен-

ному кругозору и нравственнымъ воззрѣніямъ, только тѣмъ лишь, къ чему давно уже готовила его окружающая природа. Словомъ, природа страны и географическое положеніе послѣдней накладываютъ на населеніе типичный, рѣзкій отпечатокъ и болѣе или менѣе способствуютъ или же задерживаютъ развитіе его въ культурномъ отношеніи. Мы замѣчаемъ, напримѣръ, большую разницу между населеніемъ, разбросаннымъ среди лѣсовъ и болотъ, и потому болѣе долго сохраняющимъ суровый, несообщительный, мѣстами даже полудикій образъ жизни, и между жителями, разселившимися среди открытой, плодородной мѣстности, занимавшимися главнымъ образомъ земледѣліемъ и торговлей, и достигшими вслѣдствіе этого сравнительно болѣе высокой степени культуры, которая способствовала развитію въ странѣ идей болѣе высокаго порядка, идей, приводившихъ къ крупнымъ, кореннымъ измѣненіямъ въ общественной, нравственной, и, несомнѣнно также—въ политической жизни.

Намъ предстоитъ такимъ образомъ задача выяснить воздѣйствіе вышеназванныхъ условій на населеніе Переяславльской территоріи.

Припомнимъ въ общихъ чертахъ характеръ мѣстности восточной стороны средняго Приднѣпровья. Могучія степи широкой полосой, точно морскія воды, отдѣляли Переяславльскую землю отъ побережій Чернаго и Азовскаго морей; точно у края моря пріютилась эта страна, рано окрещенная именемъ Украины, на границѣ со степью [1]. Здѣсь былъ порогъ степи, предѣлъ ея стихійнаго могущества, смѣнявшагося мало по-малу мѣстностью иного характера. На территоріи Переяславльскаго к-ва, какъ мы уже видѣли раньше, замѣчается переходный характеръ отъ земель степныхъ къ лѣснымъ, при чемъ послѣднія широкими лентами перерѣзывали край въ разныхъ направленіяхъ, отграничивая его отъ степей почти сплошной полосой дремучихъ лѣсовъ. Впрочемъ, въ общемъ, большая половина земель Переяславльскаго к-ва, какъ извѣстно, представляла собой какъ бы продолженіе степей съ ихъ тучною, черноземною почвой. Послѣднее обстоятельство было одной изъ причинъ долгихъ и упорныхъ войнъ разныхъ кочевыхъ народовъ съ осѣдлыми жителями этой страны, отстаивавшей свое достояніе цѣною огромнаго труда, лишній всякаго рода, цѣлыхъ потоковъ крови. Исторія южно-русскаго предстепія—это безконечная, исполненная потрясающаго драматизма эпопея борьбы осѣдлаго міра съ кочевымъ. Эта продолжительная, многовѣковая борьба, теряющая свое начало въ туманой дали прошедшихъ вѣковъ, обусловливалась съ

---

[1]) „И плакашася по немь (князѣ Владимерѣ Глѣбовичѣ) вси Переяславци: бѣбо князь добръ и крѣпокъ на рати и всякими добродѣтелми наполненъ, о немъ же Украина много постона". Ипат. л., с. 439.

одной стороны,—географическимъ положеніемъ страны, находившейся на главной дорогѣ движеній степняковъ на западъ, съ другой—богатствами ея, проистекавшими, какъ отъ естественныхъ даровъ природы, такъ и отъ развитія разнаго рода отраслей промышленности и торговли. Результатомъ всего этого было то, что жители территоріи, занимаемой Переяславльской землей, съ древнѣйшихъ поръ должны были быть предпріимчивыми, храбрыми, подвижными. Съ этими качествами и долгое время и остаются переяславльцы, пока новыя обстоятельства, новыя условія жизни не измѣнили нѣкоторыхъ чертъ ихъ основнаго характера.

Посмотримъ теперь, каковы были въ древнюю пору богатства Переяславльской земли естественными произведеніями.

Въ дремучихъ лѣсахъ Переяславльской земли, сливающихся на сѣверѣ со сплошною массою Черниговскаго Полѣсья, къ югу же расползающихся узкими лентами по рѣчнымъ долинамъ, водились во множествѣ дикіе звѣри и птицы. Нѣкоторыя породы изъ нихъ, напр. медвѣди, дикія лошади, зубры, бобры, олени и пр. нынѣ совершенно исчезли; другія—доживаютъ свои послѣдніе дни, напр. д. кабаны, козы, куницы. Между тѣмъ еще не такъ давно, столѣтія два-три тому назадъ, многія изъ вышеназванныхъ породъ звѣрей водились во множествѣ въ предѣлахъ, занимаемыхъ Переяславльскимъ княжествомъ [1]). Въ древнюю пору здѣсь водились въ лѣсахъ: туры, дикіе быки, медвѣди, лоси, дикіе кабаны, козы, олени, лисицы, волки, куницы, зайцы, бѣлки; а близъ степей—дикія лошади [2]). Владиміръ М. въ своемъ Поученіи упоминаетъ объ охотѣ на этихъ звѣрей. Княгиня Ольга разставляла ловища по рѣкамъ. И въ другія времена встрѣчаются указанія на ловы звѣрей, производившіеся князьями. Въ XII ст. князья ходили внизъ по Днѣпру, къ р. Тясминю, гдѣ и обловились множествомъ звѣрей [3]). Въ древнее время по берегамъ рѣкъ и озеръ Переяславльскаго к-ва водились куницы, бобры, выдры. Въ Русской Правдѣ полагался тяжелый штрафъ за кражу бобра [4]). Бобровый и куній промыслы существовали здѣсь издревле; они угасли еще не такъ давно; такъ, въ XVI ст. упоминаются бобровые гоны и охота за бобрами [5]).

---

[1]) См. раньше стр. 47—49.

[2]) Ibidem.

[3]) Ипат л., стр. 447.

[4]) Рус. Правда, изд. Калачева, с. 14, 34.

[5]) Herod. IV; Strab., III, cap. IV, 15. Арх. юго-з. Рос., ч. VII, т. I, с. 84—101. П. Голубовскій. Ист. Сѣв., земли, с. 27; Акты Моск. государ. Разр. Прик., с. 164. Въ XVI ст. добываніе боброваго мѣха считалось довольно выгоднымъ промысломъ, за пользованіе которымъ платилась извѣстная пошлина шкуркой этого звѣря или же деньгами. Арх. ю.-з. Р., ч. VII, т. I, с. 84—103.

Мѣстныя названія также говорятъ о занятіи населенія этимъ промысломъ: Бобрикъ, Бобровица, Костобобрь и пр. [1]). О куньихъ и бѣличьихъ мѣхахъ упоминаютъ лѣтописи и арабскіе писатели [2]). Если принять во вниманіе тѣсныя связи сѣверянъ съ каспійскимъ и черноморскимъ побережьями, то вывозимые въ послѣднія мѣха черныхъ собакъ (соболь?) и черныхъ лисицъ [3]) указываютъ на богатую фауну Переяславльскихъ земель. Мѣха составляли очень важный предметъ промышленности: ими уплачивалась дань покоренными народами; пошлины въ древней Руси часто брались мѣхами.

Нечего и говорить, что на обширныхъ и привольныхъ угодьяхъ Переяславльской земли—лѣсныхъ, болотныхъ и рѣчныхъ—водилось безчисленное множество дикихъ птицъ: гусей, лебедей, разныхъ породъ утокъ, тетеревовъ, рябчиковъ, куропатокъ, дрохвъ, журавлей, коростелей. Сохранились извѣстія объ этомъ и въ лѣтописи, и въ „Словѣ о полку Игоревѣ", и во многихъ пѣсняхъ, относящихся къ древнему періоду жизни южной Руси. Разнообразіе и богатство фауны въ предѣлахъ Переяславльской земли рано обратили на себя вниманіе населенія, которое съ древнѣйшихъ временъ занималось охотой, какъ выгоднымъ промысломъ, а не какъ забавой только. Звѣрей и птицъ добывали или при помощи сѣтей, силковъ, или же—били стрѣлами изъ лука. Есть извѣстія, что охота производилась съ гончими собаками, или же съ соколами [4]). Русскіе князья и бояре были большими любителями охоты, особенно тѣ изъ нихъ, которые выросли подъ покровомъ ближайшихъ къ степи мѣстъ. Вспомнимъ Мстислава Тмутараканскаго, Олега Святославича, Владиміра Мономаха, Всеволода Ольговича и цѣлый рядъ другихъ князей, которые съ любовью предавались охотѣ, вырабатывавшей въ князьяхъ удаль, отвагу, знакомство съ природой и философское отношеніе къ послѣдней.

Въ Переяславльской землѣ, подобно тому, какъ и въ другихъ земляхъ, въ связи съ лѣснымъ богатствомъ, издавна существовало пчеловодство. Въ виду неоднороднаго характера мѣстности, способъ пчеловодства былъ двоякій: бортный и пасѣчный. Послѣдняя система, вѣ-

---

[1]) См. Карту Черниг. и Полт. губ.

[2]) Сѣверяне д. были платить дань хозарамъ по бѣлкѣ, Олегу—по черной куницѣ. (Ипат. л., стр. 11 и 12). Въ XVI ст. куница и лисица составляли предметъ охоты въ сѣверянскихъ лѣсахъ, по такъ называемымъ уходамъ. См. Архивъ юго-запад. Р., ч. VII, т. I, стр. 96—97.

[3]) Аль-Истахри, Ибнъ-Хацкаль. См. также „Древности" т. 9, в. II и III, с. 96.

[4]) Аристовъ. Промышленныхъ въ др. Р., стр. 9—15. Лавр. л., стр. 234—238. Рус. Пр., с. 36. Охотой занимались во всѣхъ областяхъ Руси; въ древнее время право охоты принадлежало всѣмъ, а не однимъ только привилегированнымъ, хотя были заповѣдныя пущи, гдѣ охотились только князья.

роятно, была преобладающей, потому что она практиковалась въ этомъ краѣ и позже, въ XVI ст., что видно изъ документовъ, относящихся къ этому періоду [1]). Бортный промыселъ могъ, конечно, процвѣтать только въ болѣе лѣсныхъ мѣстахъ [2]). Пчеловодство давало значительный доходъ населенію, которое уплачивало дань медомъ, какъ это практиковалось и позже, въ XVI ст. [3]).

О рыбной ловлѣ можно сказать, что она производилась въ Приднѣпровьѣ съ древнѣйшихъ временъ, въ чемъ можно убѣдиться по археологическимъ раскопкамъ кургановъ, и по находкамъ каменныхъ грузилъ, т. е. камней, употреблявшихся для погруженія сѣти въ воду. Рыбы въ рѣкахъ и озерахъ было такое же множество, какъ и дичи въ лѣсахъ и степяхъ. Бопланъ подробно описываетъ богатство украинскихъ рѣкъ рыбой разнаго рода [4]). Въ XVI ст. рыбная ловля составляла выгодный промыселъ лѣвобережной Украины [5]). Ловили рыбу сѣтями—неводами, кошами, вершами, ятерями, бредниками; на ѣзахъ производилась крупная ловля рыбы, какъ и въ XVI стол. [6]). Лѣсныя богатства приднѣпровскаго края давали возможность населенію послѣдняго утилизировать ихъ для своихъ нуждъ; постройка судовъ,— о чемъ мы будемъ говорить ниже, — крѣпостныхъ стѣнъ, домовъ, домашнихъ службъ, выдѣлка разнообразной посуды и проч., широко практиковались въ землѣ сѣверянъ, въ томъ числѣ и въ южной части послѣдней [7]). Въ лѣтописи находится не мало сообщеній о пожарахъ, происходившихъ или отъ собственной неосторожности, или же отъ руки враговъ [8]).

Перейдемъ теперь къ обзору богатствъ земель открытыхъ, т. е. между—рѣчныхъ степныхъ плато и луговыхъ долинъ по берегамъ рѣкъ.

---

[1]) Архивъ юго-зап. Р., ч. VII, т. I, стр. 83—103

[2]) Село Бортничи на лѣвой сторонѣ Днѣпра, безъ сомнѣнія, имѣетъ отсюда свой корень.

[3]) Рус. Прав., с. 30: Арх. юго-запад. Р., ч. VII, т. I, стр. 83—103.

[4]) Beauplan. Description d'Ukraine, p. 14.

[5]) Арх. юго-з. Р., ч. VII, т. I, с. 84—103. Наиболѣе распространенныя породы рыбъ были слѣдующія: коропъ, щука, карась, лещъ, сомъ, иногда—осетръ. См. Арх. юго-з. Р., ч. VII, т. I, с. 85.

[6]) Ibidem. См. также Аристовъ. Промышлен. др. Р., с. 20—31. Объ этомъ промыслѣ мало сохранилось извѣстій въ древнихъ письменныхъ источникахъ. Мы возстановляемъ картину по аналогіи съ другими близлежащими мѣстностями Руси и на основаніи тѣхъ сообщеній, какія сохранились отъ XVI ст.

[7]) Рус. Правда, изд. Калач. с. 17, 26, 33, 35—38. П. Голубовскій. Ист. сѣв. земли, стр. 28.

[8]) „И на ту нощь (во время осады Переявлавля, въ 1140 году), загорѣся Переяславль“ Ипат. л., стр. 219. См. также Ипат. л., стр. 150, 188, Лавр. л. стр. 287, 288, 294 и 326.

Съ древнѣйшихъ временъ, насколько то помнитъ исторія, населеніе прилегающихъ къ среднему теченію Днѣпра земель занималось земледѣліемъ. Тучная земля и удобство сбыта водой въ значительной степени способствовали этому. Уже Геродотъ знаетъ здѣсь *скиѳовъ пахарей* и *скиѳовъ земледѣльцевъ* [1]).

Днѣпровское побережье, какъ въ нижней, такъ и средней своихъ частяхъ, было житницей южныхъ странъ, преимущественно Греціи съ отдаленныхъ временъ [2]). Въ древнее время сѣяніе хлѣба составляло весьма важную статью занятій осѣвшихъ по берегу Днѣпра племенъ. Оно было очень значительнымъ. Въ зависимости отъ хлѣбопашества находилось и благосостояніе прилегающей къ Днѣпру страны. Любовное отношеніе южно-русскаго поселянина къ земледѣлію, выражаемое въ пѣсняхъ, и фигурированіе разныхъ сортовъ хлѣба во многихъ бытовыхъ и религіозныхъ обрядахъ Украины, указываютъ на давность занятія ея земледѣліемъ [3]).

Многочисленныя раскопки разнаго рода кургановъ, скиѳскихъ и болѣе поздней эпохи, констатировали присутствіе зеренъ разныхъ сортовъ хлѣба иногда вмѣстѣ съ орудіями для снятія послѣдняго. Мы узнаемъ отсюда, что *пшеница*, *рожь*, *овесъ* и *просо* были разводимы въ странѣ въ глубокой древности [4]). Тоже самое замѣчается и въ послѣдующее время, когда страна была занята осѣдлыми племенами славянскаго корня [5]). Особенно въ большомъ ходу практиковалось сѣяніе *ржи* (жито), *пшеницы*, *проса*, *ячменя*, *льна* и *конопли* [6]).

---

[1]) Геродотъ IV, стр. 16—17; 52—53. Скиѳы сѣяли хлѣбъ, лукъ, чечевицу, просо. Ibidem.

[2]) Страбонъ, (переводъ Ѳ. Мищенко), с. 308; Ѳ. Г. Мищенко. О. Днѣпровск. пути древнихъ грековъ къ Балтійскому морю. Чт. въ Общ. Нест. лѣт., II, с. 95—97.

[3]) Вспомнимъ малороссійскія колядки, гаданья, засѣванья и проч. Если изслѣдователи видятъ въ этомъ остатки далекой, сѣдой старины, то и хлѣбныя зерна, участвующіе при этихъ обрядахъ, указываютъ на давность существованія земледѣлія въ странѣ.

[4]) Ипат. л., с. 88. Русская Правда, изд. Калачевымъ, с. 22—31. См. раскопки Гг. Самоквасова (Указат. выставки 3-го арх. съѣзда въ Р.) Антоновича, Бобринскаго, Каминскаго, и пр. Во время раскопокъ на „Княжей горѣ", близъ Канева, г. Бѣляшевскимъ обнаружены слѣды проса въ сосудахъ и зерна гречихи. Тоже было открыто и при раскопкѣ онишмянскаго кургана въ харьковской губ. См. ст. проф. Багалѣя: Общ. очеркъ древностей Харьк. губ. стр. 5. Употребленіе скиѳами пшеничной соломы во время жертвоприношеній божеству указываетъ на произрастаніе этого хлѣба въ Скиѳіи. Геродотъ, IV, ст. 33.

[5]) Аристовъ, Промышлен. въ древней Руси, стр. 59—60.

[6]) Въ Ипат. л. упоминаются: *пшеница*, *овесъ*, *просо* (88, 160 и 526 стр.); въ житіи св. Ѳеодосія—*рожь*, *ленъ*, *макъ*; въ Патерикѣ Печ.—*горохъ* (86, 100 стр.). О пшеницѣ извѣстно, что она служила пищей печерскимъ инокамъ. См. Аристовъ, Промышл. др. Руси, стр. 61. Въ разрытыхъ курганахъ попадаются обугленные зерна хлѣба. См. раскопки гг. Самоквасова, Бѣляшевскаго, Хвойки.

Лѣтописныя данныя свидѣтельствуютъ, что Переяславльская земля, особенно ея западный отдѣлъ, занималась земледѣліемъ уже очень рано. Такъ, въ 1093 году, послѣ погрома половцами Русской Земли „*нивы* послѣдней *поростьше звѣремъ жилища быша*“ [1]). Въ 1103 году во время совѣщанія князей съ дружиной о походѣ на половцевъ, дружинники заявили, что „не время веснѣ воевати, хочемъ погубити смерды и *ролью* имъ“,—т. е. ихъ посѣвы [2]). Въ лѣтописи неоднократно упоминается, что половцы жгли села и *гумна*, вытравливали, выбивали лошадьми близъ Переяславля хлѣба, стоявшіе неснятыми. Не мало страдали хлѣба и отъ саранчи, истреблявшей ихъ [3]).

Въ лѣтописи и Русской Правдѣ, отражавшихъ въ себѣ жизнь и занятія современнаго населенія Русской земли, указывается на широкое развитіе земледѣлія: въ лѣтописяхъ упоминается о *ралѣ* и *боронѣ* [4]), въ Русской Правдѣ - о *плугѣ* и *боронѣ* [5]), а въ другихъ же документахъ—*о косахъ, серпахъ*. Русской Правдой опредѣляется большой штрафъ за кражу хлѣба изъ гумна, или же изъ ямы, гдѣ хранилось зерно [6]).

„Слово о Полкѣ Игоревѣ“ имѣемъ сравненіе, указывающее на занятіе населенія земледѣліемъ [7]). Если прибавить къ этому, что такіе сосѣдніе сѣверянамъ народы, какъ поляне, древляне, [8]) вятичи, [9]) кривичи [10]) и проч. занимались земледѣліемъ, то, послѣднее, понятно, было въ большомъ развитіи и въ южномъ районѣ Сѣверянской земли,

---

[1]) Лавр. л., стр. 216.

[2]) Ипат. л., стр. 183.

[3]) Лавр. л., стр. 215: 294 и др. Въ 1143 г. половцы близъ Переяславля „села пожгоша и *жита* попасоша“ (Лавр. л., стр. 294). Въ 1142 г. „Игорь Ольговичъ пришедъ ста по Стрякви и много пакости створиша и села пожгоша и *жита* попасоша Лавр. лѣт., ст. 294. Въ 1154 году—„многа зла сотвориша Половцѣ около Переяславля: села вся пожгоша и *жита* вся потравиша“. (Воскр. лѣт., с. 62.) Въ 1128 г. весеній расливъ рѣкъ унесъ *жито* и хоромы (Лавр. л., с. 284). Въ 1095 году явилась саранча на Русскую землю и „поядоша всяку траву и многа *жита*“ (Ипат. л., с. 158: Лавр. л., стр. 219). Въ слѣдующемъ году явилась опять саранча въ августѣ м-цѣ, „И покрыша землю... ядуще траву или *проса*“ Ипат. л., стр. 160. Въ 1104 и 1195 г. придоша и прузии (саранча), говоритъ лѣтопись (Ип. л., с. 185 и 462). Объ опустошеніи саранчей южной Россіи въ XVII ст. говоритъ Бопланъ.

[4]) Ипат. л., с. 42 и 224.

[5]) Рус. Пр., изд. Калачева, стр. 13 и 32.

[6]) Рус. Пр., с. 10 и 27. И до сихъ поръ южно-руссы прячутъ хлѣбъ въ землѣ, въ круглыхъ глубокихъ ямахъ.

[7]) „На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чепи харалужными, на тоцѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла“. Слово о Полку Игоревѣ.

[8]) „А вси ваши городы, говорила Ольга древлянамъ—передашася мнѣ,... и дѣлаютъ нивы своя и землю свою“... Ипат. л., стр. 37.

[9]) Свод. лѣт., стр. 23 и 56.

[10]) П. Голубовскій. Исторія Смолен. земли, стр. 89—92.

верхній отдѣлъ которой изобиловалъ хлѣбомъ во время лѣтописца [1]). Изъ лѣтописи извѣстно также, что хлѣбъ сѣялся въ Рязанской, Муромской, Суздальской и другихъ земляхъ. Болгары волжскіе издавна были земледѣльцами; они сѣяли пшеницу, просо, ячмень [2]).

Изъ Русской Правды узнаемъ также, что снятый хлѣбъ ставился въ копны, а сѣно—въ стоги, какъ это практикуется и теперь въ южной Россіи [3]).

Такимъ образомъ, съ древнѣйшихъ временъ въ среднемъ Приднѣпровьѣ, на обѣихъ его сторонахъ, сѣялись разнаго рода хлѣба и собиралось сѣно.

Воздѣлывалась обыкновенно цѣлина, степь, находящаяся близъ заселенныхъ угодьевъ, какъ это мы замѣчаемъ и позже, именно въ XVI ст., когда населеніе лѣвой стороны Днѣпра пахало землю тамъ, гдѣ ему было угодно [4]); о распахиваньи лѣсныхъ участковъ лѣтописи умалчиваютъ: въ той странѣ и не нуждались въ нихъ. Частыя бѣдствія обрушивались на земледѣліе и подрывали его: саранча, набѣги, неурожаи разнаго рода, а отсюда—голодовка были знакомы юго-восточному отдѣлу Русской земли еще въ древности. Владиміръ Мономахъ краснорѣчиво говорилъ объ этомъ въ своемъ Поученіи: „многы бѣды прияхомъ отъ рати, и отъ голода"—печалуется онъ, вспоминая о своемъ пребываніи въ Переяславлѣ [5]). Относительно *огородничества* можно сказать, что оно процвѣтало здѣсь въ такой же степени, какъ и въ близлежащихъ кіевскихъ земляхъ—въ Вышгородѣ Кіевѣ, и пр. Въ XII ст. возлѣ г. Переяславля находились огороды [6]).

Не менѣе существеннымъ занятіемъ населенія Переяславльской земли было *скотоводство*.

---

1) Въ 1146 году Давидовичи сожгли въ одномъ сельцѣ гумно Игоря Ольговича, гдѣ сгорѣло 900 стоговъ хлѣба. Ипат. л., с. 236.

2) Хвольсонъ. Ибнъ-Даста и пр., стр. 89; Бережковъ, стр. 28.

3) Русская Правда, изъ Калачовымъ, с. 21—32.

4) Возлѣ селища Бувкова „пасеку и *пашню* держитъ тамъ человѣкъ, даетъ на годъ по 12 грошей". (Арх. юго-з. Россіи, ч VII, т. I. с. 99); „за Днѣпромъ, въ полъ мили отъ замку—селище *пашня* Городище" (Ibidem, 101) „Пашутъ Черкашене мещане и бояре *на поли, где хто хочеть*" (Ibidem, стр. 86): овесъ получался изъ Супоевщины (Ibid., с. 97); „Земъля по полемъ, надъ мистомъ мещаномъ на пашню здавна была вольна нижли недавно Кн. Володимеръ Путивльскій, вышодши изъ Москвы почалъ на тыхъ земляхъ съ *пашень* мещанскихъ брать десятину". (Ibidem 97—98). Сборъ въ пользу старосты черкас. (и другихъ) замка собирался какъ съ боярскихъ, такъ и съ мѣщанскихъ владѣній по грошу въ годъ, да *жита* по четверти. (Арх. юго-зап. Россіи, ч. VII, т. I, с. 81). Мыта (пошлина) на замокъ отъ копы по 3 гроши (Ibid., 82). и пр. Курсивъ—нашъ.

5) Лавр. л., стр. 240.

6) „И выправися (Изяславъ) весь из города и ста на болоньи, и товары за огороды" Ипат. л., с. 266. Грушевскій. Ист. Кіев. земли, с. 376.

Южно-русскія степныя земли, какъ извѣстно, издавна были богаты скотомъ всякаго рода. Археологическія раскопки скиѳскихъ кургановъ указываютъ на существованіе здѣсь домашнихъ животныхъ: *быка, лошади, свиньи, собаки,* и проч. [1]). Въ древнѣйшихъ преданіяхъ объ этихъ земляхъ, записанныхъ греками, фигурируютъ быки, лошади, коровы, овцы [2]). Украшенія на сбруѣ, утвари и другихъ предметахъ, относящихся къ этой отдаленной эпохѣ и послѣдующихъ затѣмъ временъ, указываютъ на широкое развитіе скотоводства и звѣриной ловли. Въ курганахъ сѣверянъ находили куски ремней, кожъ, употреблявшихся то какъ обувь, то какъ одежда, то какъ отдѣлка вооруженія—колчана, ноженъ, щита и пр. [3]). Жители Переяславльской земли издревле пользовались домашними животными какъ для своихъ полевыхъ и домашнихъ работъ, такъ и для военныхъ цѣлей. Мясо домашнихъ животныхъ: лошадей, рогатаго свота, свиней, овецъ, птицъ и проч. служило также пищей населенію; лошади, скотъ и шкуры составляли предметъ вывоза въ другія страны [4]).

О занятіи скотоводствомъ жителей лѣвобережнаго Приднѣпровья сохранились указанія въ лѣтописи и въ древнемъ юридич. памятникѣ—Русской Правдѣ. Вспоминая о печальныхъ послѣдствіяхъ набѣга половцевъ на Русскую землю въ 1093 году, лѣтопись говоритъ, что тамъ, гдѣ находились прежде стада коней, овецъ и воловъ,—тамъ теперь „все тоще видимъ", и нивы стали жилищемъ звѣрей [5]). Если припомнимъ, что около этого времени начинаются нападенія половцевъ не только на кіевскія земли, но и на лѣвобережную Украину, то слова лѣтописи, конечно, относятся и къ Переяславльской землѣ.

Затѣмъ, въ лѣтописи встрѣчаются неоднократныя указанія, что лошади и рогатый скотъ составляли одинъ изъ существенныхъ элементовъ богатства Переяславльскихъ жителей. Такъ, изъ лѣтописнаго разсказа о Янѣ Усмовичѣ выясняется, что жители Переяславльской земли занимались скотоводствомъ, а отсюда уже и кожевеннымъ промысломъ [6]). Въ Русской Правдѣ, рисующей намъ домашній бытъ рус-

---

[1]) См. раскопки Г. Антоновича, Самоквасова, Мазараки, Бобринскаго, Завитневича, Эварницкаго и проч.

[2]) См. Геродота, IV кн.

[3]) Въ курганахъ Переяславльской земли находили панцырныя пластинки, нашитыя на кожу. См. рефер. гг. Каминскаго, Мазараки и пр.

[4]) „Святославъ... потонку изрѣзавъ конину, или звѣрину, или говядину, на угълехъ испекъ, ядяше" Ипат. л., стр. 41; „изъ Руси же идутъ скора и воскъ, и медъ и челядь"—говорилъ Святославъ. Ibidem, 44; Лавр. л., стр. 241.

[5]) Лавр. л., стр. 216.

[6]) Ипат. л., с. 84. Отецъ Яна Усмовича говорилъ кн. Владиміру: „единою бо ми сварящю, оному же мнущю кожу, и разгнѣвася на мя, преторже черевии руками" Ипат. л., с. 84. Въ настоящее время кожевенныя издѣлія—сапоги, шкуры и пр., для

скихъ славянъ, упоминается о лошадяхъ, коровахъ, овцахъ, козахъ, свиньяхъ и проч. [1]). Близко соприкасаясь со степями, переяславльцы часто входили въ сношенія съ кочевниками и, конечно, заимствовали отъ нихъ домашнихъ животныхъ, главнымъ образомъ рогатый скотъ, овецъ и лошадей, составлявшихъ богатство кочевыхъ народовъ. Русскіе часто совершали походы въ степи и возвращались оттуда съ богатой добычей, отнятой у степняковъ: „и зая у нихъ,—говоритъ лѣтопись,—и скоты, и кони, и овцы, и вельблуды" и проч. [2]).

Южная Русь, обладая прекрасными пастбищами, была поставлена въ благопріятныя условія относительно разведенія скота, который весьма часто она получала отъ степняковъ. Въ XI ст. Переяславльская земля имѣла уже много лошадей: въ 1060 году переяславльскій князь вмѣстѣ съ союзниками (кіевск., чернигов. и полоцк. князьями) ходилъ на торковъ „на коняхъ и в лодьяхъ" [3]). Въ 1096 году конное войско Святополка и Владиміра Мономаха разбило половцевъ близъ Переяславля [4]). Лошади выпасывались на переяславльскихъ степныхъ угодьяхъ цѣлыми табунами, что не покажется страннымъ, если мы припомнимъ, что въ Сѣверской землѣ, въ XI ст., по словамъ лѣтописи, были табуны лошадей въ нѣсколько тысячъ головъ [5]). На югѣ существовали условія еще болѣе благопріятныя для этого. Въ 1107 году Бонякъ въ маѣ м-цѣ „зая конѣ у Переяславлѣ" [6]). Впрочемъ, русскіе не одной лишь войной получали скотъ и лошадей отъ половцевъ, но и торговлей съ послѣдними [7]). Русская Правда говоритъ уже о постоянной торговлѣ домашнимъ скотомъ.

Занятіе скотоводствомъ продолжалось въ лѣвобережной Украинѣ безъ перерыва и въ послѣдующее время. Въ актахъ XVI в. говорится,

---

вывоза на ярмарки, выдѣлываются преимущественно въ окрестныхъ переяславльскихъ селахъ—Барышевкѣ, Березани и пр.

[1]) Рус. Пр., стр. 10, 28, 29, 36.

[2]) Ипат. л., стр. 159, 184, 193, 317, 369, 370, 429, 451, 522, и пр.

[3]) Ипат. л., стр. 114.

[4]) Когда Владиміръ хотѣлъ порядити людей дружины, „они же не послушаша, но удариша на *конѣ* къ противнымъ" (т. е. половцамъ). Ипат. л. с. 161.

[5]) Въ 1146 г. Мстиславъ Изяславичъ захватилъ въ с. Мельтековѣ (Черниг. вол.) Игоревы и Святославовы стада лошадей въ нѣсколько тысячъ головъ. Ипат. л., стр. 235.

[6]) Ипат. л., с. 186. Въ 1149 г. Изяславъ Мстиславичъ посылаетъ въ кіевск. область своихъ тіуновъ возвратить захваченныя у него стада и имущество. Былъ заключенъ съ Юріемъ Долгорукимъ договоръ, въ силу котораго „яко по Переяславльскомъ полку что будетъ пограблено, или стада, или челядь, что ли кому будетъ свое познавши, поимати же по лицю". Ипат. л., с. 274. Въ 1169 г. была жалоба, что „холопи (бояръ Нестора и Петра Бориславичей) покралѣ конѣ Мстиславли у стадѣ и пятны (тавро) своѣ въсклалѣ". Ипат. л., с. 370.

[7]) Аристовъ. Промышл. др. Р., стр. 42—43.

что на восточной сторонѣ средняго Приднѣпровья находилось множество сѣножатей, что, конечно, указываетъ на существованіе здѣсь обширнаго скотоводства [1]).

Познакомившись съ естественными произведеніями края, перейдемъ теперь къ описанію находимыхъ въ его предѣлахъ предметовъ, относящихся къ домашнему обиходу, вооруженію и украшеніямъ разнаго рода, начиная съ отдаленныхъ временъ.

На территоріи Переяславльской земли съ древнѣйшихъ временъ практиковалась обработка естественныхъ произведеній природы, при чемъ безъ труда можно замѣтить переходныя ступени въ развитіи этой обработки. Такъ, *каменныя, гончарныя* и *металлическія* издѣлія встрѣчались самаго разнообразнаго характера и различныхъ эпохъ, отъ самыхъ грубыхъ, до болѣе изящныхъ, болѣе аккуратно выдѣланныхъ, и, наконецъ,—привозныхъ, отличающихся тонкостью, изяществомъ и разнообразіемъ рисунка. Во многихъ мѣстахъ въ курганахъ, на поляхъ, и на прирѣчныхъ пещаныхъ отмеляхъ, вмѣстѣ съ другими предметами древности, отыскиваются весьма часто,—иногда въ большомъ количествѣ,—глиняная посуда мѣстнаго производства и привозная. Сосуды болѣе древней эпохи, мѣстной работы, отличаются грубой выдѣлкой; они сдѣланы безъ помощи гончарнаго колеса, изъ плохой глины; въ глину подмѣшивали, для большей связи частицъ, битый гранитъ, рѣчную гальку, иногда—измельченные панцыри ракушекъ: это посуда такъ называемаго палеолитическаго періода. Затѣмъ, попадаются сосуды, слѣланные уже болѣе искусно, съ помощью гончарнаго колеса, съ разнообразнымъ орнаментомъ на внѣшней сторонѣ, относящіеся къ неолитической эпохѣ. Сосуды привозные, искусно сдѣланные, полированные, тонкіе, изящные, весьма разнообразные по колеру и качеству, составляютъ рѣзкій контрастъ съ мѣстными произведеніями; попадаются иногда—terracot'овые сосуды изъ далекихъ странъ; затѣмъ, въ большомъ количествѣ—амфоры и другая посуда, причемъ замѣчается послѣдовательное измѣненіе формы амфоръ [2]). Что касается издѣлій изъ дерева, то они, вслѣдствіе естественной причины,—своей легкоразрушимости отъ времени,—не могли дойти до насъ. Кое-какіе слѣды ихъ не даютъ еще намъ полнаго представленія объ этихъ издѣліяхъ. Въ болѣе счастливыхъ условіяхъ предметы изъ металловъ, кости или же рога.

Металлическія издѣлія изъ бронзы, желѣза, мѣди, олова, золота, серебра и пр., встрѣчаются въ предѣлахъ Переяславльской земли въ значительномъ количествѣ; они появились здѣсь очень рано и были

---

[1]) Арх. Юго-зап. Р., ч. VII, т. I, с. 83—103.

[2]) Смотри раньше, на стр. 82—100.

или мѣстнаго производства, или—получались изъ другихъ странъ, преимущественно съ сѣверныхъ побережій Чернаго моря, съ береговъ Средиземнаго моря, или же—изъ Средней Азіи и Сибири [1]). Бронза встрѣчается въ раскопкахъ въ видѣ оружія, принадлежностей домашняго обихода или же въ видѣ украшеній [2]). Кромѣ того, изъ бронзы попадаются символическія изображенія въ видѣ головы пѣтуха, орла, и другихъ птицъ [3]); сюда относится также изображеніе бронзоваго божка, найденное въ Хорольск. уѣздѣ, къ востоку отъ р. Сулы [4]).

Въ христіанскую пору изъ бронзы приготовлялись энколпіоны, иконки, которыя находятся во многихъ мѣстахъ на территоріи Перея-

---

[1]) Объ этомъ см. раньше на стр. 41—44 и пр. гдѣ указанъ археолог. матеріалъ, добытый въ предѣлахъ Переяславльской земли. О раннемъ знакомствѣ жителей Приднѣпровья съ металлами и о сношеніи ихъ съ Сибирью и Средней Азіей см. B. de Baye. Etudes sur l'archéol. d'Ukraine, p. 26, 28. О доставленіи греческ. предметовъ въ южную Русь см. Исторію всемір. торговли въ связи съ промышленностью, сост. Синявскимъ, с. 42—45.

[2]) Кромѣ находокъ бронзовыхъ кельтовъ, топориковъ, кинжаловъ, мечей, серповъ, браслетовъ, зеркалъ, шпилекъ, указанныхъ раньше, два бронзовыхъ малыхъ топорика были найдены у с. Лѣпляваго. См. музей унив. св. Владиміра. О многочисленныхъ находкахъ бронз. наконечниковъ копій и стрѣлъ было уже сказано въ своемъ мѣстѣ. Необходимо добавить къ этому, что бронзовое кованное остріе копья и стрѣлы были найдены въ остерскомъ уѣздѣ, а также—въ переяслав. (Полт. губ.), противъ села Монастырскаго (См. коллекцію В. В. Хвойко). Бронзовое копье, стрѣлы, кольца, бронзовыя привѣски и пряжки были найдены у с. Лѣпляваго (Золот. у. Полт. г.), и у с. Стовпягъ (Пер. у. Полт. г.). См. музей унив. св Владиміра. Части бронзовыхъ клинковъ отъ мечей, кинжаловъ, серповъ и стрѣлы были найдены близъ с. Келебедры и Лѣпляваго (Золот. у., Полт. г.). См. Музей унив. св. Владиміра. Бронзовыя стрѣлы, кольца, копье, шпилька и другія предметы найдены также близъ с. Мануйловки (крем. у., Полт. г.). См. Древности т. 15, в. 2, стр. 40 и 41. О находкахъ бронзовыхъ котловъ см. Запис. Археол. Общ., т. 3, Н. С. стр. 280—281. Бронзовая фибула съ орнаментомъ и другія древнія вещи были найдены въ курганѣ у с. Поставниковъ, надъ р. Удаемъ. (Лохвиц. у., Пол. г.). См. Арх. Изв. Москов. арх. Общ. 1895 г., № 9—10, стр. 330; и близъ с. Мануйловки (Кременч. у.). См. Древности, т. 15, в. 2, с. 41. О находкахъ украшеній—лентъ вокругъ головы и бляхъ съ отверстіями по краямъ и съ изображеніемъ звѣрей и птицъ см. раньше, а также Древности, т. 15, в. 2, стр. 40,—о раскопкѣ близъ с. Мануйловки.

[3]) Бронзовая головка, въ видѣ пѣтушьей, найдена близъ с. Мацковецъ Луб. у. Полт. губ. (См. сообщ. Прозоровскаго. Опись предм., хранящихся въ музеѣ Имп. Рус. Арх. Общ. 1869 г.). Въ курганѣ, близъ м. Иваницы (прилук. у.) найдена бронзов. фигурка въ видѣ головы птицы. (См. Отч. Имп. Арх. Ком. за 1893 г., с. 43—44). О находкѣ бронзов. изображеній близъ г. Борзны въ видѣ орлиной головы см. Имп. Моск. Арх. Общ. т. X. с. 32—34. О бронзовыхъ ажурныхъ наконечникахъ съ украшеніемъ сверху въ видѣ головы птицы или же четвереногаго, найденныхъ въ курганахъ близъ гг. Полтавы и Ромна (полт. г.), ст. B. de Baye. Etudes sur l'Ukraine, p. 35—36.

[4]) См. Катал. древностей музея универс. св. Владиміра, № 1209.

славл. к-ва, особенно близъ с. Стовпягъ, Пологовъ, Подсѣннаго, Каратулей, Келеберды и проч. Необходимо при этомъ замѣтить, что издѣлія изъ бронзы, какъ и другихъ металловъ, представляютъ послѣдовательный рядъ ступеней въ своемъ развитіи—отъ грубыхъ, кованныхъ, болѣе древнихъ, (наконечн. копій и стрѣлъ и пр.),—до литыхъ, тонкихъ и изящныхъ, украшенныхъ орнаментами изъ животнаго и растительнаго царствъ, что указываетъ уже на болѣе позднюю эпоху [1]).

Желѣзныя издѣлія встрѣчаются частью на ряду съ бронзовыми, частью—отдѣльно отъ послѣднихъ. Судя по находкамъ, изъ желѣза приготовлялись преимущественно оружіе, инструменты для хозяйственныхъ работъ и изрѣдка—предметы украшеній; желѣзные мечи, кинжалы, топоры, ножи, копья, стрѣлы, панцырныя пластинки, удила, стремена, подковы, шпоры, булавки, долота, скобы, гвозди, ведра и изрѣдка—фибулы и пряжки, иногда очень древняго типа, весьма часто находятся на территоріи Переяславльской земли. [2]). Что касается находимыхъ въ низменныхъ мѣстахъ вышеназванной земли, по долинамъ рѣкъ, большихъ желѣзныхъ *якорей*, то послѣдніе, вѣроятно, были привозными. *О кузнечномъ* ремеслѣ есть указаніе въ лѣтописи: въ древнемъ Переяславлѣ одни изъ воротъ назывались *кузнечными*; легенда о Зміѣ, котораго по преданію, св. Кузьма приковалъ за языкъ, также указываетъ на давность мѣстной выдѣлки желѣза.

Мѣдныя издѣлія попадаются или самостоятельно, или же въ видѣ придатка къ другимъ вещамъ, (напр. кольцамъ, обхватывающимъ деревяный черенокъ ножа), иногда въ видѣ толстыхъ спиральныхъ проволокъ, колецъ, пуговицъ, стрѣлъ и пр. [3]).

Предметы изъ благородныхъ металловъ—*золота, серебра* и *электрона* на территоріи Пеяславльской земли встрѣчаются въ видѣ украше-

---

[1]) Ibidem. См. также раскопки гг. Мазараки, Антоновича, Каминскаго и др.

[2]) О находкѣ желѣзныхъ ножей и гвоздей въ курганахъ близъ с. Медвѣжьяго (Ром. у. Полт. г.). см. Самоквас. Основ. хрон. кл., стр. 78—85. Въ 1895 г. найдено желѣз. копье у с. Стовпягъ. См. Музей унив. св. Владиміра. Желѣзное стремя съ золотымъ украшеніемъ найд. близъ с. Шкуратовъ, на р. Удаѣ. См. Музей Е. Скаржинской: Труды Москов. арх. общ., т. X, стр. 32—34 (протоколы); о желѣзной фибулѣ см. Д. Самоквасова. Основ. хронол. класиф., стр. 85. Желѣзные топоры, древніе, были находимы въ предѣлахъ Полтав. губ. во многихъ мѣстахъ. См. Музей Е. Скаржинской. Желѣзная фибула найдена у с. Подсѣннаго (Пер. у., Полт. г.). См. Музей унив. св. Владиміра. Желѣзный мечъ былъ отысканъ въ курганѣ, близъ м. Лазорокъ (Луб. у.) Замѣтка (рукопись). В. Б. Антоновича. Кромѣ того, по этому отдѣлу см. раскопки гг. Антоновича, Бобринскаго, Мазараки, Самоквасова, Каминскаго и пр.

[3]) См. Арх. Изв. Моск. Арх. Общ. за 1895 г. с. 330, раскопки г. Каминскаго, Мазараки и пр. Въ 1895 г., у с. Каратуль (Переяс. у. Полт. г.) найд. мѣдный сосудъ вмѣстѣ съ древнимъ энколпіономъ. См. музей унив. св. Владиміра. О большомъ количествѣ запасовъ желѣза и мѣди въ XII ст. въ южной Руси. См. Ипат. л., стр. 273.

ній, или же въ видѣ денежныхъ знаковъ; эти вещи или дѣлались дома, или же были привозимы изъ другихъ странъ. Изъ серебряныхъ вещей, относящихся къ различнымъ періодамъ, были найдены слѣдующія: кольца, браслеты (витые изъ проволоки и гладкіе), пуговицы, пряжки, гривны шейныя (витыя и гладкія), денежныя гривны, ленты (тонкіе листы), фибулы, бляшки (украшеніе оружія, сбруи и одежды), серьги въ видѣ кольца съ привѣсками, эмалированныя серьги кіевскаго типа, разныхъ узоровъ, посеребряныя бусы и проч. [1]). Въ курганахъ попадаются цѣлые слитки серебра, серебряныя монеты—римскія, греческія, арабскія, западно-европейскія и проч. [2]). Почти тоже можно сказать и о золотыхъ вещахъ, съ тою лишь разницей, что нѣкоторыя изъ этихъ вещей относятся къ болѣе раннему времени, чѣмъ серебряныя. Золотыя серьги вмѣстѣ съ монетами I и II в. по Р. Хр. [3]); золотой жезлъ, свитый изъ двухъ колецъ, съ изображеніемъ оленя, рыси, вепря и др. [4]); кольцо изъ электрона, вырытое изъ кургана близъ г. Лубенъ [5]), множество золотыхъ украшеній различнымъ странъ и эпохъ [6]); позолоченныя пуговицы, бусы, золотыя или позолоченныя бляшки съ изображеніемъ звѣрей [7]) и много другихъ вещей изъ золота и серебра, добытыхъ въ предѣлахъ Переяславльскаго к-ва, говорятъ о давности заселенія этой страны и значительномъ достаткѣ ея обитателей [8]). Есть основаніе полагать, что часть золотыхъ предметовъ выдѣлывалась на мѣстѣ, часть же была привозима изъ далекихъ странъ.

Что касается *тканей*, то, безъ сомнѣнія, холстъ былъ большей частью домашняго приготовленія. Кромѣ того, грубое сукно и войлокъ валялись древними уже очень давно. Ткани: шелковыя, шерстяныя и др. привозились изъ чужихъ мѣстъ. Остатки шелковой ткани въ курганахъ были наблюдаемы г. Самоквасовымъ въ г. Переяславлѣ [9]). Бронзовый, серебряный и золотой позументъ встрѣчается при погребеніи покойниковъ на территоріи Переяславльскаго к-ва. Кромѣ того, здѣсь же, частью въ курганахъ, частью въ песчанныхъ рѣчныхъ розсыпяхъ отыскиваются металлическія, глиняныя, янтарныя, стеклянныя—золотыя и посеребряныя бусы, а также стекляные браслеты. По-

---

[1]) Д. Самоквасовъ: Основ. хрон. кл., стр. 73—75, 85—86; 13—8 В. Б. Антоновичъ. Дневники раскопокъ: Мазараки, Каминскаго, Сабанѣева, Зарѣцкаго и пр.

[2]) Ibidem. Подробности о находкахъ древнихъ монетъ будутъ указаны ниже.

[3]) Д. Багалѣй. Общій оч. древн. Харьк. губ., стр. 5.

[4]) См. нашу работу: Археолог. раск. въ уроч. Лысая Гора, близъ г. Лубенъ.

[5]) Ibidem.

[6]) Самоквасовъ. Осн. хронол. кл., стр. 63—65.

[7]) См. находки В. Б. Антоновича близъ г. Борзны.

[8]) См. раскопки, гг. Мазараки, Самоквасова, Антоновича, Зарѣцкаго и проч.

[9]) Самоквасовъ. Основ. хронол. классиф., стр. 74.

падается не мало крестовъ и медаліоновъ, судя по всему очень древнихъ [1]).

Такимъ образомъ, уже на основаніи общаго обзора южнаго отдѣла сѣверской земли можно сдѣлать заключеніе, что она вовсе не была столь дикой, какъ это сообщаетъ намъ лѣтописецъ.

Перейдемъ теперь къ выясненію того, что Переяславскій край, кромѣ природныхъ богатствъ, издревле оживленъ былъ значительной торговлей.

Переяславльская земля, какъ извѣстно, представляла умѣренную по климату и богатую по плодородію страну, издревле привлекавшую въ свои предѣлы энергичное и разнообразное по своему этнографическому составу населеніе. Эта страна, очевидно, имѣла всѣ шансы для развитія осѣдлой жизни, интенсивность которой, какъ увидимъ ниже, обусловливалась, помимо вышеизложенныхъ причинъ, еще и выгоднымъ географическимъ положеніемъ Приднѣпровья относительно культурныхъ странъ древняго міра.

Переяславльская земля представляетъ собой часть того громаднаго пониженнаго пространства, которое разстилается сплошной равниной между двухъ охватывающихъ материкъ Европы океаническихъ заливовъ—Чернымъ и Балтійскимъ морями. Это пониженное между вышеназванными морями пространство, подобно тому какъ и въ западной Европѣ, связывало расчлененныя между собою островныя и полуостровныя части европейскаго материка и сближало другъ съ другомъ отдаленныя и богато одаренныя страны древняго міра [2]). Конечно, географическое положеніе пониженнаго между морями пространства въ восточной Европѣ было нѣсколько иное, чѣмъ въ западной; послѣдняя находилась ближе къ культурнымъ народамъ, была защищена отъ варварскихъ восточныхъ народовъ множествомъ племенъ,

---

[1]) См. музей унив. св. Владиміра; а также сообщенія гг. Антоновича, Самоквасова, Каминскаго, Мазарики и другія. Найденные браслеты и бусы очень схожи съ бусами, и браслетами, относящимися къ классической порѣ и открываемыми на югѣ Руси,—въ Керчи, Севастополѣ, близъ Симферополя и другихъ мѣстъ. Нѣкоторыя изъ находимыхъ въ Переяславльской землѣ бусъ носятъ слѣды арабской или же греческой фабрикаціи.

[2]) „Европа,—говоритъ Ед. Фриманъ,—состоитъ изъ двухъ, рѣзко ограниченныхъ островныхъ и полуостровныхъ областей, сѣверной и южной, и изъ большаго непрерывнаго пространства земли между ними. Но нѣкоторыя части Европы какъ бы соединяютъ между собою съ лѣвой стороны всѣ три главныя подраздѣленія материка... между Альпами и Пиренеями горная цѣпь такъ сильно понижается, что дѣлается почти незамѣтной. Можно сказать, что часть центральной Европы прокладываетъ себѣ путь въ этомъ мѣстѣ къ Средиземному морю. Это—юго-восточная часть Галліи; можно поэтому разсматривать Галлію, какъ страну, которая соединяетъ въ одно центральную и южную части Европы". Ед. Фриманъ. Историческая географія Европы, т. I, с. 5—6.

лежала дальше отъ варваровъ; соединительная западно-европейская равнина, охваченная съ двухъ сторонъ морями, являлась чрезвычайно удобной и выгодной страной для развитія осѣдлой, торгово-промышленной жизни. Счастливое расположеніе рѣкъ, прорѣзывающихъ эту страну въ разныхъ направленіяхъ и сближающихся между собою, еще болѣе оживляло ее и способствовало раннему и быстрому ея заселенію. Нѣсколько иныя условія были для восточно-европейской равнины. Правда, раскинувшееся между Балтійскимъ и Чернымъ морями болѣе или менѣе низменное пространство также представляло изъ себя равнину, чрезвычайно удобную для переѣзда и для сношеній однихъ частей Европы съ другими, но, *во-первыхъ*—оно значительно шире такъ называемой соединительной западно—европейской равнины; *во-вторыхъ*,—оно прорѣзывалось рѣками, хотя и обширными, но не настолько удобными для судоходства, какъ въ западной Европѣ; *въ-третьихъ*,—равнинное пространство это примыкало и даже пересѣкалось съ одной стороны—огромными участками дремучихъ лѣсовъ, наполнявшихъ почти всю сѣверную половину восточно-европейской равнины; съ другой—широкой полосой припонтійскихъ степей, пустынныхъ и постоянно служившихъ удобнымъ притономъ для разнаго рода кочевниковъ, двигавшихся съ востока на западъ. Послѣднее обстоятельство, какъ извѣстно, сильно стѣсняло осѣдлость въ южной Россіи, т.-к. безконечная волна варварскихъ передвиженій постепенно подтачивала и размывала тѣ устои народной государственной жизни, которыя въ теченіи длиннаго промежутка времени слагались и формировались въ этой странѣ. Однако, не смотря на всѣ вышеупомянутыя неудобства, промежуточная между морями равнина эта привлекала населеніе и давала ему возможность осѣдать здѣсь и распространяться все больше и больше. Археологическими данными константировано существованіе осѣдлой жизни въ сѣверномъ отдѣлѣ Днѣпра съ древнѣйшихъ временъ. Но если на верхнемъ теченіи этой рѣки уже очень рано появляются основы политической жизни, то конечно, съ еще большимъ основаніемъ можно ожидать этого отъ средняго и нижняго отдѣла Днѣпра, примыкавшаго, какъ извѣстно, къ сѣвернымъ черноморскимъ берегамъ, издревле усѣяннымъ богатыми греческими колоніями. Несомнѣнно, приднѣпровскій край,—принимая во вниманіе его выгодное положеніе относительно культурныхъ странъ Европы,—долженъ былъ играть очень видную роль съ древнѣйшихъ временъ. Но, какъ извѣстно, этому препятствовали нѣкоторыя обстоятельства. Вопервыхъ,—Днѣпръ въ своемъ нижнемъ теченіи прегражденъ цѣлымъ рядомъ пороговъ, сильно затруднявшихъ судоходство; во-вторыхъ,—нижнеднѣпровскій край представлялъ собой пустынный, малонаселенный край, постоянно тревожимый всевозможными кочевниками, стремившимися сюда изъ нѣдръ Азіи; поэтому осѣдлая жизнь могла по-

лучить широкое развитіе только къ сѣверу отъ степей, въ предстепьи, въ черноземной полосѣ средняго Поднѣпровья, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Днѣпръ принимаетъ массу притоковъ, связывающихъ его съ отдаленными уголками Русской земли. Среднее Приднѣпровье какъ извѣстно, издревле находилось въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ черноморскими побережьями и прилегающими къ нимъ землями.

Несомнѣнно, территорія по среднему теченію Днѣпра, вслѣдствіе своего географическаго положенія и счастливаго расположенія своихъ рѣкъ, была одной изъ важнѣйшихъ въ восточно-европейской равнинѣ. Широкая водная дорога Днѣпромъ заводила предпріимчивыхъ людей далеко за предѣлы, извѣстные древнему міру; она дѣлала прилегающія къ нему земли болѣе заселенными, а отсюда--болѣе оживленными и болѣе дѣятельными.

Трудно уловить, однако, тотъ моментъ, когда приднѣпровскія страны начали принимать дѣятельное участіе въ торговыхъ сношеніяхъ съ культурными странами древняго міра: сношенія эти, судя по всему, начались очень рано. Въ неясной дали прошедшихъ вѣковъ скрываются первыя робкія посѣщенія предпріимчивыхъ чужестранцевъ, рисковавшихъ пробираться въ невѣдомыя, слабо населенныя страны скиѳской земли, полныя всевозможныхъ чудесъ и богатствъ. Мы имѣемъ фактическія доказательства о такихъ древнѣйшихъ посѣтителяхъ нашихъ странъ, какъ въ письменныхъ свидѣтельствахъ древнихъ, такъ и въ тѣхъ вещественныхъ памятникахъ, какіе въ теченіи долгаго времени сохранялись въ нѣдрахъ земли.

Въ нашу задачу не входитъ, конечно, детальное изложеніе всѣхъ тѣхъ доказательствъ, какія необходимы для выясненія картины многообразныхъ сношеній средняго Поднѣпровья съ культурными народами древняго міра. Мы замѣтимъ только, что слѣды эти многочисленны и настолько убѣдительны, что врядъ-ли кто можетъ сомнѣваться въ этомъ. Такъ, мы имѣемъ свѣдѣнія, что предстепную полосу Южной Россіи, особенно же побережье Днѣпра, и посѣщали, и населяли въ нѣкоторыхъ пунктахъ, греки, греческіе колонисты и, быть можетъ,— и другіе народы древности, извѣстные своими отважными торговыми предпріятіями. Многочисленныя находки, начиная отъ черноморскихъ побережій до Балтійскаго моря, монетъ и другихъ вещественныхъ памятниковъ древностей, относящихся къ V, IV, III, II и I вѣкамъ до Р. Х. (монеты греческія, греческихъ колоній, финикійскіе предметы и проч.) и болѣе раннимъ, говорятъ, что край этотъ очень усердно посѣщался древними [1]). Мы знаемъ, что множество греческихъ колоній

---

[1]) См. Записки Имп. Арх. Общ., т. 2, с. 129, ст. Муральта. Поподаются монеты Сиракузъ, Ѳазоса, Аѳинъ и пр. См. Забѣлина, II, с. 27—28. Вблизи д. Пекарей (Ка-

было расположено на сѣверномъ и сѣверо-западномъ берегахъ Чернаго моря[1]). Греческіе колонисты, выходцы изъ Малой-Азіи и Греціи, задолго до Р. Хр., поселились на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря, образовавъ здѣсь крупные населенные пункты, открывшія дѣятельныя сношенія съ окружающими народами.

Мало-по малу, вслѣдствіе энергичныхъ предпріятій народовъ древности за дорогими товарами—янтаремъ, золотомъ, слоновой и моржевой костью,—кругъ дѣятельности ихъ расширяется. Начиная отъ Геродота, какъ мы видѣли, греки уже знаютъ надпонтійскія страны; имъ уже извѣстны были подробности рѣчныхъ путей, ведущихъ въ таинственную глубь малоизвѣстныхъ сѣверныхъ странъ; такъ, они знаютъ очень хорошо о Днѣпрѣ и его обитателяхъ, знаютъ подробности рѣчныхъ путей, соединяющихъ Балтійское, Черное и Каспійское моря[2]). Кромѣ того, есть основаніе полагать, что древнимъ также былъ извѣстенъ рѣчной путь, приводящій отъ береговъ Чернаго моря въ сту-

---

нев. у., Кіев. губ.) найдена въ землѣ бронзовая фигурка египетскаго Озириса; она очень сходна, до мелочей, съ фигурой Озириса изображенной въ сочин. G. Maspero: Hist. ancienne des peup. de l'Orient clas., p. 131, и съ фигурами, изображенными на финикійскомъ блюдѣ, найденномъ въ Западной Европѣ. См. Karel. B. Mádl. Dějimy Umêni vytvarnych. Stary vék. Praha. Въ Канев. у. было найдено нѣсколько бронзовыхъ фигурокъ Озириса. (См. коллекцію В. В. Хвойко). Въ г. Кіевѣ, возлѣ зданія семинаріи на Подолѣ, найдена бронзовая фигурка кошки съ іероглифами на груди, а близъ Кириллов. монастыря—егип. скарабеумы. Послѣдніе были находимы также въ сквирскомъ у., Кіев. г. (См. Собр. рѣдк. г. В. В. Хвойка). Затѣмъ въ южной Россіи, въ Херсонской и Екатериносл. губ., вблизи р. Выси, возлѣ ст. Шестаковки, находили также скарабеи съ іероглифами. См. Труды Моск. Арх. Общ. т. XI, в. I, с. 108; Древности, т. 13, в. I, с. 104—112. Самоквасовъ: Ист. Рус. права. 1884 г., II, с. 126,—говоритъ, что скарабеи были находимы въ центральныхъ губ. Россіи. Египетскія статуэтки найдены въ Обоянск. у., Курск. г. См. Каталогъ выст. XII арх. съѣзда въ Харьковѣ, дополн., с. 11. „Культъ египетскихъ божествъ—Сераписа и Изиды на берегахъ Понта, говоритъ В. И. Петръ, подтвержденъ открытіемъ надписи проф. Кнауэромъ съ именами этихъ божествъ въ Аккерманѣ и докладомъ о ней въ Общ. Лѣт. Нестора проф. Сонни. Къ этимъ находкамъ присоединяется нынѣ Аммонъ". В. И. Петръ. Матер. для исторіи культа Амона (Аммона) у древнихъ, с. 56. Западно-европейскіе изслѣдователи констатировали, что финикіяне вели торговлю по всѣмъ берегамъ Средиземняго моря, какъ въ южной части его, такъ и въ сѣверной, и что многіе слѣды ихъ пребыванія, обнаружены и внутри Европы. K. B. Mâld. Dêjiny Umêni, p. 247. О томъ, что пути изъ Чернаго моря въ Балтійское, рѣками: Днѣпромъ, Днѣстромъ, Саномъ, Бугомъ и пр., были извѣстны финикіянамъ см. Dr. Niederlc. Ludstvo v dobê prédhistorické etc. Praha, 1893, p. 350.

[1]) См. ст. Муральта. Интересно, что монета Митридта V Евпатора была найдена близъ м. Дашева (Липовец. у.); монета царя Митридата VI Евпатрида, царя Понтійскаго, найдена въ Бердичев. у., близъ м. Збаража, на берегу р. Десны. Въ Черкаскомъ у., близъ с. Мельниковки, найдена мѣдная монета одного изъ Птоломеевъ. Монета хранится у гр. Бобринскаго. Бѣляшевскій. Монетные клады Кіевск. губ., с. 69, 89 и 116.

[2]) Забѣлинъ, II, с. 34—35.

деныя сѣверныя—Бѣлое и Балтійское моря [1]). Словомъ, и Черное, и Балтійское моря, и широкая полоса земель при нихъ, были извѣстны народамъ древности, особенно грекамъ, которые и пользовались, частью лично сами, частью посредствомъ обитавшихъ по этимъ путямъ народовъ рѣчными путями, и долины этихъ путей вскорѣ стали торными дорогами международныхъ сношеній [2]). Здѣсь возникаютъ и крупные пункты торговли. Многочисленные монетные клады съ греческими монетами изъ различныхъ мѣстъ—Ольвіи, Ѳазоса, Милета, Аѳинъ, Панорма, Эгины, македонскихъ городовъ и пр., находимые по рѣчнымъ путямъ, отъ береговъ Черннаго моря къ Вислѣ и Западной Двинѣ,—подтверждаютъ вышесказанное [3]). Конечно, рѣчные пути черезъ Днѣстръ и Днѣпръ въ то отдаленное время были одними изъ важнѣйшихъ путей, и по берегамъ этихъ рѣкъ разбросано множество монетъ, относящихся къ вѣкамъ глубокой древности [4]).

Болѣе или менѣе оживленная дѣятельность на сѣверныхъ побережьяхъ Чернаго моря обусловливалась тѣмъ обстоятельствомъ, что со временъ глубокой древности, широкая степная полоса надпонтійскихъ земель была постоянной торной дорогой безчисленнаго множества народовъ, безконечной волной приливавшихъ съ востока. Наперерѣзъ этому живому потоку, стремившемуся на западъ, проникала энергичная струя культурныхъ, дѣятельныхъ народовъ, вносившихъ въ него новый духъ, новыя начала торгово-промышленной, общественной и государственной жизни,—струя, своимъ постояннымъ участіемъ измѣнявшая условія патріархально-традиціонной жизни проходившихъ и осѣдавшихъ здѣсь племенъ.

Еще болѣе оживленное и дѣятельное движеніе началось въ пространствѣ между берегами Чернаго и Балтійскаго морей съ тѣхъ поръ, какъ Балтійское побережье начало привлекать къ себѣ населеніе, мало-по-малу освоившееся съ моремъ и извлекавшее отъ этого большія выгоды для себя, обмѣнивая интересующіе древнихъ туземные предметы: янтарь, золото, мѣха, моржевую кость,—на предметы роскоши и

---

[1]) Ibidem, стр. 36. О томъ, что изъ Чернаго моря можно проплыть въ Балтійское, а оттуда—въ Атлантическій океанъ,—говоритъ Діодоръ. Плинію также былъ извѣстенъ рѣчной путь отъ береговъ Чернаго моря до Балтійскаго. Забѣлинъ. II, с. 4.

[2]) См. Die Hellenen im Skythenlande. Von Dr. Karl Neumann. Drittes Buch. Aelteste Fahrten auf dem Pontos Euxeinos.

[3]) Кене. Опис. Европ. монетъ, найд. въ Россіи. Зап. Имп. Арх. Общ. т. IV, с. 3. Ѳ. Мищенко. О Днѣпр. пути древн. грековъ къ Балт. морю. Чт. въ Истор. Общ. Нест. Лѣт., к. II. с. 95—97. Забѣлинъ, II, с. 28. Д. Самоквасовъ. Ист. Рус. Права; вып. 1888 г., с. 143. Шубинскій кладъ, открытый близъ Бромберга, состоитъ изъ 39 монетъ: Аѳинъ, Ольвіи, Эгины и пр., по времени онѣ относятся къ III и IV в. до Р. Хр.

[4]) Ibidem.

домашняго обихода болѣе цивилизованной жизни. Промежуточныя между морями рѣки являлись лучшимъ для этого средствомъ, въ чемъ мы и убѣждаемся на основаніи тѣхъ многочисленныхъ вещественныхъ памятниковъ, которые сохранились здѣсь съ древнѣйшихъ временъ.

Мы уже указали вскользь на кое-какія данныя относительно вліянія греческихъ колоній на среднее Поднѣпровье; мы постараемся теперь сдѣлать краткій очеркъ торговыхъ сношеній въ этомъ краѣ съ римскими провинціями.

Крайнее расширеніе римскаго могущества на востокѣ и сѣверовостокѣ привело римлянъ къ столкновенію съ обитавшими тамъ народами, особенно съ тѣми, которые находились по сосѣдству съ римскими провинціями. Начинается упорная борьба римлянъ съ варварами, которые въ то же время быстро знакомятся съ римской культурой и съ успѣхомъ пользуются ею [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ незамѣтно учащаются дѣятельныя сношенія римскихъ провинцій съ сосѣдними странами; торговыя сношенія начинаютъ распространяться все дальше и дальше, проникая по торнымъ дорогамъ осѣдлой жизни въ отдаленныя уголки древняго міра. Многочисленные клады и случайныя находки римскихъ монетъ, особенно императорскаго періода, весьма наглядно показываютъ, какъ широко распространялась осѣдлость въ Приднѣпровьѣ, въ Подоньи, и далѣе къ востоку. Такъ, мы знаемъ, что не только по берегамъ Чернаго моря, по обѣимъ берегамъ нижняго и средняго Днѣпра, но и далеко на востокъ отъ него, въ бассейнѣ донецкихъ притоковъ и на Волгѣ находили, и теперь еще находятъ, многочисленныя римскія монеты первыхъ вѣковъ христіанской эпохи [2]).

Мы постараемся набросать въ общихъ чертахъ картину находокъ римскихъ монетъ въ предѣлахъ южной Россіи, именно въ среднемъ Поднѣпровьѣ и въ сосѣднихъ, прилегающихъ къ нему земляхъ.

На всемъ протяженіи днѣпровской долины, отъ устьевъ Днѣпра вверхъ и далѣе выше Кіева, были находимы римскія монеты иногда въ значительномъ количествѣ, иногда единичными экземплярами. Уже

---

[1]) „Децебалъ, умный правитель и храбрый полководецъ, научившійся изъ сношеній съ римлянами понимать выгоды цивилизаціи, хорошо воспользовался десятью или двѣнадцатью годами мира... у него были заключены союзы съ сосѣдними племенами; онъ велъ переговоры съ парѳянскимъ царемъ Пакоромъ. Въ его службѣ были римскіе воины, ремесленники, инженеры; войско его было обучено и вооружено ими по римски; они изготовляли ему оружіе и строили военныя машины". Г. Веберъ. Всеобщая исторія т. IV, с. 274—5

[2]) На крайнемъ югѣ Россіи римскія монеты Августа, Тиверія, Домиціана, Каракаллы, Семтимія Севера и пр. были находимы: возлѣ Бердянска, Ольвіи, Керчи и другихъ мѣстъ по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей. См. Труды 2-го Археолог. съѣзда въ Спб. Вып. 2, с. 31, А. Терещенко. Очерки Новороссіи с. 79; Зап. Имп. Арх. Общ. т. 2. Муральтъ: Древн. посел. на сѣв.-зап. бер. Черн. моря, стр. 135.

въ Херсонской губ,, возлѣ с. Бобринца и Малой-Знаменки попадаются римскія мѣдныя и серебряныя монеты, временъ Августа, Траяна и проч. [1]). Затѣмъ, районъ такихъ находокъ расширяется по мѣрѣ приближенія къ среднему Поднѣпровью, гдѣ, римскія монеты встрѣчаются во многихъ мѣстахъ какъ на правой, такъ и лѣвой сторонахъ Днѣпра, по теченію притоковъ послѣдняго, очевидно, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существовала въ то время осѣдлая жизнь. Такъ, римскія монеты первыхъ вѣковъ императорской эры были находимы въ Каневскомъ Чигиринскомъ и Черкасскомъ уѣздахъ, вблизи теченія р. Тясмина [2]), вблизи Канева и его окрестностей [3]), во многихъ мѣстахъ по теченію р. *Роси* съ ея притоками [4]), затѣмъ — въ басейнѣ р. Стугны и проч. [5]). Далѣе, районъ находокъ съ римскими монетами не прекра-

---

[1]) А. Терещенко. Очерки Новороссіи, с. 66. Около Новогеоргіевска (Алекс. у., Екатер. губ.) былъ открытъ огромный кладъ серебряныхъ римскихъ монетъ импер. Нервы, М. Аврелія, Антонина Пія, Траяна, Э. Адріана, Луциллы и пр. См. Арх. Изв. и Зам., изд. Моск. Арх. Общ., 1893 г., № 6, с. 211.

[2]) По р. Тясмину попадаются монеты императора Адріана. См. Садовскій, Drogi. Handlowe, с. 80; Зап. Имп. Арх. Общ. т. II. вып. VII, Спб. 1887 г. и слѣд. Въ с. *Бирки* (Чигирин. у.) были находимы серебряныя монеты императоровъ: Траяна, Адріана, Луція Вера, Марка Аврелія, Коммода и пр. Въ с. *Косары*—монеты Адріана и Фаустины. См. Самоквасова, Ист. Рус. права II, с. 137. Кромѣ того, римскія монеты, были найдены: въ Черкаскомъ уѣздѣ, близъ м. *Смѣлы*,—импер. Траяна, Нервы, Антонина, Марка Авр., Коммода и пр. и въ Чигиринскомъ уѣздѣ, въ сс. *Головковкѣ* и *Крымкѣ*—имп. Траяна, М. Аврелія, Л. Вера, Коммода и им—цы Фаустины. В. Б. Антоновичъ. Арх. карта Кіев. губ., стр. 113—116, Н. Бѣляшевскій. Монет. клады Кіев. Губ., с. 117, 141, 142.

[3]) Въ *Каневѣ*, на горѣ Московкѣ, были находимы бронзовыя монеты импер. Констанція. Въ с. *Березнякахъ*—2 м. Антонина Пія. См. Арх. карту Кіев. губ. В. Б. Антоновича, стр. 90. У с. *Яблоновки* (канев. у.)—наход. слѣды предметовъ рим. искусства. Д. Самоквасовъ. Ист. Рус. Пр., 1888 г., с. 136.

[4]) Въ м. *Корсуни*—около 200 штукъ римскихъ монетъ; тамъ-же были найдены монеты Марка Аврелія (II в. по Р. Хр.) и близъ Корсуня—мон. Люція Вера. См. К. Бѣляшевскаго. Мон. клады К. г., с. 84 и 85; въ с. *Кошеватомъ*—монеты 2-го вѣка по Р. Хр.: гор. Виминаціума (Мезія); въ с. *Синявѣ*—1 бронзовая монета Птоломея и 3 серебряныхъ: Траяна, Марка Аврелія и Фаустины младшей; въ с. *Бирюкахъ*—2 римскія монеты—Нервы и Фаустины старшей; въ с. *Молодецкомъ*—рим. серебр. мон. импер. Коммода; въ м. *Бѣлой Церкви*—три серебр. монеты: двѣ—римскія консулярныя и одна—города Дирраxіума, въ Иллиріи; въ с. *Пилипчемъ*—монета Антонина Пія; въ с. *Кашперовкѣ*—3 варварскихъ золотыхъ монетъ,—подражаніе золотымъ монетамъ временъ Антониновъ; у м. *Тетіева*, на поляхъ, — большая бронзовая мон. Антонина: у *Борщаговки*—мон. Антонина Пія. См. археологическую карту Кіевск. губ. В. Б. Антоновича, стр.: 95, 75, 54, 53, 51, 77 и 101. *Ус. Плоскаго* (сквир. у., Кіев. губ.),—кладъ (болѣе 200 штукъ) римскихъ мон. врем. Адріана, Элія, Антонина, Марка Аврелія, Коммода, Петринакса. Д. Самоквасовъ. Ист. рус. пр., II, 241

[5]) Возлѣ с. *Великой Бугаевки*, въ 1873 г., найдена римская серебр. монета Марка Аврелія; въ г. *Васильковѣ*—также рим. мон. Марка Аврелія; въ с. *Мазепинцахъ*—въ 1868 г., найденъ кладъ римск. монетъ—отъ импер. Траяна до Септимія Севера. См. Археологическую кар. Кіевск. губ. В. Б. Антоновича, стр. 22, 45 и 48.

щается областью вышеназванныхъ рѣкъ; онъ переходитъ затѣмъ на берега рѣкъ, близко подходящихъ своими верховьями къ средне-днѣпровскимъ притокамъ и текущихъ въ рѣки, изливающіяся въ сѣверо-запад. часть Чернаго моря; такъ, по рр. Горному-Тикичу, Собу, Гнилопяту (притокъ р. Тетерева) и друг.—весьма часто находятъ римскія монеты [1]). Нѣсколько меньше открыто указаній на существованіе римскихъ монетъ въ бассейнѣ рѣкъ, окаймлявшихъ кіевскую территорію съ западной стороны: мы знаемъ только о находкѣ римскихъ монетъ въ с. большой Снитинкѣ, близъ Фастова, на р. Унавѣ (прит. Ирпеня) и въ с. Андреевкѣ, на р. Здвижѣ [2]).

Въ г. *Кіевѣ* и его окрестностяхъ неоднократно были находимы римскія монеты первыхъ вѣковъ христіанской эры [3]).

Къ сѣверу отъ Кіева римскія монеты были найдены въ окрестностяхъ м. Чернобыля, близъ устьевъ р. Припяти [4]).

Въ сосѣднихъ съ Кіевской губерніяхъ, лежащихъ на западъ, въ Волынской и Подольской, также нерѣдко встрѣчаются римскія монеты [5]). Затѣмъ находки римскихъ монетъ императорскаго періода были

---

[1]) Въ с. *Шулякахъ*—монета Марка Аврелія: у *Жашковскаго Городища*—Антонина Пія; у м. *Дашева*—импер. Траяна; у *Кальника*—мон. Марка Аврелія, Элія и Коммода: у *Махновки*—800 серебряныхъ римскихъ монетъ. См. Археологическую карту Кіев. губ В. Б. Антоновича, стр. 78, 72, 66, 71.

[2]) Въ с. *Велик. Снитинкѣ*, въ 1862 г., найдено 2 серебр. монеты Фаустины Младшей и Антонина Пія; близъ с. *Андреевки*, въ курганѣ, найдена римская серебряная монета Фаустины Старшей. В. Б. Антоновичъ. Археологическая карта Кіевск. губ. См. Кн. Мюнцъ—кабин. универ. св. Владиміра, стр. 42 и 15.

[3]) Въ Кіевѣ, на Печерскѣ, открытъ кладъ рим. монетъ (82 шт.) временъ отъ имп. Августа до Геты. В. Б. Антоновичъ. Археологическая карта Кіев. губ., стр. 40; Бѣляшевскій. Монет. клады Кіев. г., с. 10. Затѣмъ на Александр. ул., въ Кіевѣ же—двѣ рим. мон. Фаустины и Коммода. На Оболони (предм. Кіева) — кладъ (200 шт.) бронзовыхъ монетъ Антіохіи и Пизидіи (III—IV в.) и римскія (IV в.). Бѣляшевскій. Мон. Кл., стр. 9, 31 и 34. Затѣмъ, близъ Глубочицкаго ручья—кладъ (40 шт.) мѣд. монетъ имп. Константина, Волузіана, Гордіана и пр. В. Б. Антоновичъ. Чт. въ Ист. Общ. Нест. Лѣт., II, с. 16—17.

[4]) О рим. мон., найд. близъ *Соф. Борщаговки*, см. Бѣляшевскаго; Монет. кл. Кіев. г., стр. 64. Близъ м. *Чернобыля*, у с. Коргорода, найденъ кладъ римск. монетъ временъ Антониновъ. В. Б. Антоновичъ. Археол. карта Кіев. губ., стр. 5.

[5]) Въ *Волынской* губ., близъ г. Новгородъ-Волынска, найдено нѣсколько сотъ римскихъ монетъ. Д. Самоквасовъ. Ист. рус. пр., II, с. 137. Фундуклей. Обозрѣніе могилъ, валовъ и городовъ, стр. 7. Въ Волын. губ. были найдены римскія монеты император. періода въ слѣд. мѣстахъ: въ с. *Машевѣ* (Влад. у.)—Марка Аврелія; въ *Александріи* (Ровен. у)—Антонина; у сс. *Антоновцы* (Крем. у.) и *Киверцы* (Луцк. уѣзда)—Марка Аврелія, Максима, Геренія Этруска и проч. См. Андріяшева. Очеркъ ист. Волынской з. до конца XIV ст., стр. 88. Въ *Черницѣ* (Новоградвол. у.) найденъ кладъ (свыше 300 ш.) серебр. римск. монетъ. См. Отч. Имп. Арх. Ком. за 1880 г., с. XXIV. Въ Подольской губ., въ Ушицкомъ, Каменецкомъ и Проскуровск. уѣздахъ,—римскія монеты врем. Траяна, Адріана и Антониновъ. П. Семеновъ. Географ. словарь, IV, стр.

констатированы во многихъ мѣстахъ въ Галиціи и Привислянскомъ краѣ [1]). Остается добавить къ вышеназваному, что римскія монеты были находимы въ разныхъ мѣстахъ въ Прибалтійскихъ губ. (Лифляндской и Курляндской), а также—на островѣ Готландѣ, въ Швеціи [2]).

Мы привели болѣе или менѣе подробныя указанія о находкахъ римскихъ монетъ на правой сторонѣ Днѣпра съ цѣлью показать, что Приднѣпровскій край уже въ то отдаленное время имѣлъ широкій кругъ осѣдлыхъ поселеній. Тоже можно сказать и относительно лѣвой стороны Днѣпра, хотя о нахожденіи римскихъ монетъ въ этой области намъ извѣстно гораздо меньше, чѣмъ о правой сторонѣ Днѣпра, не потому, чтобы ихъ тамъ не было вовсе, а вслѣдствіи того, что многія находки, благодаря невѣжеству находчиковъ и полнаго отсутствія какихъ либо мѣръ къ сбереженію драгоцѣнныхъ остатковъ старины, исчезли незамѣтно, не оставивъ послѣ себя никакого слѣда.

На лѣвой сторонѣ Днѣпра, римскія монеты императорской эпохи I и II вв., были найдены: въ г. *Черниговѣ* и въ окрестностяхъ г. *Остра* [3]), затѣмъ крупный кладъ въ 1300 слишкомъ монетъ—въ г. *Нѣжинѣ* (Черниг. губ.) и въ уѣздѣ послѣдняго, возлѣ с. *Бѣзугловки*, и далѣе къ востоку—у г. *Борзны* [4]). Въ предѣлахъ Полтавской губ. римскія монеты были найдены близъ г. *Переяславля*, въ сс. *Ковтуновкѣ*

---

142. О находкахъ римскихъ монетъ: Траяна, Адріана, Антонина Пія, Фаустины Младшей, Марка Аврелія, Коммода, Септимія Севера и пр. въ Ольгопольскомъ и Брацлавск. уѣздахъ Подольск. губ., см. Подольск. губ. Вѣд. 1838 г., № 8. Стрекалова: Клады и пр., с. 6, 7, 18 и 19. Въ Литин. у. отысканы въ 1897 г. двѣ рим. монеты. См. Отч. Имп. Арх. Ком. 1898 г.

[1]) Д. Самоквасовъ. Ист. рус. права, II, стр. 133—136. Въ Галиціи, въ деревнѣ *Свистельникахъ*, былъ выпаханъ горшокъ съ римск. мон. импер. Траяна. Ibidem. О находк. римск. монетъ въ Силизіи, Великой Польшѣ, и Пруссіи. См. Садовскаго. Drogi Hadłowe, p. 75—81; и Самоквасова, Ист. рус. права, II, с. 127.

[2]) Савельевъ: Мухам. нумизм., стр. XXXVI, и дополненія, стр. 109—112. Френъ. О восточн. монет., наход. въ Россіи, стр. 28—36; Ледебуръ. О восточ. монет., находим. въ прибалтійскихъ странахъ.

[3]) Въ Черниговскомъ городищѣ были найд. римск. монеты—2 мѣдн. и 2 серебр.: императ. Траяна, Антонина Пія, Адріана и Діоклетіана. Д. Самоквасовъ. Ист. рус. пр. II, с. 138; Д. Самоквасовъ. Основ. хронол. клас., пр., с. 20. Римскія монеты изъ окрестностей г. *Остра* находятся въ коллекціи В. В. Хвойка. Въ с. *Семиполкахъ* найдена монета Элія Цезаря. Ibidem.

[4]) Вблизи г. *Нѣжина* (у д. Пашковки, въ 5 верстахъ отъ г. Нѣжина) въ 1873, 1875 и 1880 г., найд. свыше 1300 римскихъ монетъ временъ I—III в. по Р. Хр. Онѣ принадлежатъ слѣд. императорамъ: Нерону, Домиціану, Нервѣ, Траяну, Адріану, Антонину Пію, Элію Цезарю, Луцію Веру, Фаустинѣ, Старшей, Фаустинѣ Младшей Марку Арвелію, Криспинѣ, Луциллѣ, Пертинаксу и Септимію Северу. См. *Дѣло Имп. Арх. Ком. за 1873 г.* стр. XXXI и за 1875 г.—XXXVI. Забѣлинъ. Ист. рус. жизни т. II, с. 376. Самоквасовъ. Ист. р. права, II, с. 138, 139. О находкѣ римск. м. имп. Траяна возлѣ с. *Безугловки*. См. рукопись проф. В. Б. Антоновича. О римскихъ мон. близъ г. Борзны. См. Древности, т. 7, в. I, стр. 2, (протоколы).

Еремѣевкѣ и *Прохоровкѣ* [1]) близъ м. *Лѣплявого* и *Келеберды* (золотон. у. [2]). Затѣмъ въ бассейнѣ рр. Трубежа и Недры [3]); въ области верхняго и средняго теченія р. Сулы: у г. *Ромна*, *Глинска* и *Лубенъ* попадаются римскія монеты I—II в. по Р. Хр. [4]). Недавно открыты римскія монеты и въ области притоковъ Сулы, по теченію рр. Удая и Слѣпорода [5]), — въ Пирятинѣ и его окрестностяхъ. Отъ р. Сулы районъ находокъ римскихъ монетъ распространяется къ востоку, въ бассейнъ рр. Хорола, Псла, Ворсклы [6]), Сѣверскаго-Донца и проч. Такъ, въ Богодуховскомъ, Ахтырскомъ, Валкскомъ, Зміевскомъ и друг. уѣздахъ *Харьковской* губ., на поляхъ и въ пещаныхъ розсыпяхъ, наряду съ другими вещами, относящимися къ древней эпохѣ, попадаются римскія монеты I, II и III в. по Р. Хр. [7]).

---

[1]) В. В. Хвойко крестьяне приносили продавать нѣсколько (около 12 шт.) серебрянныхъ римскихъ монетъ, найденныхъ невдалекѣ отъ Переяславля. Рим. монеты были найдены близъ д. *Андрушей* и *Карани*. Въ с. *Костунахъ* найденъ кладъ (104 шт.) серебр. римскихъ монетъ имп. Траяна, Адріана, Луція Вера, Антонина Пія, Фаустины Мен. и Старшей, Марка Аврелія и Коммода. Отч. Имп. Арх. Ком., 1894 г., с. 40. Въ 1851 г. въ Золотонош. уѣздѣ былъ найденъ римскій динарій императора Марка Аврелія. См. Зап. Имп. Арх. Общ. т. IV, переч., с. 150. О нах. рим. сер. мон. близъ с. Еремѣевки сообщ. г. Зарѣцкій.

[2]) См. коллекцію В. В. Хвойка. Видѣнныя нами монеты, по большей части, относятся ко временамъ импер. Антонина Пія. О серебр. рим. монетахъ изъ Лѣпляваго и Келеберды см. Кіев. Город. Музей, коллек. г. Тарнавскаго.

[3]) Въ с. *Войтовѣ* (на р. Недрѣ) найдена при распашкѣ огорода серебряная римская монета импер. Фаустины Мл. Въ м. *Круполѣ*—серебр. римская монета императ. Марка Аврелія.

[4]) Рукопись (замѣтки) В. Б. Антоновича, получившаго объ этомъ свѣдѣніе отъ г. Мазараки. Монеты были найдены, кромѣ Ромна и Глинска, въ *Волковцахъ* и *Медвѣжьемъ*. По времени онѣ были: Адріана, Антонина Пія, Фаустины, Марка Аврелія. Въ коллекціи Лубенской гимназіи было нѣсколько штукъ римск. монетъ, но неизвѣстно, гдѣ онѣ были найдены: въ самомъ ли городѣ Лубнахъ, или же—въ уѣздѣ послѣдняго. Римскія монеты недавно были найдены въ с. *Хитцахъ* (Лубен. у.), въ огородѣ одного крестьянина, который сбылъ находку одному изъ золотарей г. Лубенъ.

[5]) По теченію р. Удая рим. серебр. монеты найдены: въ *Пирятинѣ* и с. *Деймановкѣ;* въ с. *Сасиновкѣ*, на р. Переводѣ,—крестьянинъ выпахалъ въ полѣ серебр. римск. монету Марка Аврелія. На Слѣпродскихъ хутор. также находятъ серебр. рим. монеты: Антонина Пія и пр. Монеты видѣлъ у А. Ф. Рудницкаго.

[6]) Въ г. *Кременчугѣ* въ 70-хъ годахъ, былъ найденъ кладъ серебр. рим. монетъ. Находку видѣлъ М. Н. Пантелѣевъ, любезно сообщ. намъ объ этомъ. Въ с. *Мануйловкѣ* (крем. у.) найдены серебр. рим. монеты. Сообщ. И А. Зарѣцкій. Въ окрестн. г. *Полтавы*, на пескахъ, нах. серебр. рим. мон. Антонина Пія. Сообщ. И. М. Зарѣцкій.

[7]) Нѣсколько римскихъ монетъ было найдено у с. *Жихора*. См. Отчетъ Импер. Арх. Ком. за 1868 г., стр. XIX. Д. Багалѣй. Общ. очеркъ древн. Харьк. губ. 1890 г., с. 5, Музей г. Зарѣцкаго въ Полтавѣ; въ песчаныхъ розсыпяхъ по берегамъ Ворсклы—монета Септимія Севера. Забѣлинъ. Ист. рус. жизни, I, с. 375. По сообщ. И. А. Зарѣцкаго, въ с. *Перекопѣ* (Богодух. у. Харьк. губ.), въ длиномъ валу, найдено около 300 шт. серебр. рим. монетъ. Такія же монеты найдены въ сс. *Лихачевкѣ*, *Руб-*

Затѣмъ римскія монеты встрѣчаются гораздо дальше на востокъ отъ указанныхъ мѣстъ, въ областяхъ рр. Десны, Сейма, Дона, Оки, Волги и пр. [1]). Такъ, въ *Курск.* губ., обоянск. у., возлѣ сс. Луневки и Тридасовки найдены римскія монеты временъ I и II вв. по Р. Хр. [2]); въ *Калужской* губ.—кладъ (50 штукъ) римскихъ монетъ отъ императора Веспасіана до Коммода [3]). Въ области верхней и средней Волги римскія монеты были констатированы: въ *Ярославльской* губ., близъ г. Ростова [4]), въ *Казанской* и въ *Пензенской* губ., гдѣ, въ Мокшанск. и Саранскомъ уѣздахъ, близъ с. Лады отыскано множество римскихъ монетъ первыхъ вѣковъ нашей эры [5]). Отдѣльные экземпляры римскихъ монетъ встрѣчались и въ другихъ мѣстахъ средней Россіи: въ губ. Московской, Могилевской, Минской и др. [6]), Если мы припомнимъ то обстоятельство, что греческія и римскія монеты попадаются и на югѣ, и на сѣверо-западѣ Руси, по великимъ воднымъ путямъ послѣдней, то заключеніе о постоянной торговлѣ въ районѣ средняго Поднѣпровья съ отдаленныхъ временъ, и о значительной населенности края—ничуть не будетъ преувеличеннымъ.

Непрерывность сношеній Приднѣпровья съ культурными народами можетъ быть подтверждена значительнымъ количествомъ открытыхъ и постоянно открываемыхъ монетъ и другихъ вещей изъ тѣхъ странъ, которыя выросли на развалинахъ классическаго міра. Монеты греческихъ городовъ, особенно византійскія, находимыя въ южной Россіи, указываютъ на прямую преемственность такихъ сношеній. Въ среднемъ

левкъ и *Колонтаевъ* (Богодух. у.). Нѣск. серебр. римск. монетъ найдено близъ *Ахтырки*; одна изъ нихъ—императора Коммода. Въ м. *Нехгорощахъ* (кобел. у.) найденъ кладъ серебр. рим. монетъ импер. Адріана и пр. Сообщ. И. А. Зарѣцкій.

[1]) Забѣлинъ. Ист. рус. жизни, I, с. 376, Д. Самоквасовъ. Истор. рус. права, II, с. 142. Лаппо-Данилевскій. О торгов. сношен. скиѳск. племенъ съ грек. и друг. народами юга и сѣв.-восточн. Европы. См. Зап. Отд. рус. и славян. арх., т. XI, с. 502.

[2]) Труды Кіев. Дух. Акад. 1890 г., № 8, стр. 585; монеты Траяна, Элія Луція Вера, Антонина Пія, Марка Аврелія, Коммода, Септимія Севера, и проч. Римскія монеты были найдены также у с. Тридасовки (Курск. губ.). См. Отчетъ Имп. Арх. Общ. за 1882—1888 гг. Спб., с. XXIII.

[3]) См. Отчетъ Калужск. губ. къ Минист. Удѣл. Замѣтка П. Савельева; Д. Самоквасовъ. Ист. рус. права, II, с. 127.

[4]) Въ с. Угодичахъ (Ярослав. губ., близъ г. Ростова) найдена мѣдная монета имп. Домиціана. См. Труды перваго арх. съѣзда, стр. 659 и 752. Д. Самоквасовъ. Ист. рус. пр. I (изд. 1884 г.), стр. 127.

[5]) Въ Пензенской губ., въ Мокшан. и Саранск. уѣздахъ, особенно возлѣ с. Лады, встрѣчается много римскихъ монетъ импер. Траяна, Адріана, Антонина Пія и пр. См. Пензен. Губ. Вѣд. за 1840 г., 40; Пенз. Губ. Вѣд. за 1876 г., Газ. „Голосъ" за 1875 г., № 210; Изв. Общ. Арх., Ист. и Этн, при Имп. Казан. ун., т. X, в. I, 1892 г., отч. Имп. Арх. Ком. за 1875 г., с. 35; Забѣлинъ. Ист. р. ж., I, с. 376.

[6]) Лаппо-Данилевскій. О торг. скиѳ. плем. съ грек. и др. народ. юга и сѣв.-вост. Европы; стр. 500—2.

Приднѣпровьѣ, вслѣдъ за римскими монетами, имѣющими значительное количество экземпляровъ отъ 2-го и 3-го вѣковъ, находятъ византійскія монеты, начиная отъ половины IV вѣка, т. е. со времени перенесенія столицы въ Царьградъ. Византійскія монеты въ южной Руси попадаются и послѣдующихъ затѣмъ временъ, особенно VIII, IX и X вв. Византійскія монеты, впрочемъ, не составляютъ исключительной особенности южной Россіи; онѣ встрѣчаются и въ средней, и въ сѣверной, и въ западной Россіи, въ мѣстахъ, издревле имѣвшихъ осѣдлое населеніе и торговые пути [1]).

Припомнимъ, что древнія монеты: греческія, византійскія и пр. были находимы и на берегахъ Чернаго, Балтійскаго и Нѣмецкаго морей [2]), и по тѣмъ воднымъ путямъ, которые соединяютъ ихъ между собою [3]). Такъ, мы знаемъ о находкахъ византинъ на верхнемъ теченіи Днѣпра, въ Смоленской губ., и на верхней Волгѣ, въ мерянскихъ курганахъ [4]). На нижнемъ теченіи Днѣпра, недалеко отъ р. Буга, найдены монеты имп. Θеодосія (конца IV в.), а на островѣ Хортицѣ—золотыя византійскія монеты, въ Бердянскомъ уѣздѣ—серебряныя монеты Константина Мономаха, близъ м. Смѣлы—мон. Юстиніана I [5]). Въ отдаленномъ юго-востокѣ Европы, въ Осетіи, на Кавказѣ, открываютъ весьма часто византійскія монеты VI и VII вв. по Р. Хр. [6]).

---

[1]) Такъ на дальнемъ сѣверѣ Россіи, въ *Пермьской* губ. близъ с. Иргиза (красноуф. уѣзда), найдены византійскія монеты V и VI вв. по Р. Хр. См. Рус. Древн., въ пам. искус., изд. Толст. и Кондаков., Ш, 72. Кромѣ того, въ той же Пермьской губ. открыто множество серебряныхъ сосудовъ, которыхъ изслѣдователи относятъ къ греко-римской эпохѣ или же византійской. Ibidem.

[2]) Византины X в. часто были находимы въ областяхъ, принадлежавшихъ бывшему государству. *Ледебуръ*. О восточн. монетахъ въ Прив. г., стр. 83. Особенно это было замѣчено въ Плоцкой губерніи, гдѣ были найдены визант. miliaresii Никифора Фоки. См. также Кене, стр. 29—30. Въ Остзейскомъ краѣ—монеты греческ. республикъ II и III вв. до Р. Хр. Ibidem. См. Голубовскій. Ист. Смол. земли, с. 104. Въ Лифляндіи, по свидѣтельству Кене (Опис. Европ. монетъ), попадались монеты Θазоса, Сиракузъ, Панорма, Димитрія Поліоркета и пр. См. Зап. Имп. Арх. Общ., т. IV, с. 3. Въ Швеціи также были отысканы монеты византійскія вмѣстѣ съ римскими первыхъ вѣковъ христіанской эры (Ibidem, стр. 4). Въ Финляндіи, близъ г. Або, открыто нѣсколько византійскихъ монетъ (Ibidem, стр. 20).

[3]) См. о Шубинскомъ кладѣ близъ Бромберга съ древнегреч. монетами (Самоквасовъ. Основ. хрон. клас., с. XXXVII). Въ окрестностяхъ г. Либавы открытъ огромный кладъ древне-греческихъ серебрян. монетъ. См. Арх. Изв. и Зам. М. Арх. Общ. 1893 г. № 11, стр. 421.

[4]) П. Голубовскій. Ист. Смолен. з., с. 104. Кене, стр. 20. Забѣлинъ, Ист. Рус. з. ч. II, с. 329.

[5]) Зап. Одес. Общ. Ист. и Др. т. VI, с. 350. 549—550. Газета „Жизнь и Искусство“ 1895 г., № 303. См. также гр. Бобринскій. Курганы и арх. нах. нах. близъ Смѣлы, т. II. Греческія колон. монеты были найдены въ предѣл. Херсонской губ. См. Арх. Изв. и Зам. Моск. Арх. Общ. 1893 г. № 6, стр. 211. Отч. Имп. Арх. Ком. 1887 г. с. 1 и 1889, стр. 90.

[6]) Кондаковъ и Толстой. Рус. древности въ пам. искус., в. Ш, с. 108—109.

Понятно, среднее Приднѣпровье и Подонье въ дѣлѣ сношенія съ греческими землями, особенно съ Византіей, играли весьма видную роль. Непрерывность и интенсивность такихъ сношеній съ богатымъ югомъ мы можемъ прослѣдить довольно отчетливо по тѣмъ находкамъ, какія сдѣланы по настоящее время. Интересно замѣтить, что районъ такихъ находокъ византійскихъ монетъ пріурочивается къ крупнымъ осѣдлымъ мѣстамъ по теченію рѣкъ средняго Приднѣпровья. Такъ, на правой сторонѣ Днѣпра, по теченію рѣкъ, весьма часто находятъ монеты греческія, македонскія, ольвійскихъ или же понтійскихъ царей (Митридатовъ) и проч. [1]).

Въ *Кіевѣ*, въ кіевскомъ уѣздѣ (у Безрадичей), въ *Каневѣ* и въ уѣздѣ послѣдняго (у с. *Мигурина*) отысканы монеты, непосредственно слѣдующія за императорской эпохой первыхъ вѣковъ, а именно монеты Галліена, Волузіана, Констанція, Костантина, Констанція II-го (III – IV вв,) и пр., а также послѣдующихъ императоровъ: Романа—у м. *Триполья* и въ с. *Гладковичахъ* (Овруч. у.)—Іоанна Цимисхія, Василія II, Константина VI, Василія Македонянина и пр.[2]). „Находки въ Кіевѣ монетъ V, VI и другихъ вѣковъ, говоритъ Кене (Тр. I, арх. съѣзда, с. 73), указываютъ на правильность сношеній Кіевскихъ жителей съ Царьградомъ“.

Не менѣе обиленъ подобными находками и лѣвый берегъ Днѣпра. Такъ, въ предѣлахъ Полтавск. губ., греческія и византійскія монеты (VI—IX вв.) были найдены: у г. *Переяславля* и у с. *Медвѣжьяго* (Ромен. у.) [3]), въ предѣлахъ Черниговской губ.: въ *Черниговѣ*, въ уроч. Черная-Могила—византійская монета X в. (Василія и Константина), у с. *Мѣны*, мм. *Бахмача* и *Батурина*—византійскія монеты VI—IX вв. [4]) въ Кролевец. у., въ с. *Спасскомъ*—золотыя византійскія монеты [5]), близъ с. *Великое-Устье*—мѣдныя босфорскія монеты [6]).

Тоже самое было найдено и въ *Курской губ.*, у с. *Марьяновки*,

---

[1]) У Дашева найд. монета Митридата V-го, у Бѣлой-Церкви—гречес. монеты до Р Хр, у м. Синявы—бронз. м. Птоломея, у Махновки—ольвійская, у Збаража—Митридата VI, въ Кіевѣ—м. Антіохіи, Пизидіи и пр. III и IV вв., Паволочи-Іоанна Цимисхія. См. В. Б. Антоновичъ. Арх. карта Кіев. губ., стр. 72, 54, 60, 66 и пр.

[2]) См. сообщ. В. Б. Антоновича въ Чт. Общ. Нест. Лѣтоп., 1886 г. с. 17; Книга для зап. древн. въ унив. св. Владиміра съ 1879, стр. 137 и № 19776—8. Бѣляшевскій, стр. 10, 12, 27, 39. 40, 41, 49, 65, 82, 88. Д. Самоквасовъ отыскалъ визант. монету въ курганѣ близъ впаденія р. Росавы въ Рось. См. Древности, т. 7, вып. 3, проток. с. 49.

[3]) Д. Самоквасовъ. Основ. хронол. клас., с. XXXI—XXXII.

[4]) Ibidem, стр. 65 и XXXI—II. См. книгу Мюнцъ-кабинета университета св. Владиміра съ 1879 г., ч. VI, стр. 133.

[5]) Отч. Имп. Арх. Ком. 1879 г., LXIII.

[6]) Сообщ. г. Кибальчича въ газетѣ „Жизнь и Искусство“ за 1895 г., мѣсяцъ 11—12.

Клюквы и *Александровки* [1]). Въ области верхняго теченія рр. Сулы, Псла, Ворсклы и пр. попадаются византійскія монеты VI—IX вв. Неподалеку отъ г. *Полтавы* или же въ самомъ городѣ найдена золотая монета императора Θеодосія Великаго, а по р. Коломаку—золотая византійск. монета VII в. Недавно близъ г. Полтавы найдено 20 золотыхъ визант. менетъ [2]). Такія же монеты были находимы и въ *Харьковской губ.* у с. *Рублевки* (Богодухов. у.), въ *Купянскомъ*, *Старобѣльскомъ*, *Обоянскомъ* и друг. уѣздахъ [3]). Еще дальше къ востоку, въ области р. Дона, были открыты византійскія монеты [4]).

Такимъ образомъ, изъ этого краткаго обзора мѣстонахожденія греческихъ, византійскихъ и другихъ монетъ можно сдѣлать заключеніе о непрерывности торговыхъ сношеній южныхъ народовъ съ Приднѣпровьемъ. Нельзя, однако, не замѣтить, что въ южной Руси періодъ VI и VII вв. имѣетъ наименьшее число монетъ византійскаго чекана. Въ это время, какъ извѣстно, шла ожесточенная борьба арабскаго міра съ разлагающеюся Византіей. Арабы скоро побѣдили своихъ соперниковъ и настолько же проявили энергіи въ торговыхъ дѣлахъ, какъ и въ военномъ отношеніи. Съ VII в. они уже ведутъ дѣятельную торговлю съ Балтійскимъ побережьемъ [5]).

Какъ давно южно-русскія земли вступили въ оживленныя сношенія съ средней Азіей сказать трудно. Судя по находкамъ, они начались уже очень рано. Необыкновенно быстрое и обширное распространеніе арабской торговли въ IX и X вв. на огромномъ пространствѣ восточно-европейской равнины обусловливалось, повидимому, подготовкой или существованіемъ торговыхъ связей въ предшествуюшій періодъ. Ученые оріенталисты, признавая широкое развитіе торговыхъ сношеній Востока съ русскими землями только съ конца VII в., полагаютъ, однако, что сношенія эти начались раньше, а именно съ IV и V-го вѣковъ [6]).

---

1) Основ. хронол. клас. Самоквасова. стр. XXXI—XXXII.

2) Монета имп. Θеодосія, которую мы видѣли лично, представляетъ прекрасную сохранность. Здѣсь видны отчетливо царскія украшенія на головѣ императора и на его платьѣ. О золотой визант. мон. VII в. см. Катал. выст. XII арх. съѣзда въ Харьковѣ, доп. с. 6. О находкѣ двадцати зол. визант. монетъ сообщ. Н. А. Зарѣцкій.

3) См. Отч. Имп. Арх. Ком. 1891 г., с. 128—131. Д. Багалѣй. Общ. очерк. древн. Харьк. губ., стр. 5.

4) Ibidem, с. 6. При раскоп. Салтовскаго могильника найдено также много абассид. и сассанид. монетъ IX—X вв. См. Изв. XII арх. съѣзда, стр. 126.

5) Савельевъ, Мухам. нумизматика.

6) Савельевъ. Мухамед. нумизматика, с. XLVI. Карамзинъ говоритъ, что готъ Іорданъ (VI в.) зналъ о полученіи драгоцѣнныхъ мѣховъ изъ Югры; слѣдовательно, торговля съ сѣверн. странами существовала уже съ VI в. (Савельевъ, Мухамед. нумиз., стр. CXV). По словамъ того же Іордана, Весь и Меря были покорены Германрихомъ (Ibidem, стр. CXXII).

Такимъ образомъ, мы замѣчаемъ, что восточная торговля начинаетъ все болѣе и болѣе завоевывать себѣ положеніе въ Русской землѣ. Мы можемъ подтвердить наше положеніе, какъ вещественными памятниками, главнымъ образомъ--монетными находками, такъ и обзоромъ тѣхъ политическихъ событій, которыя разыгрались въ то время въ юго-восточномъ углу Европы.

Арабскіе диргемы VII, VIII, IX и слѣд. столѣтій попадаются на огромномъ пространствѣ отъ береговъ Каспійскаго и Чернаго морей до Балтійскаго, при чемъ, съ одной стороны,--Волга съ притоками, служила главной передаточной линіей, главной посредницей сѣверной и сѣверо-западной Европы, особенно Балтійскаго побережья, съ Азіей, а съ другой—Днѣпръ, Нѣманъ и Западная Двина[1]). Такъ, въ Швеціи и въ Финляндіи весьма часто были находимы арабскія монеты VII — XI вѣковъ[2]). Саманидскія и халифскія монеты IX и X вв. неоднократно были открываемы на берегахъ Балтійскаго моря[3]). Въ IX и X вв. приморскіе города на Балтійскомъ морѣ: Гданскъ, Кольбергъ, Рорегъ, Волинъ и пр. вели торговлю съ Востокомъ, что обнаруживается кладами восточныхъ монетъ, найденныхъ въ окрестностяхъ этихъ городовъ[4]). Острова Эландъ и Готландъ, на Балтійскомъ морѣ, своими кладами арабскихъ монетъ также свидѣтельствуютъ объ обширности арабской торговли. Тоже можно сказать и о литовскихъ земляхъ, гдѣ часто находятъ арабскіе диргемы[5]).

[1]) Савельевъ. Мухамед. нумиз., стр. XL, XCII. Арабы торговали, говоритъ Савельевъ, не только съ булгарами (волжскими), но и со странами сѣверо-восточными, откуда получались мѣха (стр. XCII). Сношенія волжскихъ болгаръ съ арабскими халифатами начались раньше 8 в., вѣроятно, съ 7-го, что подтверждается кладами арабскихъ монетъ (стр. LXXIV). На Волгѣ открыты клады арабскихъ монетъ IX и X вв. (Ibidem, стр. XCIII). Клады съ арабск. монетами на берегахъ Шексны говорятъ о посѣщеніи этого пути арабскими торговцами (Ibidem, стр. CXXVII). Такіе же клады отысканы и на берегахъ рр. Ловати и Великой (стр. CXXXVII). Куфическія монеты VIII, IX и X вв. попадаются на всемъ протяженіи Оки, въ Рязанской, Тульской, Владимірск. губ., причемъ въ послѣдней встрѣчаются арабскія монеты даже VII в. (Ibidem, стр. CXXII). Въ Рязанской губ. открыты г-мъ Селивановымъ въ курганахъ арабскія монеты VIII—IX вв. См. Арх. Изв. и Зам., изд. Моск. Арх. Общ. 1893 г. № 9—10, с. 352. По берегамъ рр. Днѣпра, Сожа, Припяти и ихъ же притоковъ—клады араб. монетъ IX и X вв. (Ibidem, стр. CXLIII). Въ Гомелѣ (Могил. губ.) открыты арабскія монеты IX и X вв. (Ibidem, стр. XXXIX). Въ Вятской губ. открыты куфическія монеты IX—X вв. См. Арх. Извѣстія и зам. Имп. Моск. Арх. Общ. 1895 г. № 1.

[2]) Ibidem, с. XLI и CLXXIV. О громадныхъ богатствахъ скандинавскихъ побережій Балтійскаго моря сохранились извѣстія арабскихъ писателей, которыя подтверждаются кладами арабскихъ монетъ. Шведскіе города: Кольмаръ, Лундъ, Сигтуна и пр. были уже извѣстны арабамъ. См. Савельевъ Мухам. нумиз., с. CLXXXII—III. Кёне. Опис. европ. монетъ, с. 20. Въ Шведскихъ кладахъ встрѣчается вмѣстѣ съ золотыми арабск. монетами золото въ слиткахъ и янтарь (Ibidem, стр. 14).

[3]) Савельевъ, Мухам. н., стр. XXXVI.

[4]) Ididem, стр. CLXXXVII.

[5]) Древности, т. 2, вып. 2, стр. 88.

Мы остановились нѣсколько подробнѣе на описаніи распространенія арабской торговли на побережьяхъ Балтійскаго моря. Торговля эта, судя по всему, началась очень рано и была довольно значительной. Понятно отсюда, что и великій водный путь Западной Двиной и Днѣпромъ не могъ оставаться внѣ сферы ея вліянія. Мы можемъ прослѣдить тѣми же монетными находками направленіе арабской торговли по этому пути. Такъ, въ *Псковской, Могилевской* и *Витебской* губ.—были находимы арабскія монеты VIII—X вв., а на волокѣ изъ Березины въ Уллу (прит. Двины)—монеты VIII и X вв.[1]). Тоже—въ *Виленской* и *Минской* губ. Въ Смоленской землѣ наблюдались многочисленные клады арабскихъ монетъ VIII и X вв.[2]). Нѣсколько ниже, у *Гомеля*,—множество арабскихъ диргемовъ IX и X вв.[3]). Еще ниже, по Днѣпру, попадаются арабскія монеты въ значительномъ количествѣ, особенно въ *Кіевѣ* и въ окрестностяхъ его[4]). На лѣвой сторонѣ Днѣпра куфическія монеты встрѣчаются въ *Черниговской* и *Полтавской* губ., хотя сравнительно не столь часто[5]). Въ *Харьковской* губ., арабскія монеты были найдены въ *Купянскомъ, Изюмскомъ, Сумскомъ* и *Волчанскомъ* уу.[6]); въ другомъ мѣстѣ *Харьковской* губ.—монеты изъ сѣверной Африки, относящіяся къ VII, VIII и началу IX вв.[7]). Въ *Курской* губ., въ *Суджанскомъ* у. найденъ кладъ (295 шт.) серебр. куфическихъ монетъ VIII и IX вв.[8]); въ *Воронеж.* губ.—араб. диргемы X—IX вв.[9]).

---

[1]) Савельевъ, Мухамед. нумиз., стр. CL, III, CLIX. Отч. Имп. Арх. Ком., 1883—84, страница LVII; 1889 г., с. 90; 1890 г., с. 46; 1891 г., с. 131.

[2]) Отч. Имп. Арх. Ком. 1885 г., XCII—III. 1887 г. и 1890 г., стр. 124.

[3]) Савельевъ. Мух. нумиз., стр. XXXIX.

[4]) Возлѣ Кирилловскаго монастыря, близъ Кіева, находятъ арабскія монеты VIII—XI вв. Бѣляшевскій. Мон. кл. Кіев. губ. с. 10. Въ Кіевѣ, на горномъ кладбищѣ близъ Іорданской церкви,—араб. монеты X в. Ibidem, с. 21—24. Въ Кіевѣ, въ 1851 г., на уступѣ горы къ Днѣпру,—монеты абассидовъ и саммапидовъ. Страшкевичъ. Клады мюнцъ-кабинета унив. св. Влад., с. 39, 28; при рытьѣ фундамента для Кіевск. присутств. мѣстъ—найдена арабская монета, а при устройствѣ Кіевской крѣпости—сосудъ съ араб. диргемами XIII в. Въ Кіев. уѣздѣ. См. Бѣляшевскій, с. 21—4 найд. абассид. диргемъ 800 г.

[5]) Въ 1897 г. вырытъ кладъ сассанид. монетъ 8—9 вв. въ г. Полтавѣ. См. Отч. Имп. Арх. Ком. 1898 г., Саманид. диргемы конца IX в. вырыты изъ кургана „Гульбище, на Болдиныхъ горахъ. Двѣ саманидскія монеты вырыты у с. Сѣднева, саманидскій же диргемъ—у Глинска Полтав. губ. Самоквасовъ. Основ. хронол. классиф. пр., стр. 63. О кладѣ (284 шт.) серебр. монетъ (VI—IX вв.) сассанид., умей-яд., халифат. и табористанскихъ см. Отч. Имп. Арх. Ком. 1875 г., с. XXXVI. Въ 1889 г., г. Зарядкій нашелъ куфич. монету въ Полт. губ. См. Отч. Имп. Арх. Ком. 1889 г. с. 90. Въ 1894 г. въ Стародуб. уѣздѣ близъ с. Медвѣдова, найденъ кладъ (124 шт.) серебр. куфич. монетъ. Отч. Им. Арх., К. 1895 г., с. 90.

[6]) Багалѣй, Общій очеркъ древностей Харьк. губ., стр. 5. См. Отчетъ Имп. Арх. Ком. за 1887. Въ с. Бол. Бабка (Волч. у.) найдены: драхма сассан. царя Хозроя I VI в.) и диргемъ табор. Омара VIII в. См. Катал. выст. XII арх. съѣзда въ Харьк., с. 2. (Нум. отд.). Въ Изюм. же уѣздѣ найдены куфич. монеты VIII—X вв. Ibidem, стр. 71 и 78. О находкахъ въ купян. и изюм. уу. см. Харьк. Сборн. 1888 г. в. 2. Въ Верхне-Салт. могильникѣ найд. серебр. аббасид. и сиссанид. мон. X в. по Р. Х.

[7]) Запис. Имп. Арх. Общ. т. 2, стр. 416—425. (Къ VII, VIII и нач. IX вып.).

[8]) Отч. Имп. Арх. Ком., 1879 г., с. LXVIII.

[9]) См. Катал. выст. XII арх. съѣзда, нумизм. отд., стр. 4 и 8.

Такимъ образомъ, мы можемъ прослѣдить тѣ нити арабской торговли, которыя, очевидно, шли по воднымъ путямъ, какъ самымъ удобнымъ и населеннымъ дорогамъ въ древней Руси. Распространяя свои торговыя операціи все дальше и дальше, арабы, вступивъ въ восточную Европу, должны были выдержать упорную борьбу съ хазарами, которые были дѣятельными торговцами, имѣвшими для этой цѣли свой большой транспортный флотъ. Существованіе въ Хазарской землѣ въ XII в. большихъ городовъ указываетъ на развитіе въ ней торговли. Скоро арабы вступили въ соглашеніе съ хазарами и завели съ ними постоянныя сношенія. Паденіе Хазарской державы открыло широкій путь для арабской предпріимчивости и торговли [1]).

Съ этихъ поръ арабы начинаютъ широко пользоваться главными водными путями Русской земли; они являются опасными конкуррентами въ этомъ отношеніи Византіи [2]), и не безъ основанія послѣдняя дѣлаетъ усилія удержать свое вліяніе надъ южной Русью. Кажется, въ силу вышеизложенныхъ причинъ начинается со стороны Византіи торопливое и усиленное желаніе привлечь хазаръ на свою сторону, просвѣтить ихъ Христовой вѣрой и такимъ образомъ создать противовѣсъ надвигающейся съ востока грозѣ.

Скоро арабы своей торговлей оттѣсняютъ на второй планъ Византію и открытіемъ широкой водной дороги Волгою способствуютъ въ значительной степени переселенію массы народа изъ южной Руси въ среднюю область Оки и Волги.

Очертивъ вкратцѣ районъ, гдѣ съ древнѣйшихъ временъ находилось населеніе и производились торговыя операціи, перейдемъ теперь къ выясненію вопроса о путяхъ и средствахъ, какими совершалась эта торговля.

Благодаря своему географическому положенію, среднее приднѣпровье начинаетъ рано входить въ дѣятельныя сношенія съ отдаленными народами. Р. Днѣпръ, Донъ и цѣлый рядъ второстепенныхъ рѣкъ и рѣчекъ, какъ мы видѣли раньше, облегчали сношенія съ ними. Припомнимъ, что нижнее теченіе Днѣпра приводило къ богатому черноморскому побережью, издавна извѣстному древнему міру, что верхне-днѣпровскій край прилегалъ къ цѣлой системѣ рѣкъ, приводящихъ къ богатому балтійскому краю, издавна кипѣвшему дѣятельною торговою жизнью.

Несомнѣнно, въ древнее время самыми удобными путями сообщенія были рѣки, представлявшія легкій и болѣе или менѣе скорый способъ передвиженія, отсюда—огромное значеніе такихъ рѣчныхъ путей

1) Савельевъ. Мухамед. нумиз., стр. LXI.

2) Весьма часто византійскія монеты, говоритъ Савельевъ, встрѣчаются вмѣстѣ съ диргемами арабовъ. (Савельевъ. Мухам. нумиз., стр. XXXIV.

для страны и одно изъ условій болѣе или менѣе ранняго знакомства ея обитателей съ моремъ.

Когда собственно началось судоходство въ южной Руси и знакомство ея съ моремъ—неизвѣстно. Судя, однако, по всему, оно появилось здѣсь очень рано [1]). Сосѣдство такихъ энергичныхъ предпріимчивыхъ народовъ, какъ греки, хазары, а затѣмъ арабы и проч., не могло не оказать своего вліянія. Уже во времена классической древности на югѣ Руси, на побережьяхъ Чернаго и Азовскаго морей мы видимъ варварскія суда, такъ называемыя камары (camarai), служившія частью для торговли, частью для военныхъ цѣлей, грабежа [2]).

Способъ пользованія этими судами, размѣръ ихъ и оснащеніе во многомъ схожи съ позднѣйшими судами, такъ называемыми въ Руси *ладьями* и извѣстными затѣмъ запорожскими *чайками* [3]). Связующимъ звеномъ между классической камарой и позднѣйшей ладьей служатъ *лодки готовъ*, ходившихъ на нихъ въ отдаленныя страны [4]). Извѣстно что готы, жившіе между нижнимъ Дономъ и Днѣпромъ, слыли отличными мореходцами; они совершали набѣги на Черноморскія побережья; особенно извѣстны морскіе походы готовъ въ половинѣ III вѣка, ког-

---

[1]) Найденные въ землѣ въ Кіев. губ. близъ р. Роси, остатки древняго судна съ бронзовыми скобами и такими же гвоздями указываетъ на давнее начало судоходства въ южной Руси. См. В. Б. Антоновичъ. Арх. карта Кіев. губ., с. 100.

[2]) По Страбону (XI кн., 2 гл., 12, стр. 505—507) камары были узкія и легкія лодки, поднимающія до 25 или 30 человѣкъ; изъ этихъ лодокъ составлялся цѣлый флотъ, при помощи котораго дѣлались разбойничьи нападенія. Возвратившись домой, владѣтели камаръ на плечахъ относили свои лодки въ лѣса, откуда опять выносили ихъ на море. Тацитъ говоритъ, что камары были съ узкими носами и широкимъ чревомъ. Дерево сколачивалось безъ всякихъ гвоздей мѣдныхъ или же желѣзныхъ. Когда море бывало бурнымъ, съ боковъ судна нашивались доски все больше и больше, пока судно не закрывалось какъ палубой. Носы были на обоихъ концахъ судна, равно какъ и рулевыя весла при нихъ. См. Рус. Древ. въ пам. иск. изд. Кондаковымъ, III, с. 129. Эти суда очень похожи на нашу такъ назыв. набойную ладью.

[3]) О казакахъ запорожскихъ Ригельманъ говоритъ, что они были настоящими морскими наѣздниками, и жили на островахъ, окруженныхъ Днѣпромъ. *Ригельманъ*: Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи. М. 1847 г. стр. 12—15. Запорожскія чайки, по словамъ Боплана, были длиною въ 60 фут., шириною—10 или 12, а глубиною—12 фут.; чайки были безъ киля, но имѣли въ основаніи стволъ липы или же вербы около 25 футовъ длиною, отъ котораго нашивались вверхъ доски до 12 футовъ длиною, которыя прилаживались одна на другую, какъ строятъ рѣчныя суда; по бокамъ—пучки связаннаго липовой кожей тростника; суда имѣли два руля на каждомъ концѣ, для того, чтобы при такой длинѣ можно было быстро, не поворачивая лодки, возвращаться назадъ; на каждомъ борту чайки было отъ 10 до 12 веселъ. Beauplan. Description d'Ukraine. Nouvelle édition 1861, p. 105—106.

[4]) Г. Кондаковъ говоритъ, что камары напоминаютъ тѣ однодревки, на которыхъ готы совершали свои морскіе набѣги, что подобныя лодки были и у руссовъ IX в., а также у донскихъ козаковъ и запорожцевъ. См. Русскія Древности въ пам. искус., издав. Кондаковымъ и Толстымъ, в. III, ст. 129.

да они разорили Трапезунтъ, Халкидонъ, Никомедію, Никею и пр. Походы предпринимались обыкновенно изъ Азовскаго моря, а въ 268 году—отъ устьевъ Днѣстра, откуда готы вышли на 6000 судовъ [1]).

Русскія морскія суда появились очень рано въ исторіи. Большое знакомство руссовъ съ Чернымъ моремъ и частое посѣщеніе ими послѣдняго способствовали окрещенію этого моря названіемъ *русскаго.*

Арабскіе писатели говорятъ о судоходствѣ руссовъ слѣдующее: „они (руссы) спускаются по водѣ и ведутъ торговлю, ничего не разсказывая про свои дѣла и товары, и не допуская никого провожать ихъ и входить въ ихъ страну“. Затѣмъ, о нападеніяхъ руссовъ тѣ же арабы передаютъ, что „они (руссы) имѣютъ смѣлость въ нападеніяхъ, но смѣлости этой на конѣ не обнаруживаютъ, а всѣ свои набѣги и походы совершаютъ на корабляхъ“, т. е. очевидно, на ладьяхъ [2]).

Въ первой половинѣ IX вѣка, въ промежуткѣ между 811 и 842 годами, русскіе появились на своихъ ладьяхъ на южномъ берегу Чернаго моря, въ Пафлагоніи, гдѣ и разграбили городъ Амастриду [3]). Въ томъ же вѣкѣ хазары нарочно устроили сильную крѣпость на Дону—Саркелъ, чтобы не давать возможности русскимъ судамъ пробираться для грабежа въ прикаспійскія страны [4]). Русскій флотъ скоро пріобрѣтаетъ извѣстность на Востокѣ и Западѣ. Въ IX и X в. славянскія суда принимаютъ участіе въ походахъ грековъ на Италію (ок. 935 г.) и Испанію. Есть извѣстіе, что славяне въ X в. проникали на судахъ въ Африку [5]). Согласно лѣтописному разсказу, въ 862 году Аскольдъ и Диръ прибыли на ладьяхъ къ Кіеву и взяли его, освободивъ отъ власти хазаръ. Въ томъ же году они сдѣлали страшный набѣгъ на Византію. Затѣмъ идетъ уже цѣлый рядъ такихъ походовъ съ береговъ Днѣпра на югъ и юго-востокъ,—на Царьградъ, Тавриду и на берега Каспія. Эти походы совершались на ладьяхъ. Въ лѣтописи упоминается о морскихъ походахъ Олега, Игоря, Святослава, Владиміра и пр. [6]). И въ послѣдующее время сношенія руси съ моремъ не прекращаются; они измѣняютъ только нѣсколько свой характеръ и, вмѣсто воинствен-

---

[1]) Ibidem.

[2]) Гаркави, стр. 221 и 269.

[3]) Васильевскій, Житіе Георгія Амастридскаго. Ж. М. Н. П. 1878 г.

[4]) Гаркави. Сказаніе мусульм. писат. о славянахъ и руссахъ. Спб. 1870 г., стр. 157, 225.

[5]) Гаркави, стр. 130—133, Иловайскій. Ист. Россіи, Кіев. Пер. I. стр. 25 и 292. Массуди—о набѣгахъ руссовъ въ 880, 909 и 913 годахъ.

[6]) Гаркави, с. 51. Ипат. лѣт., стр. 17, 27, 28, 45, 48, 108. При Святославѣ Игоревичѣ русскій флотъ, какъ извѣстно, былъ настолько значителенъ, что Іоаннъ Цимисхій для борьбы съ нимъ, выслалъ къ Дунаю 300 кораблей и множество мелкихъ судовъ, такъ называемыхъ галеръ.

ныхъ, грозныхъ набѣговъ, начинаются мирныя, учащенныя плаванія русскихъ купцовъ въ Царьградъ.

Несомнѣнно, морскія предпріятія руссовъ выросли на почвѣ судоходства болѣе скромныхъ размѣровъ, а именно — на судоходствѣ, рѣчномъ, которое такимъ образомъ является болѣе раннимъ, устойчиво сохраняющимъ и при новыхъ обстоятельствахъ, при столкновеніи съ моремъ, свой основный характеръ. Основнымъ типомъ судна, при помощи котораго совершалось рѣчное плаваніе, были *челнъ* и *ладья*. Въ южной Руси эти суда существовали со временъ глубокой древности, когда рѣки служили единственно удобными и легкими путями сообщенія среди огромной, лѣсистой въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, пустынной и сравнительно слабо населенной страны [1]).

Размѣры древней лодьи руссовъ были не велики: она вмѣщала въ себѣ отъ 40 до 60 человѣкъ экипажа и была длиною отъ 8 до 10 саженъ; судно строилось весьма просто: въ основаніе дна полагалось выдолбленное липовое или же вербовое дерево, а къ нему пришивались гвоздями доски одна надъ другой, до вышины 10 или же 12 футовъ. Эти суда не имѣли палубы, и на каждомъ изъ нихъ находились мачта и два руля [2]). Ладьи были нѣсколькихъ родовъ: заморскія и рѣчныя, при чемъ онѣ различались и названіями: *лодья заморская, лодья набойная, стругъ и челнъ* [3]). Вполнѣ отдѣланная заморская ладья цѣнилась въ 3 гривны, челнокъ же—8 кунъ [4]). Такимъ образомъ, древняя ладья, предназначавшаяся главнымъ образомъ для рѣчнаго плаванія, была не велика; она снабжалась кромѣ того всевозможными приспособленіями противъ крушенія. Такое судно не подвергалось опасности сѣсть на мель или же потонуть при ударѣ о подводные камни рѣки. На такихъ судахъ небольшихъ размѣровъ являлась полная возможность проникнуть внутръ страны и, благодаря цѣлой системѣ рѣкъ,—на берега морей: Балтійскаго, Чернаго съ Азовскимъ и Каспійскаго.

Въ 1060 году четыре русскихъ князя: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и Всеславъ съ большимъ войскомъ ходили на торковъ—

---

[1]) Принимая во вниманіе слабую населенность страны, ея огромныя пространства, сплошь занятыя то лѣсами, то болотами, то степями, пускаться въ дорогу *сухопутьемъ* было крайне неудобно. Если же прибавить къ этому еще тѣ опасности, которымъ подвергались путники на каждомъ шагу отъ кочевыхъ и другихъ полудикихъ народовъ, то водные пути были самыми удобными, легкими и сравнительно болѣе безопасными путями сообщенія.

[2]) Аристовъ. Промышленность древней Руси, стр. 95. О построеніи подобныхъ судовъ говоритъ Beauplan. Description d'Ukraine, p. 55—57.

[3]) Русская Правда, изд. Калачевымъ, стр 35.

[4]) Ibidem.

„на конихъ, и въ *лодьяхъ*, безчисленное множьство“ [1]). Въ 1078 году, когда Изяславъ Ярославичъ былъ убитъ въ сраженіи съ половцами на Нѣжатиной нивѣ, тѣло убитаго князя положили въ лодью и рѣкой привезли въ Кіевъ [2]).

Въ древнихъ памятникахъ находятся указанія на участіе рѣчныхъ судовъ во время военныхъ походовъ русскихъ князей на сосѣдей. Такъ, въ 985 году Владиміръ св. и Добрыня, ходили въ *ладьяхъ* на болгаръ [3]). Въ 1103 году Владиміръ Мономахъ съ союзниками ходилъ „на конихъ и въ *ладьяхъ*“ на половцевъ, за пороги; на о-вѣ Хортицѣ отряды соединились: конница сѣла на коней, а пѣхота вышла изъ лодей [4]). Въ половинѣ XI ст. на Днѣпрѣ были уже палубныя суда, имѣвшія на кормѣ и носу по рулю [5]).

Со временъ Олега и Игоря, какъ извѣстно, руссы плавали въ Царьградъ изъ многихъ мѣстъ Поднѣпровья: изъ Кіева, Чернигова, Любеча, Переяславля и другихъ городовъ. Обыкновенно весной, у Кіева, собирался значительный флотъ изъ ладей—однодревокъ, которыя здѣсь оснащались, нагружались товарами и отправлялись въ путь, останавливаясь только въ нѣкоторыхъ пунктахъ по дорогѣ для отдыха. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ Константинъ Багрянородный: „Кривичи и Лензанины и прочіе Славины, данники Россовъ, вырубаютъ зимою, на горахъ своихъ, однодревки или лодки и, обработавъ ихъ на свободѣ въ приличный видъ, отводятъ на ближнія озера; когда же ледъ растаетъ отъ весенняго времени и озера соединятся съ Днѣпромъ, то они пригоняютъ ихъ въ Днѣпръ и сплавляютъ этой рѣкой до Кіовы (Кіева), гдѣ вытаскиваютъ, подвѣшиваютъ и продаютъ Россамъ, которые покупаютъ только однѣ лодки. Снаряжаютъ же ихъ къ плаванію уже сами, придѣлывая къ нимъ весла, уключины и прочія необходимыя вещи изъ ветхихъ, разобранныхъ судовъ. Въ іюнѣ м-цѣ Россы спускаются до Витетзева (Витичева), крѣпости, платящей имъ дань, собираются тамъ два или три дня, пока сойдутся всѣ однодревки, и затѣмъ плывутъ внизъ по упомянутому Днѣпру“ [6]).

---

[1]) Ипат. л., стр. 114.

[2]) Ипат. лѣт., стр. 141.

[3]) Ипат. лѣт., стр. 56. Походъ на волжскихъ болгаръ указываетъ, что древняя лодья была небольшихъ размѣровъ: по Окѣ могли ходить только небольшія суда.

[4]) Лавр. л., стр. 267.

[5]) Ипат. л., стр. 293.

[6]) Οἱ δὲ Σκλάβοι οἱ πακτιῶται αὐτῶν, οἱ Κριβηταιηνοὶ λεγόμενοι καὶ οἱ Λενζανῆνοι καὶ οἱ λοιποὶ Σκλαβίνιοι, εἰς τὰ ὄρη αὐτῶν κόπτουσι τὰ μονόξυλα ἐν τῷ τοῦ χειμῶνος καιρῷ, καὶ καταρτήσαντες αὐτῶν τοῦ καιροῦ ἀνοιγομένου, ἡνίκα διαλυθῇ ὁ παγετός, εἰς τὰς πλησίον οὔσας λίμνας εἰσάγουσιν αὐτά, καὶ ἐκεῖνα εἰσβάλλουσιν εἰς ποταμὸν τὸν Δάναπριν, ἀπὸ τῶν ἐκεῖσε οὗτοι εἰς τὸν αὐτὸν ποταμὸν εἰσέρχονται καὶ ἀπέρχονται εἰς τὰ Κιόβα, καὶ σύρουσιν εἰς τὴν ἐξάρτησιν, καὶ ἀπεμπλουσιν αὐτὰ εἰς τοὺς Ῥῶς. οἱ δὲ Ῥῶς σκαφίδια καὶ μόνα ταῦτα ἀγοράζοντες, τὰ παλαιὰ αὐτῶν μονόξυλα καταλύοντες ἐξ αὐτῶν

Кіевляне ходили также на ладьяхъ въ г. Итиль. Спустившись въ Азовское море, они плыли до устьевъ р. Дона, поднимались этой рѣкой вверхъ до г. Саркела, перетаскивали здѣсь суда по сушѣ до р. Волги и этой послѣдней спускались уже къ Итилю [1]).

Такимъ образомъ, на основаніи и лѣтописныхъ данныхъ, и сообщеній иностранцевъ—византійцевъ, арабовъ и проч.,—является несомнѣннымъ широкое развитіе судоходства въ древней Руси, особенно судоходства рѣчнаго. Но, говоря о судоходствѣ по рр. Днѣпру, Дону, Деснѣ и проч., мы неминуемо должны коснуться вопроса о томъ: дѣйствительно ли было судоходнымъ большинство рѣкъ и рѣчекъ, впадающихъ въ Днѣпръ съ лѣвой стороны, начиная отъ рр. Десны и Сожа? Мы коснемся этого вопроса потому, что до недавняго еще времени, благодаря недостаточности научныхъ изслѣдованій въ области средняго Поднѣпровья, многіе изслѣдователи, занимавшіеся исторіей и географіей древней Руси, вѣрили въ существованіе крупнаго судоходства не только по такимъ рѣкамъ, какъ Днѣпръ, Донъ, Волга и пр., но даже по самымъ ничтожнымъ рѣченкамъ, имѣющимъ всего лишь по нѣсколько десятковъ верстъ всей своей длины, какъ Супой, Оржица, Трубежъ и пр. [2]). Повидимому, въ подтвержденіе такого положенія о крупномъ судоходствѣ по небольшимъ рѣкамъ, были вѣскія доказательства на лицо, а именно: по берегамъ многихъ рѣкъ, составляющихъ лѣвые притоки Днѣпра, въ томъ или иномъ разстояніи отъ русла ихъ, въ землѣ, на различной глубинѣ, были находимы различныя части судовъ: бока, доски, днища, рули, якори и другія принадлежности судовъ. Такіе остатки судовъ были находимы по берегамъ рѣкъ: *Десны, Остра, Альты, Трубежа, Супоя, Удая, Перевода, Сулы, Оржицы, Хорола, Ворсклы* и пр., не говоря уже, конечно, о Днѣпрѣ, гдѣ это было бы не столь загадочнымъ и удивительнымъ [3]). Размѣры судовъ,

βάλλουσιν καὶ πέλλας καὶ σκαρμοὺς εἰς αὐτὰ καὶ λοιπὰς χρείας, ἐξοπλίζουσιν αὐτά. καὶ Ἰουνίου μηνὸς διὰ τοῦ παταμοῦ Δανάπρεος ἀποκινοῦντες κατέρχονται εἰς τὸ Βιτετζέβη, ὅπερ ἐστὶ πακτιωτικὸν κάστρον τῶν Ῥῶς. καὶ συναθροιζόμενοι ἐκεῖσε μέχρι δύο καὶ τριῶν ἡμερῶν, ἡνίκα ἂν ἅπαντα ἀποσυναχθῶσι τὰ μονόξυλα, τότε ἀποκινοῦσι καὶ κατέρχονται διὰ τοῦ εἰρημένου Δανάπρεως παταμοῦ. Corpus Script. Hist. Byzant. Coust. Parphyr., v. III, p. 75.

[1]) Савельевъ. Мухамед. нумиз., с. XIII.

[2]) Л. Н. Майковъ. Критич. разборъ изслѣдованія Н. Барсова: Очерки рус. историч. географіи. Ж. М. Н. П., 1874 г., августъ, стр. 255—258.

[3]) Маркевичъ. Зап. Имп. Рус. Геогр. Общ. Рѣки Полт. губ., стр. 340, 353, 425 и 448; Шафонскій. Черн. нам. топогр. опис., стр. 6, 10, 144 Соловьевъ. Исторія Россіи, I, стр. 17; Борисякъ. О черноземѣ (рѣчь. произн. въ Харьков. университетѣ въ 1852 г.) См. также сообщенія: Арандаренка, Докучаева, Гурова, В. Б. Антоновича (рукопись). Beauplan говоритъ по этому поводу: „Et l'on a des conjectures, mesmes j'oserais des preuvs certaines que les planeures de l'autre rive du Boristhene, lesquelles s'etendent jusques à Moscouie, estoient autresfois toutes submergées et de cela font foy les ancres et les autres marques que l'on a trouvé dépuis peu d'années autour de Lofficza, sur la riuiere de la Sula". Beauplan, Description d'Ukraine, p. 9.

находимыхъ на побережьяхъ вышеназванныхъ рѣкъ, нѣсколько превосходятъ величину тѣхъ судовъ, какія могутъ ходить въ настоящее время по этимъ рѣкамъ даже въ весеннее половодье. Это обстоятельство и послужило причиной долго державшагося мнѣнія, что небольшія рѣки Переяславльскаго к-ва, какъ и другихъ земель, въ древнее время были доступны для крупнаго содоходства. Въ настоящее время, благодаря болѣе точнымъ и основательнымъ изслѣдованіямъ ученыхъ, выяснена вся ошибочность такого мнѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ-то трудно допустить, чтобы небольшая рѣченка, имѣющая въ длину всего лишь 80 или же 100 верстъ (Трубежъ, Супой, Оржица и пр.) и текущая въ низкихъ, болотистыхъ мѣстахъ, безъ всякаго сосѣдства вблизи какого либо значительнаго воднаго резервуара, могущаго своими водами питать рѣку и высоко поддерживать уровень послѣдней, —чтобы такая рѣченка могла быть судоходной. Неизвѣстно, какъ могло производится здѣсь крупное судоходство? Для объясненія существованія въ древности по небольшимъ рѣкамъ судоходства, обыкновенно приводили доводы, что уровень рѣчныхъ водъ въ древнее время, вслѣдствіе обилія повсюду лѣсовъ, былъ несравненно выше нынѣшняго. Съ этимъ можно согласиться, но не вполнѣ, такъ какъ новѣйшими изслѣдованіями ученыхъ (Докучаевъ, Гуровъ, Леваковскій и пр.) доказано, что *рѣчки эти никогда не были настолько многоводны, чтобы могли поддерживать крупное судоходство.* Вышеназванные изслѣдователи доказываютъ, что незначительность водъ такихъ рѣкъ существовала съ назапамятныхъ временъ, о чемъ свидѣтельствуютъ низкіе берега ихъ, чего бы не было при обиліи рѣки водой, которая вырыла бы себѣ высокіе берега; что самыя названія этихъ рѣкъ, полученныя, безъ сомнѣнія, очень давно, указываютъ не на обиліе водъ въ нихъ, а скорѣе наоборотъ,—на недостатокъ, мелководье. Такія имена рѣкъ, какъ Гнилица, Ржавецъ, Оржица, Слѣпородъ, Сухая—Оржица, Безводовка и пр., говорятъ о томъ, что воды ихъ даже въ древнее время, такъ сказать при крещеніи ихъ, были очень скудны [1]). Но

Въ Пирятинскомъ уѣздѣ, близъ с. Линовицы, въ полѣ, найденъ желѣзный якорь. Рукопись В. Б. Антоновича.

На р. Рудѣ, близъ с. Яблоновки и Ковтуновки также былъ найденъ якорь. В. В. Докучаевъ Мат. къ оц. з. Полт. губ., Вып. XIV, с. 18. На р. Корани, по сообщеніямъ П. В. Ланге, находили принадлежности судовъ, нѣчно вродѣ дубовъ; кили и другія принадлежности большаго судна. П. В. Ланге. Днѣпръ и условія охоты въ районѣ его средняго теченія, с. 25.

[1]) Докучаевъ. Наши степи прежде и теперь, стр. 38, 39. Въ объяснительномъ текстѣ Blavian'ова атласа (XVII в.) относительно рѣкъ лѣвой стороны средняго Днѣпра сказано: „Notatu quoque dignum est, quod cuncta hujus regionis flumina adeo lento progrediantur passu, ut haesitare videantur, utrum quodpiam sese vertat partem“ et cet. *Geographiae Blavianae*, vol secund., p. 54.

тогда является вопросъ: какъ же объяснить себѣ нахожденіе остатковъ судовъ по берегамъ этихъ рѣкъ?

Вопросъ этотъ рѣшенъ совмѣстными трудами ученыхъ естествоиспытателей, долгое время занимавшихся геологическимъ изслѣдованіемъ средняго Поднѣпровья, главнымъ образомъ Полтавской и Харьковской губерній. Наткнувшись во время изслѣдованій на остатки судовъ по берегамъ рѣкъ и зная о существованіи такихъ открытій и въ прежнее время, ученые заинтересовались этимъ и сдѣлали наблюденіе и провѣрку подобныхъ находокъ въ другихъ мѣстахъ. Наблюденія дали нить къ разъясненію вопроса. Признавая несомнѣннымъ болѣе высокій уровень рѣчныхъ водъ въ древнее время, сравнительно съ нынѣшнимъ, ученые убѣдились, что древніе жители прирѣчныхъ мѣстъ сплавляли, весной во время половодья, въ Днѣпръ или Донъ выстроенныя на мѣстѣ суда. Если такое судно, по какимъ либо причинамъ, не успѣвало дойти благополучно до большой рѣки, то оно или погибало, или же оставалось тамъ до слѣдующаго года. Къ такимъ выводамъ ученые пришли послѣ цѣлаго ряда наблюденій надъ недавно еще практиковавшемся сплавомъ рѣчныхъ судовъ въ бассейнѣ р. С. Донца. Въ Харьковской губ., во многихъ мѣстахъ, не только на верховьяхъ рѣкъ, но даже въ большихъ оврагахъ, наполняющихся весною обильными водами, найдены были занесенные землей остатки судовъ. По наведеннымъ справкамъ оказалось, что сравнительно еще не такъ давно, практиковался весной, во время половодья, *сплавной* способъ доставки значительныхъ по своей величинѣ судовъ въ большія рѣки; если такія суда, по какимъ либо причинамъ, погибали на пути, то они заносились затѣмъ иломъ, пескомъ и исчезали подъ ними.

„Подобные сплавы,—говоритъ профес. Леваковскій,—производились еще въ пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія по Донцу изъ лѣсныхъ дачъ Изюмскаго уѣзда, гдѣ строились *морскія каботажныя суда* и отправлялись въ Таганрогъ, на продажу; случалось, что они не успѣвали достигнуть мѣста назначенія до спада полой воды или садились на мель“. Подвергшіяся такимъ крушеніямъ суда и сохранялись въ землѣ [1]). Вотъ подобнаго рода сплавы производились и въ древнее время по рѣкамъ Переяславльской земли, подобный способъ, какъ мы видѣли раньше, засвидѣтельствованъ ученымъ византійскимъ императоромъ, Константиномъ Багрянороднымъ.

Такимъ образомъ, такого крупнаго и постояннаго судоходства по незначительнымъ рѣкамъ Переяславльской земли, какъ объ этомъ думали раньше, никогда не существовало. Болѣе или менѣе крупныя су-

---

[1]) Докучаевъ. Наши степи прежде и теперь, стр. 38, 39 и слѣд.

да могли плавать только по крупнымъ рѣкамъ, отправляясь отъ которыхъ и можно было проникнуть напобережья морей [1]). Отрицая древнее судоходство по притокамъ средняго Днѣпра въ большихъ размѣрахъ, нельзя не согласиться, однако, что суда сравнительно небольшія могли свободно разъѣзжать по многимъ рѣкамъ и рѣчкамъ Русской земли и такимъ образомъ способствовать развитію сношеній между ея отдаленными частями [2]).

Рѣчное судоходство, приноровленное къ плаванію и по морю, начавшись очень рано, весьма долго держалось въ южной Руси, широко захватывая въ свой районъ рѣчные пути [3]).

Разсмотримъ теперь болѣе подробно слѣды путей, какіе шли черезъ Переяславльскія земли въ древнѣйшее время.

Изслѣдованіе направленія исконнихъ путей торговли въ Южной Руси съ древнѣйшихъ временъ дастъ возможность установить приблизительно тяготѣніе этихъ путей въ Русской Землѣ въ княжескую эпоху.

Выгодное мѣстоположеніе территоріи Переяславльскаго к-ва на средоточьи крупныхъ водныхъ путей, богатство страны естественными произведеніями, наконецъ—близость культурныхъ странъ, кипѣвшихъ дѣятельною жизнью, были причиной того, что страна эта издавна была богата торговымъ движеніемъ. Съ незапамятныхъ временъ, задолго до начала первыхъ основъ русской государственной жизни, указанныхъ лѣтописью, Переяславльскій край уже велъ дѣятельныя сношенія съ окружающими странами. Мы убѣждаемся въ этомъ тѣмъ богатымъ наслѣдствомъ, которое сохранилось въ нѣдрахъ земли отъ временъ скиѳской жизни. Обиліе, разнообразіе, изящность и цѣнность предметовъ скиѳскаго періода, разбросанныхъ на всемъ почти пространствѣ Переяславльской территоріи, весьма краснорѣчиво свидѣтельствуетъ объ этомъ. Внимательное изученіе скиѳскихъ древностей, правда еще не настолько широкое, какъ то было бы желательно, при-

---

[1]) Аристовъ. Промышл. древней Руси, стр. 95—96; Гаркави, с. 157.

[2]) Что живой обмѣнъ произведеніями между жителями внутреннихъ областей лѣваго Приднѣпровья и между жившими у Буга, Днѣпра, Дона, и у морскаго побережья существовалъ издревле, можно убѣдиться изъ того обстоятельства, что жители с. Воронковъ (Лохвиц. у.) и друг. мѣстъ занимались еще до недавняго времени сплетеніемъ сѣтей (крупныхъ) и сбывали ихъ на берега Днѣпра, Дона, Буга, Чернаго Моря и проч. См. П. Семеновъ. Географич. словарь, III, с. 92.

[3]) Черное м. и рядъ рѣкъ, впадающихъ въ него съ сѣвера, издавна были извѣстный своимъ судоходствомъ. Еще Геродотъ, указывая на громадную рѣчную сѣть Скиѳіи, т. е. Южной Руси, говоритъ, что значительныя рѣки ея были доступны для судоходства съ моря—προσπλωτοὶ ἀπὸ θαλάσσης. Herod. IV, 47. Въ готскій періодъ, ознаменованный тѣсной связью готовъ съ моремъ, появляется крупный торговый городъ на Среднемъ Днѣпрѣ,—именно Danparschtadt.

вело ученыхъ изслѣдователей къ заключенію, что Среднее Приднѣпровье съ древнѣйшихъ временъ вело значительную торговлю съ отдаленными странами [1]).

Тоже можно сказать и о послѣдующихъ за скиѳскимъ періодомъ временахъ, когда римскія владѣнія придвинулись къ области р. Днѣстра. Многочисленные клады римскихъ, босфорскихъ, греческихъ и др. монетъ, наглядно подтверждаютъ вышесказанное. Прибавимъ къ этому, что вся страна обильно усѣяна разнообразными по формѣ, величинѣ и содержимому земляными сооруженіями, свидѣтельствующими о продолжительной, давней осѣдлой жизни, то разливавшейся широкой вольной, то съуживавшейся до весьма скромныхъ предѣловъ, то вновь воскресавшей подъ вліяніемъ благопріятныхъ обстоятельствъ.

Среднее Поднѣпровье съ Подоньемъ, по изслѣдованію ученыхъ, издавна служило страной, черезъ которую шли оживленные, теряющіе свое начало въ отдаленномъ прошломъ, торговые пути изъ Индіи, Средней Азіи и Западной Европы. При громадной трудности и не безопасности морскихъ сообщеній Европы съ Индіей и Средней Азіей, сравнительное удобство рѣчныхъ путей Восточной Европы было причиной оживленнаго торговаго движенія черезъ южные предѣлы Россіи съ древнѣйшихъ временъ [2]). Это напряженное движеніе ослабѣвало всякій разъ, когда варварскія орды напирали съ востока и захватывали въ свои руки концы торговыхъ путей; проходила гроза, и торговое движеніе вновь возстановлялось; оно еще было значительнымъ при первыхъ, переданныхъ лѣтописью, русскихъ князьяхъ.

Трудами ученыхъ изслѣдователей скиѳской жизни выяснены до нѣкоторой степени нити главныхъ торговыхъ путей и предметы торговли въ Скиѳіи и сосѣднихъ странахъ.

По словамъ древнихъ, среднее Поднѣпровье, куда входила, конечно, и Переяславльская территорія, вело дѣятельныя сношенія съ греческимъ міромъ, который, получая продукты скиѳской земли, обмѣнивалъ ихъ на предметы своего производства [3]). Изъ Скиѳіи греки получали: хлѣбъ, мѣха, золото, невольниковъ, янтарь, и пр., а взамѣнъ этого посылали: утварь, посуду, оружіе, ткани, краски, овощи, вино и пр. [4]).

---

[1]) См. Лаппо-Данилевскія. Скиѳскія древности, с. 20—30. Л. Нидерле. Человѣчество въ доисторическія времена, с. 293—298 и пр.

[2]) Савельевъ. Мухамед. нумизматика, стр. CCXXVI—CCXXXII; *K. Neumann.* Die Hellenen im Skythenlande. Ers. B., s. 129. Л. Нидерле. Человѣч. въ доисторическія времена, стр. 293—8.

[3]) Ѳ. Г. Мищенко. О Днѣпр. пути древн. грековъ; Лаппо-Данилевскій. Скиѳскія древности.

[4]) Лаппо-Данилевскій. Скиѳскія древности, стр. 25—30. См. также ст. г. Бурачкова въ Зап. Одеск. Общ. Ист. и Древ., т. IX, стр. 80.

Разнообразіе и богатство нѣкоторыхъ продуктовъ, доставляемыхъ скиѳами, напр. золото, мѣха, янтарь и пр., но не встрѣчающихся въ самой Скиѳіи въ достаточномъ количествѣ, даетъ возможность заключать, что черезъ среднее Приднѣпровье шли пути изъ отдаленныхъ странъ: Западной, Средней и Сѣверной Азіи и Европы: съ береговъ Балтійскаго моря, отъ Урала и горъ Алтая [1]). Обыкновенно торговля хлѣбомъ производилась главнымъ образомъ съ побережій Днѣпра, Придонскій же край доставлялъ въ изобиліи невольниковъ, скотъ и мѣха [2]).

Насколько позволяютъ намъ источники, можно прослѣдить разрастаніе и постепенный переходъ торговыхъ путей Скиѳіи изъ одного пункта въ другой. Такъ, самымъ виднымъ и болѣе раннимъ вліяніемъ среди скиѳскихъ племенъ пользовалась Западная Скиѳія, въ южномъ отдѣлѣ которой находилась знаменитая Ольбія; нѣсколько позже центръ тяжести торговой и культурной жизни перешелъ къ Пантикапеѣ, а къ Рождеству Христову—въ Танаисъ [3]), гдѣ она еще процвѣтала во времена Страбона. „Послѣдній пунктъ (Тана),—говоритъ г. Л.-Данилевскій, былъ торжищемъ для азіатскихъ и европейскихъ народовъ“ [4]). Наконецъ, одинъ изъ путей Скиѳіи шелъ на востокъ, къ Каспію, въ Грузію, въ Колхиду, страны Хорасана, Бактріану и проч. [5]).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что уже съ незапамятныхъ временъ устанавливается оживленное торговое движеніе при концахъ большихъ водныхъ путей Русской земли, при чемъ замѣчается постепенное перемѣщеніе этой торговли съ запада на востокъ.

Предметы, добываемые изъ Скиѳіи, какъ напримѣръ—мѣха бобровъ, выдры, куницъ, горностаевъ и друг. звѣрей [6]), а также янтарь и пр., и продажа ихъ грекамъ,—даютъ намъ возможность констатировать давность торговыхъ сношеній средняго Приднѣпровья и Подонья съ греческимъ міромъ: какъ извѣстно область средняго Приднѣпровья,

---

[1]) Лаппо-Данилевскій. Скиѳскія древности, с. 21—30. Л. Нидерле. Человѣч. въ доисторич. времена, с. 293—8.

[2]) Ibidem, стр. 20. Есть основаніе считать, что рѣчной путь между Чернымъ и Балтійскимъ морями посѣщался скиѳами, шедшими сюда по стопамъ финикіянъ. (Лаппо-Данилевскій. Скиѳскія древности, стр. 20—30). Что сношенія съ Средней Азіей и Ураломъ велись въ Скиѳскомъ Приднѣпровьи издревле, можно убѣдиться археологическими находками: найденные въ предѣлахъ Полтавской и Харьков. губ. предметы поразительно схожи съ средне-азіатскими. См. В. de. Baye. Etudes sur l'archéol. d'Ukraine; Кондаковъ. Рус. древн. V—III.

[3]) По словамъ Страбона (XI к., гл. II, стр. 504), Танаисъ, какъ Нилъ, извѣстенъ въ большей своей части, ибо протекаетъ по странѣ, вездѣ доступной и способной къ судоходству на большихъ разстояніяхъ.

[4]) Лаппо-Данилевскій. Скиѳ. древн., стр. 25.

[5]) Ibidem, стр. 30.

[6]) Мѣха составляли предметъ торговли Скиѳовъ съ греками. См. Савельева: Мухамед. нум., стр. LXXVI.

богатая рѣками и болотами, издавна славилась обиліемъ бобровъ и выдръ, которые еще въ недавнія времена водились тамъ во множествѣ [1]); янтарь получался скиѳами изъ рѣки Эридана, которая, быть можетъ, обозначаетъ наши двѣ рѣки: Днѣпръ и Донъ, слившіяся у грековъ въ одинъ звукъ—*Эриданъ*; по берегамъ Днѣпра, близъ Кіева, выше и ниже послѣдняго, находятъ и въ настоящее время большое количество янтаря, попадающагося иногда кусками величиной въ нѣсколько фунтовъ [2]).

Таковы были торговые пути въ южной Руси въ скиѳскій періодъ.

Около 2-го в. до Р. Х. благосостояніе скиѳской жизни начинаетъ быстро падать благодаря сильному напору съ востока кочевниковъ. Съ паденіемъ римскаго могущества, заглохла и значительная часть греческихъ поселеній на берегахъ Чернаго моря [3]). Не смотря на это, торговое движеніе не прекращается; оно только расширяется къ востоку, группируясь въ мѣстахъ, гдѣ сходились произведенія Азіи и Европы. Предпріимчивые готы подняли торговлю. Въ періодъ готскаго владычества въ Южной Россіи направленіе и самые предметы ея торговли остаются одни и тѣже, при чемъ не безынтересно отмѣтить, что готы, пришедшіе съ сѣверо-запада, овладѣвъ страной въ бассейнахъ Днѣпра и Дона и утвердившись здѣсь, продолжали вести торговлю съ сѣверными и южными странами, т.-е. съ Весью, Югрой, Мерей, затѣмъ—съ Крымомъ, Кавказомъ, Арменіей, Малой-Азіей и проч. Изъ сѣверныхъ странъ готы получали мѣха [4]).

Послѣ паденія гуннскаго владычества, древнія торговыя связи между Востокомъ и Западомъ начали вновь развиваться, и Черное море вновь получаетъ то значеніе, какое оно имѣло въ древнее время. Особенное участіе въ черноморской торговлѣ принимаютъ морскія державы, образовавшіяся въ Италіи [5]). Процвѣтаніе остатковъ готскаго царства, разрушеннаго гуннами, на Крымскомъ полуостровѣ, въ мѣстности, издревле славившейся торговлей, указываетъ на интенсивность торговыхъ связей Южной Россіи съ морскими побережьями и на поддержку ихъ населеніемъ, обитавшимъ въ выше лежащихъ областяхъ, безъ чего скоро угасло бы готское благосостояніе.

---

[1]) Савельевъ. Мух. нум., стр. CCV, CCIX.

[2]) Тутковскій. Юго-западный край. Кіевскій янтарь, стр. 12—18. Кромѣ того, янтарь находили въ значительномъ количествѣ и на нижнемъ теченіи Днѣпра, близъ г. Берислава. См. Зап. Одес. Общ. Ист. и Древн., т. I, с. 624—625.

[3]) E. de la Primaudaie. Etudes sur le commerce au Moyen—âge. Hist. de com. de la mer. Noire. См. реценз. въ II кн. Зап. Од. Общ. Ист. Др.

[4]) Савельевъ. Мухамед. нумизм. По словамъ гота Іордана, мѣха получались въ его время съ сѣвера, отъ югры, жившей за хазарами и булгарами.

[5]) См. Зап. Од. Общ. Ист., и Др., т. II, с. 713—14.

Преемниками готовъ являются уже выходцы изъ нѣдръ Азіи, активные предприниматели восточной торговли,—хазары. Они овладѣли тѣми водными путями, которые пролегали на югѣ Россіи, что дѣлало хазарскую державу богатой, сильной и вліятельной. Торговля велась, однако, не только хазарами, имѣвшими даже свой транспортный флотъ [1]), но и подчиненными имъ племенами. У хазаръ было нѣсколько значительныхъ городовъ по главнымъ торговымъ путямъ: Семендеръ—на Кавказѣ, Саркелъ—на Дону, Итиль—на Волгѣ, Саксинъ—на Уралѣ, затѣмъ—гг. Бейда, Беленджеръ и др. Русскіе торговали съ востокомъ въ хазарскій періодъ медомъ, воскомъ, мѣхами [2]). Въ періодъ хазарскаго владычества на югѣ Руси, замѣчается довольно значительное торговое движеніе, какъ внутри русской равнины, по великимъ воднымъ путямъ, такъ и на побережьяхъ морей, принимающихъ въ себя эти рѣки, т. е. на Балтійскомъ, Черномъ и Каспійскомъ моряхъ [3]). Особенно видное положеніе занимали низовья трехъ крупныхъ южно-русскихъ рѣкъ, на одной изъ которыхъ лежала столица Хазарскаго царства—Итиль.

Преемниками хазаръ въ торговой дѣятельности являются арабы, которые начинаютъ вести на Руси торговлю съ конца VII или же начала VIII вв. [4]). Понятно, появленіе энергичныхъ соперниковъ открыло ожесточенную борьбу, окончившуюся полной побѣдой арабовъ.

Арабы заводятъ торговыя сношенія сначала съ хозарами и южной Русью, затѣмъ—съ средней Россіей и, наконецъ,—съ Балтійскимъ поморьемъ [5]). Арабы далеко шире хазаръ раскинули районъ своихъ торговыхъ операцій, и скоро въ ихъ рукахъ очутились главные водные пути Русской земли. Опять съ юго-востока появляется новый соперникъ Византіи, еще болѣе опасный, чѣмъ хазары.

Столкнувшійся съ европейской культурой арабскій міръ, вытѣсняя подавляющимъ образомъ своихъ соперниковъ, сталъ покрывать собой господствовавшее до того времени въ южной Руси византійско-римское вліяніе. Кажется, не безъ борьбы совершался этотъ рѣзкій переломъ, и на рубежѣ обострившихся между этими двумя мірами отношеній замѣчается усиленное вліяніе греческаго міра, испуганнаго надвигающеюся съ востока грозою, на начинавшее формироваться русское го-

---

[1]) Савельевъ. Мух. нум., стр. LXI.

[2]) Бережковъ. Торговля Ганзы до XV в., стр. 17.

[3]) „Берега Балтійскаго моря,—говоритъ Савельевъ (Мух. нумиз.. с. CCXXVII), кипѣли торговою жизнью еще болѣе, нежели берега Каспія". Въ IX и X вв. Померанія была страной, текущей млекомъ и медомъ; особенно она славилась земледѣліемъ. Савельевъ. Мухамед. нумизм., стр. CLXXXIX.

[4]) Савельевъ, Мухамед. нумизм., стр. XLV—XLVI.

[5]) См. монетные клады, указанные раньше.

сударство. Торговля съ Византіей и съ азіатскимъ міромъ шли рука объ руку въ Восточной Европѣ, но арабы, болѣе сильные и предпріимчивые, широко распространили свою торговлю, захвативъ въ свои руки всѣ главные пути на Руси: со времени развитія арабской торговли рѣка Волга начинаетъ мало по малу получать преобладающее, доминирующее значеніе въ дѣлахъ русскихъ племенъ, которыя къ этому времени успѣли занять главные торговые пункты въ бассейнѣ этой рѣки. Что касается предметовъ торговли въ арабскій періодъ, то Южная Русь доставляла тѣже продукты, что и нѣсколько вѣковъ раньше, т.-е. мѣха, хлѣбъ, скотъ, рабовъ и пр. [1]).

Оживленныя торговыя сношенія Приднѣпровкой руси съ Югомъ и Востокомъ несомнѣнно велись и въ удѣльно-вѣчевой періодъ. Благопріятныя условія въ значительной степени способствуютъ этому.

Съ XI ст., со времени утвержденія турецкаго владычества въ Передней Азіи, Черное море вновь пріобрѣтаетъ важное значеніе: пышнымъ цвѣткомъ разцвѣтаетъ Тмутаракань, черезъ Черное море завязываются оживленныя сношенія Западной Европы съ Востокомъ. Энергичными посредниками въ этомъ отношеніи являются итальянскія морскія державы—Генуа, Венеція, Пиза и пр. Со временъ же крестовыхъ походовъ сношенія съ Востокомъ производились исключительно черезъ Черное море. Вотъ почему на побережьяхъ Чернаго и Азовскаго морей появляется множество венеціанскихъ и генуэзскихъ колоній, которыя, не смотря ни на какія лишенія и бѣдствія, продолжаютъ упорно держаться здѣсь до конца XV ст. (1476 г.) Генуэзцы вели обширную торговлю съ Персіей (черезъ Каспійское море), съ Индіей, Ховарезмомъ, Китаемъ [2]); они проникали и вверхъ по Волгѣ, Дону и Днѣпру [3]). Особенно славился генуэзской торговлей г. Тана, находившійся въ устьѣ р. Дона. Несомнѣнно, торговля велась и съ вышележащими странами, т. е. съ областями Днѣстра, Днѣпра, С. Донца и Дона [4]). Въ литовскій періодъ торговля хлѣбомъ производилась съ

---

[1]) Савельевъ, Мухамед. нумизм., стр. LXXXIII—LXXVI.

[2]) См. Зап. Од. Общ. Ист. и Древн. т. II, с. 716—728.

[3]) Въ долинѣ р. Удая находятъ якоря, корабельныя доски и проч. На одной изъ этихъ досокъ была надпись „Genua“. См. В. Докучаевъ. Матер. къ оцѣнкѣ земель Полтав. губ., Выпускъ XIV, с. 10.

[4]) Венеціанцы и генуэзцы, въ періодъ своего владычества на берегахъ Чернаго моря, вывозили хлѣбъ изъ Подоліи и Галиціи въ Константинополь и даже на о-въ Кипръ. Генуэзцы имѣли свои замки (Сорока въ Бесарабіи) и торговыя конторы верстъ за 400 отъ моря, напр. въ Сучавѣ, бывшей столицѣ Молдавіи. Вообще, изслѣдователи согласны, что богатство и величіе Галича обусловливались его торговыми связами съ моремъ. См. Надеждинъ. Геродотова Скиѳія. Зап. Одес. Общ. Ист. и Древ. т. I, с. 38—41 и слѣд. Изъ колоній Азовско-Черноморскихъ побережій выходили въ степь добычники, называвшіеся казаками (casachos.): они дѣлились съ генуэзцами

побережій Чернаго моря. По Днѣпру плавали торговыя суда, проникая отсюда въ Черное море. Въ XVI ст. торговыя суда ходили въ Крымъ изъ Средняго Поднѣпровья [1]).

По словамъ Плано—Карпини, въ 1248 году, онъ встрѣтилъ въ Кіевѣ множество генуэзцовъ, венеціанцевъ, пизанцевъ и пр. [2]). Въ XIII ст. иностранные купцы пробирались вверхъ по рр. Дону, Донцу и Воронежу. Въ 1286 году татары, воевавшіе въ областяхъ рыльской, воргольской и липецкой, захватили нѣмецкихъ и цареградскихъ купцовъ [3]). Не даромъ въ Словѣ о полку Игоревѣ сказано, что славу Святополку пѣли: „Греки и Венедици, Чехи и Моравы“.

Такимъ образомъ, насколько можно судить по письменнымъ и вещественнымъ даннымъ, торговые пути въ Русской равнинѣ направлялись преимущественно по рѣкамъ, и съ древнѣйшихъ временъ они остаются постоянными, измѣняясь только въ интенсивности, сообразно новой комбинаціи той или другой системы рѣкъ.

Посмотримъ теперь, какіе торговые пути шли черезъ Переяславльскую землю въ періодъ разцвѣта русской политической жизни въ среднемъ Приднѣпровьѣ.

Свѣдѣнія объ этихъ путяхъ, переданныя лѣтописью, крайне скудны и недостаточно ясны, что и было причиной цѣлаго ряда различныхъ толкованій о направленіи этихъ путей. Не вдаваясь въ изложеніе исторіи этого вопроса, замѣтимъ, что постоянное участіе Переяславльской земли въ защитѣ вышеназванныхъ путей указываетъ на тѣсную связь ея съ ними [4]).

Въ сѣверной половинѣ Переяславльской земли, по водораздѣлу между Десной и Сеймомъ, съ одной стороны, и верховьями днѣпровскихъ притоковъ: Супоя, Сулы, Псла и пр., съ другой, шелъ большой торговый путь, направлявшійся на Курскъ и дальше,—вѣроятно, къ бассейну средней Волги. Этотъ путь былъ очень древнимъ: по немъ ходили уже въ X ст. обозы купцевъ въ Кіевъ [5]). И въ послѣдующія времена этотъ путь сохраняетъ свое значеніе; что обнаруживается, съ

частью своей добычи. См. Зап. Одес. Общ. Ист. и Др., т. V, стр. 767, 783, 789. Венеціанскія генеэзскія монеты встрѣчаются цѣлыми кладами близъ с. Алешекъ на нижнемъ Днѣпрѣ, по берег. р. Конки, а также въ Кіевской и Полтав. губ. См. ст. Бурачкова. О мѣстополож. др. гор. Каркинитеса, въ Зап.-Од. Общ. Ист. и Др., т. IX, с. 39; гр. Уваровъ. Изсл. о древ. юж. Рос., с. 16; Бѣляшевскій: Мон. клады кіев. губ.

[1]) Арх. юго.-з. Р., ч. VII, т. I; Сборн. И. Р. И. О. т. XXXV, ч. 290—292, 542 и пр. См. Разряд. Книги, II, с. 1256, 1289—90.

[2]) Зап. Од. Общ. Ист. и Др., т. V, статья пр. Бруна, с. 142.

[3]) Ник. лѣт., с. 163. Аристовъ. Пром. въ др. Руси, стр. 190; Голубовскій: Ист. Сѣв. з., с. 34.

[4]) Ипат. л., с. 361, 369, 370, 439 и пр.

[5]) Св. Ѳеодосій, какъ извѣстно, пришелъ изъ Курска въ Кіевъ съ обозами купцовъ, везшихъ товары. См. Житіе св. Ѳеодосія.

одной стороны, военными походами князей на сѣверо-востокъ, при чемъ князья держатся вышеназваннаго пути по водораздѣльнымъ кряжамъ, съ другой—нападеніями половецкихъ ордъ, которыя неоднократно нападаютъ на жителей въ этомъ именно направленіи. Кромѣ того, значительно позже, въ XVI ст., этимъ путемъ иногда идутъ обозы (караваны) съ сѣвера, минуя обычную дорогу между Переяславлемъ и Каневомъ [1]). Этотъ путь былъ впослѣдствіи извѣстенъ подъ именемъ *Бакаева шляха;* по немъ шли товары съ сѣвера на югъ и обратно [2]).

Кромѣ того, черезъ Переяславльскую замлю, или соприкасаясь съ нею, проходило еще нѣсколько путей, отмѣченныхъ лѣтописью. Изъ нихъ мы знаемъ три: *греческій, соляный* и *залозный.*

Что касается *Греческаго пути,* то онъ, безъ сомнѣнія, шелъ Днѣпромъ, къ черноморскимъ берегамъ,—Крыму и Византіи,—и составлялъ часть того великаго воднаго пути, который былъ извѣстенъ въ лѣтописи подъ именемъ „пути изъ Варягъ въ Греки“ [3]). Несомнѣнно, этотъ путь былъ однимъ изъ самыхъ важныхъ для средняго Поднѣпровья. Переяславльская земля, прилегая къ этому водному пути, играла въ торговыхъ дѣлахъ съ Греціей весьма видную роль. Изъ договоровъ Руси съ греками узнаемъ, что въ Цареградѣ проживало мно-

---

[1]) „Поведилъ староста ижъ недавно м-ца ноября шолъ з Москвы на Киевъ корованъ не малый близко ста возовъ, с товары кошьтовными, а ижъ воевода Киевскій пустилъ корованъ оный стороною отъ дороги зьыклое до Киева, черезъ поле, минаючи Каневъ и Черкасы“. Архивъ юго-з. Р., ч. VII, т. I, с. 96.

[2]) А. Русовъ. Русскіе тракты въ концѣ XVII и нач. XVIII вв., стр. 120 (карта путей). По направленіи этого пути расположенъ цѣлый рядъ значительныхъ мѣстечекъ и городовъ, нѣкоторые изъ которыхъ безъ сомнѣнія древняго происхожденія: Басань, Круполь, Бахмачъ и пр. Однако, въ виду значительныхъ лѣсовъ и болотъ, бывшихъ на вершинахъ рр. Донца, Супоя, Трубежа и пр., прямой путь изъ Кіева на Курскъ былъ не совсѣмъ удобенъ; вслѣдствіе этого, онъ отклонялся нѣсколько на югъ, пересѣкая Днѣпръ близъ г. Канева. Интересно замѣтить, что на этомъ пути, какъ мы видѣли, во многихъ мѣстахъ, попадались римскія монеты. Богатыя находки, открытыя близъ пересѣченія этого пути Днѣпромъ, подтверждаютъ важное значеніе его въ древнее время.

[3]) Этотъ путь составляли: Ильмень, Ловать и Сережа, 30 верстъ волока, Торопа, Западная Двина, Каспля, 30 верстъ волока, Смоленскъ и Днѣпръ на всемъ протяженіи до пороговъ, гдѣ возлѣ Ненасытицкаго порога суда разгружались, люди шли берегомъ, перенося товары, а затѣмъ, прошедши опасный порогъ, снова нагружали суда и плыли уже дальше, въ Черное море. Л. Н. Майковъ Ж. М. Н. П. 1874 г., авг., с. 258; Аристовъ. Пром. др. Р., с. 185—6; Грушевскій. Ист. кіев. з., с. 388. О свободномъ плаваніи этимъ путемъ въ Запад. Европу говоритъ Константинъ Багрянородный. εἰσὶ δὲ τὰ ὑψηλότηρα τοῦ Δανάπρεως ποταμοῦ μέρη κατοικοῦσιν οἱ Ῥῶς δι' οὗ ποταμοῦ ἀποπλέοντες πρὸς Ῥωμαίους ποιοῦνται τὴν ἄφιξιν“. Corpus Script. his. Byz. Const. Porph., cap. 42, p. 179. Въ былинѣ объ Алешѣ Поповичѣ поется, что „въ Кіевѣ гости торговые подъ Тугарина Змѣевича подписали корабли свои, что стояли на быстромъ Днѣпрѣ съ товарами заморскими“. Авенаріусъ. Книга былинъ. Изд. третье. Спб., с. 33.

жество русскихъ купцовъ, привозившихъ туда свои, по большей части, сырые продукты, и покупавшихъ у грековъ все необходимое для себя. Безъ сомнѣнія, суда переяславльскія, наряду съ кіевскими и черниговскими, плавали въ Византію, а купцы переяславльскіе вели торгъ съ греками и арабами [1]).

Второй путь—это *Соляный* или же *соленый*. То обстоятельство, что этотъ путь упоминается въ лѣтописи одновременно съ греческимъ, даетъ поводъ считать, что онъ находился въ близкомъ сосѣдствѣ съ первымъ, т. е. греческимъ путемъ, и направлялся въ богатыя солью побережья Чернаго и Азовскаго морей. Весьма вѣроятно даже, что онъ частью шелъ Днѣпромъ, какъ и позже въ XVI ст., когда на судахъ привозили соль въ Приднѣпровье [2]).

Что касается третьяго пути—*Залознаго*, то онъ, по всей вѣроятности, шелъ на юго-востокъ, въ область р. Дона, а отсюда, при существованіи давней тѣсной связи Дона съ Волгой,—въ Поволжье и Предкавказье, т. к. къ этимъ странамъ съ незапамятныхъ временъ шло большое торговое движеніе изъ Средней Азіи. „Сбытъ товаровъ по Дону, говоритъ Аристовъ, находился въ связи съ торговлей по Волгѣ: купцы изъ одной рѣки перевозили свои товары въ другую волокомъ“ [3]). Что съ донскимъ бассейномъ велись торговыя связи, видно изъ лѣтописнаго указанія (конца XII ст.) на купцовъ, шедшихъ изъ половец-

---

[1]) Ипат. л., с. 30. См. Зап. Имп. Арх, Общ., т. 2, с. 416—424—о Куфич. мон. въ Харьк. губ.; Отч. Имп. Арх Ком. за 1882—8 гл. Спб. Имп. Арх. Ком. за 1882—8 гг. Спб. 1891 г., стр. CCI. и пр.

[2]) Въ люстраціи 1552 г. отмѣченъ доходъ, который шелъ къ старостѣ съ соли „Кгды соль идетъ съ низу, хоживало старосте перво 3 десятка по ковшу соли, а ковшъ тотъ 3 безменъ, а теперешній староста отъ каждаго человека колько ихъ у десятку будетъ, береть соли по два безмены. А надъ то еще береть староста теперешній съ каждаго десятка соли по котлу десяточному и по ковшу. А еще особый обестки зъ десятка каждого по котлужъ десяточному беретъ“. Архивъ юго-зап. Р., т. VII ч. I, с. 93. „Еще его люди на нашей земли, говоритъ Менгли, и пошлины довали; а нынѣча его люди приходя соль только емлютъ, и пошлинъ не даютъ“. Сб. И. Р. И. О. то XXXV, с. 2902. О пути Днѣпромъ къ берегамъ Крыма, гдѣ руссы брали соль, и проходѣ черезъ перекопскій ровъ (каналъ) въ Азовское море—говоритъ Константинъ Багрянородный: Corp. Scrip. Hist. Byz., III, p. в. 180—181. На картѣ Ioh. Blaev'a близъ Перекопа указанъ городъ, названный Salinea (см. карту Russiae, vulgo Moskoviae, pars Australis, auctore Isaaco Massa); на другой картѣ того же автора—Tractus Borysthenis, vulgo Dnieper,—при устьѣ Днѣпра, на лѣвой сторонѣ послѣдняго, противъ озеръ сказано: „Ex his lacubus sal sole consortum decepitur“. См. объ этомъ пути. П. Голубовскаго. Печенѣги, Торки и пр. Ср. Багалѣя; Ист. сѣв.-земли.

[3]) См. Аристова. Пром. въ Др. Р, с. 190. Грушевскій. Ист. Кіев. з., стр. 388. См. также Багалѣя: Ист. Сѣв. з., стр. 27. Самое названіе *залозный* не есть ли испорченное слово заволозный, т. е. заволжскій, измѣненное согласно закону древнерусскаго языка, избѣгающаго полногласія, напр., сребро—серебро, злато—золото и пр.?

кихъ степей черезъ р. Ворсклу и Хоролъ [1]). Этой дорогой движутся и половецкія орды въ своихъ нападеніяхъ на юго-восточныя окраины Южной Руси. Кромѣ того, давняя связь Переяславльской земли съ Нижневолжскимъ краемъ была причиной того, что послѣ татарскаго разгрома, на Волгѣ образовалась епископія Сарайская въ подчиненіи Переяславльской [2]).

Если отъ лѣтописныхъ данныхъ о путяхъ сообщеній перейдемъ ко временамъ болѣе позднимъ, къ XV и XVI ст., то увидимъ, что прежніе пути еще сохраняютъ кое-какъ свое значеніе, хотя, конечно, сильно упавшее; по Днѣпру, водой, движутся караваны купцовъ на югъ, въ Крымъ и Грецію [3]). Быть можетъ, днѣпровскіе низовые казаки являлись прямыми продолжателями торговли, издревле существовавшей въ Приднѣпровьѣ [4]). Они являются какъ бы продолжателями древнихъ гречниковъ. Кромѣ того, не такъ еще давно, дорога на югъ, шедшая на лѣвой сторонѣ Днѣпра, параллельно послѣднему, носила названіе „цареградской“ [5]).

Такимъ образовъ, для Южной Руси водные пути были чрезвычайно важны, и мы замѣчаемъ, что уже съ незапамятныхъ временъ идутъ дѣятельныя заботы о нихъ. Кіевскіе и переяславльскіе князья стараются всѣ-

---

[1]) Ипат. л., стр. 429. Въ бассейнѣ Донца лѣтопись указываетъ нѣсколько городовъ: Балинъ, Чешюевъ, Донецъ и пр.

[2]) Чт. въ Имп. Общ. ист. и древн. Рос. при Моск. универ., 1894, т. III. ст. Соловьева. Сартская и Крутицкая эпархіи, с. 4—6.

[3]) Арх. юго-зап. Р. ч. VII, т. I. Сб. Имп. Рус. Общ., т. XXXV., ч. 290—2, 342 и пр. Въ XVII ст. на Днѣпрѣ было множество судовъ на которыхъ по приказанію московскаго царя надо было доставить 1500 солдатъ на низовья Днѣпра противъ татаръ. См. Разряд. книги, II, с. 1256, 1289—90.

[4]) Въ 1499 году крымскій ханъ жаловался москов. князю, что тому городу, который сдѣланъ на устьѣ Днѣпра,—тому городу его (литов. князя) люди за все, приходя въ судахъ, много лиха чинятъ“. Сборникъ И. Р. И. О., т. XXXV, 290—292; затѣмъ—стр. 542.

[5]) М. А. Максимовичъ, т. II, с. 340. Интересно замѣтить что чумацкій промыселъ,—этотъ замершій отголосокъ прежнихъ торговыхъ операцій,—отправлялся отъ верховьевъ Сѣв.-Донца, съ береговъ Днѣпра, верхней Сулы. Ворсклы и пр. и шелъ на Донъ и Крымъ. Существованіе извѣстныхъ въ XV и XVI вв. трехъ шляховъ (Муравскаго, Изюмскаго и Калміусскаго), пересѣкающихъ р. Сѣв. Донецъ въ трехъ мѣстахъ и приводившихъ черезъ рр. С.-Донецъ, Калміусъ и Молчную къ берегамъ Азовскаго моря, говоритъ о большомъ значеніи порубежья двухъ водныхъ областей —днѣпровской и донской, — въ торговомъ отношеніи съ моремъ. Это торговое движеніе не скоро заглохло: г. Тмуторокань долгое время имѣлъ значительное вліяніе на дѣла Сѣверской земли; въ послѣдней, благодаря этому, появляется даже городъ одного съ Тмутороканью названія, а именно—Тмуторокань Остреческій, который, вѣроятно, есть нынѣшнее м. Моровскъ (чер. г.). Не получилъ-ли поэтому и Муравскій шляхъ своего названія отъ г. Тмутаракани? Тогда и сообщенія былинъ о защитѣ казакомъ, Ильей Муромецемъ, дороги въ Русь имѣли бы полный смыслъ.

ми мѣрами обезпечить свои рѣчныя дороги, особенно Днѣпровскій путь, для защиты котораго они постоянно воюютъ съ кочевниками, отряжаютъ вооруженные отряды, чтобы проводить караваны, или же сами идутъ съ войсками на встрѣчу послѣднимъ [1]).

Что касается предметовъ торговли въ Переяславльской землѣ въ удѣльно-вѣчевой періодъ, то они, конечно, являлись тѣми же, что и въ ближайшихъ сосѣднихъ земляхъ—Кіевской и Черниговской. Изъ Переяславльской земли шли сырыя произведенія въ обмѣнъ на цѣнныя вещи комфорта и роскоши болѣе богатыхъ странъ.

Переяславльская земя, издавна богатая хлѣбомъ, снабжена послѣднимъ сосѣднихъ кочевниковъ; съ которыми велись дѣятельныя, оживленныя сношенія: доставляя торкамъ, половцамъ, и друг. степнякамъ хлѣбъ (особенно просо), переяславльцы получали отъ нихъ крупный рогатый скотъ, лошадей и овецъ [2]). Хлѣбная торговля велась далѣе съ южными и юго-восточными землями [3]), какъ это было и позже, въ литовскій періодъ [4]).

Кромѣ хлѣба, изъ Переяславльской земли вывозились: дорогія мѣха, медъ, воскъ, шкуры, рабы и пр. Арабскій писатель, Ибнъ-Хордадбегъ, говоритъ, что руссы привозятъ въ Византію мѣха выдръ (бобровъ) и черныхъ лисицъ, а также мечи [5]). Извѣстно, что драгоцѣнные мѣха въ X в. добывались не только въ сѣверной Россіи, но также и въ среднемъ Приднѣпровьѣ [6]). О богатствѣ послѣдняго пушными звѣрями можно судить по тѣмъ даннымъ, которыя находятся въ документахъ XVI ст. [7]).

Находясь у края осѣдлости, Переяславльская земля постоянно вела войны съ нападавшими на нее кочевниками и, понятно, теряла

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 346, 368. Въ 1170 году Изяславъ М-чъ говорилъ своей братіи: „а уже у насъ и Греческій путь изъотимаютъ и Соляный, и Залозный“. (Ипат. 368): „И посла Ростиславъ Влодислава Ляха съ вои и възведоша Гречники“ (Ипат. 360). Въ 1168 году сильное войско многихъ князей „стояша у Канева долгое веремя, донлеже взиде Гречникъ и Залозникъ, и оттолѣ възвратишся въсвояси“ (Ипат. л., с. 361). Въ 1170 году Мстиславъ Изяславичъ, убѣдилъ выйти „противу Гречнику“, и князья „шедше стояша у Канева“ (Ипат. л., с. 370) и проч. Нападенія на караваны совершались наичаще у пороговъ, гдѣ надо было разгружать суда; вотъ почему сюда и направляются вооруженные отряды. Миновавъ пороги, плаваніе совершалось дальше уже безпрепятственно.

[2]) Грушевскій, Ист. к. з., стр. 393. Соловьевъ, I, с. 253.

[3]) Савельевъ, стр. LXI.

[4]) Архивъ Юго-запад. Россіи, т. VII, ч. I.

[5]) Ипат. л., стр. 44; Савельевъ, стр. LXI, CCV. Аристовъ. Пром. въ др. С., с. 184, 190.

[6]) Савельевъ, с. CCV.

[7]) См. описаніе Каневскаго и Черкаскаго замковъ въ 1552 г. Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. VII, т. I.

массу своего населенія, уводившагося въ плѣнъ и продававшагося на рынкахъ Востока. Въ свою очередь, плѣнники, попавшіе въ руки руссовъ, также продавались послѣдними, особенно въ Константинополь, гдѣ даже былъ для этого особый рынокъ [1]. Рабовъ продавали и степнякамъ, но по всей вѣроятности, не особенно часто: Южная Русь сама нуждалась въ населеніи и, добывши его, заселяла имъ свои опасныя окраины [2].

Что касается ввоза, то послѣдній былъ весьма значительнымъ. Изъ Греціи и Болгаріи привозились: золото, серебро, (въ издѣліяхъ, монетахъ и пр.), шелковыя ткани, богатыя одежды, сосуды, ковры, сукна, сафьянъ, овощи, пряности, вина и пр. Особенно были въ большой цѣнѣ шелковыя ткани, которыя покупались русскими въ ограниченномъ греческимъ правительствомъ количествѣ (не болѣе 50 златницъ на человѣка). Изъ Греціи же шли матеріалы, необходимые для корабельнаго дѣла (снасти, якоря, паруса), а также для постройки зданій—кирпичъ, мраморъ, мозаика и пр. Стеклянныя мозаичныя издѣлія и бисеръ, позолоченный, выдѣлывались въ Константинополѣ въ огромномъ количествѣ и шли въ Крымъ и въ Южную Русь [3]. Особенно много предметовъ роскоши и комфорта (напр. предметы сканнаго или филиграннаго производства), шло съ Востока, изъ Малой-Азіи, Персіи и пр. Такъ, Рубруквисъ передаетъ, что изъ Малой Азіи доставлялись въ Судакъ хлопчатобумажныя и шелковыя ткани, пряныя коренья и пр., а руссы, въ обмѣнъ на это, привозили въ крытыхъ телѣгахъ, запряженныхъ волами, дорогія мѣха [4]. Отъ арабовъ въ Русь шли: бисеръ, особенно зеленый (онъ встрѣчается весьма часто въ раскопкахъ), золотыя и серебряныя издѣлія: цѣпочки, ожерелья, браслеты, кольца, булавки, бляхи для одежды и пр., кромѣ того арабы провозили шелковыя и шерстяныя ткани, овощи, пряности, вино; затѣмъ стальныя издѣлія: клинки—сабельные и кинжальные, заступы, багры; въ большомъ количествѣ шла арабская серебряная монета, такъ называемые диргемы [5]. Изъ Крыма, по словамъ Рубруквиса, русскіе вывозили соль [6].

---

[1]) Грушевскій. Ист. Кіев. з., стр. 393; Аристовъ, opera citata, 184.

[2]) Ипат. лѣт., стр. 203.

[3]) Аристовъ, стр. 184—5; Савельевъ, стр. CXCV, LXXXIII, IV; Гаркави, стр. 57, 219 и 551; Хвольсонъ, с. 160—177. Забѣлинъ. Ист. Рус. жизни, ч. II, с. 379. Соловьевъ, I, с. 249—252.

[4]) Ж. М. Н. Пр., 1889 г. V, 130. Статья проф. Васильевскаго.

[5]) Савельевъ, с. LXII, LXXXIX—XC; Гаркави, с. 264; Хвольсонъ, стр. 160—1. Изъ пряностей шли: инбирь, перецъ, гвоздика, нардъ, костъ (costos—аром. вещество), ревень и пр. Гаркави, с. 57, 219—251. Хвольсонъ, с. 160—177. Забѣлинъ, Ист. рус. ж. ч. II, с. 381—2.

[6]) Аристовъ, с. 70.

Кромѣ странъ южныхъ и восточныхъ, Переяславльская земля имѣла, конечно, торговыя связи и съ западомъ. Выше было указано нами на присутствіе цареградскихъ и нѣмецкихъ торговцевъ въ Курскѣ, въ XIII ст. Нахожденіе на Переяславльской территоріи западноевропейскихъ монетъ (чешскихъ XIV с.) еще болѣе подтверждаетъ наше мнѣніе [1]). Слѣдовательно, Переяславльскій край имѣлъ сношенія съ западной Европой, подобно тому какъ и Кіевская земля, которая вела обширную торговлю съ Западомъ [2]). Въ Словѣ о полку Игоревѣ указывается на „сулицы лядскія, шеломы латинскіе". Южная Русь доставляла въ Западную Европу, кромѣ своихъ сырыхъ продуктовъ, произведенія чужихъ, преимущественно восточныхъ странъ: дорогія ткани и сосуды, пряности, овощи, вино и пр. [3]).

Участвуя въ Днѣпровской торговлѣ и имѣя связи съ сѣверными землями (Ростовомъ, Суздалемъ и пр.), Переяславль, безъ сомнѣнія, велъ торговлю и съ Новгородомъ, откуда получались произведенія сѣвера: моржевая кость, дорогіе мѣха (соболь, песцы, горностаи) желѣзныя издѣлія и пр. „Франкскіе мечи" также, вѣроятно, шли черезъ Новгородъ [4]).

Говоря о торговлѣ, мы неминуемо должны сказать нѣсколько словъ о денежныхъ знакахъ, какіе циркулировали въ древнее время въ Переяславльской землѣ. Судя по разнообразнымъ и многочисленнымъ находкамъ монета въ южной Руси является уже со временъ глубокой древности. Русскіе давно сознавали удобство монеты въ торговыхъ дѣлахъ и потому монета (правда чужеземная) ходила здѣсь уже очень давно. Мы не согласны поэтому съ тѣмъ мнѣніемъ, которое считаетъ лѣтописную „бѣль" за шкурку бѣлки; мы полагаемъ, что это была серебряная монета, которая, будучи чистою, новою, дѣйствительно отличается своею бѣлизною. Извѣстно, что литовскіе гроши назывались въ XVI ст. *бѣлью* или же pienędzki (пенязи) [5]).

Кромѣ чужестранной монеты, въ Переяславской землѣ были въ

---

[1]) Монета XI в. изъ г. Грепингена была вырыта въ Курск. губ., Судж. у., близъ Никол. Бѣлгород. Пустыни. См. Самоквасова: Основ. хронол. кл., с. XXVII—XXXI. Чешскіе серебряные гроши XIV ст. были найдены въ г. *Глинскѣ* (полт. губ.) и въ сумскомъ у. Харьков. губ., на б. р. *Виры*. См. Замѣтки В. Б. Антоновича и Мазараки; Изв. Имп. Арх. Общ., VII, 2.

[2]) Грушевскій. Ист. Кіев. з., стр. 393—4. Въ былинѣ о Соловьѣ Будиміровичѣ подробно перечисленны тѣ товары, которые провозились Днѣпромъ на корабляхъ: мѣха соболей, лисицъ, куницъ, горностаевъ, шелковыя ткани, сафьянъ, серебро, и проч., Авенаріусъ. Книга былинъ, стр. 61—62.

[3]) Ibidem, 393—5.

[4]) Савельевъ, стр. LXXX.

[5]) Древности, т. 2, вып. 2, стр. 107 (статья г. Киркора).

ходу такъ называемыя серебряныя гривны — шестиугольной формы. Гривна содержала въ себѣ 20 ногатъ 50 рѣзанъ [1]).

Въ періодъ первыхъ, записанныхъ лѣтописью христіанскихъ князей въ Кіевѣ чеканилась своя серебряная монета съ именами князей: Владиміра, Святополка, Ярослава и пр. [2]); эта монета, какъ видно, была въ обращеніи и въ сосѣднихъ земляхъ; на территоріи Переяславльскаго к-ва найдено нѣсколько экземпляровъ ея [3]). Такимъ образомъ, металлическая монета была въ употребленіи на лѣвой сторонѣ Днѣпра съ незапамятныхъ временъ. Въ торговлѣ принимали участіе всѣ слои русскаго общества: и князья, и духовенство, и бояре, и простой народъ.

Частыя сношенія,—особенно торговыя,—Переяславльской земли съ сосѣдними народами и отдаленными, богатыми странами, способствовали ея оживленію, увеличивали ея благосостояніе. Путемъ такихъ сношеній стали проникать мало-по-малу, сначала робко, а затѣмъ все сильнѣе и сильнѣе, начала болѣе развитой общественной, религіозной и политической жизни. Эти начала, въ связи съ географическимъ положеніемъ страны, послужили къ образованію отдѣльнаго политическаго организма, игравшаго довольно видную роль въ древній періодъ русской исторической жизни. Отсюда понятны и заботы южно-русскихъ князей о защитѣ этой юго-восточной русской окраины, прикрывавшей водные пути, особенно „великій водный путь изъ Варягъ въ Греки“ и всю Русскую землю. Вотъ почему Пререяславльскій край съ незапамятныхъ временъ является весьма важнымъ элементомъ русской земли какъ въ дѣлѣ защиты страны отъ кочевниковъ, такъ и въ сферѣ торгово-промышленной и политической жизни ея.

Древне-русскій государственный организмъ, какъ извѣстно, зародился и выросъ близъ перекрестья крупныхъ торговыхъ путей, гдѣ въ удобныхъ мѣстахъ возникали болѣе или менѣе крупные общественные центры,—очаги гражданской, болѣе развитой жизни. Этому благопріятному условію и отвѣчала Переяславльская земля, примыкавшая, съ одной стороны, къ могучему Днѣпру, а съ другой—къ бассейну синяго Дона. Эта земля составляла какъ бы неразрывное цѣлое съ той частью южной Руси, которая развилась на правой сторонѣ Днѣпра, вокругъ Кіева. Вотъ почему исторія этой земли тѣсно связана съ исторіей Кіева, и переходъ князей на златокованный кіевскій престолъ обыкновенно совершался изъ Переяславля.

---

[1]) Прозоровскій. Монета и вѣсъ въ Россіи до к. 18 вѣка. с. 211—216. Зап. Арх. Общ., XII, 2.

[2]) Гр. Толстой. Древнѣйшая рус. монеты, с. 159—187.

[3]) Ibidem. См. Страшкевича. Клады, разсмотр. въ м. кабин. унив. Св. Владиміра, стр. 33—34.

V.

Переяславльская земля передъ своимъ выдѣленіемъ въ отдѣльное княжество.

Переяславльская земля въ хазарскій періодъ. Подчиненіе полянамъ. Роль Переяславля въ періодъ совмѣстной жизни съ полянами. Отношеніе первыхъ кіевскихъ князей къ Переяславльской землѣ. Попытки проведенія новой политической организаціи въ странѣ. Владиміръ св. и его заботы о защитѣ Переяславля. Борьба съ печенѣгами. Подвигъ Яна Усмовича. Походъ кн. Бориса на кочевниковъ. Убіеніе кн. Бориса близъ Переяславля. Святополкъ и его борьба съ братьями. Битва на Альтѣ и бѣгство Святополка. Борьба Ярослава съ Мстиславомъ Тмутораканскимъ. Переяславльская земля подъ управленіемъ Ярослава Мудраго.

Правдоподобно, что еще значительно раньше образованія на Днѣпрѣ крупнаго, объединяющаго окрестныя племена, политическаго тѣла, какимъ стала Кіевская земля въ X в., сѣверянскія племена представляли собой рядъ отдѣльныхъ, самостоятельныхъ общинъ, федеративно объединенныхъ между собою и управлявшихся своими особыми князьями, которые называются въ лѣтописи „свѣтлыми". Таковыми являются государственныя начала сѣверянъ въ періодъ ихъ подчиненія хазарскому владычеству, такую же точно политическую организацію мы встрѣчаемъ и послѣ, уже при первыхъ русскихъ князьяхъ, когда племенные, такъ называемые „свѣтлые" князья, должны были признать надъ собою главенство, гегемонію великаго князя кіевскаго [1]). Когда собственно подпали сѣверяне, а вчастности и Переяславльская земля власти хазаръ—мы не знаемъ. Одно, что можно сказать,—это, что сначала власти хазаръ подпали южныя поселенія сѣверянъ, и затѣмъ уже произошло постепенное покореніе и остальной части Сѣверской земли и Приднѣпровья, при чемъ покореніе происходило не безъ обоюднаго вліянія покоренныхъ съ покорителями. Мы видимъ далѣе, что хазары выдѣляютъ даже изъ своей среды колонизацію въ сѣверянскія земли, въ чемъ можно удостовѣриться по тѣмъ мѣстнымъ названіямъ заселенныхъ мѣстъ, напр. Казары, Хаза-

---

[1]) Ипат. л., стр. 18, 19; Лавр. л., стр. 30.

ровичи и пр., которыя существуютъ еще и теперь въ числѣ селеній Черниговской, Полтавской и другихъ губерній [1]). Мирное отношеніе хазаръ къ сѣверскимъ землямъ благотворно дѣйствовало на развитіе внутренней жизни ихъ, такъ какъ сѣверяне пользовались полнѣйшей вѣротерпимостью, не подвергаясь какимъ либо стѣсненіямъ въ этомъ отношеніи со стороны хазаръ и полнымъ самоуправленіемъ: вся зависимость сѣверянъ отъ хазаръ заключалась въ томъ, что они только платили легкую дань послѣднимъ [2]); въ политическомъ же отношеніи пользовались большой самостоятельностью; сѣверяне не только совершаютъ наравнѣ съ хозарами, и даже подъ ихъ покровительствомъ, различнаго рода торговыя операціи, но они, кромѣ того, служатъ хазарамъ въ качствѣ наемныхъ войскъ, имѣютъ свой судъ, своихъ князей и пр. [3]). Славянское вліяніе въ Хазаріи въ этотъ періодъ времени было весьма значительнымъ. Мирныя отношенія между сѣверянами и хазарами исключали повидимому всякую возможность какихъ бы то ни было столкновеній другъ съ другомъ. И только тогда, когда по теченію Днѣпра стало быстро возникать молодое государство съ Кіевомъ во главѣ, хазары поняли всю опасность могучаго сосѣда и проявили цѣлый рядъ попытокъ помѣшать распространенію этого могущества. Опасность появилась прежде всего среди полянъ, гдѣ, подъ вліяніемъ различнаго рода условій и особенно благодаря довольно значительному отдаленію отъ центра Хазаріи и близости враждебныхъ хазарамъ славянскихъ племенъ, возникли новыя начала государственной власти, которыя дали полянамъ перевѣсъ надъ ихъ сосѣдями и помогли имъ освободиться изъ подъ власти хазаръ. Что касается сѣверянъ, которые были связаны торгово-политическими интересами съ хазарами, то, какъ извѣстно, они не такъ скоро подчинились власти полянъ. Сѣверяне долгое время сопротивляются полянамъ, и только потомъ мало по малу они вступаютъ въ болѣе или менѣе тѣсныя, федеративныя отношенія къ господствующему племени приднѣпровскихъ славянъ. Такой поворотъ среди сѣверянъ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что могущество хазаръ, подорванное около этого времени внутренними неурядицами и безпрерывными набѣгами кочевниковъ съ востока, именно—печенѣговъ, начинаетъ падать. Хазары не могли уже тогда серьезно охранять интересовъ сѣверянъ, и послѣдніе, послѣ борьбы съ сосѣдями, сообразивъ, что имъ открывалась возможность, въ союзѣ съ полянами, устроить свою жизнь не только на прежнихъ

---

[1]) П. Голубовскій. Исторія Сѣвер. земли, стр. 36, 37 и 38. См. карту Полтав. и Черниг. губ.

[2]) Они платили хазарамъ десятину съ торговли. Гаркави, стр. 49, 251. Голубовскій Ист. Сѣв. зем., стр. 39.

[3]) Гаркави стр. 38 и 129. Голубовскій. Ист. Сѣвер. земли, стр. 38.

условіяхъ, но даже съ еще большими удобствами, подчиняются полянамъ. Подчиненіе сѣверянъ шло послѣдовательно и велось тактично: опасаясь, какъ бы хазары опять не подчинили этого племени своей власти, поляне предупредительно относятся къ покореннымъ, а потому и дань, наложенная на сѣверянъ, была незначительной [1]). Желая держать въ рукахъ сѣверянъ, кіевскій князь старается пораньше захватить въ свои руки важные пункты ихъ земли. Такъ, въ 882 году, Олегъ занялъ городъ Любечь, одну изъ важнѣйшихъ сѣверянскихъ крѣпостей [2]). Если принять во вниманіе постепенный ростъ полянскаго могущества по берегамъ Днѣпра, и зависимость отъ послѣдняго торговой и промышленной дѣятельности сѣверянской территоріи, то подчиненіе полянамъ юго-западной сѣверянской территоріи весьма понятно: она сочла для себя болѣе выгоднымъ быть подъ покровительствомъ полянскаго князя, чѣмъ зависѣть отъ хазаръ. Поляне сознавали важность для ихъ государства союза сѣверянъ, и потому первыя времена совмѣстной жизни полянъ и сѣверянъ носятъ вполнѣ мирный характеръ; такъ, сѣверяне участвуютъ въ тѣхъ походахъ, какіе совершали кіевскіе князья на Грецію. Они сохраняютъ въ это время нѣкоторую долю своей политической самостоятельности и имѣютъ своихъ князей, которые считаются подъ покровитетьствомъ (подъ Олегомъ суще) кіевскаго князя. Въ 907 году Олегъ ходилъ войной на Византію. По словамъ лѣтописи, въ этомъ походѣ учавствовали въ числѣ другихъ народовъ и сѣверяне [3]).

Походъ окончился удачей, и съ греками былъ заключенъ миръ, по которому греки обязаны были выдавать такъ называемыя „уклады" т. е. опредѣленныя суммы денегъ, главнѣйшимъ городамъ тѣхъ русскихъ племенъ, которыя участвовали въ походѣ [4]). Въ числѣ городовъ, которымъ отпускались вышеназванные „уклады", упоминается и Переяславль, что указываетъ на не маловажное значеніе территоріи, тянувшей къ этому городу, въ политической жизни молодого русскаго государства, выросшаго на берегахъ Днѣпра. Такимъ образомъ сѣве-

---

[1]) „Въ лѣто 7392 Іде Олегъ на Сѣвяры и побѣди Сѣверы, и възложи на нихъ дань легъку, и не дасть имъ Козаромъ дани даяти, рекъ: „азъ имъ противенъ, а вамъ нечему". Ипат. л., стр. 13—14.

[2]) Ипат. л., стр. 18.

[3]) „Въ лѣто въ 6415. Іде Олегъ на Грѣкы, Игоря остави въ Кыевѣ; поя же множество Варягъ, Словѣнъ, и Чюди, и Кривичи, и Мерю, и Поляны, и Сѣверу, и Деревляны, и Радимичи, и Хорваты, и Дулѣбы, и Тиверцы, яже суть толковины: си вси звахуться Великая Скуфь". Ипат. л., стр. 17.

[4]) „И заповѣда Олегъ дати воемъ на 2000 кораблий, по двѣнатьцать гривнѣ на ключь, и потомъ даяти углады на Рускіе городы: пѣрвое на Кіевъ, таже и на Черниговъ, и на Переяславль, и на Полътексъ, и на Ростовъ, и на Любечь, и на прочая городы; по тѣмъ бо городомъ сѣдяху князья подъ Ольгомъ суще". Ипат. л., с. 18.

ряне играютъ въ это время весьма видную роль: три крупные города сѣверянъ—Переяславль, Черниговъ и Любечъ, получаютъ, на ряду съ Кіевомъ, вознагражденіе за участіе въ походѣ на грековъ. Олеговъ походъ на Византію былъ предпринятъ съ огромнымъ войскомъ, которое шло сухопутьемъ и водой, и на коняхъ, и на корабляхъ[1]). Сѣверяне, повидимому, вполнѣ примиряются со своимъ новымъ положеніемъ, политической жизни — положеніемъ, которое вообще не было слишкомъ тяжелымъ: полная самостоятельность во внутреннихъ дѣлахъ и только нѣкоторая поддержка военными силами, въ случаѣ какихъ либо внѣшнихъ столкновеній или предпріятій, кстати замѣтить имѣвшихъ интересъ и для сѣверянъ,—не могли быть тяжелыми для послѣднихъ. Федерація съ могучими сосѣдями даже была выгодна для сѣверянъ. Это объясняется главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что стоявшіе во главѣ федераціи поляне, задавшись цѣлью объединенія окрестныхъ племенъ, еще не вполнѣ достигли этого: имъ приходилось вести упорную борьбу на западѣ, который пытался составить въ своей странѣ, именно на Волыни, не менѣе крупный политическій центръ, который могъ бы поспорить съ Кіевомъ. Въ виду этого, поляне, до поры до времени, не стѣсняютъ сѣверянъ, и послѣдніе пользуются почти одинаковыми правами съ полянами: они получаютъ извѣстную часть добычи отъ походовъ; договоры съ противниками заключаются отъ имени всѣхъ племенъ, принимавшихъ участіе въ походѣ; представители племенъ принимаютъ также дѣятельное участіе въ рѣшеніи вопросовъ о войнѣ и мирѣ, въ дѣлахъ судебныхъ, финансовыхъ и пр.[2]). Въ половинѣ X в. сѣверяне опять участвуютъ въ дѣлахъ съ греками, что, видно изъ договора 945 года[3]). Поляне тактично ведутъ свою политику съ сосѣдями; скоро въ ихъ рукахъ очутился чуть не весь бассейнъ средняго Днѣпра; у нихъ сосредоточиваются крупныя военныя силы, которыя зачастую пополняются воинственными иноплеменниками: они приглашаютъ въ свои войска въ качествѣ наемниковъ, печенѣговъ, торковъ и иныхъ инородцевъ[4]), такъ какъ ихъ можно было по желанію направлять на тѣхъ враговъ, которые каза-

---

[1]) „И съ сѣми всеми поиде Олегъ на конѣхъ и в кораблѣхъ и бѣ числомъ кораблий 2000“. Ипат. л., стр. 17.

[2]) Договоры заключались, какъ сказано въ лѣтописи подъ 912 г., „похотѣніемъ нашихъ князь и по повелѣнию, и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его свѣтлыхъ бояръ.“ Ипат. л. 19; и въ 945 г. — отъ „посланнихъ отъ Игоря великаго князя рускаго и отъ всея княжья, и отъ всѣхъ людий Русское земли“. Ипат. л., стр. 29.

[3]) Въ договорѣ съ греками было сказано: „И тогда възьмуть мѣсячьное свое, і посли слѣбное свое, а гостье мѣсячное свое, пѣрвое отъ града Киева, и паки ис Чернигова и ис Переяславля и прочии городи“. Ипат. л., стр. 30; Лавр. л., стр. 48.

[4]) Ипат. л. стр. 28. Извѣстно, что печенѣги участвовали въ походахъ Игоря и Святослава на грековъ См. Арцыбашевъ, с. 26, 38.

лись почему либо болѣе опасными и походъ на которыхъ могъ быть не одобренъ союзными федератами. Силу печенѣговъ испытали на себѣ раньше всего хазары, которые, изнемогая отъ неравной борьбы, мало-по-малу, все больше и больше теряли свое вліяніе на подчиненныя имъ раньше славянскія племена. Уже въ періодъ княженія въ Кіевѣ Игоря мы замѣчаемъ болѣе или менѣе тѣсный союзъ сѣверянъ съ полянами. Послѣдніе не упускаютъ изъ виду интересовъ своихъ союзниковъ: въ договорѣ Игоря съ греками, въ 945 г., въ числѣ другихъ городовъ (Кіева, Чернигова и пр.) упоминается и Переяславль, стоящій третьимъ городомъ въ договорной грамотѣ [1]). Такое льготное и свободное положеніе сѣверянской земли было, однако, непродолжительнымъ. Послѣ успѣшнаго окончанія борьбы на западѣ—съ древлянами и другими народами, начинается все болѣе и болѣе урѣзываться самостоятельность союзныхъ племенъ: вводится стѣснительное полюдье, затѣмъ исчезаютъ въ областяхъ князья, до того правившіе этими землями, а въ замѣнъ ихъ кіевскій князь назначаетъ своихъ намѣстниковъ. Въ то же время возгорается борьба съ хазарами, которые все еще не могли отказаться вполнѣ отъ потери своего престижа и оказывали нѣкотораго рода вліяніе на восточный отдѣлъ сѣверянской территоріи. Могущество хазаръ было окончательно сокрушено въ 963 году великимъ княземъ кіевскимъ, Святославомъ, который съ войсками явился сначала на Донъ, а затѣмъ на Волгу, и нанесъ хазарамъ страшное пораженіе; послѣ этого весь южный край, занятый прежде хазарами, достался въ руки кіевскаго князя: Тмутаракань, Бѣлая-Вежа и Итиль стали зависѣть теперь отъ Кіева [2]). Такъ расширялось русское государство въ эпоху первыхъ извѣстныхъ въ исторіи кіевскихъ князей. Очевидно, на юго-востокѣ былъ противникъ весьма сильный, если серьезная, правильная борьба съ нимъ могла начаться только послѣ подчиненія мелкихъ, окружающихъ полянъ племенъ, послѣ федераціи послѣднихъ подъ единой властью энергичнаго князя полянскаго племени. Извѣстно, что въ періодъ малолѣтства Святослава велась интенсивная борьба полянъ съ западными сосѣдями, стремившимися, повидимому, къ достиженію полной самостоятельности. На долю Святослава выпала нелегкая задача довершить идею централизаціи государства, но условія того времени были таковы, что исполнить ее одному человѣку не было никакой возможности: она была завѣщана послѣдующимъ правителямъ Русской земли, которые, силою обстоятельствъ, были поставлены въ необходимость изыскивать средства къ болѣе цѣлесообразному разрѣшенію ея. Установленіе опредѣ-

---

[1]) Ibidem.

[2]) Гаркави, стр. 219, 220. Лавр. лѣт., стр. 63.

ленныхъ налоговъ, шедшихъ въ казну великаго князя, требованіе постановки извѣстнаго количества воиновъ изъ каждой союзной территоріи для военныхъ операцій, наконецъ—замѣна мѣстныхъ, областныхъ князей, своими намѣстниками,—все это предпринималось съ цѣлью централизаціи, объединенія государства. Походы на юго-востокъ, въ землю хазаръ, и сокрушеніе этой державы, повидимому, открывали широкое поприще для русской торговли по тѣмъ великимъ воднымъ дорогамъ, какія представляютъ изъ себя рр. Волга и Донъ. Святославъ удачно выполнилъ эту задачу, но онъ не предвидѣлъ, что на югѣ, взамѣнъ хозаръ, явится болѣе подвижной, болѣе опасный конкуррентъ, который своею живостью и своею воинственностью серьезно можетъ помѣшать осуществленію исконной задачи Русской земли. Мы разумѣемъ здѣсь приливъ печенѣговъ къ южнымъ границамъ Руси и ихъ частыя нападенія на Русь. Невниманіе къ этому Святослава и его увѣренность въ безопасности съ юго-востока Русской земли были причиной, какъ гибели самаго кіевскаго князя, такъ и послѣдующихъ затѣмъ сильныхъ затрудненій внутри неуспѣвшаго еще достаточно окрѣпнуть русскаго государства. Мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній о томъ, въ какомъ положеніи находились отдѣльныя земли, подчиненныя кіевскому князю во второй половинѣ X в., но изъ мѣропріятій этого князя мы можемъ, кажется, сдѣлать болѣе или менѣе правдоподобный выводъ. Извѣстно, что вошедшія въ составъ Русской земли племена не всѣ одинаково тяготѣли къ Кіеву, не всѣ одинаково признавали его гегемонію. Племена, тѣснѣе сближенныя съ Кіевомъ, болѣе прочно держались союза съ послѣднимѣ, другія, которымъ было мало выгоды отъ федераціи съ Кіевомъ,—не особенно дорожили имъ и при всякомъ удобномъ случаѣ наровили оставить этотъ союзъ. Несомнѣнно, кіевскому князю все это было хорошо извѣстно, и потому, отправляясь куда либо въ походъ, онъ обыкновенно назначалъ въ области, почему либо менѣе надежныя, требующія особеннаго надзора, своихъ сыновей, а въ другихъ, гдѣ подобной опасности не было,—остаются его намѣстники [1]). Въ Сѣверянской территоріи со временъ Святослава, а можетъ быть и раньше, не видать князей, вмѣсто которыхъ въ городахъ сидятъ княжескіе намѣстники.

Вслѣдствіе выгодъ, какія получала примыкавшая къ Днѣпру тер-

---

[1]) Мы имѣемъ примѣры того, какія заботы предпринимались государями другихъ странъ, откуда русскіе князья черпали весьма многое въ дѣлахъ политическихъ, для сохраненія цѣлости своего государства.—„Заботясь о сохраненіи и цѣлости имперіи,— говоритъ Вейсъ (Внѣш. бытъ. народ., ч. II, т. I, с. 38) — и о собственной династіи, Константинъ Великій: всю имперію распредѣлилъ между сыновьями своими и племянниками, но вскорѣ въ средѣ ихъ возникла жестокая борьба за верховную власть, поддерживаемая церковными разногласіями".

риторія сѣверянъ, опасаться отложенія ея не было основанія: она неуклонно тянула къ Кіеву.

При нападеніи враговъ на Кіевъ, сѣверянскія войска идутъ къ нему на выручку [1]). Равнымъ образомъ, и кіевскіе князья уже очень рано высылаютъ свои войска для защиты Переяславля.

Преслѣдованіе кіевскими князьями сознательно намѣченной цѣли—объединенія русскаго государства—производилось весьма настойчиво и послѣдовательно [2]). Выросшее на почвѣ промышленно-торговыхъ интересовъ русское государство вначалѣ и стремится къ болѣе или менѣе широкой и безопасной постановкѣ этого вопроса. Но выполненіе этой задачи вызывало къ разрѣшенію все новыя и новыя задачи, повидимому совершено заслонявшія собою основную цѣль владѣтелей центральной, водной артеріи древней Руси. Выгодное, доминирующее положеніе Кіева почти въ центрѣ сходящихся водныхъ путей, занятыхъ славяно-русскими племенами, обусловливало собою желаніе этого города широко и прочно воспользоваться такимъ удобствомъ. Отсюда—рядъ попытокъ со стороны кіевскихъ князей захватить главный водный путь Днѣпромъ, „изъ Варягъ въ Греки", въ свои руки. Но задача прочнаго обладанія этимъ путемъ совпадала въ свою очередь съ новой задачей—объединеніемъ славянскихъ племенъ,—объединеніемъ, проводимымъ то при помощи оружія, то при помощи уступокъ, льготъ, то при помощи разнаго рода условій, болѣе или менѣе выгодныхъ для обѣихъ сторонъ—объединителей и объединяемыхъ. Опытъ показалъ, однако, что для прочной прогрессивной совмѣстной жизни одного простаго сцѣпленія племенъ въ одно цѣлое далеко не достаточно. Благопріятныя условія и матеріальная сила могли дать только временную прочность такому государству: чуть только происходило колебаніе въ одной какой либо часто этого сложнаго организма, какъ шатался весь его государственный строй. Кіевскимъ князьямъ, чтобы сохранить за собой авторитетъ въ политическомъ отношеніи, волей-неволей приходилось постоянно думать надъ разрѣшеніемъ этой нелегкой сложной задачи, приходилось предпринимать для политической связи русскихъ земель что либо болѣе цѣлесообразное, чѣмъ грубая физическая сила. Судя по немногимъ лѣтописнымъ даннымъ, уже въ ту отдаленную пору въ Русской замлѣ весьма ясно сознавалось, что процвѣтаніе и даже самое существованіе Кіева возможно только при условіи концентраціи въ его рукахъ земель, лежащихъ на главнѣйшихъ водныхъ путяхъ: если

---

[1]) Ипат. лѣт., стр. 43.

[2]) Владимірскій-Будановъ. Обзоръ исторіи рус. права. К. 1887, стр. 14, Заботы князей о насажденіи и развитіи христіанства въ своемъ государствѣ распространялись и на Переяславль, гдѣ уже въ началѣ XI в., въ 1003 г., была построена Владиміромъ св. каменная церковь. Сводная лѣт., стр 104.

бы Кіевъ допустилъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ великаго воднаго пути развитіе политическаго тѣла, то это неминуемо повлекло бы за собою упадокъ Кіева, его матеріальное оскудѣніе. Вотъ почему мы и видимъ такую энергію у кіевскихъ князей въ дѣлѣ проведенія разъ намѣченной цѣли. На первый разъ идутъ попытки путемъ принужденія силой, а затѣмъ помощью федераціи придти къ желанному результату. Участіе главныхъ городовъ великаго воднаго пути—Переяславля, Кіева, Чернигова, Смоленска и пр.—въ общихъ финансовыхъ выгодахъ, получавшихся Русской землей отъ грековъ („углады" на вышезванные города), говоритъ, повидимому, въ пользу равноправныхъ федеративныхъ отношеній между сосѣдними славянскими племенами, сконцентрировавшими свою высшую власть въ выдающихся торговыхъ пунктахъ, въ своихъ главныхъ городахъ. Но такое дружелюбное равноправное отношеніе со стороны Кіева къ своимъ союзникамъ продолжалось недолго. Когда власть кіевскаго князя нѣсколько окрѣпла въ концѣ X ст., онъ пытается дать болѣе прочные устои для основъ своего государства. Полагая, что близкіе родственники могутъ лучше, чѣмъ намѣстники, княжескіе воеводы, или даже вовсе посторонніе князья [1]), выполнить задачу объединенія политической власти надъ племенами, Святославъ и раздаетъ съ этою цѣлью, передъ своимъ походомъ на болгаръ, главные, наиболѣе опасные пункты Русской земли, въ руки своихъ сыновей: Олегъ получилъ землю Древлянскую, Ярополкъ—Кіевъ, а Владиміръ—Новгородъ Ильменскій [2]). Назначеніе въ вышеназванныя земли князей, безъ сомнѣнія надѣленныхъ отдѣльной дружиною, указываетъ уже на нѣсколько иное отношеніе къ федератамъ [3]). Защищая областные интересы, поставленные князья должны были, однако, зорко слѣдить, чтобы эти мѣстные интересы тѣхъ областей, гдѣ они сидѣли, не шли въ разрѣзъ съ интересами столицы Руси—Кіева. Но такая идея, при неблагопріятныхъ для этого условіяхъ послѣ смерти Святослава, убитаго печенѣгами въ 972 году, привела сначала къ совершенно противоположнымъ результатамъ, и вмѣсто задуманнаго единства въ Русской землѣ, послѣдняя, во время возникшей борьбы между сыновьями Святослава, едва не распалась окончательно на отдѣльныя части. Да и самая борьба между сыновьями Святослава была вызвана главнымъ образомъ идеей необходимаго подчиненія одной центральной власти кіевскаго князя. Когда выразителемъ этой идеи былъ отецъ, сыновья мирно жили между собою, но когда отца не стало,

---

[1]) Прося себѣ князя, новгородцы говорятъ Святославу, что „аще не пойдете (въ качествѣ князя) к намъ, то налѣземъ князя себѣ". Разумѣется, Святославъ поспѣшилъ исполнить ихъ просьбу. Ипат. л., стр. 45.

[2]) Ипат. л., стр. 45; Татищевъ. Ист. Россійская, т. II, стр. 49. Никон. л., с. 35; Воскр. л., стр. 289. Соф. Времен. стр., 48.

[3]) Ипат. л., стр. 49.

принявшій на себя эту руководящую роль вызвалъ упорную междоусобную борьбу. Тѣмъ не менѣе, идея единства Руси не могла изчезнуть окончательно изъ плановъ кіевскихъ князей, и если она на нѣкоторое время затемняется, дѣлается неясной, то это только временно, до болѣе удобнаго, болѣе благопріятнаго для того случая: она непремѣнно должна была проявиться вскорѣ, и проявиться съ еще большей силой, чѣмъ прежде, такъ какъ разрѣшенія ея недавно испытанными способами—княжеской централизаціей—дало не вполнѣ удовлетворительные результаты.

Дѣйствительно, событія внутренней жизни Русскаго государства подтверждаютъ вышесказанное нами. Послѣ упорной борьбы между сыновьями Святослава—Ярополкомъ и Владиміромъ (въ концѣ X в.)—послѣдній захватилъ въ свои руки всю власть надъ Русской землей [1]). Внутри государства по прежнему совершается работа, направленная къ прочному сліянію всѣхъ составныхъ его частей. Походы продолжаются, но они уже направляются не противъ ближайшихъ сосѣднихъ племенъ, а ведутся съ болѣе отдаленными странами, могущими имѣть какое либо отношеніе къ внутренней жизни русскаго государства: походы касаются окраинъ великихъ водныхъ путей: Волги, Оки, Камы, береговъ Азовскаго и Чернаго морей и проч. [2]). Относительно ближайшихъ къ Кіеву племенъ, замѣчается стремленіе Владиміра дать болѣе прочный разпорядокъ среди нихъ, какъ и вообще внутри всей своей страны: интересы государства требовали широкаго развитія его силъ въ области промышленности, торговли, искусствъ и пр. Все это, однако, могло придти на Русь лишь при условіи постоянныхъ мирныхъ широкихъ сношеній съ окружающими болѣе культурными сосѣдями, особенно съ Византіей, которая съ отдаленныхъ временъ завела прочныя связи съ побережьемъ Чернаго моря и странами, къ нему прилегающими. Русская земля, расширяя свои границы, начинаетъ все болѣе и болѣе входить въ сношенія съ Востокомъ и Западомъ. Но такія сношенія не всегда были прочными: они часто нарушались, становились неправильными. Кромѣ того; русскія племена не были соединены сознаніемъ своей племенной общности. Приходилось такимъ образомъ, изыскивать средства, чтобы связать прочными узами главныя области русскаго государства. Несомнѣнно, христіанство могло оказать кіевскому князю въ этомъ отношеніи большую услугу. При помощи христіанства, отдѣльныя части Русской земли могли прочнѣе сблизиться другъ съ другомъ, и кіевскій князь съ большой энергіей берется за проведеніе въ жизнь и выполненіе этой новой задачи. Начинаются новыя условія политической жизни Кіевской Руси.

[1]) Ипат. л., с. 52. Иловайскій. Исторія Россіи. Кіевс. п., стр. 62—65.

[2]) Воскрес. л., стр. 292—3; Никон. л., с. 40. Ипат. л., с. 52; Софійс. Врем., стр. 55. Татищевъ, II, стр. 59—60.

Прежнее отношеніе равноправной и до нѣкоторой степени самостоятельной федераціи племенъ, расшатанное уже Святославомъ, замѣняется отношеніемъ болѣе подчиненнымъ, связаннымъ двойными узами: политической зависимости отъ кіевскаго князя и зависимости религіозной, всегда оказывавшей большое вліяніе на умы и сердца людей. Федеративныя, болѣе или менѣе независимыя связи, мало-помалу начинаютъ замѣняться отношеніями болѣе подчиненнаго характера.

Когда христіанство распространилось среди прилегающихъ къ великому водному пути славянскихъ племенъ, опять всплыла наружу прежняя цѣль, заслоненная, повидимому, недавними коренными реформами внутри государства,—цѣль защитить и обезопасить великій водный путь на всемъ его протяженіи и со всѣми его развѣтвленіями. Нижній отдѣлъ Днѣпра, проходившій черезъ пустынныя степи, оберегался и защищался юго-восточнымъ оплотомъ Кіева—Переяславльской землей. На эту-то часть государства и обращаютъ особенное вниманіе кіевскіе князья. Одной изъ первыхъ заботъ Владиміра св. послѣ принятія христіанства было охраненіе своихъ южныхъ и юго-восточныхъ предѣловъ, которые защищаются отдѣльно стоящими крѣпостями и цѣлой системой различнаго рода валовъ. Раздвигая все больше и больше границы своего государства и концентрируя власть въ своихъ рукахъ, Владиміръ св. достигъ, наконецъ, единодержавія въ Русской землѣ. Подобный порядокъ могъ, конечно, установиться въ странѣ только послѣ долгаго подготовительнаго періода, способствовавшаго къ такому крупному государственному перевороту. Мы видѣли уже, какъ проводились кіевскими князьями начала централизаціи окружающихъ земель. Обширная страна только что сложившагося Русскаго государства требовала дѣятельной и неусыпной охраны своихъ окраинъ—защиты ихъ отъ полудикихъ кочевниковъ, безпрерывно нападавщихъ и опустошавшихъ ея юго-восточныя окраины. Прежній порядокъ порученія различныхъ отдѣловъ земли сыновьямъ одной княжеской линіи, для болѣе прочнаго сцѣпленія его частей, практикуется и при Владимірѣ св. Раздавая города и удѣлы своимъ сыновьямъ, Владиміръ полагалъ, что только такимъ путемъ онъ достигнетъ прочнаго объединенія своихъ земель. Но главнымъ подспорьемъ въ этомъ отношеніи служило, конечно, и христіанство, сознательно введенное кіевскимъ княземъ въ своемъ государствѣ. Не смотря на все это, молодое русское государство, еще не вполнѣ сложившееся внутри, подвергалось постояннымъ тревогамъ и опасностямъ извнѣ, со стороны степныхъ варваровъ, печенѣговъ, торковъ и другихъ народовъ, обильной волной приливавшихъ съ юго-востока [1]). Въ виду этого, кн. Владиміръ, по совѣту

---

[1]) Ярополкъ Святославичъ, братъ Влад. св., ходилъ на печенѣговъ, побѣдилъ

своихъ лучшихъ мужей, рѣшилъ обезопасить свои окраины отъ враговъ. Онъ строитъ города-крѣпости по Деснѣ, Остру, Трубежу, Сулѣ и Стугнѣ, чтобы удержать степняковъ отъ набѣговъ [1]).

Тѣмъ не менѣе, печенѣги и послѣ этого не переставали нападать на предѣлы Русской земли. Такъ, въ 993 году, послѣ войны Влaмиміра съ хорватами, печенѣги проникли до р. Сулы, перешли ее и направились дальше, внутрь страны. По словамъ лѣтописи, Владиміръ выступилъ имъ на встрѣчу и остановился на р. Трубежѣ, на броду, возлѣ того мѣста, гдѣ въ настоящее время лежитъ г. Переяславль [2]). Войска расположились другъ противъ друга: на одной сторонѣ рѣки стояли печенѣги, на другой—русскіе. Никто, однако, не пытался перейти рѣку, чтобы начать битву. Лѣтописецъ передаетъ, что, когда оба войска стояли въ такой нерѣшительности, изъ печенѣжскаго стана выѣхалъ впередъ, къ рѣкѣ, печенѣжскій князь и, обратившись къ русскимъ, предлагалъ покончить войну поединкомъ между богатырями съ условіемъ: „Да аще твой мужъ ударить моимъ, да не воюемься за три лѣта, и разийдошася раздно, аще ли нашь мужъ ударить вашимь—да воюемь за три лѣта“ [3]). Владиміръ послалъ искать между своими воинами мужа, который могъ бы состязаться съ печенѣгомъ. Однако, никто не осмѣливался помѣряться съ печенѣжскимъ богатыремъ, отличавшимся атлетическимъ тѣлосложеніемъ и огромной силой— „бѣ превеликъ зѣло и страшенъ“, говоритъ лѣтопись. Наутро пріѣхали къ рѣкѣ печенѣги со своимъ богатыремъ и стали вызывать на бой, но со стороны русскихъ никто не выходилъ. Затужилъ Владиміръ отъ такой неудачи и послалъ опять искать, не найдется-ли кто, который бы могъ побороться съ печенѣгомъ. На этотъ разъ поиски увѣнчались успѣхомъ, и къ Владиміру явился старикъ—воинъ, выступившій на войну со своими сыновьями, за исключеніемъ младшаго, оставшагося дома, и объявилъ, что младшій его сынъ отличается отвагой и огромной силой—разрываетъ руками сыромятныя шкуры, и что онъ можетъ съ успѣхомъ состязаться съ печенежскимъ богатыремъ. Обрадованный Владиміръ велѣлъ привести къ себѣ немедленно этого силача. Когда послѣдній явился, то для испытанія его силы, на него пустили разъ-

---

ихъ и возложилъ на нихъ дань; тогда къ Ярополку пришелъ печенѣжскій князь, Илдей, который былъ принятъ ласвово и надѣленъ городами, гдѣ и поселился. (Татищевъ II, с. 56).

[1]) „И нача (Владимиръ) ставити городы по Деснѣ, и по Устри, по Трубешеви, и по Сулѣ, и по Стугнѣ; и нача нарубати мужи лутши отъ Словенъ, и отъ Кривичъ, и отъ Чюдий, и отъ Вятичь, и отъ сихъ насели и грады; бѣ бо рать отъ Печенѣгъ, и бѣ воюяся с ними и ололяя имъ“—говоритъ лѣтопись. Ипат. л., стр. 83. Лавр. л., стр. 119; Соф. Врем., стр. 87; Никон. л., с. 58; Воскр. л., стр. 313 Татищевъ, II, с. 76.

[2]) Ипат. л., стр. 83.

[3]) Ипат. л., стр. 84.

яреннаго каленымъ желѣзомъ быка. Бросившись на быка, богатырь вырвалъ у него кожу съ мясомъ, насколько можно было захватить рукой. Послѣ этого было рѣшено допустить силача къ состязанію съ печенѣгомъ. На утро, когда печенѣги вновь появились съ вызовомъ, Владиміръ велѣлъ своему богатырю вступить въ единоборство съ противникомъ. Сдавивъ печенѣга въ своихъ сильныхъ рукахъ, русскій богатырь бросилъ врага на землю и покончилъ съ нимъ. Объятые паническимъ ужасомъ, печенѣги побѣжали, а русскіе погнались за ними, избивая ихъ на пути, и разсѣяли. „Владиміръ же радъ былъ, говоритъ лѣтопись, и заложилъ городъ на броду томъ, и назвалъ его Переяславлемъ, зане перея славу отрокъ" [1]).

Не придавая никакого значенія этой лѣтописной легендѣ въ вопросѣ объ основаніи г. Переяславля, который, какъ извѣстно, существовалъ уже значительно раньше, какъ весьма значительный городъ, мы, тѣмъ не менѣе, не можемъ не повѣрить сообщенію въ ней о набѣгахъ печенѣговъ на Русскую землю: легенда въ изукрашенномъ видѣ передаетъ достовѣрный фактъ постоянной борьбы русскихъ со степью.

Продолжая политику общаго единенія интересовъ всей Русской земли, Владиміръ раздалъ земли между своими сыновьями: Новгородъ, Полоцкъ, Ростовъ, Муромъ, Владиміръ-Волынскій и пр. достались въ удѣлы владиміровымъ сыновьямъ. Сообщая объ этомъ, лѣтописецъ не говоритъ намъ, кому достались Черниговъ и Переяславль. Весьма вѣроятно, что Владиміръ, сознавая близкую связь и опасныя условія пограничныхъ со степью земель правой и лѣвой сторонъ Днѣпра, весьма опасался за нихъ, и потому или самъ наблюдалъ за всѣмъ этимъ краемъ, или поручалъ заботы о немъ своимъ довѣреннымъ лицамъ. Непріязненныя отношенія печенѣговъ къ Руси не прекратились и послѣ укрѣпленія границъ, черезъ слабыя пункты которыхъ обыкновенно и прорывались степняки [2]). Въ 1015 году Владиміръ послалъ своего сына, Бориса, на лѣвую сторону Днѣпра, противъ печенѣговъ, которые сдѣлали тогда набѣгъ на Русскую землю. По другому варьянту, лѣвобережные города почему то возстали въ это время, и Борисъ былъ посланъ Владиміромъ умиротворить ихъ. Борисъ достигъ цѣли. Не отыскавши враговъ, быть можетъ, узнавшихъ о выступленіи въ походъ регулярныхъ войскъ и ушедшихъ въ степи, Борисъ возвра-

---

[1]) Ипат. л., стр. 84—85; Лавр. л., стр. 20—21. Никон. лѣт., с. 65—66. Татищевъ говоритъ: „зане Переяславль имя отроку тому было". Ист. Россійск. т, II, с. 81. Тоже говорится и въ Воскрес. лѣт., стр. 314.

[2]) Ипат. л., стр. 85—86, 87; Татищевъ II, с. 82, 85—88; Ник. л., с. 64—68. Въ Никон. лѣт., подъ 1001 годомъ, есть извѣстіе, что богатыри Александръ Поповичъ и Янъ Усмошвецъ „избиша множество печенѣгъ, и князя ихъ Родмана, и съ тремя сыны его въ Кіевъ къ Владиміру приведоша". Ник. л., с. 68.

щался домой [1]). Въ это время пришла къ нему вѣсть о смерти отца въ Кіевѣ и о томъ, что великокняжескій престолъ, оставшійся вакантнымъ, занятъ Святополкомъ. Дружина предлагала Борису немедленно идти и завладѣть Кіевомъ, но молодой, набожный князь не согласился на это: „не подыму руки на старшаго брата; отецъ мой умеръ— пусть же теперь онъ будетъ моимъ отцемъ"—сказалъ Борисъ и рѣшилъ идти въ Кіевъ [2]). На полдороги изъ Переяславля въ Кіевъ, близъ истоковъ р. Альты, остановился кн. Борисъ со своими войсками. Здѣсь то и произошло убіеніе кн. Бориса [3]), переданное съ такими подробностями лѣтописцемъ [4]).

[1]) Ипат. лѣт., стр. 90. Въ сказаніяхъ о св. Борисѣ и Глѣбѣ, издан. Срезневскимъ, стр. 11, сказано: „таче блаженный Борисъ, оумиривъ грады вся, възвратися вспять".

[2]) Ипат. лѣт., стр. 92; Никон. лѣт., стр. 71; Воскр. лѣт., стр. 319; Татищевъ, II. 91—92.

[3]) О мѣстѣ убіенія кн. Бориса см. А. В. Стороженко: Очерки Переяслав. старины. Мѣсто пролитія крови св. кн. Бориса, стр. 18—32.

[4]) Вотъ подробности лѣтописнаго разсказа, которому мы не придаемъ особеннаго значенія въ смыслѣ его правдоподобности. Огорченный потерей отца, Борисъ предавался скорби и не думалъ вовсе предпринимать какихъ либо политическихъ переворотовъ въ свою пользу. Тогда дружина, бывшая съ Борисомъ, оставила его. Борисъ остался съ немногими преданными ему отроками. Справедливо опасаясь явиться въ Кіевъ, которымъ уже завладѣлъ его старшій братъ, Святополкъ, Борисъ остановился возлѣ Переяславля, ожидая покорно своей участи и утѣшая себя чтеніемъ св. Писанія. Между тѣмъ, приближенные Святополка, по наущенію, конечно, послѣдняго, рѣшили покончить съ Борисомъ. Они ночью пробрались къ шатру Бориса, расположенному на берегу р. Альты, и выжидали удобнаго момента, чтобы покончить съ несчастнымъ княземъ. Зная напередъ о замыслѣ враговъ, Борисъ ночью, передъ сномъ, молился въ своей палаткѣ. По окончаніи молитвы, когда Борисъ легъ въ постель, убійцы сквозь шатеръ пронзили его копьями. Вмѣстѣ съ Борисомъ погибъ и его вѣрный и любимый слуга, Георгій, родомъ Угринъ; одинъ только братъ Георгія—Моисей, спасся отъ рукъ убійцъ и ушелъ въ Кіевъ. Однако, Борисъ не сразу былъ убитъ: пронзенный копьями, онъ все еще дышалъ. Убійцы схватили раненаго, заворотили его въ коверъ, бросили на телѣгу и повезли въ Кіевъ, къ Святополку, который велѣлъ варягамъ прикончить Бориса. Тѣло св. Бориса было погребено въ Вышгородѣ. Ипат. л., стр. 92—94; Ник. л., стр. 71—72; Воскрес. л., стр. 320—21; Лавр. л., стр. 129—131. Въ изложеніи лѣтописью подробностей смерти Борисовой для насъ интересно то обстоятельство, что лѣтописецъ, безъ сомнѣнія лицо духовное, постарался придать полноту разсказу объ убіеніи Бориса и его братьевъ. Лѣтописецъ обвиняетъ Святополка въ злыхъ замыслахъ противъ братьевъ и обставляетъ разсказъ объ убіеніи Бориса такими подробностями, какъ если бы онъ самъ присутствовалъ при этомъ. Тенденціозность разсказа видна сразу и мы должны принимать это во вниманіе. Въ самомъ разсказѣ объ убіеніи Бориса есть много непонятнаго: зачѣмъ было убійцамъ брать раненаго князя и везти его живымъ въ Кіевъ, если Святополкъ раньше опредѣлилъ убить Бориса? Если было заранѣе приказано убить Бориса, то не для чего было и везти его живымъ въ Кіевъ. Лѣтописецъ, очевидно, въ описаніи дѣяній кн. Святополка преднамѣренно сгустилъ краски. Ему непремѣнно надо было свалить всю вину въ убіеніи князей на Святополка, боровшагося за великокняжескій престолъ. Между тѣмъ этотъ князь могъ быть виновникомъ въ этомъ дѣлѣ въ той же мѣрѣ, какъ и Ярославъ, вступившій въ борьбу съ брать-

Вслѣдъ затѣмъ такая злая судьба постигаетъ и двухъ другихъ братьевъ Борисовыхъ—Глѣба и Святослава, которые также погибли отъ руки подосланныхъ убійцъ. Страшная судьба трехъ братьевъ: Бориса, Глѣба и Святослава, безвременно погибшихъ вслѣдствіи централизаціонныхъ стремленій кіевскаго князя, сильно напугала Ярослава новгородскаго, и заставила его принять энергичныя мѣры для борьбы съ Святополкомъ. Три года продолжалась эта упорная борьба между Святополкомъ и Ярославомъ. Противники запаслись союзниками, чтобы успѣшнѣе дѣйствовать другъ противъ друга: Ярославъ нанялъ себѣ варяговъ, Святополкъ — заручился союзомъ печенѣговъ. Войска сошлись у Днѣпра, возлѣ Любеча. Не смотря на превосходство своихъ силъ, Святополкъ былъ разбитъ и бѣжалъ къ полякамъ, къ своему тестю, Болеславу Храброму, съ которымъ онъ еще раньше велъ переговоры на счетъ введенія новыхъ порядковъ въ Русской землѣ [1]). Ярославъ безпрепятственно овладѣлъ Кіевомъ и сталъ въ немъ княжить. Несомнѣнно, однако, пока оставалась какая либо возможность борьбы, противники не могли успокоиться [2]). Въ 1018 году Святополкъ, съ наемнымъ войскомъ изъ угровъ, нѣмцевъ и печенѣговъ, вмѣстѣ съ БолеславомъХрабрымъ и поляками, двинулся на Ярослава. Послѣдній не ожидалъ такого скораго нападенія противника, а потому и не оказалъ серьезнаго отпора врагамъ: на р. Бугѣ, куда Ярославъ отправился встрѣчать враговъ, произошла битва, окончившаяся полнымъ пораженіемъ Ярослава. Послѣдній бѣжалъ въ Новгородъ, а Святополкъ вступилъ въ Кіевъ и занялъ въ послѣднемъ великокняжескій престолъ [3]). Положеніе Святополка, добившагося съ иноземной помощью великокняжескаго престола, было крайнѣ незавиднымъ. Онъ не могъ самостоятельно распоряжаться въ своемъ государствѣ, гдѣ находился въ то же время Болеславъ со своимъ войскомъ. Послѣднее вмѣстѣ съ королемъ вело себя крайне нетактично по отношенію къ русскому населенію, причиняя ему постоянныя обиды. Дѣло обострилось и дошло до явнаго возстанія. Въ то время, какъ въ Кіевѣ шли несогласія у Святополка съ Болеславомъ, домогавшимся, повидимому, полнаго подчиненія Кіева своей власти,—несогласія, окончившіяся уходомъ изъ Кіева Болеслава съ польскими войсками,—Ярославъ дѣятельно готовился къ войнѣ и набиралъ войска

ями за тотъ же великокняжескій престолъ. При такихъ условіяхъ могло случиться, что приближенные старшаго князя, ради своихъ интересовъ, по своему почину, покончили съ княземъ, соперникомъ ихъ князя.

[1]) Ипат. л., стр. 100; Никон. л., с. 75; Воскрес. л., с. 325; Лавр. л., стр. 140. Погодинъ; Древн. рус. ист. до монг. ига, т. I, стр. 94. Эймундова сага. Чудиновъ. Обр. произв. сканд. поэзіи, стр. 143—5.

[2]) Ипат. л., стр. 100.

[3]) Ипат. л., стр. 100; Никон. л., стр. 75, 76, Воскрес. л., стр. 326.

за моремъ. Серьезная опасность, грозившая Новгороду отъ притязаній кіевскаго князя, заставила новгородцевъ напрячь всѣ свои силы для борьбы съ врагомъ: новгородцы не пустили отъ себя Ярослава, когда послѣдній хотѣлъ уйти за море, а, напротивъ, снабдили его деньгами для найма войска къ предстоящей борьбѣ и уполномочили его вести борьбу съ противникомъ. Когда войско было готово, Ярославъ двинулся къ Кіеву, на Святополка. Послѣдній, послѣ ухода Болеслава Храбраго, находился теперь въ затруднительномъ положеніи; видя невозможность своими силами бороться съ Ярославомъ, Святополкъ бѣжалъ въ степи, къ печенѣгамъ, надѣясь съ ихъ помощью побѣдить соперника. Святополкъ, повидимому, искалъ помощи у печенѣговъ, жившихъ по лѣвой сторонѣ Днѣпра, такъ какъ здѣсь разыгрался послѣдній актъ отчаянной борьбы между соперниками. На берегу Альты, невдалекѣ отъ мѣста убіенія кн. Бориса сошлись войска соперниковъ[1]). Битва началась на разсвѣтѣ, при восходѣ солнца, и продолжалась до вечера; съ обѣихъ сторонъ дрались съ отчаяніемъ. Наконецъ, къ вечеру, одолѣлъ Ярославъ; войско Святополка, печенѣги и онъ самъ обратились въ бѣгство. На дорогѣ Святополкъ заболѣлъ: по разсказу лѣтописи, больнаго Святополка постоянно преслѣдовала мысль о погонѣ за нимъ, и онъ въ страхѣ бѣжалъ все дальше и дальше, пока не погибъ гдѣ-то въ степяхъ Венгріи. Въ Кіевѣ опять вокняжился Ярославъ, съ 1019 года[2]).

Эта напряженная борьба Святополка Кіевскаго съ братьями носитъ какъ бы характеръ борьбы централизаціонныхъ началъ съ областными. Политическая дѣятельность Святополка была направлена на то, чтобы сломить то возрастающее вліяніе, какимъ пользовались князья въ своихъ земляхъ, и стать единодержавнымъ княземъ Руси; онъ заручается, повидимому, надежной силой, оказывавшей такое сильное вліяніе на дѣла Руси, именно—печенѣгами и пограничнымъ со степью русскимъ населеніемъ. Состоя въ союзѣ съ печенѣгами, Святополкъ имѣлъ свободнымъ весь югъ днѣпровскаго пути, что давало ему возможность направить свои силы на то, чтобы и остальныя части этого пути находились въ его рукахъ, и чтобы прилегающее къ степямъ населеніе примкнуло къ нему. Хотя лѣтопись и не говоритъ намъ категорически объ участіи пограничнаго русскаго населенія въ дѣлахъ Святополка, но послѣдующія затѣмъ событія, именно—продолженіе борьбы между Ярославомъ и Мстиславомъ Тмутараканскимъ, вполнѣ подтверждаютъ это участіе: сѣверяне идутъ противъ Ярослава, они

---

[1]) Ibidem. О пребываніи Святополка у печенѣговъ или Бѣло-кумановъ см. Эймундову сагу, стр. 154—5.

[2]) Ипат. л., стр. 101—102; Лавр. л., стр. 141; Ник. л., стр. 76.

способствують Мстиславу одержать побѣду надъ кіевскимъ княземъ, чего никакъ нельзя было бы достигнуть безъ помощи сѣверянъ. Попытка Святополка едва не удалась, и эта неудача обусловливается тѣмъ быстрымъ и насильственнымъ пріемомъ, примѣненнымъ этимъ княземъ для достиженія своей цѣли, который вызвалъ реакцію со стороны сѣверныхъ земель русскаго государства. Вообще, надо замѣтить, что борьба Ярослава со Святославомъ, судя по интенсивности и продолжительности ея, не была только споромъ братьевъ между собою, за первенство. Это—скорѣе борьба Кіева съ окраинами и съ главными промышленными центрами Руси. Захвативъ въ свои руки югъ Руси и опираясь на помощь печенѣговъ, кіевскій князь, Святополкъ, разсчитывалъ вскорѣ покончить и съ Новгородомъ, но это, какъ мы выдѣли, не удалось, и онъ погибъ въ неравной борьбѣ; оказалось, что печенѣги были не особенно надежнымъ элементомъ, и это не мало способствовало неудачѣ Святополка. Послѣдующіе соперники кіевскаго князя, какъ увидимъ ниже, уже ищутъ другой опоры и успѣваютъ въ этомъ.

Послѣ битвы на р. Альтѣ, въ политической жизни Руси всплыла опять идея единства Русской земли: Ярославъ сталъ самымъ сильнымъ княземъ среди братьевъ, и на его долю выпала обязанность принять въ свои руки бразды правленія начавшей объединяться въ одно цѣлое Русской земли. Наученному опытомъ Ярославу оставалось слѣдовать тѣмъ раньше выработаннымъ планамъ, какіе оставлены были его отцемъ, дѣдомъ и другими предшественниками князьями. Но, прежде чѣмъ приняться за распорядки внутри государства, Ярославу пришлось выдержать борьбу со своимъ энергичнымъ братомъ, Мстиславомъ Тмутараканскимъ, оспаривавшимъ у него единоличное владѣніе Русской землей. Опираясь на тотъ же степной элементъ,—яссовъ и касоговъ, что и Святополкъ, Мстиславъ пошелъ еще дальше въ своихъ планахъ: онъ привлекъ на свою сторону сѣверянъ, поставленныхъ, какъ извѣстно, силою своихъ географическихъ условій въ тѣсныя и своеобразныя отношенія со степью, и двинулся на Ярослава, въ 1024 г. [1]). Мы ничего не знаемъ о перипетіяхъ этого похода 1024 г., но послѣдующія событія чрезвычайно характерны: Мстиславъ старается взять верхъ надъ Ярославомъ не при помощи оружія, а путемъ переговоровъ съ гражданами, и „надо думать,—говоритъ Сергѣевичъ,—что предпріятіе основывалось не столько на вооруженной помощи дружины, сколько на надеждѣ утвердиться въ той или другой изъ волостей Ярослава по соглашенію съ народомъ" [2]). Потерпѣвъ неудачу въ попыткѣ захватить Кіевъ, Мстиславъ овладѣлъ Черниговомъ и отсюда

---

[1]) Сергѣевичъ. Вѣче и князь, с. 387.

[2]) Ипат. л., стр. 103.

опять двинулся на Ярослава. У Ярослава было наемное войско изъ варяговъ, которымъ начальствовалъ знатный выходецъ изъ-за моря варяжскій князь, нѣкто Якунъ, обладавшій, по словамъ лѣтописи, золотыми (т. е. золоченными), доспѣхами [1]). Какъ и раньше, во время борьбы со Святополкомъ, столкновеніе разыгралось на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Битва произошла возлѣ Листвена, находящагося не подалеку отъ Чернигова [2]). Ночью, во время страшной грозы, когда были „и громове, и молъньья, и дождь,“ Мстиславъ напалъ на войска Ярослава и разбилъ ихъ. Ярославъ и Якунъ, проигравъ сраженіе, бѣжали съ поля битвы. Не смотря, однако, на побѣду, Мстиславъ послалъ сказать Ярославу, что онъ вовсе не домогается Кіева, а желаетъ только получить лѣвый край Днѣпра, примыкающій къ Чернигову. Ярославъ согласился, но опасаясь измѣны, оставался въ Новгородѣ, а Кіевомъ управляли мужи его [3]).

Въ 1026 году Ярославъ собралъ большое войско, пошелъ къ Кіеву и здѣсь, возлѣ Городца, устроилъ миръ съ Мстиславомъ. Братья раздѣлили землю между собою такъ: правая сторона Днѣпра осталась за Ярославомъ, а лѣвая--досталась Мстиславу [4]). Съ этихъ поръ между братьями установилось согласіе и они стали мирно жить между собою. Дружественныя отношенія между братьями позволили имъ обратить вниманіе на охрану своихъ границъ: послѣ похода на ляховъ (1033 г.) Ярославъ и Мстиславъ вывели изъ повоеванной земли плѣнниковъ и поселили ихъ на границахъ своихъ земель [5]). Въ 1034 г. (а по Лавр. л. въ 1036 г.), умираетъ Мстиславъ, и Ярославъ становится единодержавнымъ княземъ Русской земли [6]).

Продолжая политику своего отца по части централизаціи русскаго государства, Ярославъ обращаетъ особенное вниманіе на лѣвую сторону Днѣпра, которая иногда шла въ разрѣзъ съ основными тенденціями кіевской политики.

Желая установить болѣе или менѣе прочный порядокъ внутри Русской земли и защитить ее извнѣ, отъ кочевниковъ, Ярославъ I передъ смертью, раздѣлилъ свое государство между сыновьями, завѣщавъ имъ при этомъ жить въ мирѣ, почитать старшаго брата, какъ

---

[1]) Ibidem. Ник. л., стр. 79; Воскрес. л., стр. 329. Сергѣевичъ. Вѣче и Князь, стр. 161.

[2]) Ibidem, стр. 104. Воскр. л., стр. 329; Татищевъ, II, стр. 100. Листвень—село Черниговъ. губ. на р. Рудѣ, въ 12 верст. отъ г. Городни. Барсовъ — Мат. для ист.—г. сл. Р., стр. 114.

[3]) Ibidem.

[4]) Ипат. л., стр. 104—105, Никон. л., стр. 79.

[5]) Ипат. л., т. 195; Ник., 79; Воскр. л., с. 330.

[6]) Ипат. л., стр. 105. Ник. л., стр. 79—80. Лавр. л., стр. 146.

отца, и, въ случаѣ опасности, сообща помогать другъ другу [1]). Раздѣленіемъ Русской земли не отдѣльныя княжества достигалась двоякая цѣль: съ одной стороны, порученныя отдѣльнымъ князьямъ, эти земли могли лучше организовать защиту русскихъ окраинъ изъ нападеній кочевниковъ; съ другой стороны,—каждая выдѣленная область получала возможность съ большимъ успѣхомъ заняться своими внутренними дѣлами и тѣмъ способствовать общему благосостоянію всей Русской Земли.

---

[1]) Ипат. лѣт., с. 113

VI.

Очеркъ политической исторіи Переяславльской земли со времени выдѣленія ея въ особое княжество до половины XII ст.

„А князи сами на себѣ крамолу коваху; а поганіи самы побѣдами нарищуще на Русскую землю...
. . . .
Тогда по Рустѣй земли рѣдко ратаевѣ кикахуть
Но часто врани граяхуть, трупіи себѣ дѣляче,
А галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедіе".
Слово о полку Игоревѣ, Изд. В. Гербеля. с. 42, 43, 30

Переяславльская земля въ періодъ княжескихъ перемѣнъ при сыновьяхъ Ярослава I. Событія въ Русской землѣ послѣ смерти Всеволода I. Борьба Владиміра Мономаха со степняками и Олегомъ Святославичемъ. Первые годы правленія Владиміра Мономаха въ г. Переяславлѣ. Половецкіе набѣги на Русскую землю и ихъ отраженія. Княжескіе съѣзды 1097 и 1100 годовъ и ихъ слѣдствія. Федерація русскихъ князей и ихъ совмѣстные походы въ степи въ 1103 и 1111 гг. Политика Мономаха относительно степняковъ и Русской земли. Переяславльская земля въ періодъ управленія ею Ярополкомъ. Переходъ Переяславля изъ рукъ въ руки: отъ племянниковъ Ярополка къ его братьямъ—Вячеславу и Юрію Долгорукому (1135 г.). Борьба Мономаховичей съ Ольговичами, недовольными отдачей Переяславля Андрею Юрьевичу. Оборона Переяславля Андреемъ Юрьевичемъ отъ нападеній Ольговичей. Набѣги половцевъ въ періодъ борьбы князей. Захватъ Ольговичами Посемья. Компромиссъ у Моровска 1139 г. Неудачная попытка Ольговичей въ княженіе Всеволода О-ча въ Кіевѣ захватить Переяславль. Переходъ Переяславля къ Изяславу М-чу, а послѣ борьбы послѣдняго съ Игоремъ и побѣды надъ нимъ 1146 г.,—къ Мстиславу И-чу. Распаденіе союза между Давидовичами и Ольговичами. Борьба Изяслава М-ча съ Юріемъ Долгорукимъ и Святославомъ О-чемъ. Измѣна Давидовичей и ихъ планы погубить Изяслава. Разрывъ Изяслава съ Давидовичами и погромъ ихъ земель. Неудачная попытка Глѣба Юрьевича захватить Переяславль. Защита послѣдняго Мстиславомъ И-мъ. Осада Глѣба Ю-ча въ Остерскомъ Городкѣ. Мирное соглашеніе Изяслава М-ча съ Глѣбомъ Ю-чемъ и измѣна послѣдняго. Война съ Давидовичами, и разореніе Изяславомъ черниговскихъ земель. Миръ съ Давидовичами. Уходъ Глѣба Ю-ча въ Суздаль. Прибытіе Ростислава Юрьевича въ Южную Русь и надѣленіе его землями. Походъ Изяслава съ союзниками на Юрія. Изгнаніе Ростислава изъ Южной Руси. Походъ Юрія Долгорукаго на югъ. Военныя дѣйствія и битва подъ Переяславлемъ въ 1149 г. Захватъ Юріемъ Южной Руси и введеніе новыхъ порядковъ въ ней. Компромиссъ Юрія съ Вячеславомъ. Союзъ Юрія съ Владиміромъ Галицкимъ. Помощь Изяславу отъ венгерскаго короля. Борьба Изяслава съ Юріемъ и уходъ послѣдняго въ Остерскій Городокъ. Походъ Изяслава на Переяславль. Защита послѣдняго Ростиславомъ Ю-чемъ. Война Изяслава съ Владиміромъ Галицкимъ. Захватъ Кіева Юріемъ и оборона Переяславля отъ половцевъ. Переходъ Кіева во власть Изяслава. Бѣгство Юрія Д. въ Остерскій Городокъ. Событія въ Переяславлѣ. Попытка Юрія овладѣть Кіевомъ. Битва на Рутѣ и бѣгство Юрія въ Переяславль. Осада Юрія въ Переяславлѣ. Договоръ съ Юріемъ и попытка послѣдняго остаться на югѣ Руси. Осада Юрія въ Остерскомъ Городкѣ. Уходъ Юрія въ Суздаль. Борьба Изяслава съ Владимíркомъ. Движеніе Юрія на югъ и отступленіе назадъ. Нападеніе половцевъ на Посулье. Походъ Мстислава И-ча въ степи. Борьба Изяслава съ Ярославомъ Осмомысломъ. Женитьба Изяслава и смерть его (1154 г.). Характеристика Изяслава и состояніе Южной Руси въ половинѣ XII в.

Послѣ смерти Ярослава Мудраго, въ 1054 году, Русская земля была раздѣлена между сыновьями покойнаго князя. На долю Всеволода Ярославича достался Переяславль, и съ этаго времени начинается обо-

собленная жизнь юго-восточной окраины Русской земли [1]). Кромѣ территоріи, находившейся въ Приднѣпровьѣ, къ переяславльскому удѣлу принадлежали также земли, лежащія между Окой и Волгой: Ростовъ, Суздаль, Бѣлоозеро, часть Поволожья, Посемье. Всѣ эти земли достались переяславльскому князю не сразу: онѣ постепенно, одна за другой переходили къ нему [2]). Намъ не совсѣмъ понятна такая чрезполосица княжескихъ владѣній: мы не знаемъ, играло-ли здѣсь роль то обстоятельство, что переяславльскій удѣлъ, трезвычайно тревожный и опасный, являлся не совсѣмъ выгоднымъ удѣломъ, въ подспорье которому придавались сѣверно-русскія земли,—или же Волжско-окскій край, сближавшійся посредствомъ Десны и Дона съ днѣпровскимъ лѣвобережьемъ, былъ въ естественной зависимости отъ послѣдняго [3]).

Находясь на границѣ съ грозной степью, Переяславльская земля была поставлена въ необходимость быть постоянно на сторожѣ, въ готовности отражать нападенія враговъ. Съ незапамятныхъ временъ на эту юго-восточную окраину Руси почти безпрерывной волной нападали степные варвары, которые дѣлали эту страну какъ бы перепутьемъ для своихъ дальнѣйшихъ походовъ на Русскія земли. Не проходило почти года, чтобы тотъ или другой кочевой народъ не сдѣлалъ нападенія на переяславльскіе предѣлы. Не мало стоило труда сидѣвшимъ въ Переяславлѣ князьямъ отражать эти набѣги, изыскивать всякія средства и способы, необходимые для защиты этой страны.

Г. Переяславль, въ дѣлѣ защиты края игралъ довольно видную роль. Онъ явился чрезвычайно удобнымъ стратегическимъ пунктомъ, одинаково важнымъ какъ для правой, такъ и для лѣвой сторонъ Днѣпра. Изъ Переяславля всегда удобно было наблюдать за всякаго рода движеніями степняковъ и своевременно предупреждать и отражать ихъ нападенія.

Опасность положенія Переяславльскаго к-ва лицемъ къ лицу съ кочевниками сознавалась уже рано и вызывала серьезныя заботы о немъ у южно-русскихъ князей, которые стараются сдѣлать его оплотомъ Русской земли съ юго-востока. Въ лѣтописи встрѣчаются указанія на такое значеніе Переяславльской земли для южной Руси. Уже Владиміръ св. обратилъ на нее особое вниманіе и оградилъ рядомъ крѣпостей по теченію рѣкъ. Далѣе, Ярославъ Мудрый, организуя планъ лучшей охраны края, выдѣлилъ Переяславльскую землю въ отдѣльное княжество, наказавъ при этомъ своимъ сыновьямъ помогать другъ другу въ случаѣ опасности.

---

[1]) Ипат. л., стр. 114.

[2]) Новгород. I л., с. 66. Соловьевъ, т. 2, с. 11; Карамзинъ, II, 46.

[3]) Одно время Бѣлозеро принадлежало Святославу Ярославичу; Ростовъ достался Всеволоду Ярославичу только послѣ Ростислава Владиміровича, который владѣлъ имъ при жизни. Ibidem. Погодинъ. IV, стр. 294—6.

Выдѣленіе Переяславльской земли въ отдѣльное княжество съ особымъ княземъ во главѣ и защита ея общими силами русскихъ князей указываетъ на серьезное значеніе этой земли въ русскихъ дѣлахъ. Дѣйствительно, Всеволодъ Ярославичъ, уже въ первое лѣто своего княженія въ Переяславлѣ долженъ былъ предпринять походъ на торковъ, которые въ это время отчаянно боролись съ новыми пришельцами въ степи съ востока—половцами. Уступая половцамъ, торки бросаютъ свои степныя угодья и двигаются дальше на западъ, приближаясь все больше и больше къ юго-восточнымъ окраинамъ Руси. Очутившись близъ границъ Переяславльской земли, торки пытаются овладѣть здѣсь степными мѣстами, расположенными близъ Днѣпра [1]). Безъ сомнѣнія, появленіе торковъ на границѣ Переяславльской земли было непріятно князю послѣдней, и потому, по словамъ лѣтописи,— „Всеволодъ въ 1055 г. иде на Торкы, зимѣ, къ Воіню и побѣди Торкы“ [2]). Вскорѣ послѣ похода Всеволода на торковъ, „того же лѣта“, какъ передаетъ лѣтопись, на Переяславльскую землю нападаютъ новые враги, половцы, съ княземъ Болушемъ во главѣ [3]). Неизвѣстно, что за причина была появленія половцевъ въ Переяславльскихъ предѣлахъ: быть можетъ, они шли сюда для переговоровъ на счетъ уходившихъ отъ нихъ торковъ, или же они явились просто для полученія подарковъ, какъ это часто случалось и послѣ. Лѣтопись глухо передаетъ, что „Всеволодъ створи миръ с ними, т. е. съ половцами, и возвравишася половци вь своясн“ [4]). Это было, какъ кажется, первое посѣщеніе половцами русской окраины. Съ этихъ поръ половцы начинаютъ мало по малу знакомиться съ Русской землей и, узнавъ ея слабые пункты, пользуются ими для своихъ выгодъ. Они зорко слѣдятъ за всѣмъ, что дѣлается въ Русской землѣ и, улучивъ удобную минуту, неожданно и быстро являются въ русскихъ предѣлахъ; особенно часто половцы производили свои набѣги въ тѣ времена, когда въ Русской землѣ наступали какія либо неурядицы или же политическія перемѣны.

Послѣ заключенія мира съ половцами, прошло нѣсколько лѣтъ, повидимому, безъ нападеній со стороны кочевниковъ на Русскую землю. Въ это время въ степяхъ шла ожесточенная борьба между торками и половцами; торки были сломлены. Въ 1060-мъ году, уходя отъ половцевъ, торки пытаются проникнуть въ предѣлы Переяславльскаго

---

1) П. Голубовскій, Печенѣги, Торки и Половцы, стр. 77.

2) Ипат. л., с. 114; Воскр. л.. с. 333; Никон. л., с., 91; Лавр. л., с. 158; Татищевъ II, с. 115.

3) Ibidem.

4) Ibidem.

княжества. Всеволодъ Ярославичъ, занятый охраною своихъ юго-восточныхъ границъ, былъ испуганъ этимъ торческимъ нашествіемъ; онъ рѣшаетъ отразить степняковъ и обращается за помощью къ братьямъ. Князья согласились идти въ походъ и, составивъ сильное войско, двинулись на торковъ. Въ походѣ принимали участіе: Всеволодъ, Изяславъ, Святославъ и Всеславъ. Часть войска поплыла водой, часть же пошла берегомъ. Походъ былъ удаченъ: застигнутые врасплохъ торки потерпѣли страшное пораженіе; множество торковъ погибло во время бѣгства отъ суровой зимы, не мало также вымерло ихъ отъ голода, мора и пр. „Такъ Богъ избави крестьяны отъ поганыхъ"—прибавляетъ лѣтопись [1]). Нельзя сказать, чтобы торки были окончательно истреблены и совершенно ушли изъ русской земли; послѣ погрома часть торковъ дѣйствительно удалилась на Дунай, но другая осталась въ русскихъ предѣлахъ и послужила, какъ увидимъ дальше, источникомъ вражды между русскими и половцами [2]).

Овладѣвъ степями, половцы считали и всѣхъ обитателей ихъ своими рабами, своимъ достояніемъ, а потому уходъ торковъ въ русскіе предѣлы не могъ не коснуться половецкихъ интересовъ. Половцы рѣшили отстаивать свои интересы. Съ большимъ войскомъ, подъ предводительствомъ князя Сокала или (по другимъ лѣтописямъ) Искала, явились они въ 1061 году въ Переяславскіе предѣлы и принялись грабить ихъ. Всеволодъ двинулся на половцевъ, но былъ разбитъ послѣдними и поспѣшно отступилъ. Разграбивъ страну, половцы ушли въ свои степи [3]).

Это былъ первый опустошительный половецкій набѣгъ на Переяславльскую землю. Неудачный отпоръ врагамъ и грабежи послѣднихъ вызвали замѣтное волненіе среди народа, которое еще болѣе усилилось вслѣдствіе разнаго рода неблагопріятныхъ предзнаменованій [4]).

Необходимо было серьезно считаться съ врагами, грозившими съ востока, но русскіе князья, не зная хорошо враговъ, не считали половцевъ очень опасными. Они были заняты въ это время внутренними междоусобіями и потому мало обращали вниманія на востокъ. Между тѣмъ, съ востока, изъ степей, приближалась гроза, которая не замедлила разразиться прежде всего надъ Переяславльской землей.

Половецкія орды, при существованіи русской силы въ Тмутаракани, чувствовали себя не особенно свободно, а потому, пока въ Приморской Руси правилъ энергичный Ростиславъ Владиміровичъ, полов-

---

[1]) Ипат. л., с. 115; Лавр. л., с. 159; Воскрес. л., с. 333; Никон. л., с. 91—92.

[2]) Татищевъ говоритъ, что князья захватили въ плѣнъ часть торковъ и разселили ихъ по русскимъ городамъ. (Ист. Рос. II, с. 116). Объ уходѣ торковъ на Балканскій полуостровъ см. Голубовскаго: Печенѣги, торки и пр., с. 78.

[3]) Ипат. л., стр. 115; Лавр. л., стр. 159 и пр.

[4]) Ипат. л., с. 115—116.

цы воздерживаются отъ нападеній на русскіе предѣлы. Но, когда въ 1068 году Ростислава не стало, половцы не замедлили явиться въ огромномъ количествѣ — „половцѣ мнозѣ“ какъ говоритъ лѣтопись — въ Переяславльскую землю [1]). Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, собравъ войска, выступили противъ половцевъ, которые проникли уже къ самому Переяславлю. Достигши Альты, князья рѣшили напасть на враговъ. Пользуясь темнотою ночи, русскіе двинулись на половцевъ; завязалась отчаянная битва, окончившаяся полнымъ пораженіемъ русскихъ [2]). Разбитые на голову князья бѣжали подъ защиту своихъ укрѣпленій: Святославъ ушелъ въ Черниговъ, Изяславъ и Всеволодъ — въ Кіевъ [3]). Тогда половцы, ободренные побѣдой, бросились грабить Русскую землю, которая вскорѣ пришла въ отчаяніе отъ жестокости враговъ. Застигнутый врасплохъ Изяславъ не зналъ, что ему дѣлать. Въ это время въ Кіевѣ вспыхнуло возстаніе гражданъ, требовавшихъ у князя оружія для отпора половцамъ. Когда Изяславъ отказалъ, народъ бросился грабить дома ненавистныхъ ему бояръ и вынудилъ Изяслава бѣжать изъ Кіева, въ которомъ, по желанію народа, сталъ княжить Всеславъ Полоцкій, незадолго передъ этимъ вѣроломно захваченный Изяславомъ и содержавшійся въ крѣпкой темницѣ. Изяславъ бѣжалъ въ Польшу, къ родственнику своему Болеславу II Смѣлому [4]). Между тѣмъ, какъ кіевскій князь оказался столь малодушнымъ и слабымъ, Святославъ Черниговскій энергично защищаетъ свой край. Собравъ наскоро войска, Святославъ двинулся на половцевъ и разбилъ ихъ на голову у Сновска, неподалеку отъ Чернигова. Двѣнадцать тысячъ половцевъ было разбито втрое слабѣйшимъ русскимъ отрядомъ. Множество половцевъ пало въ сраженіи, не мало потонуло ихъ и въ рѣкѣ Снови; половецкій князь былъ захваченъ въ плѣнъ [5]). Сновская побѣда, храбрость и энергичность Святослава были причиной большой симпатіи къ нему народа, который съ уваженіемъ сталъ относиться къ черниговскому князю. Особенно цѣнило заслуги черниговскаго князя населеніе днѣпровскаго лѣвобережья. Защищая Черниговскія земли, Святаславъ одновременно оказывалъ не малыя услуги и землѣ Переяславльской, черезъ предѣлы которой обыкновенно шли половцы на Черииговъ.

Возстаніе въ Кіевѣ, окончившееся изгнаніемъ Изяслава, заставило и Всеволода оставить этотъ городъ. Всеволодъ очевидно, ушелъ въ свой Переяславль, сильно опустошенный врагами [6]).

---

[1]) Ипат. л., с. 118.
[2]) Ипат. л., с. 118; Воскр. л., с. 336; Ник. лѣт., стр. 94—5.
[3]) Ипат. лѣт., стр. 120.
[4]) Инат. лѣт., стр. 117, 118. Иловайскій. Исторія Россіи. Кіев. пер., I, с. 116.
[5]) Ипат. л., стр. 121; Ник. л., с. 96; Воскр. л., с. 336; Арцыбашевъ, с. 27.
[6]) Карамзинъ, II, с. 50.

Между тѣмъ Изяславъ, заручившись помощью отъ польскаго короля, возвращался въ Кіевъ. Всеславъ выступилъ было съ войскомъ противъ Всеволода, но, не надѣясь на кіевлянъ, почью бѣжалъ въ Полоцкъ [1]). Въ Кіевѣ опять вокняжился Изяславъ, не любимый народомъ [2]).

Неуспѣли еще стихнуть внутреннія неурядицы, какъ новыя бѣдствія разразились надъ Русской землей. Въ 1071 году половцы нападаютъ на правую сторону Днѣпра: они воюютъ у Неятина и Растовца [3]). Лѣвая сторона Днѣпра—Переяславльская и Черниговская земли,—въ это время повидимому не подвергались половецкимъ набѣгамъ: въ Тмуторакани сидѣлъ энергичный князь, Глѣбъ Святославичъ, который старался сдерживать степняковъ; но какъ только Глѣбъ перешелъ изъ Тмутораканя въ Новгородъ, половцы бросаются на Черниговскія земли: въ 1071 году они разорили земли по Деснѣ [4]).

Между тѣмъ въ Русской землѣ съ приходомъ въ послѣднюю Изяслава не было спокойно: борьба съ Всеславомъ полоцкимъ, затѣянная кіевскимъ княземъ, окончилась ничѣмъ; она только способствовала ссорѣ Ярославичей между собою. Замѣтивъ стремленіе Изяслава къ самовластію, Святославъ и Всеволодъ заключаютъ между собою союзъ и, опираясь на народную симпатію, изгоняютъ Изяслава изъ Кіева [5]). Неизвѣстно въ точности, что собственно послужило предлогомъ къ борьбѣ между князьями. Лѣтопись передаетъ, что „Святославъ бѣ начало выгнанию братню, желая большая власти, и тако Всеволода прельсти глаголя: яко Изяславъ сватается съ Всеславомъ, мысля на насъ: да аще его не прогонимъ, имать насъ прогнати“ [6]). Въ 1073 году на кіевскомъ престолѣ утвердился Святославъ Ярославичъ, вытѣснившій Изяслава изъ Кіева. Черниговъ былъ отданъ Всеволоду Ярославичу.

---

[1]) Ипат. л. с. 121.

[2]) Когда Изяславъ приближался къ Кіеву, испуганные кіевляне обратились къ Святославу и Всеволоду Ярославичамъ, прося у нихъ защиты, въ случаѣ, еслибы Изяславъ началъ мстить за свое изгнаніе. Ярославичи согласились и уговорили Изяслава не мстить кіевлянамъ за прошлое. Однако, дѣло не обошлось безъ кровопролитія: явившійся до прихода отца, Мстиславъ Изяславичъ, жестоко расправился съ кіевлянами: онъ казнилъ около 70 человѣкъ, которыхъ считалъ участниками возстанія въ Кіевѣ. Эта жестокая расправа возбудила сильное неудовольствіе въ народѣ, который не любилъ возвратившагося князя; не особенно также понравились народу и порядки, заведенные вновь въ странѣ, и только давленіе военной силы вынуждало гражданъ терпѣть ихъ. (Ипат. л., с. 122; Воскр. л.. с. 337; Ник. л., с. 96).

[3]) Ипат. л., с. 122; Лавр. лѣт., с. 169. Растовецъ—нынѣ м. Бѣлиловка, а Неятинъ—м. Ятнятинъ Кіев. губ.

[4]) Карамзинъ, II, 52; Погодинъ, I, с. 407.

[5]) Ипат. л.. стр. 128; Никон. л., с. 100. Согласно Длугошу, ссора у князей вышла изъ за границъ, а по Стрыйковскому—изъ за дѣлежа добычи. Грушевскій. Ист. Кіев. з., с. 77.

[6]) Ibidem.

Что касается того, кто въ это время владѣлъ Переяславлемъ,—сказать трудно. Одни (Соловьевъ) считаютъ, что тамъ сидѣлъ Давидъ Святославичъ [1]), другіе (Татищевъ)—что Глѣбъ Святославичъ [2]), третьи (Погодинъ) утверждаютъ, что Переяславлемъ владѣлъ Владиміръ Мономахъ. Судя по послѣдующимъ событіямъ, можно полагать, что Переяславль оставался въ рукахъ Черниговскаго князя, которому онъ былъ чрезвычайно важенъ, какъ оплотъ противъ кочевниковъ. Послѣ возвращенія изъ чешскаго похода въ 1076 году, Владиміръ Мономахъ ходилъ въ Переяславль--приводить дѣла въ порядокъ [3]).

Изгнаніе Изяслава изъ Кіева послужило основаніемъ прочнаго дуумвирата между братьями,—Всеволодомъ и Святославомъ, которые теперь чувствуютъ себя настолько сильными, что могутъ даже послать помощь и въ сосѣднія земли [4]). Дружескія узы, связывающія интересы обоихъ братьевъ, не разрывались до самой смерти Святослава въ 1076 году. Узнавъ о смерти брата, Изяславъ, скитавшійся по Западной Европѣ, возвратился въ Кіевъ, гдѣ и занялъ великокняжескій престолъ, добровольно уступленный ему Всеволодомъ. Послѣдній получилъ въ удѣлъ г. Черниговъ [5]). Что касается Переяславльской земли, то она, судя по всему, находилась въ рукахъ Всеволода, противъ котораго открываютъ энергичную борьбу Святославичи, безъ устали наводя на него толпы хищныхъ кочевниковъ. Въ это время Олегъ Святославичъ, лишенный Чернигова, вслѣдствіи того, что тамъ вокняжился Всеволодъ, получилъ Владиміръ Волынскій, но удержался тамъ не долго: не поладивъ со Всеволодомъ, онъ бѣжалъ въ Тмуторакань [6]). Въ Тмуторакани Олегъ убѣждаетъ другого энергичнаго князя, Бориса Вячеславича, дѣйствовать сообща, и въ союзѣ съ половцами идетъ на Всеволода, въ Переяславльскіе предѣлы. Всеволодъ поспѣшилъ навстрѣчу врагамъ. Близъ Съжицы (вѣроятно нынѣшней Оржицы), произошла битва, въ которой русскіе, потерявъ при этомъ нѣсколько знатныхъ особъ, были разбиты половцами на голову [7]). Всеволодъ съ остаткомъ войскъ бѣжалъ въ Кіевъ, къ Изяславу. Олегъ и Борисъ двинулись къ Чернигову и заняли послѣдній [8]).

---

[1]) Соловьевъ, II, пр. 64.

[2]) Татищевъ, II, с. 127.

[3]) Погодинъ, VI, с 46.

[4]) Всеволодъ и Святославъ отправляютъ съ войсками своихъ сыновей—Владиміра и Олега,—„въ помочь Ляхамъ на Чехи". Ипат. л., с. 139.

[5]) Ипат. л., с. 140.

[6]) Въ 1077 году Всеволодъ получилъ отъ Владиміра М. 300 гривенъ золота, которыя, вѣроятно, были предназначены Олегу, за его уступку удѣла. Погодинъ, VI, стр. 42, 46.

[7]) Ипат. л., с. 140; Лавр. л., с. 194; Никон. л., с. 107; Татищевъ, II, 133.

[8]) Ibidem.

Общая опасность со стороны половцевъ заставила смолкнуть на время княжескія несогласія. Изяславъ рѣшаетъ выступить на враговъ; вмѣстѣ со Всеволодомъ и Владиміромъ Мономахомъ Изяславъ двинулся на половцевъ въ 1078 году. Возлѣ Нѣжатинской нивы произошло сраженіе съ половцами, во время котораго былъ убитъ князь Изяславъ [1]). Половцы были разбиты. Олегъ бѣжалъ съ степи, а Борисъ палъ на полѣ сраженія [2]). „Бориса же Вячеславича,—поется въ Словѣ о полку Игоревѣ,—слава на судъ приведе, и на канину зелену паполому постла, за обиду Олгову, храбра и млада князя“ [3]). На кіевскій великокняжескій престолъ вступилъ теперь Всеволодъ Ярославичъ.

Необходимо замѣтить, что и Изяславъ, и Святославъ, въ бытность кіевскими князьями проявляли рядъ попытокъ поддержать великокняжескую власть. Сосредоточеніе нѣсколькихъ земель въ однѣхъ рукахъ давало большія, сравнительно съ другими, преимущества кіевскому князю, который поэтому всѣми мѣрами старается не выпускать ихъ изъ своей власти [4]). Тоже мы видимъ и при Всеволодѣ, который, сдѣлавшись кіевскимъ княземъ, началъ по своему усмотрѣнію раздавать въ удѣлы окружающія Кіевъ земли. Такъ, Черниговъ былъ отданъ Владиміру Мономаху, Волынь—племяннику Ярополку, Новгородъ—другому племяннику, Святополку; что касается Переяславля, то онъ, какъ и раньше, находился всецѣло въ вѣдѣніи Всеволода. Весьма вѣроятно, что Переяславль былъ отданъ Ростиславу, младшему сыну Всеволода. Въ виду того, что Ростиславъ былъ еще ребенкомъ, можно полагать, что городъ этотъ номинально считался за Ростиславомъ.

Что г. Переяславль въ это время былъ подъ опекой Всеволода, видно изъ того, что когда въ 1079 году половцы, подстрекаемые Романомъ Святославичемъ, подошли къ Воиню, Всеволодъ выступилъ противъ нихъ съ войскомъ и остановился близъ Переяславля. Съ половцами былъ заключенъ миръ [5]). Вѣроятно, миръ былъ купленъ цѣною подарковъ, какъ это дѣлалось князьями всегда въ трудныхъ обстоятельствахъ. На возвратномъ пути половцы убили Романа Святославича и бросили трупъ его въ степи: „и суть кости его до сего дне тамо лежаче“ — повѣствуетъ лѣтопись [6]). Сильно пострадалъ также и Олегъ

---

[1]) Ипат. л., с. 141; Лавр. л., с. 195.

[2]) Ibidem.

[3]) Слово о полку Игоревѣ. Перев. Гербеля 1896 г., с. 28, 30.

[4]) Необходимо замѣтить, что Смоленская земля съ конца XI ст. и до 1125 г. находились въ зависимости отъ подчиненнаго Кіеву Переяславльскаго князя, который посылалъ сюда для управленія своихъ намѣстниковъ. См. П. Голубовскаго. Ист. Смоленской з., с. 263.

[5]) Ипат. л., с. 143; Лавр. лѣт., с. 198.

[6]) Ипат. л., с. 140; Лавр. л., с. 198; Свод. лѣт., с. 160; Софійскій Времен., с. 173.

Святославичъ: онъ былъ схваченъ хазарами и отправленъ въ ссылку на островъ Родосъ [1]). Такія дѣйствія половцевъ съ русскими князьями были на-руку Всеволоду, который, воспользовавшись удобнымъ моментомъ, посылаетъ въ Тмуторокань своего посадника, Ратибора [2]).

Вскорѣ послѣ заключенія мира съ половцами, въ 1080-мъ году поднимаютъ возстаніе торки, поселенные въ предѣлахъ Переяславльскаго к-ва; „заратишася Торці Переяславльстии на Русь"—говорится въ лѣтописи. Всеволодъ выслалъ противъ нихъ Владиміра Мономаха, который и побѣдилъ торковъ [3]). Устраняя опасность въ одномъ мѣстѣ, надо было слѣдить, чтобы не дать врагамъ возможности прорваться и причинить вредъ гдѣ либо въ другомъ. Вотъ почему Владиміръ Мономахъ и стоялъ нѣкоторое время въ Обровѣ, въ намѣреніи предупредить нападеніе половцевъ [4]).

Половцы на этотъ разъ не показывались въ Переяславльскихъ предѣлахъ; они обошли послѣдніе, напали на черниговскія земли и страшно разорили ихъ; особенно пострадалъ г. Стародубъ. Походъ половцевъ на Черниговскія земли, кажется, находился въ соотвѣтствіи съ возстаніемъ вятичей, которые добивались самостоятельности. Только благодаря энергіи и распорядительности Владиміра Мономаха удалось устранить грозившую опасность [5]).

Въ это время на юго-востокѣ, въ Тмутаракани, происходитъ новый переворотъ, который отражается и на дѣлахъ Переяславльской земли: посаженный Всеволодомъ въ Тмутаракани Ратиборъ, изгоняется въ 1081 году, Давидомъ Игоревичемъ и Володаремъ Ростиславичемъ, которые овладѣваютъ вышеназванной землей. Спустя годъ, Тмутораканью овладѣваетъ Олегъ Святославичъ, явившійся сюда изъ своего заточенія [6]). Нѣтъ сомнѣнія, что энергичный, честолюбивый князь неоднократно направлялъ половцевъ противъ своихъ враговъ. „Той бѣ Олегъ,—говорится въ Словѣ о полку Игоревѣ,—мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше, ступаетъ въ златъ стремень Тьмутороканѣ". Въ этотъ періодъ половцы сдѣлали нападеніе на нижнее Посулье и взяли здѣсь г. Горошинъ. Владиміръ Мономахъ преслѣдовалъ

---

1) Ипат. л., с. 143; Соловьевъ II, с. 27—8; Карамзинъ, II, с. 93.

2) Ibidem.

3) Ипат. л., с. 143; Лавр. л., с. 198; Сводная л., с. 160. Вѣроятно, возставшіе торки обитали на опасной линіи близъ верховьевъ рр. Ромна, Остра и Удая. Они должны были заботиться о безопасности этого пути и потому сторожевая служба могла показаться имъ тягостной. Жившіе близъ низовьевъ р. Сулы торки имѣли, кажется, такую же обязанность.

4) Сводная лѣт., Поуч. Владиміра Мономаха, с. 330. Погодинъ, VI, 46.

5) Ibidem.

6) Ипат. л., с. 143.

половцевъ въ степи,—гонялся за ними за р. Хоролъ [1]). Утвержденіе Олега въ Тмуторакани обѣщало въ будущемъ новыя бѣдствія, новые набѣги половцевъ на Русскую землю. Въ виду этого, Всеволодъ посадилъ Владиміра Мономаха въ Переяславлѣ для наблюденія за врагами и отраженія ихъ въ случаѣ нападенія [2]). Опасность грозила повидимому съ сѣвѣра-восточнаго угла Переяславльской земли, гдѣ находилась торная дорога движеній кочевниковъ внутрь страны. Владиміръ Мономахъ, въ ожиданіи прихода половцевъ, и направился по этому пути. Предупредительность оказалась ненапрасной. Не доѣзжая г. Прилукъ, Владиміръ встрѣтилъ восьмитысячный половецкій отрядъ, на который, однако, русскіе не осмѣлились напасть, потому что оружіе было отправлено въ городъ раньше, на возахъ. Мономахъ поспѣшно вошелъ подъ защиту укрѣпленій г. Прилукъ, потерявъ при этомъ въ схваткѣ съ половцами нѣсколько человѣкъ. Узнавъ о движеніи русскаго войска, половцы бѣжали за Сулу, съ степи [3]). На слѣдующій день Мономахъ двинулся къ Бѣлой-Вежѣ, гдѣ и разбилъ другой отрядъ половцевъ, захвативъ при этомъ въ плѣнъ двухъ половецкихъ князей—Асиня и Сакзя [4]).

Половецкіе набѣги не ограничивались только Переяславльской землей: они распространялись и на правую сторону Днѣпра [5]). Владиміръ Мономахъ съ большимъ успѣхомъ отражалъ враговъ; онъ предпринималъ даже наступательныя дѣйствія въ степи. Такъ, въ этотъ періодъ времени онъ нападаетъ на половцевъ у Варина и овладѣваетъ здѣсь ихъ вежами [6]). Частыя нападенія половцевъ на Переяславльскую землю заставили правителей послѣдней позаботиться о возможно лучшемъ укрѣпленіи ея главнаго города—Переяславля. Дѣйствительно, въ этотъ періодъ были воздвигнуты вокругъ города крѣпкія стѣны, а внутри—каменныя зданія, церкви и проч. [7]). Особенно дѣятельно заботилось объ украшеніи и укрѣпленіи Переяславля духовенство: въ 1090 г. былъ оконченъ и освященъ храмъ св. Михаила, богато укра-

---

1) „Томъ же лѣтѣ гонихомъ по Половьцихъ за Хоролъ иже Горошинъ взяша". Свод. лѣт., с. 330.

2) „И на весну посади мя отецъ в Переяславли передъ братью, и ходихомъ за Супой"... Свод. л., с. 330.

3) „И ходихомъ за Супой; и ѣдучи к Прилуку городу, и срѣтоша ны внезапу Половечьскыѣ князи, 8 тысячь, и хотѣхомъ с ними ради битися, но оружіе бяхомъ услали напередъ на повозѣхъ, и внидохомъ в городъ. Только Семцю яша одного живого, ти смердъ нѣколико, а наши онѣхъ боле избиша и изьимаша". Свод. лѣт., стр. 330.

4) Ibidem.

5) Половцы воевали у Красна, Гюргева, Халепа и пр. Свод. лѣт., с. 331.

6) „И нотомъ с Ростиславомъ же у Варина вежѣ взяхомъ" Свод. лѣт., с. 331.

7) Ипат. лѣт., с. 146; Лавр. л., с. 202; Софійск. врем., с. 175.

шенный внутри и снаружи [1]). Такія заботы о Переяславлѣ духовенства и князей весьма понятны: крѣпко еще держались въ народѣ остатки языческой старины, суевѣрія, подновляемые новыми, страшными для настроеннаго народнаго воображенія явленіями. Такъ, народъ былъ испуганъ затменіемъ солнца, видѣніемъ посреди неба огненнаго змія (аэролита), землетрясеніемъ и проч. Кромѣ того, 1092 годъ выдѣлялся изъ ряда прочихъ своей необычайной засухой, частыми пожарами лѣсовъ и болотъ, моровымъ повѣтріемъ, уносившимъ множество жертвъ и другими бѣдами [2]). Въ довершеніе всего половцы неожиданно напали на густо заселенную полосу по теченію р. Удая и страшно ее опустошили: они взяли здѣсь множество селъ и три города: Переволочну, Прилукъ и Песоченъ [3]).

Раньше мы видѣли, какія заботы прилагалъ Владиміръ Мономахъ для защиты Переяславльской земли, какъ боролся со степняками на ихъ обычныхъ путяхъ, и ожесточенные, частые набѣги степняковъ на южную Русь служатъ лучшимъ доказательствомъ, какъ не по сердцу были имъ заботы этого энергичнаго князя: половцы стараются всѣми силами ослабить ту руку. которая защищала собой Переяславль.

Между тѣмъ Всеволодъ дряхлѣлъ все болѣе и болѣе. Не задолго до своей кончины, Всеволодъ призвалъ въ Кіевъ Владиміра Мономаха и Ростислава и скончался на ихъ глазахъ, въ 1093 году. Опять настаютъ тяжелыя времена для Русской земли: невыработанный порядокъ престолонаслѣдія вносилъ сильную смуту въ междукняжескія отношенія, дозволялъ половцамъ и другимъ степнякамъ безнаказанно грабить и уводить въ неволю беззащитный народъ.

Владиміру Мономаху, при народной симпатіи, завоеванной смѣлыми дѣйствіями противъ нападавшихъ кочевниковъ, было не трудно овладѣть кіевскимъ престоломъ; но онъ не желалъ этого. Владиміръ видѣлъ, что съ захватомъ Кіева ему придется оставить Черниговъ, и если дѣла пойдутъ не въ его пользу, т. к. обиженные князья пошли бы на него войною,—то онъ можетъ лишиться не только Кіева, но и Чернигова. Какъ дальновидный политикъ, Мономахъ, послѣ смерти отца, предоставилъ Кіевъ старѣйшему въ родѣ—Святополку Изяславичу, самъ же ушелъ въ Черниговъ, а Ростиславъ—въ Переяславль [4]).

---

[1]) Ibidem.

[2]) Ипат. лѣт., с. 150—151.

[3]) „Въ лѣто 1092... рать велика бяше отъ Половець отовсюду, і взяша 3 городы: Пѣсоченъ, Прилукъ, Переволоку и много села воеваша обѣима странома". Свод. л., с. 170. Ипат. лѣт., с. 150. Татищевъ говоритъ, что половцы взяли 3 города: Песоченъ, Переволоку и Устье (Татищевъ, II, с. 144). Арцыбашевъ, — два города: Переволоку и Песоченъ (I, с. 36).

[4]) Ипат. лѣт., с. 152; Лавр. л., с. 210; Свод. лѣт., с. 172.

Отправляясь въ Черниговъ, Мономахъ считалъ, что этотъ городъ принадлежалъ ему, т. к. главный претендентъ на Черниговскія земли, Олегъ, занятый дѣлами въ Тмутаракани, находился далеко. Между тѣмъ Олегъ зорко слѣдилъ за всѣмъ, что происходило въ русской землѣ: онъ надѣялся при благопріятныхъ условіяхъ возвратить назадъ отнятый у него отцовскій удѣлъ. Олегъ опирался на ту силу, съ которой такъ отчаянно боролись и кіевскій, и черниговскій, и другіе князья, а именно--на половцевъ. Повидимому, обстоятельства благопріятствовали Олегу: половцы были недовольны на русскихъ князей и за торковъ, которые были приняты и поселены въ русскихъ земляхъ, и за постройку крѣпостей по теченію рѣкъ, и, наконецъ,—за тотъ энергичный отпоръ, который они всякій разъ получали отъ Всеволода Ярославича и его энергичнаго сына. Половцы ожидали только благопріятнаго времени, чтобы посчитаться съ русскими князьями; поэтому, какъ только стало извѣстно о смерти Всеволода Ярославича, половцы быстро явились въ Русскую землю и предложили кіевскому князю заключить съ ними миръ, конечно, на выгодныхъ для степняковъ условіяхъ. Неопытный въ дѣлахъ, едва только принявшій кіевскій престолъ въ свои руки, Святополкъ Изяславичъ, по совѣту своей дружины, не взвѣся хорошо своихъ силъ, не только отказалъ половцамъ въ ихъ требованіи, но даже всѣмъ бросить половецкихъ пословъ въ тюрьму [1]). Раздраженные половцы рѣщили жестоко отомстить за обиду. Поступая такъ рѣзко, Святополкъ Изяславичъ не имѣлъ, собственно говоря, прочной опоры въ военныхъ силахъ: все его войско состояло изъ 800 человѣкъ дружинниковъ, которыхъ было далеко недостаточно для борьбы съ половцами. Опытные люди изъ кіевлянъ, которыхъ Изяславъ пригласилъ на совѣтъ, убѣждали князя, что выступать съ такими малыми силами было бы слишкомъ рискованнымъ; что для отпора половцамъ необходимо призвать на помощь и другихъ князей. Святополкъ согласился и посдалъ за Мономахомъ. Послѣдній собралъ свои войска, вызвалъ также и Ростислава изъ Переяславля и явился въ Кіевъ. Въ Кіевѣ, по разсказу лѣтописи, между князьями поднялся споръ: Мономахъ совѣтовалъ не воевать съ половцами, а лучше заключить съ нимъ миръ. Святополкъ же, подстрекаемый молодой дружиной, не соглашался и хотѣлъ непремѣнно идти на половцевъ. Мономахъ съ неохотой подчинился рѣшенію Святополка, и всѣ три князя выступили со своими войсками на враговъ, которые двигались по правой сторонѣ Днѣпра [2]). Достигши Триполья, князья созвали совѣтъ, чтобы рѣшить: идти ли на половцевъ теперь, или же ждать, пока они сами не придутъ къ нимъ. Владиміръ еще

---

[1]) Ипат. л., с. 155; Воскр. лѣт., с. 6; Ник. л., с. 120. Татищевъ, II, 147.
[2]) Ипат. лѣт., с. 152—153.

разъ попытался уговорить Святополка заключить миръ съ врагами, но ничего не успѣлъ: Святополкова дружина убѣдила князя немедленно же перейти рѣку и ударить на половцевъ. Перешедши рѣку, князья, построивъ свои войска въ боевой порядокъ, двинулись на враговъ. Правымъ крыломъ начальствовалъ Святополкъ, лѣвымъ — Владиміръ Мономахъ, серединой—Ростиславъ Всеволодовичъ.

Половцы, увидѣвъ русскихъ, сначала выслали своихъ стрѣлковъ и затѣмъ всѣмъ своимъ войскомъ обрушились на правое крыло русскихъ, которое не выдержало натиска и обратилось въ бѣгство. Середина и лѣвое крыло русскихъ, не смотря на это, продолжали нѣкоторое время отбиваться отъ враговъ, но, наконецъ, подавляемые огромнымъ большинствомъ враговъ, также побѣжали назадъ, къ рѣкѣ. Волны р. Стугны, разлившейся отъ весеннихъ водъ, довершили несчастье русскихъ: онѣ поглотили множество людей, искавшихъ спасенія въ бѣгствѣ. На глазахъ Мономаха разыгралась раздирающая душу сцена: его любимый братъ, Ростиславъ, попавъ на глубокое мѣсто, началъ тонуть въ рѣкѣ. Мономахъ бросился было въ воду спасать брата, но самъ едва не утонулъ: его спасла дружина, вынесшая князя изъ воды [1]). Въ Словѣ о полку Игоревѣ есть прочувствованное мѣсто относительно этой безвременной кончины Ростислава: „Рѣка Стугна, худую струю имѣя... затворила навсегда юношѣ князю Ростиславу темные Днѣпровскіе берега... Плачется мать Ростиславля по юношѣ, князѣ Ростиславѣ. Поникли цвѣты отъ жалости, и дерево съ грустью—тугою къ землѣ приклонилось“.

Жалкіе остатки разбитаго войска возвратились домой. Владиміръ Мономахъ съ небольшой дружиной, оставшейся отъ стугнинскаго погрома, сильно опечаленный смертію брата, ушелъ въ Черниговъ [2]).

Раздраженные сопротивленіемъ половцы, одержавъ побѣду, съ особой свирѣпостью начали грабить Русскую землю. Горькія времена настали для русской земли. Картина полная глубокаго трагизма съ неподражаемой простотой и правдой передана лѣтописцемъ, продиктована его любящей душой: „Сотворился плачъ великій въ землѣ нашей; и опустѣли села наши, и города наши, оставленные разбѣжавшимися отъ враговъ жителями... ибо лукавые сыны измаиловы пожгли и села, и гумна, и много церквей истребили огнемъ. И вотъ—одни ведутся плѣнниками, другіе избиваются мечемъ, третьи—отдаются на месть врагамъ, пріемля горькую участь; иные трепещутъ, видя избиваемыхъ, иные мучатся, изнемогая отъ голода, жажды... другіе, свя-

---

[1]) Ипат. л., с. 153; Лавр. л., с. 112; Ник. л., с. 121; Воскрес. л., с. 7.

[2]) Лѣтопись передаетъ, что Владиміръ, „пришедъ на ону сторону Днѣпра, плакася по братѣ своемъ и по дружинѣ своей, иде къ Чернѣгову, печаленъ велми“. Ипат. л., с. 153—4.

занные, получають удары ногами, держатся зимой на морозѣ, подвергаются пыткамъ; отъ голода, жажды и горя поблѣднѣли лица у нихъ, почернѣло тѣло; невѣдомой страной идутъ они съ изсохшимъ отъ жажды языкомъ, нагіе, босые, съ окровавленными, истерзанными терновникомъ ногами. Со слезами сообщаютъ они другъ другу: „я изъ такого-то города, а я—изъ такого-то села", со слезами разсказываютъ они о своемъ родѣ, о своихъ несчастьяхъ... И опустѣли города всѣ, и поля, гдѣ прежде паслись стада лошадей, воловъ и овецъ, стоятъ осиротѣлыми; запустѣли нивы, ставши жилищемъ звѣрей"...[1]). Печаль разлилась по Русской землѣ. Въ довершеніи всего, тучи саранчи налетѣли на поля и истребили хлѣба. Жители приходили въ полное отчаяніе отъ столькихъ бѣдъ.

Между тѣмъ половцы, оставивъ одинъ отрядъ войска осаждать г. Торческъ, съ другимъ бросились къ Кіеву и разбили подъ его стѣнами кн. Святополка[2]). Положеніе послѣдняго было критическимъ, и только бракъ кіевскаго князя на дочери Туторхана спасъ Кіевскую землю отъ конечнаго разоренія[3]). Но миръ съ Туторханомъ не прекращалъ возможности новыхъ нападеній со стороны степей: половцы раздѣлялись на множество колѣнъ, которыя зачастую дѣйствовали независимо другъ отъ друга. Одной изъ такихъ ордъ воспользовался Олегъ Святославичъ и страшно опустошилъ черниговскіе предѣлы, не щадя въ нихъ ни селъ, ни городовъ, ни церквей, ни монастырей[4]).

Олегъ увидѣлъ теперь удобный моментъ для возвращенія своихъ черниговскихъ земель, отошедшихъ въ чужія руки. Открывается упорная борьба, отголоски о которой сохранились въ пѣсняхъ народныхъ. Наставали времена, когда, по выраженію Слова о полку Игоревѣ, „по землѣ сѣялись усобицы, и въ княжьихъ крамолахъ сокращался вѣкъ людской; когда въ Русской землѣ рѣдко раздавались голоса земледѣльцевъ—ратаевъ, но часто граяли вороны, раздѣляя трупы, часто говорили свою рѣчь галки, собираясь летѣть на добычу"...[5]).

Неурядицы въ Русской землѣ, наставшія вслѣдъ за вокняженіемъ въ Кіевѣ Святополка II, препятствовали дать сильный отпоръ половцамъ, которые съ этихъ поръ безцеремонно грабили по обѣимъ сторонамъ Днѣпра. Ушедшій въ Черниговъ, подъ защиту укрѣпленій по-

---

[1]) Ипат. л., с. 155, 156, 157. Лавр. л., с. 215—6; Ник. л., 122—3; Воск. л., 7.

[2]) Ibidem. Г. Торческъ находился близъ р. Роси. См. Барсова. Геогр. Словар., Р., стр. 109—200. Погодинъ. IV, 153.

[3]) Ипат. л., с. 157; Лавр. л., с. 215—18; Ник. л., 121. Соловьевъ II, с. 43.

[4]) „Того же лѣта (1094). Олегъ приде с Половцѣ іс Тмутороканя, и пріиде к Чернигову... и пожьже около града, і монастыри пожьже" Ипат. л., с. 157—8; Лавр. л., с. 218. Воскр. л., с. 8.

[5]) Слово о полку Игоревѣ. Изд. Гербеля, с. 30.

слѣдняго, Владиміръ Мономахъ зналъ, что ему предстоитъ вскорѣ бороться съ энергичнымь Олегомъ Святославичемъ, но, разсчитывая на измѣненіе обстоятельствъ и на поворотъ къ лучшему, онъ рѣшилъ сопротивляться до послѣдней крайности. Между тѣмъ Олегъ, заручившись союзомъ половцевъ, двинулся къ Чернигову и осадилъ его. Мономахъ затворился въ крѣпости и долго выдерживалъ осаду, но, не получая ни откуда помощи и сознавая невозможность устоять противъ Олега, онъ заключилъ съ послѣднимъ миръ, уступилъ Олегу Черниговъ, а самъ ушелъ въ осиротѣвшій, послѣ трагической кончины Ростислава, Переяславль „на отень столъ", какъ говоритъ лѣтопись [1]).

Самъ Владиміръ Мономахъ весьма краснорѣчиво разсказываетъ объ этомъ въ своемъ Поученіи: „Восемь дней дружина моя, подъ прикрытіемъ небольшой земляной защиты, билась съ врагами, не допуская ихъ, однако, овладѣть острогомъ; но, сожалѣя о христіанскихъ душахъ, о селахъ и монастыряхъ горящихъ, я рѣшился добровольно уступить брату его наслѣдственное мѣсто, чтобъ „не хвалились поганые", а самъ ушелъ въ Переяславль, на столъ отца своего. Мы выступили изъ Чернигова въ день св. Бориса, не имѣя даже ста душъ дружины (не во стѣ дружины), съ женами и дѣтьми; и половцы, стоявшіе возлѣ перевоза и на взгорьяхъ, облизывались, какъ волки, глядя на насъ, но Богъ и св. Борисъ не дали насъ въ обиду: мы невредимо вступили въ Переяславль" [2]).

Съ этихъ поръ г. Переяславлемъ управляетъ Владиміръ Мономахъ. Пребываніе послѣдняго въ этомъ городѣ было чрезвычайно труднымъ: приходилось много терпѣть и отъ войны, и отъ голода, и отъ постоянныхъ тревогъ, порождаемыхъ междоусобицами. „Многы бѣды пряхомъ отъ рати и отъ голода" сокрушенно вспоминаетъ Мономахъ объ этомъ времени [3]). Дѣйствительно, набѣги половцевъ становятся все смѣлѣе и смѣлѣе: нападать и грабить юго-восточныя окраины Руси при безпрестанныхъ раздорахъ среди князей было чрезвычайно легко; трудно было только умѣло защищать ихъ. На долю Владиміра Мономаха, въ силу географическаго положенія Переяславльской земли, выпала нелегкая задача регулировать отношенія Русской земли къ степи. Это условіе, правда, чрезвычайно тяжелое, было причиной той руководящей роли въ русскихъ дѣлахъ, какой пользовался Владиміръ Мономахъ, какъ во время своего правленія въ Переяславльскомъ удѣлѣ, такъ и позже, въ бытность великимъ княземъ кіевскимъ. Энергія, предпріимчивость и постоянныя заботы объ огражденіи народныхъ ин-

---

[1]) Ип. л., с. 157—8; Ник. л., с. 123; Воскр. л., с. 7. Лавр. л., с. 218; Костомаровъ, I, с. 194.

[2]) Сводн. лѣт., с. 331, Поученіе Вл. Мономаха.

[3]) Поученіе Влад. Мономаха, Лавр. л., с. 240.

тересовъ, о которыхъ Мономахъ радѣлъ болѣе другихъ князей, были причиной того, что народъ уважалъ этого князя, назвалъ его „добрымъ страдальцемъ за Русскую землю“. Эта страда за народные интересы началась, собственно говоря, со времени ухода Мономаха въ Переяславль, въ 1094-мъ году. Такъ, уже съ первыхъ дней своего пребыванія въ Переяславлѣ Владиміръ Мономахъ долженъ былъ воевать съ половцами: онъ ходилъ на нихъ въ степи, за Римовъ, побѣдилъ ихъ и, обогатившись полономъ, возвратился[1]). Однако, походъ на половцевъ не только не повліялъ сдерживающимъ образомъ на степняковъ, но еще больше раздражилъ ихъ. Въ 1095-мъ году половцы появляются въ окрестностяхъ Переяславля, въ большомъ количествѣ, подъ предводительствомъ своихъ двухъ князей—Итларя и Китана[2]). Приблизившись къ Переяславлю, половцы отправили къ Владиміру Мономаху пословъ, очевидно, съ намѣреніемъ переговорить о мирѣ, т. е., о куплѣ послѣдняго. Застигнутый врасплохъ, Владиміръ не зналъ, какъ ему поступить въ данномъ обстоятельствѣ. Отказать половцамъ въ переговорахъ было рискованно; но и сдаться на всѣ условія, предложенныя половцами, было преждевременнымъ, а потому Мономахъ рѣшилъ сначала устроить переговоры. По требованію половцевъ, въ обезпеченіе наряжаемыхъ для переговоровъ половецкихъ пословъ, Владиміръ поклялся въ ихъ неприкосновенности и кромѣ того отдалъ половцамъ въ заложники своего сына, Святослава. Тогда Итларь, съ отборной свитой, вошелъ въ Переяславль, а Китанъ остановился съ войскомъ близъ города, между валами[3]). Положеніе Владиміра Мономаха было чрезвычайно труднымъ: приходилось волей-неволей подчиняться требованіямъ степняковъ, которые, очевидно, задались цѣлью принудить Переяславльскую землю къ заключенію мира на выгодныхъ для себя условіяхъ. Княжеская дружина была противъ половцевъ. Сознавая непрочность и непродолжительность соглашеній съ половцами, близкіе Владиміру лица совѣтывали ему избить вошедшихъ въ городъ половецкихъ пословъ. Владиміръ не соглашался: съ одной стороны, онъ поклялся въ безопасности вошедшихъ половцевъ, съ другой—въ половецкомъ станѣ находился заложникомъ его собственный сынъ, Святославъ. Въ это именно трудное для Владиміра время пребываетъ въ Переяславль изъ Кіева, отъ Святополка, довѣренное лицо, нѣкто Славята, очевидно, съ какими-то тайными порученіями[4]). Между тѣмъ

---

[1]) „И идохомъ на вои ихъ за Римовъ, говоритъ Мономахъ въ своемъ Поученіи,—и Богъ ны поможе, избиша и, а другыя поимаша“. Свод. л., стр. 331.

[2]) Ипат. лѣт., с. 158. Лавр. л., с. 219; Ник. л., с. 124; Воскр. л., 8. Татищевъ, II, 132.

[3]) Ипат. л., с. 158; Лавр. л., с. 219. Ник. л., с. 124; Воскр. л., 8.

[4]) Лѣтопись передаетъ, что Славята прибылъ въ Переяславль отъ Кіевскаго князя „на нѣкое орудіе“. Ипат. лѣт., с. 158.

Итларь со свитой вошелъ въ Переяславль и помѣстился въ домѣ посадника Ратибора. Тогда Владиміръ тайно созвалъ своихъ дружинниковъ и просилъ у нихъ совѣта, какъ поступить теперь? Дружина и Славята твердо стояли на томъ, что церемониться съ врагами нечего, и что имъ слѣдуетъ отплатить такимъ же вѣроломствомъ, какое терпѣлось постоянно русскими въ ихъ столкновеніяхъ со степью. Владиміръ долго не соглашался нарушить слова, но, наконецъ, уступилъ, предоставивъ только другимъ устроить все это дѣло. Съ наступленіемъ ночи въ половецкій станъ, расположенный между валами, были посланы опытные дружинники и торки, которые тихо выкрали Святослава, убили Китана и его свиту и затѣмъ возвратились въ городъ [1]). Итларь спокойно почивалъ у Ратибора и ничего не зналъ о случившемся ночью. Утромъ, когда половцы проснулись, Ратиборъ предложилъ Итларю со свитой, прежде чѣмъ идти для переговоровъ къ Владиміру, вымыться и подкрѣпить свои силы. Половцы согласились и отправились въ избу, назначенную для омовенія; но едва только они вошли въ нее, какъ ихъ тамъ заперли и затѣмъ, пробравши сверху потолокъ, перебили стрѣлами какъ Итларя, такъ и всѣхъ его спутниковъ [2]). Такъ погибли довѣрчиво вошедшіе въ Переяславль половецкіе послы. Потерявшіе своихъ вождей половцы отступили, и Переяславль былъ спасенъ. Однако, опасность со стороны степи еще не миновала: можно было ожидать новыхъ нападеній половцевъ. Въ виду этого, Святополкъ II и Владиміръ Мономахъ рѣшили идти на половцевъ. Отправляясь въ походъ, князья прислали приглашеніе также и къ Олегу идти на поганыхъ. Олегъ сначала согласился, но потомъ, подъ разными предлогами, уклонялся отъ участія въ немъ [3]). Походъ былъ удаченъ. За р. Голтавомъ русскіе встрѣтили половецкія вежи, забрали ихъ и множество скота, лошадей, верблюдовъ, челяди, и съ торжествомъ возвратились домой [5]). „И вежи ихъ взяхомъ, шедше за Голтавомъ"—говорится въ Поученіи Мономаха [6]).

Уклоненіе Олега отъ похода на половцевъ находилось въ тѣсной связи съ тѣми отношеніями, какія установились у этого Гориславича со степью. Достиженіе Олегомъ отцовскаго престола, какъ извѣстно, обошлось при сильномъ участіи половцевъ; послѣдніе были хорошо извѣстны Олегу, который подолгу живалъ среди нихъ, свелъ дружбу съ половецкими ханами, держалъ при себѣ сына Итларя, а потому—

---

1) Ипат. лѣт., с. 158. Лавр. л., с. 220. Ник. л., с. 124; Воскр. л., с. 8.
2) Ипат. лѣт., с. 158. Лавр. л., с. 220. Ник. л., с. 124; Воскр. л., с. 8.
3) Ипат. л., с. 159. Лавр. л., с. 220; Ник. лѣт. с. 124. Татищевъ, II, с. 154.
4) Ипат. л., с. 159. Ник. л., с. 124; Воскр. л., с. 8.
5) Ипат. л., с. 159; Лавр. л., с 220.
6) Свод. лѣт., с. 331.

выступать противъ своихъ пріятелей было бы крайне не тактично со стороны Олега. Видя Олегову уловку, Святополкъ и Владиміръ потребовали отъ Черниговскаго князя, чтобы онъ или выдалъ Итларевича, или же убилъ его, такъ какъ „то есть ворогъ намъ и Кіевской землѣ“ [1]). Олегъ отказалъ на отрѣзъ: не въ характерѣ было этого князя вѣроломничать съ беззащитнымъ и довѣрчивымъ союзникомъ. „И бысть межи ними ненависть“,—повѣствуетъ лѣтопись.

Съ этихъ поръ замѣчается среди русскихъ князей рѣзкая противоположность во взглядахъ на политическія отношенія къ степи. Со стороны Кіева и Переяславля, какъ наиболѣе заинтересованныхъ спокойствіемъ въ своихъ приднѣпровскихъ земляхъ, проявляются попытки не только оказывать быстрый, своевременный отпоръ врагамъ по границамъ и внутри страны, но даже проникнуть внутрь степей, чтобы ослабить силы враговъ. Съ теченіемъ времени вырабатывается цѣлая система борьбы со степняками, которые съ нѣкотораго времени начинаютъ оказывать чрезвычайно сильное вліяніе какъ на торговлю, и промыслы, такъ и на отношенія князей другъ къ другу. Вообще, въ это время замѣчается на Руси двоякое направленіе относительно половцевъ: одно—со стороны Кіева, другое—изъ Чернигова; представители кіевской политики старались путемъ мирныхъ договоровъ, или же силою оружія обуздать степняковъ, оборонить отъ нихъ свои торговые пути; черниговскій же князь, вспоминая крупныя услуги половцевъ, старается ладить съ половцами, и не только не воюетъ съ ними, но постоянно считаетъ ихъ своими союзниками. Впрочемъ, оба эти направленія сливаются затѣмъ и перепутываются, когда, вслѣдствіе добровольнаго соглашенія князей между собою, на время устанавливается среди нихъ болѣе или менѣе мирный порядокъ вещей.

Отказъ Черниговскаго князя отъ участія въ походѣ на половцевъ открылъ князьямъ, какой политики придерживался Олегъ Святославичъ. Тогда Святополкъ и Владиміръ М., заинтересованные въ защитѣ своихъ земель отъ набѣговъ кочевниковъ, придумываютъ средства, чтобы подчинить себѣ Олега. Князья рѣшаютъ опереться на ту силу, раздражать которую было и не выгодно, и опасно: они передаютъ о поступкѣ Олега народному собранію, составленному изъ духовныхъ и свѣтскихъ представителей, и зовутъ Олега дать отвѣтъ передъ этимъ собраніемъ: „посовѣтуемся,—говорятъ князья,—съ епископами, игуменами, передъ мужами отцевъ нашихъ и передъ горожанами, какъ намъ оборонять Русскую землю отъ поганыхъ“ [2]). Олегъ гордо отвѣтилъ: „не

---

[1]) Ипат. л., с. 159. Ник. л., с. 124; Лавр. л., с. 221; Воскр. л., с. 8.

[2]) Ипат. л., с. 160. Лавр. л., с. 222; Ник. л., с. 125; Воскр. л., с. 9. Татищевъ, II, с. 158.

пристало мнѣ, князю, быть судимымъ епископами, чернецами или же смердами"—и на зовъ князей не явился[1]). Тогда князья послали сказать ему: „ты отказываешься идти вмѣстѣ съ нами на поганыхъ; ты даже не желаешь явиться на общій совѣтъ; значитъ, ты мыслишь злое на насъ; не пеняй же тогда, если мы пойдемъ на тебя войною: пусть разсудитъ насъ Богъ!" и, собравъ войска, пошли къ Чернигову. Олегъ ушелъ изъ послѣдняго и затворился въ Стародубѣ, близъ котораго находились волости его родичей. Князья осадили Стародубъ[2]). Послѣ долгой осады Олегъ сдался и попросилъ у князей мира. Святополкъ и Мономахъ согласились, но предварительно потребовали, чтобы Олегъ и Давидъ (смоленскій князь) явились бы черезъ нѣсколько времени въ Кіевъ, для разрѣшенія на сеймѣ спорныхъ вопросовъ. Олегъ согласился и, въ знакъ вѣрности своихъ словъ, поцѣловалъ св. крестъ[3]).

Между тѣмъ, какъ князья воевали близъ Стародуба, союзники Олеговы, половцы, напали на Русскія земли. Одна часть половцевъ, подъ начальствомъ шелудиваго Боняка, подошла къ Кіеву и, пограбивъ въ окрестностяхъ, разорила въ Берестовомъ княжескій дворъ, другая, предводимая ханомъ Курей, въ концѣ мая (24 числа), напала на окрестности Переяславля и сожгла тамъ г. Устье[4]). Узнавъ объ этомъ Святополкъ и Владиміръ М. поспѣшили домой. Но едва они достигли Кіева, какъ новая орда половцевъ, подъ начальствомъ Тугорхана, напала на Переяславль. Переяславльцы затворились въ городѣ, а половцы осадили его[5]). На выручку осажденнымъ выступили Святополкъ Кіевскій и Владиміръ Мономахъ. Русское войско ночью достигло переправы черезъ Днѣпръ, который и былъ перейденъ возлѣ Заруба. Переправа войска была совершена такъ тихо, что половцы даже не слыхали ея[6]). Приготовившись къ сраженію, русское войско направилось къ Переяславлю; жители послѣдняго, завидя подходящую помощь, сильно обрадовались и высыпали ей на встрѣчу изъ города. Половцы стояли на другой сторонѣ р. Трубежа въ полной готовности вступить въ бой. Тогда Святополкъ и Владиміръ М. отыскавъ бродъ, перешли рѣку Трубежъ и начали строить свои войска къ сраженію. Но войска еще не были окончательно построены, какъ началось сраженіе; русская конница, достигшая другого берега, безъ всякаго приказа, бросилась на половцевъ и обратила ихъ въ бѣгство. Русское войско начало преслѣдовать бѣгущихъ, поражая ихъ на пути. Дорого поплати-

---

1) Ипат. л., с. 160.
2) Ипат. л., 160—161; Лавр. л., с. 222; Ник. л., с. 125; Воскр. л., с. 9.
3) Ibidem.
4) Ипат. л., с. 161—2; Лавр. л., с. 223.
5) Ibidem.
6) Ibidem.

лись тогда половцы: кромѣ множества убитыхъ простыхъ воиновъ, пало нѣсколько половецкихъ князей и въ числѣ ихъ тесть Святополка, Тугорканъ, и его сынъ [1]). Тѣло убитаго Тугоркана было перевезено въ Кіевъ и похоронено близъ Берестова [2]). Въ тотъ же годъ половцы нападали во многихъ мѣстахъ и на правой сторонѣ Днѣпра, особенно на Поросьѣ, вслѣдствіе чего Святополкъ вынужденъ былъ выстроить укрѣпленіе на Витичевскомъ холмѣ и назвалъ его „Святополчимъ градомъ" [3]). Въ Поученіи Владиміра Мономаха упоминаются его походы за Рось [4]).

Такое усиленное нападеніе половцевъ на южно-русскія окраины объясняется, какъ кажется, тѣмъ обстоятельствомъ, что изъ степей въ русскіе предѣлы началось усиленное движеніе торковъ. Указаніе на это мы находимъ въ Поученіи Владиміра Мономаха. Такъ, послѣ упоминанія о походѣ на Боняка, сказано, что къ Мономаху пришли изъ степей „исъ Половець" торки Читѣевичи, на встрѣчу которымъ Мономахъ выходилъ на Сулу [5]). Весьма вѣроятно, что приходъ торковъ въ русскія земли произошелъ послѣ жестокаго пораженія половцевъ подъ Переяславлемъ, вслѣдъ за которымъ могъ быть русскій походъ въ степи. Въ своемъ Поученіи Мономахъ упоминаетъ, что онъ ходилъ на половцевъ „съ Вороницы" [6]).

Энергичныя и успѣшныя дѣйствія союзныхъ русскихъ князей противъ половцевъ были не особенно то пріятны Олегу, котораго опять обошли землями. Тогда этотъ энергичный князь предпринимаетъ отчаянную попытку утвердиться въ ростово-суздальскомъ краѣ, въ чемъ и успѣваетъ, изгнавъ Мономахова сына, Изяслава Владиміровича, который погибъ въ битвѣ [7]). Соединенныя силы Мономаховыхъ сыновей, Мстислава и Изяслава, заставили смириться Олега [8]).

Несомнѣнно, интересы Русской земли сильно страдали и отъ набѣговъ кочевниковъ, и отъ княжескихъ раздоровъ. Утомленные всѣмъ этимъ князья рѣшили собраться и сообща устроить свои дѣла.

Въ 1097 году произошелъ извѣстный въ исторіи Любечскій съѣздъ, на которомъ была выработана князьями программа дѣлежа удѣльныхъ

---

[1]) Ипат. л., с. 160—1; Лавр. л., с 224; Ник. л., с 125. Татищевъ, II, 161.

[2]) Ibidem. Воскр. л., с. 9.

[3]) Въ 1096 г. Половцы осаждали г. Юрьевъ, заставивъ жителей его уйти въ Кіевъ. Ипат лѣт., с. 159—160.

[4]) „И на Богъ идохомъ съ Святополкомъ на Боняка за Рось". Свод. л., с. 331.

[5]) „Тогда же и Торци придоша ко мнѣ, ис Половець, Читѣевичи, идохомъ противу имъ на Сулу". Свод. л., с. 331.

[6]) „Паки идохомъ другое с Вороницѣ". Свод. лѣт., с. 331.

[7]) Ипат. л., с. 165 и слѣд. Ник. л., с. 127; Воскр. л., с. 10.

[8]) Ibidem.

земель, взаимныхъ отношеній между собою и отношеній къ половцамъ [1]) „Зачѣмъ намъ губить Русскую землю,—говорятъ князья; это, вѣдь, только на руку половцамъ, которые пользуются неурядицами и губятъ насъ; надо жить мирно и дружно, каждый въ своемъ удѣлѣ, чтобы соблюсти Русскую землю!“ [2]). На любечскомъ съѣздѣ были закрѣплены удѣлы за семьями тѣхъ князей, которые получили ихъ. Такъ, Переяславльская земля досталась на долю Владиміра Мономаха, Черниговскія земли были подѣлены между Давидомъ, Олегомъ и Ярославомъ Святославичами, Кіевомъ владѣлъ Святополкъ Изяславичъ и т. д. [3]).

Любечскій съѣздъ, задуманный для умиротворенія князей между собою, не достигъ цѣли; напротивъ, надѣленіе удѣлами нѣкоторыхъ князей возбудило зависть въ другихъ, и результатомъ такихъ обострившихся отношеній было извѣстное въ исторіи варварское ослѣпленіе Василька Ростиславича, котораго оклеветалъ передъ кіевскимъ княземъ Давидъ Игоревичъ [4]). Слухъ объ этомъ злодѣйствѣ вскорѣ достигъ Владиміра Мономаха, и такъ какъ о послѣднемъ также была пущена молва, будто онъ хочетъ смѣстить Святополка съ престола, то приходилось взяться за оружіе. Мономахъ извѣстилъ обо всемъ Давида и Олега и просилъ ихъ придти на помощь [5]). Святославичи, сильно смущенные такимъ жестокимъ поступкомъ съ Василькомъ, явились съ войсками къ Владиміру Мономаху и вмѣстѣ съ нимъ двинулись къ Кіеву, на Святополка. Подошедши къ Кіеву, князья послали узнать, по чьему приказу ослѣпленъ Василько. Святополкъ испугался и началъ отговариваться, что ослѣпленіе произошло не по его винѣ, но ему не повѣрили и приготовились приступомъ взять городъ. Только мольбы мачихи Мономаховой и митрополита—не проливать крови—отвратили бѣду. Мономахъ согласился на миръ, но съ условіемъ, чтобы Святополкъ лично наказалъ коварнаго Давида [6]). Святополкъ обѣщалъ, но все медлилъ и только въ 1099 году выступилъ на Давида. Давидъ былъ наказанъ отнятіемъ нѣсколькихъ городовъ [7]). Однако, вѣроломный князь не унывалъ. Воспользовавшись тѣмъ, что корыстолюбивый Святополкъ захотѣлъ отнять отъ Ростиславичей часть Волыни, подъ тѣмъ якобы предлогомъ, что отецъ его когда-то имѣлъ удѣлъ на Волыни, Давидъ Игоревичъ вмѣшивается въ борьбу и, при помощи по-

---

[1]) Ипат. лѣт., с. 167. Лавр. лѣт., с. 247; Ник. лѣт., 129; Воскр., 12. Татищевъ II, с. 170—1.

[2]) Ibidem.

[3]) Ibidem.

[4]) Ипат. лѣт., с. 170—175.

[5]) Ibidem, с. 171; Лавр. л., с. 252—3; Воскр., 14; Татищевъ, II, с. 177.

[6]) Ипат. л., с. 172; Ник. л., с. 132. Лавр. л., с. 254; Соловьевъ, II, 57—8.

[7]) Ibidem, Соловьевъ, II, с. 59—60.

ловцевъ, успѣваетъ захватить въ свои руки нѣсколько городовъ и въ числѣ ихъ г. Владиміръ-Волынскій[1]). Кіевскому князю былъ крайне непріятенъ захватъ Давидомъ г. Владиміра; поэтому онъ рѣшаетъ созвать новый съѣздъ князей для наказанія Давида. Съѣздъ, какъ извѣстно, состоялся въ 1100 году, въ Витичевѣ[2]), гдѣ были подтверждены статьи прежняго, любечскаго съѣзда, о владѣніи каждымъ княземъ своей отчиной; онъ рѣшилъ также дѣло Давида Игоревича, который былъ лишенъ г. Владиміра и нѣкоторыхъ другихъ городовъ[3]). Такъ какъ на этомъ съѣздѣ произошло нѣкоторое измѣненіе въ распредѣленіи земель, то явилось нѣсколько недовольныхъ лицъ, которыя были готовы начать борьбу, но Владиміръ Мономахъ уговорилъ ихъ не затѣвать ссоры, а соблюсти клятву, данную на любечскомъ съѣздѣ[4]).

Положеніе Владиміра Мономаха въ это время было чрезвычайно труднымъ, крайне опаснымъ: можно было ожидать новыхъ осложненій, и конечно, новыхъ войнъ. Въ виду этого Владиміръ Мономахъ, въ 1098 году, закладываетъ крѣпость на р. Острѣ[5]). Какъ увидимъ впослѣдствіи, Остерская крѣпость служила базисомъ для переяславльскихъ князей во время ихъ споровъ съ противниками.

Поставленный на стражѣ русской окраины, Владиміръ Мономахъ лучше другихъ видѣлъ недостатки политическаго строя Русской земли и яснѣе другихъ сознавалъ причины ихъ. Мысль о тѣсной федераціи земель для совмѣстныхъ заботъ о благѣ Русской земли была постоянно развиваема Мономахомъ передъ князьями товарищами. Онъ доказывалъ необходимость и цѣлесообразность совмѣстныхъ дѣйствій князей противъ враговъ, такъ какъ интересы каждой части Русской земли были тѣсно связаны другъ съ другомъ и нуждались во взаимной помощи. Въ виду этого, Мономахъ убѣждаетъ князей общими силами дѣйствовать на враговъ, чтобы парализовать ихъ наступленіе на русскіе предѣлы.

Нѣкоторое согласіе среди русскихъ князей, наступившее вслѣдъ за двумя вышеназванными съѣздами, открывало возможность общихъ, совмѣстныхъ дѣйствій противъ степныхъ варваровъ. И въ это именно время открываются ожесточенныя и весьма частыя нападенія половцевъ на Русскія земли[6]). Особенно ожесточаются половцы на Перея-

---

[1]) Ипат. л., с. 179. Лавр. л., с. 259—263.

[2]) Ипат. лѣт., с. 180—181. Ник. л., с. 136; Лавр. л., 263; 17.

[3]) Лавр. л., с. 264; Ипат. лѣт., с. 181.

[4]) Соловьевъ, II, с. 64.

[5]) Ипат. л., с. 179. Татищевъ (II, 195) говоритъ, что Владиміръ построилъ на Острѣ городецъ, который прежде сожгли половцы, и населилъ его.

[6]) „И пакы с Святополкомъ гонихомъ по Боняцѣ, но ли оли убиша, и не постигохомъ его; и потомь по Боняцѣ же гонихомъ за Рось, и не постигохомъ его“.

славльское княжество, служившее имъ не малой помѣхой при нападеніяхъ на внутреннія русскія земли: удерживая враговъ, Переяславльское к-во сильно раздражало степняковъ, которые всѣми силами стараются сломить этотъ оплотъ Русской земли. Для отпора половцамъ было необходимо дружное согласіе князей. Въ виду этого, Владиміръ Мономахъ убѣждаетъ князей идти войной на половцевъ. Князья согласились. Въ походѣ принимали участіе: Святополкъ, Владиміръ Мономахъ, Олегъ и Давидъ Святославичи и нѣсколько другихъ князей. Войска были собраны на Золотчѣ [1]). Половцы скоро провѣдали объ этомъ и поспѣшили послать къ князьямъ своихъ пословъ съ предупредительными предложеніями о мирѣ. Князья согласились, но съ условіемъ, чтобы половцы выслали въ Саковъ своихъ уполномоченныхъ для переговоровъ. Саковскіе переговоры окончились мирнымъ договоромъ между русскими и половцами; въ обезпеченіе мира обѣ стороны выдали другъ другу заложниковъ [2]). Но миръ съ половцами не могъ быть прочнымъ: половцы выжидали только удобнаго момента, чтобы напасть на враговъ; кромѣ того, половцы представляли множество ордъ, изъ которыхъ каждая могла дѣйствовать самостоятельно и независимо другъ отъ друга. Слѣдовательно, надѣяться на спокойствіе со стороны степи было трудно.

Кажется, къ этому времени относится нападеніе Боняка на Посуліе: „и Бонякъ приде со всѣми Половци къ Кснятиню, — говоритъ Владиміръ Мономахъ въ своемъ Поученіи — „идохомъ за пя ис Переяславля за Сулу, и Богъ ны поможе, и полкы ихъ побѣдихомъ, и князи изъимахомъ лѣпшии“ [3]).

Такое неопредѣленное положеніе къ степи русскихъ окраинъ заставило князей нѣсколько измѣнить свою политику по отношенію къ половцамъ. Вмѣсто оборонительной войны, проглядываетъ необходимость вести войну наступательную, и это тѣмъ болѣе, что враги начинаютъ систематически нападать на Русскую землю, подрывая ея благосостояніе. Святополкъ и Владиміръ Мономахъ рѣшаютъ созвать для этого князей. Въ 1103 году въ назначенное время князья съѣхались у Долобска и начали обсуждать, какія мѣры надо предпринять для борьбы съ половцами [4]). Княжеская дружина, принимая во вниманіе весеннее время, столь необходимое для полевыхъ работъ, совѣтовала не спѣшить съ походомъ. Напротивъ, Мономахъ доказывалъ всю неосновательность такихъ доходовъ. „Странно мнѣ слышать, — говорилъ Мономахъ, — что

Свод. лѣт., с. 331. Къ этому времени, вѣроятно, относится переселеніе части торковъ и печенѣговъ въ г. Юрьевъ. См. Молчановскій. Ист. Подол. з., с. 59.

[1]) Ипат. лѣт., с. 181. Лавр. л., с. 137. Воскр., с. 18. Татищевъ, II, с. 197.

[2]) Ibidem.

[3]) Свод. лѣт., с. 332.

[4]) Ипат. лѣт., с. 183; Лавр. л., с. 267; Ник. л., 138; Воскр., 19; Татищевъ, II, с. 199.

дружина отклоняетъ походъ, говоря, что мы погубимъ пахаря и его дѣло; а не знаетъ-ли она того, что когда выйдетъ пахарь въ поле, на работу, то наѣдетъ половчинъ, ударитъ его стрѣлою, лошадь возьметъ, да потомъ и жену, и дѣтей пахаря, и все имѣніе его"...[1]). Никто не могъ ничего возразить противъ справедливости этихъ словъ, и походъ былъ рѣшенъ. „Великое добро сдѣлаешь Русской землѣ" сказалъ Мономахъ Святославу, когда тотъ согласился на войну. Было послано приглашеніе и другимъ князьямъ принять участіе въ походѣ. Изъ Святославичей Давидъ участвовалъ въ походѣ, Олегъ же отказался: „не здравлю"—послалъ онъ сказать князьямъ[2]).

Весною 1103 года множество князей и войска собралось у Переяславля и немедленно же выступили въ походъ[3]). Конница шла берегомъ; пѣшее войско плыло на судахъ[4]). Походъ былъ задуманъ далеко въ степи. Прошедши пороги, русскіе высадились на о-въ Хортицу и, подождавъ пока собрались всѣ войска, выступили въ степи. Четыре дня шли русскіе степью, пока, наконецъ, достигли половецкихъ кочевьевъ. Половцы не ожидали такого смѣлаго похода русскихъ и потому пришли въ замѣшательство. Они собрались на совѣщаніе, чтобы рѣшить, воевать-ли съ русскими или же просить у нихъ мира. Опытный половецкій ханъ, Урусоба, совѣтовалъ поскорѣе заключить миръ съ русскими; другіе, болѣе молодые, напротивъ, стояли за борьбу, въ надеждѣ побѣдить русскихъ и разграбить ихъ земли[5]). Партія войны взяла верхъ, и сраженіе завязалось. Высланный противъ русскихъ половецкій отрядъ съ Алтунопой во главѣ былъ разбитъ на голову: самъ Алтунопа палъ въ битвѣ. Послѣдующее затѣмъ крупное сраженіе было совершенно проиграно половцами, которые потеряли при этомъ множество войскъ и около 20-ти князей[6]). Въ руки побѣдителей досталось множество скота, лошадей, овецъ, верблюдовъ „и вежѣ с добыткомъ и съ челядью, и заяша Печенѣги и Торъки с вежами"[7]). Владиміръ Мономахъ безпощадно преслѣдовалъ враговъ: онъ велѣлъ казнить плѣннаго половецкаго князя, Белдюзя, не смотря на то, что послѣдній предлагалъ за себя дорогой выкупъ[8]). Такимъ образомъ, походъ окончился блистательно, и съ этого времени въ Русской землѣ на Мономаха начали смотрѣть съ еще большимъ уваженіемъ.

---

[1]) Ibidem.
[2]) Ibidem. Долобскъ или Долобское—урочище на лѣвой сторонѣ Днѣпра противъ г. Кіева.
[3]) Ibidem.
[4]) Ипат. л, с. 183; Лавр. л., с. 267; Свод. лѣт., с. 208.
[5]) Ипат. лѣт., с. 183—4. Лавр. л., с. 268—9; Ник. л., с. 139. Татищевъ II, с. 200—1.
[6]) Ibidem. Воскр. л., с. 19—20.
[7]) Ibidem.
[8]) Лавр. л., с. 268; Свод. л., с. 209; Соловьевъ, II, с. 71; Ник. л., 139.

Понятно, походъ въ степи и сокрушеніе половецкихъ вежъ далеко не устраняли еще той опасности, которая постоянно грозила съ востока. Дѣйствительно, вскорѣ послѣ этого похода князей въ степи, половцы неожиданно пробираются въ русскія земли. Такъ, въ 1105 году, зимой, явился Бонякъ съ половцами у Заруба (противъ устья Трубежа на правой сторонѣ Днѣпра) и разбилъ торковъ и берендѣевъ [1]). Въ слѣдующемъ году половцы опять воюютъ на правой сторонѣ Днѣпра, возлѣ Зарѣчьска [2]). Высланное изъ Кіева войско Святополка разбило хищниковъ и отобрало множество полону [3]).

Переяславльская земля также подвергается систематическому грабежу со стороны степняковъ. Такъ, въ маѣ 1107 года хищный Бонякъ напалъ на окрестности Переяславля, опустошилъ ихъ и, захвативъ съ собою лошадей, удалился [4]). Набѣгъ на окрестности Переяславля былъ только преддверіемъ другихъ болѣе грозныхъ нападеній со стороны степи. Въ томъ же 1107 г. половцы, подъ предводительствомъ Боняка и Шаруканя и многихъ другихъ хановъ, подступили къ Лубнамъ и остановились на лѣвой сторонѣ р. Сулы, въ виду города. Князья, очевидно, ожидали нападенія половцевъ и потому для предупрежденія враговъ быстро выступили на нихъ. Достигши Лубенъ, русскіе немедленно же перешли вбродъ черезъ р. Сулу и съ крикомъ бросились на непріятелей. половцы растерялись, пришли въ страшное замѣшательство и обратились въ бѣгство, не оказавъ никакого отпора противникамъ; русскіе погнались за бѣгущими половцами и истребили ихъ огромное количество. Преслѣдованіе продолжалось до самаго г. Хорола. Во время преслѣдованія былъ убитъ ханъ Таазъ, братъ Боняка; другой ханъ, Сугра, попалъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ окружающими его; Шаруканъ и Бонякъ едва спаслись бѣгствомъ. Въ руки побѣдителей достался весь половецкій станъ со множествомъ плѣнниковъ-христіанъ, которыхъ князья отпустили домой [5]). Вспоминая о побѣдѣ подъ Лубнами, Моно-

---

[1]) Ипат. л., с. 186. О Зарубѣ см. Погодина, IV, с. 154—5. Барсова, Мат. для геогр. слов. Р., с, 76; Грушевскаго. Ист. к. з., с, 34.

[2]) Лавр. л., с. 270. Зарѣчьскъ—городъ въ Кіевской землѣ на р. Стублѣ, впадающей въ Горынь. См. Грушевскаго. Ист. Кіев. з., с. 12. Погодина, VI, с. 163; Барсова, Матер. для геогр. слов. Р., с. 77.

[3]) Ипат. л., с. 186. Лавр л., с. 270; Ник. л., с. 140. Татищевъ, II, с. 204.

[4]) Ibidem.

[5]) Ипат. л., с. 186—7; Лавр. л., с. 271; Свод. л., с. 212; Воскр., 21. Нападеніе Боняка на Посулье не было внезапнымъ, неожиданнымъ набѣгомъ: половцы, повидимому, нѣсколько времени уже грабили восточныя окраины переяславльскихъ земель, потому что Святополкъ и Владиміръ Мономахъ успѣли собрать въ это время большое войско и подойти къ Лубнамъ. Кромѣ того, у половцевъ было уже множество полону. Интересно замѣтить, что въ этомъ походѣ принималъ участіе и Олегъ Святославичъ, раньше уклонявшійся отъ похода на половцевъ.

махъ говоритъ въ своемъ Поученіи: „и потомь паки на Боняка к Лубьну (идохомъ), и Богъ ны поможе“ [1]).

Энергичный отпоръ врагамъ, оказанный совмѣстными силами князей, и блестящій успѣхъ его далъ возможность князьямъ подумать о серьезномъ обузданіи кочевниковъ, которые мѣшали южно-русской терговлѣ, затрудняли пути ея. Кажется, съ этою цѣлью въ 1109 посылалъ Владиміръ Мономахъ своего воеводу, Дмитра Игоревича, съ войскомъ къ Дону, на половцевъ [2]). Походъ былъ удаченъ: тысяча вежъ половецкихъ досталась въ руки побѣдителей [3]).

Стараясь всѣми мѣрами не допускать русской земли до разоренія, князья пытаются мирными договорами и путемъ браковъ съ половцами отвратить опасность отъ своихъ земель [4]). А опасность была велика, такъ какъ народъ уходилъ изъ ежегодно разоряемыхъ кочевниками земель; торговые пути, затрудняемые кочевниками, глохли; народная производительность падала. Такимъ образомъ, отношенія къ степи въ это время были самымъ жгучимъ вопросомъ, одинаково важнымъ для всѣхъ отдѣловъ южно-русской земли. Теперь открывается цѣлая эпоха наступательныхъ движеній руси на половцевъ, которые, придвинувшись къ русскимъ предѣламъ, совершаютъ рядъ набѣговъ на русскія земли. Особенно много наносилъ вреда Русской землѣ хищный, „шолудивый Бонякъ“, неутомимо врывавшійся и опустошавшій русскія окраины. Съ цѣлью отраженія могущихъ явиться изъ степей половцевъ въ 1110 году организуется при участіи Святополка, Владиміра М. и Давида новый походъ въ степи. Но войска, дошедши до Воиня, возвратились назадъ, какъ кажется, вслѣдствіе падежа лошадей [5]).

Между тѣмъ, въ томъ же 1110-мъ году половцы прорвались внутрь Переяславльскихъ земель и разорили у самаго г. Переяславля множество селъ. Обратный путь половцевъ обозначался цѣлымъ рядомъ выжженыхъ и разоренныхъ селъ и деревень [6]). Это уже было не простымъ грабежемъ, а сознательнымъ желаніемъ подорвать въ корень благосостояніе юго-восточной окраины Руси. Тогда Мономахъ снова убѣждаетъ князей предпринять походъ въ степи [7]). Князья согласились. Въ по-

---

[1]) Свод. лѣт., с. 331.

[2]) Ипат. л., с. 188; Лавр. лѣт., с. 273; Ник. л., 141; Воскр. л., с. 21. Татищевъ, II, с. 206.

[3]) Ibidem.

[4]) Мономахъ женилъ своего сына, Юрія, на половецкой княжнѣ, дочери хана Аэпы, Асеневой внукѣ; Олегъ женилъ своего сына на внукѣ хана Гиргеня. Ипат. л., с. 187. Лавр. л., с. 272. Карамзинъ, II, 203-е примѣчаніе.

[5]) Ипат. л., с. 188; Лавр. л, с. 273; Ник. л., 141. Карамзинъ, II, 203.

[6]) Ипат. л., с. 188; Свод. лѣт., с. 215; Татищевъ, II, с. 206.

[7]) Лѣтопись передаетъ, что предпріятіе на половцевъ было устроено, „думою и похотѣніемъ Мономаха“. Ипат. л., с. 192.

ходѣ принимали участіе: Владиміръ Мономахъ, Святополкъ и Давидъ,— каждый со своими сыновьями. Серьезная мысль руководила этимъ походомъ: Южная Русь дѣлала попытки вновь воспользоваться во всей широтѣ тѣми путями, какіе вели на югъ, къ русскимъ прибрежнымъ владѣніямъ, оттертымъ кочевымъ ураганомъ съ востока. Союзныя войска выступили весной 1111-го года, на 2-й недѣлѣ поста (въ половинѣ марта) и черезъ 5 дней достигли р. Сулы, на шестой были на Хоролѣ, на 7-й—на берегахъ р. Псла, оттуда шли до Голтвы, гдѣ сдѣлали роздыхъ въ ожиданіи подхода остальныхъ войскъ [1]). Достигши р. Ворсклы, которая являлась границей осѣдлости съ юго-востока, русскіе „приложились ко кресту со многими слезами"—говоритъ лѣтопись—и углубились въ степи.

Нѣсколько дней спустя, они уже стояли на берегахъ тихаго Дона, только что разлившагося весеннимъ половодьемъ [2]). Князья попытались прежде всего разузнать, какое настроеніе было въ придонскихъ городахъ, очевидно, зависѣвшихъ отъ кочевниковъ. Жители г. Шаруканя радушно встрѣтили русскихъ и поднесли имъ въ даръ вино и рыбу, но жители г. Сугрова оказали сопротивленіе и не желали сдаться русскимъ. Тогда Сугровъ былъ взятъ и сожженъ [3]). Въ концѣ марта м-ца русскіе встрѣтились съ половцами возлѣ потока Дегея и вступили въ сраженіе. Половцы были разбиты и обратились въ бѣгство, оставивъ на полѣ брани множество труповъ [4]). Но война еще не была окончена. Спустя два дня половцы, собравъ отовсюду свои силы, вновь выступили въ бой съ русскими. „Подобно дремучему бору", говоритъ лѣтопись „оступили половцы русскіе полки" и завязалась битва. Бой былъ сильный. Гулъ битвы сравнивался лѣтописцемъ съ громомъ. Притиснутые къ р. Салницѣ, половцы были разбиты на голову, оставивъ въ руки побѣдителей свой станъ съ богатой добычей: плѣнниками, стадами лошадей, воловъ, овецъ и друг. богатствами. Съ большимъ торжествомъ и добычей возвратились князья домой [5]). Походы въ степи имѣли большое значеніе для южной Руси. Кромѣ защиты своихъ торговыхъ путей, шедшихъ черезъ степи, русскіе этими далекими походами предупреждали нападенія враговъ и такимъ образомъ охраняли народъ отъ поползновеній со стороны степняковъ; далѣе, походы въ степи поднимали авторитетъ русскихъ силъ среди подчиненныхъ половцамъ кочевниковъ и способствовали послѣднимъ переходить въ русскія земли или же опираться на русскую силу. Такимъ

---

[1]) Ипат. л., с. 192; Воскр. л., с. 21; Татищевъ, II, с. 207.
[2]) Ипат. лѣт., с. 192.
[3]) Ibidem. Ник. л., с. 142; Воскр. л., с. 22.
[4]) Ibidem.
[5]) Ibidem; Лавр. л., с. 275.

образомъ, походы соединенныхъ силъ русскихъ князей въ степи, откуда выходили грозные половцы, страшные своими грабежами, пожарами, неволею, походы въ самую глубь половецкихъ степей, имѣли полный смыслъ и значеніе; они производили сильное впечатлѣніе на народъ, который съ большою любовью и восторженнымъ удивленіемъ относился къ главному инициатору степныхъ походовъ, Владиміру Мономаху, который по народнымъ сказаніямъ „золотымъ шлемомъ пилъ воду изъ синяго Дона", далеко загналъ „окаянныхъ Агарянъ за Желѣзныя ворота".

Въ 1113 году, два года спустя послѣ погрома половцевъ въ придонскихъ степяхъ, умираетъ кіевскій князь, Святополкъ II. На кіевскій престолъ былъ призванъ Владиміръ Мономахъ, который съ этихъ поръ и занимаетъ его. Народъ былъ доволенъ новымъ княземъ, давно уже считавшимся главнымъ руководителемъ южно-русской политики. Уходя въ Кіевъ, Владиміръ Мономахъ назначилъ переяславльскимъ княземъ своего сына, Святослава [1]). Отдавая г. Переяславль своему сыну, Мономахъ зорко наблюдалъ за всѣмъ, что происходило въ этой землѣ. Онъ старался не давать ее въ обиду кочевникамъ. Такъ, когда скончался Святополкъ II, половцы явились было въ Русскіе предѣлы и напали на Вырь [2]). Владиміръ поспѣшилъ отразить враговъ. Онъ немедленно же выступилъ съ сыновьями и племянниками къ г. Ромну и, когда подоспѣлъ изъ Чернигова Олегъ Святославичъ, двинулся на половцевъ; послѣдніе бѣжали въ степи [3]). Въ этомъ походѣ принималъ участіе и недавно назначенный Переяславльскій князь Святославъ Владиміровичъ [4]).

Святославъ Владиміровичъ, однако, не долго княжилъ въ Переяславлѣ. Онъ отличался, повидимому, слабымъ здоровьемъ, такъ что Мономахъ, еще при жизни Святослава, назначилъ въ Переяславль княземъ другого сына, Ярополка [5]). Въ слѣдующемъ, 1114-мъ, году Святославъ Владиміровичъ скончался и былъ погребенъ въ Переяславлѣ, въ церкви св. Михаила [6]). Переяславль остался за Ярополкомъ. Ставши переяславльскимъ княземъ, Ярополкъ Владиміровичъ во всемъ слѣдовалъ указаніямъ отца; онъ дѣятельно заботился о своей землѣ.

---

[1]) „Того же лѣта (1113)—читаемъ въ лѣтописи,—посади (Володимеръ М.) сына своего Святополка въ Переяславлѣ, Вячеслава—у Смоленскѣ". Ипат. л., с. 198. Татищевъ, II, с. 213.

[2]) Ипат. л., с. 187; Лавр. л., с. 276. „И къ Выреви бяху пришли Аепа и Бонякъ, хотѣша взяти и". Свод. лѣт., с. 331.

[3]) Ипат. л., с. 198; Лавр л., с. 276 „Къ Ромну идохъ со Олгомъ и зъ дѣтми на ня, и они, очитивше, бѣжаша" повѣствуетъ Владиміръ Мономахъ.

[4]) Погодинъ, VI, с. 84.

[5]) Ипат. л., с. 199; Татищевъ, II, 214. Соловьевъ, II, с. 90.

[6]) Ibidem. Воскр. л., с. 23

Въ 1116-мъ году Ярополкъ принималъ участіе въ войнѣ съ Глѣбомъ Минскимъ, который былъ побѣжденъ Владиміромъ Мономахомъ и поставленъ въ зависимость отъ него. Во время этой войны Ярополкъ взялъ г. Дрютскъ, жители котораго были отведены въ переяславльскія предѣлы и поселены во вновь отстроенномъ на низовьяхъ р. Сулы городѣ Желни [1]). Въ томъ же году переяславльскій князь, въ союзѣ со Всеволодомъ Давидовичемъ, ходилъ на половцевъ въ придонскія степи и взялъ здѣсь три города: Сугровъ, Шарукань и Балинъ [2]). Въ этомъ походѣ Ярополкъ, по словамъ лѣтописи, полонилъ дочь ясскаго князя, красавицу, и женился на ней. Плѣнные, взятые во время донскаго похода, были поселены въ южной Руси [3]).

Походы русскихъ въ придонскія степи произвели страшное волненіе среди степняковъ: подчиненныя половцамъ племена—торки, печенѣги, берендѣи и пр.,—возстали противъ своихъ притѣснителей—половцевъ. Двое сутокъ шла отчаянная борьба половцевъ съ возставшими. Оказавъ упорное сопротивленіе половцамъ, но не будучи въ силахъ устоять противъ нихъ, торки, берендѣи и печенѣги бросили степи и ушли въ русскіе предѣлы. Они обратились къ Владиміру Мономаху съ просьбой отвести имъ земли для поселенія [4]). Новые пришельцы изъ степей были поселены къ югу отъ Переяславля [5]).

Кромѣ печенѣговъ и торковъ, въ русскіе предѣлы бѣжали и другіе степняки. Такъ, въ 1117-мъ году явились въ Русь бѣловежцы и были поселены у верховьевъ р. Остра [6]).

Въ 1119 году Ярополкъ Владиміровичъ опять ходилъ въ придонскія степи, но, не нашедши половцевъ, возвратился назадъ [7]).

Такимъ образомъ, разрѣжавшееся отъ частыхъ неурядицъ населеніе южно-русскихъ окраинъ пополнялось приливомъ новыхъ силъ изъ степей. Эти новые поселенцы, уходя отъ тяжелой половецкой неволи, являлись заклятыми врагами своихъ притѣснителей и потому были чрезвычайно интересны для русской земли. Впрочемъ, эти полуосѣдлые ко-

---

[1]) Ипат. лѣт., с. 203. Лавр., 276; Воскр., 24; Татищевъ, II, 217: Костомаровъ, I, с. 186.

[2]) Ипат. л., с. 204; Лавр. л., с. 277; Ник. л., с. 150; Воскрес. л., с. 23.

[3]) Ипат. л., с. 204; Никон. л., с. 150; Татищевъ, II. 217; Костомаровъ (I, 186) говоритъ, что взятые съ княжною плѣнники были поселены Ярополкомъ въ его земляхъ. Не есть ли преданіе о поселеніи Гедиминомъ черкассовъ пятигорскихъ *съ княгинею* на р. Слѣпородѣ и другихъ земляхъ—извращенный отголосокъ о походахъ Ярополка? См. Архивъ Юго-З. Р., ч. VII.

[4]) Ипат. л., с. 204; Татищевъ, I, 218.

[5]) Карамзинъ, II, с. 99.

[6]) Ипат. л., с. 205. Татищевъ (II, 220) передаетъ, что бѣловѣжцы пришли въ Русь... а купцы сѣли по разнымъ городамъ.

[7]) Ibidem.

чевники, сохраняя свою вольную жизнь, не всегда были надежнымъ элементомъ: они зачастую доставляли не мало хлопотъ правителямъ Русской земли. Въ 1121 году они начали такъ держать себя въ отведенныхъ имъ предѣлахъ, что Владиміръ Мономахъ велѣлъ изгнать ихъ. По всей вѣроятности, расправа съ берендѣями была не изъ мягкихъ, если торки и печенѣги, узнавши объ этомъ „сами бѣжаша“ изъ изъ предѣловъ Руси [1]). Серьезный тонъ отношеній къ половцамъ заставилъ послѣднихъ отказаться на время отъ крупныхъ походовъ на Русскія земли. Съ 1116 года и до конца дней Мономаха мы не замѣчаемъ половецкихъ набѣговъ. Половцы не осмѣливаются теперь нападать на Переяславльскую землю, защищенную рядомъ крѣпостей по Сулѣ, Удаю, Остру, Трубежу и по другимъ рѣкамъ, подкрѣпляемую постояннымъ притокомъ переселенцевъ изъ степей.

Не меньшія заботы были выказаны Мономахомъ и въ дѣлѣ насажденія христіанскихъ началъ въ странѣ: въ Переяславлѣ въ его правленіе создается на р. Альтѣ обширный храмъ въ честь св. Бориса [2]). Вообще, со временъ Мономаха обращается особенное вниманіе на южно-русскія окраины, прикрывавшія собой внутреннія области Русской земли; это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ это время русской государственной жизни грозила большая опасность, какъ извнѣ, такъ и отъ внутреннихъ неурядицъ. Мы видѣли, какія мѣры принимали князья, Ярославичи, для обезпеченія мира въ странѣ. Благодаря заботамъ своего мудраго отца, Ярославичи имѣли возможность обратить вниманіе на внутреннія неурядицы въ своихъ земляхъ и устранить ихъ общими силами. Когда же старшій Ярославичъ обнаружилъ невниманіе къ народнымъ интересамъ и забвеніе отцовскаго наказа—защищать свои земли,—онъ поплатится двоекратнымъ изгнаніемъ изъ Кіева. Болѣе опытный и прозорливый князь, Святославъ Ярославичъ, силою обстоятельствъ поставленный княземъ въ томъ отдѣлѣ русской земли, который имѣлъ тѣсную связь съ южно - русскими торговыми путями, идетъ по прямому пути народныхъ интересовъ и успѣваетъ вскорѣ смѣстить кіевскаго князя, оказавшагося не на высотѣ своей задачи. Новый князь опирается на народную силу, а не на дружину только. Возвратившійся послѣ смерти Святослава, Изяславъ, продолжаетъ политику своего покойнаго брата, но не надолго, такъ какъ былъ убитъ, въ 1078 году. Всеволодъ — полный подражатель Святослава, особенно по части защиты своихъ окраинъ. Владиміръ Мономахъ энергично

[1]) Лавр. л., 277; Ник. л., с. 151: „того же лѣта бѣжаша Торци и Берендичи изъ Русскіе земли, и тако мятушеся здѣ и однѣ погыбоша“. Воскр., 25.

[2]) Ипат. л., с. 205; Лавр. л., с. 280. Татищевъ (II, 220), сообщаетъ, что въ это время (1118 г.) Владиміръ взялъ своего сына, т е. родственника Глѣба (Всеславича) въ Переяславль и заложилъ здѣсь церковь свв. Бориса и Глѣба.

проводитъ идею необходимаго единства Русской земли для совмѣстной работы па общее благо; при немъ только ярче вырисовалась эта идея вслѣдствіи того, что столкновенія со степью, отрѣзывавшей Русь отъ моря, становились съ каждымъ годомъ все сильнѣе и сильнѣе, а главные торгово-промышленные пути южной Руси при этомъ стѣснялись все болѣе и болѣе. Усиліе спасти южную Русь, терявшую свои торговые рынки и свое населеніе, искавшее спасенія въ другихъ мѣстахъ, съ особенной энергіей и выказывается Владиміромъ Мономахомъ. Слѣдовательно, Мономахъ былъ энергичнымъ продолжателемъ задачи „отцевъ и дѣдъ“ своихъ. Онъ пытается установить тѣсную связь между народомъ и княжеской властью, сознавая, что благосостояніе страны зависитъ отъ дружной совмѣстной работы и согласія ея основныхъ элементовъ. Оттого Мономаху и удается, при помощи народной силы, дать серьезный отпоръ грозному морю кочевниковъ, безконечно приливавшихъ съ востока. Въ дѣлѣ борьбы со степью при Мономахѣ были положены новыя начала, а именно: наступательный образъ дѣйствій вмѣсто оборонительнаго, какъ было раньше. Такимъ образомъ, были намѣчены основы, поставлены задачи, которыя послѣдующіе князья должны были разрѣшать каждый по своимъ силамъ. Результаты дѣятельности Мономаха сказались на дѣлѣ: подъ конецъ жизни Мономаха Переяславльская земля наслаждалась спокойствіемъ: ее не тревожили кочевники.

Но въ 1125 году умираетъ Владиміръ Мономахъ, и половцы, узнавъ объ этомъ, быстро нападаютъ на Переяславльскую землю. Нападеніе было сдѣлано съ сѣверо-востока, отъ верховьевъ Сулы и другихъ рѣчекъ, гдѣ были поселены торки и другія инородческія племена. Половцы, повидимому, разсчитывали поднять ихъ на русскихъ[1]). Но разсчетъ оказался не вѣрнымъ. Какъ только князья узнали о намѣреніи половцевъ, они тотчасъ же распорядились послать въ Баручъ и другіе пограничные города вооруженныя силы, подкрѣпивъ ихъ торками, которыхъ, по выраженію лѣтописи, вогнали въ города[2]). При такихъ условіяхъ нападать на Переяславль было рисковннымъ, и половцы поворотили назадъ; они бросились грабить Посуліе, т. е. области, принадлежащія бассейну р. Сулы. Ярополкъ съ небольшимъ войскомъ быстро двинулся изъ Переяславля и напалъ на половцевъ у Полкостѣня[3]). Половцы быстро оправились, оставили грабежъ и храбро встрѣтили

---

[1]) Ипат. л., с. 208; Лавр. л., с. 280; Половцы „пригнаша скоро изгономъ съ Торкы проклятыми, съ тыми хотяще воевати Русскую землю“—Никон. л., с. 185; Воскр. лѣт., с. 26. Татищевъ (II, 231) говоритъ, что половцы явились подъ начальствомъ кн. Бора, и что они хотѣли полонить жителей Посулья и Похоролья.

[2]) Ипат. л., с. 208; Никон. л., с. 153—4; Воскр. л., с. 26; Лавр. л., с. 280—1.

[3]) Ibidem. Татищевъ, II, 201.

русскихъ. Завязалась отчаянная битва. Русскіе одолѣли враговъ: Ярополкъ на голову разбилъ половцевъ, которыхъ погибло не мало отъ меча, а еще больше перетонуло въ рѣкахъ [1]). Такъ неудачно окончилась для половцевъ попытка пограбить русскія земли. Однако, наступившія вскорѣ несогласія въ Русской землѣ отвлекали вниманіе князей отъ половецкаго вопроса.

Въ 1123 году, въ Черниговѣ, послѣ смерти Давида Святославича, сталъ княжить его меньшой братъ, Ярославъ Святославъ, князь Муромскій [2]). Ярославъ княжилъ въ Черниговѣ не долго: въ 1128 году Всеволодъ Ольговичъ, приходившійся племянникомъ черниговскому князю, изгналъ послѣдняго изъ Чернигова, перебивъ при этомъ его дружину. Въ Черниговѣ, по всей вѣроятности, у Всеволода была своя партія, опираясь на которую и дѣйствовалъ этотъ хитрый князь.

За обиженнаго вступились Мстиславъ и Ярополкъ Владиміровичи [3]). Но помощь не поспѣла во-время. Половцы, пришедши къ Вырю, остановились здѣсь лагеремъ—у Ратмиревой дубравы, а ко Всеволоду отправили пословъ, узнать куда идти. Этимъ обстоятельствомъ и воспользовался Ярополкъ. Ярополковы посадники перехватили на Локнѣ, близъ Выря, половецкихъ пословъ, шедшихъ отъ Всеволода, и отослали ихъ къ Ярополку. Не получая извѣстій изъ Чернигова, половцы какъ говоритъ лѣтопись, „стоскнушеся", и поспѣшно возвратились въ степи [4]). Тогда Всеволодъ попросилъ мира, который, благодаря стараніямъ бояръ и особенно духовенства, и былъ заключенъ, при чемъ Черниговъ остался за Всевозодомъ, а Ярославъ удалился въ свой Муромъ [5]).

Какъ относительно внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ дѣлъ, Мстиславъ I во всемъ слѣдовалъ политикѣ своего отца [6]). Со смертью этого князя открываются крупныя междоусобія, мѣшавшія сознавать необходимость тѣсной связи между землями. Власть великаго князя начинаетъ сильно падать: каждый князь стремится стать вполнѣ независимымъ и самостоятельнымъ: общіе интересы затемняются, стушевываются, а взамѣнъ ихъ возникаетъ борьба старшихъ князей съ младшими.

---

[1]) Ibidem. Татищевъ (II, 251) добавляетъ, что Ярополкъ казнилъ затѣмъ многихъ торковъ за измѣну.

[2]) Ипат. л., с. 206; Никон. л., с. 151; Погодинъ, I, с. 363.

[3]) Не смотря на то, что Всеволодъ О-чъ былъ женатъ на дочери Мстислава, послѣдній идетъ на него войной.

[4]) Ипат. л., с. 209; Лавр. л., с. 282; Ник. л., с. 154; Воскр. л., с. 26. Половцы, по словамъ Ник. л., явились въ количествѣ 17 тысячъ.

[5]) Ibidem.

[6]) Ипат. л., с. 210; Лавр. л., с. 154; Воскр. л., с. 27.

[7]) Мстиславъ построилъ въ Кіевѣ, въ 1129 году, церковъ Ѳеодора; а въ 1132—церковь Пресв. Богородицы, именующуюся Пиргощенской. Ипат. л., с. 211—212; Воскр. л., 28—29; Ник. л., с. 155—57.

Въ 1132 году скончался Мстиславъ I, и кіевскимъ княземъ сталъ Ярополкъ Владиміровичъ [1]). Ярополкъ обѣщалъ умиравшему Мстиславу позаботиться объ его семьѣ, но въ тоже время онъ не забылъ и своихъ близкихъ родичей; это обстоятельство, какъ увидимъ ниже, было источникомъ множества, недоразумѣній и столкновеній.

Переяславльскій удѣлъ теперь былъ отданъ Всеволоду Мстиславичу, который имѣлъ на него права по своему отцу, такъ какъ Владиміръ Мономахъ раньше отдавалъ Переяславль своимъ двумъ сыновьямъ—Мстиславу и Ярополку [2]).

Всеволодъ Мстиславичъ отправился въ Переяславль на княженіе, но долго оставаться здѣсь не могъ: онъ былъ княземъ всего полъ дня— „съ заутрѣя до обѣда", какъ говоритъ лѣтопись, — его изгналъ Юрій Долгорукій. Послѣдній считалъ себя имѣющимъ больше правъ на лучшіе удѣлы въ Русской землѣ, и потому, заключивъ союзъ съ братомъ Андреемъ, онъ рѣшилъ силою добыть себѣ Переяславль. Юрій дѣйствовалъ быстро и рѣшительно. Поэтому, едва только явился Всеволодъ Мстиславичъ въ Переяславль, какъ къ послѣднему подступилъ съ войсками. въ союзѣ съ Святополкомъ Мстиславичемъ, и Юрій Долгорукій. Послѣ отчаяннаго сопротивленія и „много убійства сътвориша", Юрій выгналъ Всеволода изъ Переяславля и овладѣлъ послѣднимъ [3]). Но и Юрій не долго оставался въ Переяславлѣ: онъ былъ здѣсь княземъ всего восемь дней, потому что кіевскій князь, Ярополкъ, узнавъ о своеволіи Юрія, отправилъ большое войско на послѣдняго и заставилъ его оставить Переяславль. Ярополкъ, очевидно, желалъ соблюсти клятву, данную покойному брату относительно его семейства [4]). Чтобы умиротворить, однако, Юрія, Ярополкъ отдалъ ему г. Полоцкъ [5]).

Что касается Переяславля, то послѣдній былъ отданъ Изяславу Мстиславичу, брату изгнаннаго Всеволода [6]). Но такое назначеніе не могло внести спокойствія между князьями: старшіе въ родѣ считали себя обиженными, особенно былъ недоволенъ этимъ Юрій Долгорукій. Онъ оставляетъ въ Полоцкѣ своего союзника, Святополка, а самъ направляется къ Переяславлю, на Изяслава [7]). Тогда Ярополкъ, видя,

---

[1]) Ипат. л., с. 212; Лавр. л., с. 286; Ник. л., с. 157; Воскрес. л., с. 29; Татищевъ II, с. 243.

[2]) Ibidem.

[3]) Ibidem; Татищевъ, II, 244.

[4]) Ibidem; см. также Соловьева, II, с. 98; Погодина, IV, с. 436.

[5]) Ibidem.

[6]) Ibidem; Никон. л., с. 157.

[7]) Ibidem. Татищевъ передаетъ, что Изяславъ получилъ Минскъ, Туровъ и Пинскъ, и что, будто бы, Вячеславъ, согласясь съ Юріемъ, добивался Переяславля; но это врядъ-ли вѣроятно. См. Татищевъ, II, 244.

что смута растетъ все болѣе и болѣе, рѣшаетъ отказаться на время отъ устройства своихъ племянниковъ въ Переяславлѣ. Онъ выводитъ изъ Переяславля Изяслава Мстиславича,—„утѣшая его да не скорбитъ ни о чемъ же“, отдаетъ ему вмѣсто этого Туровъ и Пинскъ, а въ Переяславль посылаетъ княземъ своего брата, Вячеслава, княжившаго въ Туровѣ [1]). Юрію такимъ образомъ не было возможности претендовать на несоблюденіе старшинства.

Однако, Вячеславъ Владиміровичъ не долго пробылъ въ Переяславлѣ: по характерному выраженію Никоновской лѣтописи, онъ началъ „лишатися Переяславля“ [2]). Неизвѣстно, что за причина была оставленія Переяславля Вячеславомъ. Онъ—или не ладилъ съ населеніемъ, или же жизнь вблизи степей показалась ему чрезвычайно тяжелой, или же онъ былъ недоволенъ распоряженіями Ярополка, который надѣлялъ своихъ племянниковъ туровскими землями и золотомъ; быть можетъ, его пугалъ Юрій. Вячеславъ захотѣлъ самъ добыть себѣ Турова, но предчувствуя неудачу, оставилъ этотъ планъ. Убѣжденный, что Ярополкъ не уступитъ, онъ возвратился отъ Городца въ Переяславль. Впрочемъ, Вячеславъ вскорѣ вновь оставляетъ Переяславль и ищетъ убѣжища въ Рязани, вѣроятно, въ намѣреніи основаться здѣсь. Ярополку не нравились такія странствованія Вячеслава; онъ совѣтуетъ ему сидѣть на мѣстѣ, а не бродить по землѣ, какъ половчинъ [3]), но Вячеславъ не внялъ совѣтамъ брата, и въ 1134 г. ушелъ въ свой Туровъ, изгнавъ изъ послѣдняго Изяслава Мстиславича [4]).

Тогда Ярополкъ, послѣ самовольнаго ухода Вячеслава изъ Переяславля, рѣшаетъ передать этотъ городъ своему меньшему брату Юрію, тѣмъ болѣе, что Юрій хлопоталъ объ этомъ и даже предложилъ Ярополку выгодныя условія обмѣна. Ярополкъ согласился. Въ 1133 г. Переяславль былъ отданъ Юрію, а взамѣнъ этого города, Ярополкъ получилъ часть Ростовской и Суздальской земель [5]).

Эта сдѣлка Ярополка съ Юріемъ нарушила престижъ прежней великокняжеской власти; послѣдняя не является уже руководительницей въ междукняжескихъ дѣлахъ, а преслѣдуетъ, наравнѣ съ другими, свои личные интересы, оставляя въ пренебреженіи общіе. На-

---

[1]) Лавр. л., с. 289. Воскр. л., с. 29; Ник. л., с. 157.

[2]) Ник. л., с. 158; Лавр. л., с. 287; Воскр. л., с. 29.

[3]) Татищевъ, II, 246—7 „Сѣди не волнуйся,—говоритъ Ярополкъ, — не взимай нрава Половецкаго“. Ник. л., с. 158; Воскр. л., с. 29.

[4]) „Тоѣ же зимы (1134 г.) Вячеславъ лишився Переяславля, иде опять Турову, не послушавъ брата своего Ярополка“. Ипат. л., с. 213; Ник. л., с. 158; Воскр. л., с. 29; Татищевъ, II, 246.

[5]) Ипат. л., с. 213; Лавр. л., с. 287; Никон. л., с. 158; Воскр. л., с. 29; Татищевъ II, 247.

чались недовольство и безпорядки. Прежде всего недовольными явились племянники великаго князя,— Мстиславичи.

Изгнаніе изъ Турова Изяслава Мстиславича заставило послѣдняго составитъ союзъ для защиты своихъ правъ. Онъ привлекаетъ на свою сторону брата Всеволода, бывшаго въ то время новгородскимъ княземъ [1]); послѣ чего оба они обращаются къ Ярополку съ просьбой надѣлить ихъ ростово-суздальскими землями, или же отдать назадъ Переяславль. Но когда Ярополкъ отказалъ, недовольные князья рѣшаютъ составить коалицію и приглашаютъ Ольговичей принять въ ней участіе. Ольговичи пристаютъ къ недовольнымъ, въ надеждѣ, конечно, возвратить потерянныя земли въ области р. Сейма и Оки, и пламя междоусобной борьбы вспыхиваетъ съ новой силой.

Извѣстно, что Мстиславъ I, желая держать Русскую землю въ своихъ рукахъ, посадилъ въ 1127 году въ Курскѣ своего сына, Изяслава [2]). Это произошло послѣ того, какъ Всеволодъ Ольговичъ изгналъ изъ Чернигова своего дядю, Ярослава. Теперь Ольговичи имѣли самый благопріятный моментъ для возврата потеряннаго. Особенно дѣятельную агитацію по этому поводу велъ Всеволодъ Ольговичъ: онъ привлекаетъ къ союзу своихъ племянниковъ Давидовичей, приглашаетъ и половцевъ изъ степей [3]). Такимъ образомъ, составилась сильная коалиція противъ Ярополка.

Здѣсь начинается собственно рѣзкій поворотъ въ политической жизни южной Руси: Черниговская земля, благодаря своему положенію между другими княжествами, начинаетъ пріобрѣтать все большее и большее вліяніе на русскія дѣла. Въ виду такой сильной опасности, Мономаховичи также составляютъ тѣсный союзъ. Ярополкъ, Юрій и Андрей быстро собрали войска и двинулись на Ольговичей, разсчитывая, что послѣдніе не успѣютъ получить помощи отъ половцевъ. Мономаховичи подступили къ Чернигову, опустошили окрестности последняго [4]) и, простоявъ около этого города нѣсколько дней, возвратились назадъ, т. к. князья черниговскіе въ то время „отъидоша въ половцѣ“ [5]). Но война вспыхнула вскорѣ. Въ 1135 году, съ наступленіемъ зимы, Ольговичи явились съ половцами въ Переяславльскіе предѣлы и сильно ихъ опустошили. Они взяли Нѣжатинъ, Баручъ и множество селъ при нихъ, причемъ Баручъ и села были сожжены, а жи-

---

[1]) Ник. л., с. 158; Воскр. л., стр. 29; Карамзинъ, II, с. 118; Соловьевъ, II, с. 29.

[2]) Лавр. л., с. 282. Барсовъ. Мат. для ист. геогр. сл. Р., с. 110; ПСЛ. I, с. 130: Татищевъ, II, с. 247.

[3]) Ипат. л., с. 213; Ник. л., с. 158; Воскр. л., с. 29; Погодинъ, 1, 224; Карамзинъ, II, 118; Соловьевъ, II, с. 99.

[4]) Ibidem; Татищевъ, II, с. 248.

[5]) Воскр. л., стр. 30. Ник. л., стр. 158. Лавр. л., стр. 287.

тели, скотъ и лошади въ большемъ количествѣ были уведены половцами[1]). Опустошенія Ольговичей не ограничились только этимъ отдѣломъ, а распространились на всю сѣверную полосу Переяславльской земли, вплоть до Днѣпра, противъ Кіева, близъ котораго Ольговичи захватили и сожгли Городецъ, а жителей—частью истребили, частью разогнали, или же захватили въ плѣнъ, т. к. спастись черезъ начинавшій замерзать Днѣпръ не было возможности[2]). Ярополкъ, однако, не потерялся. Онъ воюетъ съ Ольговичами близъ Кіева. Наступавшіе заморозки не допускали противниковъ до серьезныхъ дѣйствій. Вскорѣ затѣмъ Ярополкъ направился къ Любечу[3]), очевидно, съ намѣреніемъ нанести врагамъ ударъ съ этой стороны. Тогда Ольговичи рѣшаютъ помириться съ кіевскимъ княземъ; они шлютъ къ Ярополку пословъ съ предложеніемъ о мирѣ, а именно, чтобы Ярополкъ отдалъ то, что имъ опредѣлилъ ихъ отецъ: „если не дадите, то будете виноваты: на васъ падетъ кровь“— говорятъ они[4]). Ольговичи, очевидно, добивались, чтобы имъ была возвращена отнятая раньше Посемьская область съ Курскомъ во главѣ. Ярополкъ, конечно, догадался объ этихъ планахъ Ольговичей и рѣшилъ не допустить ихъ до исполненія. Между тѣмъ подошли съ войсками Юрій изъ Переяславля и Андрей. Тогда перевѣсъ сразу перешелъ на сторону Ярополка, и Ольговичи стали умѣреннѣе въ своихъ требованіяхъ. Послѣ переговоровъ былъ заключенъ миръ, по которому г. Переяславль былъ отданъ Андрею Владиміровичу, а волость послѣдняго—Владиміръ Волынскій,—уступалась Изяславу Мстиславичу[5]). Что касается Юрія, то онъ ушелъ въ свои сѣверныя земли, оставшись довольнымъ тѣмъ, что Переяславль достался его младшему брату, который, при измѣненіи обстоятельствъ, не помѣшалъ бы Юрію добиться Переяславля. Кромѣ того, за Юріемъ остался Городецъ Остерскій[6]).

Отдача Владиміра Волынскаго Изяславу Мстиславичу была актомъ большой предусмотрительности со стороны Ярополка, такъ какъ этимъ отдѣлялся отъ союза съ Ольговичами одинъ изъ энергичныхъ князей. Вскорѣ Ольговичи вновь открываютъ войну. Они приглашаютъ половцевъ и въ 1136 году нападаютъ на Посуліе, разоряя здѣсь города и села[7]). Очевидно, Ольговичи разсчитывали ослабить боевую линію по

---

[1]) Лавр. л., с. 287; Ник. лѣт., с. 158; Воскр. л., с. 30. Татищевъ (II, 248) говоритъ, что половцы взяли городокъ на Встри Нежатинъ и Оборуче.
[2]) Ипат. лѣт., с. 213; Татищевъ, II, с. 248.
[3]) Татищевъ, II, с. 248.
[4]) Ипат. л., с. 113; Татищевъ, II, с. 248.
[5]) Ипат. л., стр. 214; Лавр. л., стр. 238; Ник. л., с. 159; Татищевъ, II, с. 248.
[6]) Соловьевъ II, с. 101; Карамзинъ, т. II, сл. IX, с 119. (Изд. 1892 г.), прим. 262.
[7]) Лавр. л., с. 288; Ник. л., с. 160; Воскр. л., с. 30; „Того же лѣта Олговичи

р. Сулѣ; затѣмъ они подступаютъ къ самому Переяславлю и страшно разоряютъ окрестности этого города, гдѣ былъ сожженъ г. Устье [1]) Ольговичи хотѣли затѣмъ изгнать Андрея Владиміровича изъ Переяславля, но послѣдній крѣпко держался. Осада продолжалась уже три дня безъ всякаго успѣха. Узнавъ, наконецъ, что на помощь осажденнымъ идетъ Ярополкъ, Ольговичи рѣшили ускорить дѣло и штурмомъ взять городъ. Они бросились на епископскія и княжьи горота, но переяславльцы удачно отразили всѣ приступи враговъ, которые послѣ этого отступили къ верховьямъ р. Супоя, гдѣ и остановились, въ ожиданіи прибытія сюда Ярополковыхъ войскъ [2]).

Между тѣмъ Ярополкъ, сильно разгнѣванный за осаду Переяславля, спѣшилъ сразиться съ врагами. Узнавъ объ отступленіи Ольговичей, Ярополкъ тотчасъ же двинулся вслѣдъ за уходившими. Приблизившись къ врагамъ, онъ не захотѣлъ ожидать подхода всѣхъ своихъ войскъ, а съ дружиной и родственниками—Вячеславомъ, Юріемъ и Андреемъ—погнался за отступавшими, надѣясь быстрымъ натискомъ разгромить ихъ. Ольговичи стояли лагеремъ близъ вершины р. Супоя. Ярополкъ быстро двинулся со своими спутниками на враговъ и открылъ сраженіе. Ольговичи прибѣгли къ хитрости и одержали полную побѣду надъ Мономаховичами: искуснымъ маневромъ они постарались раздѣлить войско Ярополка, чтобы тѣмъ легче было побѣдить его. Дѣйствительно, лишь только открылось сраженіе, какъ половцы притворно обратились въ бѣгство, увлекая за собою лучшую часть Ярополкова войска. Оставшееся войско Мономаховичей, не будучи въ состояніи серьезно спорить съ превосходными силами Ольговичей, было побѣждено и обратилось въ бѣгство вмѣстѣ съ князьями [3]). Между тѣмъ, погнавшееся за половцами войско, зашедши далеко, рѣшило возвратиться назадъ; замѣтивъ это, половцы быстро оборотились и начали наступать съ своей стороны, такъ что когда отступавшіе достигли того мѣста, откуда они начали битву, то попали прямо въ руки Ольговичей, которые взяли въ плѣнъ тысяцкаго и многихъ бояръ; греческій царевичъ, Василько, сынъ Леона, былъ убитъ [4]). Въ этомъ сраженіи Мономаховичи потеряли множество знатныхъ людей, частью убитыхъ, частью взятыхъ въ

приведше Половецъ, и начаша воевати городы и села по Сулѣ, и пришедше къ Переяславлю, много пакости сотворше и Устіе пожегше".

[1]) Лавр. л., с. 288; Ник. л., с. 160; Воскрес. л., с. 30; Татищевъ, II, с. 251.

[2]) Ипат. л., 214; Лавр. л., с. 288; Ник. л., с. 160; Воскрес. л., с. 30; Татищевъ, II, с. 251.

[3]) Ипат. л., 214; Лавр. л., с. 288: Ник. л., с. 160; Воскр, л., с. 30: Татищевъ II, говоритъ, что „Ярополкъ и князья, видѣ своихъ во изнеможеніи, отступили въ крѣпкое мѣсто и пошли къ Кіеву". Татищевъ, II, с. 252.

[4]) Ibidem.

плѣнъ. Ярополкъ ушелъ въ Кіевъ, а Андрей Владиміровичъ—въ Переяславль. Эта битва произошла 8 августа 1136 года[1]).

Одержавъ побѣду, Ольговичи рѣшили перейти въ наступленіе: они перешли р. Десну и остановились противъ Вышгорода. Узнавъ объ этомъ, Ярополкъ собралъ войско и уже готовъ былъ напасть на Ольговичей, но послѣдніе отступили къ Чернигову. Начались переговоры о мирѣ, которые, впрочемъ, ни къ чему не привели; они велись собственно для того, чтобы выиграть время[2]). Въ концѣ декабря 1136 года Ольговичи въ союзѣ съ половцами нападаютъ на владѣнія кіевскаго князя и опустошаютъ окрестности Триполья, Бѣлгорода, Васильева, даже самаго Кіева, гдѣ, по словамъ лѣтописи, они „стрѣлялись черезъ р. Лыбедь“[3]). Но война, грозившая принять обширные размѣры, благодаря вмѣшательству митрополита Михаила, скоро прекратилась[4]). Ярополкъ заключилъ миръ съ Ольговичами, отдавъ имъ то, чего они такъ усердно добивались, т. е. все Посемье, отчину Ольговичей[5]).

Добившись желаемаго, Ольговичи не остановились на этомъ, а задались цѣлью достичь первенства въ Русской землѣ. Положеніе Черниговской земли на перепутьи между югомъ и сѣверомъ и рѣзкій переломъ, какой совершался въ то время въ южной Руси, благодаря тормозамъ въ сферѣ торговли и различнаго рода политическимъ осложненіямъ, производятъ то, что черниговскіе князья съ нѣкотораго времени начинаютъ играть видную роль въ русскихъ дѣлахъ, а ихъ близкое знакомство съ степью и умѣнье извлекать выгоды изъ этого, еще болѣе возвышали ихъ значеніе. Ольговичи разсчитываютъ создать на югѣ Руси государство, которое могло бы охватить обѣ стороны средняго Днѣпра. Для выполненія своего плана, они стараются ослабить тѣ области, которыя были въ тѣсномъ союзѣ между собою и были опасны имъ, а именно—Кіевскую и Переяславльскую земли. Конечно, противники зачастую прибѣгали къ помощи половцевъ. Такъ, въ 1138 году „воеваша Половци Курескъ, и плениша землю всю и пожгоша“[6]). Въ томъ же году Ольговичи, призвавъ къ себѣ на помощь половцевъ, напали на Посульскую область переяславльскаго князя[7]).

При первомъ извѣстіи о нападеніи Ольговичей на Посулье, Андрей Владиміровичъ, не имѣя достаточно войска для отпора врагамъ

---

[1]) Ibidem.
[2]) Ипат. л., с. 215; Ник. л., с. 160; Воскр. л., с. 288.
[3]) Ibidem; Татищевъ, II. 252.
[4]) Ипат. л., с. 215; Ник. л., с. 160; Воскр. л., с. 30; Лавр. л., с. 288—9; Татищевъ, V, с. 253.
[5]) Ibidem; см. также Соловьевъ, II, с. 102; Погодинъ, VI, с. 81.
[6]) Никон. л., с. 161; Новгород. л., по Синод. сп., с. 130.
[7]) Ник. л., с. 162; Лавр. л., с. 289; Татищевъ, II, с. 255.

и не ожидая ни откуда помощи, хотѣлъ было уѣхать изъ Переяславля, извѣстивъ объ этомъ Ярополка [1]), но затѣмъ раздумалъ и остался въ немъ, ожидая прихода Ярополка. „И быша области Переяславльской отъ Половцевъ и отъ своихъ Вельможъ великая тягость"—говоритъ Татищевъ [2]).

Ольговичи, видя, что Андрею помощи нѣтъ, пріободрились; однако, напасть на Переяславль они не рѣшались. Есть извѣстіе, что Ольговичи нарочно не тревожили переяславльскаго князя: они послали ему льстивыя предложенія, желая, конечно, поссорить съ кіевскимъ княземъ [3]). Между тѣмъ Андрей Владиміровичъ отправляетъ къ Ярополку пословъ съ просьбой поскорѣе идти на помощь; Ярополкъ собралъ войско и направился къ Переяславлю.

Въ это время Ольговичи получили извѣстіе, что Мстиславичи напали на Святослава Ольговича, задержали его въ Смоленскѣ и отобрали всю его казну [4]). Всеволодъ Ольговичъ рѣшилъ отомстить: онъ напалъ съ половцами на область праваго притока р. Сулы, Удая, страшно опустошилъ ее, взявъ г. Прилуку и полонивъ множество народа, и затѣмъ намѣревался уже идти къ Кіеву. Въ это время пришло извѣстіе, что Ярополкъ самъ идетъ на Всеволода; тогда послѣдній отступилъ къ Чернигову [5]).

Неоднократныя, опустошительныя нападенія Ольговичей на Русскія земли, ихъ энергичность и претензіи на первенствующую роль въ русскихъ дѣлахъ—не на шутку встревожили Мономаховичей. Ярополкъ собираетъ огромное войско, въ составъ котораго, кромѣ кіевлянъ и переяславльцевъ, входили половцы, суздальцы, полочане, смольняне, галичане, туровцы, волынцы, наконецъ—чехи, поляки, а изъ инородцевъ—угры и берендѣи [6]). Съ этими-то силами и двинулся Ярополкъ къ Чернигову. Оробѣвшій Всеволодъ, видя полную невозможность устоять въ неравной борьбѣ, хотѣлъ было бѣжать къ половцамъ, но черниговцы не пустили его. Они сказали Всеволоду: „ты задумалъ бѣжать къ половцамъ, бросивъ свою волость въ руки враговъ на разграбленіе. Куда же ты возвратишься потомъ? Лучше оставь свою гордость (высокоуміе), и попроси мира: Ярополкъ, по своей доброй натурѣ, не захочетъ обидѣть кого либо, а тѣмъ болѣе проливать крови;

---

[1]) Ник. л., с. 161; Воскр. л., с. 31; Татищевъ, II, с. 255.

[2]) Татищевъ, II, с. 255; Лавр. л., с. 289.

[3]) Соловьевъ, II, с. 103.

[4]) Ник. л., с. 162; Воскр. л., с. 31. Соловьевъ, II, с. 103; Татищевъ, II, 255—6.

[5]) Ипат. л., с. 216; Ник. л., с. 162; Воскр. л., с. 31; Лавр. л., с. 290; Новгород. 4-я лѣт., с. 5—6; Татищевъ, II, с. 255—6.

[6]) Ibidem.

онъ, стараясь всегда о защитѣ и благѣ русской земли, согласится на миръ“ [1]).

Всеволодъ послушался и попросилъ у Ярополка мира. Мирный договоръ, скрѣпленный крестнымъ цѣлованіемъ, былъ заключенъ князьями въ 1139 г. въ Моровійскѣ, на Деснѣ. По этому миру Ольговичи получили Курскую область съ г. Курскомъ, который такимъ образомъ отошелъ отъ Переяславльской земли [2]).

Ярополкъ не долго княжилъ послѣ этого: онъ умеръ въ 1139 г. Кіевскій престолъ занялъ теперь старшій въ родѣ, Вячеславъ Владиміровичъ, князь туровскій [3]). Сильная коалиція, составленая Ярополкомъ изъ многихъ земель, показываетъ, какъ велика была опасность со стороны Ольговичей. Понятно, не всегда можно было имѣть подъ рукой такую силу; кромѣ того, кіевскому князю было чрезвычайно трудно лавировать среди затруднительныхъ обстоятельствъ: требовались особенная энергія и особенный тактъ и предусмотрительность, чтобы избѣжать бѣды. Между тѣмъ Вячеславъ не обладалъ этими качествами: это былъ князь слабый, робкій, легко поддающійся чужому вліянію. Поэтому, лишь только Вячеславъ занялъ Кіевскій престолъ, какъ Всеволодъ Ольговичъ условившись съ родичами на счетъ раздѣла Русской земли, выступаетъ изъ Чернигова къ Кіеву, въ намѣреніи овладѣть послѣднимъ. Со Всеволодомъ были его братъ Святославъ и Владиміръ Давидовичъ. Подступивъ къ Кіеву и зажегши его предмѣстья, Всеволодъ устрашилъ кіевлянъ, а къ Вячеславу послалъ требованіе немедленно же оставить Кіевъ. Вячеславъ, не имѣя войскъ для сопротивленія, поневолѣ уступилъ Кіевъ Всеволоду, а самъ ушелъ въ свой Туровъ [4]). Такимъ образомъ, одинъ изъ Ольговичей добился таки великокняжескаго престола. Понятно, Мономаховичи не могли быть довольны этимъ и „съсылахуться сами межи собою хотяче на нь поити Киеву“ [5]). Всеволодъ Ольговичъ зналъ это недовольство Мономаховичей и старался не раздувать его; по отношенію къ Мономаховичамъ онъ ведетъ чрезвычайно искусную политику, главное основаніе которой заключалось въ поселеніи раздора среди противниковъ [6]).

---

[1]) Ibidem.

[2]) Ипат. л., с. 216—7. Ник. л., с. 162; Лавр. л., с. 290 91; Иловайскій. Кіев. періодъ, I, с. 202. Въ Курскѣ сидѣлъ княземъ Глѣбъ Ольговичъ, который учавствовалъ въ походѣ Святослава О-ча па Псковъ, противъ Всеволода Мстиславича. Послѣ смерти Глѣба, въ 1139 г., Курскомъ владѣлъ Святославъ Ольговичъ. См. Погодина, VI, 18; Татищева, II, 255, 262.

[3]) Ипат. л., с. 217; Лавр. л., с. 291; Лавр. л., с. 32.

[4]) Ипат. л., 217; Ник. л., с. 163; Воскр. л., с. 33. Татищевъ, II, 259.

[5]) Ипат. л., с. 218.

[6]) Иловайскій Ист. Рос., Кіев. пер, I, с. 206—7; Соловьевъ, II, с. 112—113. Такъ Всеволодъ О-чъ старался привлечь на свою сторону Изяслява Мстиславича, чрезвычайно энергичнаго князя.

Утвердившись въ Кіевѣ и обзаведшись надежной дружиной, осыпанной многими милостями, Всеволодъ рѣшаетъ прибрать князей въ свои руки. Прежде всего было обращено вниманіе на Мономаховичей, у которыхъ Всеволодъ намѣтилъ отнять Переяславльскую и Волынскую земли, чтобы передать ихъ потомъ своимъ братьямъ. Въ виду этого, вскорѣ послѣ своего вокняженія въ Кіевѣ, Всеволодъ вызываетъ изъ Курска своего брата, Святослава, и выступаетъ съ нимъ къ Переяславлю, на Андрея Владиміровича[1]). Всеволодъ теперь не скрываетъ своихъ плановъ: онъ разсчитываетъ отдать г. Переяславль Святославу Ольговичу, а Андрею Владиміровичу—г. Курскъ. „Изволь идти Курску"—велѣлъ сказать онъ Андрею. Чтобы скорѣе достигнуть цѣли, Всеволодъ отрядилъ Изяслава Давидовича въ степи—привести на помощь половцевъ[2]).

Андрею Владиміровичу не легко было уступать свою Переяславьскую землю; а между тѣмъ сопротивляться было рискованно. Въ виду этого кн. Андрей созвалъ свою дружину и просилъ у ней совѣта, какъ поступить въ данномъ случаѣ. Возмущенные высокомѣріемъ Всеволода, дружинники посовѣтовали Андрею не уступать своей волости. Андрей и самъ былъ такого мнѣнія, совѣтъ же дружины еще болѣе ободрилъ и поддержалъ его стоять на своемъ. Андрей послалъ Всеволоду рѣзкій отвѣтъ: „я предпочитаю умереть вмѣстѣ съ дружиною на землѣ отца и дѣда моего,—сказалъ онъ,—чѣмъ идти на княженіе въ Курскъ: мой отецъ сидѣлъ не въ Курскѣ, а въ Переяславлѣ; въ Переяславлѣ же, моей отчинѣ, я желаю окончить дни свои. Если, братъ, держа въ своихъ рукахъ всю Русскую землю, тебѣ мало волостей и ты хочешь взять еще и мою волость, то это можешь сдѣлать не иначе, какъ убивъ меня: живой я не пойду изъ своей волости. Впрочемъ, подобное не въ диковинку въ нашемъ родѣ: такъ бывало и прежде: Святополкъ тоже ради власти убилъ Бориса и Глѣба, а долго ли онъ пожилъ? Онъ земной жизни лишился, да и въ небесной будетъ терпѣть вѣчныя муки!"[3]). Послѣ полученія такого рѣшительнаго отказа, Всеволодъ быстро снарядилъ своего брата, Святослава, и послалъ его съ войскомъ къ Переяславлю, на Андрея. Послѣдній храбро встрѣтилъ посланное противъ него войско. Онъ напалъ на него со своей дружиной, разбилъ и обратилъ въ бѣгство. Преслѣдованіе разстроеннаго и бѣгущаго непріятеля продолжалось до р. Карани, дальше которой Андрей не пустилъ своихъ людей, опасаясь засады[4]).

На слѣдующій день Всеволодъ и Андрей заключили между со-

---

[1]) Ипат. л., с. 218; Лавр. л., с. 291; Ник. л., с. 164; Воск. л., с. 32; Татищевъ, II, 262.

[2]) Ibidem.

[3]) Ипат. л., с. 218—219; Лавр. лѣт., с. 292; Татищевъ, II, 262.

[4]) Ibidem.

бою договоръ, условія котораго въ подробностяхъ намъ не извѣстны; соглашеніе. вѣроятно, состоялось вслѣдствіе того, что Всеволодъ оставилъ свои притязанія на Переяславль. Андрей самъ, первый, предложилъ миръ и, въ знакъ вѣрности своихъ словъ, поцѣловалъ св. крестъ.

Между тѣмъ, ночью, въ Переяславльской крѣпости произошелъ пожаръ, который истребилъ деревяныя укрѣпленія этого города [1]). Всеволодъ, однако, не воспользовался этимъ несчастьемъ и не трогалъ Переяславля. Утромъ онъ послалъ сказать Андрею: „Видишь, я креста еще не цѣловалъ, а у васъ загорѣлся городъ: это Богъ давалъ васъ въ руки мнѣ, ибо вы сами зажгли пожаръ. Если бы я желалъ вамъ зла, то могъ бы дѣлать его, сколько мнѣ угодно; но ты теперь поцѣловалъ крестъ; смотри же, исполняй свою клятву; исполнишь ее—хорошо, не исполнишь—Богъ тебѣ будетъ судьей!“ [2]). Г. Переяславль остался за Андреемъ Владиміровичемъ, который обѣщался быть союзникомъ Всеволода Ольговича. Заключивши миръ, Всеволодъ ушелъ въ Кіевъ. Это было въ 1140 году [3]).

Такимъ образомъ, Переяславльская земля, не смотря на переходъ великокняжеской линіи въ семейство Ольговичей, остается въ союзѣ съ Кіевомъ. Что касается половецкаго вопроса, то онъ теперь принимаетъ нѣсколько иное направленіе.

Всеволодъ Ольговичъ, ставши великимъ княземъ кіевскимъ, продолжаетъ по отношенію къ степи политику своихъ предшественниковъ. Такъ, въ первый же годъ своего правленія въ Кіевѣ, онъ предпринимаетъ походъ на половцевъ: „того же лѣта (1139 г.),—говоритъ лѣтопись,—князь великій Всеволодъ Ольговичъ Кіевскій ходи на Половци, и многихъ изби, а иныхъ живыхъ плѣни“ [4]). Половцы, однако, не устрашились этимъ; имъ были хорошо извѣстны несогласія въ Русской землѣ, и они старались не пропустить удобнаго момента для извлеченія себѣ выгодъ. Поэтому, въ томъ же 1140 году, „половецкая земля и князи половецкіе“—пришли въ предѣлы южной Руси для заключенія мирныхъ договоровъ. По обоюдному соглашенію русскихъ князей и половцевъ, мѣстомъ переговоровъ былъ избранъ г. Малотинъ [5]).

Сюда явились Всеволодъ и Андрей и заключили съ половцами миръ, послѣ чего половцы ушли назадъ, въ степи [6]). Переговоры съ половцами интересны для насъ въ томъ отношеніи, что указываютъ

---

[1]) Ibiedm; Ник. л., с. 164; Лавр. л., с. 292.
[2]) Ibidem.
[3]) Ипат. л., с. 212; Густин. л., с. 296. Погодинъ, I, стр. 228.
[4]) Ник. лѣт., с. 163.
[5]) Ипат. л., с 220; Лавр. л., с. 292; Воскр. л., с. 32.
[6]) Ипат л., стр. 250; Лавр. л., с. 292; Никон. л., с. 164; Воскр. л.. с. 32; Новг. 4-я л., с. 6—7.

на отношенія между Андреемъ и Всеволодомъ. „Союзъ этихъ двухъ князей,—говоритъ Сергѣевичъ (Вѣче и князь, с. 174),—не лишилъ ни одного изъ нихъ политической самостоятельности: какъ тотъ, такъ и другой одинаково ведутъ переговоры съ общимъ врагомъ". Андрей Владиміровичъ, впрочемъ, не долго княжилъ въ Переяславлѣ: въ 1141 году онъ скончался и былъ погребенъ въ переяславльской церкви св. Михаила [1]). Около этого времени Всеволодъ О-чъ захватываетъ Остерскій Городокъ, игравшій чрезвычайно видную роль въ стратегическомъ отношеніи [2]). Кромѣ того, Всеволодъ старается также прибрать въ свои руки тѣ области, откуда всегда можно было бы преградить непріятелю доступъ въ южныя земли, т. е. Вятичи и верхнее Поднѣпровье [3]).

Смерть Андрея Владиміровича надѣлала не мало хлопотъ кіевскому князю, которому было чрезвычайно интересно имѣть союзника въ Переяславлѣ. Искусный политикъ, Всеволодъ Ольговичъ, не нарушая правъ старшинства, рѣшаетъ посадить въ Переяславлѣ Вячеслава Туровскаго, который, по своей слабости, могъ быть вполнѣ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ кіевскаго князя. Отправляя къ Вячеславу своихъ пословъ, Всеволодъ велѣлъ сказать ему: „ты сидишь въ Кіевской волости, а она мнѣ слѣдуетъ; ступай въ Переяславль, твою отчину" [4]). Вячеславъ повиновался и во второй разъ занялъ Переяславльскій престолъ; въ Туровѣ былъ посаженъ княземъ сынъ Всеволода, Святославъ [5]). Изяславъ Мстиславичъ, котораго Всеволодъ старался привлечь на свою сторону, получилъ съ братьями набавку землями [6]).

Сохраняя миръ съ Мономаховичами, захватывая и раздавая волости по своему произволу, Всеволодъ возбудилъ противъ себя сильное негодованіе среди Ольговичей и Давидовичей, которые разсчиты-

---

[1]) Ипат. л., с. 221; Лавр. л., с. 293; Густин. л., 296: Татищевъ, II, с. 265.

[2]) Ипат. лѣт., стр. 221. Мы не согласны съ Карамзинымъ (II, прим. 262), будто за Юріемъ, въ 1135 г., былъ оставленъ Городецъ Остерскій. Во 1-хъ—Карамзинъ не приводитъ прямыхъ указаній лѣтописи объ этомъ; во 2-хъ, занятіе, въ 1141 г., Всеволодомъ О-чемъ Остерскаго Городка могло быть вовсе не изъ мести Юрію, посадившему своего сына въ Новгородѣ; здѣсь скорѣе можно видѣть актъ большой предусмотрительности со стороны кіевскаго князя, которому грозила опасность не отъ одного лишь Юрія, но и отъ князей черниговскихъ, какъ увидимъ ниже. Одновременно со Всеволодомъ, и Игорь О-чъ старается поживиться удобными землями: онъ захватываетъ Юрьевы города, которые, правдоподобно, могли находиться на пограничьи между туровской и смоленской землями. Впослѣдствіи, вѣдь, Игорь получаетъ Рогачевъ и другія земли. Ник. л., с. 166. См. также Арцыбашева, с. 85, пр. 529.

[3]) „Всеволодъ же... хотѣ взяти Смоленскъ у Ростислава". Густин. л., 296. Татищевъ (II, 255) говоритъ, что „Всеволодъ Сѣверу и Вятичь до времени себѣ оставилъ".

[4]) Ипат. л., с. 222; Воскр л., с. 33; Лавр. л., с. 294; Густ. л., 298; Татищевъ, II, с. 265. Арцыбашевъ, с. 85.

[5]) Ibidem.

[6]) Погодинъ, VI, с. 131.

вали получить отъ Всеволода богатыя волости, но ихъ всякій разъ обходили[1]). Тогда между обиженными поднялся ропотъ на Всеволода, который, узнавъ объ этомъ, посылаетъ къ братьямъ просьбу пріѣхать въ Кіевъ для совѣщанія. Но братья—Святославъ, Игорь, Владиміръ и Изяславъ (послѣдніе два — Давыдовичи)—въ Кіевъ не поѣхали, а, собравши войска, подошли къ Кіеву, остановились на лѣвой сторонѣ Днѣпра и оттуда послали ко Всеволоду уполномоченныхъ вести переговоры[2]). Они предлагали Всеволоду отдать имъ черниговскія и новгородсѣверскія земли. Всеволодъ не соглашался, предоставляя имъ только то, что обѣщалъ раньше, но не больше; онъ никакъ не хотѣлъ уступать имъ Вятичей. Тогда братья сказали Всеволоду: „ты намъ старшій братъ; но если ты не желаешь отдать намъ просимаго, то мы сами будемъ искать его“—и рѣшили силою добиться искомыхъ земель[3]).

Союзники условились прежде всего произвести давленіе на переяславльскаго князя, надѣясь стѣснить его также легко, какъ это сдѣлалъ Всеволодъ, когда добивался утвержденія въ Кіевѣ. Игорь Ольговичъ, какъ ближайшій сосѣдъ, самъ имѣвшій виды на Переяславль, въ союзѣ съ Святославомъ, напалъ на Переяславльскую землю[4]). Остановившись у Строкова, Ольговичи разсчитывали въ скоромъ времени овладѣть г. Переяславлемъ, но оказалось, что достичь этого было не такъ-то легко. Вячеславъ, затворясь въ Переяславлѣ, успѣшно отражалъ враговъ, которые напрасно нападали на этотъ городъ. Тогда Ольговичи бросились разорять окрестности Переяславля: они пожгли вокругъ этого города множество селъ и деревень, побили, вытоптали вокругъ хлѣба (жита), и вообще надѣлали множество зла этому краю[5]). Два мѣсяца длилась осада Переяславля Ольговичами, но городъ не сдавался. Наконецъ, къ Переяславлю пришла помощь отъ Всеволода, который послалъ къ осажденнымъ тысяцкаго, Лазаря Саковскаго, съ печенѣгами и русскимъ войскомъ. Одновременно съ кіевской ратью, спѣшилъ на помощь Переяславлю и Изяславъ Мстиславичъ, желавшій выручить своего дядю. Изяславъ неожиданно и быстро ударилъ на враговъ, отогналъ ихъ отъ города и обратилъ въ бѣгство: „и не стер-

---

[1]) Всеволодъ Ольговичъ, ставши кіевскимъ княземъ, передалъ Черниговъ не родному брату Игорю, а Владиміру Давидовичу, чѣмъ вызвалъ негодованіе со стороны перваго; затѣмъ, самъ Всеволодъ удержалъ за собою большую часть своихъ прежнихъ владѣній, вмѣсто того, чтобы отдать ихъ своимъ союзникамъ. См. Сергѣевичъ. Вѣче и князь, с. 175.

[2]) Ипат. л., с. 222; См. Титищева, II, 266—7; Соловьева II, с. 117, Погодинъ, I, с. 33.

[3]) Ibidem.

[4]) Лавр. л., с. 249; Ник. лѣт., с. 166; Воскрес. л., с. 33; Татищевъ (II, 259) говоритъ, что, Всеволодъ при вокняженіи въ Кіевѣ, обѣщалъ Игорю Переяславль.

[5]) Лавр. л., 294; Воскр. л., 33. Татищевъ II, 267: Арцыбашевъ, с. 86.

пяче стояти (князи) побѣгоша въ городы своя“ — повѣтствуетъ лѣтописецъ [1]).

Задуманный Ольговичами планъ разстроить союзъ Мономаховичей, разбивъ ихъ по одиночкѣ, не удался: Мономаховичи выказали замѣчательное единодушіе. Кромѣ Изяслава, противъ Ольговичей дѣйствуетъ одновременно и Ростиславъ Мстиславичъ Смоленскій, который воюетъ черниговскія земли возлѣ Гомеля (Гомія) [2]). Послѣднее обстоятельство и было, кажется, главной причиной, почему Игорь оставилъ Переяславль и поспѣшилъ въ свой удѣлъ. Ободренный успѣхомъ, Изяславъ Мстиславичъ двинулся изъ-подъ Переяславля вслѣдъ за ушедшимъ Игоремъ и, сильно опустошивъ Черниговскія земли по Деснѣ и около Чернигова, возвратился назадъ [3]). Раздраженный такими смѣлыми нападеніями Игорь Ольговичъ въ союзѣ съ братьями. поворачиваетъ назадъ и вторично нападаетъ на Переяславль: онъ надѣялся захватить этотъ городъ врасплохъ, но ошибся: городъ и на этотъ разъ отстоялъ себя. Три дня бились Ольговичи подъ стѣнами Переяславля но, взять его никакъ не могли „и не успѣвше ничтоже, воротишася въсвояси“—повѣствуетъ лѣтопись [4]).

Военныя тревоги и постоянныя споры были не особенно пріятны кіевскому князю, который поэтому и спѣшитъ уладить дѣло миромъ. Посредникомъ мира, состоявшагося между князьями, былъ прославленный своей иноческой жизнью князь - монахъ, Святославъ Давидовичъ, извѣстный въ лѣтописи подъ именемъ „Святоши“.

Для совѣщанія объ устройствѣ своихъ дѣлъ князья—Ольговичи и Давидовичи—съѣхались въ Кіевѣ. Всеволодъ, раздавая въ набавку волости, успѣлъ разстроить союзъ между князьями и надѣлилъ ихъ землями такъ, что они остались недовольны ими [5]). Недовольство Ольговичей грозило перейти въ новую войну, которая вскорѣ и открылась. Война возгорѣлась изъ за Переяславльской земли. Слабому Вячеславу не нравилось тревожное житье въ Переяславлѣ, и онъ ищетъ только удобнаго случая, чтобы уйти изъ этого города. Въ 1142-мъ году Вячеславъ, съ согласія Всеволода, отдаетъ Переяславль своему племяннику, Изяславу Мстиславичу, а самъ удаляется въ свой прежній

---

[1]) Ипат. л, с. 223; Воскр. л., с. 33; Лавр. л., с. 294. Татищевъ, II, с. 268.

[2]) Ibidem; Ник. л., с. 166.

[3]) Ibidem; Арцыбащевъ, с. 86.

[4]) Ицат. л, с. 223. Талищевъ, с. 268: Арцыбашевъ, с. 86.

[5]) Всеволодъ сказалъ Давидовичамъ: „отступите отъ моихъ братьевъ и я васъ надѣлю. Давидовичи согласилисъ. Тогда Всеволодъ отдалъ Игорю Городецъ Остерскій и Рогачевъ, Святославу—Чарторійскъ и Клецкъ; а Давидовичамъ—Брестъ, Дрогичинъ, Вщижъ и Ормину. Ипат. л., с. 223.

Туровскій удѣлъ, владѣтель котораго—Святославъ Всеволодовичъ, получаетъ Владиміръ-Волынскій [1]).

Положеніе Изяслава въ Переяславлѣ было шаткимъ; на Переяславль имѣлъ виды сильный суздальскій князь, съ которымъ Изяславъ и пытается заключить союзъ; относительно Всеволода Изяславъ зналъ, что этотъ князь уступилъ ему Переяславль въ своихъ собственныхъ интересахъ, чтобы раздѣлить своихъ соперниковъ и тѣмъ легче владѣть Кіевомъ. Въ виду этого Изяславъ и отправляется къ Юрію, въ Суздаль. Съ Юріемъ, однако, Изяславъ не могъ уладиться. Возвращаясь назадъ, Изяславъ заѣхалъ сначала къ брату Святополку, въ Новгородъ. Въ послѣднемъ Изяславъ провелъ зиму 1143 года и на весну возвратился въ Переяславль [2]).

Ольговичи были крайне недовольны на Всеволода, согласившагося допустить Изяслава быть переяславльскимъ княземъ. Упрекая Всеволода за его благоволеніе къ Мстиславичамъ, Ольговичи предостерегали его. „Это враги наши,—говорили они; ты окружилъ себя ими и намъ на безголовье, да и себѣ на безмѣстье“. Ольговичи совѣтовали Всеволоду идти на Мстиславичей, но онъ не соглашался [3]).

Между тѣмъ въ Переяславлѣ, съ приходомъ въ послѣдній Изяслава Мстиславича, начались приготовленія съ свадьбѣ Изяславовой дочери, выходившей замужъ за полоцкаго князя, Рогволода Борисовича. Свадьба была отпраздпована въ городѣ съ большимъ торжествомъ и весельемъ; на свадьбѣ присутствовалъ великій князь кіевскій, Всеволодъ, съ женою и множествомъ бояръ и знатныхъ кіевлянъ [4]).

Вскорѣ послѣ этого событія Изяславъ Мстиславичъ принимаетъ участіе въ знаменитомъ походѣ Всеволода Ольговича на галицкаго князя, Владимірка, который, пользуясь несогласіями въ Русской землѣ, пытался увеличить свои земли на счетъ Волыни и объединить всѣ галицкія области подъ своею властью. Такъ какъ сосѣдство такого энергичнаго князя было опасно для всего Приднѣпровья, то Владимірку объявили войну. Огромное войско, вышедшее подъ начальствомъ кіевскаго князя, побѣдило Владимірка, который уплатилъ 1200 гривенъ контрибуціи, раздѣленной Всеволодомъ между всѣми участниками похода [5]).

---

[1]) Ипат. лѣт., с. 224; Лавр. л., с. 294; Густ. л., с. 297; Арцыбашевъ, с. 86—7.

[2]) Ипат. л., с. 224; Лавр. л., с. 294—5; Арцыбашевъ, с. 86—8.

[3]) Ипат. лѣт., с. 224; Воскр. л., с. 34; Лавр. л., с. 295.

[4]) „И торжествоваша тамъ свѣтло, и въ любви и въ мирѣ быша вси“. Ник. л., с. 167; Воскр. л., с. 34; Лавр. л., с. 295; Татищевъ II, 275.

[5]) Ипат. л., с. 226; Лавр. л., с. 294; Воскр. л. с. 34—35; Ник. л., 168; Татищевъ, II; 276 7. Въ походѣ принимали участіе: Всеволодъ, Ольговичъ, Владиміръ Давидовичъ, Вячеславъ Владиміровичъ, двое Мстиславичей, Святославъ Ростиславичъ, Бо-

Въ 1145 году вновь возгорѣлась война съ галицкимъ княземъ, который взялъ пограничный кіевскій городъ Прилукъ. Эта вторая война возникла изъ-за Ивана Ростиславича, прозваннаго Берладникомъ, который пытался овладѣть Галичемъ, но потерпѣлъ неудачу и ушелъ въ Кіевъ, подъ защиту Всеволода Ольговича. Послѣдній созвалъ своихъ союзниковъ и пошелъ на галицкаго князя. Въ походѣ принималъ участіе и переяславльскій князь, Изяславъ Мстиславичъ. Походъ былъ неудаченъ, какъ вслѣдствіе наступившей распутицы, такъ и по причинѣ сильнаго отпора жителей. Всеволодъ ни съ чѣмъ возвратился въ Кіевъ, гдѣ опасно заболѣлъ и, спустя нѣсколько дней, скончался въ Вышгородѣ, въ 1146 году[1]). Передъ смертью онъ призвалъ кіевлянъ и условился съ ними, чтобы они, послѣ его смерти, выбрали себѣ княземъ Игоря Ольговича. Кіевляне согласились, подчиняясь, конечно, давленію силы[2]). Кромѣ того, назначая себѣ преемникомъ Игоря, Всеволодъ сдѣлалъ запросъ Давидовичамъ и Изяславу Мстиславичу,— согласны-ли они признать Игоря кіевскимъ княземъ. Тѣ дали утвердительный отвѣтъ. Какъ только умеръ Всеволодъ, Игорь явился въ Кіевъ и занялъ княжескій престолъ. Но едва прибылъ въ Кіевъ Игорь, какъ къ нему явилась депутація отъ кіевлянъ, просившихъ новаго князя пріѣхать къ нимъ и выслушать ихъ просьбу. Игорь согласился и поѣхалъ на вѣче, но, не довѣряя кіевлянамъ, остановился въ нѣкоторомъ разстояніи отъ сходки и черезъ брата послалъ узнать, чего они хотятъ. Кіевляне просили Игоря защитить ихъ отъ насилій и вымогательствъ княжескихъ тіуновъ и другихъ властей. Игорь обѣщалъ сдѣлать все; но народъ, не особенно довѣряя князю, бросился грабить дворы ненавистныхъ ему тіуновъ. Посланный для усмиренія мятежа Святославъ едва могъ утушить его[3]). Такимъ образомъ, первые дни Игоря по вступленіи на кіевскій престолъ прошли въ волненіи. Игорь видѣлъ ясно, что съ кіевлянами ему будетъ трудно управиться. Кромѣ того, сильная опасность грозила также и съ другой стороны, со стороны Мономаховичей, которые считали Кіевъ своею законною отчиною. Игорь попытался прежде всего узнать, какого образа мыслей по отношенію къ нему Изясловъ Мстиславичъ. Онъ послалъ сказать ему: „Богъ принялъ нашего брата къ себѣ; сохраняешь ли ты то, въ чемъ клялся ему?“. Изяславъ ничего не отвѣтилъ на запросъ Игоря. Мало того, онъ задержалъ даже въ Переяславлѣ игорева посла[4]). Игорь по-

---

рисъ и Глѣбъ Всеволодовичи (сыновья Всеволода Городенскаго) и другіе князья. См. Соловьева, II, с. 120, Карамзина, II, с. 130. Арцыбашева с. 88 9.

[1]) Ипат. л., съ 228—9; Воскр. л., с. 35: Татищевъ, II, 279—280.

[2]) Ibidem. Арцыбашевъ, с. 91.

[3]) Ibidem, 228—230; Татищевъ, 282—3.

[4]) Ипат. л., 230; Ник. л., с. 161; Лавр. л., с. 297; Татищевъ, II, с. 282—4.

нялъ, что ему придется воевать съ переяславльскимъ княземъ. Въ это время въ Переяславль пришло приглашеніе отъ кіевлянъ, звавшихъ Изяслава Мстиславича на кіевскій престолъ: „пойди, княже, къ намъ: хотимъ имѣть тебя княземъ!“—говорили посланные Изяславу [1]). Послѣдній согласился, и помолившись въ соборномъ переяславльскомъ храмѣ св. Михаила и взявъ благословеніе у переяславльскаго епископа Евфимія, двинулся къ Кіеву. Въ Переяславлѣ остался Мстиславъ Изяславичъ, которому было поручено оберегать городъ. Изяславъ объявилъ, что онъ идетъ добывать Кіева не для себя, но для своего дяди, Вячеслава, который, имѣлъ на то законныя права старшинства. Изяславъ двигался къ Кіеву во главѣ своихъ переяславльскихъ войскъ. Переправившись черезъ Днѣпръ у Заруба, Изяславъ направился къ р. Роси, къ разбросаннымъ тамъ чорноклобуцкимъ поселеніямъ, которыя онъ разсчитываетъ привлечь па свою сторону. Надежды его оправдались. Лишь только черные-клобуки узнали, что Изяславъ идетъ на Ольговичей, какъ отправили къ нему сказать: „ты намъ князь, а Ольговичей не хотимъ; поѣзжай скорѣе: мы будемъ съ тобой! [2]). Возлѣ Дерноваго, на Роси, къ Изяславу, пристали черные клобуки и другіе жители, которые сочувствовали предпріятію переяславльскаго князя [3]). Между тѣмъ, какъ Изяславъ заручался военной силой въ Кіевской землѣ, изъ столицы послѣдней пришли посланные, которые сказали Изяславу, что кіевляне, съ войскомъ, готовы перейти на его сторону. Тогда Изяславъ быстро двинулся къ Кіеву, объявивъ войску, что онъ или голову свою положитъ, или же добудетъ столъ отца своего и и дѣда [4]). Игорь очутился теперь въ затруднительномъ положеніи; онъ послалъ къ Давидовичамъ, съ просьбой о помощи. Давидовичи, хотя были и не въ особенныхъ ладахъ съ Игоремъ, однако, надѣясь на щедрыя награды землями, согласились помогать ему. Игорь старался задобрить также и вліятельныхъ кіевлянъ, бояръ, но ничего не успѣлъ. Когда войска противниковъ выступили навстрѣчу другъ къ другу и остановились близъ Ольговой Могилы, кіевляне перешли на сторону Изяслава. Игорь, однако, не потерялся, а рѣшилъ сразиться съ противникомъ. Изяславъ сумѣлъ раздѣлить войско Игоря и на-голову разбилъ его. Игорь бросился бѣжать, надѣясь уйти въ Черниговъ, но на дорогѣ завязъ въ Дорогожицкомъ болотѣ, откуда не могъ выйти

[1]) Ibidem. См. также Погодина I, с. 236; Арцыбашева, с. 92.

[2]) Ипат. л., с. 230; Татищевъ (II, с. 284), передаетъ, что „черные клобуки жаловались Изяславу на Ольговичей, которые отнимали у нихъ женъ и дочерей, имѣнія грабили, и съ ними, не яко подданными, но яко съ непріятели поступали“.

[3]) Ипат. л., 231; Татищевъ, II, 284; Арцыбашевъ, с. 92.

[4]) Ibidem.

вслѣдствіе болѣзни ногъ[1]). Только на третій день нашли ослабѣвшаго несчастнаго Игоря и привезли его въ Кіевъ[2]). Что касается Святослава Ольговича, то онъ, послѣ сраженія, успѣлъ пробраться на устья р. Десны, откуда и удалился въ свой Новгородъ-Сѣверскій. Святославъ Всеволодовичъ, скрывшійся въ монастырь св. Ирины, былъ захваченъ въ плѣнъ. Игорево войско было частью перебито, частью потонуло въ рѣкѣ во время поспѣшнаго бѣгства. Изяславъ одержалъ полную побѣду, которая доставила ему кіевскій престолъ. Плѣннаго Игоря Ольговичи помѣстили сначала въ Выдубецкій монастырь, а затѣмъ, заковавъ въ цѣпи, отправили въ Переяславль, гдѣ злополучный князь былъ заключенъ въ сырую и тѣсную тюрьму, находившуюся при монастырѣ св. Іоанна[3]).

Побѣда Изяслава надъ Игоремъ оказала извѣстное вліяніе и на степняковъ: половцы прислали къ Изяславу пословъ просить мира[4]).

Занявъ кіевскій престолъ, Изяславъ, съ одной стороны, долженъ былъ вести борьбу съ соперниками - Ольговичами, а съ другой—уладиться со своимъ дядей, Вячеславомъ, который считалъ, что кіевскій престолъ, по праву старшинства, принадлежитъ ему. Въ силу этого Вячеславъ, еще не получивъ въ свои руки Кіева, началъ забирать себѣ отнятые у него Всеволодомъ Ольговичемъ города и, кромѣ того, захватилъ г. Владиміръ-Волынскій, который тогда же и передалъ своему племяннику, Владиміру Андреевичу[5]). Но Изяславъ далъ понять дядѣ, что не ему управлять Русской землей: онъ послалъ на Вячеслава своего брата Ростислава и племянника Святослава, которые отняли у Вячеслава Туровъ и передали послѣдній Изяславову сыну—Ярославу[6]). Поступивъ такъ круто съ дядей, Изяславъ иначе отнесся къ нѣкоторымъ изъ своихъ противниковъ: онъ привлекъ на свою сторону Святослава Всеволодовича, надѣливъ его нѣсколькими городами[7]). Съ Давидовичами, узнавшими о печальномъ исходѣ борьбы Игоря на Кіевъ, былъ заключенъ союзъ; съ половцами, какъ мы видѣли раньше, также былъ заключенъ миръ. Давидовичи не безъ разсчета вступили въ со-

---

[1]) Ibidem. Татищевъ, II, 286. Дорогожицкое болото лежитъ тамъ, гдѣ въ настоящее время находится ручей „Сырецъ“ - урочище г. Кіева, къ сѣверу отъ него.

[2]) Лавр. л., с. 297; Ипат. л., с. 231; Ник. л., с. 169; См. также Соловьева, II, с. 130—1; Татищева, II, 287.

[3]) Ипат. л., с. 344; Лавр. л., 297—299; Воскр. л., с. 36; Ник. л., с. 169; Татищевъ II, с. 288.

[4]) Ник. л., с 169—170; Татищевъ, II, с. 288—9; Арцыбашевъ, пов. о Россіи, с. 94.

[5]) Ibidem, Татищевъ, II, 290; Соловьевъ, II, с. 132.

[6]) Ник. л., с. 170; Ипат. л., с. 234—5; Воскр. л., с. 36; Лавр л., с. 298; Татищевъ, II, 290; Арцыбашевъ, с. 94; Соловьевъ, II, с. 132.

[7]) Изяславъ далъ Святославу Всеволодовичу Бужскъ, Межибожье, Котельницу и пр. Ипат. л., 234.

юзъ съ Изяславомъ: задавшись цѣлью объединенія всѣхъ сѣверскихъ земель подъ своею властью, Давидовичи разсчитывали воспользоваться междоусобіями князей и прихватить у Святослава Ольговича, если не всѣ, то хотя часть его сѣверскихъ владѣній. Изяславу, въ виду надвигавшейся на него грозы со стороны недовольныхъ князей, былъ на руку такой разладъ между противниками.

Между тѣмъ противъ Изяслава возстали недовольные захватомъ Кіева князья. Во главѣ недовольныхъ стоялъ суздальскій князь, Юрій Долгорукій. Послѣдній давно уже мечталъ основаться на югѣ. Онъ нѣсколько разъ пытался утвердиться въ Приднѣпровьи: захватывалъ Переяславль, нѣсколько времени княжилъ въ послѣднемъ, но никакъ не могъ прочно удержаться близъ Кіева. Утвержденіе Изяслава на кіевскомъ престолѣ было далеко не по сердцу Юрію, который считалъ себя имѣющимъ болѣе правъ на Кіевъ, чѣмъ его племянникъ. Поэтому, когда братъ Игоря, Святославъ Ольговичъ, обратился къ Юрію съ предложеніемъ идти добывать Кіевъ и освободить захваченнаго въ плѣнъ Игоря—Юрій съ радостью согласился.

Святославъ О-чъ, уходя въ Новгородъ-Сѣверскъ, направился туда черезъ Посемье, очевидно, съ цѣлью дать тамъ необходимыя для него распоряженія [1]). Приготовляясь къ борьбѣ съ противникомъ, Святославъ Ольговичъ, спѣшилъ заручиться союзниками, но не особенно успѣлъ въ этомъ: ему удалось привлечь на свою сторону только молодого рязанскаго князя, Владиміра Святославича, Ивана Берладника да часть половцевъ, пришедшихъ къ Святославу подъ начальствомъ своихъ хановъ,—Тюнрака и Камоса [2]). Въ это же время Изяславъ М-чъ, условившись съ Давидовичами объ изгнаніи Святослава изъ Сѣверской земли, отправилъ на помощь къ Давидовичамъ своего сына, Мстислава, съ переяславльцами и берендѣями и побуждалъ ихъ идти поскорѣе на Ольговича: „Идите на Святослава—говорилъ онъ; если не выбѣжитъ изъ города передъ вами, стойте около и ожидайте, пока я приду къ вамъ на смѣну: тогда вы пойдете домой“ [3]). Давидовичи пытались было захватить Святослава О—ча, но, когда это не удалось, выступили въ походъ, опустошили все на своемъ пути, осадили Путивль, пограбили возлѣ Новгородъ-Сѣверска, и, наконецъ, общими силами такъ стѣснили Святослава, что онъ долженъ былъ спасаться съ семьей въ лѣсныя мѣста—къ Брянску и Корачеву [4]). Изяславъ Давидовичъ,

---

[1]) Карамзинъ, II, пр. 294; Татищевъ, II, 288; Соловьевъ, II, с. 133.

[2]) Ипат. л., с. 234. Иловайскій. Ист Рязанск. кн., с. 26. Владиміръ Святославичъ былъ племянникомъ Ростислава Разянскаго. По Татищеву (II, 295), половецкіе князья были: Туруканъ и Комосъ Осолуковичи.

[3]) Ипат. л., с. 235; Татищевъ, II, с. 235; Погодинъ, I, 228; Соловьевъ, II, с. 134.

[4]) Интересно замѣтить, что Путивль, не смотря на упорную осаду его Ольго-

разсчитывая захватить Святослава Ольговича, погнался за нимъ съ однимъ только своимъ войскомъ, безъ союзниковъ. Узнавъ объ этомъ, Святославъ О-чъ поворотилъ назадъ, бросился на противника и разбилъ его [1]). Не смотря на это, Святославъ О-чъ не могъ вполнѣ воспользоваться плодами своей побѣды: на него быстро шелъ Изяславъ Мстиславичъ, разоряя все на своемъ пути. Тогда Святославъ О-чъ ушелъ въ землю вятичей, подъ защиту лѣсовъ этого края [2]).

Земли бѣжавшаго Святослава О-ча Изяславъ М-чъ отдалъ Давидовичамъ, захваченную движимость—раздалъ другимъ союзникамъ, самъ же взялъ себѣ удѣлъ Игоря [3]). Въ это время Юрій Долгорукій, узнавъ о такомъ печальномъ положеніи Святослава Ольговича, двинулся было къ нему на помощь, но долженъ былъ поворотить назадъ, т. к. на суздальскія земли, по наущенію Изяслава М-ча, напалъ рязанскій князь, Ростиславъ Святославичъ, опасавшійся за цѣлость своихъ земель, вблизи такого опаснаго сосѣда. Однако, Ростиславъ потерпѣлъ разгромъ отъ Юрія и убѣжалъ въ степи, къ половцамъ [4]). Тѣмъ не мѣнѣе, планъ Изяслава удался, и Юрій не могъ своевременно подать помощи Святославу Ольговичу. Онъ только послалъ къ послѣднему свего сына Ивана, который получилъ въ управленіе Курскъ съ Посемьемъ, но, кажется, долго удержаться въ немъ не могъ. Онъ ушелъ въ рязанскую землю, гдѣ вскорѣ и скончался [5]).

Такимъ образомъ война, повидимому, окончилась, причемъ Изяславъ вышелъ изъ нея побѣдителемъ и съ торжествомъ возвратился въ Кіевъ. Однако, вражда между соперниками не прекращалась. Наступившее на время затишье обѣщало вскорѣ перейти въ большую грозу. Дѣйствительно, весной 1147 года война возгорѣлась съ новой силой.

Между тѣмъ, Давидовичи дѣйствовали энергично: они пошли на Святослава выгнали его изъ Брянска, овладѣли Козельскомъ и Дѣдославлемъ и уже готовились прибрать въ свои руки послѣднія земли

вичами, не сдавался. Между тѣмъ, когда къ городу подошелъ Изяславъ М—чъ, путивльцы съ радостью отворили ему ворота, очевидно, желая попасть лучше въ руки Изяслава, чѣмъ Давидовичей. Ипат. л., с. 236. См. Голубовскаго. Ист. сѣв., з. 127. Соловьева, II, с. 135—6; Арцыбашева, с. 96.

[1]) Ипат. л., с. 237—9; Воскр. л., с. 36—7; Татищевъ, II, с. 291—5; Арцыбашевъ, 95—7.

[2]) Ипат. л., с. 238—9; Воскр. л., с. 37: Лавр. л., с. 297; Татищевъ, II, 295. Арцыбашевъ, с. 97—8.

[3]) Ипат. л., с. 239; Ник. л., с. 170; Погодинъ, I, с. 239.

[4]) Ипат. л., с. 240; Иловайскій. Ист. Рязан к-ва, с. 26—27: Татищевъ, II, с. 298—9.

[5]) Ипат. л., с. 236; Татищевъ, II, с. 292; Карамзинъ, II, стр. 140, прим. 296; Арцыбашевъ, с. 97—9. По всей вѣроятности, Курскъ, какъ и Путивль, около этого времени перешелъ во власть Изяслава Мстиславича

Ольговичей, какъ обстоятельства нѣсколько измѣнились не въ пользу Давидовичей. Юрій Долгорукій, управившись съ рязанскимъ княземъ, прислалъ Святославу Ольговичу вооруженную помощь, а именно—1000 бѣлозерскихъ латниковъ. Святославъ, получивъ такое подкрѣпленіе, измѣняетъ свою тактику и, вмѣсто отступленія, самъ нападаетъ на земли враговъ. Такъ, по совѣту Юрія, Святославъ О-чъ напалъ на Смоленскую землю и разорилъ часть ея. Самъ Юрій въ это время повоевалъ Новгородскую область [1]). Въ томъ же 1147 году произошло въ Москвѣ извѣстное свиданіе Святослава Ольговича съ Юріемъ Долгорукимъ. Союзники еще больше сблизились во время этого свиданія и столковались на счетъ подготовки силъ для новой борьбы съ Изяславомъ. Послѣ этого, Святославъ направился въ земли Вятичей, заручился здѣсь союзомъ послѣднихъ и двинулся на югъ, къ черниговскимъ предѣламъ. Сюда явились къ нимъ на помощь свѣжія силы половцевъ, затѣмъ пришли съ юга и знаменитые бродники,—прототипъ малорусскаго низоваго казачества. Кромѣ того, Юрій прислалъ Святославу вспомогательный отрядъ подъ начальствомъ своего сына, Глѣба [2]). Такимъ образомъ у Святослава О-ча собралась огромная военная сила, съ которой спорить было трудно. Давидовичи очутились въ весьма критическомъ положеніи: они начали терять одинъ городъ за другимъ. Не надѣясь устоять въ борьбѣ, Давидовичи попросили у Святослава мира, обѣщая ему быть на его сторонѣ, возвратить его земли и имущество и дѣйствовать противъ Изяслава. Святославъ согласился. Однако, вновь заключенный съ недавними еще врагами союзъ Давидовичи держали пока въ тайнѣ. На общемъ собраніи союзниковъ было рѣшено заманить Изяслава на лѣвую сторону Днѣпра, подальше отъ Кіева и здѣсь схватить его, а Игоря Ольговича—освободить изъ тюрьмы [3]). Особенно много помогалъ Давидовичамъ Святославъ Всеволодовичъ, недавно взятый въ плѣнъ Изяславомъ и отпущенный послѣднимъ незадолго до начала войны въ Черниговскую землю. Оставивъ Кіевъ, Святославъ Всеволодовичъ отправился къ Давидовичамъ и согласился вмѣстѣ съ ними дѣйствовать противъ Изяслава.

Между тѣмъ, Давидовичи, составивъ такой коварный планъ относительно Изяслава Мстиславича, просятъ послѣдняго придти къ нимъ на помощь противъ Святослава Ольговича, который будто бы грозилъ чуть не всей ихъ области и разорялъ послѣднее ихъ достояніе. „Земля наша погибаетъ, а ты не хочешь идти къ намъ на помощь"—торопили они Изяслава. Послѣдній созвалъ вѣче изъ кіевлянъ, указалъ

¹) Ипат. л., с. 240—Воскр. л., с. 38; Татищевъ, II, 299.

²) Ипат. л., с. 242; Лавр. л., с. 299; Ник. л., с. 39; Татищевъ, II, с. 302—3; Арцыбашевъ, с. 101—2.

³) Ibidem; См. также Татищева, II, 304—5; Карамзина, II, с. 143; Соловьева, II, 139; Иловайскаго, Кіев. періодъ, I, с. 222.

па опасность со стороны враговъ и объявилъ имъ о своемъ намѣреніи вмѣстѣ съ Давидовичами и братомъ Ростиславомъ идти на Юрія. Кіевляне отговаривали Изяслава отъ этого похода, вполнѣ справедливо замѣчая, что полагаться на черниговскихъ князей—дѣло рискованное. Изяславъ не хотѣлъ вѣрить въ возможность измѣны со стороны Давидовичей; онъ объявилъ кіевлянамъ, что Давидовичи—его вѣрные союзники: они даже поклялись въ этомъ. Тогда кіевляне сказали Изяславу: „ты, князь, не гнѣвайся на насъ за нашу откровенность: мы не можемъ поднять рукъ на Владимірово племя, а на Ольговичей—пойдемъ даже и съ дѣтьми“ [1]).

Не смотря, однако, на отказъ кіевлянъ отъ участія въ походѣ и ихъ предостереженіе на счетъ черниговскихъ, Изяславъ остался при своемъ мнѣніи, а именно: немедленно же идти на враговъ. Положеніе Изяслава въ это время было дѣйствительно незавиднымъ: коалиція союзниковъ, подъ начальствомъ такого энергичнаго вождя, какъ Юрій Долгорукій, къ которому присоединились еще бродники и половцы, была настолько опасной, что оставлять дѣло безъ вниманія и давать врагамъ возможность стянуть въ одно мѣсто свои военныя силы,—было бы большой оплошностью. Изяславъ рѣшилъ не допустить до этого, а, напротивъ, быстро напасть на врага и, если можно, разбить его [2]).

Захвативъ съ собою дружину, къ которой пристало по своей охотѣ нѣсколько кіевлянъ, и уладившись съ половцами, Изяславъ направился къ Переяславлю, чтобы подкрѣпить свои силы тамошними войсками и идти на враговъ. Планъ его состоялъ въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе овладѣть Посемьемъ, особенно Курскомъ.

Курскія земли, дѣйствительно, были важны въ стратегическомъ отношеніи, такъ какъ отсюда можно было легко слѣдить и за степняками, въ случаѣ еслибы они пытались напасть на Русскую землю, и за войсками тѣхъ лицъ, которыя дѣлали бы военныя передвиженія въ земляхъ между Днѣпромъ и Окой. Поэтому, движеніе въ область Сейма, очевидно, разсчитанное на то, чтобы не допустить враговъ до соединенія, было дѣломъ большой предусмотрительности.

Между тѣмъ Изяславъ отъ береговъ Альты, гдѣ къ нему присоединились переяславльскія войска, двинулся къ Нѣжатину, находившимся, правдоподобно, близъ промежутка между верховьями рѣкъ Остра и Удая, и отсюда подвинулся еще дальше на сѣверъ, а его сынъ, Мстиславъ,

---

[1]) Ипат. л., с. 243; Лавр. л., с. 299; Татищевъ, II, 305; Арцыбашевъ, 102—3.

[2]) Въ Лавр. л., с. 299; Ник. л., с. 173 и у Татищева (II, 304) сказано, что Изяславъ, „учиня миръ съ Половцы у Воиня, велѣлъ войскамъ собираться“. Очевидно, половцы знали о несогласіи среди князей. Здѣсь, очевидно, Воинь переяславльскій, а не рязанскій, какъ сказано въ Ник. лѣтописи.

въ это время овладѣлъ Посемьемъ, которое, какъ мы видѣли раньше, уже тянуло къ Переяславлю [1]). Осторожно подвигаясь впередъ, Изяславъ нѣсколько изумился той противоположности въ дѣйствительномъ положеніи страны, сравнительно съ тѣмъ, какъ изображали ее Ольговичи: вступивъ въ непріятельскую землю, Изяславъ ничего не слыхалъ о тѣхъ наступательныхъ дѣйствіяхъ враговъ, на которыя жаловались Давидовичи; его сынъ овладѣлъ Посемьемъ, очевидно, безъ особаго труда. Изяславъ рѣшаетъ разузнать, что за причина была всему этому, и въ какомъ положеніи относительно него находятся Ольговичи. Очевидно, предостереженіе кіевлянъ — не особенно довѣрять Давидовичамъ, — не прошло безслѣдно, и кіевскій князь, выступивъ въ походъ, счелъ не лишнимъ провѣрить, какъ обстояли дѣла въ Черниговѣ, и на чьей сторонѣ Давидовичи: онъ посылаетъ въ Черниговъ довѣренное лицо, нѣкоего Глѣба, съ тайнымъ порученіемъ—узнать обо всемъ подробно [2]). Въ то время, какъ Глѣбъ разузнавалъ въ Черниговѣ объ измѣнѣ Ольговичей и о заключеніи ими союза со Святославомъ Ольговичемъ и Юріемъ, партія черниговскихъ приверженцевъ Изяслава посылаетъ къ нему, въ лагерь, извѣстіе объ измѣнѣ Давидовичей и предостерегаетъ его: „не выступай, княже, отсюда никуда; тебя хотятъ обмануть и—либо убить, либо—захватить въ плѣнъ, вмѣсто Игоря; они (Давидовичи) уже цѣловали крестъ Святославу Ольговичу и послали за Юріемъ, чтобы вмѣстѣ идти на тебя" [3]). Почти одновременно съ этимъ, Изяславъ получилъ донесеніе и отъ Глѣба объ измѣнѣ Давидовичей, и тотчасъ же поворотилъ назадъ и остановился лагеремъ сначала у Нежатина, а потомъ на верховьяхъ р. Супоя, ожидая, вѣроятно, вѣстей отъ своего сына [4]). Въ это время Изяславъ посылаетъ въ Черниговъ, къ Давидовичамъ, пословъ съ предложеніемъ—передъ на-

---

[1]) Ипат. л. с. 243—250; Арцыбашевъ, 103. Мстиславъ Изяславичъ, по сообщенію Татищева, владѣлъ передъ этимъ Курскою областью, которую онъ теперь, сообразно планамъ отца, оставилъ и былъ посаженъ въ Переяславлѣ. (Ист. Рос., II, 303). Въ виду того значенія, какое имѣло Посемье для спорящихъ и тѣхъ заботъ, какія выказывалъ о немъ Святославъ О-чъ,—захватъ Посемья Изяславомъ, послѣ ухода Святослава О-ча въ Вятичи, былъ дѣломъ весьма вѣроятнымъ.

[2]) Ипат. л., с. 243—244. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ (Никон., Воскр., Лавр., и друг.) сказано, что Изяславъ отправилъ посла въ Черниговъ тотчасъ же послѣ своего перехода черезъ р. Днѣпръ. Это невѣрно. Не говоря уже о томъ, что такая недовѣрчивость въ началѣ похода не дозволила бы Изяславу идти такъ далеко на враговъ, дальнѣйшій разсказъ Ипатьевской лѣтописи, болѣе подробно описывающій событія, говоритъ въ пользу того, что Глѣбъ былъ посланъ съ дороги, а не изъ Кіева.

[3]) Ипат. л., с. 244; Ник. л., с. 174; Лавр. л., с. 299.

[4]) Лавр л., с. 299; Татищевъ (II, с. 306) говоритъ, что „Изяславъ, увѣдавъ о такомъ на него зломъ умыслѣ, немедленно назадъ возвратясь, сталъ у Нежатина". Когда же убили Игоря, и Владиміръ послалъ объ этомъ извѣстіе Изяславу, послѣдній стоялъ тогда съ войсками на верховьѣ Супоя (Ibidem, II, с. 313).

чаломъ войны вновь скрѣпить крестнымъ цѣлованіемъ свой союзъ съ нимъ. Давидовичи отказали, объявивъ, что они уже разъ цѣловали крестъ, дѣлать же вторично тоже самое—излишне. Тогда Изяславовъ посолъ, по заранѣше данному ему приказу, объявилъ Давидовичамъ, что Изяславу извѣстна ихъ измѣна, ихъ союзъ со Святославомъ и Юріемъ и ихъ замыслы относительно Изяслава. „Правда-ли, сказалъ посолъ, что вы замыслили заманить Изяслава, и либо убить его, либо—схватить?“ Давидовичи были сильно смущены этимъ и долго молчали. Затѣмъ, удаливъ на время посла, они переговорили между собою и, призвавъ опять посла, объявили ему, что они дѣйствительно цѣловали крестъ Святославу Ольговичу, т. к. имъ жаль бѣднаго Игоря, теперь чернеца и схимника; и что если Изяславъ отпустить Игоря, то они будутъ съ нимъ въ союзѣ [1]). Такимъ образомъ, интрига Давидовичей раскрылась. Изяславъ, по полученіи свѣдѣній объ всемъ, что замышлялось противъ него, немедленно же отослалъ Давидовичамъ ихъ крестныя или же договорныя грамоты и, упрекая въ неблагодарности за все то, что онъ имъ далъ изъ удѣла Ольговичей, объявилъ, что съ Божьей помощью, онъ самъ будетъ защищать свое дѣло [2]).

Положеніе Изяслава было незавиднымъ: онъ не предполагалъ найти такъ скоро измѣну со стороны Давидовичей. Сознавая большую опасность для себя отъ новой коалиціи князей, и не будучи въ состояніи собственными силами отразить враговъ, Изяславъ снова посылаетъ за помощью къ своему брату, князю Ростиславу Смоленскому [3]), а также и въ Кіевъ, прося кіевлянъ помочь ему въ бѣдѣ. Когда братъ Изяслава, Владиміръ Мстиславичъ (въ то время правившій Кіевомъ), объявилъ кіевскому вѣчу о замыслахъ враговъ и о томъ, какъ они хотѣли погубить Изяслава,—народъ заволновался. Возбужденіе противъ нарушителей мира на Руси,—Ольговичей, грабившихъ съ половцами Русскія земли, разросталось все больше и больше и кончилось тѣмъ, что разсвирѣпѣвшій народъ бросился въ монастырь, гдѣ находился Игорь, извлекъ его оттуда и, не смотря на защиту князя Владиміра Мстиславича,—убилъ несчастнаго Игоря. Это печальное событіе произошло въ 1147—мъ году [4]).

Изяславъ находился на вершинѣ Супоя, когда къ нему пришла вѣсть объ убіеніи Игоря. Глубоко опечаленный этой скорбной вѣстью, Изяславъ сильно сокрушался и плакалъ; онъ признавался своей дружинѣ, что если бы зналъ заранѣше о томъ, что Игорю можетъ угрожать что либо подобное, то удалилъ бы его подальше отъ опасности.

---

[1]) Ипат. л., с. 244—5: Татищевъ, II, с. 306—8: Арцыбашевъ, с. 103—4.
[2]) Ипат. л., с. 245: Воскр. л., с. 41: Татищевъ, 308—9.
[3]) Ibidem, а также Ник. л., с. 176.
[4]) Ипат. л., с. 246—7; Лавр. л., с. 302; Татищевъ, II, 313.

Дружина успокоивала князя, доказывая, что не онъ виновенъ въ убіеніи князя, а скорѣе Ольговичи, которые цѣловали крестъ въ вѣрности своихъ словъ и нарушили ихъ, возбудивъ жестокую войну [1]). Сокрушаясь о несчастіи Игоря, Изяславъ оставался съ войсками на томъ же мѣстѣ близъ Супоя: онъ, очевидно, выжидалъ, что будутъ дѣлать его соплеменные враги и половцы: кромѣ того, ему было также интересно находиться неподалеку и отъ сына, пребывавшаго въ то время на Посемьи. Опасенія на счетъ спокойствія въ Посемьи были не напрасны, т. к. Глѣбъ Юрьевичъ съ суздальскими войсками вскорѣ напалъ на Курскую область и началъ ее опустошать. Мстиславъ Изяславичъ хотѣлъ было воодушевить курянъ противъ суздальскаго князя, но куряне отвѣчали, какъ и кіевляне,—что они не могутъ поднять рукъ на племя Мономаха. Тогда Мстиславъ оставилъ Курскъ и ушелъ къ своему отцу. Курскъ былъ занятъ Глѣбомъ Юрьевичемъ, а по другимъ городамъ Посемья были посажены новые посадники [2]). Между тѣмъ къ Изяславу спѣшилъ братъ его, Ростиславъ Смоленскій: онъ напалъ на Любечъ и сильно опустошилъ его. Нападеніе на Любечъ, помимо желанія подорвать благосостояніе враговъ, обусловливаясь, вѣроятно, и стратегическими соображеніями, т. к. городъ этотъ лежалъ на перепутьи между Смоленскомъ и Кіевомъ.

Послѣ того, какъ Глѣбъ овладѣлъ Посемьемъ, къ нему явилось на помощь множество половцевъ. Теперь Глѣбъ и его союзники рѣшаютъ ближе придвинуться къ Переяславльскимъ предѣламъ и захватить въ свои руки тѣ города, которые лежали неподалеку отъ сѣверо-восточной границы Переяславльской земли. Они осадили города: Вырь, Вьяхань и Попашъ [3]). Вырь и Вьяхань, не смотря на угрозу Глѣба—отдать ихъ на разграбленіе половцамъ,—успѣли отстоять себя, городъ же Попашъ былъ взятъ войсками Глѣба, къ которому присоединился на помощь Изяславъ Давидовичъ [4]).

Очевидно, Ольговичи, нападая на эти пункты, разсчитывали сдѣлать въ этомъ мѣстѣ свободный доступъ въ предѣлы Переяславльской земли, состоявшей въ союзѣ съ Кіевомъ. Планы Ольговичей

---

1) Ипат. л., с. 250; Татищевъ, II, с. 313.

2) Ипат. л., с. 250—251; Арцыбашевъ, с. 107. Татищевъ (II, 314) передаетъ, что когда Глѣбъ Юрьевичъ явился въ Курскъ, то Мстиславъ Юрьевичъ ушелъ къ отцу въ Суздаль. Здѣсь, вѣроятно, ошибка: не Мстиславъ Юрьевичъ, а Мстиславъ Изяславичъ ушелъ къ отцу. И это является тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что, послѣ занятія Глѣбомъ Курска, другіе города Посемья признавали княземъ Изяслава Мстиславича.

3) Ibidem; Татищевъ (II, 314), говоритъ, что Глѣбъ пошелъ на Киремы, но это, очевидно, Вырь.

4) Ипат. л., с. 251; Воскр. л., с. 212—3; Ник. л., с. 177. Татищевъ, II, 315.

не осуществились. Изяславъ Мстиславичъ предвидѣлъ грозившую ему опасность и успѣлъ составить довольно значительную военную силу, въ составъ которой входили войска Вячеслава и Волынскаго князя, кіевляне, черные-клобуки и пр. Разсчитывая предупредить враговъ, которые, повидимому, намѣревались напасть на Переяславль, Изяславъ быстро двинулся къ послѣднему. Здѣсь къ нему пришла радостная вѣсть, что и братъ его, Ростиславъ, находится недалеко и успѣшно воюетъ Черниговскія земли[1]). Тогда Изяславъ пошелъ тихо, поджидая къ себѣ подхода Ростислава. У Черной Могилы, гдѣ остановился Изяславъ въ ожиданіи брата, войска Ростислава сошлись съ кіевскими полками[2]). Приходъ Ростислава былъ очень кстати Изяславу: теперь являлась возможность захватить врасплохъ враговъ расположившихся на верховьяхъ р. Сулы. На военномъ совѣтѣ, устроенномъ для разрѣшенія вопроса—куда идти,—было рѣшено направиться къ Сулѣ, гдѣ уже хозяйничали половцы и, если можно, отрѣзать Ольговичамъ отступленіе домой[3]). Планъ этотъ былъ задуманъ весьма искусно, но выполнить его не удалось. Дѣйствительно, еслибы Изяславъ успѣлъ преградить дорогу къ Чернигову,—Святославъ Ольговичъ и его союзники попали бы въ самое затруднительное положеніе; но воевавшіе у верховьевъ Сулы Ольговичи были чрезвычайно осторожны; они зорко слѣдили за всѣмъ, что совершалось вокругъ, и лишь только узнали объ угрожающемъ имъ движеніи Изяслава и его союзниковъ, какъ немедленно же начали быстро отступать къ Чернигову. Поспѣшное отступленіе черниговскихъ князей произвело панику среди половцевъ, которые, при наступленіи ночи, тайкомъ бросились бѣжать въ свои степи, такъ что на утро только весьма незначительная часть половцевъ осталась въ лагерѣ черниговскихъ князей[4]).

Узнавъ объ отступленіи враговъ, Изяславъ вновь созываетъ военный совѣтъ, чтобы рѣшить, какъ надо дѣйствовать теперь. Опытные дружинники и черные-клобуки совѣтовали немедленно же двинуться ко Всеволожу, гдѣ, по ихъ мнѣнію, легко можно преградить врагамъ путь къ отступленію[5]). Было рѣшено идти къ Всеволожу, но когда Изя-

---

[1]) Ипат. л., 251; Ник. л. 177; Татищевъ, II, с. 315; Арцыбашевъ, 107.

[2]) Ibidem.

[3]) Татищевъ (II, 315) говоритъ, что Ростиславъ Мстиславичъ объяснилъ на совѣтѣ, что брать назадъ захваченные Ольговичами города—неосновательно, т. к. придется и города брать, и опасаться прихода Ольговичей съ поля; лучше всего—сначала пойти къ Сулѣ, на Ольговичей, а города достанутся потомъ безъ пролитія крови.

[4]) Ипат. л., с. 251—2; Ник. л., с. 177; Лавр. л., 302; Арцыбашевъ, 108.

[5]) Ипат. л., с. 251—2; Лавр. л., с. 302; Татищевъ, II, с. 316. Всеволожъ—нынѣ с. Сиволожъ, Черниговск. губ. См. Барсова. Мат. для ист. г. сл. Р., с. 147—8.

славъ подошелъ къ этому городку. Ольговичей уже тамъ не было: они успѣли миновать эти мѣста. Такъ какъ догонять противниковъ было напраснымъ, потому что они были далеко, то Изяславъ, въ досадѣ на неудачу, рѣшаетъ осадить Всеволожъ, подъ защиту котораго укрылись жители двухъ сосѣднихъ городовъ. Всеволожъ былъ взятъ приступомъ. Жители лежащихъ по сосѣдству городовъ,—Уненѣжа, Бѣловежи, Бахмача и проч.,—узнавъ о судьбѣ Всеволожа, бросились бѣжать подъ защиту г. Чернигова[1]). Изяславъ отправилъ за ними погоню, которая нагнала бѣглецовъ на полѣ, захватила въ плѣнъ жителей трехъ городовъ, остальные же успѣли уйти. По распоряженію Изяслава, покинутые жителями города были сожжены[2]). Но этого было мало. Изяславъ, очевидно, рѣшилъ нанести серьезный вредъ черниговскимъ окраинамъ: онъ намѣревался разорить ту линію крѣпостей, которая находилась на юго-восточной границѣ Черниговскихъ земель и заграждала входъ въ вышеназванное княжество; кромѣ того, эта линія крѣпостей была базисомъ для черниговцевъ въ случаѣ какихъ либо столкновеній съ Переяславльской землей. Въ виду этого, Изяславъ подступилъ къ Глѣблю, лежащему неподалеку отъ вышеназванныхъ городовъ и осадилъ его. Глѣбльцы отчаянно защищались и не сдавались, не смотря на цѣлый день усилій, потраченныхъ на то, чтобы взять ихъ городъ[3]). Не успѣвъ взять Глѣбля, Изяславъ и Ростиславъ возвратились въ Кіевъ, въ надеждѣ выступить въ походъ зимой, при болѣе благопріятныхъ для военныхъ операцій условіяхъ. Въ Кіевѣ былъ задуманъ смѣлый планъ будущихъ военныхъ дѣйствій, а именно: одновременно открыть войну въ двухъ мѣстахъ: Ростиславу—на сѣверѣ, противъ Юрія, который такимъ образомъ поневолѣ долженъ будетъ оставаться тамъ, а Изяславу—на югѣ, противъ Ольговичей и Давидовичей, съ которыми можно было управиться сравнительно болѣе легко. Отпраздновавъ въ Кіевѣ свою первую удачу въ борьбѣ съ Ольговичами, Ростиславъ возвратился въ Смоленскъ. Съ наступленіемъ зимы военныя дѣйствія возобновились. Первыми начали Ольговичи. Какъ только стали рѣки, они направили свою дружину и половцевъ на земли противниковъ и повоевали Брягинъ[4]).

---

[1]) Ипат. л., с. 252; Ник. л., с. 177. Татищевъ (II, 316) вмѣсто Уненѣжа читаетъ Ушенъ.

[2]) Ипат. л., с. 251—2. Ibidem.

[5]) Ibidem.

[4]) Ипат. л., с. 253; Татищевъ (II, с. 317 и 426; примѣчаніе) говоритъ, что Брягинъ городокъ—это Остеръ. Неизвѣстно, чѣмъ руководствовался здѣсь Татищевъ. Нельзя ли видѣть здѣсь въ Брягинѣ м. Брягинцъ, рѣчицк. уѣзда, минской губ. Другіе помѣщаютъ Брягинъ въ Кіевской землѣ. См. Барсова, Мат. для ист. геогр. слов. Рос., стр. 15; Погодинъ, IV, с. 172.

Между тѣмъ Глѣбъ Юрьевичъ, утвердившись въ Курскѣ, началъ дѣятельно заботиться объ этомъ краѣ: онъ отражаетъ набѣги половцевъ и жестоко преслѣдуетъ послѣднихъ не только въ Курской землѣ, но и въ Рязанской [1]). Такая политика, конечно, шла вразрѣзъ съ основными тенденціями черниговскихъ князей, которые были давними друзьями половцевъ. Это обстоятельство наводило, повидимому, на мысль о разрывѣ Глѣба съ Ольговичами. Въ виду этого, Изяславъ, не зная окончательно намѣреній Глѣба, посылаетъ звать его къ себѣ въ Кіевъ, конечно, разсчитывая предложить ему какія либо выгодныя условія [2]). Глѣбъ отвѣчалъ, что придетъ, но все медлилъ, очевидно выигрывая удобное время для рѣшительныхъ дѣйствій противъ Переяславля. Есть извѣстіе, что Глѣба удерживалъ воевода Волославъ, который подбивалъ его идти на Переяславль [3]). Конечно, начать войну одному съ цѣлью захватить Переяславль было для Глѣба дѣломъ крайне труднымъ: собственное его войско было мало, а разсчитывать на скорую помощь со стороны черниговскихъ—было нельзя. Тогда Глѣбъ продѣлываетъ чрезвычайно искусный маневръ, свидѣтельствующій о большой опытности этого князя въ дѣлѣ стратегіи и военной политики: Глѣбъ внезапно является къ устью р. Остра и овладѣваетъ здѣсь Остерскимъ Городкомъ [4]). Очевидно, Глѣбъ Юрьевичъ занятіемъ Остерскаго городка разсчитывалъ вызвать на войну и Ольговичей, которымъ, конечно, Остерскій Городокъ былъ всегда очень важенъ. Дальнѣйшіе планы Глѣба, какъ оказалось, клонились къ захвату Переяславля. Дѣйствительно, прихвативъ съ собою союзныхъ половцевъ, Глѣбъ быстро направляется изъ Остерскаго Городка къ Переяславлю. Разсчетъ овладѣть послѣднимъ, повидимому, основывался на томъ, что въ этомъ городѣ существовала партія глѣбовыхъ приверженцевъ: посадникъ Жирославъ, а по другимъ извѣстіямъ—бояре, говорили Глѣбу, что переяславльцы желаютъ его имѣть у себя княземъ: „хотятъ тебе вси Переяславльстіи людіе“—передавали они [5]).

---

[1]) Ник. л., с. 176—9.

[2]) Призывъ Глѣба въ Кіевъ обусловливался вовсе не тѣмъ, что будто бы Изяславъ потребовалъ у Глѣба объясненія на счетъ захвата Остерскаго Городка, а совершенно другими обстоятельствами: захватъ Остерскаго Городка произошелъ нѣсколько позже.

[3]) Татищевъ, II, с. 318.

[4]) Ипат. л., с. 252; Ник. л., с. 178; Лавр. л., с. 302; Воскр. л., с. 42. Арцыбашевъ, 109.

[5]) Ник. л., с. 177; Лавр. л., с. 302; Ипат. л., с. 253; Воскр. л., с. 42. Трудно предполагать, чтобы Глѣбъ шелъ въ малоизвѣстный ему городъ только на основаніи словъ бояръ; можно полагать, что Глѣбъ приглашался большинствомъ переяславльскихъ гражданъ, которымъ было не особенно то выгодно имѣть у себя малоопытнаго князя, какимъ былъ Мстиславъ Изяславичъ.

Такимъ образомъ, Глѣбъ выказалъ попытку воспользоваться неупрочившимся еще положеніемъ Мстислава въ Переяславлѣ и захватить послѣдній въ свои руки. Нападеніе на Переяславль было сдѣлано столь искусно, быстро и неожиданно, что стража, содержавшаяся для наблюденія за непріятелемъ, только на разсвѣтѣ замѣтила движеніе Глѣба и едва успѣла прискакать въ Переяславль и сообщить объ этомъ Мстиславу. Очевидно, Глѣбъ шелъ незамѣченнымъ всю ночь. Не ожидая ни откуда враговъ, Мстиславъ мирно почивалъ въ Переяславѣ, какъ вдругъ его торопливо будятъ и сообщаютъ, что Глѣбъ идетъ къ городу [1]). Мстиславъ быстро собралъ дружину и выступилъ изъ города противъ Глѣба. Послѣдній не ожидалъ этого и потому напасть на Мстислава не рѣшился. Только половцы зажгли нѣсколько строеній въ предмѣстьи города. Не успѣвъ захватить Переяславля врасплохъ, Глѣбъ простоялъ нѣсколько времени у города и, видя, что переяславльцы не переходятъ къ нему, началъ отступать. Въ это время Мстиславъ, присоединивъ къ своей дружинѣ переяславльцевъ, такъ что силы его превосходили силы противника, бросился въ погоню за Глѣбомъ Юрьевичемъ. Послѣдній быстро отступилъ на сѣверъ, къ черниговскимъ предѣламъ. Близъ сѣверной границы Переяславльской земли, у Носова, Мстиславъ настигъ Глѣба и захватилъ въ плѣнъ часть его дружины; самъ Глѣбъ укрылся съ оставшейся дружиной въ Остерскій Городокъ, подъ защиту его укрѣпленій. Тогда Мстиславъ возвратился въ Переяславль [2]).

---

[1]) „Не лежи, княже,—говорятъ Мстиславу:—Глѣбъ ти пришолъ на тя вборзѣ“. Ипат. л., с. 253; Лавр. л., с. 303; Воскр. л., с. 42.

[2]) Ипат. л., с. 253; Лавр., л., с. 303; Воскр. л., с. 42; Татищевъ, II, с. 319 и 323. Татищевъ, II, с. 319 и 323. Татищевъ (II, 319) говоритъ, что Мстиславъ нагналъ Глѣба у Носова на болотахъ, „гдѣ нѣсколько отъ воинъ Глѣбовыхъ побивъ и плѣня загналъ за болота“. Въ Малороссіи болото иногда называется рудой. Въ Ипат. лѣтописи есть два разсказа, передающіе какъ кажется, объ одномъ и томъ же событіи, именно—о попыткѣ Глѣба захватить Переяславль. Во второмъ разсказѣ мы встрѣчаемъ указаніе, что главнымъ виновникомъ такого движенія Глѣба на Переяславль былъ воевода Станиславичъ, который и былъ преданъ за это лютой казни. Ипат. л., с. 256. Въ Никоновской лѣтописи есть разсказъ о томъ, какъ переяславльскій богатырь, Демьянъ Куденевичъ, оборонялъ Переяславль отъ Глѣба. Когда Глѣбъ подступилъ къ Переяславлю, у Мстислава И-ча не было подъ рукою достаточно войска; тогда Мстиславъ обращается къ переяславльскому богатырю, Демьяну Куденевичу съ просьбой помочь ему: „теперь, человѣче Божій,—сказалъ князь,—пришло время помощи Божьей, Пречистой Богородицы и твоего мужества!“. Демьянъ Куденевичъ согласился, сѣлъ на лошадь, взялъ съ собою слугу Тараса и пять отроковъ и двинулся на Глѣба. Послѣдній въ это время находился возлѣ посада. Демьянъ бросается не него и избиваетъ значительную часть глѣбовой дружины. Глѣбъ испугался. Онъ посылаетъ сказать Демьяну, что пришелъ сюда „не на рать, а на любовь и на миръ“ Послѣднее весьма характерно: оно указываетъ, что Глѣбъ заискивалъ у мѣстнаго населенія. Мы не согласны поэтому съ тѣми изслѣдователями, которые считаютъ

Неожиданная, смѣлая, хотя и неудачная попытка Глѣба вырвать Переяславль изъ рукъ Мстислава,—сильно встревожила отца послѣдняго: Изяславъ рѣшаетъ на первыхъ же порахъ прекратить дальнѣйшія попытки на этотъ счетъ. Узнавъ, что Глѣбъ затворился въ Остерскомъ Городкѣ, Изяславъ, собравъ дружину и берендѣевъ, быстро двинулся на него. Глѣбъ Юрьевичъ очутился теперь въ чрезвычайно опасномъ положеніи: онъ никакъ не ожидалъ такого быстраго и рѣшительнаго оборота дѣлъ. Извѣщенный о движеніи кіевскаго князя, Глѣбъ посылаетъ въ Черниговъ, къ Святославу Ольговичу и Владиміру Давидовичу, просьбу поспѣшить на помощь, но послѣдняя не являлась. Между тѣмъ Изяславъ подошелъ къ Остерскому Городку и осадилъ его. Три дня шла осада, но крѣпкій Городокъ не сдавался. Видя, однако, что рано или поздно придется сдаться, Глѣбъ рѣшаетъ помириться съ Изяславомъ Мстиславичемъ. Онъ самъ выѣхалъ изъ Городка, явился въ станъ Изяслава съ поклономъ и, наконецъ, помирился съ кіевскимъ княземъ, скрѣпивъ миръ, по обычаю, крестнымъ цѣлованіемъ. Изяслаъ возвратился въ Кіевъ [1]).

Между тѣмъ, Глѣбъ обманывалъ Изяслава. Какъ только послѣдній отошелъ отъ Городка, Глѣбъ посылаетъ къ Владиміру Давидовичу гонца съ извѣстіемъ, что онъ заключилъ миръ съ Изяславомъ единственно вслѣдствіе затруднительныхъ обстоятельствъ во время осады, что эта клятва, какъ вынужденная, не имѣетъ силы, и что онъ теперь опять хочетъ быть заодно съ нимъ [2]).

Неизвѣстно, провѣдалъ ли Изяславъ Мстиславичъ объ этихъ сношеніяхъ Глѣба съ черниговскими, или же только догадывался о нихъ, но въ 1148 году кіевскій князь, въ союзѣ съ ляхами и уграми, волынскими и проч. войсками подступилъ къ Чернигову, опустошая все на пути. Святославъ Ольговичъ и его союзники затворились въ городѣ и очутились въ осадѣ [3]). Прождавъ подъ Черниговомъ 3 дня и видя, что осажденные не собираются вступить съ ними въ бой, Изяславъ рѣшаетъ напасть на Любечъ, гдѣ была „вся жизнь ихъ“, т. е. главное имущество черниговскихъ князей [4]). Множество селъ и деревень было

этотъ разсказъ вымышленнымъ и нестоющимъ вниманія; намъ кажется, что разсказъ объ отраженіи Глѣба, основанъ на дѣйствительныхъ фактахъ, хотя, конечно, и сильно пріукрашенныхъ. По разсказу лѣтописи, Демьянъ затѣмъ погибъ въ битвѣ съ половцами: выѣхавъ противъ враговъ безъ всякихъ доспѣховъ, онъ былъ сраженъ стрѣлою и вскорѣ умеръ. Ник. л., с. 177—178.

[1]) Ипат. л., с. 253—5; Лавр. л., с. 303; Воскр. л., с. 43. Татищевъ, II, с. 319; Арцыбашевъ, с. 109.

[2]) Ипат. л., с. 253—4; Воскр. л., с. 43—4; Татищевъ, 319—320.

[3]) Въ Черниговѣ въ это время были: Святославъ Ольговичъ, Владиміръ и Изяславъ Давидовичи и Святославъ Всеволодовичъ. Ипат. л., с. 254; Татищевъ, II, 320.

[4]) Ипат. л., с. 253—5; Татищевъ, II, с. 321. См. также Соловьева II, с. 146; Карамзина II, 147; Арцыбашева, 109.

сожжено по пути: Изяславъ намѣревался нанести рѣшительный ударъ своимъ противникамъ. Между тѣмъ къ черниговскимъ князьямъ явились на помощь рязанскія войска и половцы. Тогда союзники двинулись на выручку Любеча. Изяславъ выступилъ было на враговъ, подошедшихъ къ Любечу, но, вслѣдствіе оттепели и ожидавшагося вскрытія Днѣпра, напасть на нихъ не могъ и поспѣшилъ переправиться за Днѣпръ, въ Кіевъ [1]).

Не смотря на уходъ Изяслава, Святославъ Ольговичъ и Давидовичи знали, что война вскорѣ начнется опять, и потому послали къ Юрію Долгорукому пословъ съ просьбой о помощи: „мы воевали съ Изяславомъ, который пожегъ города за Десной и разорилъ нашу землю, а ты не явился къ намъ на помощь; вотъ и теперь Изяславъ напалъ на насъ и повоевалъ отъ Чернигова до самаго Любеча, разоряя наши земли; но ты не только не помогъ намъ, но даже не выступилъ противъ Ростислава. Если ты намѣренъ идти на Изяслава—приходи; мы будемъ съ тобой; если же не придешь,—мы вольны нарушить клятву: нельзя, вѣдь, намъ самимъ вести войну“ [2]). Юрій все медлилъ. Когда возвратились отправленные къ Юрію послы, а помощи все еще не было, Давидовичи и Ольговичи, посовѣтовавшись, послали къ Изяславу предложеніе заключить миръ. Изяславъ согласился. Однако, миръ состоялся не сразу. Изяславъ предварительно снесся объ этихъ предложеніяхъ съ Ростиславомъ, и только когда отъ смоленскаго князя пришло согласіе на миръ,—послѣдній состоялся на условіяхъ: 1) чтобы Ольговичи прекратили всякую вражду за смерть Игоря; 2) чтобы прекратили всякія притязанія на старшинство въ Русской землѣ [3]). Курскъ съ Посемьемъ остался въ рукахъ Владиміра Давидовича. Въ это время на сторону Изяслава перешелъ родной сынъ Юрія Долгорукаго, Ростиславъ, который незадолго передъ этимъ былъ посланъ отцомъ въ помощь черниговскимъ князьямъ. Хитрая и своекорыстная политика послѣднихъ заставила Ростислава открыто порвать съ черниговскими и уйти къ Изяславу [4]). Ростиславъ былъ съ радостью принятъ въ Кіевѣ и получилъ въ удѣлъ тѣ пять городовъ, на правой сторонѣ Днѣпра, которые были раньше отданы Святославу Всеволодо-

---

[1]) Ibidem.

[2]) Ibidem.

[3]) Ипат. л., с. 256—7; Ник. л., с. 179; Воскр. л., с. 44; Татищевъ, II, 330.

[4]) „Любо си ся на мя отцю гнѣвати, не иду къ ворогамъ своимъ,—говоритъ Ростиславъ,—то суть были ворози и дѣду моему, и стрыемъ моимъ, но поидемъ, дружино моя, къ Изяславу, то ми есть сердце свое, ту ти дасть ны волость“. Лавр. л., с. 303. Есть основаніе думать, что Ростиславъ переходилъ къ Изяславу потому, что онъ „раскоторовался съ отцемъ своимъ“, который не давалъ ему волости въ Суздальской землѣ. Ипат. л., с. 257.

вичу[1]). Что касается Глѣба Юрьевича, то онъ, послѣ того какъ миръ черниговскихъ съ Изяславомъ состоялся, долженъ былъ оставить Остерскій городокъ и уйти къ своему отцу, въ Суздальскую землю[2]).

Надѣливъ Ростислава Юрьевича землями на правой сторонѣ Днѣпра, Изяславъ считалъ, что теперь будетъ очень удобно отдать въ его руки также и Остерскій городокъ, т. к. этимъ полагался предѣлъ всякимъ новымъ пыткамъ къ захвату этой сильной крѣпости. По желанію Изяслава, Ростиславъ поселился въ Остерскомъ городкѣ, а въ заднѣпровскихъ городахъ были посажены его посадники[3]).

Помирившись съ Давидовичами и Ольговичами, Изяславъ полагалъ, что теперь настало удобное время для обузданія общими силами одного изъ самыхъ безпокойныхъ претендентовъ на кіевскій престолъ—Юрія Долгорукаго. Онъ рѣшаетъ сообща обсудить это дѣло со своими союзниками, которыхъ и собираетъ на сеймъ. Осенью 1148 года былъ созванъ сеймъ въ Остерскомъ Городкѣ. На немъ присутствовали: Изяславъ М—чъ, Ростиславъ Юрьевичъ и Давидовичи. Ольговичей на сеймѣ не было, но за нихъ ручались Давидовичи, говоря, что все порѣшенное здѣсь сообща, будетъ принято и Ольговичами, давшими клятву быть въ общемъ союзѣ съ ними[4]). Тогда Изяславъ объявилъ о своемъ намѣреніи обуздать своеволіе Юрія, который особенно сильно обижаетъ новгородцевъ, отнимая у нихъ дани и преграждая торговые пути. Князья признали справедливость доводовъ кіевскаго князя и рѣшили зимой идти на Юрія: Изяславъ съ братомъ Ростиславомъ—изъ Смоленской земли, а Ольговичи и Давидовичи—со стороны Вятичей; оба союзныя войска должны были сойтись на Волгѣ. Отправляясь въ походъ на Юрія, Изяславъ сообразилъ, что оставлять Ростислава въ Остерскомъ Городкѣ не особенно то удобно, и потому велѣлъ сказать ему: „иди въ Бужскъ и оставайся тамъ, пока я не возвращусь изъ похода на отца твоего: постереги землю Русскую!“. Кіевъ былъ оставленъ на попеченіи Владиміра Мстиславича, а Переяславль—Мстислава Изяславича[5]). Война Изяслава, которому помогали новгородцы и смольняне, съ Юріемъ была удачна: верхневолжскій край до р. Мологи былъ опустошенъ, при чемъ сильно пострадали окрестности г. Углича[6]). Между тѣмъ какъ Изяславъ такъ удачно воевалъ на Волгѣ, Давидовичи и ихъ союзники стояли въ землѣ Вятичей и не ду-

---

[1]) Ипат л., с. 257—8. См. Соловьева II с. 149; Татищева, II, с. 331—2.

[2]) Ник. л., с. 178; Воскрес. л., с. 44. Глѣбъ ушелъ сначала въ Черниговъ, а потомъ уже въ Суздаль. Арцыбашевъ. с. 110.

[3]) Лавр. л., с. 303: Воскр. л., с. 44; Ник. л., с. 179: Арцыбашевъ, с. 110.

[4]) Ипат. л., с. 257—8: Воскр. л., с. 44; Татищевъ, II. 332—4.

[5]) Ibidem; Арцыбашевъ, с. 111.

[6]) Ипат. л., с. 259—60; Лавр. л., с. 304: Новгород. л., с. 137; Татищевъ, II, 335—7.

мали двигаться къ Медвѣдицѣ, на соединеніе съ войсками Изяслава, какъ то было заранѣе условлено. Юрій все время не давалъ никакого отпора врагамъ: очевидно, онъ не былъ готовъ къ нему; однако, присланнаго для переговоровъ посла Юрій задержалъ. Прождавъ еще нѣсколько времени и, давши возможность новгородцамъ повоевать около Ярославля, Изяславъ возвратился назадъ, т. к. приближалась весна, а съ нею и вскрытіе и разливъ рѣкъ[1]). Въ Кіевѣ Изяславъ узналъ, что его недавній союзникъ, Ростиславъ Юрьевичъ, какъ-то подозрительно велъ себя все это время: говорили, что будто онъ возбуждалъ противъ Изяслава кіевлянъ и берендѣевъ, замышлялъ захватить въ свои руки брата великаго князя, его жену и семейство, чтобы самому стать великимъ княземъ и пр. Изяславу совѣтовали отпустить Ростислава домой, къ отцу, потому что—„то твой ворогъ, держиши (его) на свою голову“ [2]). Неизвѣстно, насколько были вѣрны эти доводы, но они произвели свое дѣйствіе. Изяславъ, и раньше не совсѣмъ довѣрявшій Ростиславу, теперь зоветъ его къ себѣ, упрекаетъ въ неблагодарности и объявляетъ, что ему извѣстны всѣ его козни, его планы и пр. Ростиславъ оправдывался, просилъ разслѣдовать дѣло, увѣряя, что у него и на умѣ не было ничего подобнаго, что все это сочинено для того только, чтобы поссорить ихъ другъ съ другомъ; что дѣло это его сильно оскорбляетъ, и что онъ готовъ лично раздѣлаться съ тѣми лицами, которыя оклеветали его въ глазахъ Изяслава. Послѣдній не совсѣмъ довѣрялъ этимъ оправданіямъ. Не желая, однако, возбуждать дѣла, которое могло отшатнуть отъ него союзниковъ, Изяславъ рѣшилъ удалить отъ себя Ростислава[3]). Послѣдній былъ посаженъ въ лодку съ четырьмя отроками и отправленъ вверхъ по Днѣпру, чтобы оттуда препроводить его въ Суздаль. Дружина, оружіе, лошади, имѣніе,— были отняты у Ростислава; казна расхищена[4]). Опозоренный такимъ образомъ Ростиславъ явился съ повинной въ Суздаль, къ своему отцу и разсказалъ ему, что въ Кіевской землѣ неспокойно, что черные-клобуки очень недовольны Изяславомъ и желаютъ видѣть своимъ княземъ его, Юрія. Послѣдній принялъ все это къ свѣдѣнію; для него стало

---

[1]) Ibidem.

[2]) Ипат. л., с. 261: Лавр. л., с. 304; Воскр. л., с. 46; Татищевъ, II, с. 337; Арцыбашевъ, с. 113.

[3]) Ипат. л., с. 261; Лавр. л., с. 304; Воскр. л., с. 47; Татищевъ, II, 337–8. По всей вѣроятности, были кое-какія данныя не въ пользу Ростислава. Вѣроятно, Ростиславъ какъ нибудь неосторожно говорилъ съ черными-клобуками, которые дѣйствительно были недовольны на Изяслава за „безчестіе имъ“. Изяславъ зналъ, что среди черныхъ-клобуковъ существуетъ какое-то броженіе, недовольство, и потому относился къ нимъ нѣсколько подозрительно.

[4]) Ibidem.

яснымъ, что въ Южной Руси начинаютъ проявляться элементы недовольства, которыми можно будетъ удобно воспользоваться. Желая имѣть предлогъ къ войнѣ, Юрій объявилъ, что онъ сильно обидѣлся за сына: „неужели ни мнѣ, ни дѣтямъ моимъ нѣтъ наслѣдства въ Русской землѣ?"—сказалъ онъ. Немедленно же были собраны войска, приглашены половцы, и начался походъ на югъ [1]). Путь Юрія лежалъ черезъ Вятичи и Черниговскія и Сѣверскія земли. Узнавъ объ этомъ, Изяславъ началъ собирать войска, послалъ извѣстіе о движеніи Юрія въ Новгородъ-Сѣверскъ, къ Святославу Ольговичу, и просилъ его не забывать о данной имъ клятвѣ. Но Святославъ Ольговичъ началъ хитрить: онъ посылаетъ къ Юрію спросить, дѣйствительно ли онъ идетъ на Изяслава, и когда получилъ утвердительный отвѣтъ, то тотчасъ же потребовалъ отъ Изяслава отдачи ему имѣній покойнаго Игоря: „возврати мнѣ имѣнія брата, и я буду съ тобой"—сказалъ онъ [2]). Изяславъ отказалъ. Тогда Святославъ перешелъ на сторону Юрія. Встрѣча съ Юріемъ произошла на сѣверной окраинѣ Переяславльской земли у Вьяханя. Юрій, пріобрѣвъ союзника, началъ дѣйствовать быстрѣе и рѣшительнѣе: онъ придвинулся къ границамъ Переяславльскаго к—ва и остановился у Ярышева [3]). Близъ послѣдняго присоединился къ Юрію и Святославъ Ольговичъ съ войсками. Впрочемъ, двинуться дальше, не заручившись союзомъ Давидовичей, было рискованно, такъ какъ съ этой стороны можно было серьезно угрожать Юрію. Въ виду этого Юрій и Святославъ посылаютъ къ Давидовичамъ предложеніе присоединиться къ нимъ. Но Давидовичи отказали, упрекая Юрія за то, что, когда Изяславъ воевалъ ихъ земли, онъ, вѣдь, не шелъ помогать имъ [4]). Тогда Юрій поспѣшилъ отступить на сѣверо-востокъ, поближе къ половецкимъ степямъ, гдѣ, конечно, было болѣе безопасно. Остановившись возлѣ Бѣлой-Вежи, Юрій провелъ здѣсь около мѣсяца, въ ожиданіи помощи со стороны половцевъ [5]). Юрій надѣялся, что Изяславъ, въ виду угрожающаго положенія его землямъ, пойдетъ на уступки и самъ оставитъ кіевскій престолъ; онъ и шлетъ въ этомъ духѣ предложеніе Изяславу. Разсчетъ, однако, оказался ошибочнымъ: Изяславъ не только не думалъ сдаваться, но даже не посылалъ отвѣта

---

[1]) Ibidem.

[2]) Ипат. л., с. 263; Татищевъ, II, с. 339—40; Арцыбашевъ, с. 113.

[3]) Ипат. л., с. 264—5; Лавр. л., с. 304; Воскр. л., с. 46; Татищевъ, II, с. 341. Ярышево—с. Ярышевка (Прил. уѣз., Полт. губ.). См. Барсова — Геогр. слов. Р.: стр. 220. Что Ярышево лежало на сѣверо-восточной границѣ Переяславльской земли видно изъ Лавр. лѣт., гдѣ сказано: „И пришедшю ему къ Вьяханю", а затѣмъ уже къ Бѣлой-Вѣжѣ.

[4]) Ibidem; Арцыбашевъ, с. 114.

[5]) Ibidem; Татищевъ, II, 342.

Юрію. Послѣдній рѣшилъ силою оружія добиваться кіевскаго престола. Но достигнуть Кіева, минуя Переяславль, было крайне трудно, т. к. этотъ городъ служилъ какъ бы ключемъ Кіеву. Захватъ Переяславля былъ тѣмъ болѣе необходимъ Юрію, что черниговскіе князья состояли теперь въ союзѣ съ Изяславомъ, такъ что, вслучаѣ какой либо неудачи, отступленіе домой черезъ эти два участка земель было чрезвычайно опаснымъ. Однако, Юрій Долгорукій, когда къ нему присоединился Святославъ Всеволодовичъ и когда стало извѣстно, что вскорѣ придутъ половцы, началъ дѣйствовать болѣе рѣшительно; онъ направляется къ Переяславлю обычной дорогой черезъ верхнее теченіе р. Удая, къ Супою [1]). Здѣсь на помощь суздальскому князю явилось множество, половцевъ, такъ что онъ могъ смѣлѣе дѣйствовать противъ Изяслава. „Пойдемъ къ Переяславлю, если онъ нехочетъ покориться!" рѣшилъ Юрій. Изяславъ отправилъ гонца въ Смоленскъ просить брата Ростислава не оставлять его безъ помощи въ такую трудную минуту. Ростиславъ обѣщалъ и началъ собирать войска. Между тѣмъ, Юрій спѣшилъ подступить къ Переяславлю въ надеждѣ овладѣдь имъ, разсчитывая, что если Изяславъ узнаетъ о потерѣ Переяславля, то сдѣлается уступчивѣе и откажется отъ кіевскаго престола [2]). Но Изяславъ рѣшилъ отчаянно защищаться. Онъ позаботился, насколько то было возможнымъ, обезопасить Переяславль отъ нападенія враговъ. Выславъ впередъ Владиміра и Святополка Мстиславичей съ поршанами для занятія укрѣпленій города, самъ Изяславъ спѣшилъ съ войсками къ Переяславлю, чтобы не дать возможности Юрію привести въ исполненіе свой планъ. На помощь къ Изяславу подоспѣли также Изяславъ Давидовичъ. Возлѣ Витичева, гдѣ къ Изяславу присоединился со своими войсками Ростиславъ и черные-клобуки, произошла переправа черезъ Днѣпръ всѣхъ соединенныхъ силъ кіевскаго князя [3]). Перешедши Днѣпръ, войска направились къ Альтѣ, чтобы не дать возможности Юрію захватить городъ. Повидимому, у Юрія было такое намѣреніе, потому что онъ перешелъ Супой, остановился у Куднова сельца, а затѣмъ, минуя валы, направился къ Строковой, стараясь зайти къ Переяславлю съ сѣвера, гдѣ переходъ черезъ рѣку былъ сравнительно болѣе безопаснымъ [4]). Въ то время, когда Изяславъ подвигался къ Переяславлю, пришла вѣсть, что Юрій уже наступаетъ на этотъ городъ, что его стрѣлки и половцы перешли черезъ Стряковъ и уже идутъ къ городу. Услыхавъ объ этомъ Изяславъ и Ростиславъ

---

[1]) Ипат. л., с. 264; Татищевъ, II, 342.
[2]) Ibidem; Никон. л., с. 180.
[3]) Ипат. л., с. 265; Лавр. л., с. 305; Татищевъ, II, с. 242.
[4]) Ипат. л., с. 264; Лавр. л., с. 305; Воскр. л., с. 46; Ник. л., с. 180; Татищевъ, II, 342—3.

Мстиславичи поспѣшно двинулись къ Переяславлю. У послѣдняго въ это время происходили уже схватки половцевъ съ переяславльцами: Юрій, повидимому, испытывалъ силы защитниковъ Переяславля [1]).

Поспѣшая къ Переяславлю, Изяславъ выслалъ впередъ часть своего войска и черныхъ-клобуковъ, которые подоспѣли во время и отбросили осаждавшихъ отъ города, прогнавъ ихъ далеко „оли до полку ихъ“. Вскорѣ затѣмъ Изяславъ съ союзниками достигъ р. Альты, перешедши которую, войско остановилось лагеремъ на берегу р. Трубежа. Юрій не могъ теперь перейти р. Трубежъ, такъ какъ на другой сторонѣ стоялъ Изяславъ. Тогда Юрій, простоявъ 3 дня въ Строковомъ, снялся, прошелъ мимо города и остановился между валами, за звѣринцемъ, у лѣса [2]). Юрій показывалъ видъ, что онъ какъ бы опасается напасть на городъ. Юрію было извѣстно недовольство нѣкоторой части переяславльцевъ на Изяслава, и онъ, кажется, ожидалъ, не передадутся-ли они на его сторону. При наступленіи ночи, Юрій придвинулся ближе къ рѣкѣ и сталъ ниже города по лѣвой сторонѣ Трубежа, у лѣса [3]). Кромѣ того, Долгорукій составилъ чрезвычайно хитрый планъ побѣдить Изяслава: видя, что захватить Переяславль, снабженный войскомъ, трудно, онъ старался вызвать Изяслава въ открытое поле, гдѣ было легче справиться съ нимъ.

Изяславъ не понялъ этого хитраго маневра; онъ собралъ свои и Ростиславовы войска и повелъ ихъ противъ Юрія. Однако, въ этотъ день до рѣшительнаго сраженія не дошло: только стрѣлки съ обѣихъ сторонъ перестрѣливались другъ съ другомъ въ теченіи всего дня [4]). Наступившая ночь прекратила перестрѣлку; войска остались на своихъ мѣстахъ. Въ это время Юрій отправляетъ въ станъ Изяслава посланнаго съ такими словами: „ты, братъ, приходилъ на меня и землю повоевалъ, и старшинство отнялъ; не проливай же крови христіанской, а, ради блага всей Русской земли и ея народа, покончи дѣло миромъ и отдай г. Переяславль моему сыну: что же касается кіевскаго стола, то не смотря на свои права, я согласенъ оставить его тебѣ, забывъ всѣ тѣ обиды, какія были нанесены мнѣ тобой, моимъ племянникомъ“ [5]). Если принять во вниманіе ту роль, какую игралъ въ кіевскихъ дѣлахъ Пе-

---

1) Ипат. л., с. 265; Татищевъ, II. 342—4. Во время перестрѣлки переяславльцы захватили въ плѣнъ „половца дикаго“ и доставили его Изяславу, который велѣлъ допытаться у него, откуда пошли половцы и много ли ихъ силы. Половчинъ объяснилъ, что они выступили издалека, и что Юрій спѣшилъ поскорѣе подойти къ Переяславлю, чтобы овладѣть послѣднимъ.

2) Ипат. л., с. 265; Лавр. л., с. 305.

3) Ипат. л., с. 265; Лавр. л., с. 305; Воскр. л., с. 46. Татищевъ говоритъ (II, 344), что „Юрій сталъ между валомъ и по оной сторонѣ Трубежа за звѣринцемъ у рощеня“.

4) Ипат. л., с. 265; Татищевъ, II, с. 344.

5) Ibidem.

реяславль, то предложеніе Юрія было не совсѣмъ удобнымъ для Изяслава. Неудивительно, что послѣдній не только не согласился на такую комбинацію, но даже не пустилъ назадъ Юрьева посла [1]). Тогда Юрій отступилъ отъ Трубежа къ Янчыному сельцу. Замѣтивъ нѣкоторое колебаніе и какъ бы уступку со стороны противника, Изяславъ рѣшилъ на слѣдующее утро напасть на него: съ разсвѣтомъ онъ выпроводилъ все свое войско изъ города и остановился „на болоньи, а товары за огороды" [2]). Утромъ, приготовляясь къ битвѣ, Изяславъ слушалъ обѣдню въ храмѣ св. Михаила. Здѣсь епископъ Евфимъ обратился къ нему съ увѣщаніемъ не проливать крови, а помирится съ дядей: „помирись, княже,—говорилъ онъ,—со своимъ дядей; великое спасеніе получишь отъ Бога, и землю свою избавишь отъ многихъ бѣдъ!" [3]). Изяславъ не соглашался, надѣясь, конечно, что его военныхъ силъ вполнѣ достаточно для отраженія враговъ. „Я добылъ своею головою Кіевъ и Переяславль,—сказалъ Изяславъ: мнѣ-ли теперь оставлять ихъ?!" [4]). Послѣ этого онъ повелъ свое войско на Юрія. Послѣдній въ это время стоялъ за Янчинымъ сельцемъ и не показывалъ, повидимому, охоты вступать въ бой. Изяславъ созвалъ военный совѣтъ изъ сыновей, братьевъ, бояръ и дружины, и спросилъ: идти или нѣтъ теперь на Юрія? Мнѣнія раздѣлились: одни изъ дружины высказывались такъ: „не ходи княже, на Юрія, ибо онъ пришелъ земли отнимать; онъ, вѣдь, много потрудился, но ничего не успѣлъ, и даже отступилъ нѣсколько назадъ; ночью онъ навѣрно совсѣмъ отойдетъ домой; но ты, князь, не ѣзди по немъ"; другіе, напротивъ, подстрекали Изяслава идти на Юрія: „поѣзжай, князь! Богъ даетъ его тебѣ въ руки: не упускай его отсюда!" Изяславъ склонился на сторону послѣдняго мнѣнія и рѣшилъ напасть на Юрія. Онъ перевелъ свое войско на другую сторону Трубежа и расположился на лугу, не всходя на гору, противъ Кузнечьихъ воротъ. Былъ уже полдень, а войска все еще стояли и не начинали наступленія на враговъ. Вдругъ стража Изяслава замѣтила скачущихъ вдали всадниковъ и дала тревогу, что это наступаютъ войска Юрія [5]). Изяславъ тотчасъ-же выстроилъ свои войска и выступилъ въ поле, къ тому мѣсту, гдѣ находился княжескій Красный дворъ. Увидѣвъ наступленіе Изяслава, Юрій также выстроилъ свои войска и перешедши валъ, остановился. Оба войска остановились и стояли такъ другъ противъ друга до самаго вечера; только стрѣлки съ обѣихъ

---

[1]) Ibidem.

[2]) Воскр. л., с. 46.

[3]) Ibidem; Лавр. л., с. 305: Ник. л., с. 180; Татищевъ, II, с. 344.

[4]) Ипат. л., с. 266; Лавр. л., с. 305; Татищевъ, II, с. 344—5.

[5]) Ипат. л., с. 266; Татищевъ, II, с. 345—6. Скачущими всадниками оказалась погоня, гнавшаяся за перебѣжчикомъ изъ Юрьева лагеря.

сторонъ перестрѣливались другъ съ другомъ. Передъ закатомъ солнца Юрій со всѣми своими союзниками снялся, поворотилъ назадъ и пошелъ въ свой станъ. Замѣтивъ отступленіе, Изяславъ сталъ совѣтоваться со своими приближенными лицами—не ударить-ли ему теперь на уходившаго Юрія? Какъ было и раньше, мнѣнія раздѣлились: одни совѣтовали не гнаться за Юріемъ, который, повидимому, уходилъ безъ битвы; другіе, напротивъ, торопили Изяслава поскорѣе напасть на врага: „смотри, княже,— враги бѣгутъ уже!"—говорили они. Изяславъ склонился къ мнѣнію послѣднихъ и отдалъ приказъ наступать на Юрія. Между тѣмъ послѣдній, отступая, зорко слѣдилъ за своимъ противникомъ. Отступленіе Юрія, какъ потомъ оказалось, было искуснымъ, раньше разсчитаннымъ маневромъ, продѣланнымъ для того, чтобы вывести противника изъ удобной позиціи и разбить его на ровномъ мѣстѣ. Какъ только Юрій замѣтилъ, что Изяславъ со своими войсками отошелъ уже далеко, онъ тотчасъ-же поворотилъ свои войска и быстро пошелъ на Изяслава. Правымъ крыломъ Юрьевыхъ войскъ начальствовали сыновья Юрія, лѣвымъ—Святославъ Ольговичъ съ племянникомъ Святославомъ Всеволодовичемъ, центромъ же—самъ Юрій. При заходѣ солнца началось сраженіе [1]). Въ самомъ началѣ битвы войска Изяслава поколебались. Первыми побѣжали поросскіе союзники—поршане и черные-клобуки, затѣмъ—Изяславъ Давидовичъ и, наконецъ,—кіевляне и переяславльцы [2]). Переяславльцы измѣнили Изяславу: „Юрій нашъ князь, говорили они: намъ и раньше надо было искать его!"—и побѣжали. Остальное войско Изяслава, видя это, пришло въ страшное смятеніе. Изяславъ Мстиславичъ, однако, продолжалъ отчаянно биться съ войсками Святослава Ольговича и частью Юрьева полка; наконецъ, онъ прорвался сквозь ихъ ряды и, увидѣвъ, что сраженіе проиграно, и что все его войско бѣжитъ, преслѣдуемое врагами, рѣшилъ спасаться. Съ незначительными остатками своихъ войскъ бросился Изяславъ бѣжать съ поля битвы къ Днѣпру, достигши котораго, перешелъ его у Канева и самъ-третій явился въ Кіевъ. Эта битва происходила 23-го августа 1149 года [3]). На другой день, утромъ, Юрій вступилъ въ Переяславль и тотчасъ-же отправился въ храмъ св. Михаила отблагодарить Бога за дарованную побѣду.

---

[1]) Татищевъ, II, с. 346. Ипат. лѣтопись говоритъ, что сраженіе происходило на разсвѣтѣ: Никон. же (181), Воскр. (46) и Лавр. (306)—что оно было при заходѣ солнца. Судя по непрерывности разсказа и стремительности движенія Изяслава, можно полагать, что оно происходило скорѣе при закатѣ солнца.

[2]) Ibidem. Арцыбашевъ, с. 116.

[3]) Ипат. л., с. 267; Воскр. л., с. 306; Ник. л., с. 181; Татищевъ, II, 247; Арцыбашевъ, с. 116. Юрій захватилъ у противниковъ большую добычу, состоявшую изъ княжескаго, боярскаго и иного добра, которую потомъ, по договору, онъ долженъ былъ возвратить прежнимъ владѣльцамъ. Ипат. л., с. 274.

Въ Переяславлѣ Юрій пробылъ три дня и затѣмъ пошелъ къ Кіеву, на Изяслава. Подступивъ къ Кіеву, Юрій остановился на лугу, противъ Михайловскаго монастыря. Изяславъ созвалъ вѣче и спросилъ у кіевлянъ:—могутъ-ли они постоять за него? Кіевляне отвѣчали, что рады его защищать, но въ настоящее время они такъ истощены войной, что не въ состояніи дать серьезнаго отпора Юрію; они совѣтовали Изяславу лучше оставить Кіевъ, обѣщая при первой возможности, перейти на его сторону. Изяславъ согласился и, взявъ жену и семейство, удалился во Владиміръ-Волынскъ. Тогда Юрій явился въ Кіевъ и завладѣлъ послѣднимъ [1]). Такимъ образомъ, въ рукахъ Юрія очутились тѣ русскія земли, обладаніе которыми было его завѣтной мечтой. Утвердившись въ Кіевѣ, Юрій старается раздать всѣ болѣе или менѣе интересныя для него земли своимъ сыновьямъ. Г. Переяславль, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ стратегическихъ пунктовъ, былъ отданъ Ростиславу Юрьевичу, а Курскъ съ Посемьемъ — Святославу Ольговичу [2]).

Между тѣмъ Изяславъ Мстиславичъ обратился за помощью къ своимъ западнымъ сосѣдямъ—венгерскому, чешскому и польскому королямъ. Венгерскій король прислалъ Изяславу на помощь свои войска, а чешскій и польскій короли лично явились помогать ему [3]). Юрій Долгорукій, въ свою очередь, заручился союзниками: ему помогалъ его родичъ, галицкій князь Владимірко, разсчитывавшій поживиться при этомъ на счетъ волынскихъ земель [4]). Не смотря на крупную помощь со стороны сосѣдей, положеніе Изяслава было крайне тяжелымъ: чтобы добиться вновь Кіева, необходимо было заручиться какимъ-либо законнымъ къ этому предлогомъ и склонить на свою сторону общественное мнѣніе. Изяславъ прибѣгаетъ теперь къ хитрости. Онъ посылаетъ къ дядѣ Вячеславу просьбу—занять, по праву старшаго въ родѣ, кіевскій престолъ: „Будь мнѣ вмѣсто отца,—говорилъ онъ; садись въ Кіевѣ, т. к. съ Юріемъ нельзя ужиться; если же ты не согласишься оказать мнѣ своей пріязни, и не сядешь въ Кіевѣ, то я пожгу твою волость!“ [5]). Испуганный Вячеславъ сообщаетъ объ этомъ Юрію и проситъ его какъ можно скорѣе придти къ нему на помощь. Юрій

---

[1]) Ипат. л., с. 268; Лавр л., с. 306; Ник. л., с. 181; Арцыбашевъ, с. 116.

[2]) Андрей Юрьевичъ получилъ Вышгородъ, Борисъ — Бѣлгородъ; Глѣбъ—Каневъ. Ibidem. См. также Воскр. лѣт., с. 46.

[3]) Соловьевъ, II, с. 150—7; Иловайскій, Ист. Россіи. Кіев. п., ч. I, с. 288—9; Погодинъ, I, с. 275—8; Арцыбашевъ, с. 117—8.

[4]) Владимірко былъ дальновидный политикъ, мечтавшій создать изъ близлежащихъ земель крупное государство. Онъ постоянно старается стать на сторону тѣхъ князей, которые по чему либо не были опасны для Галицкой земли.

[5]) Ипат. л., с. 269; Татищевъ, Ш, с. 4—5; Арцыбашевъ, с. 118.

собралъ войско и половцевъ и выступилъ изъ Кіева; его союзникъ, галицкій князь, также двинулся на враговъ. Изяславовы сторонники испугались; въ это время пришла вѣсть, что на польскія области напали пруссы и сильно ихъ опустошили: тогда поляки оставили Изяслава. Послѣдній, очутившись въ критическомъ положеніи, рѣшилъ попросить мира, который и состоялся на условіи, что за Юріемъ останется Кіевъ, а за Изяславомъ—Владиміръ-Волынскій, Луцкъ и другіе волынскіе города, и, кромѣ того,—новгородскія дани. Но это соглашеніе, какъ оказалось, было устроено съ тою цѣлью, чтобы выиграть время и стѣснить Изяслава, довѣрчиво отпустившаго, послѣ мира, союзниковъ. Едва послѣдніе ушли, какъ Юрій началъ изыскивать разные предлоги къ войнѣ и, наконецъ, двинулся съ войсками къ Луцку и осадилъ здѣсь Владиміра М-ча [1]). Осада продолжалась 6 недѣль, пока не пришелъ на выручку Изяславъ Мстиславичъ. Но на помощь Юрію явился Владимірко, и Изяславъ долженъ былъ снова просить мира. Въ Пересопницѣ [2]) состоялся миръ, по которому Изяславъ отказывался отъ Кіева въ пользу Юрія, а послѣдній соглашался уступить Изяславу дани новгородскія и отдать все то, что было захвачено юрьевыми войсками послѣ битвы подъ Переяславлемъ въ 1149 г. Было условлено, что каждый, познавшій свое, можетъ брать его себѣ обратно [3]). Давши клятву крѣпко соблюдать миръ, князья ушли: Изяславъ—во Владиміръ-Волынскъ, а Юрій—въ Кіевъ [4]).

Возвратившись въ Кіевъ, Юрій сообразилъ, что надо дѣйствовать такъ, чтобы не дать возможности Изяславу вмѣшиваться въ кіевскія дѣла: онъ высказываетъ желаніе предоставить городъ Кіевъ Вячеславу, какъ старшему въ родѣ. Юрьева дружина была, напротивъ, другаго мнѣнія: она не совѣтовала отдавать кіевскій престолъ въ руки столь слабаго князя, какъ Вячеславъ, такъ какъ это было бы равносильно отдачѣ Кіева во власть кого либо другого. Юрій согласился съ доводами дружины и оставилъ Кіевъ за собою [5]). Онъ только поближе перевелъ къ себѣ Вячеслава, а именно—въ Вышгородъ, откуда былъ выведенъ Андрей Юрьевичъ, сынъ Далгорукаго [6]).

---

[1]) Ипат. л., с. 270—271; Ник. л, с. 182; Лавр. л., с. 309; Густин. л., с. 299: Татищевъ, III, с. 12: Арцыбашевъ, с. 119—120.

[2]) Пересопница—гор. въ Волынскомъ княжествѣ; нынѣ—м. Ровенскаго у. (Волын. губ.) на р. Стублѣ. См. Барсова. Мат. для ист.—геогр. сл. Р., с. 158.

[3]) Ипат. л., с. 274; Ник. л., с. 182; Лавр. л., с. 309: Густин., с 299—300. Татищевъ, III, с. 12: Арцыбашевъ, 121. Сергѣевичъ. Вѣче и князь, с. 182—183. Ростиславъ Юрьевичъ не совѣтовалъ заключать мира съ Изяславомъ.

[4]) Лавр. л., с. 309. Воскр. л., с. 48.

[5]) Ипат. л., с. 275: Ник. л., с. 183; Лавр. л., с. 309; Воскр. л., с. 45; Татищевъ, III. 15: Арцыбашевъ, с. 121.

[6]) Ibidem.

Вскорѣ послѣ возвращенія въ Кіевъ Юрія, къ послѣднему пришла отъ Изяслава просьба объ отдачѣ назадъ захваченнаго послѣ побѣды у Переяславля имущества. Юрій заспорилъ при отдачѣ, и, наконецъ, такъ разсердился, что велѣлъ ничего не давать изъ захваченнаго въ Переяславльской землѣ[1]). Такимъ образомъ, посланные должны были возвратиться ни съ чѣмъ. Тогда Изяславъ объявилъ Юрію войну, двинулся къ Луцку, оттуда,—къ Пересопницѣ, гдѣ и засталъ врасплохъ Юрьева сына, Глѣба, который попросилъ у него мира. Изяславъ ласково принялъ Глѣба и отослалъ его къ отцу въ Кіевъ. Затѣмъ Изяславъ направился къ чернымъ-клобукамъ, которые съ радостью встрѣтили его, потому что управленіе его все же было мягче суздальскаго режима, а отъ нихъ пошелъ на Кіевъ. Изяславу, конечно, было извѣстно недовольство мѣстнаго населенія Юріемъ и его дружиною. Лѣтопись передаетъ что „Изяславъ приде вмалѣ изъ Володимеря к Кыеву, хотящимъ его Кіяномъ“[2]).

Юрій Долгорукій былъ застигнутъ теперь врасплохъ. Узнавъ о переходѣ черныхъ-клобуковъ на сторону Изяслава и о пріязни къ нему кіевлянъ, Юрій поспѣшно оставляетъ Кіевъ и удаляется со всѣмъ своимъ семействомъ въ крѣпкій Остерскій Городокъ[3]). Лишь только ушелъ Юрій, какъ Вячеславъ немедленно прибылъ въ Кіевъ и овладѣлъ кіевскимъ престоломъ. Для Изяслава такой оборотъ дѣла былъ совершенной неожиданностью. Явившись въ Кіевъ, Изяславъ началъ вести переговоры съ Вячеславомъ, убъждая послѣдняго не подвергать себя непріятностямъ и добровольно оставить Кіевъ. Вячеславъ согласился и ушелъ въ Вышгородъ, а въ Кіевѣ вокняжился Изяславъ Мстиславичъ[4]).

Захвативъ Кіевъ въ свои руки, Изяславъ прежде всего долженъ былъ позаботиться объ удаленіи изъ ближайшихъ къ Кіеву мѣстъ Юрьевыхъ сыновей.

Между тѣмъ Юрій, уходя въ Остерскій Городокъ, зналъ, что у него неподалеку будутъ надежные союзники, одинъ изъ которыхъ, Ростиславъ, крѣпко сидѣлъ въ Переяславлѣ. Присутствіе въ вышесказанномъ городѣ Юрьева сына было крайне неудобно для Изяслава и даже опасно, въ виду той большой роли, какую игралъ этотъ городъ относительно степи. Чтобы удалить какъ можно скорѣе Ростислава изъ Переяславля, Изяславъ посылаетъ съ этой цѣлью въ Ка-

---

[1]) Ibidem; Густ. л., с. 300.

[2]) Лавр. л., с. 309; Воскр. л., с. 48; Ник. л., с. 183; Татищевъ, III, с. 15; Арцыбашевъ, с. 122.

[3]) Ипат. л., с. 276—7; Лавр. л., с. 309; Ник. л., с. 183; Воскр. л., с. 48; Густин. л., с. 300; Татищевъ, III, с. 16; Арцыбашевъ, 122.

[4]) Ibidem.

невъ своего сына, Мстислава, который долженъ былъ оттуда произвести наступленіе на Переяславль[1]). Отправляясь въ Каневъ, Мстиславъ посылаетъ гонцевъ къ турпѣямъ, которые, судя по лѣтописному разсказу, жили гдѣ то вблизи Днѣпра, и къ дружинѣ, призывая ихъ явиться къ нему[2]). Понятно, Ростиславъ зорко слѣдилъ за всѣми дѣйствіями Мстислава, и лишь только узналъ о готовящихся противъ него замыслахъ, какъ тотчасъ же послалъ за помощью къ Юрію, въ Остерскій Городокъ. Юрій немедленно выслалъ на помощь Ростиславу своего храбраго сына, Андрея. Ростиславъ сильно обрадовался приходу брата т. к. теперь ему можно было дѣйствовать рѣшительнѣе. Оставивъ г. Переяславль на попеченіи Андрея, Ростиславъ бросился къ Сакову, къ турпѣямъ, которые были согнаны къ Днѣпру и отсюда отведены въ Переяславль[3]).

Такимъ образомъ, планы Мстислава были предупреждены, и Переяславль остался за Ростиславомъ[4]). Въ это время вниманіе Изяслава и его сына было отвлечено въ другую сторону,—на пограничье съ Галицкой землей, откуда шелъ съ войсками Юрьевъ союзникъ, Владимірко[5]); кромѣ того, на помощь Юрію шли также Давидовичи и Святославъ Ольговичъ. Въ виду всего этого, Изяславъ отзываетъ къ себѣ Мстислава, прося его захватить съ собою и берендѣевъ[6]). Находясь въ такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, Изяславъ рѣшается послѣдовать примѣру Юрія относительно кіевскаго престола: онъ проситъ стараго Вячеслава занять Кіевскій престолъ, а ему—отдать Вышгородъ или какой либо другой городъ. Вячеславъ, оскорбленный раньше Изяславомъ, сначала съ гнѣвомъ отвергъ такое предложеніе, но потомъ согласился: князья поцѣловали крестъ въ томъ, что Изяславъ будетъ почитать Вячеслава, какъ отца, а послѣдній—Изяслава какъ сына[7]). Уладившись съ дядей въ Кіевѣ, Изяславъ отправился

---

[1]) Ипат. л., с. 277; Лавр. лѣт., с. 309; Ник. л., с. 183 Воскр. л., с. 48; Татищевъ (III, с. 18) передаетъ, что Изяславъ сдѣлалъ совѣщаніе на счетъ того, какъ поступить съ Юріемъ. Одни совѣтовали оставить Юрія въ покоѣ, предоставивъ его сыну Городецъ или же Переяславль; другіе совѣтовали выгнать Юрія и сына его изъ Южной Руси. Послѣднее мнѣніе взяло верхъ.

[2]) Лавр. л., с. 309; Ипат. л., с. 277; Татищевъ (III, с. 18) говоритъ, что „Мстиславъ, пришедъ въ Каневъ, послалъ на оную сторону Днѣпра къ Торпеемъ (Торкамъ) Переяславльскимъ, и другому войску, тайно говорить, чтобы вышли изъ града и къ нему пришли“.

[3]) Ипат. л., с. 277; Лавр. л., с. 310; Ник. л., с. 183; Воскр. л., с. 48. „Ростиславъ, добавляетъ Татищевъ,—Торпеевъ у Днѣпра захватя, возвратилъ въ Переяславль, а Мстислава, черезъ Днѣпръ не пустилъ“.

[4]) Ibidem. См. также Погодина, I, с. 263.

[5]) Ibidem. Татищевъ, III, с. 18—19.

[6]) Ипат. л., с. 278; Татищевъ, III, с. 19; Арцыбашевъ, с. 123.

[7]) Ibidem.

въ Поросье, гдѣ къ нему присоединились черные-клобуки. Между тѣмъ, Владимірко двигался черезъ Перепетово поле на Кіевъ[1]). Изяславъ двинулся къ нему навстрѣчу. Возлѣ рр. Стугны и Ольшаницы произошла битва Владимірка съ Изяславомъ, гдѣ послѣдній, благодаря измѣнѣ черныхъ-клобуковъ, былъ разбитъ и бѣжалъ въ Кіевъ[2]). Слабый отпоръ со стороны Изяслава и его поспѣшное бѣгство были столь неожиданны для Владимірка, что послѣдній, опасаясь какой либо засады, не рѣшился преслѣдовать изяславовыхъ войскъ. Изяславъ благополучно достигъ Кіева, явился къ Вячеславу, на Ярославовъ дворъ. Въ полной увѣренности, что враги еще далеко, князья сѣли за трапезу, какъ вдругъ приходитъ вѣсть, что Юрій вмѣстѣ со своими союзниками, показался на той сторонѣ Днѣпра, противъ Кіева, и что многіе изъ кіевлянъ уже переходятъ на сторону Юрія и переправляютъ дружину послѣдняго къ Кіеву. Положеніе было критическое. Не было сомнѣнія теперь, что въ скоромъ времени подступитъ къ Кіеву и союзникъ Юрія, Владимірко. Въ виду этого, Изяславъ поспѣшно бѣжалъ во Владиміръ-Волынскъ, а Вячеславъ—ушелъ въ Вышгородъ[3]). Юрій вступилъ въ Кіевъ и снова овладѣлъ послѣднимъ. Владимірко также провелъ въ Кіевѣ нѣсколько дней, а затѣмъ возвратился домой, въ Галичъ, по пути къ которому хотѣлъ было овладѣть Луцкомъ, гдѣ затворился Мстиславъ Изяславовичъ, но безуспѣшно: Луцка взять онъ не могъ[4]).

Между тѣмъ на Переяславльскую землю напали половцы, вызванные Юріемъ противъ Изяслава, и страшно ее опустошили[5]). Половецкій разгромъ Переяславльскихъ земель, которыми все еще владѣлъ Ростиславъ, былъ непріятенъ Юрію: онъ посылаетъ на помощь Ростиславу Святослава Всеволодовича, чтобы унять половцевъ и не дать имъ возможности продолжать свои грабежи. Однако, и Святославъ Всеволодовичъ, близко знакомый съ характеромъ и нравомъ кочевниковъ, не могъ вполнѣ укротить ихъ: грабежи продолжались по прежнему. Жители были такъ напуганы хищничествомъ половцевъ, что сбѣжались въ городъ, подъ защиту его стѣнъ, и боялись выйти за предѣлы ихъ. Тогда Юрій, чтобы положить конецъ недоразумѣніямъ, послалъ въ Переяславль своего сына, Андрея. Послѣдній, явившись въ Переяславльскую землю, скоро заставилъ половцевъ смириться, обязавъ

---

[1]) Перепетово поле находится близъ с. Марьяновки, у Фастова. См. Погодина, IV, с. 177—8. Барсова. Геогр. сл. Р., с. 158.

[2]) Лавр. л., с. 311; Ипат. л., с. 279—80; Ник. л., с. 184; Татищевъ, III, с. 21; Арцыбашевъ, с. 123.

[3]) Ипат. л., с. 280; Лавр. л., с. 311; Воскр. л., с. 48; Татищевъ, III, с. 22.

[4]) Ипат. л., с. 281; Воскр. л., с. 49; Ник. л., с. 184; Татищевъ, III, с. 23.

[5]) Ibidem. Арцыбашевъ, с. 124.

ихъ договоромъ соблюдать миръ [1]). Послѣ усмиренія половцевъ, Святославъ Всеволодовичъ поспѣшилъ въ Кіевъ, къ Юрію, Андрей же остался въ Переяславлѣ для присутствія на праздникѣ Воздвиженія Креста Господня, послѣ чего также возвратился въ Кіевъ [2]).

Утвердившись въ Кіевѣ, Юрій не упускалъ, конечно, изъ вида и своего энергичнаго противника, который во всякое время могъ возстать на защиту своихъ поколебленныхъ правъ. Такимъ образомъ, со стороны Волыни Юрію грозила постоянная опасность, для предупрежденія которой и былъ посаженъ въ Пересопницѣ одинъ изъ храбрѣйшихъ сыновей Юрія, - Андрей [3]). Изяславъ пытался было захватить какъ нибудь Андрея врасплохъ, но это ему не удавалось: Андрей всегда былъ готовъ дать солидный отпоръ. Вскорѣ затѣмъ Изяславъ, заручившись помощью со стороны венгровъ, а также приглашеніемъ Вячеслава, кіевлянъ и берендѣевъ,—придти къ нимъ, двинулся къ Кіеву. Встрѣчавшееся по пути населеніе радостно привѣтствовало Изяслава [4]). Послѣдній такъ быстро шелъ къ Кіеву, что выступившій за нимъ Владимірко никакъ не могъ догнать его. Направляясь въ Кіевъ, Изяславъ отрядилъ своего брата, Владиміра, чтобы захватить крѣпкій Бѣлгородъ, находившійся во власти Юрьева сына, Бориса, но послѣдній поспѣшилъ убѣжать къ Юрію въ Кіевъ, и такимъ образомъ дорога въ послѣдній оказалась свободной [5]). Извѣстіе о быстромъ движеніи Изяслава на Кіевъ такъ подѣйствовало на Юрія, что онъ пришелъ въ страшный испугъ и тотчасъ же бѣжалъ въ Остерскій Городокъ. Бѣгство Юрія было столь стремительнымъ, что, по словамъ лѣтописи, онъ не могъ захватить съ собой даже дружины, а бѣжалъ въ одномъ только насадѣ, т. е. въ лодкѣ [6]). Между тѣмъ, Изяславъ, привѣтствуемый кіевлянами, вступилъ въ Кіевъ и овладѣлъ послѣднимъ. Чтобы отнять у Юрія возможность изъявлять какія либо претензіи на Кіевъ, Изяславъ послалъ въ Вышгородъ, къ Вячеславу, просьбу забыть все прошлое и снова занять великокняжескій престолъ. Вячеславъ согласился. Сохраняя за собою только титулъ великаго князя кіевскаго, Вячеславъ представилъ Изяславу всю свою княжескую власть и даже усыновилъ его.

Шедшій на помощь Юрію Владимірко, узнавъ о случившемся, возвратился назадъ, въ Галичъ. Андрей Юрьевичъ оставившій свой

---

[1]) Ibidem.

[2]) Ипат. л., с. 281; Лавр. л., с. 311; Воскр. л., с. 49; Татищевъ, Ш, с. 23.

[3]) Андрею были приданы также города: Туровъ и Пинскъ. Ibidem.

[4]) Ипат. л., с. 282—9; Ник. л., с. 184—5; Воскр. л., с. 49; Татищевъ, Ш, с. 27—33; Арцыбашевъ, с. 126—8.

[5]) Ibidem.

[6]) Ibidem; Лавр. л., с. 313; Арцыбашевъ, 128.

удѣлъ, черезъ устье р. Припяти ушелъ къ отцу, въ Остерскій Городокъ[1]). Здѣсь у Юрія уже созрѣлъ планъ—начать, въ союзѣ съ Давидовичами и съ Ольговичами, новую войну съ Изяславомъ. Въ Кіевѣ, конечно, предугадывали планъ Юрія, и потому были приняты соотвѣтственныя мѣры предосторожности на случай нападенія враговъ: къ венгерскому королю посылается благодарность за оказанныя услуги и просьба прислать на весну новую помощь; къ Ростиславу, въ Смоленскъ, также посылается приглашеніе явиться въ Кіевъ для обсужденія мѣръ, необходимыхъ для обороны страны[2]). Несмотря, однако, на все это, положеніе Изяслава въ Кіевѣ было не особенно прочнымъ: Юрій находился вблизи и, при удобномъ случаѣ, могъ сдѣлать попытку возвратить потерянное. Та предусмотрительная, строго обдуманная политика Юрія, какой держался этотъ князь при завоеваніи южной Руси, принесла свои плоды: съ потерей Кіева, Юрій терялъ на югѣ не все, т. к. въ рукахъ его сыновей находились Переяславль и Городецъ Остерскій,—эти два чрезвычайно важные стратегическіе пункта въ Русской землѣ.

Изяславу Мстиславичу, конечно, было крайне неудобно имѣть въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ сыновей своего врага, но, въ виду того, что бороться съ Юріемъ собственными силами Изяславъ не могъ, онъ и не дѣлаетъ попытокъ захватить Переяславль. Ростиславъ Юрьевичъ, однако, не долго княжилъ въ Переяславлѣ; весной 1150 г. онъ скончался и былъ погребенъ въ Переяславльской церкви св. Михаила. На похоронахъ присутствовали братья покойнаго князя—Андрей, Глѣбъ и Мстиславъ[3]).

Послѣ смерти Ростислава, Переяславльская земля осталась за Юріемъ, который отдалъ ее своему сыну, Глѣбу, какъ извѣстно еще раньше добивавшемуся владѣть ею[4]).

Между тѣмъ Юрій, заключивъ союзъ съ Давидовичами и Ольговичами[5]), пригласилъ къ себѣ изъ степей дикихъ половцевъ и двинулся на Кіевъ, въ надеждѣ быстро и неожиданно овладѣть имъ. Попытка Юрія переправиться черезъ Днѣпръ близъ Кіева, а затѣмъ у Витичева, благодаря отпору рѣчной флотиліи Изяслава, не удалась. Только возлѣ Заруба состоялась переправа Юрьевыхъ войскъ на пра-

---

[1]) Ипат. л., с. 289; Ник. л., с. 185; Тятищевъ, Ш, с. 34.

[2]) Ипат. л., с. 292—3.

[3]) Ипат. л., с. 290; Лавр. л, с. 313; Никон. л., с. 186; Воскр. л., с. 51; Татищевъ, Ш, с. 37.

[4]) Погодинъ, VI, с. 156.

[5]) Въ 1150-мъ году, на пасхѣ, Святославъ Ольговичъ и Владиміръ Давидовичъ приплыли на судахъ изъ Чернигова въ Остерскій Городокъ и здѣсь отпраздновали Юрьевы имянины. Ипат. л., с. 293; Татищевъ, Ш, с. 42.

вую сторону Днѣпра. Планъ Юрія состоялъ въ томъ, чтобы привлечь на свою сторону черныхъ-клобуковъ и затѣмъ идти на Кіевъ; но черные-клобуки остались вѣрными Изяславу [1]). Послѣдній, занявши Кіевъ, рѣшился защищать его до послѣдней крайности. Между тѣмъ Юрій подошелъ къ Кіеву и осадилъ его. Въ это время миролюбивый Вячеславъ отправилъ къ Юрію пословъ, съ увѣщаніемъ —довольствоваться своими землями; Переяславлемъ, Курскомъ и Ростовомъ и не выказывать попытокъ овладѣть Кіевомъ, который, вѣдь, по праву, принадлежитъ ему, Вячеславу [2]). Юрій не согласился, и рѣшилъ штурмомъ взять городъ; но штурмъ не удался, и Юрій только по напрасну потратилъ свои военныя силы. Въ это время Юрій узналъ, что къ нему идетъ на помощь Владимірко, и поспѣшилъ выйти къ нему навстрѣчу. Конечно, Изяславу также было извѣстно объ этомъ движеніи Владимірка. Чтобы не допустить союзниковъ до соединенія своихъ силъ, Изяславъ двинулся за Юріемъ, нагналъ его на Перепетовомъ полѣ, и не далеко отъ послѣдняго, на берегу р. Рута, разбилъ его на голову. Юрій бѣжалъ, поспѣшно переправился черезъ Днѣпръ у Витичева и ушелъ въ Переяславль [3]). Половцы также бѣжали въ свои степи. Разбитые вмѣстѣ съ Юріемъ Ольговичи переправились черезъ Днѣпръ близъ Заруба и удалились подъ защиту Остерскаго Городка [4]). Владимірко, шедшій на помощь Юрію, услыхавъ о пораженіи послѣдняго, возвратился назадъ въ Галичъ [5]).

Побѣдивъ враговъ, Изяславъ и Вячеславъ съ торжествомъ вступили въ Кіевъ, радостно привѣтствуемые населеніемъ его. Первымъ дѣломъ князей побѣдителей, послѣ прибытія ихъ въ Кіевъ, была забота о возможно болѣе удобномъ распредѣленіи южно-русскихъ земель. Однимъ изъ самыхъ серьезныхъ дѣлъ этого времени былъ вопросъ о Переяславлѣ: оставлять его въ рукахъ Юрія или же его сыновей—было опасно; съ одной стороны, Юрій съ удобствомъ для себя, могъ передать на время этотъ городъ Ольговичамъ; съ другой,—онъ могъ отсюда легко сноситься съ половцами и серьезно угрожать Кіеву. Въ виду всего этого, было рѣшено немедленно же идти къ Переяславлю—„доспѣвати на Гюргя“, по словамъ лѣтописи [6]). Въ походѣ противъ Юрія принимали участіе, кромѣ Изяслава и Вячеслава, братъ Изяслава--Святополкъ

---

[1]) Ипат. л., с. 293--4; Ник. л., с. 187; Воскр. л., с. 51; Татищевъ, Ш, с. 42-44.

[2]) Ипат. л., с. 298; Ник. л., с. 188; Воскр. л., с. 35; Татищевъ, Ш, с. 44-6.

[3]) Ипат. лѣт., с. 304; Лавр. л., с. 317: Ник. л., с. 189; Воскр. л., с. 55; Татищевъ, Ш, с 58—54. Въ этой битвѣ палъ Владиміръ Давидовичъ и нѣсколько половецкихъ князей.

[4]) Ibidem. Арцыбашевъ, с. 137.

[5]) Ibidem.

[6]) Ипат. л., с. 305; Воскр. л., с. 55; Татищевъ, Ш, с. 52; Арцыбашевъ, 137.

Мстиславичъ, и берендѣи. Войска переправились черезъ Днѣпръ у Заруба и, расположившись станомъ—„остави товары"—у Мажева сельца, пріѣзжали оттуда сражаться къ Переяславлю [1]). Въ теченіе двухъ дней происходили нападенія Изяславовыхъ войскъ на Переяславль, подъ стѣнами котораго разыгривались жаркія схватки, но городъ не сдавался: осажденные отчаянно защищались. Энергичныя дѣйствія Изяслава противъ Переяславля объясняются тѣмъ, что онъ, очевидно, боялся прихода къ осажденнымъ помощи и потому такъ спѣшилъ взять этотъ городъ. На третій день кіевскія войска опять двинулись на штурмъ Переяславля. Вдругъ изъ города стремительно ударила пѣхота и завязалась отчаянная схватка. Юрій сдѣлалъ вылазку, чтобы не допустить враговъ въ городъ. Но вылазка оказалась неудачной, и пѣхотинцы, потерявъ значительное количество людей, должны были отступить и укрыться за стѣнами города. Во время этого боя, внѣшнее укрѣпленіе, такъ называемое „предгородіе", было сожжено [2]). Однако, не смотря на все это, Юрій все еще продолжалъ держаться въ Переяславлѣ. Несомнѣнно, положеніе Юрія въ этомъ городѣ было крайне критическимъ, и только одна надежда на помощь могла поддерживать его духъ. Стѣснивши Юрія въ Переяславлѣ, Изяславъ и Вячеславъ посылаютъ ему предложеніе: оставить Переяславль своему сыну, и самому—идти въ Суздаль, такъ какъ князья боятся, что онъ можетъ опять привести съ собой половцевъ, если останется въ южной Руси [3]).

Окруженный со всѣхъ сторонъ врагами, не получая ни откуда помощи, потерявъ, кромѣ того, въ безпрестанныхъ бояхъ, значительную долю своего войска, Юрій долженъ былъ поневолѣ согласиться. Заключивъ мирный договоръ съ князьями, Юрій однако, не уѣзжалъ изъ Переяславля: онъ, подъ разными предлогами, откладывалъ свой отъѣздъ въ Суздаль. По настоянію Изяслава, Вячеславъ напомнилъ Юрію о клятвѣ, данной имъ на счетъ оставленія Переяславля, и торопилъ его какъ можно скорѣе оставить этотъ городъ, но Юрій, не смотря на это, все медлилъ и не уѣзжалъ. Онъ послалъ просьбу къ князьямъ—дозволить ему, до отправленія въ Суздаль, побыть нѣкоторое время въ Остерскомъ Городкѣ, послѣ чего обѣщался исполнить все по договору.

---

[1]) Лавр. л., с. 317; Ник. л., с. 187; Воскр. л., с. 55; Татищевъ, III, с. 52. Расположеніе войскъ лагеремъ близъ Мажева имѣло большое значеніе: этимъ путемъ могли явиться союзники Юрія—половцы; чтобы не допустить ихъ къ Юрію, князья и занимаютъ наблюдательный постъ у Мажева.

[2]) Ипат. л., с. 306; Лавр. л., с. 317; Ник. л., с. 189; Воскр. л., с. 55.

[3]) „Иди Суждалю, а сына посади Переаславли; не можемъ с тобою быти здѣ, приведешь пакы на ны Половци" говорятъ князья Юрію. Лавр. л., с. 318; Ипат. л., с. 306; Ник. л., с. 190; Воскр.л., с. 55.

Князья согласились, но подъ условіемъ, что если онъ черезъ мѣсяцъ, назначенный ему на побывку въ Остерскомъ Городкѣ, не уѣдетъ домой, то они опять пойдутъ на него войной. Чтобы быть спокойными на счетъ Юрія, князья потребовали отъ него новаго крестнаго цѣлованія въ томъ, что онъ все исполнитъ по уговору и не будетъ вновь искать себѣ Кіева. Юрій согласился [1]), но и послѣ этого не особенно спѣшилъ съ уходомъ изъ Переяславля; онъ, очевидно, ожидалъ какихъ либо новыхъ осложненій въ Русской землѣ, чѣмъ, безъ сомнѣнія, не преминулъ бы воспользоваться; кромѣ того, оставаясь на югѣ, Юрій старался расположить къ себѣ мѣстное населеніе, чего весьма опасались кіевскіе князья. Поэтому, когда подоспѣлъ праздникъ Бориса и Глѣба, привлекавшій въ Переяславль значительное количество народа, Изяславъ и Вячеславъ вновь напоминаютъ Юрію объ его обѣщаніи и торопятъ его оставить городъ, какъ можно скорѣе. Но Юрій не обращалъ вниманія на представленія князей: онъ участвуетъ со своими сыновьями въ религіозной церемоніи на р. Альтѣ и затѣмъ все таки продолжаетъ оставаться въ Переяславлѣ [2]). Только послѣ вторичнаго со стороны Изяслава напоминанія о соблюденіи крестнаго договора, Юрій отправился въ Остерскій Городокъ, оставя въ Переяславлѣ княземъ своего сына, Глѣба [3]). Андрей Юрьевичъ послѣ Борисова праздника ушелъ въ Суздаль.

Просьба Юрія провести мѣсяцъ въ Остерскомъ Городкѣ была, очевидно, только уловкой съ его стороны: Юрій и послѣ прошествія назначеннаго ему срока все еще оставался въ Остерскомъ Городкѣ. Тогда Изяславъ рѣшилъ привести угрозу въ исполненіе. Собравъ войска въ Кіевѣ и взявъ съ собою берендѣевъ, Изяславъ вмѣстѣ съ союзниками (Изяславомъ Давидовичемъ и друг.) двинулся къ Остерскому Городку и осадилъ его [4]). Юрій затворился въ крѣпости со своими сыновьями и, пользуясь ея неприступностью, въ теченіе долгаго времени отбивался отъ осаждающихъ. Наконецъ, не получая ни откуда помощи и сознавая невозможность долѣе выдерживать осаду, Юрій сдался и согласился уйти въ Суздаль. Отправляясь въ послѣдній, Юрій по дорогѣ посѣтилъ своего пріятеля, Святослава Ольговича, который принялъ его съ честью и, снабдивъ всѣмъ необходимымъ на дорогу, проводилъ домой [5]).

---

[1]) Ипат. л., с. 306.

[2]) Лавр. л., с. 318; Никон. л., с. 190. Арцыбашевъ (с. 137) передаетъ, что Юрій приглашалъ въ это время къ себѣ на помощь Владимірка и половцевъ.

[3]) Ипат. л., с. 306; Лавр. л., с. 318; Ник л., с. 190; Воскр. л., с. 55; Татищевъ, Ш, с. 53; Арцыбашевъ, 137.

[4]) Ипат. л., с. 307; Лавр. л., с. 319; Воскр. л., с. 190 — 1; Татищевъ, Ш, с. 56. Арцыбашевъ, 138.

[5]) Ипат. л., с. 307; Лавр. л., с. 319; Ник. л., с. 190—1; Воскр. л., с. 56.

Упорство Юрія дорого обошлось ему: онъ потерялъ Переяславль, который теперь былъ отданъ Мстиславу Изяславичу, а бывшій въ этомъ городѣ княземъ Глѣбъ Юрьевичъ получилъ Остерскій Городокъ. Это было въ 1151 г.[1]).

Такимъ образомъ, Изяславъ вновь успѣлъ добиться соединенія подъ своею властью столь важныхъ въ политическомъ отношеніи земель—Кіевской и Переяславльской. Но этого было мало. Являлась необходимость обезопасить себя и на будущее время отъ всякихъ случайностей, особенно же—отъ ненадежныхъ сосѣдей. Въ виду этого, въ 1152 г. Изяславъ Мстиславичъ, согласившись со своими союзниками—Изяславомъ Давидовичемъ и Святославомъ Всеволодовичемъ—разрушилъ укрѣпленія Остерскаго Городка, разрывъ его валы и сжегши крѣпостныя постройки. Во время этого умышленнаго пожара пострадала также и крѣпостная церковь св. Михаила, деревяный верхъ которой сгорѣлъ. Находившійся въ крѣпости гарнизонъ былъ выведенъ въ другія мѣста[2]).

Около этого времени венгерскій король, Гейза, началъ военныя дѣйствія противъ Владимірка; онъ извѣстилъ объ этомъ Изяслава и приглашалъ его принять участіе въ походѣ на галицкаго князя. Изяславъ охотно согласился. Онъ собралъ значительное войско, въ составъ котораго, кромѣ черныхъ-клобуковъ, входили вспомогательные отряды нѣсколькихъ князей: Владиміра Мстиславича, Владиміра Андреевича, Мстислава Изяславича переяславльскаго, который высланъ былъ раньше другихъ на помощь венгерскому королю[3]). Возлѣ г. Перемышля произошла битва съ Владимірkомъ, который былъ разбитъ и бѣжалъ подъ защиту перемышльскихъ укрѣпленій; стѣсненный отовсюду Владимірко попросилъ мира, который и былъ заключенъ; послѣ чего Изяславъ и его союзники возвратились домой[4]).

Между тѣмъ Юрій, узнавъ о разрушеніи Остерскаго Городка и о сожженіи церкви и другихъ построекъ въ немъ, сильно опечалился: онъ лишался теперь одного изъ важныхъ пунктовъ въ Русской землѣ, опираясь на который можно было серьезно грозить врагамъ. Однако, Юрій не палъ духомъ; напротивъ, онъ съ еще большей энергіей начинаетъ готовиться къ борьбѣ: онъ посылаетъ въ Рязань, къ Ростиславу Ярославичу, просить помощи противъ Изяслава. Въ это время и у Изяслава шли приготовленія къ войнѣ: онъ извѣстилъ о замыслѣ Юрія своего брата Ростислава, и просилъ его быть готовымъ къ отпо-

---

[1]) Ibidem. Татищевъ, III, с. 57.

[2]) Ипат. л., с. 308; Ник. л., с. 191; Воскр. л., с. 56; Татищевъ, III, с. 59. Арцыбашевъ, с. 138.

[3]) Ibidem.

[4]) Ипат. л., с. 309—313; Татищевъ, III, с. 60—67; Арцыбашевъ, 139—142.

ру врагамъ: „если Юрій нападаетъ на твои земли — Новгородскія и Смоленскія—то я приду помогать тебѣ; если же онъ минуетъ твои волости и пойдетъ на мои,—то ты поспѣшишь ко мнѣ на помощь!“ [1]).

Съ рязанскими и муромскими войсками, а также съ половцами, которые, по словамъ лѣтописи явились къ суздальскому князю „всею землей половецкой“, двинулся Юрій черезъ земли Вятичей къ Чернигову. По дорогѣ къ Юрію присоединился и Святославъ Ольговичъ, опасавшійся за свои земли [2]). Узнавъ о выступленіи Владимірка Галицкаго на Изяслава, Юрій сильно обрадовался. „Они разрушили и сожгли мой Городокъ и церковь его, — говорилъ онъ: — отожгу же я въ свою очередь!“ [3]). Попытка Юрія внезапно напасть на Черниговъ и взять его не удалось: Черниговъ обороняли союзники Изяслава—Ростиславъ Мстиславичъ и Святославъ Всеволодовичъ [4]). Пограбивъ окрестности Чернигова, Юрій въ теченіе 12 дней дѣлалъ отчаянные приступы къ Чернигову, но послѣдній не сдавался. Въ это время пришло извѣстіе, что Вячеславъ и Изяславъ идутъ на выручку Чернигова. Половцы бросились бѣжать въ степи, а Юрій отступилъ сначала въ Новгородъ-Сѣверскъ, а затѣмъ на Посемье (къ Путивлю и Рыльску), оттуда вскорѣ ушелъ въ Суздаль [5]). Юрій ходилъ въ Посемье по просьбѣ Святослава Ольговича, который опасался нападенія на свои земли со стороны Изяслава. Уходя домой, Юрій оставилъ въ помощь Святославу О-чу незначительный отрядъ (50 челов.) своей дружины [6]).

Опасенія Святослава О-ча не были напрасными, такъ какъ съ наступленіемъ зимы война возгорѣлась снова. Пославши въ Смоленскъ, къ Ростиславу, приглашеніе идти на Юрія и удерживать его на сѣверѣ, Изяславъ и Вячеславъ съ войсками выступили къ Переяславлю, чтобы, соединившись съ войсками Мстислава Изяславича, вмѣстѣ отправиться къ Новгородъ-Сѣверску. Возлѣ Переяславля князья остановились. Изяславъ уговорилъ здѣсь своего престарѣлаго дядю не изнурять себя труднымъ походомъ, а возвратиться назадъ въ Кіевъ. Вячеславъ согласился и пошелъ къ Кіеву, Изяславъ же направился въ Сѣверскую землю обычнымъ путемъ черезъ верховья рр. Остра и Удая. Намѣреваясь направиться къ Новгородъ-Сѣверску, Изяславъ, научен-

---

[1]) Ипат. л., с. 314: Татищевъ, III, с. 6: Арцыбашевъ. с. 142.

[2]) Ипат. л., с. 314; Лавр. л., с. 320; Татищевъ, III, 68.

[3]) Ипат. л., с. 314—315: Лавр. л., с. 320—1; Воскр. л., с. 58. Татищевъ, III, с. 69.

[4]) Ibidem; Ник. л., с. 194—5; Воскр. л., с. 59. См. также Карамзина II, с. 170; Арцыбашева, с. 143.

[5]) Лавр. л., с. 321—3; Ипат. л., с. 315—16: Ник. л., с. 195: Воскр. л., с. 59: Татищевъ, III, с. 69—71; Арцыбашевъ, с. 143.

[6]) Ипат. л., с. 315—5: Лавр. л., с. 323: Татищевъ (III, 71) говоритъ, что Юрій оставилъ Святославу сына Василька съ пятьюстами людей.

ный опытомъ, двигался чрезвычайно осторожно и осмотрительно. Углубляться въ страну, не обезпечивъ себѣ тыла, откуда могли напасть кочевники, было рискованнымъ, а потому Изяславъ, достигши Всеволожа, отрядилъ своего сына Мстислава, и черныхъ-клобуковъ, которые должны были дѣйствовать противъ половцевъ въ степяхъ [1]).

Между тѣмъ на помощь Изяславу подошли войска отъ Смоленскаго князя Ростислава, выславшаго своего сына, Романа съ дружиной, отъ Изяслава Давидовича и Святослава Всеволодовича. Теперь Изяславъ смѣло двинулся къ Новгородъ-Сѣверску и осадилъ его. Стѣсненный отовсюду, Святославъ О-чъ попросилъ мира, который и состоялся тогда же, послѣ чего князья разошлись по домамъ. Въ то время какъ Изяславъ, возвращаясь домой, достигъ Чернигова, пришла вѣсть, что Мстиславъ Изяславичъ удачно исполнилъ возложенное на него порученіе; онъ разгромилъ половцевъ на рр. Углѣ и Самарѣ: половецкія вежи были разорены и уничтожены; испуганные такимъ неожиданнымъ нападеніемъ половцы разбѣжались, оставивъ въ рукахъ русскихъ множество плѣнниковъ, скота, лошадей и проч.; томившіеся въ половецкой неволѣ христіанскіе плѣнники были освобождены. Съ большимъ торжествомъ и добычей возвратился Мстиславъ въ Переяславль, откуда пошелъ въ Кіевъ, къ своему отцу, который былъ обрадованъ такимъ счастливымъ окончаніемъ опасной экспедиціи въ степи [2]).

Между тѣмъ на западной окраинѣ Русской земли все еще бродили грозныя тучи, не умолкала борьба съ галицкимъ княземъ. Неизвѣстно, къ какимъ бы результатамъ привела эта новая война, если бы галицкій князь прожилъ дольше: скоропостижная смерть Владимірка положила конецъ напряженному положенію и развязала руки кіевскому князю: преемникъ галицкаго князя—Ярославъ Осмомыслъ—обратился къ Изяславу съ мирными предложеніями [3]).

Мстиславовъ походъ въ степи, на половцевъ, долженъ былъ вызвать у послѣднихъ желаніе отомстить. Дѣйствительно, въ слѣдующемъ же 1153 мъ году, половцы напали на Посулье и сильно его опустошили. Для отраженія кочевниковъ былъ посланъ Мстиславъ Изяславичъ, который долженъ былъ идти на Пселъ, очевидно на перерѣзъ врагамъ, грабившимъ по Сулѣ, но Мстиславъ не могъ нагнать враговъ— „не дощедъ ихъ (половцевъ)“ —и возвратился назадъ [4]). Осенью того же

---

[1]) Ипат. л., с. 316: Арцыбашевъ, с. 144. По Лавр. л. (с. 322) съ Мстиславомъ были отряжены: берендѣи, торки и печенѣги. Татищевъ (III, с. 72) говоритъ, что въ то время, какъ Изяславъ былъ у Всеволожа, половцы около Переяславля и по Сулѣ пакости дѣлали, т. е. грабили.

[2]) Ипат. л., с. 317; Лавр. л., с. 322; Ник. л., с. 196; Воскр. л., с. 60; Татищевъ, III, с. 73; Арцыбашевъ, с. 145.

[3]) Ипат. л., с. 318—320; Лавр. л., с. 322; Татищевъ, III, 74—6.

[4]) Ипат. л., с. 320; Лавр. л., с. 322; Воскр. л., с. 60; Ник. л., с. 197. Татищевъ III, 76; Арцыбашевъ, с. 147.

года Мстиславъ Изяславичъ, сопутствуемый Владиміромъ Андреевичемъ и берендѣями, ходилъ къ низовьямъ Днѣпра, въ Олешье, для встрѣчи своей будущей мачихи, которая была сосватана его отцу въ Обезахъ (Кавказѣ). Не встрѣтивъ княжны, которая, вѣроятно, опасалась путешествія черезъ неспокойныя степи, Мстиславъ возвратился домой [1]).

Въ томъ же году Мстиславъ Изяславичъ участвовалъ въ войнѣ своего отца съ Ярославомъ Осмомысломъ, перемѣнившимъ мирный тонъ своихъ отношеній на враждебный. Переяславльскій полкъ Мстислава Изяславича принималъ участіе въ знаменитой битвѣ на берегахъ р. Серета: множество плѣнныхъ попало въ руки Мстислава, но онъ, уходя въ Кіевъ, выбралъ только лучшихъ мужей, большая же часть остальныхъ была изрублена [2]). Весной 1154 г. Мстислвавъ Изяславичъ опять ходилъ на низовья Днѣпра для сопровожденія своей будущей мачихи, которая на этотъ разъ была встрѣчена и благополучно доставлена въ Кіевъ, гдѣ и вступила въ бракъ съ Изяславомъ. Исполнивъ порученіе, Мстиславъ возвратился въ Переяславль [3]).

Частыя войны съ противниками, душевныя волненія и бѣдствія, пережитыя Изяславомъ въ бурную эпоху княжескихъ междоусобій, неблагопріятно отзывались на его здоровьи: онъ слабѣлъ все болѣе и болѣе. Наконецъ, осенью 1154 г. Изяслава не стало [4]).

Старый Вячеславъ и кіевляне со слезами хоронили своего любимаго князя, который при своей храбрости, энергіи, находчивости и прямодушіи, былъ любъ народу, цѣнившему его добрыя качества, его вниманіе къ народнымъ интересамъ. Стараясь соблюдать завѣты отца и дѣда—охранять народную силу отъ всякихъ обидъ и бѣдствій, Изяславъ не покладалъ рукъ въ этомъ дѣлѣ. Изяславъ является кромѣ того выразителемъ основныхъ принциповъ лучшихъ князей того времени. Идея единенія земель подъ эгидою кіевскаго князя красной нитью проходитъ черезъ все время княженія его: это былъ ревностный продолжатель Мономахова дѣла, и потому тотъ свѣтлый ореолъ, какимъ народная память окружила „добраго страдальца за землю Русскую" невольно отражался и на внукѣ Мономаховомъ. Изяславъ широко понималъ народные интересы и всегда старался поставить свое дѣло на прочныхъ основаніяхъ. „Не идетъ мѣсто къ головѣ, а голова къ мѣ-

---

[1]) Ibidem. См. Соловьева, II, с. 189; Карамзина II, с. 172—3; Иловайскаго, Ист. Р., Кіев. пер., I, с. 239; Татищевъ (III, 459-е прим.) полагалъ, что обезы находились въ нынѣшней Кубанской области.

[2]) Ibidem; Ник. л., с. 197; Татищевъ, III, с. 78.

[3]) Ипат. л., с. 332; Ник. с. 198; Лавр. л., с. 323; Воскр. л., с. 60; Татищевъ, III, 80—81; Арцыбашевъ, с. 147.

[4]) Ипат. л., с. 323; Лавр. л., с. 324; Воскр. л., с. 60—61; Ник. л., с. 198; Татищевъ, III, с. 82.

сту“—сказано чрезвычайно мѣтко Изяславомъ: т. е. не народъ или цѣлая область должны согласоваться съ княземъ, а послѣдній долженъ приноравливаться, прислушиваться къ нуждамъ народнымъ и идти на встрѣчу имъ. Изяславъ преслѣдовалъ идею общаго блага Русской земли и ея составныхъ частей. Твердая и прямая политика относительно степняковъ, заботы и планы относительно защиты южно-русскихъ предѣловъ отъ варваровъ, привлеченіе черно-клобуцкаго элемента къ участію въ защитѣ Русской земли, наконецъ,—искусная политика, направленная къ созиданію прочной, основанной на взаимной поддержкѣ и интересахъ, федераціи земель,—все это указываетъ на недюжинныя способности этого человѣка и его прочно установившіеся общественно-политическіе идеалы. Выборъ митрополита (1147) соборомъ русскихъ епископовъ, сдѣланный по приказанію Изяслава[1]), указываетъ на прозорливость этого князя и на желаніе его сдѣлать изъ южной Руси, съ Кіевомъ во главѣ, тотъ объединительный центръ земель, къ которому должны были бы стремиться окружающія Кіевъ области.

Конечно, упорная, ожесточенная и продолжительная борьба, какую приходилось вести Изяславу въ южной Руси, весьма часто отвлекала этого князя отъ его прямой задачи и не давала ему возможности послѣдовательно выполнить планъ, начертанный трудами „дѣдъ и отецъ“ его. Сильный врагъ съ запада, опасный по своей культурности, какъ туча, нависалъ надъ Кіевской землей, и первой заботой кіевскаго князя было огражденіе своихъ ближайшихъ южныхъ и юго-западныхъ границъ. Кромѣ запада, сильная опасность Приднѣпровью грозила также и съ сѣверо-востока, князья котораго настойчиво стремятся овладѣть югомъ Руси. Понятно, при той напряженной борьбѣ, какую велъ тогда Кіевъ, чтобы отстоять свою самостоятельность, лѣвобережный днѣпровскій край отходилъ иногда на второй планъ, хотя всякій разъ, когда кіевскія дѣла болѣе или менѣе улаживались, заботы объ юго-восточныхъ окраинахъ Руси вновь поднимались, и затемненные личными интересами политико-экономическіе вопросы всей Южной Руси снова подавали свой голосъ, снова приковывали къ себѣ вниманіе князей. Та интенсивная борьба князей изъ-за южно-русскихъ земель и въ частности изъ-за Переяславля—говоритъ о томъ, что Южная Русь все еще представлялась воображенію князей въ видѣ богатаго, заманчиваго края, имѣвшаго чрезвычайно большое отношеніе къ другимъ русскимъ землямъ. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ южная Русь переживала тяжелый кризисъ; въ южной Руси около половины XII в., подъ шумъ разыгривавшейся здѣсь междоусобной борьбы, начинаетъ замѣчаться сильный упадокъ благосостоянія края, въ политическомъ

---

[1]) Ипат. л., с. 241; Новг. л., с. 138.

и экономическомъ отношеніяхъ: центръ тяжести начинаетъ переходить въ другія мѣста. Это объясняется крупными переворотами, произошедшими около этого времени въ южной Руси[1]). Оставленный Мономахомъ завѣтъ потомкамъ — очистить южную Русь отъ оковъ степи и дать ей возможность вновь пробиться до береговъ шумныхъ морей, не могъ быть выполняемъ послѣдовательно, безъ прерывовъ. А разъ время было потеряно,—кочевая волна, не сдерживаемая теперь никакой прочной преградой, начинала разрушать все то, что было куплено дорогой цѣной—потомъ и кровью цѣлыхъ поколѣній людей.

---

[1]) См. Аристова. Промышленность въ Древней Руси, с. 243—58. Савельева. Мухам. нумиз., с. CCII—CCIV.

VII.

Очеркъ политической исторіи Переяславльской земли отъ половины XII до половины XIII ст.

Неудачное движеніе Юрія Долгорукаго на югъ. Попытки Изяслава Д-ча овладѣть Кіевомъ послѣ смерти Изяслава Мстиславича и его союзъ съ Долгорукимъ. Дѣйствія Глѣба Юрьевича въ Переяславльской землѣ. Борьба Ростислава М-ча съ черниговскими князьями и его ссора съ Мстиславомъ. Половецкія разоренія въ окрестностяхъ Переяславля. Кіевъ во власти Изяслава Д-ча, а Переяславль—Глѣба Юрьевича. Захватъ Кіева Долгорукимъ и раздача имъ южно-русскихъ земель своимъ союзникамъ. Нападенія половцевъ на Переяславльскіе предѣлы. Отношенія Юрія къ степнякамъ. Коалиція князей съ Изяславомъ Д-мъ во главѣ противъ Юрія и смерть послѣдняго въ 1157 г. Борьба Мономаховичей съ захватившимъ Кіевъ Изяславомъ Давидовичемъ. Ростиславъ Мстиславичъ снова князь Кіева. Половецкіе набѣги на земли Переяславльскаго к-ва. Новая коалиція черниговскихъ князей и ихъ походы на Переяславль и Кіевъ. Смерть Изяслава Давидовича. Положеніе Переяславльской земли въ правленіе Глѣба Юрьевича. Набѣги половцевъ и мѣры противъ нихъ южно-русскихъ князей. Попытки Андрея Боголюбскаго заправлять дѣлами юга. Переходъ Кіева во власть Глѣба Юрьевича, а Переяславля—во власть Владиміра Глѣбовича. Нападеніе половцевъ на Переяславльскія земли и отпоръ имъ со стороны Владиміра. Борьба Мстислава И-ча съ Глѣбомъ и смерть послѣдняго, въ 1172 г. Переходъ Кіева во власть Романа Ростиславича и половецкіе набѣги на Серебряный и Баручъ. Походъ Игоря сѣверскаго за Ворсклу. Новое вмѣшательство Андрея Боголюбскаго въ кіевскія дѣла. Нападенія половцевъ на переяславльскіе предѣлы и мѣры защиты отъ степняковъ. Походы на половцевъ 1183 и 1184 гг. Нападеніе Кончака на юго-восточныя окраины Руси въ 1184 г. Побѣды русскихъ на Хоролѣ и въ половецкихъ степяхъ. Отголоски несчастнаго похода въ степи Игоря Сѣверскаго на южно-русскихъ земляхъ. Мѣры князей для защиты южной Руси отъ половцевъ. Набѣги Кзы и Кончака въ 1185 г. Борьба кіевскаго и переяславльскаго князей съ половцами. Смерть Владиміра Глѣбовича. Положеніе Приднѣпровья въ 80-хъ годахъ XII ст. Начало зависимости Переяславльской земли отъ Суздальско-владимірскихъ князей; назначеніе въ Переяславль Ярослава Мстиславича. Борьба между Ростиславичами и Ольговичами. Заботы Всеволода III удержать за собой южно-русскія земли. Походы Всеволода III-го въ придонскія степи. Назначеніе переяславльскимъ княземъ Ярослава Всеволодовича въ 1202 г. Перемѣны въ Южной Руси въ періодъ борьбы кіевскаго князя съ Романомъ Галицкимъ. Походы князей на половцевъ въ 1205 г. и ссора князей по возвращеніи съ похода. Виды галицкаго и черниговскихъ князей на Приднѣпровье и борьба изъ-за этого. Стремленіе привлечь переяславльскаго князя къ галицкимъ дѣламъ. Переходъ Переяславля отъ Михаила Всеволодовича, къ Владиміру Рюриковичу въ 1206 г. Перипетіи борьбы между Всеволодомъ Чермнымъ и Рюрикомъ. Передача Переяславля Глѣбу Святославичу. Участіе Всеволода III въ южно-русскихъ дѣлахъ. Нападенія половцевъ на Переяславльскіе предѣлы въ 1210 г. Помощь Всеволоду Чермному изъ Переяславля въ 1214 г. Назначеніе переяславльскимъ княземъ Владиміра Всеволодовича и стараніе послѣдняго прочно утвердиться на югѣ. Пораженіе и плѣнъ переяславльскаго князя послѣ неудачной попытки отразить нашествіе половцевъ въ 1215 г. Переходъ Переяславля въ руки Владиміра Рюриковича. Вліяніе на Переяславльскія дѣла Ольговичей и суздальскихъ князей. Связь Курска съ Переяславлемъ. Назначеніе въ Переяславль Всеволода Константиновича въ 1227 г. и замѣна его Святославомъ Всеволодовичемъ. Состояніе Переяславльской земли наканунѣ татарскаго погрома и во время послѣдняго.

Узнавъ о смерти Изяслава, Юрій рѣшилъ воспользоваться удобнымъ моментомъ, чтобы захватить кіевскій престолъ. Въ томъ же, 1154 году, Юрій, въ союзѣ съ суздальскими и ростовскими войсками,

предпринимаетъ походъ на югъ Руси, но на этотъ разъ походъ не удался: въ земляхъ вятичей на лошадей напалъ моръ, и Юрій принужденъ былъ возвратиться назадъ [1]). Неудачное начало похода не отбило, однако, охоты у Юрія устроить походъ нѣсколько позже, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Возвращаясь домой, Юрій отправляетъ къ половцамъ своего сына, Глѣба, который долженъ былъ пригласить ихъ зимой идти на помощь Юрію [2]).

Между тѣмъ на югѣ, послѣ смерти Изяслава, не смотря на то, что старый Вячеславъ оставался еще въ живыхъ, проявляются попытки овладѣть кіевскимъ столомъ. Лишь только въ Черниговѣ стало извѣстнымъ о смерти Изяслава, какъ Изяславъ Давидовичъ поспѣшилъ въ Кіевъ, въ надеждѣ, конечно, овладѣть послѣднимъ. Слишкомъ большая самоувѣренность и поспѣшность черниговскаго князя поставили его въ неловкое и даже смѣшное положеніе. Когда Изяславъ Давидовичъ подъѣхалъ къ Днѣпровскому перевозу противъ Кіева, Вячеславъ послалъ спросить его: зачѣмъ онъ ѣдетъ въ Кіевъ? Отвѣтъ Давидовича,—что онъ хочетъ помолиться и поплакать у гроба своего умершаго брата,—былъ настолько малоубѣдителенъ, что Вячеславъ велѣлъ передать ему, чтобы онъ ѣхалъ немедленно же назадъ, въ свой Черниговъ [3]). Понятно, Давидовичъ долженъ былъ ни съ чѣмъ возвратиться назадъ. Старый Вячеславъ намѣревался взять себѣ въ соправители Ростислава Смоленскаго, брата умершаго князя. Выборъ Вячеслава остановился потому на смоленскомъ князѣ, что послѣдній, по своему характеру, являлся человѣкомъ прямымъ, справедливымъ и чрезвычайно энергичнымъ, умѣвшимъ уважать и отстаивать права другихъ. Между тѣмъ Мстиславъ Изяславичъ, похоронивъ отца, отправился въ Переяславль, т. к. время было тревожное, и каждую минуту можно было опасаться прихода враговъ или изъ Суздаля, или изъ степей. Въ это время у суздальскаго князя является новый союзникъ, а именно—Изяславъ Давидовичъ, который, потерпѣвъ неудачу на счетъ Кіева, приглашалъ Юрія совмѣстно идти добывать послѣдній. Понятно, намѣреніе Вячеслава передать Кіевъ Ростиславу было чрезвычайно непріятно черниговскому князю. Положеніе Черниговской земли между двумя сильными землями было далеко не безопаснымъ. Попытка выйти изъ такого затруднительнаго положенія и овладѣть Кіевомъ окончилась неудачно; оставалось вступить въ союзъ съ Юріемъ Долгорукимъ. Въ то время, какъ черниговскій князь уговаривался съ Юріемъ Долгорукимъ на

---

[1]) Ипат. л., с. 323; Лавр. л., с. 324; Воскр л., с. 60.

[2]) Ипат. л., с. 323; Лавр. л., с. 324; Воскр. л., с. 60; Татищевъ, Ш, с. 81—82.

[3]) „Ступай назадъ въ свой Черниговъ,—сказалъ Давидовичу Вячеславъ. Ипат. л., с. 323. Татищевъ, Ш, с. 83.

[4]) Голубовскій. Ист. Смоленс. Земли, с 271—2.

счетъ похода на Кіевъ, въ послѣдній прибылъ изъ Смоленска Ростиславъ и, привѣтствуемый всѣмъ народомъ и черными-клобуками, обласканный старымъ Вячеславомъ, сталъ управлять городомъ [1]). Первымъ дѣломъ Ростислава на новомъ поприщѣ была отдача Святославу Всеволодовичу, въ награду за его вѣрность, двухъ городовъ: Турова и Пинска [2]). Что касается Переяславля, то здѣсь шло все по прежнему: Мстиславъ Изяславичъ владѣлъ этимъ городомъ, какъ и раньше.

Занятіе Ростиславомъ кіевскаго стола вызвало сильное негодованіе со стороны Юрія, который считалъ себя имѣющимъ на это больше правъ, чѣмъ кто либо другой. Юрій рѣшилъ немедленно же идти на Кіевъ. Въ это время и Глѣбъ Юрьевичъ, посланный въ степи, уже шелъ къ Переяславлю со множествомъ половцевъ [3]). Очевидно, ударъ направлялся на ту область, откуда всегда можно было достигнуть и Кіева. Сильная опасность грозила Переяславлю, къ которому подошли уже половцы. Однако Мстиславъ И-чъ не потерялся: онъ далъ отпоръ врагамъ и послалъ немедленно же въ Кіевъ извѣщеніе о нападеніи половцевъ, прося о присылкѣ помощи. Ростиславъ распорядился послать на помощь къ Переяславлю своего сына, Святослава, а самъ началъ собирать войска у Пересѣчна [4]).

Лишь только изъ Переяславля увидѣли подходящую помощь, какъ на встрѣчу послѣдней выступилъ Мстиславъ Изяславичъ и ввелъ Святослава съ войскомъ въ городскія стѣны. Съ усиленіемъ гарнизона, дѣла получаютъ другой оборотъ: переяславльскій князь дѣлаетъ попытки силою прогнать враговъ отъ города. Между тѣмъ Глѣбъ Юрьевичъ спѣшилъ къ Переяславлю. Едва занялась заря, какъ подошелъ къ городу Глѣбъ Юрьевичъ съ половецкими и русскими войсками и сдѣлалъ на него нападеніе, но неудачно: переяславльцы съ успѣхомъ отбили приступъ враговъ и, кромѣ того,—сдѣлали отчаянную вылазку изъ города противъ осаждающихъ. Глѣбъ такимъ образомъ ничего не могъ сдѣлать съ городомъ. Видя, что взять Переяславль, во-время получившій подкрѣпленіе, очень трудно, оставаться же возлѣ него не безопасно, въ виду могущей подойти новой помощи изъ Кіева, Глѣбъ быстро отступилъ съ половцами отъ Переяславля, направляясь къ сѣверо-востоку, къ верховьямъ рр. Сулы и Удая, поближе къ черниговскимъ предѣ-

---

[1]) Ипат. л., с. 323—4; Татищевъ, Ш, с. 84.

[2]) Ibidem. Арцыбашевъ, с. 151.

[3]) Ипат. л., с. 324—5. Татищевъ, Ш, с. 84—5. Судя по разсказу Воскрес. лѣт. (стр. 61), можно полагать, что Глѣбъ Юрьевичъ направлялся къ Переяславлю ближайшей изъ степей дорогой, черезъ р. Сулу, т. к. отступавшіе затѣмъ половцы уходили прочь „не можчающи *паки за Сулу*“.

[4]) Г. Пересѣченъ, полагаютъ находился близъ нынѣшняго Китаева, у Кіева. См. Максимовича, Собр. сочин. Отдѣлъ историческій.

ламъ, „бояхуся бо Ростислава и Святослава“ [1]). Во время этого отступленія Глѣбъ Юрьевичъ напалъ съ половцами на г. Пирятинъ и взялъ его. Жители Пирятина были частью перебити, частью взяты въ плѣнъ [2]). Достигши верховьевъ р. Сулы, Глѣбъ остановился.

Оказавъ помощь Переяславлю, Святославъ возвратился къ отцу, въ Кіевъ. Въ это время Ростиславъ Мстиславичъ услыхавъ, что Изяславъ Давидовичъ все еще мечтаетъ быть кіевскимъ княземъ, рѣшилъ быстро двинуться на Черниговъ, чтобы не дать возможности Юрію соединить свои войска съ черниговскими. Въ походѣ принимали участіе и кіевляне, и торки, и войска переяславльскаго князя и Святослава Всеволодовича [3]). Въ самомъ началѣ похода, когда войска переправились черезъ Днѣпръ у Вышгорода, пришла вѣсть, что старый Вячеславъ внезапно умеръ. Ростиславъ возвратился въ Кіевъ, похоронилъ дядю и снова прибылъ къ войску. Здѣсь Ростиславу совѣтовали, вмѣсто похода на Черниговъ, лучше уладиться съ кіевлянами, но Ростиславъ не послушался и двинулся къ Чернигову, на Изяслава Давидовича. Послѣдній послалъ просьбу къ стоящему на р. Сулѣ Глѣбу Юрьевичу поспѣшить на помощь. Въ это время Ростиславъ посылаетъ къ Изяславу Давидовичу предложеніе—мирно покончить дѣло, если только онъ, Давидовичъ, дастъ клятву, что не будетъ искать себѣ кіевскаго стола. Въ ожиданіи подхода помощи, Изяславъ Давидовичъ послалъ сказать Ростиславу, что онъ не понимаетъ, зачѣмъ это пришли на него войною: онъ, вѣдь, ничего такого не сдѣлалъ, за что бы слѣдовало съ нимъ воевать, но что если противъ его начинаютъ борьбу, то онъ вправѣ взяться за оружіе для своей защиты [4]). Вскорѣ подошли на помощь Чернигову половцы съ Глѣбомъ Юрьевичемъ, и положеніе Ростислава стало критическимъ. Когда началась битва, Ростиславъ, сознавая невозможность побѣдить въ ней, послалъ къ Изяславу Давидовичу посла, предлагая покончить дѣло миромъ, причемъ уступалъ Изяславу даже Кіевъ и Переяславль, опасаясь, конечно, въ случуѣ неудачи, потерять еще больше того [5]). Это предложеніе было сдѣлано Ростиславомъ безъ вѣдома Мстислава Изяславича, который, уз-

[1]) Ипат. л., с. 325; Лавр л., с. 324; Ник. л., с. 200; Воскр. л., с. 61.

[2]) „И не успѣвъ же Глѣбъ с Половци ничтоже, иде прочь, и тогды же ида взя Пирятинъ с Половци“. Лавр. л., с. 325. „Тогда же идущу (Глѣбу) съ Половци, взя градъ Пирятинъ, овѣхъ избиша, а инѣхъ въ плѣнъ поведоша“. Ник. л., с. 200; Арцыбашевъ, с. 150. Озлобленіе противъ Пирятина было обусловленно тѣмъ, что расположенные по р. Удаю городки мѣшали свободному движенію на Переяславль съ сѣвера-востока и даже сѣвера.

[3]) Ibidem. Арцыбашевъ, с. 150.

[4]) Ипат. л., с. 325; Воскр. л., с. 62; Татищевъ, III, с. 86—7.

[5]) Ипат. л., с. 327; Лавр. л., с. 235 — 6; Ник. л., с. 200; Воскр. л., с. 62; Татищевъ, III, с. 87; Арцыбашевъ, с. 151.

навъ объ этомъ, сильно разгнѣвался. „Такъ не будетъ же ни мнѣ Переяславля, ни тебѣ Кіева"—сказалъ онъ дядѣ, немедленно оставилъ его и тотчасъ же направился въ Переяславль [1]). Среди половцевъ, конечно, знали о произошедшемъ раздорѣ между князьями, и потому, когда ушелъ Мстиславъ, половцы отовсюду бросились на отступавшія войска Ростислава. Послѣдній два дня бился съ половцами и, только благодаря отвагѣ и самоотверженію своего сына, едва успѣлъ прорваться сквозь непріятелей и уйти въ Смоленскъ. Сынъ Ростислава, Святославъ, ушелъ вмѣстѣ съ Мстиславомъ Изяславичемъ въ Переяславль. Святославъ Всеволодовичъ попалъ въ плѣнъ къ половцамъ, откуда былъ освобожденъ стараніями черниговскаго князя [2]). Понятно, Мстиславу Изяславичу оставаться въ Переяславлѣ, послѣ потери значительной части своего войска, было крайне трудно, и онъ ушелъ съ женой на Волынь [3]).

Между тѣмъ разбившіе Ростислава половцы, разсердясь за то, что Глѣбъ не отдалъ имъ плѣнниковъ, устремились къ Переяславлю и начали разорять и жечь все на своемъ пути. Они разграбили и сожгли множество селъ и деревень въ окрестностяхъ Переяславля, потравили поля; въ это время были сожжены три монастыря: Борисоглѣбскій, выстроенный на берегу р. Альты, на мѣстѣ убіенія св. Бориса [4]), м. Рождества Пресвятой Богородицы и монастырь св. Саввы [5]).

Побѣдивъ Ростислава, Изяславъ Давидовичъ отправляетъ въ Кіевъ посла объявить, что онъ желаетъ быть тамъ княземъ. Кіевляне согласились. Тогда Изяславъ Давидовичъ явился въ Кіевъ и занялъ великокняжескій престолъ, въ 1154 г. Захвативъ Кіевъ и, сознавая, что Юрій Долгорукій останется этимъ недоволенъ, Изяславъ Давидовичъ старается теперь войти въ пріязнь съ Юріемъ: онъ отдаетъ Глѣбу Юрьевичу Переяславль, показывая этимъ видъ, что желаетъ жить въ тѣсномъ союзѣ съ Юрьевой семьей. Но, понятно, Юрій, этимъ не удовольнился; онъ рѣшилъ теперь разбить каждаго изъ своихъ враговъ въ отдѣльности, для чего и двинулся въ Смоленскую землю, гдѣ и принудилъ Ростислава попросить мира. Покончивъ съ однимъ сопер-

---

[1]) Ibidem.

[2]) Ibidem. Мы не совсѣмъ понимаемъ, почему у Татищева (Ш, с. 88) показано, что Ростиславъ ушелъ изъ Кіева „взявъ жену и дѣтей съ великою робостью, хотя за нимъ никто не гналъ". Судя по ходу событій, можно полагать, что Ростиславъ скорѣе ушелъ послѣ проигранной битвы.

[3]) Ипат. л., с. 327; Воскр. л., с. 62. Татищевъ (Ш, с. 68) говоритъ, что Мстиславъ ушелъ въ г. Владиміръ, другіе—въ Луцкъ. См. Арцыбашева, с. 152.

[4]) Ипат. л., с. 328; Лавр. л., с. 326; Воскр. л., с. 62. „Тогда же много зла сотвориша половци около Переяславля, села вся пожгоша и жита вся потравиша". О причинѣ вражды половцевъ говоритъ Татищевъ, III, 89.

[5]) Ник. л., с. 201.

никомъ, Юрій направился къ Кіеву [1]). По дорогѣ въ послѣдній, въ Стародубѣ, явился къ Юрію Святославъ Ольговичъ съ просьбой о помилованіи его племянника, Святослава Всеволодовича. Юрій согласился и вмѣстѣ съ Святославомъ Ольговичемъ прибылъ въ Черниговъ. Зная планы суздальскаго князя на счетъ Кіева, Святославъ Ольговичъ посылаетъ къ Изяславу Давидовичу предупрежденіе о движеніи Юрія и дружескій совѣтъ—добровольно оставить Кіевъ: „Иди изъ Кіева,—велѣлъ онъ сказать Изяславу:—на тебя идетъ Юрій; я уже уступилъ тебѣ Черниговъ, ради христіанскихъ душъ и спокойствія“ Но Изяславъ Давидовичъ не хотѣлъ разставаться съ Кіевомъ, „зане улюбѣлъ ему Кіевъ“ [2]).

Между тѣмъ Юрій, прибывъ въ Моровійскъ (нынѣ м. Моровскъ, на Деснѣ), послалъ сказать Изяславу Давидовичу, чтобы онъ шелъ изъ Кіева, т. к. послѣдній, по праву, считается его, юрьевой отчиной. Изяславъ Давидовичъ, видя невозможность борьбы съ Юріемъ, уступилъ и просилъ только, что бы ему не дѣлали зла: „развѣ я самъ пріѣхалъ въ Кіевъ: меня призвали кіевляне“—говорилъ онъ: „пусть будетъ Кіевъ твоимъ; не дѣлай только мнѣ зла!“ Юрій обѣщалъ, и Изяславъ Давидовичъ удалился изъ Кіева [3]). Такимъ образомъ, Кіевъ въ третій разъ достался Юрію Долгорукому, который, понятно, и на этотъ разъ старается устроить дѣла въ Южной Руси согласно своимъ планамъ. Онъ раздаетъ тянувщія къ Кіеву земли своимъ сыновьямъ: Андрею—Вышгородъ, Борису—Туровъ, Васильку—Поросье, Глѣбу—Переяславль [4]).

Очутившись опять въ Кіевѣ, во главѣ южной Руси, Юрій Долгорукій нѣсколько измѣняетъ свою какъ внутреннюю, такъ и внѣшнюю политику, сообразно съ тѣми условіями и задачами, которыя предъявлялись тогдашней жизнью Южной Руси. Онъ принимаетъ на себя какъ бы роль защитника интересовъ южно-русскаго населенія: недавній союзникъ и другъ половцевъ становиться теперь ихъ врагомъ и грозой. Такъ, когда въ 1155-году половцы напали на Поросье, Василько Юрьевичъ, при помощи берендѣевъ, далъ имъ сильный отпоръ и взялъ много полону. Юрій, очевидно, былъ радъ этому, но раздражать степняковъ онъ всетаки не хотѣлъ. Въ виду жалобъ половцевъ на берендѣевъ и на Василька, Юрій рѣшилъ устроить переговоры съ половцами въ Каневѣ. Здѣсь новый кіевскій князь старался примирить обѣ враждующія стороны—берендѣевъ и половцевъ,

---

[1]) Ипат. л., с. 328; Лавр. л., с. 326; Ник. л., с. 202; Татищевъ, III, с. 89.

[2]) Лавр. л., с. 327; Ипат. л., с. 329; Татищевъ, III, с. 90; Арцыбашевъ, с. 153.

[3]) Ibidem.

[4]) Ibidem. Ник. л., с. 203; Воскр. л., с. 63; Татищевъ, III, 91. Арцыбашевъ, с. 153.

что послѣ долгихъ споровъ и удалось, хотя Юрій и не исполнилъ всего того, что просили половцы, а именно:—не могъ возвратить захваченныхъ берендѣями половцемъ, и только одарилъ послѣднихъ подарками, обнадеживъ все устроить потомъ. Покончивъ переговоры, Юрій возвратился въ Кіевъ [1]).

Половцы, однако, не успокоились каневскими переговорами: въ томъ же году они напали на Деменескъ и повоевали его; затѣмъ они подошли къ Переяславлю и произвели страшное опустошеніе въ окрестностяхъ послѣдняго, избивая жителей и уводя ихъ въ неволю [2]). Половцы, вѣроятно, мстили теперь за тѣ обиды, которыя они получили отъ жившихъ на русскихъ окраинахъ степняковъ. Судя по молчанію лѣтописей объ отраженіи этого набѣга, можно полагать, что половцы безнаказанно произвели вышеупомянутое опустошеніе. Событія того времени въ Южной Руси были таковы, что нельзя было и думать о серьезномъ отпорѣ степнякамъ: съ приходомъ Юрія въ Кіевъ, опять начались междоусобія. Мстиславъ Изяславичъ открылъ войну противъ Юрія, но вскорѣ долженъ былъ уступить и бѣжалъ въ Польшу. Юрію много помогъ галицкій князь, Ярославъ Осмосмыслъ [3]). Немного времени спустя, Юрій Долгорукій, по просьбѣ Ростислава Смоленскаго, который успѣлъ помириться съ Юріемъ, соглашался уладиться и съ Мстиславомъ Изяславичемъ, но послѣдній не могъ вполнѣ довѣрять Юрію, который всегда могъ отнять у него Владиміръ-Волынскій удѣлъ, не задумываясь, конечно, преступить клятву [4]), Война продолжалась. Юрій осадилъ Владиміръ-Волынскій, но взять его не могъ. Оставя въ рукахъ своего племянника, Владиміра Андреевича, покоренные города (Дорогобужъ и Пересопницу), Юрій ушелъ въ Кіевъ—устраивать свои дѣла.

Очутившись въ Кіевѣ, Юрій старается всѣми силами уладиться съ находящимися въ тѣсной связи съ югомъ рускими землями: съ Черниговомъ, Смоленскомъ, Н.-Сѣверскомъ, Галичемъ и другими областями. Онъ старается поддержать миръ, для достиженія котораго иногда требовалась чрезвычайно искусная разсчетливая политика, осложнявшаяся главнымъ образомъ тѣмъ, что многія изъ южнорусскихъ земель, одновременно съ Кіевомъ, переживали тяжелый кризисъ въ экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ. Особенно трагично было положеніе Чернигова. Сильно стѣсненный въ своихъ торговыхъ отношеніяхъ, Черниговскій удѣлъ искалъ выхода изъ сво-

---

[1]) Ипат. л., с. 330; Ник. л., 203; Татищевъ, III, с. 93.

[2]) „Того же лѣта (1155) пріидоша Половци, и воеваша Деминескъ, и пріидоша къ Переаславлю, и много зла сотвориша, овѣхъ избиша, а другихъ живыхъ плѣниша, и вазвратишася въсвоаси". Ник. л., с. 203; Лавр. л., с 328.

[3]) Ипат. л с. 330 и слѣд.; Лавр. л., с. 328—9.

[4]) Ипат. л., с. 335; Лавр. л., с. 330—331.

его труднаго положенія, и попытки черниговскихъ князей утвердиться въ Кіевѣ—являются не личнымъ только желаніемъ князей, а требованіемъ дальновидной, вызванной современными условіями политики страны, сознававшей для себя близкую опасность и старавшейся предотвратить ее. Возвышеніе около этого времени Смоленска и борьба его съ Суздалемъ указываетъ, что торгово-промышленная жизнь перемѣщаетъ центръ тяжести все больше и больше на сѣверо-востокъ [1]).

Въ это время начинаетъ замѣчаться упадокъ благосостоянія Южной Руси, обусловленный весьма многими причинами какъ внѣшними, такъ внутренними. Въ половинѣ XII ст. проявляються только начатки той драмы, которая въ скоромъ времени должна была разыграться въ Южной Руси. Опытный и дальновидный политикъ—Юрій Долгорукій, очутившись на югѣ, не могъ, конечно, не замѣтить слабыхъ сторонъ южно-русской жизни. Мы видимъ, что Юрій Долгорукій, на первыхъ же порахъ своего княженія на югѣ, пытается обратить вниманіе на существенные вопросы внутренней жизни страны: онъ старается возстановить общественную дисциплину, расшатанную въ предшествующее время, при чемъ внѣшняя политика, по крайней мѣрѣ относительно степи, отходить на второй планъ, и половцы начинаютъ грабить Русскую землю, какъ это случилось въ 1155-мъ году [2]). Спустя нѣсколько времени послѣ вышеназваннаго нападенія, половцы опять являются въ предѣлы Переяславльскаго к-ва и останавливаются неподалеку отъ устьевъ р. Супоя, на линіи пограничныхъ со степью укрѣпленій, продолжающихся и на правой сторонѣ Днѣпра. Они расположились „по Дубницу оли до верхъ Супоя“ [3]). Очевидно, половцы явились сюда въ разсчетѣ заключить выгодный договоръ съ кіевскимъ княземъ. Послѣдній опять отправился въ Каневъ, но на этотъ разъ уже съ значительнымъ войскомъ [4]). Юрій, очевидно, желалъ серьезно посчитаться съ половцами. Сообразивъ, что дѣло грозитъ принять острый оборотъ, половцы ночью бѣжали въ степи. Юрій возвратился въ Кіевъ [5]).

Уладившись нѣсколько съ половцами, Юрій старается обезопасить себя и на счетъ Чернигова. Онъ женить своего сына, Глѣба, на дочери Изяслава Давидовича; другой сынъ Юрія,—Мстиславъ,—женится въ Новгородѣ, на дочери знатнаго боярнина, Петра Махалковича [6]).

---

[1]) Интересно, что Полоцкая земля къ началу XIII ст. принимаетъ протекторатъ отъ Смоленской земли. См. Голубовскаго Ист. Смол. земли, с. 274.

[2]) Ипат. л., с. 333; Лавр. л., с. 329.

[3]) Ипат. л., с. 331; Лавр. л., с. 328; Ник. л., с. 204; Воскр. л., с. 63.

[4]) Съ Юріемъ были: Ростиславъ и Владиміръ Мстиславичи, Ярославъ Изяславичъ и галицкая помощь. Ibidem.

[5]) Ibidem; Татищевъ, III, с. 96; Арцыбашевъ, с, 154.

[6]) Ипат л., с. 331; Лавр. л., с. 329; Воскр. л., с. 64; Татищевъ, III, с. 98.

Не смотря на все это, искренняго согласія между Юріемъ Д. и черниговскимъ княземъ быть не могло. Несогласіе, обусловливаемое, какъ мы указали раньше, политическими причинами, все еще продолжалось; прежде оно только не проявлялось теперь столь ярко, какъ нѣсколько смягченное, Юрій зналъ о союзѣ Изяслава Давидовича съ Мстиславичами; кромѣ того, онъ подозрѣвалъ также черниговского князя въ подстреканіи имъ половцевъ къ нападенію на подчиненныя Кіеву земли. Насколько обострились отношенія между Юріемъ и Изяславомъ Давидовичемъ, видно изъ того, что Юрій, уладившись съ половцами подъ Каневомъ, послалъ спросить Давидовича: „согласенъ-ли онъ быть за одно съ нимъ, или же нѣтъ“? Изяславъ Давидовичъ отвѣчалъ утвердительно, за что и получилъ, по миру въ Лутавѣ, въ награду г. Корческъ [1]). Несомнѣнно, Изяславъ Давидовичъ, какъ увидимъ дальше, имѣлъ большое вліяніе на половцевъ, и послѣдніе во все это время не нападаютъ на его земли.

Въ 1156 году половцы въ большомъ числѣ пришли воевать Поросье. Юрій Долгорукій призвалъ на помощь Изяслава Давидовича и Святослава Ольговича, съ которыми и отправился къ Зарубу, „на снемъ с Половци“. Соглашеніе съ половцами закончилось миромъ, при чемъ Изяславъ Давидовичъ не преминулъ воспользоваться новыми союзниками для своихъ цѣлей: съ помощью степняковъ онъ отправился на Святослава Владиміровича и силою отобралъ у него подесенскіе города [2]). Однако, замыслы Юрія—положить прочныя основы на югѣ Руси—сильно встревожили Изяслава Давидовича, который составляетъ противъ него союзъ изъ Ростислава Мстиславича и племянника послѣдняго—Мстислава Изяславича. Но до столкновенія дѣло не дошло, такъ какъ Юрій скоропостижно скончался въ Кіевѣ, въ 1157 году [3]). Когда вѣсть о смерти Долгорукаго разнеслась по Кіеву и окрестностямъ, народъ началъ грабить дворцы Юрія и избивать въ городахъ и селахъ его приверженцевъ: такъ не по сердцу былъ на югѣ режимъ суздальскаго князя и его сподручниковъ [4]).

Проницательный и суровый сынъ Юрія, Андрей, былъ недоволенъ жизнью на югѣ Руси: онъ видѣлъ невозможность поставить южно-русское населеніе въ полное подчиненіе княжеской власти; замѣчалъ онъ также расшатанность и сильный упадокъ благосостоянія русской жизни въ пограничныхъ со степью Украинахъ. Зная все это, Андрей и

---

[1]) Ипат. л., с. 330—1; Воскр. л., с. 68; Лутава—с. въ Черниг. губ., неподалеку отъ г. Остра. См. Барсова. Матер. для ист.—геогр. слов. Р., с. 117.

[2]) Ипат. л., с. 333; Воскр. л., с. 64; См. Татищева, III, с. 99; Соловьева, II, с. 196. Погодина, VI, с. 104; Арцыбашева, с. 155.

[3]) Ипат. л., с. 336; Лавр. л., с. 330; Татищевъ, III, с. 102—3.

[4]) Ibidem.

не стремится такъ на югъ, какъ его отецъ, а уходитъ на сѣверъ, въ Суздальскую землю [1]).

Послѣ смерти Юрія, Изяславъ Давидовичъ овладѣлъ Кіевомъ и сталъ тамъ великимъ княземъ. Теперь Святославъ Ольговичъ получаетъ Черниговъ, а Святославъ Всеволодовичъ—Новгородъ-Сѣверскъ [2]). Въ Переяславлѣ остается Глѣбъ Юрьевичъ, приходившійся, какъ извѣстно, зятемъ Изяславу Давидовичу. Послѣдній, однако, не долго продержался въ Кіевѣ: противъ него составилась сильная коалиція князей—Мономаховичей (Мстиславъ и Ярославъ Изяславичи, Владиміръ Андреевичъ) и Ярослава Осмомысла, которые пошли на него войною. Возлѣ Бѣлгорода, въ 1159 г., произошла битва съ Изяславомъ Давидовичемъ, который былъ разбитъ и бѣжалъ въ Гомель [3]). Супруга Изяслава Давидовича, узнавъ о пораженіи мужа, сначала бѣжала въ Переяславль, а оттуда—въ Гомель, гдѣ встрѣтилась съ мужемъ и ушла вмѣстѣ съ нимъ въ землю Вятичей [4]).

Въ Кіевъ, временно занятый Мстиславомъ Изяславичемъ, былъ призванъ изъ Смоленска Ростиславъ Мстиславичъ, который и сталъ въ немъ княжить [5]).

Вскорѣ послѣ вокняженія Ростислава въ Кіевѣ, на Переяславльскую землю нападаютъ половцы и страшно опустошаютъ страну между рр. Трубежемъ и Остромъ: возлѣ Носова половцами было взято болѣе 800 человѣкъ плѣнныхъ [6]).

Изяславъ Давидовичъ, сильно разгнѣванный на Святослава за то, что тотъ не помогалъ ему, напалъ на земли вятичей и сильно опустошилъ ихъ. Святославъ, занявшій Черниговъ, не остался въ долгу, и вражда возгорѣлась. Изяславъ постарался прежде всего занять стратегическіе пункты на границѣ со степью и подошелъ къ Путивлю. Простоявъ здѣсь три дня, Изяславъ Давидовичъ направился къ Вырю, въ надеждѣ воспользоваться содѣйствіемъ выревцевъ, но по-

---

[1]) Ипат. л., с. 331.

[2]) Ипат. л., с. 336—7; Татищевъ, III, с. 104.

[3]) Ипат. л., с. 341—344; Татищевъ, III, с. 115—116. Пораженіе произошло, по словамъ лѣтописи, вслѣдствіе измѣны черныхъ-клобуковъ.

[4]) Ипат. л., с. 344; Воскр. л., с. 69—70; Ник. л., с. 213; Татищевъ, III, с. 116. Путь княгини отмѣченъ лѣтописью: изъ Переяславля она бѣжала на Городокъ, Глѣбль, Хороборъ и Ропескъ.

[5]) Ипат. л., 344—5; Воскр. л., с. 70; Татищевъ, III, с. 119.

[6]) „Воеваша Половцы около Носова и до Лта, іюля 23, и взяша душъ болѣ 8 сотъ; тогда же о Котелницѣ воеваша и Шоломницу взяша, Мстиславлѣ княгини село". Воскр. л., с. 71; Татищевъ, III, с. 120. Арцыбашевъ, с. 166. Котельница—г. въ Кіевской землѣ, на р. Гойвѣ, притокѣ Тетерева. См. Барсова, Географическій словарь Русской земли, с. 107; Погодина, IV, с. 171; Грушевскаго. Исторія Кіевск. земли, с. 41. Что касается Шоломницы, то она, по всей вѣроятности, находилась гдѣ либо неподалеку отъ Котельницы.

слѣдніе затворились и не пустили къ себѣ Изяслава, который всетаки остался здѣсь въ ожиданіи прихода половцевъ. Когда половцы явились, онъ двинулся къ Чернигову, въ намѣреніи осадить тамъ Святослава Ольговича. На Деснѣ, близъ впаденія въ нее Сейма, Изяславъ Давидовичъ пытался перейти рѣку и началъ сраженіе, но ничего не успѣлъ: перебраться черезъ рѣку онъ не могъ. Тогда войска Изяславовы сотворили „велику пакость“ окрестностямъ: „села пожгоша, люди повоеваша“ [1]). Въ это время изъ Кіева шла помощь Чернигову; узнавъ объ этомъ, Изяславъ Давидовичъ поспѣшилъ отступить съ половцами въ степи [2]). Вторичная попытка Изяслава внезапно овладѣть Черниговомъ также не удалась, послѣ чего онъ отступилъ къ Вырю, а отсюда ушелъ затѣмъ во Вщижъ, къ своему племяннику, Святославу Владиміровичу [3]).

Дальнѣйшія дѣйствія Изяслава Давидовича были направлены на пріобрѣтеніе дружбы у черниговскихъ и суздальскихъ князей: онъ женитъ своего племяника, Святослава Владиміровича, на дочери Андрея Юрьевича, который былъ не прочь пріобрѣсть себѣ союзника въ виду затѣянной имъ борьбы съ Новгородомъ [4]). Кромѣ того, Изяславъ Давидовичъ привлекаетъ на свою сторону Олега Святославича, напомнивъ эму о недавнемъ замыслѣ Ростислава схватить его въ Кіевѣ; затѣмъ къ Изяславу пристаютъ Всеволодичи и, наконецъ, — Святославъ Ольговичъ, бывшій до того въ дружбѣ съ Ростиславомъ „нужею поведеся отъ Ростиславли любви къ Изяславу“ [5]). Заручившись такимъ образомъ союзниками, Изяславъ Давидовичъ открылъ, наконецъ, свое намѣреніе идти на Кіевъ и вырвать его изъ рукъ Ростислава. Кромѣ князей, Изяславу оказали дѣятельную помощь и половцы. Въ 1161 году, собравъ войска, Изяславъ Давидовичъ направился къ Переяславлю, въ надеждѣ привлечь на свою сторону и Глѣба Юрьевича: но послѣдній отказалъ и затворился въ Переяславлѣ. Въ теченіе двухъ недѣль осаждали союзники Переяславль, разсчитывая склонить Глѣба идти на Ростислава, но безуспѣшно: Глѣбъ упорно отказывался [6]). Узнавъ о происходившемъ у Переяславля, Ростиславъ немедленно же собралъ войско и двинулся къ Триполью, намѣреваясь, конечно, отсюда подойти

---

[1]) Ник. л., с. 215; Воскр. л., с. 71; Арцыбашевъ, с. 167.

[2]) Ник. л., с. 215; Татищевъ, III, с. 121—2.

[3]) Ипат. л., с. 347—8; Лавр. л., с. 332; Ник. л., с. 216.

[4]) Ипат. л., с. 349; Воскр. л., с. 12. Въ Новгородѣ въ это время княжилъ сынъ смоленскаго Ростислава, Святославъ. Благодаря проискамъ Андрея Суздальскаго, въ Новгородѣ вспыхнуло возстаніе, окончившееся заточеніемъ Святослава въ Ладогу. Ипат. л., с. 350; Лавр. л., с. 332; Ник. л., с. 216.

[5]) Ипат. л. с 351—2; Воскр. л., с, 72—3; См. Багалѣя. Ист. Сѣв. з., с. 225.

[6]) „И стояша у Переяславля 2 недѣли и не успѣша ничтоже“. Ипат. л., с. 294, 352; Ник. л., с. 118; Воскрес. л., с. 74; Татищевъ, III, 131. Арцыбашевъ, с. 171.

на помощь къ Переяславлю. Тогда Изяславъ Давидовичъ поспѣшно отступилъ назадъ, половцы же бѣжали въ свои степи [1]).

Однако, Изяславъ Давидовичъ не оставилъ своего намѣренія овладѣть Кіевомъ: онъ отложилъ его только до болѣе благопріятнаго времени. Въ томъ же году, лишь только наступила зима и стали рѣки, Изяславъ Давидовичъ, въ союзѣ съ половцами и приверженными ему князьями, опять пошелъ на Ростислава. На этотъ разъ наступленіе на Кіевъ было сдѣлано съ сѣвера, отъ Вышгорода. Застигнутый врасплохъ Ростиславъ, послѣ отчаянной защиты города, ушелъ въ Бѣлгородъ, въ надеждѣ, конечно, заручившись помощью, снова овладѣть Кіевомъ. Захвативъ Кіевъ, Изяславъ Давидовичъ не успокоился на этомъ, а рѣшилъ идти на своего убѣжавшаго соперника, который и былъ осажденъ въ Бѣлгородѣ. Но Изяславъ ошибся въ разсчетѣ на неподготовленность Ростислава: къ послѣднему быстро подоспѣли союзники— Мстиславъ Изяславичъ, Рюрикъ Торческій, Владиміръ Андреевичъ. Василько Юрьевичъ и черные-клобуки, — и положеніе перемѣнилось. Изяславъ сообразилъ опасность и началъ быстро отступать назадъ, но на дорогѣ былъ опасно раненъ преслѣдовавшими его торками и привезенный въ Кіевъ скончался [2]).

Кіевомъ опять овладѣлъ Ростиславъ Мстиславичъ. Переяславльская земля находилась въ это время въ рукахъ Глѣба Юрьевича. Послѣднему приходилось вести чрезвычайно искусную политику, чтобы удержать за собою столь интересную во многихъ отношеніяхъ окраинную землю, имѣвшую тѣсную связь со всѣмъ днѣпровскимъ побережьемъ какъ въ сѣверной, такъ и въ южной его частяхъ. Выросшій подъ опекою своего отца, Глѣбъ Юрьевичъ научился искусно лавировать среди опасностей, напередъ разсчитывая, куда выгоднѣе пристать ему. Онъ часто пользуется благопріятными обстоятельствами и вырабатываетъ твердыя политическія убѣжденія, отъ которыхъ старается не отступать, даже не смотря на сильно грозившую ему опасность. Отношенія Глѣба къ степи были серьезны. Онъ принимаетъ участіе въ задуманномъ князьями большомъ походѣ на кочевниковъ, т. к. послѣдніе, пользуясь несогласіями въ Русской землѣ, серьезно мѣшали русской торговлѣ. Въ 1160-мъ году половецкіе набѣги вызвали походъ въ придонскія степи соединенныхъ силъ ростовской, суздальской, рязанской и другихъ земель [3]). Затѣмъ съ каждымъ годомъ все чаще и чаще нападаютъ по-

---

[1]) Ibidem.

[2]) Ипат. л., с. 354; Ник. л., с. 219—220; Татищевъ, III, с. 182—4. Раненный Изяславъ Давидовичъ былъ привезенъ въ Кіевъ, въ монастырь св. Симеона, на Копыревомъ концѣ, гдѣ и скончался. Тѣло его было отвезено въ Черниговъ и погребено въ церкви свв. мучениковъ Бориса и Глѣба, которая была выстроена Давидомъ Ольговичемъ. Ипат. л., с. 354—5.

[3]) Ник. л., с, 222; Татищевъ, III, с. 139—140.

ловцы на южно-русскія окраины, сильно стѣсняя торговлю ихъ съ причерноморскими странами [1]). Князья принимаютъ мѣры къ тому, чтобы обуздать своеволіе кочевниковъ. Такъ, въ 1165 году Новгородъ-Сѣверскій князь, Олегъ Святославичъ, предпринималъ походъ въ степи на половцевъ, которые нѣсколько раньше сдѣлали нападеніе на сѣверскія земли подъ начальствомъ хана Боняка; только предусмотрительность и готовность страны къ отпору защитила ее отъ большихъ бѣдствій, т. к. Олегъ, по словамъ лѣтописи „побѣди половци" [2]).

Почти одновременно съ этимъ половцы нападаютъ и на Переяславльскіе предѣлы, проникаютъ къ самому Переяславлю и разбиваютъ здѣсь дружину воеводы Шварна, который погибъ въ сраженіи, а братъ его и племянникъ были захвачены въ плѣнъ вмѣстѣ со множествомъ народа. Только крупный денежный взносъ половцамъ освободилъ несчастныхъ изъ плѣна [3]).

Въ 1165 г., вслѣдствіе нападенія кочевниковъ на караваны купцовъ, шедшихъ съ юга, Ростиславъ, собравъ большое войско, въ союзѣ съ Глѣбомъ Юрьевичемъ двинулся къ Каневу, гдѣ и простоялъ, пока не прошли благополучно караваны гречниковъ и залозниковъ [4]). Въ томъ же году, зимою, Ольговичи ходили на половцевъ, гдѣ захватили вежи половецкихъ хановъ и ихъ драгоцѣнности [5]).

Въ 1168-мъ году скончался Ростиславъ Мстиславичъ. Кіевскій престолъ достался племяннику покойнаго князя—Мстиславу Изяславичу, который занялъ его съ согласія кіевлянъ, Ростиславичей и черныхъ-клобуковъ [6]).

---

[1]) Въ 1162 году половцы приходили на Рось, повоевали тамошнее населеніе, но были разбиты черными-клобуками (Ипат. л., с. 356; Воскр. л., с. 76); въ слѣдующемъ году половцы опять приходили туда же, и съ ними былъ заключенъ миръ (Ипат. л., с. 357). Въ 1165 г. Василько Ярополчичъ „изби Половци на Роси, много же ихъ руками изоима и обагатишася дружина его, оружіемъ и кони; и самъ искупа много има на нихъ (Ипат. л., с. 359; Воскр. л., с. 78; Татищевъ, III, с. 140). Въ 1167 г. половцы „шедше в порогы, начаша пакостити Гречникомъ, и посла Ростиславъ Володислава Ляха с вои, и възведоша Гречникы". Ипат. л. с. 360; Воскр. л., с. 78; Татищевъ, III, с. 147.

[2]) Ник. л., с. 232; Ипат. л., с. 361; Въ Воскресен. лѣт. (стр. 79) сказано, что половцы нападали на сѣверскія земли съ Кобякомъ, а въ Ипатской л.—съ Бонякомъ.

[3]) Ипат. л., с. 361; Ник. л., с. 62; Татищевъ, III, с. 148; Арцыбашевъ, с. 179.

[4]) Ипат. л., с. 361; Густин. л., с. 308; Татищевъ, III, с. 148.

[5]) Ольговичи, говоритъ лѣтопись,—„взя вежѣ Козины, и жену, и дѣти, и злато, и серебро, а Ярославъ—Беглюковы вежѣ взя". Ипат. л., с. 364; Воскр. л., с. 80.

[6]) Ипат. л., с. 366—368; Воскр. л., с. 80; Татищевъ, III, с. 151. Чтобы понять, почему Кіевъ такъ легко достался Мстиславу И чу, необходимо припомнить, что Ростиславъ Мстиславичъ, предавшись въ послѣднее время набожности и христіанскимъ подвигамъ, передалъ управленіе страной Мстиславу Изяславичу, который только иногда совѣтовался съ дядей. См. Иловайскій Ист. Р. Кіев. пер., I, с. 245.

Занявъ Кіевъ, Мстиславъ Изяславичъ уже въ первое время своего великокняженія претерпѣваетъ множество непріятностей и треволненій. Такъ, Ростиславичи подняли смуту изъ-за того, будто бы Мстиславъ хотѣлъ схватить ихъ и заточить; хотя клевета эта и была обнаружена и доказана, но добрыя отношенія, повидимому, не ладились. Кромѣ того, и другіе князья также высказывали свое неудовольствіе на Мстислава [1]).

Между тѣмъ, кіевскому князю было не мало хлопотъ, помимо княжескихъ споровъ: безпрестанные набѣги кочевниковъ сильно подрывали благосостояніе Южной Руси. Въ виду этого, Мстиславъ созываетъ князей на съѣздъ, чтобы сообща обсудить и выработать мѣры, необходимыя для обузданія степняковъ, сильно стѣснявшихъ торговлю съ Греціей и другими странами. Мстиславъ предложилъ князьямъ предпринять походъ на половцевъ. „Позаботимся, братья,—сказалъ Мстиславъ,—о Русской землѣ, какъ намъ оборонять ее отъ половцевъ; вѣдь, поганые, давая намъ клятвы, не исполняютъ ихъ, и каждый годъ уводятъ нашъ народъ въ свои вежи. Вотъ они уже отнимаютъ у насъ и греческій путь, и солоный, и залозный... Оставимъ же теперь, по крайней мѣрѣ, всякую вражду и усобицы и, уповая на Бога и Его Пречистую Матерь, поищемъ „отецъ своихъ и дѣдъ пути и своея чести“ [2]). Князья согласились. Въ походѣ принимали участіе Ольговичи и Глѣбъ Юрьевичъ, явившійся въ Кіевъ вмѣстѣ со своимъ братомъ, Михаиломъ [3]).

Въ началѣ марта 1170 г. сильное войско выступило изъ Кіева на половцевъ внизъ Днѣпра. На десятый день послѣ начала похода, русскіе достигли половецкихъ владѣній. Половцы были уже заранынe извѣщены о движеніи русскихъ, и потому лишь только замѣтили приближеніе ихъ, какъ бросились бѣжать, оставивъ все свое добро и семейства на произволъ судьбы; русскіе войска, быстро надвинулись на половецкія вежи, расположенныя по рр. Углу и Снопороду, и овладѣли ими; половецкія семьи, невольники, челядь, скотъ, лошади и пр. достались побѣдителямъ, затѣмъ половецкое войско было настигнуто у Чернаго лѣса, потерпѣло здѣсь пораженіе и бѣжало. Захваченныхъ половецкихъ плѣнниковъ-христіанъ отпустили на волю. Окончивъ блистательно походъ, князья возвратились домой [4]).

Вскорѣ Мстиславъ Изяславичъ опять призываетъ князей явиться къ Каневу, для защиты каравановъ гречниковъ и залозниковъ, на ко-

---

[1]) Ипат. л., с. 367—8.

[2]) Ипат. л., с. 368—9; Воскр. л., с. 82; Татищевъ, III, с. 158—9; Арцыбашевъ, с. 185.

[3]) Ibidem.

[4]) Ипат. л., с. 368—70. Половцы были предупреждены какимъ-то купцемъ Гавриломъ Вонславичемъ. Воскр. л., с. 82; Татищевъ, III, с. 159; Арцыбашевъ, с. 186.

торыхъ половцы могли выместить свою злобу за недавнее пораженіе. Князья согласились и явились со своими отрядами къ Каневу. Особенно интересовался этимъ Глѣбъ Юрьевичъ, владѣнія котораго соприкасались съ самой степью и сильно терпѣли, если происходилъ какой либо тормазъ въ низовыхъ путяхъ. Послѣ благополучнаго прохода каравановъ, Глѣбъ Юрьевичъ задалъ князьямъ въ Каневѣ богатый пиръ, одарилъ Мстислава „многы дары“ и затѣмъ ушелъ домой [1]).

Повидимому, все шло согласно и мирно между князьями, на самомъ же дѣлѣ было не то. Ростиславичи подозрительно относились къ кіевскому князю, считая его своимъ врагомъ [2]). Вообще, положеніе Мстислава Изяславича въ это время было не особенно прочнымъ. Первое, что отражалось невыгодно на авторитетѣ великаго князя—это недовольство князей на свои волости, которыя, съ теченіемъ времени, вслѣдствіе разнаго рода неурядицъ, бѣднѣли все больше и больше; съ другой стороны, стремленіе Мстислава поставить свою власть среди южно-русскихъ земель на должную высоту—вызывало опасеніе остальныхъ князей. Особенно не нравились такія притязанія суздальскому князю, Андрею Юрьевичу, который имѣлъ совершенно иные планы относительно южной Руси. Дѣло централизаціи русскихъ земель, приходившее въ упадокъ на югѣ благодаря многимъ причинамъ и главнымъ образомъ экономическимъ, на сѣверѣ въ половинѣ XII в. являлось въ совершенно иномъ видѣ: оно здѣсь быстро привилось и пустило глубокіе корни. Рѣзкій характеръ этого явленія проявился со времени Юрія Долгорукаго и особенно его сына Андрея Боголюбскаго, который, послѣ смерти своего отца, среди упорной борьбы, успѣлъ составить изъ окружающихъ Суздаль земель одно тѣсно сплоченное государство: ростовцы, владимірцы и суздальцы сами избрали Андрея своимъ верховнымъ главой. Проводя идею централизаціи своихъ земель, Андрей Боголюбскій старается также о проведеніи въ жизнь и религіозныхъ основъ, служившихъ большимъ подспорьемъ въ политическомъ отношеніи. Обширные, стоившіе огромныхъ денегъ, монастыри и церкви, выстроенные Юріемъ Долгорукимъ и его сыномъ Андреемъ, достаточно говорятъ объ этомъ. Кромѣ того, колонизаціонное движеніе русскаго народа на сѣверо-востокѣ изъ южныхъ земель становились все сильнѣе и сильнѣе [3])

---

[1]) Ипат. л., с. 368—70; Арцыбашевъ, с. 186—7.

[2]) Ibidem.

[3]) Татищевъ. Ист. Р., кн. Ш, с. 76. Татищевъ (II, с. 325—6), передаетъ, что Юрій, на собраніи своихъ вельможъ, созванномъ по поводу предложенія черниговo-сѣверскихъ князей занять Кіевъ, на основаніи словъ своего вельможи Громилы, долженъ былъ бы понять упадокъ Южной Руси. „Ибо—говорилъ Громыла, — „если ты мыслишь тамо (т. е. на югѣ Руси) пріобрѣсти великое владѣніе, то напрасно трудишься о томъ, чтобъ пустыхъ и разоренныхъ войнами земель искать, гдѣ мало и

Устанавливая болѣе или менѣе прочно основы своей власти на сѣверѣ, суздальскіе князья не переставали, однако, интересоваться и югомъ Руси который, не смотря на свой упадокъ, все еще представлялъ собой не мало заманчиваго. Суздальскій князь, убѣжденный въ преимуществѣ своего рода на главенство въ Русской землѣ, начинаетъ открыто высказывать этотъ принципъ и бороться за него съ другими князьями. Юрій Долгорукій относительно Южной Руси положилъ основы политической децентрализація ея. Сотканная суздальскимъ княземъ политическая комбинація была направлена главнымъ образомъ на то, чтобы не дать отдѣльнымъ частямъ Южной Руси слиться въ одинъ прочный организмъ и отстоять свою самостоятельность. Этимъ объясняется созиданіе Юріемъ вокругъ Кіева областей, пользовавшихся большею или меньшею самостоятельностью и преслѣдовавшихъ свои опредѣленныя цѣли въ подчиненіи, однако, власти великаго князя. Кромѣ того, Юрій Д. искусно намѣтилъ стратегическіе пункты въ Южной Руси, обладая которыми можно было разсчитывать на подчиненіе Кіева и всѣхъ тянувшихъ къ нему земель.

Въ половинѣ XII в. Южная Русь уже начинаетъ мало по малу терять свое политическое значеніе. Попытки федераціи, правда, примѣняются на югѣ, но всѣ онѣ не заключаютъ въ себѣ чего либо прочнаго, постояннаго. Усиливавшееся мало по малу паденіе благосостоянія Южной Руси вызывало лишь болѣе интенсивную внутреннюю междоусобную борьбу среди южно-русскихъ князей. Сознаніе необходимости федераціи южно-русскихъ земель проявляется послѣ цѣлаго ряда тяжелыхъ испытаній и кризисовъ всякаго рода, и интересно, что это сознаніе проявляется съ особой силой не въ областяхъ, расположенныхъ по великому днѣпровскому водному пути, а въ земляхъ, занимающихъ промежуточное мѣсто между двумя великими водными артеріями, въ тѣхъ земляхъ, которымъ, вслѣдствіи ихъ географическаго положенія, одинаково были видны и ощутительны и недостатки одного пути, и грозно возроставшее могущество другого, сосѣдняго съ ними. Съ этихъ поръ попытки создать крупный политическій организмъ на югѣ замѣчаются съ двухъ сторонъ: со стороны Чернигова, и со стороны Гали-

---

людей остается и впредь еще меньше будетъ, а безъ людей земля есть безполезная пустыня, се же имѣешь въ своемъ владѣніи полей и лѣсовъ изобильно, а людей мало. Ты весьма изрядно разсудилъ, что началъ города строить и людей населять, и въ твое малое время, сколько оные Князи войнами своихъ земель опустошили, столько тебѣ въ покоѣ бывшему они своими людьми земель населили, понеже къ тебѣ, слыша тишину и благоденствіе, а паче правосудіе въ земли твоей, идутъ люди не токмо отъ Чернигова и Смоленска, но колико тысячь изъ за Днѣпра и отъ Волги пришедъ поселились, и людей слѣдственно всякихъ доходовъ и обилія каждогодно умножается"...

ча. Весь интересъ политической исторіи Южной Руси этого періода и заключается въ разсмотрѣніи борьбы ея съ сосѣдями за свое политическое существованіе.

Между тѣмъ политика Мстислава Изяславича не особенно то нравилась Андрею Боголюбскому, который, исподволь подготовляя почву, только изыскивалъ предлогъ, чтобы удалить этого князя. Несогласія возникли изъ за Ростиславичей, одинъ изъ которыхъ—Святославъ, былъ выгнанъ изъ Новгорода, призвавшаго къ себѣ княземъ Романа Мстиславича. Ростиславичи пожаловались Андрею Юрьевичу, называя его старшимъ княземъ, и просили у него защиты. Суздальскій князь, зная, что на югѣ составляется цѣлая коалиція князей, собралъ сильное войско и двинулъ его на Кіевъ [1]). Въ походѣ принималъ участіе и Глѣбъ Переяславльскій. Походъ окончился, какъ извѣстно, взятіемъ и разореніемъ Кіева, въ 1199 г. Мстиславъ бѣжалъ на Волынь, оставивъ свое семейство въ руки враговъ [2]).

Разгромивъ Кіевъ, гордый и надменный Андрей сталъ самовластно распоряжаться въ Русской землѣ: съ этихъ поръ онъ считалъ себя главою Южной Руси, ея великимъ княземъ. По распоряженію Андрея Боголюбскаго, кіевскимъ княземъ былъ назначенъ Глѣбъ Юрьевичъ, который, уходя въ Кіевъ, оставилъ Переяславль своему молодому сыну, Владиміру [3]). Между тѣмъ половцы, пользуясь смутами, по своему обыкновенію, стали нападать на Русскія земли. Лишь только Глѣбъ ушелъ въ Кіевъ, половцы явились въ предѣлы южной Руси въ огромномъ количествѣ: одни изъ нихъ направились къ Переяславлю и остановились у Песочнаго, другіе—къ Корсуню, что на правой сторонѣ Днѣпра. Остановившись у Песочнаго, половцы посылаютъ отсюда пословъ въ Кіевъ, къ Глѣбу, для заключенія мирныхъ договоровъ съ ними. „Богъ тебѣ далъ, — велѣли сказать половцы, — Кіевъ, твою отчину и дѣдину; а мы желаемъ войти съ тобой въ соглашеніе, переговорить обо всемъ и уладиться, чтобы намъ не бояться другъ друга!“ [4]). Глѣбъ изъявилъ свое согласіе переговорить съ половцами на счетъ мира. Понятно, явиться къ степнякамъ безъ всякихъ предосторожностей было опасно, и потому Глѣбъ Юрьевичъ совѣтуется съ дружинниками, какъ поступить въ данномъ случаѣ. Было рѣшено сначала идти къ Переяславлю и уговориться съ лѣвобережными половцами, а затѣмъ уже идти и на правый берегъ Днѣпра. Отправляясь въ Переяславль, Глѣбъ послалъ сказать „правобережнымъ половцамъ“,

---

[1]) Здѣсь были: ростовцы, суздальцы, владимірцы, смоленцы, Глѣбъ Переяславльскій, Олегъ и Игорь Святославичи,—всего 11 князей. Ипат. л., с. 372.

[2]) Ипат. л., с. 373—3; Лавр. л., с. 336; Ник. л., с. 237—39.

[3]) Ibidem. Владиміру Глѣбовичу было тогда около 12 лѣтъ.

[4]) Ипат. л., с. 379; Воскр л., с 85; Лавр. л., с. 339; Ник. л., с. 244—5.

чтобы они обождали его, пока онъ переговоритъ съ тѣми ихъ собратьями, что на лѣвой сторонѣ [1]).

Прибывъ въ Переяславль, Глѣбъ заключилъ миръ съ половцами, щедро одарилъ ихъ и, согласно условію, перешелъ на правую сторону Днѣпра. Но въ это время половцы, состоявшіе у Корсуня, бросились грабить кіевскія земли и разорили Полонный и Семынь [2]). Глѣбъ узналъ объ этомъ своеволіи половцевъ на Перепетовомъ полѣ и хотѣлъ тотчасъ же самъ идти на враговъ, но берендѣи не пустили его, совѣтуя сперва собрать больше войска, а теперь — поскорѣе отрядить противъ грабителей кого либо изъ близкихъ ему лицъ, давъ ему достаточный отрядъ войска. Глѣбъ согласился и, выбравъ 1500 берендѣевъ и 100 переяславльцевъ, назначилъ начальникомъ этой экспедиціи на половцевъ своего брата, Михалка. Это предпріятіе, — въ виду того, что у Михалка русскаго войска было чрезвычайно мало, взять же своей дружины онъ не имѣлъ времени,—было чрезвычайно опаснымъ; но храбрый князь съ успѣхомъ выполнилъ возложенное на него порученіе. Онъ, не смотря на численное превосходство половцевъ, побѣдилъ ихъ и обратилъ въ бѣгство. 1500 плѣнниковъ достались въ руки побѣдителей. Храбрый Михалко во время сраженія получилъ раны въ руку и ногу. Съ большой славой и радостью явился Михалко въ Кіевъ, къ Глѣбу Юрьевичу [3]).

Борьба съ половцами была только началомъ тѣхъ треволненій, какія начались потомъ въ Кіевской землѣ. Въ это время Мстиславъ Изяславичъ, собравъ значительное войско и заручившись помощью отъ галицкаго князя, шелъ на Кіевъ, въ намѣреніи отнять послѣдній у Глѣба. Не надѣясь устоять противъ Мстислава, Глѣбъ Юрьевичъ поспѣшилъ уйти въ Переяславль, къ своему сыну, Владиміру [4]).

Уходя въ Переяславль, Глѣбъ Юрьевичъ, очевидно, разсчитывалъ расположить къ себѣ черныхъ-клобуковъ, торковъ и берендѣевъ, но опоздалъ: Мстиславъ Изяславичъ явился раньше на Поросье и, оказавъ давленіе—„силою многою", заставилъ черныхъ-клобуковъ войти съ нимъ въ союзъ. Затѣмъ Мстиславъ пошелъ къ Кіеву и безпрепятственно овладѣлъ имъ. Оставалось еще овладѣть Вышгородомъ, гдѣ сидѣлъ Давидъ Ростиславичъ. Осада Вышгорода была неудачна, такъ какъ, кромѣ своего войска, Давидъ получилъ подкрѣпленіе еще и отъ Глѣба, приславшаго на помощь своего тысяцкаго Григорія, съ полкомъ дикихъ половцевъ подъ начальствомъ Кончака и берендѣевъ [5]).

---

[1]) Ibidem; Густ. л., с. 312; Арцыбашевъ, с. 191.
[2]) Ипат. л., с. 379; Лавр. л., с. 339; Воскр. л., с. 85—6.
[3]) Ипат. л., с. 379—81; Лавр. л., с. 339—41; Воскр. л., с. 85—6; Ник. л., с. 245—6.
[4]) Ипат. л., с. 374; См. Соловьева, II, с. 255; Погодина, I, с. 312.
[5]) Ипат. л., с. 375; Погодинъ, I, 312.

Между тѣмъ, въ войскахъ Мстислава шли несогласія: галицкая помощь, отговариваясь разными предлогами, ушла домой. Положеніе Мстислава стало затруднительнымъ. Услыхавъ, что Глѣбъ съ половцами идетъ къ Кіеву, Мстиславъ Изяславичъ оставилъ осаду Вышгорода и ушелъ въ Владиміръ-Волынскъ, гдѣ и скончался въ 1171 г.[1]). Тогда Глѣбъ, у котораго такимъ образомъ не стало опаснаго соперника, снова занялъ Кіевъ, но княжилъ въ послѣднемъ не долго: въ 1172 г. онъ внезапно скончался. Вакантный кіевскій престолъ занимаетъ теперь Владиміръ Мстиславичъ, котораго призвали Ростиславичи [2]). Но такой захватъ Кіева „не любъ бяше Андрееви“, который отправляетъ къ Владиміру пословъ, веля идти изъ Кіева, куда онъ назначилъ Романа Ростиславича[3]). Владиміръ не могъ этого сдѣлать, такъ какъ былъ опасно боленъ: спустя 3 мѣсяца, онъ скончался. Тогда Романъ Ростиславовичъ безпрепятственно занялъ Кіевъ [4]).

Какъ только Романъ Ростиславичъ вступилъ въ управленіе Кіевомъ, половцы, по обыкновенію, сдѣлали набѣгъ на Русскую землю. Почти одновременно они бросились грабить на правой и на лѣвой сторонахъ Днѣпра, а именно—Поросье и Переяславльскую землю. Въ послѣднюю половцы явились подъ начальствомъ Кобяка и Кончака; они разорили окрестности Серебрянаго и Баруча[5]). Въ это время выступилъ въ походъ на половцевъ сѣверскій князь, Игорь Святославичъ. Достигши р. Ворсклы, Игорь встрѣтилъ въ полѣ половцевъ, которые „ловили языка“, т. е. старались добыть свѣдѣнія отъ плѣнныхъ жителей обо всемъ происходившемъ. Захвативъ нѣсколькихъ половцевъ въ плѣнъ, Игорь узналъ, что другая часть ихъ давно уже пошла къ Переяславлю, т. е. на переяславльскія земли, какъ надо полагать. Тогда Игорь поворотилъ назадъ, перешелъ р. Ворсклу у Лтавы (вѣроятно Полтавы) и направился по дорогѣ, которой, по его разсчетамъ, должны были возвращаться степняки. Дѣйствительно, вскорѣ показались половцы, возвращавшіеся домой съ богатой добычей. Игорь быстро ударилъ на нихъ, разбилъ на-голову и овладѣлъ всѣмъ награбленнымъ добромъ и плѣнниками; половцы бѣжали въ степи. Одержавъ побѣду, Игорь Святославичъ направился къ Переяславлю, а затѣмъ ушелъ оттуда въ Кіеву, ко двору великаго князя[6]). Въ это время на югѣ Руси опять начинаются перемѣны, происходившія главнымъ образомъ благодаря тому вліянію, какое оказывалъ здѣсь суздальскій князь, Андрей Юрьевичъ.

---

[1]) Ипат. л., с. 381—2; Лавр. л., с. 341; Погодинъ, VI, с. 155—8.
[2]) Ипат. л., с. 386; Лавр. л., с. 346; Арцыбашевъ, с. 197.
[3]) Ibidem.
[4]) Ипат. л., с. 386—7.
[5]) Ibidem; Густ. л., с. 314.
[6]) Ипат. л., с. 387—

Послѣдній, наблюдая за южной Русью, заподозрилъ въ смерти Глѣба нѣсколькихъ лицъ изъ южно-русской знати и, сознавая свою силу, требовалъ отъ Ростиславичей выдачи ихъ. Когда Ростиславичи отказали, Андрей велѣлъ Роману и его родичамъ передать Кіевъ Михаилу Юрьевичу, а самимъ—идти въ Смоленскую область. Оскорбленные Ростиславичи рѣшили сопротивляться; они послали Андрею гордый отвѣтъ и оскорбили его посла; только одинъ Романъ Ростиславичъ, не надѣясь устоять противъ суздальскаго князя, оставилъ Кіевъ и ушелъ въ Смоленскъ [1]. Однако, Михалко Юрьевичъ, сидѣвшій въ Поросьѣ, не рѣшался самъ явиться на княженіе въ Кіевъ; онъ назначилъ правителемъ послѣдняго своего брата, Всеволода, въ помощь которому явился также Ярополкъ Ростиславичъ [2]. Всеволодъ Юрьевичъ управлялъ Кіевомъ не долго; онъ вскорѣ былъ захваченъ Ростиславичами въ плѣнъ, вмѣстѣ со всѣми боярами и приближенными лицами. Кіевъ былъ отданъ теперь Рюрику Ростиславичу, въ 1174 г. [3].

Такимъ образомъ, опасенія Михаила Юрьевича на счетъ Кіева вполнѣ оправдались; мало того, Ростиславичи вскорѣ осадили въ Торческѣ и самого Михаила, который былъ доведенъ до крайности и попросилъ мира. Князья согласились, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы Михалко оставилъ свои притязанія на Кіевъ, взамѣнъ котораго ему назначались гг. Торческъ и Переяславль [4]. Неизвѣстно, почему Михалку отдавали г. Переяславль. Быть можетъ, здѣсь дѣйствовалъ тонкій разсчетъ воспользоваться храбрымъ княземъ для защиты опасной, пограничной со степью линіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ отдалить притязанія суздальскаго князя на Переяславль.

Понятно, гордый отвѣтъ Ростиславичей на приказаніе Андрея Боголюбскаго уходить изъ Кіевской земли и опозореніе его посла—разожгли гнѣвъ суздальскаго самовластца. Андрей, по словамъ лѣтописи, собралъ громадное войско (около 50,000), въ составъ котораго входили отряды большей части тогдашнихъ сѣверорусскихъ и сѣверскихъ земель (ростовцы, суздальцы, владимірцы, бѣлозерцы, новгородцы, рязанцы, черниговo-сѣверцы и пр.), и въ числѣ ихъ отряды Михаила и Всеволода Юрьевичей и Владиміра Глѣбовича со всѣми переяславльскими войсками [5].

Все это войско двинулось на Кіевъ, чтобы изгнать оттуда Ростиславичей. Но послѣднихъ уже не было въ Кіевѣ: Мстиславъ ушелъ въ Вышгородъ, Давидъ—въ Галичъ, а Рюрикъ затворился въ Бѣлго-

---

[1]) Ibidem.

[2]) Ibidem. Всеволодъ Юрьевичъ находился раньше въ Переяславлѣ, откуда онъ ходилъ на половцевъ вмѣстѣ съ Глѣбомъ въ 1170 году. См. Густин. л., с. 310.

[3]) Ibidem; Лавр. л., с. 346.

[4]) Ипат. л., с. 389.

[5]) Ипат. л., с. 390—1.

родѣ[1]). Занявши Кіевъ, войска Андрея Боголюбскаго, двинулись на Вышгородъ и осадили его. Благодаря разнаго рода обстоятельствамъ, и особенно мужественной защитѣ Вышгорода Мстиславомъ Ростиславичемъ, осада шла такъ неудачно, что вскорѣ все это громадное войско пришло въ замѣшательство и въ безпорядкѣ разбѣжалось въ 1173 г.[2]).

Такимъ образомъ, ударъ желѣзной руки сѣвернаго князя былъ отбитъ, и Южная Русь вздохнула нѣсколько свободнѣе. Кіевъ, все еще въ это время продолжаетъ служить яблокомъ раздора: на него обращаютъ теперь особенное вниманіе западные сосѣди. По соглашенію съ Ростиславичами и Ольговичами, Ярославъ Изяславичъ, князь Луцкій, выросшій среди политическихъ переворотовъ и буръ, занялъ Кіевъ[3]). Но лишь только Ярославъ овладѣлъ кіевскимъ престоломъ, какъ энергичный Святославъ Всеволодовичъ, имѣвшій также притязанія на кіевскій престолъ, потребовалъ отъ Ярослава отдачи обѣщанныхъ ему земель и, когда тотъ отказалъ, объявилъ войну и быстро двинулся къ Кіеву. Неподготовленный Ярославъ долженъ былъ бѣжать изъ Кіева, оставивъ въ послѣднемъ всю свою семью, дружину и имущество. Святославъ, захвативъ семью и имущество Ярослава, занялъ Кіевъ. Однако, Ярославъ вскорѣ снова овладѣлъ Кіевомъ[4]). Междоусобицы надоѣли, наконецъ, Ростиславичамъ, которые рѣшили теперь захватить Кіевъ въ свои руки. Чтобы дѣло было вѣрнѣе, Ростиславичи посылаютъ къ Андрею Боголюбскому пословъ, прося его назначить кіевскимъ княземъ Романа Ростиславича. Андрей обѣщалъ, но неожиданная смерть его, въ 1174 г., помѣшала ему принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Призванный Ростиславичами, Романъ Ростиславичъ былъ посаженъ княземъ въ Кіевѣ[5]). Не смотря на то, что по уговору съ Ростиславичами, Михаилъ Юрьевичъ получилъ Переяславль, послѣдній все таки оставался въ рукахъ Владиміра Глѣбовича: замѣшательство, вызванное на югѣ походомъ Андреевыхъ войскъ къ Вышгороду, и участіе Михаила въ осадѣ послѣдняго,—произвели то, что Михалко не имѣлъ времени позаботиться объ оставленіи Переяславля за собой. Послѣдовавшая вскорѣ затѣмъ смерть Андрея Боголюбскаго вызвала Михаила въ Суздальско-владимірскую землю, и Переяславль, по прежнему остался за Владиміромъ Глѣбовичемъ. Вѣроятно, Ростиславичи вошли въ соглашеніе съ Владиміромъ Глѣбовичемъ, потому что послѣдній остался ихъ вѣрнымъ союзникомъ.

---

[1]) Ibidem.
[2]) Ibidem.
[3]) Ипат. л., с. 392—3.
[4]) Ипат. л., с. 393.
[5]) По Ипат. лѣт. (с. 407) это событіе произошло въ 1175 г.

Три года сидѣлъ Романъ въ Кіевѣ, повидимому, спокойно; наступившія смуты и перемѣны въ Суздальско-владимірской землѣ послѣ смерти Андрея Боголюбскаго отвлекали вниманіе сѣверныхъ князей отъ Южной Руси. Въ это время Владиміръ Глѣбовичъ помогалъ съ переяславльскими войсками Всеволоду III въ его борьбѣ съ Глѣбомъ Рязанскимъ: онъ учавствовалъ въ битвѣ на р. Колокшѣ [1]). Но если нельзя было ожидать грозы со стороны сѣвера, то съ юга она уже начинала дѣйствовать: въ 1177 году половцы напали на Поросье и взяли здѣсь шесть городовъ берендѣйскихъ [2]). Романъ выслалъ противъ половцевъ войско подъ начальствомъ своихъ братьевъ Давида и Романа и племянниковъ,—Ярополка и Бориса; но братья, во время похода, заспорили, особенно Давидъ,—а половцы въ это время напали на князей, разбили ихъ и, захвативъ множество плѣнниковъ, ушли въ степи. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался Святославъ Всеволодовичъ: онъ заключилъ союзъ съ Олегомъ Новгородъ-сѣверскимъ двинулся на Романа, обвинилъ его въ неспособности защищать Русскую землю отъ поганныхъ и заставилъ бѣжать изъ Кіева. Романъ укрылся въ крѣпкомъ Бѣлгородѣ [3]). Святославъ, въ сопровожденіи черныхъ-клобуковъ и кіевскихъ пословъ, явился въ Кіевъ и занялъ великокняжескій престолъ [4]).

Овладѣвъ Кіевомъ, Святославъ Всеволодовичъ не долго оставался въ немъ: провѣдавъ, что Ростиславичи, съ знаменитымъ Мстиславомъ во главѣ, собираются идти на него,—онъ ушелъ въ Черниговъ. Дѣйствительно, положеніе Святослава было не изъ прочныхъ: своего войска у него было мало, половцы не приходили, враги надвигались, и потому уходъ въ Черниговъ былъ прямымъ выходомъ изъ такого положенія [5]). Не смотря на это, Святославъ вскорѣ опять становится кіевскимъ княземъ, искусно воспользовавшись благопріятными обстоятельствами. Политическіе планы Святослава были направлены, повидимому, къ созиданію крупнаго государственнаго тѣла на югѣ Руси въ противовѣсъ возраставшему могуществу Суздаля. Святославъ чрезвычайно искусно и послѣдовательно ведетъ свою политику; онъ намѣчаетъ къ подчиненію или же къ союзу тѣ земли, которыя имѣли большое соотношеніе къ Южной Руси--Новгородъ, Смоленскъ, Тверь, Ря-

---

[1]) Лавр. л., с 364; Ник. л., с. 4; Воскр. л., с. 94; Иловайскій. Ист. Р. Владимір. пер., II, 221.

[2]) Ипат. л., с. 408.

[3]) Ипат. л., 406--9.

[4]) Ibidem. Отецъ Святослава, какъ извѣстно, былъ великимъ княземъ въ Кіевѣ, гдѣ и умеръ; это обстоятельство послужило претензіей Святославу на занятіе Кіевскаго стола.

[5]) Ипат. л., с. 409—410.

зань и проч.—и успѣваетъ въ этомъ [1]). Попытка Святослава прибрать въ руки Ростиславичей—Давида и Рюрика,—не удалась: ускользнувшій отъ захвата на охотѣ Давидъ Ростиславичъ рѣшилъ противиться Святославу до послѣдней крайности. Когда Святославъ съ союзниками пошелъ войной на суздальскаго князя, въ его приволжскія владѣнія, Рюрикъ Ростиславичъ вошелъ въ Кіевъ и овладѣлъ послѣднимъ [2]). Повоевавъ на Волгѣ, Святославъ направился на югъ, въ Кіевъ; на помощь ему явились половцы подъ начальствомъ Кончака и Кобяка [3]). Услыхавъ о приближеніи Святослава и половцевъ къ Кіеву, Рюрикъ ушелъ въ Бѣлгородъ, Кіевъ опять очутился въ рукахъ Святослава [4]). Но Рюрикъ не такъ легко могъ разстаться съ Кіевомъ: вскорѣ онъ подошелъ къ послѣднему и расположился на другой сторонѣ Днѣпра, близъ Долобска. Половцы пытались было выбить Рюриковы войска изъ занимаемой ими позиціи, но были разбиты. Во время этого сраженія особенно дѣятельное участіе и энергію проявилъ Переяславльскій полкъ, бывшій подъ командой боярина Бориса Захарьевича. Князь Игорь, учавствовавшій въ этой битвѣ, видя пораженіе своихъ войскъ, бросился съ Кончакомъ въ лодку и ушелъ въ Остерскій городокъ [5]).

Не смотря, однако, на эту побѣду, Рюрикъ Ростиславичъ, по совѣту своихъ мужей, уступилъ Святославу Кіевъ, а самъ взялъ, по выраженію лѣтописи „всю землю Русскую“, т. е. остальные города Кіевской земли [6]). Ростиславичи сознавали очень хорошо, что Кіева имъ не отстоять; свои же волости, Поросье и другіе земли, сильно будутъ страдать и отъ половцевъ, и отъ частныхъ междоусобій, и потому они скоро примирились со своимъ новымъ положеніемъ: Романъ Ростиславичъ получилъ при этомъ Смоленскъ, Олегъ Святославичъ — Черниговъ [7]). Это примиреніе недавнихъ соперниковъ перешло вскорѣ въ тѣсную дружбу: оно было скрѣплено брачнымъ союзомъ ихъ дѣтей; съ этого времени согласіе и добрыя отношенія между союзниками не прекращались до конца ихъ жизни.

Установленіе прочныхъ отношеній между князьями Южной Руси отразились и на внѣшнихъ дѣлахъ ея. Мы разумѣемъ здѣсь интенсивную борьбу Русской земли съ половцами.

---

[1]) Въ 1180 г., послѣ смерти Мстислава Ростиславича, новгородцы къ великому неудовольствію суздальскаго князя, призвали къ себѣ на княженіе Владиміра Святославича. Ипат. л., с. 412; Лавр. л., с. 367; Новг. л., по синод. сп., с. 156.

[2]) Ипат. л., с. 420—1.

[3]) Ипат. л., с. 420.

[4]) Ibidem.

[5]) Ипат. л., с. 421; Погодинъ, VI, 241.

[6]) Ипат. л., с. 422; См. Соловьева. II, 288.

[7]) Соловьевъ, II, с. 282: Погодинъ, I, с. 318.

Необходимо замѣтить, что въ критическій періодъ жизни Южной Руси, въ періодъ образованія новаго политическаго организма на сѣверо-востокѣ Руси, многія княжества,—особенно тѣ, которымъ грозила опасность отъ возраставшагося въ сосѣдствѣ могущества,—пытаясь сохранить свою самостоятельность, стараются при благопріятныхъ обстоятельствахъ собрать вокругъ себя какъ можно больше земель и зачастую прибѣгаютъ для этого къ помощи постороннихъ элементовъ—половцевъ, черныхъ-клобуковъ, поляковъ, венгровъ и пр. Особенно часто пользовалися кочевымъ элементомъ тѣ изъ князей, которые выказывали попытки овладѣть территоріей среднеднѣпровской Руси. Несомнѣнно, все это отражалось крайне неблагопріятно на тѣхъ русскихъ земляхъ, которыя сосѣдили со степью. Кочевники, приходя въ русскіе предѣлы, знакомились съ каждымъ разомъ все больше и больше съ ихъ внутренней и внѣшней жизнью и пользовались, конечно, этимъ для своихъ личныхъ цѣлей: подъ шумъ междоусобной борьбы, они все смѣлѣе и чаще врывались въ русскія земли и грабили ихъ. Южнорусскіе князья мало-по-малу убѣждаются, что половцы являются весьма серьезнымъ тормазомъ въ развитіи русской жизни; пробуждается стремленіе сломить эту кочевую силу, — стремленіе, аналогичное тому, какое мы видѣли во времена Владиміра Мономаха. Но тогда походы въ степи происходили главнымъ образомъ по иниціативѣ кіевскаго князя и его сподручниковъ, участія же Чернигова мы не только не замѣчаемъ, но, напротивъ, черниговскіе князья проявляютъ даже цѣлый рядъ попытокъ помѣшать въ этомъ отношеніи дѣлу великаго князя кіевскаго. Къ концу XII стол. дѣла нѣсколько измѣняются: и кіевскій, и черниговско-сѣверскіе князья энергично борются со степью. Мало того, сѣверскіе князья не только принимаютъ дѣятельное участіе въ совмѣстной борьбѣ съ половцами, но даже сами, отдѣльно, на свой собственный страхъ и рискъ, организуютъ военныя экспедиціи въ степи на половцевъ. Не отставали, понятно, и степняки въ своихъ нападеніяхъ на русскую землю. Съ обѣихъ сторонъ дѣло доходило до ожесточенія. Наставали, по словамъ пѣвца о полку Игоревѣ, времена, когда Кіевъ стоналъ тугою, а Черниговъ напастьми.

Въ 1179 г. половцы, подъ предводительствомъ хана Кончака и его товарищей, явились въ предѣлы Переяславльской земли и послали къ Святославу, въ Кіевъ, приглашеніе вступить съ ними въ переговоры. Святославъ согласился; но, выходя изъ Кіева, онъ взялъ съ собою войско, и, достигши Триполья, остановился, ожидая къ себѣ Ростиславичей, которые должны были привести съ собой вооруженную силу; сюда же, по разсчету Святослава, должны были явиться и половецкіе уполномоченные для переговоровъ. Оказалось, однако, что дѣла пошли иначе. Половцы произвели въ это время въ южной Руси страшное опустошеніе: они разграбили и перебили въ окрестностяхъ Переяславля мно-

жество жителей, при чемъ съ особой свирѣпостью истребляли дѣтей— „множайшия же избиша младенѣць“—разсказываетъ лѣтопись; не мало людей попало также въ половецкую неволю [1]). Словомъ, разореніе было произведено страшное: видимо, врагъ старался жестоко отомстить той странѣ, которая всегда являлась преградой ему, помѣхой въ нападеніяхъ.

Святославъ стоялъ у Триполья, ожидая къ себѣ половцевъ для переговоровъ о мирѣ, какъ вдругъ прибѣгаетъ гонецъ изъ Переяславля съ извѣстіемъ, что половцы уже воюютъ вокругъ этого города [2]). Зная характеръ половецкихъ нападеній—быстро напасть на враговъ, разграбить, пожечь ихъ достояніе и также быстро скрыться съ добычей съ степи,—Святославъ и его союзники разсчитали, что идти на враговъ къ Переяславлю поздно, т. к. половцы должны были уже отступить назадъ, къ степямъ. Чтобы захватить степняковъ, надо было зайти значительно впередъ и отрѣзать имъ отступленіе. Въ виду этого, князья быстро двинулись за Сулу и остановились близъ Лукомльскаго городища. Узнавъ объ этомъ, половцы бѣжали: „яшася бѣгу опять своею дорогою“ по словамъ лѣтописи. Тогда князья возвратились домой [3]). Это было серьезное, отважное нападеніе одного изъ заклятыхъ враговъ Руси, которому лѣтописецъ придаетъ эпитеты—„окаяннаго, безбожнаго, богостуднаго и треклятаго“, конечно, за его жестокость и хищность. Кончакъ дѣйствительно является мстителемъ Руси за тѣ обиды и притѣсненія, какія пришлось испытать его родителю отъ тяжелой руки Мономаха [4]).

Ожесточенныя нападенія половцевъ на Переяславльскіе предѣлы объясняются тѣмъ обстоятельствомъ, что эта земля начинаетъ вновь принимать дѣятельное участіе въ политической жизни южной Руси, гдѣ проявляются попытки создать крупный политическій организмъ, охватывающій собою весь бассейнъ средняго Днѣпра. Эта мысль особенно ярко сказывается среди черниговскихъ князей, энергичный и способный представитель которыхъ. Святославъ Всеволодовичъ, и приступаетъ къ осуществленію этой идеи послѣ цѣлаго ряда подготовительныхъ работъ, направленныхъ къ расширенію своей власти насчетъ сосѣдей, на пріобрѣтеніе союзниковъ и ослабленіе своихъ опасныхъ и сильныхъ соперниковъ [5]). Конечно, и половецкія степи не могли быть

---

[1]) Ипат. л., с. 414—415.
[2]) Ипат. л., с. 415.
[3]) Ibidem.
[4]) Ипат. л., с. 480.
[5]) Интересны перипетіи борьбы этихъ двухъ представителей крупныхъ политическихъ организмовъ—суздальско-владимірскаго и кіево-черниговскаго. Мы не будемъ здѣсь передавать ихъ; скажемъ только, что если попытки Святослава ослабить

безразличными для этого энергичнаго князя, послѣдствіемъ чего и являются походы въ степи.

Съ 80-хъ годовъ XII ст. замѣчается нѣкоторый поворотъ въ политической жизни южной Руси: измѣняются какъ взаимныя отношенія ея составныхъ частей, такъ и отношенія къ степи.

Серьезная опасность, грозившая южной Руси со всѣхъ почти сторонъ, была причиной установленія на нѣкоторое время согласія среди южно-русскихъ князей. Съ тѣхъ поръ, какъ притязанія Галицкаго княжества на поглощеніе сосѣднихъ земель обнаружились весьма ясно, а со стороны Суздаля былъ нанесенъ такой ошеломляющій ударъ Кіевской Руси и сдѣлана попытка упрявлять всѣмъ Приднѣпровьемъ, отношенія послѣдняго къ степи начинаютъ измѣняться. Южная Русь поняла теперь, что половецкая сила была тѣмъ врагомъ ея, который весьма много способствовалъ начинавшемуся паденію ея политическаго и экономическаго благосостоянія, что это врагъ, грозящій и на будущее время неисчислимыми бѣдствіями въ видѣ дикихъ набѣговъ, пожаровъ, увода плѣнныхъ, разоренія селъ и городовъ и пр. И вотъ, среди южно-русскихъ князей начинаетъ укрѣпляться все больше и больше общее желаніе сломить эту враждебную половецкую силу, долгое время тормозившую свободное развитіе южной Руси. Дѣло начинаетъ принимать обостренное отношеніе съ обѣихъ сторонъ: и Русь, и степь напрагаютъ всѣ свои силы, чтобы устоять въ той отчаянной, ожесточенной борьбѣ, которая являлась какъ бы борьбой на жизнь и на смерть. Южная Русь пытается сконцентрировать вмѣстѣ возможно больше военныхъ силъ, чтобы сокрушить врага въ его убѣжищѣ, на его территоріи. Степняки, въ свою очередь, напрягаютъ всѣ усилія, чтобы разрушить замыслы враговъ, и рядъ опустошительныхъ, жестокихъ набѣговъ, съ огромными заревами пожаровъ и цѣлыми потоками крови,—былъ отвѣтомъ кочевниковъ Русской землѣ. Мало того, кочевники не ограничиваются уже простымъ грабежемъ и разореніемъ русскихъ земель, а, сознавая для себя сильную опасность отъ могущества Руси, стараются подорвать ея благосостояніе или же, по крайней мѣрѣ, не дать возможности окрѣпнуть ему. Употребленіе половцами при осадѣ городовъ „живаго огня" и попытки вести правильныя осады ихъ—являются лучшими показателями того, что степняки, подъ вліяніемъ различнаго рода условій, уже сдѣлали значительный шагъ впередъ въ культурномъ отношеніи.

Всеволода Юрьевича вмѣшательствомъ въ рязанскія дѣла окончились неудачей, то за то на югѣ съ Ростиславичами и другими князьями были заключены тогда самыя дружественныя отношенія. Въ это время произошло сближеніе между черниговскимъ и переяславльскимъ князьями: послѣдній женился на племянницѣ Святослава В—ча, дочери черниговскаго князя, Ярослава Всеволодовича. Бракъ этотъ доставилъ Святославу еще одного союзника. Ипат. л., с. 415.

Узнавъ о заключенiи союза между Святославомъ Всеволодовичемъ и Рюрикомъ Ростиславичемъ, и замѣтивъ, что Русская земля дѣлаетъ серьезныя попытки къ охраненiю своихъ торговыхъ путей, степняки рѣшили сдѣлать набѣгъ на Южную Русь. Въ 1183 году половцы, подъ начальствомъ Кончака и Глѣба Тиріевича, внезапно нападаютъ на Дмитровъ [1]). Святославъ Всеволодовичъ и Рюрикъ Ростиславовичъ немедленно выступили къ Олжичамъ, пославъ въ Черниговъ, къ Ярославу, просьбу придти на помощь, чтобы вмѣстѣ выступить въ степи. Ярославъ явился. Онъ посовѣтовалъ, однако, князьямъ отложить походъ въ степи до лѣта. Князья согласились, но, отложивъ большой походъ, они все таки рѣшили выслать на ближайщихъ къ нимъ половцевъ часть своихъ войскъ, начальниками надъ которыми были поставлены Игорь сѣверскій и Владиміръ Глѣбовичъ. Во время похода въ половецкія степи, Игорь и Владиміръ Глѣбовичъ разсорились, при чемъ послѣдній ушелъ назадъ со своимъ отрядомъ. Игорь самъ совершилъ благополучно походъ на половцевъ, разбилъ ихъ (на р. Хыріи) и возвратился назадъ [2]).

Въ 1184 году Святославъ и Рюрикъ объявили походъ на половцевъ, приглашая князей принять въ немъ участіе. Со всѣхъ сторонъ отозвались князья на приглашеніе и явились со своими войсками. Здѣсь были князья: луцкій, смоленскіе, городенскіе, пинскій, галицкое войско, переяславльскій—Владиміръ Глѣбовичъ и другіе [3]). Значительный отрядъ берендѣевъ подкрѣплялъ русскія войска. Однако, братья Святослава кіевскаго не участвовали въ походѣ, отказываясь подъ разными предлогами. „Намъ далеко идти въ низовья Днѣпра,—говорили они; мы не можемъ оставить безъ защиты своихъ земель; но если ты будешь идти Переяславльской землей (въ лѣтописи сказано въ широкомъ смыслѣ—„на Переяславль"), то мы соединимся съ тобой на Сулѣ" [4]).

Не смотря на это, Святославъ не отложилъ похода. Достигши Инжирева брода [5]), войска перешли на лѣвую сторону Днѣпра, считавшу-

---

[1]) Ипат. л., с. 424; Густин. л., с. 318; Татищевъ, III, с. 253, Арцыбашевъ, с. 229—30. Дмитровъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ (Голубовскій) — это село Золотоношскаго у., Полт. губ.; другіе (Барсовъ, Карамзинъ и пр.) считаютъ его селомъ Курской губ. Мнѣ кажется, что лѣтописный Дмитровъ 1183 г. можно видѣть въ с. Дмитровкѣ, Черниговъ. губ., тѣмъ болѣе, что нападенія половцевъ въ это именно время угрожали черниговскимъ землямъ и сосѣднимъ съ ними переяславльскимъ.

[2]) Ипат. л., с. 425; Густ. л., с. 319; Арцыбашевъ, с. 230.

[3]) Ibidem.

[4]) Ibidem. У Сергѣевича (Вѣче и князь, с. 134) сказано почему то, что соединеніе князей назначалось на какой то р. Руссѣ, а не на Сулѣ. Мы не знаемъ, откуда взялъ эту Руссу почтенный ученый и гдѣ она находилась.

[5]) Инжирь бродъ нѣкоторые помѣщаютъ близъ м. Переволочнаго, на Днѣпрѣ. См. Арцыбашева, с. 231; Максимовича. Собр. Соч., II, с. 350—1.

юся ратной, т. е. военный, и углубились въ степи. Впереди войска шли опытные, отважные развѣдчики, которымъ были хорошо извѣстны всѣ военные пріемы и хитрости степняковъ. Передовой полкъ изъ 2100 переяславльцевъ и берендѣевъ велъ переяславльскій князь, Владиміръ Глѣбовичъ, за которымъ слѣдовало нѣсколько не менѣе храбрыхъ князей: Мстиславъ и Глѣбъ Святославичи и другіе[1]). Храбрый переяславльскій князь сгоралъ нетерпѣніемъ поскорѣе сразиться съ половцами, которые причиняли много зла его землѣ.

Когда русскія войска вступили въ половецкія степи, Владиміръ Глѣбавичъ упросилъ князя Святослава отпустить его съ полкомъ впередъ поискать въ полѣ чести съ половецкой силой: „моя волость пуста отъ половецъ—говорилъ онъ: пусти мя, отче Святославе, напередъ съ сторожи!“ Святославъ согласился. Тогда переяславльцы со своими союзниками, берендѣями, быстро углубились въ степи и скоро встрѣтили враговъ, находившихся возлѣ своихъ вежъ. Не ожидая подхода остальныхъ русскихъ войскъ, Владиміръ Глѣбовичъ смѣло ударилъ на половцевъ и обратилъ ихъ въ такое безпорядочное бѣгство, что не было никакой возможности нарядить какую либо погоню за бѣглецами: разсыпавшіеся по степи половцы вскорѣ совершенно скрылись изъ виду.

Одержавъ столь блистательно побѣду, Владиміръ Глѣбовичъ возвратился нѣсколько назадъ и остановился на р. Орели, которая въ древнее время носила названіе Угла[2]). Здѣсь онъ ожидалъ подхода остальныхъ русскихъ силъ. Между тѣмъ половцы замышляли въ это время дать серьезный отпоръ русскимъ: первая удача послѣднихъ только раздражила степняковъ. Разсчитывая, что русскихъ пришло въ степи немного, половецкій ханъ, Кобякъ, рѣшилъ быстро повернуть назадъ и неожиданно напасть на враговъ. „Богъ теперь послалъ русскихъ князей и ихъ войска въ мои руки“—говорилъ Кобякъ, и затѣмъ быстро двинулся на русское войско. Половцы кричали, говоритъ лѣтописецъ, какъ бы собираясь пожрать русскія войска. Началась перестрѣлка черезъ рѣку и небольшія сшибки между противниками. Въ это время главныя русскія силы быстро подвигались къ мѣсту сраженія, и когда уже были недалеко отъ послѣдняго, Святославъ и Рюрикъ немедленно же отрядили часть войска въ помощь сражающимся, а затѣмъ и сами подступили со всѣми остальными резервами. Тогда половцы, увидѣвъ, что приходится имѣть дѣло съ превосходными силами противниковъ, испугались и поспѣшно бросились бѣжать, но было уже поздно: русскіе врѣзались въ ихъ ряды „въвѣртѣшася в нѣ“—

---

[1]) Лавр. л., стр. 375; Ник. л. Полн. соб. р. л., т. X, с. II. Въ походѣ были: Глѣбъ Юрьевичъ Добровицкій, Мстиславъ Романовичъ, Мстиславъ Владиміровичъ. См. Арцыбашева, с. 231.

[2]) Ипат. л., стр. 426—428; Лавр. л., с. 374.

говоритъ лѣтопись, и начали рубить и брать въ плѣнъ половцевъ. Послѣдніе были окончательно разбиты и разсѣяны, потерявъ при этомъ множество людей, которые частью легли въ сраженіи, частью попали въ плѣнъ: было взято свыше 7000 плѣнниковъ и въ числѣ ихъ ханъ Кобякъ [1]).

Побѣдивъ враговъ, князья возвратились домой съ огромной добичей: дружина набрала множество плѣнниковъ, отбила невольниковъ („колодники поведоша"), захватила большое количество лошадей, скота и проч. Особенную радость причинило русскому населенію освобожденіе изъ половецкой неволи плѣнныхъ соотечественниковъ [2]).

„Святославъ Великій Кіевскій—поется въ Словѣ о полку Игоревѣ—грозою бяшеть, притрепалъ своими сильными пълкы и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую, притопта хълми и яругы, взмути рѣки и озеры, иссуши потоки и болота, а поганаго Кобяка изъ луку моря отъ желѣзныхъ великихъ пълковъ половецкихъ, яко вихрь, выторже: и падеся Кобякъ въ градѣ Кіевѣ, въ гридницѣ Святславлѣ".

Въ томъ же году, по примѣру Святослава, ходилъ въ степи и Игорь Святославичъ. За р. Мерломъ онъ встрѣтился съ половцами, шедшими подъ начальствомъ Обовла Костуковича грабить Русскія земми. Половцы были разбиты и бѣжали [3]).

Такимъ образомъ, попытки половцевъ неожиданно напасть на русскія земли и разграбить ихъ оканчивались неудачей. Но эти половецкія экспедиціи были предпріятіями отдѣльныхъ лицъ, а не всей половецкой земли. Скоро, однако положеніе перемѣнилось. Видя какихъ солидныхъ результатовъ достигаютъ русскіе своими дружными, совмѣстными походами въ степи, половцы на общемъ совѣтѣ рѣшаютъ дѣйствовать съ этихъ поръ въ подобномъ же духѣ. Дѣятельнымъ организаторомъ этого новаго дѣла былъ храбрый и способный ханъ половецкій, по имени Кончакъ. Эта крупная, энергичная личность половецкихъ степей передана лѣтописью съ поэтическимъ колоритомъ, который несомнѣнно заимствованъ ею изъ недошедшихъ до насъ эпическихъ сказаній о половецкихъ богатыряхъ. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ наша лѣтопись.

Когда Владиміръ Мономахъ громилъ половцевъ, главные предводители послѣднихъ бѣжали изъ своихъ земель: ханъ, именемъ Отрокъ, бѣжалъ въ Обезы, за желѣзныя ворота, ханъ же Сырчанъ, очевидно родичъ ему,—ушелъ на Донъ, гдѣ и занялся промыслами—„рыбою

---

[1]) Судя по разсказамъ лѣтоп. (Лавр., Никон. и др.) половцевъ было взято 7000, изъ 417 князей половецкихъ было убито 17. Ипат. л., с. 427; Ник. л., с. 11; Воскр. л., с. 97, 98; Лавр. л., с. 375; Арцыбашевъ, с. 232.

[2]) Лавр. л., с. 376; Татищевъ (III, 257), говоритъ, что пришедши къ р. Ворсклѣ, князья дали Владиміру плѣнныхъ половецкихъ князей и проч.

[3]) Ипат. л., с. 428; Татищевъ, III, с. 258; Арцыбашевъ, с. 232.

ожившю", как говоритъ лѣтопись. Когда умеръ Владиміръ Мономахъ, ханъ Сырчанъ послалъ оставшагося у него въ живыхъ одного гудца (пѣвца) въ Обезы, давъ ему такое порученіе: скажи брату, говорилъ Сырчанъ, такъ: „Владиміръ уже умеръ; возвратись, брате, въ землю свою". Передавая ему мои слова, пой при этомъ пѣсни половецкія; если же не послушаетъ тебя, то дай ему понюхать зелья, именемъ „*евшанъ*". Когда пѣвецъ передалъ Отроку порученное, и когда тотъ не хотѣлъ ни возвращаться домой, ни слушать пѣсни половецкія, то пѣвецъ далъ ему понюхать вышеназванное зелье. И какъ только понюхалъ этого зелья Отрокъ, то заплакалъ и сказалъ: „лучше на своей землѣ честную смерть пріять (костью лечи), чѣмъ на чужбинѣ славнымъ быть", и пришелъ въ свою землю. Отъ него то и родился Кончакъ, „иже снесе Сулу, пѣшь ходя, котелъ нося на плечеви" [1]). Вотъ этотъ-то Кончакъ, задумавъ походъ на Русь, собралъ громадное войско, запасшись метательными орудіями, стрѣляющими „живымъ огнемъ", въ 1184 гогу устремился на юго-восточные предѣлы Руси [2]). Онъ шелъ сюда съ явнымъ намѣреніемъ произвести страшный погромъ, чтобы надолго лишить Русскую землю возможности вредить степнякамъ.

Этотъ смѣлый планъ разрушенія городовъ и вообще всей пограничной области былъ задуманъ Кончакомъ весьма искусно. Прежде всего Кончакъ рѣшилъ напасть на восточныя границы Переяславльскаго княжества, чтобы, разрушивъ посульскія укрѣпленія, сильно мѣшавшія свободѣ дѣйствій степняковъ, открыть широкій и безопасный доступъ внутрь Переяславльской земли, и отсюда уже — и въ остальные предѣлы Южной Руси. Задумавъ произвести разгромъ посульской области, Кончакъ вошелъ въ переяславльскіе предѣлы и остановился на р. Хоролѣ. Онъ остановился здѣсь, съ тою цѣлью, чтобы узнать окончательно, какого образа дѣйствій будетъ держаться въ это время черниговскій князь. Кончаку важно было — или заручиться союзомъ черниговскаго князя, или же, по крайней мѣрѣ, воспользоваться его нейтралитетомъ во время войны, такъ какъ онъ могъ тогда смѣлѣе дѣйствовать противъ Святослава и его союзниковъ. Съ этою цѣлью Кончакъ посылаетъ, съ береговъ Хорола, пословъ въ Черниговъ, къ Ярославу Всеволодовичу, съ мирными предложеніями и просьбой вступить съ нимъ въ союзъ. Ярославъ Всеволодовичъ, подъ вліяніемъ страха, или же по какимъ либо другимъ соображеніямъ, согласился и даже послалъ для переговоровъ съ Кончакомъ своего довѣреннаго

---

[1]) Ипат. л., с. 430.

[2]) Татищевъ (III, 259) передаетъ, что метательный снарядъ этотъ былъ помѣщенъ „на возу великомъ" и могъ метать камни въ средину града, а для метанія огня былъ снарядъ поменьше.

мужа, Ольстина Олексича. Впрочемъ, союзъ Ярослава съ половцами, благодаря энергичному вмѣшательству кіевскаго князя, не состоялся [1]). Ярославъ Всеволодовичъ, тѣмъ не менѣе, не принималъ участія въ походѣ противъ половцевъ. Онъ отказался отъ похода подъ тѣмъ предлогомъ, что ему, вѣдь, нельзя рисковать жизнью своего мужа, посланнаго къ степнякамъ для переговоровъ. Такимъ образомъ, Святославъ и Рюрикъ были предоставлены однѣмъ своимъ силамъ. Въ виду того, что врагъ находился уже вблизи главной боевой линіи Переяславльскаго княжества—Посулія, медлить было нельзя, и князья (Святославъ и Рюрикъ), угадавъ планъ Кончака, поспѣшили предупредить его. Они быстро собрали войска и выступили противъ половцевъ съ цѣлью не допустить ихъ прорваться внутрь страны. Впереди, въ качествѣ опытнаго осторожнаго вождя, уже неоднократно имѣвшаго возможность показать свою предусмотрительность и свою отвагу въ борьбѣ съ врагами, шелъ переяславльскій князь, Владиміръ Глѣбовичъ. Подвигаясь осторожно впередъ, русскія войска встрѣтились съ купцами, ѣхавшими съ товарами изъ половецкой стороны [2]). Купцы сообщили, что половцы стоятъ на Хоролѣ [3]). Тогда князья рѣшили немедленно же двинуться на враговъ со всѣми своими силами. Впередъ, для рекогносцировки, были отряжены войска Владиміра Глѣбовича и Мстислава. Достигши того мѣста, гдѣ, по разсказамъ купцовъ, должны были находиться половцы, русскіе не нашли ихъ уже тамъ, т. к. половцы снялись съ этой стоянки и подвинулись дальше къ Хоролу. Русскіе развѣдчики осторожно направились вслѣдъ за выступившими впередъ половцами и, наконецъ, достигли холмовъ, откуда можно было окинуть взоромъ окрестность на далекое разстояніе. Съ вершины высокаго холма русскіе увидѣли, что Кончакъ со своимъ войскомъ расположился станомъ на лугу. Тогда было рѣшено немедленно же напасть на половцевъ. Обошедши холмъ, русскіе быстро ударили на враговъ. Испуганные внезапнымъ, неожиданнымъ нападеніемъ половцы бросились бѣжать черезъ дорогу, оставивъ въ рукахъ побѣдителей все свое добро: плѣнниковъ, лошадей, оружіе и тѣ метательные снаряды, которые стрѣляли „живымъ огнемъ"; самъ „бесурмененинъ", завѣдывавшій этимъ огнестрѣльнымъ орудіемъ, попалъ въ плѣнъ къ русскимъ. За уходившими врагами была послана погоня--Кунтувдѣй съ 8000 человѣкъ берендѣевъ, но они ничего не могли сдѣлать съ бѣглецами; захватить Кончака имъ не удалось: наступившая оттепель помѣшала преслѣдова-

---

[1]) Ипат. л., с. 429; Густин., с. 319.

[2]) Купцы въ лѣтописи назывались „гостями"—терминъ, прилагавшійся къ торговцамъ съ древнѣйшихъ временъ.

[3]) Ипат. л., стр. 429; Татищевъ, III, 259—60.

нію, половцы успѣли уйти въ степи. Побѣдивъ враговъ и разстроивъ ихъ планъ, князья возвратились домой[1],

Мы видимъ такимъ образомъ, что борьба съ половцами начинаетъ привлекать все больше и больше участниковъ: не только близлежащія къ степи земли, но даже и отдаленныя отъ нея области высылаютъ свои войска для борьбы съ кочевниками. Въ Русской землѣ просыпается сознаніе необходимости сломить силу степняковъ, мѣшавшихъ свободному развитію русской жизни; проявляется энергичное стремленіе положить конецъ дальнѣйшему распространенію зла, въ корень подрывавшаго благосостояніе Южной Руси. Сѣверская земля, испытывавшая на себѣ всѣ невзгоды половецкихъ набѣговъ, выказываетъ горячее желаніе бороться съ половцами. Однако, Игорь Святославичъ, поздно увѣдомленный о походѣ на половцевъ, не могъ принять участія въ немъ одновременно съ войсками Святослава и Рюрика. Сильно сожалѣя объ этомъ, Игорь Святославичъ хотѣлъ было настичь войска союзниковъ, направившись наперерѣзъ имъ, полемъ, къ р. Сулѣ, но неудобная дорога, взявшаяся гололедицею (серенъ), была настолько трудна, что Игорь долженъ былъ возвратиться назадъ, оставя всякую мысль объ участіи въ походѣ[2]).

Удачный исходъ весенней экспедиціи противъ половцевъ вызвалъ новый походъ въ степи, который также былъ очень успѣшенъ[3]).

Нѣсколько времени спустя послѣ этой второй экспедиціи, посланной въ степи кіевскимъ княземъ, Сѣверская земля по своему почину организуетъ крупный походъ въ половецкія степи: мы разумѣемъ тотъ знаменитый своимъ печальнымъ исходомъ походъ Игоря сѣверскаго на половцевъ, который былъ такъ поэтически воспѣтъ южно-русскимъ народнымъ поэтомъ. Мы не будемъ передавать подробностей этого похода—онѣ общеизвѣстны; скажемъ только, что Переяславльская земля не преминула ярко блеснуть въ этомъ произведеніи своими дивными красотами; добавимъ затѣмъ, что отъ чуткой души великаго своей простотой и задушевностью поэта не ускользнули тѣ основныя, полныя глубокаго трагизма, черты пограничной, окраинной со степью жизни, которая съ самыхъ отдаленныхъ временъ, насколько можетъ знать исторія, испытывала больше страданій и горя, чѣмъ радостей. Слово о полку Игоревѣ было лебединой пѣсныо русскаго юга, который дѣлалъ отчаянныя усилія, послѣднія попытки отстоять свои насущные интересы, свои главные основы жизни, уже раньше расшатанныя различнаго рода неблагопріятными для свободнаго развитія

---

[1]) Ibidem; Густин. с. 319. У Татищева (Ш, 260) большія подробности объ этомъ боѣ.

[2]) Ипат. л., с. 430

[3]) Ibidem; Густин., с. 319; Татищевъ, Ш. 261.

внутренними и внѣшними условіями. Сознаніе необходимости возможно скорѣе положить предѣлъ всякаго рода неурядицамъ, подтачивавшимъ русскую жизнь, чтобы тѣмъ дать возможность Русской землѣ окрѣпнуть и подняться на ноги, вновь пробуждается въ умахъ лучшихъ представителей Русскаго юга. Эпоха Мономахова и его старшихъ дѣтей вся прошла въ заботахъ по этой части. Послѣдующія за Мономахомъ времена, полныя княжескихъ междоусобій, въ которыхъ, по выраженію пѣвца „Слова о полку Игоревѣ" сокращался вѣкъ людской, затемнили основныя задачи русской жизни и много способствовали быстрому ея упадку. Увеличивавшееся съ каждымъ годомъ паденіе благосостоянія южной Руси, снова обратило на себя серьезное вниманіе правителей ея, и мы видимъ, какъ мало-по-малу воскресаетъ эпоха энергичныхъ совмѣстныхъ походовъ русскихъ князей въ степи, на половцевъ, возникаютъ съѣзды князей, которые задумываютъ устранить, разрушить зло, хотятъ вновь воскресить то, что было потеряно южной Русью нѣсколько раньше. Но было уже поздно: жизнь уходила съ юга; она нашла себѣ новое мѣсто, прорыла себѣ новое русло, оставивъ старое глохнуть и мелчать чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше. Наступали времена, когда „по Русской землѣ рѣдко раздавались голоса ратаевъ, но часто надъ трупами граяли вороны, съ рѣзкимъ крикомъ кружилось галичье, собираясь полетѣть на добычу"...

Страшная вѣсть о пораженіи сѣверскаго войска навела отчаяніе и ужасъ на беззащитную сѣверскую окраину: серьезная опасность грозила теперь тѣмъ областямъ, которыя оставались открытыми, незащищенными со стороны степи. Особенно сильное смятеніе и скорбь разлились въ Посемьѣ, которое хорошо знало мстительный характеръ степняковъ и съ трепетомъ ежеминутно ожидало грознаго ихъ нашествія. Вотъ какими словами описываетъ намъ лѣтопись эту картину: „Возмятошася городи Посемьские, и бысть скорбь и туга люта, якоже николиже не бывала во всемъ Посемьи, и в Новѣгородѣ Сѣверьскомъ, и по всей волости Черниговской, князи изымани и дружина изымана, избита; и мятяхуться акы в мотви, городи воставахуть, и немило бяшеть тогда комуждо свое ближнее, но мнозѣ тогда отрѣкахуся душь своихъ, жалующе по князихъ своихъ" [1]).

Сильно опечалился кіевскій князь Святославъ Всеволодовичъ, когда узналъ о горькой участи сѣверскаго войска и его предводителей. Онъ зналъ, что половцы не преминутъ воспользоваться этимъ печальнымъ обстоятельствомъ и вскорѣ нагрянутъ на Русскую землю. „Тогда великій Святославъ Кіевскій,—говоритъ авторъ „Слова",—изрони злато слово со слезами смѣшено, и рече: „о моя сыновьца, Игорю и Всево-

---

[1]) Ипат. л., с. 435.

лоде: рано есте начала половецькую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати; но нечестно одолѣсте; нечестно бо кровь поганую проліясте. Ваю храбрая сердьца въ жестоцѣмъ харалузѣ скована, а въ буести закалена. Се ли сътвористе моей серебренѣй сѣдинѣ!"...[1]).

Чтобы охранить нѣсколько предѣлы сѣверской земли отъ враговъ, Святославъ кіевскій посылаетъ къ нимъ своихъ сыновей—Олега и Владиміра—постеречь землю Русскую. Кромѣ того, онъ отправляетъ гонцовъ къ Давиду, въ Смоленскъ, и въ другія земли, прося князей не оставить безъ помощи Русской земли въ критическую минуту. Призывъ кіевскаго князя не былъ напраснымъ: смоленскія войска пришли на помощь и поспѣшили прикрыть главные торговые пути Руси: они направились къ Триполью, а затѣмъ — къ Каневу, въ намѣреніи предупредить враговъ и не дать имъ возможности проникнуть внутрь Русской земли. И въ Черниговѣ дѣятельно приготовлялись къ войнѣ: Ярославъ собиралъ свои войска, готовясь къ отпору врагамъ.

Безъ всякаго сомнѣнія, половцамъ были извѣстны всѣ эти приготовленія русскихъ князей, и они до поры до времени притаились, затихли, не высказывая, повидимому, никакихъ попытокъ напасть на русскіе предѣлы.

Простоявъ нѣсколько времени и не видя нигдѣ враговъ, русскія войска разошлись по домамъ. Но половцы, какъ оказалось, только этого и ждали. Едва стало извѣстно, что Святославъ Всеволодовичъ, возвратившись домой, распустилъ свои войска, какъ степняки ринулись на Русскую землю, надѣясь напасть врасплохъ и разгромить ее. Собираясь идти на Русскія земли, половцы созвали общій совѣтъ и начали разсуждать, куда имъ въ настоящее время выгоднѣе всего предпринять набѣгъ. Кончакъ предлагалъ устремиться на кіевскіе предѣлы, гдѣ половцы неоднократно терпѣли обиды и пораженія отъ русскихъ, и гдѣ сложилъ свою голову ихъ храбрый князь, Бонякъ; другой ханъ, Кза, напротивъ, совѣтовалъ лучше всего идти на Посемье, которое послѣ погрома сѣверскаго войска осталось теперь совершенно беззащитнымъ, и гдѣ, слѣдовательно, можно весьма легко и удобно поживиться. Оба половецкіе предводители стояли на своемъ. Завязался споръ, результатомъ котораго было то, что половцы раздѣлились на два лагеря: одни, подъ начальствомъ Кончака, направились къ Переяславлю; другіе, имѣя во главѣ Кзу,—пошли къ Путивлю, на Посемье[2]).

Въ 1185 году грозный ураганъ половецкаго нашествія надвигался со стороны степи на Переяславльскую землю: то шелъ Кончакъ со

---

[1]) Христоматія Буслаева, М. 1891 г., стр. 94.

[2]) Ипат. л., с. 435, 439; Татищевъ, Ш, с. 267; Густин. л., с. 320.

своими отборными силами. По дорогѣ къ Переяславлю половцы напали на Посульскія укрѣпленія и взяли всѣ города на Сулѣ [1]), Затѣмъ они быстро двинулись впередъ и обложили Переяславль. Переяславльскій князь, Владиміръ Глѣбовичъ, затворился въ городѣ и храбро защищался. Въ теченіи цѣлаго дня шла упорная борьба подъ стѣнами Переяславля, который не поддавался врагамъ. Между тѣмъ половцы не покидали своего намѣренія взять городъ силою; они съ ожесточеніемъ продолжали нападать на городскія укрѣпленія, и такъ настойчиво, что Переяславльскій острогъ (внѣшнее укрѣпленіе) началъ уже переходить въ ихъ руки [2]). Видя острогъ взимаемъ, говоритъ лѣтопись, Владиміръ Глѣбовичъ рѣшился на отчаянный шагъ: съ незначительнымъ, сравнительно съ половецкой силой, отрядомъ бросился этотъ храбрый князь на половцевъ. Половцы со всѣхъ сторонъ окружили переяславльскаго князя и его удальцевъ. Завязался отчаянный бой у стѣнъ самаго города. Владиміръ храбро отбивался отъ враговъ. Переяславльцы съ городскихъ стѣнъ наблюдали за сраженіемъ, и когда увидѣли, какой опасности подвергается ихъ смѣлый, энергичный князь, они быстро выступили изъ крѣпости, бросились на помощь своему князю, отбивая его у враговъ, и сильно израненнаго — онъ получилъ три раны копьемъ—едва успѣли унести въ городъ, гдѣ и затворились [3]). Эта отчаянная вылазка возымѣла, однако, свое дѣйстіе: половцы не возобновляли уже своихъ попытокъ взять Переяславль силою. Тѣмъ не менѣе, они не покидали города, а держали его въ осадѣ. Между тѣмъ, Владиміръ Глѣбовичъ, не смотря на свои раны, продолжалъ дѣятельно заботиться о своемъ городѣ и своей землѣ. Онъ посылаетъ къ Святославу и Рюрику просьбу прислать къ нему, какъ можно скорѣе, какую нибудь помощь: „се половци у мене, а помозите ми“—взывалъ къ князьямъ Владиміръ Глѣбовичъ [4]). Но помощь не являлась. Въ это время у кіевскаго князя, Святослава Всеволодовича, вышли недоразумѣнія съ смоленскимъ ополченіемъ. Когда въ Кіевъ пришла вѣсть о томъ, что половцы осаждаютъ Переяславль, Святославъ послалъ въ Триполье приказъ стоявшимъ тамъ смоленскимъ войскамъ идти на выручку Переяславля, но смольняне отказались, заявивъ, что они пришли сюда собственно для защиты Кіева, а не для другого чего, и потому идти на выручку Переяславля они не намѣрены, такъ какъ и безъ того уже сильно устали [5]). Тогда Святославъ и Рюрикъ, оставя смольнянъ, поспѣшили на помощь къ Переяславлю, но опоздали: полов-

---

[1]) Лавр. л., с. 379; Никон. л. с. 15; Воскр. л., с. 99.
[2]) Лавр. л., с. 379.
[3]) Ипат. л., с. 435—436; Ник. л., с. 14; Воскр. л., с. 99; Густ., с. 320.
[4]) Ипат. л., с. 436; Татищевъ, III, 268.
[5]) Ibidem.

цы еще до ихъ прихода, узнавъ о томъ, что къ Переяславлю скоро придетъ помощь, сняли осаду и поспѣшно отступили въ степи. Отступленіе половцевъ совершалось кратчайшей, болѣе удобной дорогой, черезъ низовья р. Сулы. Здѣсь по дорогѣ они напали на г. Римовъ и осадили его. Римовичи затворились въ городѣ, а половцы принялись осаждать его. Во время осады съ римовичами приключилось большое несчастье. Когда половцы сдѣлали приступъ къ стѣнамъ города, римовичи, отражая враговъ, въ большемъ количествѣ собрались на стѣнныхъ укрѣпленіяхъ города (заборалахъ). Въ это время деревянныя городницы, ветхія и непрочныя, не выдержали тяжести набившагося въ нихъ народа и рухнули, увлекая съ собой и раздавливая множество людей. Это несчастье, причинивъ уронъ защитникамъ города, открыло свободный доступъ внутрь крѣпости. Произошло замѣшательство, во время котораго половцы быстро ворвались въ городъ черезъ образовавшійся проломъ отъ разрушенныхъ городницъ и начали производить грабежъ и рѣзню. Страшная паника распространилась среди жителей Римова. Одни изъ нихъ бросились бѣжать изъ города и скрылись въ находившихся неподалеку отъ Римова, болотахъ и дебряхъ, другіе же, кто не успѣлъ этого сдѣлать и оставался въ городѣ, попали въ плѣнъ къ половцамъ, которые захвативъ добычу, поспѣшили уйти въ свои степи [1]). „Се у Римѣ кричатъ подъ саблями половецкими, а Володимеръ подъ ранами"—повѣствуетъ пѣвецъ Слова о полку Игоревѣ, передавая объ этихъ событіяхъ.

Другой отрядъ половцевъ направился на Посемье и осадилъ г. Путивль, который, однако, не былъ взятъ врагами; пострадалъ только одинъ острогъ, сожженный половцами. За то множество селъ и деревень было разграблено и выжжено кочевниками на Посемьи, масса русскихъ плѣнниковъ попала въ половецкую неволю. Пограбивъ, разоривъ страну, половцы безпрепятственно возвратились въ свои степи [2]).

Такъ печально окончились для русскихъ интересовъ эти оба нашествія половцевъ на Русскія окраины. Степняки отомстили за себя. Страшное опустошеніе, причиненное половцами въ этотъ періодъ, ярко отразилось въ „Словѣ о полку Игоревѣ". Эти ожесточенныя, разрушительныя нападенія половцевъ не отбили, однако, у русскихъ князей желанія бороться съ врагами. Напротивъ, они еще болѣе побудили князей общими силами сломить своего неугомоннаго врага, который началъ уже систематически подрывать благосостояніе Русской земли. Набѣги половцевъ не прекращались. Въ 1187 году, т. е., годъ съ небольшимъ спустя послѣ нападенія на Посемье и на Переяславль, половцы опять пытаются напасть на Русскую землю; они, повидимому,

---

[1]) Ипат. л., с. 436—437; Татищевъ, Ш, с. 268; Густин. л., с. 320.

[2]) Ипал. л., с. 437.

намѣревались поживиться на счетъ днѣпровскаго побережья, для чего и пробрались къ Татинскому броду, разумѣется, похозяйничавъ предварительно въ близлежащихъ населенныхъ мѣстахъ [1]). Что въ данномъ случаѣ грабежъ коснулся населенія побережья Днѣпра, находящагося ниже г. Канева, въ этомъ, кажется, нельзя сомнѣваться. Правда, лѣтопись ничего не говоритъ намъ объ этомъ, но энергія и совмѣстныя военныя дѣйствія ближайшихъ къ мѣсту нападенія русскихъ князей могутъ съ достаточнымъ основаніемъ подтвердить наше положеніе. Дѣйствительно, лишь только Святославъ и Рюрикъ узнали о появленіи половцевъ у Татинскаго брода, какъ немедленно же, безъ дальнихъ сборовъ, двинулись на нихъ. Вмѣстѣ съ кіевскимъ войскомъ выступилъ въ походъ изъ Переяславля и Владиміръ Глѣбовичъ. Переяславльскій князь испросилъ у Святослава Всеволодовича разрѣшеніе ѣхать съ черными-клобуками впереди остальныхъ войскъ; это, съ одной стороны,—было почетное положеніе, свидѣтельствовавшее о военной доблести идущаго впереди князя, съ другой—попадавшаяся раньше добыча, послѣ столкновенія съ половцами, естественно, принадлежала первому, кто имѣлъ случай сразиться съ врагами. Кіевскому князю не особенно-то было желательно давать такое преимущество Владиміру Глѣбовичу; онъ хотѣлъ было отправить впередъ своихъ сыновей, но голосъ остальныхъ князей, особенно Рюрика и его сыновей, уважавшихъ мужество, смѣлость и терпѣніе переяславльскаго князя въ трудныя времена, предоставилъ эту честь Владиміру Глѣбовичу.

Быстро выступивъ на половцевъ, князья надѣялись захватить ихъ врасплохъ, но ошиблись въ разсчетѣ: у половцевъ было не мало пріятелей среди инородческихъ племенъ—черныхъ-клобуковъ, берендѣевъ и пр., осѣдавшихъ въ предѣлахъ Русскихъ окраинъ; они то и предупредили половцевъ объ опасности. Половцы поспѣшили во-время уйти за Днѣпръ. Наступившая затѣмъ оттепель помѣшала русскимъ преслѣдовать кочевниковъ. Не рѣшаясь переходить черезъ Днѣпръ, который начиналъ уже вскрываться, князья возвратились назадъ [2]).

Походъ этотъ, безуспѣшный по своему окончанію, принесъ не мало горя Переяславльской землѣ. На возвратномъ пути съ похода, Владиміръ Глѣбовичъ, вѣроятно, сильно простудившись, опасно занемогъ. Больнаго, еле живаго князя, принесли на носилкахъ въ Переяславль, гдѣ онъ и скончался, въ 1187 году, 18 апрѣля [3]). Оплаканный признательнымъ народомъ за неусыпныя, частыя и тяжелыя заботы о

---

[1]) Татинскій бродъ, полагаютъ, находился въ золотоношскомъ у., полт. губ. См. Барсова. Истор. геогр. Слов., с. 194.

[2]) Ипат. л., с. 439; Татищевъ, Ш, 277.

[3]) Ипат. л., с. 439; Лавр. л., стр. 386; Никон. л., с. 18; Воскр. л., с. 101; Татищевъ, Ш, с- 277—8; Густин. л., с. 320.

немъ, Владиміръ Глѣбовичъ былъ похороненъ въ Переяславльскомъ храмѣ св. Михаила, рядомъ со своими родственниками. Передавая о смерти Владиміра Глѣбовича, лѣтописецъ разсказываетъ о той скорби, которая распространилась по всей Переяславльской землѣ, когда послѣдняя узнала, что ея любимаго князя уже нѣтъ въ живыхъ: „о немъ стонала много Украина",—говоритъ онъ [1]). Дѣйствительно, тяжко было этой многострадальной землѣ лишаться своего лучшаго сына. Это былъ князь, который горячо любилъ свою землю, не жалѣя для блага послѣдней ни здоровья, ни силъ. Оттого народъ съ такой неподдѣльной горестью хоронилъ своего богатыря, вполнѣ сознавая, что не скоро ему найти такого другого отважнаго князя защитника.

Къ концу 80-хъ годовъ XII ст. набѣги половцевъ на русскія земли участились. Такъ, въ 1187 году, половцы, подъ начальствомъ Кончака, сдѣлали набѣгъ на черниговскіе предѣлы и затѣмъ на рязанскіе [2]). Тогда почти всѣ южно-русскія области начинаютъ вести ожесточенную борьбу съ половцами: и кіевскій, и черниговскій, и новгородъ-сѣверскій и другіе князья ополчаются на половцевъ и предпринимаютъ походы вглубь степей [3]).

Въ концѣ XII в. среди русскихъ земель замѣчаются попытки создать новыя политическія комбинаціи. Около этого времени съ обѣихъ сторонъ Днѣпровской Руси—съ сѣверо-востока и запада,—почти одновременно выростаютъ два сильныхъ политическихъ тѣла, въ одинаковой степени проявлявшихъ энергичное стремленіе къ поглощенію интересныхъ для нихъ сосѣднихъ земель: появляются два соперника— Суздаль и Галичъ, одинаково заинтересованные въ расширеніи своихъ владѣній на счетъ сосѣдей. Искусные, дальновидные правители обоихъ этихъ государствъ неуклонно преслѣдуютъ свои разъ намѣченныя цѣли [4]). Они отлично понимаютъ, что достичь исполненія своихъ завѣтныхъ цѣлей—сразу нельзя, и потому стараются исподволь проводить тѣ мѣры, которыя клонились къ осуществленію хотя бы только одной части изъ задуманнаго ими плана. Конечно, суздальскому князю было интереснѣе сначала пріобрѣсти тѣ земли, которыя находились поближе къ его владѣніямъ, а разъ бы это совершилось, ему не трудно было бы затѣмъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, прибрать въ свои руки и болѣе отдаленныя земли. Сильная опасность, конечно, грозила прежде всего ближайшимъ къ Суздальской землѣ областямъ, и правители черниговo-сѣверской земли дѣлаютъ энергичныя попытки устоять въ борьбѣ, стараясь изъ чувства самосохраненія организовать изъ

---

1) Ibidem.
2) Никон. л., П. С. Р. Л. т. X, стр. 18; Татищевъ, III, с. 278.
3) Ипат. л., с. 439—440.
4) М. Владимірскій-Будановъ. Обзоръ ист. рус. права. с. 18, 19, 20 и пр.

сосѣднихъ земель крупное политическое тѣло. Разумѣется, все это отражалось косвеннымъ образомъ на Приднѣпровьѣ, и приднѣпровскимъ князьямъ приходилось на себѣ испытывать всю невыгоду своего географическаго положенія; сознавая это, они стараются по крайней мѣрѣ ладить съ сосѣдями, До поры до времени, суздальскіе князья стараются жить въ мирѣ съ южно-русскими князьями. Дружба была скрѣплена затѣмъ брачными узами: дочь Всеволода Юрьевича вышла замужъ за Ростислава Рюриковича; дочь Рюрика Ростиславича была выдана замужъ за Святослава Игоревича новгородъ-сѣверскаго[1]). Наступившее на нѣкоторое время согласіе въ Русской землѣ открывало возможность болѣе успѣшной борьбы съ половцами, которые около этого времени начинаютъ мало-по-малу отливать съ восточной стороны Днѣпра на западную.

Въ началѣ 90-хъ годовъ XII ст., вслѣдствіе дружныхъ, совмѣстныхъ усилій князей, половцы нѣсколько притихли. Настаетъ, правда, очень непродолжительный, но болѣе или менѣе спокойный періодъ, нѣсколько похожій на затишье Мономаховой эпохи. Впрочемъ, затишье со стороны степи было только лишь временнымъ; степняки выжидали удобнаго случая, чтобы напасть на русскіе предѣлы. Южно-русскіе князья въ это время заботятся объ охранѣ своихъ земель и особенно торговыхъ путей; они нѣсколько разъ отправляются къ Днѣпру,--къ Триполью и Каневу, и простаиваютъ здѣсь нѣкоторое время, чтобы защитить караваны на случай набѣговъ кочевниковъ[2]).

Излагая послѣдовательный ходъ событій въ южной Руси въ концѣ XII ст., намъ необходимо коснуться вопроса: кто сидѣлъ княземъ въ Переяславлѣ, или кому принадлежала эта земля послѣ смерти Владиміра Глѣбовича, въ 1187 году? Въ дошедшихъ до насъ лѣтописяхъ прямыхъ и точныхъ указаній на этотъ счетъ—нѣтъ. Мнѣніе историковъ, будто Переяславль былъ отданъ Всеволодомъ, въ 1187 году, по смерти Владиміра Глѣбовича, племяннику, Ярославу Мстиславичу, какъ не основанное на прочныхъ и ясныхъ фактахъ, не можетъ считаться убѣдительнымъ[3]).

Не имѣя, однако, подъ рукою достаточно опредѣленныхъ фактовъ по этому вопросу, мы можемъ, тѣмъ не менѣе, на основаніи выясненія общихъ условій политической жизни средняго Приднѣпровья, приступить къ его разрѣшенію.

Несомнѣнно, суздальско-владимірскимъ князьямъ было интересно,

---

[1]) Татищевъ, III, 272—3; Арцыбашевъ, с. 246; Погодинъ, VI, с. 196—7. с. с. 223.

[2]) Ипат. л., с. 451—55. Ростиславъ Рюриковичъ, владѣвшій Торческомъ, нѣсколько разъ удачно ходилъ въ степи на половцевъ, разбивалъ ихъ и съ большой добычей возвращался домой.

[3]) См. объ этомъ: Карамзина, III. с. 52 (изд. Евдок., 1892 г.); Соловьева, II, с. 307; Погодина, I, с. 415.

не покидая своего сѣвера, оказывать черезъ своихъ ближайшихъ родственниковъ, сильное вліяніе на дѣла южной Руси: этого требовала ихъ дальновидная, не вполнѣ, конечно, прямая и безкорыстная политика.

Суздальско-владимірскіе князья, начиная съ Долгорукаго, стараются захватить въ свои руки обѣ предстепныя окраины Русской земли,—Переяславль и Поросье, оказывавшія сильное вліяніе на дѣла Кіева, въ чемъ до нѣкоторой степени и успѣваютъ. Послѣ смерти Андрея Боголюбскаго, въ 1175 году, дѣла нѣсколько измѣняются. Со стороны Ольговичей проявляются попытки овладѣть южной Русью, что и было выполнено Святославомъ Всеволодовичемъ, въ 1177 году. Впрочемъ, этотъ шагъ Ольговичей къ захвату Кіева не привелъ къ полному обладанію всѣмъ Приднѣпровьемъ: Всеволодъ уступилъ своему сопернику, Рюрику „всю землю Русскую“, т. е. Кіевскую область, а Переяславльская земля осталась за Владиміромъ Глѣбовичемъ, ибо Святославъ не хотѣлъ ссориться съ дядей послѣдняго, Всеволодомъ III. Но, находясь въ ладахъ съ Владиміромъ Глѣбовичемъ, Святославъ, ради своихъ интересовъ и безопасности, долженъ былъ принимать дѣятельное участіе въ оборонѣ его страны отъ кочевниковъ[1]). Несомнѣнно, дѣло это было не легкое, и Переяславльская земля сильно страдала отъ половцевъ: Переяславль важенъ былъ теперь не своимъ богатствомъ, а стратегическимъ положеніемъ, какъ защита Кіева со стороны степи. Поэтому, Переяславльская земля, послѣ смерти Владиміра Глѣбовича, считаясь отчиной Мономахова племени, оставалась тѣмъ не менѣе подъ вѣдѣніемъ Святослава Всеволодовича, который и защищаетъ ее. Такъ, въ 1193 г., посовѣтовавшись съ Рюрикомъ, уладившимся съ правобережными половцами, Святославъ назначаетъ въ Каневѣ съѣздъ для переговоровъ съ *лѣвобережными половцами*[2]). Въ 1193 г. Половцы воевали „по Убережью“; т. е. на побережьѣ Днѣпра и, какъ увидимъ ниже, особенно на лѣвой сторонѣ его[3]). Татищевъ (III, 304) сообщая объ этомъ, говоритъ, что „половцы, *пришедъ къ Переяславлю* во множествѣ великой вредъ *области Святославлей* учинили“. Передавая объ этихъ событіяхъ, лѣтопись ни слова не говоритъ намъ о томъ, чтобы здѣсь участвовалъ Переяславльскій князь. Слѣдовательно, его и не было еще въ этомъ городѣ, иначе онъ, какъ заинтересованное лицо,—дѣло происходило на его землѣ—долженъ бы былъ принять участіе въ этихъ дѣлахъ. Но вотъ въ 1194 году умираетъ кіевскій князь Святославъ Всеволодовичъ. Кіевскій престолъ занимаетъ Рюрикъ Ростиславичъ, и положеніе нѣсколько измѣняется[4]).

---

[1]) Святославъ часто ходилъ за Днѣпръ „своихъ дѣля орудій“ Ипат. л., с. 458.

[2]) Ипат. л., с. 454—5. Эти половцы были колѣна Бурчевича.

[3]) Ипат. л., с. 456.

[4]) Ипат. л. с. 457.

Рюрику, конечно, было хорошо извѣстно стремленіе Ольговичей стать во главѣ Южной Руси. Чтобы предотвратить опасность, Рюрикъ старается заручиться союзниками. Съ нѣкоторыми изъ Ольговичей онъ находился въ дружественныхъ, даже въ родственныхъ отношеніяхъ: его дочь, какъ извѣстно, была замужемъ за однимъ изъ нихъ. Но этого, конечно, было мало: большинство главныхъ соперниковъ Рюрика не было связано съ нимъ никакими обязательствами, не находилось въ зависимости отъ него. Сознавая опасность своего положенія, Рюрикъ обращается къ суздальскому князю и проситъ у него содѣйствія, въ случаѣ непріязни со стороны Ольговичей. Всеволодъ обѣщалъ. Тогда Рюрикъ посылаетъ къ Ольговичамъ требованіе поклясться, что они не будутъ искать себѣ Кіева и Кіевской земли, и ограничатся только тѣми землями, что на лѣвой сторонѣ Днѣпра, какъ это было подѣлено между братьями: Ярославомъ Владиміровичемъ и Мстиславомъ Тмутораканскимъ[1]). Конечно, Ольговичамъ предоставлялась при этомъ и Переяславльская земля. Это обстоятельство встревожило Всеволода Ш, и онъ посылаетъ въ Южную Русь своего довѣреннаго боярина, тіуна Гюрю, возобновить обветшавшія укрѣпленія г. Остра, приходившагося отчиной суздальскому князю[2]), такъ какъ опасность прежде всего грозила со стороны Чернигова. Обезпечивъ себя со стороны своихъ опасныхъ сосѣдей, Всеволодъ Ш старается не упустить изъ своихъ рукъ и другихъ, важныхъ въ политическомъ отношеніи земель, онъ обращаетъ особенное вниманіе на правобережныя днѣпровскія земли, лежавшія на пограничьи со степью. Тонкій политикъ, зорко наблюдавшій за всѣмъ, что происходило на югѣ Руси, Всеволодъ Ш, зналъ, что пограничныя со степью черно-клобуцкія поселенія играли весьма видную роль въ дѣлахъ Русской земли: весьма часто они давали перевѣсъ той или другой сторонѣ князей. Поэтому, Всеволодъ и добивается получить въ свои руки Поросье, съ его пятью главными городами: Торческомъ, Богуславомъ, Корсунемъ, Каневомъ и Трипольемъ. Не смотря на неловкость своего положенія, потому что приходилось отнимать эти земли у Романа Мстиславича, которому онѣ были недавно даны, Рюрикъ долженъ былъ исполнить волю Всеволода[3]). Послѣдній, получивъ требуемое, назначилъ княземъ въ Торческъ своего зятя. Ростислава Рюриковича, а по другимъ городамъ посажалъ своихъ посадниковъ[4]).

[1]) Ипат, л., с. 462; Ольговичи отвѣчали, что поклясться въ томъ, что не будутъ искать себѣ Кіева, при его, Рюрика, жизни—они согласны, но если отъ нихъ требуютъ навсегда отказаться отъ претензіи на Кіевъ, то это дѣло неправое: они, вѣдь, не угры и не ляхи, а одного дѣда внуки, и послѣ смерти старшихъ—каждый вправѣ искать себѣ Кіева. Ипат. л., с 462—3; Воскр. л., с. 104.

[2]) Лавр. л., с. 391.

[3]) Ипат. л., с. 459. П. С. Р. Л., т. X, с. 24; Татищевъ, III, с. 309—311.

[4]) Ипат. л., с. 460.

Захвативъ всю предстепную окраину въ свои руки, Всеволодъ III, повидимому, обезпечилъ свое вліяніе на дѣла въ Русской землѣ. Оказалось, однако, что слишкомъ рѣзкое и насильственное давленіе въ этомъ дѣлѣ вызвало послѣ себя сильную реакцію, послѣдствіемъ которой была потеря Всеволодомъ тѣхъ пяти городовъ на Роси, которые онъ недавно получилъ. Дѣло возгорѣлось изъ за Ольговичей, которые, подстрекаемые недовольнымъ за отнятіе городовъ Романомъ, вступили въ борьбу съ Рюрикомъ. Эта борьба, впрочемъ, продолжалась не долго. Ольговичи смирились и заключили съ Рюрикомъ миръ [1]). Вскорѣ, однако, Ольговичи нарушили условія договора: они самовольно объявили г. Полоцку войну, чѣмъ и вызвали противъ себя походъ Всеволода III, который, какъ союзникъ Рюрика, выступилъ на Ярослава черниговскаго, но потомъ помирился съ нимъ. Рюрикъ узналъ объ этомъ и сильно разсердился. Упрекнувъ Всеволода въ неисполненіи своихъ словъ и обѣщаній, Рюрикъ въ гнѣвѣ отнялъ у него тѣ 5 городовъ, что были отданы ему раньше, и передалъ ихъ своимъ родичамъ [2]). Всеволодъ оскорбился. Однако, наказать Рюрика онъ теперь не могъ. Затаивъ злобу, Всеволодъ готовился разомъ отплатить Рюрику за все. Лишившись правобережныхъ днѣпровскихъ земель, Всеволодъ старается не выпускать изъ своихъ рукъ, по крейней мѣрѣ, лѣвобережной Украины, именно Переяславльской земли. „По просьбѣ Всеволода и по многому его обѣщанію“,—говоритъ Татищевъ,—„Рюрикъ отдалъ ему (Всеволоду) Переяславль“ [3]). Всеволодъ тотчасъ же и посылаетъ на княженіе въ Переяславль своего сына Константина Всеволодовича [4]). Послѣдній заботится теперь о своей землѣ, стараясь оградить ее отъ непріятелей. Въ 1198 г. Всеволодъ послалъ на епископство въ Переяславль Павла, который, конечно, долженъ былъ дѣйствовать въ интересахъ пославшаго [5]). Въ 1199 г., весной, Всеволодъ Юрьевичъ ходилъ со своимъ сыномъ, Константиномъ, въ степи, на половцевъ, которые, услыхавъ о движеніи князей, ушли къ морю. Всеволодъ дошелъ до зимовищъ половецкихъ, на берегахъ Дона, и затѣмъ возвратился домой [6]).

Въ томъ же году, по словамъ Татищева, былъ посланъ на княженіе въ Переяславль Ярославъ Мстиславичъ, племянникъ Всеволода III, такъ какъ сынъ его, Константинъ, не могъ выносить безпокойной

---

[1]) Ипат. л., с. 463.
[2]) Ипат. л., с. 468–70; Татищевъ, III, 324
[3]) Татищевъ, III, 324.
[4]) Татищевъ, 324, 328, 331.
[5]) Татищевъ, III, с. 328: П. С. Р. Л., т. X, с. 31; Воскр. л., с. 106.
[6]) Лавр. л., с. 394; Ник. л., П. С. Р. Л., т. X, с. 31: Татищевъ, III, с. 329.

и тяжелой жизни въ Переяславлѣ [1]). Ярославъ Мстиславовичъ, однако, не долго княжилъ въ послѣднемъ: въ 1199 году онъ скончался въ этомъ городѣ [2]).

Послѣ смерти Ярослава Мстиславича, Переяславль оставался безъ князя около двухъ лѣтъ. Быть можетъ, въ Переяславль и былъ назначенъ князь, но онъ туда не пріѣзжалъ, и городъ, конечно, испытывалъ отъ этого неудобства. При постоянно происходившихъ столкновеніяхъ между князьями на югѣ Руси, и при близости опасныхъ степей, оставаться безъ князя, который руководилъ бы обороной страны, было крайне неудобно. Поэтому Переяславльцы и просятъ у Всеволода III назначить имъ князя, какъ можно скорѣе.

Въ это время возгарается вражда между Рюрикомъ и его зятемъ, Романомъ Мстиславичемъ Галицкимъ. Предвидя большія перемѣны на югѣ, Всеволодъ III, въ 1202 году, посылаетъ на княженіе въ Переяславль, своего сына, Ярослава Всеволодовича: „Переяславцы же, поимше князя своего Ярослава отъ св. Спаса, поидоша съ радостью великою, хваляще Бога и Святую Богородицу и святого Михаила, давшаго имъ князя, его же желаша“ [3]). Въ томъ же году Всеволодъ III былъ въ Переяславлѣ со своими сыновьями—Константиномъ и Юріемъ. Переяславльцы были очень рады, получивъ княземъ сына такого могущественнаго властителя сѣверо-восточной Руси. „И бысть радость велика во градѣ Переяславлѣ“—замѣчаетъ лѣтописецъ [4]).

Между тѣмъ въ Кіевѣ въ это время происходили большія перемѣны. Рюрикъ былъ сверженъ съ престола Романомъ Галицкимъ, который явился сюда съ галицкими и владимірскими (помощь отъ Всеволода III) войсками. Война возгорѣлась изъ за того, что Рюрикъ, видя возраставшее могущество Галицкаго князя, который успѣлъ уже при-

---

[1]) Татищевъ, III, с. 331.

[2]) П. С. Р. Л., т. X, с. 31; Воскр. л., с. 107; Татищевъ III, с. 329; по Густ. лѣт. (с. 326) Ярославъ скончался въ 1200 году.

[3]) Воскр. л., с. 107; Погодинъ, I, с. 415; Экземплярскій, т. I, с. 8. Владимірскій-Будановъ. Обз. ист. р. права, с. 19. Это тотъ самый Ярославъ В—чъ, къ которому, въ бытность его новгородскимъ княземъ, было обращено моленіе Даніила Заточника См. объ этомъ сообщ. г. Лященка въ первомъ собр. Петерб. Общ. любит. древ. письмен. Прав. Вѣст. 1896 г., № 242.

[4]) Лавр. л., с. 395) Татищевъ (III, с. 331—2) передаетъ, что Всеволодъ, отправляя въ Переяславль сына Ярослава, прикомандировалъ къ нему двухъ лучшихъ воеводъ, ибо Ярославъ былъ тогда еще очень молодъ. Г. Экземплярскій (т. I, с. 8) сомнѣвается, чтобы упоминаемый здѣсь, подъ 1202 годомъ, г. Переяславль былъ южнымъ Переяславлемъ; онъ считаетъ его Переяславлемъ Залѣсскимъ. Мы не согласны съ этимъ, и полагаемъ, что здѣсь говорится о Переяславлѣ Днѣпровскомъ, на томъ основаніи, что суздальскій князь нѣсколько раньше, какъ мы видѣли, ходилъ на югъ Руси противъ половцевъ, въ сопровожденіи своего сына, Константина, котораго онъ взялъ по пути.

соединить къ своимъ владѣніямъ Владимірско-Волынскую землю, боялся, какъ бы онъ не сдѣлалъ попытки увеличить предѣлы своего государства и на счетъ Кіевской земли. Рюрикъ заключаетъ союзъ съ Ольговичами, но это не помогло. Оставленный въ критическую минуту кіевлянами, Рюрикъ потерпѣлъ неудачу въ борьбѣ съ Романомъ и ушелъ въ Овручъ. На Кіевскомъ престолѣ, съ согласія в. к. суздальскаго, былъ посаженъ Ингварь Ярославичъ—личность безцвѣтная, не имѣвшая почти никакого вліянія на дѣла южной Руси [1]). Рюрикъ, однако, не хотѣлъ вовсе отказываться отъ Кіева. Въ 1204 г., заручившись союзомъ Ольговичей, нанявъ дикихъ половцевъ, Рюрикъ двинулся къ Кіеву и взялъ его приступомъ [2]).

Такимъ образомъ, союзъ Рюрика съ Ольговичами и половцами, казалось, упрочивалъ его положеніе на Югѣ. Опытный Романъ ясно видѣлъ, что Рюрикъ только на время будетъ владѣть Кіевомъ, который, безъ сомнѣнія, перейдетъ затѣмъ въ руки Ольговичей, слишкомъ открыто обнаружившихъ свои планы на счетъ южной Руси, и потому счелъ лучшимъ помириться съ Рюрикомъ; съ послѣднимъ вошелъ также въ согласіе и суздальскій князь, „не помянувъ зла Рюрикови" [3]).

Опять наступило затишье внутри Русской земли, снова явилась возможность приняться за разрѣшеніе половецкаго вопроса.

Въ 1205-мъ году, послѣ примиренія Ольговичевой съ суздальскимъ княземъ, состоялся большой походъ соединенныхъ силъ почти всѣхъ русскихъ князей въ степи, на половцевъ. Въ этомъ походѣ принималъ участіе и переяславльскій князь, Ярославъ Всеволодовичъ [4]). Походъ былъ предпринятъ зимою, которая въ томъ году была чрезвычайной жестокой. Половцы не могли оказать сильнаго отпора русскимъ и были разбиты. Въ руки побѣдителей досталось много половецкаго добра: вежъ, всякаго рода скота, невольниковъ и пр. [5]).

На возвратномъ пути изъ половецкихъ степей между русскими князьями возникло крупное недоразумѣніе, окончившееся разрывомъ между союзниками. Князья—Рюрикъ, Романъ, Ростиславъ и другіе, прибыли въ Триполье, а затѣмъ въ Переяславль, къ Ярославу Всеволодовичу,—потолковать о томъ, кому какая волость должна быть отдана, согласно его трудамъ, заботамъ и правамъ на нее [6]). Во время

---

[1]) Ипат. л., с. 480—481; Воскр. л., с. 107.

[2]) Лавр. л., с. 397.

[3]) Ник. л., с. 35; Воскр. л., с. 108; Голубовскій, Ист. сѣв. с. 170.

[4]) Лавр. л., с. 397—399; Густин. л., 328; Татищевъ, Ш, с. 335—6. Погодинъ, т. I, с. 415. Сергѣевичъ В. и К., с. 220.

[5]) Воскр. л., с. 108; Никон. л., П. С. Р. Л, т. Х, с. 36.

[6]) Воскр. л., с. 108; П. С. Р. Л., т. Х, с. 336; Татищевъ. Ш, с. 336. Въ Лавр. л. (с. 399) сказано: „Ростиславъ (и другіе князья) бывъ у шюрина своего у Переяславлѣ"...

разсужденій князья перессорились между собою, при чемъ Романъ проявилъ теперь наружу всѣ тѣ затаенные планы, которые онъ такъ тщательно скрывалъ до сихъ поръ. Онъ велѣлъ схватить Рюрика, его жену и дочь, отправилъ ихъ въ Кіевъ, и здѣсь приказалъ насильно постричь ихъ и заключить въ монастырь. Сыновей Рюрика Романъ захватилъ съ собою въ Галичъ [1]). Такимъ образомъ Южная Русь очутилась опять подъ властью Романа. Послѣдній, чтобы не возбуждать опасеній со стороны суздальскаго князя, въ угоду Всеволоду Юрьевичу, посадилъ въ Кіевѣ княземъ Ростислава Рюриковича. Въ 1205 году Романъ былъ убитъ во время войны съ поляками [2]). Тогда Рюрикъ снялъ съ себя монашеское одѣяніе и, заявивъ, что онъ постриженъ насильно, снова овладѣлъ кіевскимъ престоломъ. Ставши кіевскимъ княземъ, Рюрикъ продолжаетъ ту же политику по отношенію къ своимъ опаснымъ соперникамъ, какую мы замѣчаемъ раньше. Онъ старается помириться съ ними и отвлечь ихъ честолюбивыя стремленія въ другую сторону. Рюрикъ заключаетъ теперь тѣсный союзъ съ Ольговичами, надѣливъ ихъ при этомъ значительными волостями [3]). Онъ зналъ очень хорошо честолюбивыя стремленія Ольговичей относительно захвата власти надъ всѣмъ югомъ Руси, и потому отдача имъ земель была актомъ политической предусмотрительности со стороны Рюрика, которому невыгодно было, не упрочивъ своихъ дѣлъ, начинать борьбу съ соперниками.

Что касается Переяславльской земли въ этотъ періодъ времени, то она продолжала вести свою политику такъ же, какъ и раньше: то же отношеніе къ половецкому вопросу, тѣ же пріемы къ окружающимъ сосѣдямъ. Правда, нѣсколько измѣняется способъ компромисса со степью: давнишнее стремленіе русскаго міра культурно воздѣйствовать на кочевниковъ сдѣлало свое, и мы видимъ что половцы,— если не всѣ племена вообще, то значительная часть ихъ,—начинаютъ входить въ тѣсное общеніе съ жившимъ на окраинахъ русскимъ народомъ. Сосѣднимъ со степью князьямъ былъ чрезвычайно выгоденъ такой оборотъ дѣлъ, и они охотно идутъ на встрѣчу ему. Такъ, въ 1206 году, Всеволодъ Юрьевичъ женилъ своего сына Ярослава, сидѣвшаго княземъ въ Переяславлѣ, на половецкой княжнѣ, дочери половецкаго князя Юрія Кончаковича [4]). Такимъ образомъ, путемъ брачныхъ связей князья желаютъ охранить свои земли отъ бѣдствій пограничной со степью жизни.

---

[1]) Лавр. л., с. 399; Никон. л., П. С. Р. Л. т. X, с. 36.

[2]) Никон. л., с. 50; Ипат. л., с. 481. До самой смерти Романъ держалъ Кіевскаго князя въ зависимости отъ себя.

[3]) Погодинъ, т. I, с. 342.

[4]) Лавр. л., с. 405: Никон. л., П. С. Р. Л., т. X, с. 50; Татищевъ, III, с. 346; Воскр л., с. 112; Экземплярскій. Великіе и удѣл. князья Сѣв. Руси, т. I, с. 18.

Мы видѣли, что въ началѣ XIII в. со стороны Галича являются попытки составить прочное цѣлое изъ всѣхъ южно-русскихъ земель. Эти попытки, замаскированныя вначалѣ, явившись наружу, произвели большую сенсацію среди южно-русскихъ земель и повлекли за собой измѣненіе въ направленіи политической жизни ея крупныхъ центровъ. При столкновеніи галицкаго князя съ Кіевской землей, Ольговичи оставались пассивными зрителями политическаго паденія своего сосѣда—Кіева: суздальскій князь связывалъ свободу ихъ дѣйствій. Но захватъ галицкимъ княземъ Кіевской земли въ свои руки натолкнулъ Ольговичей на мысль при благопріятныхъ обстоятельствахъ, достигнуть того, чего добивался и Галичъ, т. е.—объединенія всѣхъ южно-русскихъ земель подъ своею властью. Ольговичи составили планъ исподволь достичь своей цѣли. Они простерли свои планы еще дальше и задумали захватить въ свои руки самый Галичъ. Понятно, добиться всего этого своими собственными силами они не могли: надо было вступать въ союзъ съ сосѣдями. Поводъ къ притязанію на Галичъ подали смуты, наступившія въ немъ вслѣдъ за смертью князя Романа. Первымъ высказалъ свои претензіи на Галичъ кіевскій князь и въ союзѣ съ Ольговичами: Всеволодомъ Чермнымъ и Владиміромъ Игоревичемъ, двинулся въ Галицкую землю, въ 1206 г. [1]), Русскимъ князьямъ дѣятельно помогали поляки. Но на помощь Галичу явился венгерскій король, Андрей [2]). Тогда Ольговичи пріостановили свое движеніе, пославъ къ полякамъ просьбу поспѣшить, какъ можно скорѣе, къ нимъ на помощь.

Венгерскій король узналъ объ этомъ и заблаговременнаго позаботился не допустить поляковъ до соединенія съ русскими силами. Вслѣдствіе этого, поляки вынуждены были заключить съ венграми миръ и ушли назадъ Между тѣмъ русскіе все стояли на одномъ мѣстѣ, поджидая къ себѣ помощи отъ поляковъ. Такъ простояли они въ ожиданіи нѣсколько дней, не рѣшаясь самостоятельно двинуться впередъ. Между тѣмъ волненія и борьба партій въ Галичѣ въ это время были настолько сильны, что прямые наслѣдники галицкаго престола—сыновья покойнаго Романа,—оставили Галичъ и ушли во Владиміръ-Волынскій, считавшійся ихъ отчиною [3]). Галицкій престолъ такимъ образомъ остался вакантнымъ. Явился вопросъ, кого посадить княземъ въ Галичѣ? Въ виду несогласій среди галицкихъ бояръ, одинъ только король могъ оказать руководящую роль въ данномъ случаѣ. Посовѣтовавшись съ галичанами, венгерскій король рѣшилъ пригласить на галицкій престолъ

[1]) Лавр. л. с. 404.

[2]) Чтобы не возбудить къ себѣ подозрѣній галичанъ, венгерскій король не занималъ Галича, а остановился вблизи послѣдняго.

[3]) Лавр. л., с. 405.

переяславльскаго князя, Ярослава Всеволодовича, сына суздальскаго князя [1]). Онъ надѣялся, что этотъ князь будетъ вполнѣ отвѣчать нуждамъ Галича и, въ случаѣ какихъ либо затрудненій, всегда сможетъ найти поддержку у своего могущественнаго отца, повелителя почти всей сѣверной Руси. Послы явились къ Ярославу и предложили ему занять галицкій престолъ. Ярославъ согласился, но почему то все медлилъ отъѣздомъ. Двѣ недѣли ждалъ король отвѣта отъ Ярослава Всеволодовича, который, какъ говоритъ лѣтопись, „умедли збираяся съ своими“ [2]). Отвѣта не приходило. Въ это время никто--ни король, ни русскіе союзники—не рѣшались подступить къ Галичу и занять его. Наконецъ, венгерскій король, наскучившись продолжительнымъ стояніемъ близъ Галича безъ всякаго дѣла, не дождавшись отвѣта отъ переяславльскаго князя, ушелъ домой, гдѣ въ то время начались неурядицы. Тогда на галичанъ напалъ страхъ; они боялись какъ бы союзныя русскія войска не взяли города. Подъ вліяніемъ такой боязни, а, можетъ быть, опасаясь попасть черезъ нѣсколько времени подъ власть венгерскаго короля, одна изъ сильныхъ галицкихъ партій убѣдила галичанъ пригласить къ себѣ въ князья кого либо изъ Игоревичей. Было рѣшено просить объ этомъ Владиміра Игоревича. Послѣдній согласился, принялъ предложеніе и ночью, тайно отъ братьевъ, явился въ Галичъ и занялъ здѣсь княжескій престолъ [3]).

Въ это время Ярославъ Всеволодовичъ находился уже на пути въ Галичъ. Приближаясь къ галицкимъ предѣламъ, онъ узналъ, что въ Галичѣ уже три дня, какъ сидитъ княземъ Владиміръ Игоревичъ. Тогда Ярославъ Всеволодовичъ повернулъ назадъ и ушелъ въ свой Переяславль [4]).

Намъ кажется нѣсколько странной такая нерѣшительность русскихъ князей въ борьбѣ съ Галичемъ. При дружныхъ, совмѣстныхъ усиліяхъ, овладѣть Галичемъ было не особенно трудно. Но бѣда состояла въ томъ, что среди союзниковъ было мало согласія, т. к. каждый, опасаясь усиленія товарищей, приберегалъ свои военныя силы для будущаго. Это недовѣріе, какъ оказалось потомъ, не было напраснымъ. Когда союзники возвратились домой, согласіе между ними исчезло, и передъ глазами кіевскаго князя явился, но уже въ видѣ реальнаго факта, тотъ страшный призракъ, который такъ пугалъ его воображеніе раньше: Всеволодъ Чермный, желая вознаградить себя чѣмъ либо за галицкій походъ, овладѣлъ Кіевомъ. Рюрикъ вынужденъ былъ уйти отсюда въ Овручъ.

---

[1]) Лавр. л., с. 406; Татищевъ, III, с. 350.

[2]) Ник. л., с. 51; Воскр. л., с. 113; Густин. л., с. 329.

[3]) Ипат. л., с. 484; Лавр. л., с. 406; Воскр. л., с. 113; Ник. л., с. 51.

[4]) Ibidem. Татищевъ, III, с. 350.

Такимъ образомъ, замыселъ Рюрика—войной съ Галичемъ отвлечь вниманіе Ольговичей отъ Кіева—окончился неудачно для него: Ольговичи овладѣли не только Кіевомъ, но и Галичемъ.

Овладѣвъ Кіевомъ, Всеволодъ Чермный рѣшилъ установить новые распорядки въ Русской землѣ. Понятное дѣло, сосѣдство лицъ, мало зависимыхъ отъ него и при томъ занимавшихъ весьма видные по своему значенію пункты въ Русской землѣ, было неособенно пріятно новому князю, и онъ постарался избавиться отъ него: Всеволодъ Чермный рѣшилъ удалить изъ Переяславля Ярослава Всеволодовича, опаснаго Ольговичамъ по своимъ претензіямъ на Галичъ и на Кіевъ. Въ виду этого, лишь только Всеволодъ Чермный утвердился въ Кіевѣ, какъ къ Ярославу, въ Переяславль, посылается предложеніе оставить городъ: „Уходи изъ Переяславля къ своему отцу, въ Суздаль"— велѣлъ сказать ему Всеволодъ: „не думай искать Галича подъ моими братьями! Если же не хочешь уходить по доброй волѣ, то я заставлю тебя сдѣлать это силою оружія!" [1]). Положеніе Ярослава было незавиднымъ; скорой помощи ждать было не откуда, и Ярославъ поневолѣ долженъ былъ согласиться и исполнить требуемое отъ него. Онъ попросилъ только у Всеволода свободнаго пропуска для себя и своей семьи. Всеволодъ обѣщалъ. Осенью, 1205 года, Ярославъ Всеволодовичъ оставилъ Переяславль и ушелъ къ своему отцу, въ Суздаль. Всеволодъ Юрьевичъ радушно принялъ своего сына и посадилъ его княземъ въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ, которымъ онъ и владѣлъ до самаго занятія великокняжескаго стола, въ 1228 году [2]). Въ Переяславлѣ южномъ былъ посаженъ теперь Михаилъ Всеволодовичъ, сынъ Всеволода Чермнаго [3]). Такимъ образомъ южная Русь мало-по-малу начинаетъ переходить подъ власть Ольговичей.

Впрочемъ, торжество В. Чермнаго было непродолжительнымъ. Въ томъ же, 1206-мъ году, Рюрикъ Ростиславичъ, въ союзѣ съ Мстиславомъ Романовичемъ, своими сыновьями и племянниками, получивъ кромѣ того подкрѣпленіе со стороны половцевъ, напалъ на Кіевъ и выгналъ оттуда Всеволода Чермнаго. Той же участи подвергся и его сынъ, Михаилъ, сидѣвшій въ Переяславлѣ [4]).

Ставши вновь кіевскимъ княземъ, Рюрикъ посадилъ въ Переяславлѣ своего сына, Владиміра Рюриковича [5]). Понятно, что спокойствія въ Русской землѣ, при жизни соперниковъ, быть не могло. Из-

---

[1]) Ипат. л., с. 484; Лавр. л., л. 405; Густин., с. 330; Ник. л., с. 51; Воскр. л., с. 1113; Татищевъ, III, с. 350—1.

[2]) Ibidem и Экземплярскій, т. II, с. 4.

[3]) Ibidem и Погодинъ, VI, с. 258 и 277.

[4]) Лавр. л., с. 407; Воскр. л., с. 113; Татищевъ, III, с. 351.

[5]) Ibidem.

гнанный изъ Кіева Всеволодъ Чермный заручается союзниками, поднимаетъ половцевъ, и является къ Кіеву [1]). Затворившійся въ Кіевѣ Рюрикъ не сдавался. Всеволодъ простоялъ около Кіева 3 недѣли и, не будучи въ состояніи взять его, отступилъ. Но отказываться отъ Кіева этотъ энергичный князь и не думалъ. Въ слѣдующемъ же году Всеволодъ Чермный съ участіемъ Ольговичей опять пошелъ на Кіевъ. Союзники направились черезъ Переяславльскія земли и перешли Днѣпръ у Триполья. Сюда подоспѣла къ нимъ галицкая помощь, при содѣйствіи которой они овладѣли Трипольемъ, игравшимъ роль опорнаго базиса относительно Кіева. Затѣмъ Ольговичи направились на Кіевъ. Рюрикъ не могъ оказать серьезнаго сопротивленія Ольговичамъ и бѣжалъ въ Торческъ. Кіевъ снова переходитъ вмѣстѣ со всѣми тянувшими къ нему городами въ руки Всеволода Чермнаго [2]). По всей вѣроятности, и Переяславльскій князь былъ смѣщенъ въ это время, но кто именно занялъ его мѣсто—сказать трудно. Быть можетъ, имъ владълъ по прежнему Михаилъ Всеволодовичъ, или же, какъ пологаетъ Зотовъ,—Глѣбъ Святославичъ [3]). Мы также скорѣе склоняемся къ послѣднему мнѣнію, тѣмъ болѣе, что Глѣбъ Святославичъ былъ болѣе опытнымъ, болѣе подходящимъ для Переяславля княземъ въ такія трудныя для Ольговичей времена.

Впрочемъ, преобладаніе Ольговичей на югѣ продолжалось не долго. Всеволодъ III, видя, какъ переходятъ южно-русскія земли изъ рукъ въ руки, рѣшилъ самъ вмѣшаться въ княжескіе споры. Онъ потребовалъ и для себя надѣла землей: „Развѣ однимъ Ольговичамъ Русская земля отчина, а намъ—нѣтъ, говорилъ онъ; я пойду къ Чернигову, на Ольговичей; они, вѣдь, и сына моего изгнали изъ Переяславля съ безчестіемъ, и мнѣ причинили не малую смуту—пусть теперь разсудитъ насъ Богъ“! [4]). Суздальскому князю, очевидно, не нравилось усиленіе Ольговичей на югѣ. Со всѣхъ сторонъ начали собираться ко Всеволоду войска: изъ Новгорода, Пскова, Ладоги, Мурома, Рязани и проч. По дорогѣ суровая расправа съ рязанскими князьями, тайно вошедшими въ союзъ съ Ольговичами, задержала на нѣкоторое время Всеволода. Въ это время Кіевъ попалъ въ руки Рюрика. Послѣдній давно уже собирался напасть на Кіевъ, но для этого не было удобнаго случая. Теперь, узнавъ о движеніи на югъ Всеволода III, Рюрикъ съ помощью

---

[1]) По Густ. (с. 339) и Тверской л. (с. 304) Всеволодъ осаждалъ не Кіевъ, а Переяславль, гдѣ находился Владиміръ Рюриковичъ. Быть можетъ, осаждался и Переяславль, но это не исключаетъ осады Кіева. Указаніе на осаду Переяславля очень правдоподобно, т. к. князья, чтобы добиться Кіева, обыкновенно старались предварительно овладѣть его опорными пунктами.

[2]) Лавр. л., с. 408; Погодинъ, I с. 344; Татищевъ, III, с. 352—3.

[3]) Зотовъ. Ист. черн. княз. по Люб. син., с. 64.

[4]) Ник. л., т. X, с. 53.

половцевъ выгналъ Всеволода Чермнаго изъ Кіева, и послѣдній въ четвертый разъ перешелъ въ руки Рюрика. Ольговичи очутились теперь въ затруднительномъ положеніи. Сознавая, что опасность со стороны сѣверо-востока велика, они начинають лавировать и стараются не допустить на югъ Всеволода. Они обращаются къ суздальскому князю съ просьбой о мирѣ. Всеволодъ III согласился. Въ это время и Всеволодъ Чермный начинаетъ вести переговоры съ Рюрикомъ, вѣроятно, насчетъ дѣлежа южными землями. Вскорѣ послѣ этихъ переговоровъ Рюрикъ скончался, и Кіевомъ опять овладѣлъ Всеволодъ Чермный [1]). Такимъ образомъ, Ольговичи захватываютъ южную Русь въ свои руки.

Что касается Переяславля, то онъ, очевидно, находился нѣкоторое время, когда былъ живъ Рюрикъ, подъ властью Владиміра Рюриковича. Въ этомъ мы убѣждаемся изъ слѣдующихъ соображеній: когда, въ 1210 году, скончался Рюрикъ, и Кіевъ очутился въ рукахъ Всеволода Чермнаго, половцы сдѣлали нападеніе на Переяславльскіе предѣлы, разорили здѣсь много селъ (волостей) и, захвативъ плѣнниковъ, ушли въ степи [2]). Это обстоятельство, съ одной стороны, указываетъ на смерть Рюрика, такъ какъ степняки почти всегда наровили воспользоваться происходящими при этомъ пертурбаціями въ Рус. землѣ, а съ другой—что въ Переяславлѣ сидѣлъ Влад. Рюриковичъ, иначе половцамъ нечего было бы нападать на Переяславльскіе предѣлы, если бы тамъ былъ тогда Глѣбъ Святославичъ.

Въ 1212 году скончался Всеволодъ Юрьевичъ. Въ то время Всеволодъ Чермный начинаетъ проявлять признаки недовольства сосѣдними князьями. Воспользовавщись тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ былъ родичемъ суздальскому князю (его дочь была замужемъ за Юріемъ II), Всеволодъ Чермный выгналъ Ростиславичей изъ Русской земли, мотивируя это тѣмъ, что они участвовали въ тѣхъ козняхъ, отъ которыхъ погибли Игоревичи въ Галичѣ: извѣстно, что трое Игоревичей были повѣшены въ Галичѣ во время смутъ. Обиженные Ростиславичи обратились къ Мстиславу Мстиславичу Новгородскому, прося у послѣдняго помощи и заступничества. Мстиславъ согласился постоять за изгнанныхъ братьевъ. Онъ собралъ большое войско и двинулся на Кіевъ. При вѣсти о приближеніи Мстислава, Всеволодъ Чермный выступилъ со своими союзниками, въ числѣ которыхъ были и переяславльцы, къ Вышгороду, но здѣсь былъ побѣжденъ, бѣжалъ

---

[1]) Зотовъ, стр. 45—46. Такимъ образомъ, Рюрикъ скончался въ Кіевѣ, въ 1210 году, занимая великокняжескій престолъ. Нѣкоторыя лѣтописи (Лавр., Никон. и др.) говоритъ, что Всеволодъ Чермный въ 1210 году сталъ кіевскимъ княземъ, а Рюрикъ—черниговскимъ, но это невѣрно: Рюрикъ черниговскій — совсѣмъ другое лице (см. Зотова, тамъ-же).

[2]) Лавр. л., с. 413—414; Ник. л., с. 62; Воскрес. л., с. 117. Татищевъ, III, 380—1 Карамзинъ, III. с. 81.

изъ Кіева, за Днѣпръ, въ Черниговъ, гдѣ вскорѣ и умеръ. Мстиславъ вошелъ въ Кіевъ и отдалъ было этотъ городъ сначала Ингварю Ярославичу, а затѣмъ—Мстиславу Романовичу. Это было въ 1214 году [1]). Во время борьбы со Всеволодомъ Чермнымъ, Мономаховичи осадили въ Черниговѣ Глѣба Святославича, который выдержалъ трехнедѣльную осаду и заключилъ съ осаждавшими миръ. Что касается Переяславля, то онъ, очевидно, въ періодъ владѣнія Кіевомъ Всеволода Чермнаго, находился въ рукахъ Михаила Всеволодовича, т. к. Владиміръ Рюриковичъ былъ отсюда изгнанъ Всеволодомъ Чермнымъ [2]).

Въ 1215 году великій князь суздальскій, Юрій Всеволодовичъ, вывелъ изъ Москвы своего брата, Владиміра Всеволодовича и отправилъ его княжить въ Переяславль-Южный, который достался ему вслѣдствіи брака съ дочерью Глѣба Святославича [3]).

Для суздальскихъ князей югъ Руси продолжалъ быть все еще весьма интересной, богатой страной, выпускать которую изъ подъ своей власти было не удобно. Особенно старились они сохранить за собой пограничную со степью полосу земель какъ на правой, такъ и на лѣвой сторонахъ Днѣпра, понимая, что эта полоса играетъ весьма важную роль въ дѣлахъ южно-русской политики. Въ концѣ XII ст. наблюдается стремленіе южно-русскихъ земель общими усиліями отстоять свою независимость. Разумѣется, Переяславльская земля, составляя большой интересъ въ этомъ отношеніи, примыкала къ тѣмъ землямъ, которыя составляли главное объединяющее ядро южно-русской политики: кто хотѣлъ владѣть югомъ Руси—тотъ по необходимости долженъ былъ вѣдаться и съ Переяславлемъ. Ольговичи, задумавъ создать изъ большинства южно-русскихъ земель одно государство, стараются захватить этотъ городъ въ свои руки, но этому въ значительной степени противодѣйствуетъ суздальскій князь, стараясь не выпускать его изъ подъ своего вліянія, примѣняя для этого всевозможнаго рода способы: переговоры, брачныя связи, силу и проч. Такъ, подчиненный Суздалю переяславльскій князь, Владиміръ Всеволодовичъ, недавно назначенный въ Переяславль, входитъ въ тѣсныя, дружественныя отношенія съ черниговскимъ княземъ. Понятно, такой союзъ двухъ смежныхъ земель не особенно то нравился половцамъ, и послѣдніе рѣшаютъ теперь сдѣлать нападеніе на Переяславльскія земли. Въ 1215 году они съ большими силами вторгнулись въ Пере-

---

1) Погодинъ, I, стр. 345; Костомаровъ I, стр. 233. Татищевъ, Ш, 380—1.

2) „Воскр.“ с. 118. Мнѣніе Голубовскаго (Ист. Сѣв. з., с. 179—180), будто на выручку осажденнаго Чернигова явился изъ Переяславля Глѣбъ Святославичъ—не можетъ быть убѣдительнымъ, т. к. оно ни на чемъ не основано: въ лѣтописяхъ нѣтъ никакихъ указаній на этотъ счетъ. Откуда взялъ это г. Голубовскій—неизвѣстно.

3) Лавр. л., с. 416; Ник. л., с. 69; Воскр. л., с. 119; Татищевъ, Ш, 376, 385; Голубовскій, Ист. сѣв. з., с. 180. Экземплярскій, т. II, с. 256 и 272; Зотовъ, с. 64.

яславльскіе предѣлы. Владиміръ Всеволодовичъ поспѣшилъ выступить съ войскомъ противъ половцевъ, чтобы отразить ихъ. Противники встрѣтились на рѣкѣ Ворсклѣ и вступили въ бой. Не смотря на численное превосходство, половцы были побѣждены, и Владимиръ съ торжествомъ возвратился въ Переяславль [1]). Вскорѣ, однако, половцы опять напали на Переяславльскую землю. Владиміръ быстро выступилъ на враговъ и неосторожно гнался за ними до р. Хорола. Русскіе потерпѣли здѣсь страшное пораженіе: часть войска легла на мѣстѣ, часть же—попала къ половцамъ въ плѣнъ вмѣстѣ со своимъ княземъ, Владиміромъ Всеволодовичемъ, который былъ уведенъ половцами въ степи [2]), гдѣ и оставался до 1218 года, когда, за большой выкупъ, онъ получилъ возможность освободиться изъ неволи. Возвратившись домой, Владиміръ Всеволодовичъ явился къ братьямъ, въ Суздаль и получилъ отъ нихъ теперь не Переяславль, а Стародубъ (Суздальскій) и нѣкоторыя другія земли—„даша ему (братья) Стародубъ и ину властьцю"—говоритъ лѣтопись [3]). Что касается Переяславля Южнаго, то въ немъ, послѣ плѣненія половцами Владиміра Всеволодовича, былъ княземъ опять Владиміръ Рюриковичъ, о которомъ лѣтопись упоминаетъ, что онъ ходилъ *изъ Переяславля* помогать Мстиславу Мстиславичу въ войнѣ послѣдняго съ Ярославомъ Всеволодовичемъ [4]). Мстиславу Романовичу, конечно, было выгоднѣе имѣть княземъ въ Переяславлѣ Рюриковича, чѣмъ кого либо другого. Впрочемъ, Владиміръ Рюриковичъ вскорѣ ушелъ въ Смоленскъ, и Переяславль такимъ образомъ снова переходитъ въ другія руки.

Мы не знаемъ точно, кто княжилъ въ Переяславлѣ послѣ ухода изъ послѣдняго Владиміра Рюриковича. Судя по всему, Переяславль очутился опять во власти своихъ ближайшихъ сосѣдей—Ольговичей. Изъ Суздаля, занятаго въ это время междоусобной борьбой, князей на югъ не посылали. Кіевскій князь, Мстиславъ Романовичъ, озабоченный сосѣдствомъ Галича, не могъ, конечно, сосредоточить въ сво-

---

[1]) Татищевъ, III, 385.

[2]) Лавр. л., с. 417; Ник. л., с. 69; Воскр. л., с. 119; Густин. с. 334. Въ Никон. лѣтописи, при описаніи этого сраженія разсказывается, что половцы, завязавъ битву у рѣки, незамѣтно перешли ее и съ крикомъ ударили на русское войско, осыпая его стрѣлами, и такимъ образомъ одержали полную побѣду; здѣсь же были убиты два русскихъ богатыря: Дмитръ и Иванъ. Татищевъ (Ш, 386) передаетъ, что половцы, отступая, хотѣли завлечь Владиміра за рѣку, но воеводы, подозрѣвая ловушку, совѣтовали не переходить рѣки, а, воспользовавшись ночью, уходить домой. Тогда половцы, видя, что ихъ маневръ не удается, поспѣшили выслать войско черезъ рѣку, чтобы отрѣзать Владиміру дорогу къ отступленію. Половцы достигли цѣли: они зашли русскимъ стылу и побѣдили ихъ.

[3]) Ник. л., с. 80; Воскр. л., с. 125. Стародубъ—находился недалеко отъ города Владиміра на Клязьмѣ. См. Экземплярскаго, т. II, с. 175.

[4]) Воскр. л., с. 119; Погодинъ, т. I, с. 416. Татищевъ, Ш, с. 387. Интересно, что во время этой войны участвовали какіе то *бродники*, пришедшіе, вѣроятно, съ переяславльскимъ княземъ.

ихъ рукахъ всѣхъ приднѣпровскихъ земель. Между тѣмъ, семья Ольговичей владѣла въ это время обширной территоріей на лѣвой сторонѣ Днѣпра и готовилась къ еще большему расширенію ея. Мстиславъ и Олегъ Святославичи,—родичи Всеволода Чермнаго — владѣли: первый—Черниговомъ, второй—Курскомъ [1]) Судя по тому, какъ зорко слѣдили за лѣвобережными землями Ольговичи, можно полагать, что и Переяславль находился въ, ихъ рукахъ. Кажется, здѣсь княжилъ въ это время сынъ черниговскаго князя — Ярославъ Мстиславичъ, который, въ качествѣ переяславльскаго князя, участвуетъ въ походѣ князей въ 1219 г. на Галичъ [2]) и затѣмъ совершаетъ походъ на половцевъ [3]).

Въ 1224 году Переяславльская земля принимала дѣятельное участіе въ походѣ русскихъ князей противъ татаръ: она выставила отъ себя союзное войско. Олегъ Курскій храбро дрался съ татарами [4]). Послѣ несчастія, постигшаго русскихъ въ 1224 г. въ битвѣ на Калкѣ, гдѣ погибли кіевскій и черниговскій князья, Кіевъ достался Владиміру Рюриковичу. Послѣдній былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Суздальскимъ княземъ Юріемъ II, который старается теперь составить на югѣ такую политическую комбинацію, чтобы сохранить за собой свои отчинныя днѣпровскія земли. По настоянію Юрія II, Олегъ Святославичъ, завладѣвшій послѣ калкской битвы Черниговомъ, долженъ былъ уступить его Михаилу Всеволодовичу [5]), приходившемуся шуриномъ Юрію II, а самъ, кажется, владѣлъ въ это время Курскомъ и Переяславлемъ.

Конечно, суздальскіе князья, находясь вдали отъ юга, не могли разсчитывать постоянно на прочныя связи съ Переяславлемъ. Черниговъ же былъ ближе и всегда могъ оказать на этотъ городъ свое вліяніе. Поэтому суздальскіе князья, стараются удержать Переяславль въ своей власти, по большей части, черезъ Ольговичей, съ которыми они начинаютъ входить въ родственныя отношенія.

Въ 1227 году Юрій Всеволодовичъ назначилъ въ Переяславль княземъ своего племянника, Всеволода Константиновича, Олегъ же Святославичъ въ это время получилъ Черниговскій столъ [6]). Въ слѣдующемъ году этотъ Всеволодъ женится въ Переяславлѣ южномъ на дочери Олега Святославича [7]). Весьма вѣроятно поэтому, что Олегъ Святославичъ и считался и былъ раньше Переяславльскимъ княземъ.

---

[1]) Арцыбашевъ, с. 316, 318. Зотовъ, с. 101—117.

[2]) Татищевъ, Ш, с. 425

[3]) Татищевъ, Ш. с. 518, прим. 610, различаетъ Ярослава Суздальскаго отъ Ярослава Переяславля Русскаго.

[4]) Татищевъ, Ш, с. 436.

[5]) Татищевъ, Ш, с. 443. Юрій II былъ женатъ на дочери Всеволода Чермнаго.

[6]) Воскр. л., П. С. Р. Л., с. 134; X, 94; Багалѣй, 263; Зотовъ, с. 101.

[7]) Ibidem.

Подобный примѣръ пріобрѣтенія суздальскимъ княземъ вліянія на Переяславль при помощи брака мы уже видѣли раньше, когда Владиміръ Всеволодовичъ, женившись на дочери Глѣба Святославича, получилъ во владѣніе г. Переяславль. Всеволодъ Константиновичъ былъ въ Переяславлѣ не долго: въ 1228 году его замѣнилъ, по желанію великаго князя суздальскаго, Святославъ Всеволодовичъ, внукъ Юрія Долгорукаго [1]).

Намъ остается теперь разсмотрѣть краткій періодъ времени жизни днѣпровскаго лѣвобережья передъ татарскимъ нашествіемъ на Южную Русь въ 1239 году.

Мы не знаемъ, долго-ли княжилъ Святославъ Всеволодовичъ въ Переяславлѣ южномъ: въ 1234-мъ году мы уже видимъ его на сѣверѣ, въ Юрьевѣ Польскомъ [2]).

Кіевская земля, потерявшая своего князя, Мстислава Романовича, погибшаго въ степяхъ, во время несчастной борьбы съ татарами на берегу Калки, въ 1224 г., начинаетъ переходить изъ рукъ въ руки. Въ 1225 г. Кіевомъ овладѣлъ Владиміръ Рюриковичъ, который и удержалъ его за собой, правда съ перерывами, до 1234 г. Въ 1234 году Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій разбилъ Владиміра Рюриковича, при г. Торческѣ, взялъ его въ плѣнъ и овладѣлъ Кіевомъ, который затѣмъ отдалъ Изяславу Владиміровичу, внуку Игоря Сѣверскаго, героя „Слова о полку Игоревѣ". Михаилъ Всеволодовичъ, какъ родственникъ суздальскому князю, получалъ поддержку со стороны послѣдняго, имѣвшаго, очевидно, виды на южную Русь. Вскорѣ Кіевъ очутился въ рукахъ Ярослава Всеволодовича, князя Переяславля Суздальскаго [3]). Ярослава смѣстилъ въ 1235 г. Владиміръ Рюриковичъ, а послѣдняго прогналъ въ томъ же году Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій [4]). Такимъ образомъ, Ольговичи добились таки обладанія Кіевомъ, и настолько прочно, что и послѣ перваго татарскаго нашествія они княжатъ въ Кіевской землѣ. Весьма вѣроятно поэтому, что Переяславль, игравшій роль переходнаго пункта для претендентовъ на кіевскій престолъ, все это время находился въ рукахъ Ольговичей, тѣмъ болѣе, что и земли, состоявшія затѣмъ въ большой зависимости отъ Ольговичей, какъ напр. Курскъ и вообще все Посемье, начинаютъ проявлять нѣкотораго рода связь съ Переяславлемъ, выразившуюся въ томъ, что князья курскіе одновременно именуются также и переяславльскими [5]).

---

[1]) Лавр. л., с. 429; Воскр. л., с. 134.

[2]) Экземплярскій. Вел. и удѣл. князья сѣв. Руси, с. 22.

[3]) Иловайскій. Ист. Рос., ч. II, Влад. пер., с 369; Сергѣевичъ. Вѣче и князь, с. 230. Грушевскій, Ист. Кіев. з., с. 286.

[4]) Ibidem.

[5]) См. объ этомъ у Зотова: О черниговскихъ кн. по люб. синодику. с. 112—117.

Трудно сказать, былъ ли кто княземъ въ Переяславлѣ послѣ ухода изъ послѣдняго Святослава Всеволодовича. Быть можетъ, считаясь владѣніемъ Ольговичей, этотъ городъ, при постоянныхъ неурядицахъ изъ за Кіева, и не имѣлъ у себя князя, а управлялся, какъ это обнаружилось потомъ, при помощи духовнаго лица, епископа Симеона.

Въ 1239 году, послѣ погрома сѣверо-восточной Руси, отдохнувъ нѣсколько времени въ придонскихъ степяхъ, татары двинулись на Южную Русь. Страшнымъ ураганомъ прошли они сначала по лѣвой сторонѣ Днѣпра, черезъ земли переяславльскія, черниговскія, и Посемье, а затѣмъ обрушились и на правую. Г. Переяславль, отказавшій татарамъ въ покорности, былъ взятъ приступомъ; церковъ св. Михаила, сначала ограбленная татарами, была разрушена; епископъ Симеонъ убитъ, городъ сожженъ, большинство жителей попало въ плѣнъ [1]). Такой же печальной участи, не смотря на свое отчаянное сопротивленіе, подвергся г. Черниговъ, а затѣмъ и Кіевъ [2]).

Овладѣвъ Приднѣпровьемъ, татары основали въ Переяславльской землѣ сильный военный станъ, откуда зорко наблюдали за всей Южной Русью. Татарскій воевода, Куремса, стоялъ съ войсками въ Переяславлѣ. Въ послѣдній, въ 1245 г., являлся Романъ Мстиславичъ для предварительныхъ переговоровъ съ татарами на счетъ своего дальнѣйшаго путешествія къ Батыю [3]).

Со времени разрушенія татарами Кіева, Переяславльская земля, лишившись своей политической организаціи, поддерживаемой князьями, подпадаетъ власти татаръ, надолго оставившихъ здѣсь тяжелую печать своего хищнаго владычества

---

¹) Ипат. л., с. 520; Лавр. л., с. 446; Густ. л., с. 338; Ник. л., с. 114; Воскр. л., с. 143.

²) Ibidem; См. также Зотова, с. 101.

³) Костомаровъ, I, с. 251; Н. Дашкевичъ. Кн. Даніила Галиц., с. 136.

VIII.

Общественное устройство и бытъ Переяславльской земли въ удѣльно-вѣчевой періодъ.

Остатки старины въ общественномъ строѣ Переяславльской земли. Земщина, вѣче и ихъ значеніе въ странѣ. Княжеская власть, ея прерогативы и отношеніе къ землѣ. Общественные классы въ Переяславльской землѣ. Должностныя лица. Составъ дружины и ея значеніе. Доходы князя и служащихъ при немъ лицъ. Военная и городовая организація въ странѣ. Духовенство, его власть и дѣятельность въ Переяславльской землѣ. Религіозный бытъ. Результаты общественно-политической жизни русскаго юга въ половинѣ XIII ст.

Приступая къ разсмотрѣнію общественнаго строя Переяславльской земли въ удѣльно-вѣчевой періодъ, мы должны, для выясненія генетической связи общественныхъ формъ, коснуться въ самыхъ общихъ, краткихъ чертахъ, вопроса объ основныхъ элементахъ той общественной и политической организаціи, которая существовала въ Переяславльской землѣ на зарѣ исторіи, въ предшествующее разсматриваемому періоду время. Мы должны, насколько возможно, указать на остатки въ общественномъ организмѣ тѣхъ примитивныхъ формъ, которыя, переходя въ другія, новыя, остаются все еще замѣтными и въ послѣдующія времена. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ чрезвычайно скудные, немногочисленные и при томъ крайне смутные источники объ отдаленномъ прошломъ нашей земли по данному вопросу.

Племя сѣверянъ, изъ котораго образовалось въ историческое уже время два отдѣльныхъ княжества,—черниговско-сѣверское и переяславльское,—съ незапамятныхъ временъ отличалось довольно высокой, сравнительно съ нѣкоторыми изъ своихъ сосѣдей, культурой. Археологическія находки вполнѣ подтверждаютъ вышесказанное, и лѣтописное сообщеніе о „звѣринскомъ“ образѣ жизни сѣверянъ отличается явной тенденціозностью. Напротивъ, въ историческое время сѣверяне являются уже на довольно значительной степени политическаго развитія. Къ сожалѣнію, прослѣдить процессъ эволюціи общественной и политической жизни сѣверянъ съ древнѣйшихъ временъ чрезвычайно трудно. Все, что можно сдѣлать въ этомъ дѣлѣ,—это установить, путемъ аналогіи, общія черты древней жизни сѣверянъ до начала группировки ихъ въ крупное политическое тѣло.

Переяславльская земля, подобно другимъ областямъ южной Руси, въ развитіи своихъ общественно-бытовыхъ формъ, переживала тѣже фазисы развитія, какіе присущи вообще всему славянскому міру. Общественныя учрежденія Переяславльской земли, слагаясь въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ, очень долгое время хранили въ своей организаціи типичныя, характерныя черты глубокой старины. Правда, условія жизни южнаго отдѣла территоріи сѣверянъ были нѣсколько иныя, чѣмъ другихъ областей южной Руси, и Переяславльская земля, уже съ незапамятныхъ временъ, должна была серьезно считаться съ ними; но это обстоятельство не только не разрушало ея общественнаго строя, а, напротивъ, скорѣе способствовало укрѣпленію и росту въ ней тѣхъ общественныхъ началъ, которыя были выработаны въ предшествующее, отдаленное вѣками время.

О характерѣ общественной жизни сѣверянъ въ отдаленную отъ насъ длиннымъ рядомъ вѣковъ эпоху мы знаемъ очень мало. Судя, однако, по тѣмъ немногочисленнымъ, отрывочнымъ даннымъ, которыя дошли до насъ отъ лѣтописнаго времени, и сравнивая другія славянскія племена, можно полагать, что основой общественной жизни южныхъ сѣверянъ въ древнѣйшее время была семейная община, родъ. Общинно-родовая организація русскихъ славянъ, въ X—XI ст., достигла уже той стадіи развитія, когда разрозненныя, разсѣянныя общины стали сознавать свое племенное единство и проявлять цѣлый рядъ попытокъ къ регулированію помощью общественной власти своихъ частныхъ, основанныхъ на личномъ произволѣ отношеній. Интересы общественной жизни, требовавшей постояннаго и дѣятельнаго отношенія къ дѣламъ внѣшнимъ и внутреннимъ, рано способствовали возникновенію постоянныхъ иститутовъ, облеченныхъ, конечно, всѣми необходимыми прерогативами власти. Объединительнымъ элементомъ, регулировавшимъ отношенія земскихъ общинъ, было такъ называемое *вѣче*, начало котораго относится ко временамъ глубокой древности. Вѣчевая организація существовала рѣщительно во всѣхъ русскихъ земляхъ, конечно, видоизмѣняясь подъ вліяніемъ различнаго рода условій [1])

Слѣды общинно-вѣчеваго устройства въ среднемъ Приднѣпровьѣ сохранялись въ теченіе очень долгаго времени, являясь здѣсь со всѣми своими типичными, характерными чертами. Общественное пользованіе лѣсами, пастбищами, лугами, пахотью и проч.,—пользованіе, практиковавшееся еще въ сравнительно очень недавнее время въ широкихъ размѣрахъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра [2]), остатки копныхъ судовъ,

---

[1]) См. соч. Сергѣевича. Вѣче и князь.

[2]) См. объ этомъ И. Лучицкаго. Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общинныхъ земель въ лѣвобережной Украинѣ, 1884 г. Въ грамотахъ и актахъ XVI

цеховъ[1]), рыболовныхъ малороссійскихъ артелей, кулачныхъ боевъ и пр.,—все это ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что общинная жизнь имѣла здѣсь глубокіе корни въ народѣ и уступала только подавляющей силѣ времени, только послѣ цѣлаго ряда метаморфозъ, переживаній.

Въ Переяславльской землѣ земское начало еще очень рано достигаетъ широкаго развитія и яснаго сознанія своихъ существенныхъ интересовъ и задачъ. Съ незапамятныхъ временъ, еще на зарѣ исторіи, замѣчается стремленіе населенія поддержать эту общественную жизнь. Такъ, въ X в., какъ извѣстно, кіевскій князь, вступая въ компромиссъ съ Царьградомъ, выговариваетъ отъ послѣдняго *въ пользу* своихъ городовъ—и въ томъ числѣ *Переяславля*, — извѣстныя суммы денегъ, такъ называемые лѣтописью „углады", и нѣкоторыя льготы, касающіяся торговли и пребыванія русскихъ купцовъ въ Цареградѣ[2]). Понятно, если бы Переяславль находился въ полномъ подчиненіи кіевскому князю, то послѣднему, не для чего было бы и хлопотать о каждомъ городѣ *въ отдѣльности*. Судя по всему, Переяславльская земля входила въ какія то федеративныя отношенія къ князю объединителю Русской земли. Но если крупный городской центръ, какимъ яв-

---

и XVII ст. мы находимъ многочисленныя доказательства общиннаго владѣнія землями на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Мы приведемъ для наглядности нѣкоторыя изъ нихъ. Такъ, изъ грамоты д. Бѣлики (остер. сотни), выданной въ 1594 г., видно, что существовали земли, находившіяся въ общемъ владѣніи и пользованіи всѣхъ представителей одного рода, съ правомъ, однако, передачи пользованія своей паевой части кому либо другому. Въ описи д. Бѣликовъ 1766 г. читаемъ: „въ нихъ. Бѣликовцевъ, имѣется подъ поселеніемъ ихъ въ *общемъ владѣніи земля* (пахотныя поля и сѣнокосы), кромѣ тѣхъ, которые уже при дворахъ ихъ, доведшись по миролюбивой ихъ розделки, показанное такожъ и лѣса, при семъ лежащіе, имъ бывшимъ бояромъ, Бѣликовичамъ, пожалованнымъ привилегіямъ... данное. И съ тѣхъ грунтовъ состоять въ *общемъ ихъ владѣніи* поле, показанное при дворахъ ихъ, сѣнокосъ близъ деревни и два лѣса,—старый и дровяной, при журавлиномъ болотѣ и въ деснянскомъ лузѣ". Затѣмъ, въ актахъ прошлаго вѣка есть указаніе, что с. Дениси (полтавской губ.) владѣло сѣнокосомъ на р. Супоѣ, который находился въ общемъ пользованіи нѣсколькихъ лицъ. Въ актахъ о селѣ Неданчичахъ (черниг. губ.) сказано: „лѣсу на 20 верстъ окружности, совокупно съ обывателями той деревни; рыбныя ловли—тоже совокупно". См. И. Лучицкій. Сябры и сябринное землевлад. въ Малор., с. 16, 27, 30 и пр. Если на сябринное землевладѣніе и нельзя смотрѣть, какъ на чисто общинное, отъ котораго оно нѣсколько отличается, то во всякомъ случаѣ, оно могло возникнуть и привиться только на подготовленной почвѣ, содержащей въ себѣ значительные остатки общиннаго быта, общиннаго пользованія угодьями и проч. Въ документахъ конца XVII в. есть указанія, что на нижней Сулѣ, близъ с. Еремѣевки, „луга были вольни, и все ходыло по общему". Кіев. Стар. 1885 г., ноябрь: Сообщенія старожиловъ с. Еремѣевки, записанныя въ актахъ объ общемъ пользованіи землей.

[1]) См. ст. г-жи Ефименко: Копные суды въ лѣвобережной Украинѣ, Кіев. Стар., 1885 г., октябрь, с. 189—203 О братствахъ и цехахъ въ Полтавщинѣ. См. Кіев. Стар., 1885, сентябрь.

[2]) Ипат. л., с. 18, 30.

лялся Переяславль въ X в., представлялъ собою общественный организмъ, съ которымъ приходилось считаться довольно серьезно, то не меньшую роль играли также меньшая братія,—мелкіе города Переяславльской земли. Такъ, при Владимірѣ св., мы видимъ какое-то крупное волненіе, возстаніе городовъ въ лѣвобережной Украинѣ, для усмиренія которыхъ и былъ отправленъ св. Борисъ[1]). Опасенія на счетъ поворота общиннаго элемента Переяславльской земли въ невыгодную для Кіева сторону, заставили кіевскаго князя выдѣлить Переяславльскую землю въ отдѣльное княжество, находившееся, однако, въ постоянной и тѣсной связи съ Кіевомъ и игравшее видную роль въ дѣлахъ послѣдняго: переяславльскій столъ служилъ какъ бы переходной ступенью къ кіевскому, и каждый князь, который добивался Кіева, не иначе попадалъ въ послѣдній, какъ черезъ Переяславль.

Такое выдающееся положеніе Переяславльской земли обусловливалось особенностями историческихъ условій жизни этой страны и ея общественно-политическаго устройства. Подъ вліяніемъ безпокойной, тревожной жизни, подвергавшейся постояннымъ нашествіямъ кочевниковъ, съ востока, въ предстепной окраинѣ Русской земли рано начинаетъ проявляться стремленіе къ организаціи самозащиты и сплоченію родственныхъ по языку, нравамъ и вѣрѣ общинъ въ тѣсный, болѣе или менѣе организованный союзъ. Возраставшая опасность заставляла находящіяся въ сосѣдствѣ общины совмѣстными усиліями строить значительныя по величинѣ и солидности укрѣпленія для надежнаго убѣжища и общей защиты въ нихъ, въ случаѣ нападенія враговъ. Кромѣ того, безконечныя столкновенія съ кочевниками, приходившими обыкновенно „въ силѣ тяжцѣ", рано заставили земскій элементъ принимать дѣятельное, живое участіе въ борьбѣ съ врагами,—участіе, которое только одно и могло болѣе или менѣе успѣшно гарантировать общественную безопасность, такъ какъ центральная власть не всегда располагала достаточными для того боевыми силами. Эта постоянная опасность со стороны степи создала въ различныхъ мѣстахъ страны спеціальный классъ воиновъ, подчиненныхъ особымъ военачальникамъ, такъ называемымъ общиннымъ старѣйшинамъ, болѣе крупные изъ которыхъ извѣстны въ лѣтописи подъ именемъ *свѣтлыхъ князей*[2]). Во-

---

[1]) Сказанія о свв. Борисѣ и Глѣбѣ, издан. акад. Срезневскимъ, с. 11.

[2]) Можно указать многочисленные примѣры, что богатыя страны, находившіяся по сосѣдству съ полудикими племенами, подвергались постояннымъ хищническимъ набѣгамъ, приносившимъ варварамъ богатую добычу. „Были такія варварскія племена,—говоритъ Каутскій,—у которыхъ грабежъ цивилизованныхъ сосѣдей составлялъ главный способъ пріобрѣтенія". „Но благосостояніе, доставляемое земледѣліемъ,—читаемъ мы дальше,—постоянно подстрекаетъ варварскія, пастушескія подвижныя племена на хищническіе набѣги; земледѣльцу приходится бросать свои по-

енная земская сила сѣверянъ, существовавшая и въ хазарское время, въ X в. является уже настолько значительной, что кіевскій князь, послѣ упорной борьбы съ сѣверянами, налагаетъ на нихъ легкую дань, и они далѣе выступаютъ въ исторіи скорѣе союзниками Кіева, чѣмъ подчиненными ему данниками. Такимъ образомъ, Переяславльская земля, еще до перехода подъ власть кіевскихъ князей, уже имѣла въ себѣ готовый, закаленный въ бояхъ земскій элементъ, который былъ чрезвычайно важенъ для Русской земли. Этотъ земскій элементъ, рано выдвинутый на историческую сцену естественными условіями жизни страны, имѣлъ, конечно, свою особую организацію, свои стремленія и задачи. Онъ выступаетъ въ исторіи подъ именемъ переяславльцевъ, курянъ, путивльцевъ и пр.

Несомнѣнно, переяславльское вѣче, община, принимали дѣятельное участіе въ дѣлахъ *внѣшней* и *внутренней политики*. Вопросы о войнѣ и мирѣ не могли, конечно, обсуждаться безъ участія земскаго элемента. Но въ удѣльно-вѣчевой періодъ земское ополченіе, какъ извѣстно, не было обязательной государственной повинностью; оно составлялась исключительно по желанію народа, который брался за оружіе всякій разъ, когда странѣ грозила крупная опасность отъ враговъ. Въ лѣтописи имѣются чрезвычайно скудныя свѣдѣнія на этотъ счетъ, но все же они чрезвычайно характерны. Такъ, уже во время Владиміра св. мы замѣчаемъ участіе земскаго элемента Переяславльской земли въ борьбѣ съ кочевниками: земскія войска дѣйствовали противъ печенѣговъ на ряду съ княжескими [1]). Незадолго передъ кончиной Владиміра св., князь Борисъ дѣйствовалъ въ степяхъ лѣвой стороны Днѣпра съ отцовскою дружиной и земскимъ ополченіемъ [2]). Далѣе, во время борьбы Ярослава I съ Мстиславомъ Тмутороканскимъ, въ войскахъ послѣдняго находились ополченія сѣверянъ днѣпровскаго лѣвобережья, которое вскорѣ перешло подъ власть Мстислава [3]). Безъ сомнѣнія, въ этихъ ополченіяхъ были и переяславльцы. Серьезная

левыя работы и готовиться къ защитѣ. Единственный выходъ изъ такого тяжелаго положенія—это *дань* на военныя нужды, которыя пораждаютъ военныя касты, появленіе которыхъ можно замѣчать всюду, гдѣ земледѣліе становится главной отраслью производства: военная каста на этой ступени развитія является экономической необходимостью". Карлъ Каутскій. Очерки и этюды, с. 69—70. Вообще, изслѣдователи соціальной жизни славянъ приходятъ къ выводу, что „первое распаденіе однообразной свободной массы населенія на данниковъ и лицъ обязанныхъ нести военную службу и земскія работы, произошло съ возникновеніемъ государства". А Ясинскій. Паденіе земскаго строя въ Чешскомъ государствѣ (X—XIII вв.) К., 1895, с. 74.

[1]) Ипат. л., с. 84; Лавр. л., с. 120.

[2]) Ипат. д., с. 90; Лавр. л., с. 127, 129; См. Сказанія о свв. Борисѣ и Глѣбѣ, издан. Срезневскимъ; Бѣляевъ. Разсказы изъ рус. ист. I, с. 79.

[3]) Ипат. л., с. 104—105.

борьба съ кочевниками на юго-востокѣ способствовала болѣе солидной организаціи страны во второй половинѣ XI в., подъ управленіемъ Всеволода. Въ періодъ правленія послѣдняго въ Переяславлѣ земскій элементъ выступаетъ въ борьбѣ съ врагами довольно ясно[1]). Затѣмъ, во времена Мономаха. участіе земства въ дѣлахъ внѣшнихъ еще замѣтнѣе. Такъ, въ 1095 г. Владиміръ Мономахъ совѣщается о военныхъ дѣлахъ съ дружиною Ратиборовой чадью, которая, какъ и младшая княжеская дружина, заключала въ себѣ элементы и низшаго класса народа[2]). Затѣмъ мы имѣемъ въ лѣтописи неоднократныя, ясныя указанія на участіе переяславльцевъ во многихъ важнѣйшихъ дѣлахъ страны. Такъ, въ 1125 году, они съ Ярополкомъ разбиваютъ половцевъ у Полкостѣня[3]); въ 1135 г. выступаютъ съ Ярополкомъ къ Кіеву[4]); въ 1138 году идутъ войной къ Чернигову[5]), въ 1146 году Изяславъ съ дружиной и переяславльцами двинулся къ Кіеву[6]). Въ 1149 г. переяславльцы старались отклонить Изяслава Мстиславича отъ борьбы съ Юріемъ Долгорукимъ; того же добивался и епископъ переяславльскій, Евфимій, находившійся въ полномъ согласіи съ народомъ и бывшій, вѣроятно, его посредникомъ; наконецъ, во время битвы подъ Переаславлемъ, въ 1149 году, переяславльцы *рѣшаютъ* перейти на сторону Юрія[7]); въ 1154 г. переяславльцы крѣпко бились противъ Глѣба Юрьевича[8]); въ 1169 году „переяславльци, дерзи суще“ ѣздили впереди войска съ шедшимъ на половцевъ Михалкомъ Юрьевичемъ, который, послѣ побѣды, прибылъ въ Кіевъ „с Переяславці и с Берендѣи“[9]); во время войны съ половцами Владиміръ Глѣбовичъ ѣздилъ впереди войска, въ „старожихъ“ съ переяславльцами[10]). Вообще, переяславльцы рано принимаютъ дѣятельное участіе въ военныхъ дѣлахъ страны и дѣствуютъ въ послѣдней не только наравнѣ съ княжеской дружиной и княжескими войсками, но иногда и помимо ихъ.

Что касается дѣлъ *внутреннихъ*, то и здѣсь сознаніе присущихъ общинѣ правъ сохраняется чрезвычайно долго. Вѣдѣнію вѣча подчи-

---

[1]) Ипат. л., с. 114—115 и пр.

[2]) Ипат. л., с. 159. Проф. Владимірскій-Будановъ. Обзоръ исторіи русскаго права, стр. 29—30.

[3]) Лавр. л., с. 281. „Ярополкъ же князь укрѣпився и иде по нихъ съ Божьею помощьѣ, не жда отъ брата помощи, ни отъ другого, толко с Переяславци постиже я“. Ипат. л., с. 209.

[4]) Ипат. л., с. 214; Ник. л., IX, с. 158.

[5]) Ипат. л, с. 216; Лавр. л., с. 290.

[6]) Лавр. л.. с. 297.

[7]) Ипат. л. с. 266—7. Татищевъ (II, с. 346) говоритъ, что переяславльцы еще до сраженія имѣли тайную пересылку съ Юріемъ, желая имѣть его у себя княземъ.

[8]) Ипат. л., с 325; Лавр. л., с. 325.

[9]) Лавр. л., с. 341—2; Ипат. л., с. 380—81.

[10]) Лавр. л.. 375.

нялись *судебная* и *законодательныя* части, что обнаруживается изъ того участія, какое принималъ представитель Переяславльской земли, тысяцкій, въ реформированіи статей Русской Правды [1]). Несомнѣнно, земство лѣвой стороны Днѣпра пользовалось примѣненіемъ статей кодекса древняго русскаго обычнаго права. Переяславльское вѣче пользовалось правомъ участія въ заключеніи политическихъ союзовъ, политическихъ сношеній [2]), торговыхъ договоровъ и пр. Княжеская власть являясь съ лучшей, болѣе строгой, правильной политической организаціей, оказывала весьма сильное вліяніе на общины, направляя и руководя дѣятельностью послѣднихъ. Это обстоятельство было причиной того, что община, заслоняемая постепенно княжескою властью, стушевывалась все больше и больше, становясь мало-по-малу орудіемъ княжеской политики. Энергичное, дѣятельное участіе лучшихъ переяславльскихъ князей въ земскихъ дѣлахъ способствовало тому, что община не могла проявлять здѣсь того широкаго участія въ дѣлахъ края, какъ это наблюдается въ другихъ русскихъ земляхъ. Поставленная лицомъ къ лицу съ врагомъ, переяславльская община сосредоточивала все свое вниманіе главнымъ образомъ на дѣлахъ внѣшнихъ,—на отраженіи враговъ, что наносило большой ущербъ дѣламъ внутреннимъ. Однако, слабѣя чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше, переяславльская община все еще очень долгое время продолжала хранить въ себѣ воспоминанія о своихъ правахъ, своихъ привилегіяхъ, и, при удобныхъ случаяхъ, дѣлала попытки вновь возстановить ихъ. Сознаніе, своего права избранія или приглашенія князя проявляется не разъ среди переяславльцевъ, когда наступаютъ благопріятныя для того времена. Такъ, въ 1147 году переяславльцы или же, по крайней мѣрѣ часть ихъ, приглашали Глѣба къ себѣ на княженіе: „хотятъ тя переяславльцы" передавали посланные Глѣбу Юрьевичу [3]). Затѣмъ, мы имѣемъ довольно ясное указаніе на то, что переяславльская община оказывала довольно сильное давленіе на князя Вячеслава, который, въ 1134 году добровольно оставляетъ переяславльскій столъ [4]), не смотря на то, что послѣдній былъ въ то время предметомъ домоганія многихъ князей. Очевидно, занимать столъ при народномъ неудовольствіи, было трудно. Далѣе, въ 1202 г., переяславльцы просятъ назначить имъ князя. „Переяславльци же, говорится въ лѣтописи, поимше князя сво-

---

[1]) Бѣляевъ. Разсказы изъ рус. ист., I, стр. 219; Арцыбашевъ, с. 362, примѣч. ХСIII.

[2]) Въ 1164 г. въ Греціи, при дворѣ императора Мануила находился *посолъ отъ Переяславльской земли* для участія въ обсужденіи церковныхъ дѣлъ. Лавр. л., с. 334. См. Владимірскаго-Буданова. Обзоръ ист. рус. пр., с. 15.

[3]) Ипат. л., с. 253; Лавр. л., с. 302; Ник. л., с. 177.

[4]) Ипат. л., с. 223; Воскр. л., с. 29.

его Ярослава, отъ св. Спаса, поидоша съ радостью великою, хваляще Бога и Святую Богородицу и святаго Михаила, давшаго имъ князя *его же желаша*" [1])

Оказывая нерасположеніе къ нелюбимымъ князьямъ, народъ проявляетъ трогательныя черты привязанности и любви къ тѣмъ изъ князей, которые умѣли ладить съ народомъ и стоять за его интересы. „О немъ стонала Украина", говоритъ лѣтописецъ, передавая о смерти переяславльскаго князя, Владиміра Глѣбовича.

Константировавъ несомнѣнные признаки существованія общинно-вѣчеваго строя въ Переяславльской землѣ, мы, тѣмъ не менѣе, за отсутствіемъ данныхъ, не можемъ дать положительныхъ указаній по нѣкоторымъ, весьма важнымъ вопросамъ. Такъ, мы не знаемъ доподлинно, какіе элементы пользовались *правомъ участія* въ вѣчевыхъ собраніяхъ. Судя по аналогіи съ сосѣдними землями, можно полагать, что всѣ свободные люди, какъ *добрые*, такъ и *малые*, т. е. и зажиточные, и малоимущіе, участвовали въ народныхъ собраніяхъ [2]). Вѣроятно, и духовныя лица, тѣсно связанные съ народомъ, могли принимать участіе, на вѣчѣ. Лѣтописи также ничего не сообщаютъ намъ ни о мѣстѣ, ни о *времени* и *порядкѣ* вѣчевыхъ сходокъ. Вѣче могли созывать, какъ и въ другихъ земляхъ, и цѣлая партія, и отдѣльныя лица, и князь. Рѣшеніе представлялось, вѣроятно, большинству.

Такимъ образомъ, на основаніи вышеприведенныхъ фактовъ, можно полагать, что общинно-вѣчевая жизнь въ Переяславлѣ, не смотря на многія неблагопріятныя условія, все же не угасла окончательно, а продолжала существовать, паравнѣ съ организаціей, проводимой князьями и ихъ ближайшими сотрудниками. Вѣчевой складъ жизни обнаруживался въ удѣльный періодъ не только въ Переяславлѣ, но и въ тянувшихъ къ нему земляхъ, хотя свѣдѣнія наши на этотъ счетъ отличаются крайней отрывочностью и неполнотой. Однако, мы знаемъ, что въ Курскѣ и въ сосѣднихъ съ нимъ мѣстахъ—Путивлѣ, Вырѣ, Вьяхани и пр. вѣчевой строй также является одной изъ существенныхъ чертъ народной жизни. Въ 1147 году, Мстиславъ И—чъ, узнавъ о движеніи въ Посемье Глѣба, „повѣдѣ объ этомъ куряномъ", которые отказались сражаться противъ *Володимероваго племени* и послали затѣмъ приглашеніе Глѣбу явиться къ нимъ на помощь [3]). Если прибавить къ этому, что и въ другихъ городкахъ Переяславльской земли были замѣтны признаки общино-вѣчеваго элемента, то заключеніе о распро-

---

[1]) Лавр. л., с. 395; Татищевъ, III, с. 332.
[2]) М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Обзоръ ист. рус. пр., с. 50—51.
[3]) Ипат. л., с. 251. Бѣляевъ, с. 204.

странености и живучести этого общественнаго элемента въ древнее время не можетъ подлежать сомнѣнію [1]).

Населеніе Переяславльской земли въ удѣльно-вѣчевой періодъ состояло изъ трехъ элементовъ; *людей свободныхъ*, *несвободныхъ* и *иноземцевъ*. Эти категоріи населенія не заключали, однако, въ себѣ сословій; послѣднихъ въ древней Руси не существовало: разница въ правахъ и положеніи населенія обусловливалась главнымъ образомъ свободнымъ или несвободнымъ состояніемъ и неравенствомъ экономическаго благосостоянія. Все свободное населеніе пользовалось одинаковыми правами, не взирая на имущественное неравенство, и распадалось на двѣ группы, имѣвшія многоразличныя общенія между собою:— *бояре* и *земскіе люди*. Бояре составляли высшую аристократію страны; они распадались на два отдѣла; *бояръ земскихъ*, т. е. туземныхъ [3]). и— *бояръ княжескихъ*, *дружинныхъ* [2]). Въ разсматриваемый періодъ второй классъ бояръ мало по малу переходилъ въ первый, становясь все болѣе и болѣе осѣдлымъ. Земскіе бояре очень долгое время занимали административныя, судебныя и военныя должности въ странѣ: тысяцкій, посадники, сотскіе и пр. выбирались изъ мѣстныхъ бояръ.

Бояре—дружинники составляли ближайшую свиту князя, были сподручниками его; они участвовали въ его совѣтѣ или думѣ; меньшіе, младшіе бояре исполняли низшія службы при князѣ; они входили въ составъ княжескаго войска и назывались дѣтскими, отроками, конюшими и пр. [4]).

Земскіе бояре, осѣдлые, обладали земельной собственностью; они вели обширное хозяйство, имѣли помѣстья, обладали большимъ количествомъ рогатого скота, лошадей и пр [5]). Бояре получали въ управленіе города, села или же области. Бояре княжеско-дружинные также владѣли имѣніями, которые пріобрѣтались на получаемыя за службу деньги. Такимъ образомъ, они являлись крупными землевладѣльцами. Въ число послѣднихъ входилъ и пришлый элементъ: варяги, чехи, угры, ляхи и пр. [6]).

---

[1]) О такой роли земщины во многихъ мѣстахъ страны мы узнаемъ изъ лѣтописи. Такъ, когда подовцы возвращались въ 1185 г. отъ Переяславля и напали на г. Римовъ, *римовичи* оказали имъ сопротивленіе. Неоднократныя указанія лѣтописи на то, что половцы нападали на Ромны, Снѣтинъ, Прилуки, и пр. и что жители ихъ успѣвали продержаться въ укрѣпленіяхъ до прихода князей, ясно говоритъ о существованіи у нихъ земскихъ военныхъ силъ.

[2]) Они иногда называются въ лѣтописи *лучшими людьми*, *нарочитыми людьми*, *грабскими старцами*. См. М. Владимірскій-Будановъ. Обзоръ ист. рус. пр., с. 27; М. Грушевскаго. Ист. Кіев. земли, с. 350.

[3]) М. Владимірскій-Будановъ. Обзоръ ист. рус. пр., с. 28.

[4]) Ibidem, с. 28—30.

[5]) Ипат. л., с. 274; Бѣляевъ, Крестьяне на Руси, с. 22.

[6]) М. Владимірскій-Будановъ, Op. cit., с. 29.

Земскіе бояре, однако, не вполнѣ сливались съ княжеской аристократіей, хотя передвиженія между ними замѣчаются довольно часто это происходило отъ неодинаковыхъ цѣлей этихъ двухъ отдѣловъ бояръ. Земская аристократія, находясь въ военной службѣ, слѣдила конечно, прежде всего за своими интересами всей земли; она входила въ составъ земской военной силы и сливала свои интересы съ интересами народа, съ которымъ она была тѣсно связана. Бояре - земцы съ большой энергіей отстаивали обще-земскіе интересы. Князьямъ, конечно, было выгодно заручиться содѣйствіемь этой земской аристократіи, которая составляла значительную силу въ странѣ. Боярскій классъ, представляя собой, вслѣдствіе постоянныхъ торговыхъ и промышленныхъ операцій съ богатыми странами востока и юга и внутры страны, крупныхъ капиталистовъ,—являлся весьма внушительной силой, въ зависимости отъ которой находилась масса сельскаго населенія, мелкіе городскіе торговцы и промышленники. Такимъ образомъ, капиталисты, какъ это видно изъ статей Русской правды, имѣли вліяніе въ странѣ, являясь ея главными руководителями. Они стояли во главѣ общинъ, занимали крупныя административныя должности и играли вообще видную роль.

Въ лѣтописи же есть указанія и на то, что князья чутко прислушивались къ голосу земскихъ бояръ, выступающихъ иногда подъ именемъ *лучшихъ людей.* Такъ когда Святополкъ рѣшилъ воевать въ 1093 г. съ половцами, Владиміръ Мономахъ, въ согласіи съ своими мужами, не совѣтовалъ идти войной; тѣже мужи выступаютъ и въ совѣтѣ, передъ самымъ началомъ битвы близъ Стугны. Конечно, земству другой страны не выгодно было сражаться за чуждые ему интересы, и оно всячески старается уклониться отъ борьбы. Опираясь на земскій элементъ, княжеская власть и начинаетъ играть такую видную роль въ Русской землѣ. Въ лѣтописи есть указанія, что Всеволодъ I и его сынъ Владиміръ Мономахъ окружали себя людьми молодшими, т. е. новей аристократіей, не принадлежавшей, повидимому, къ дружинной княжеской аристократіи.

Аристократія въ Переяславльской землѣ не достигаетъ полнаго развитія и особленія отъ остальной массы свободнаго населенія, вслѣдствіе чего мы и не видимъ здѣсь такого антагонизма между высшимъ и низшимъ классами, какъ это бывало въ другихъ земляхъ.

Остальное земское населеніе раздѣлялось на: *горожанъ* или *людей городскихъ* и *простыхъ людей,* обозначаемыхъ иногда словомъ *людіе* или же—*крестьяне*[1]); въ составъ послѣднихъ входили селяне, извѣстные подъ именемъ *смердовъ.* „Се дивно ми, дружино, говоритъ Мономахъ

---

[1]) Въ 1178 году Кончакъ много зла створи крестьяномъ“, Ипат. л., с. 414—415.

на съѣздѣ,—оже лошадь кто жалуетъ ею же ореть кто; а сего чему не разсмотрите, оже начнетъ смердъ орати, а Половчинъ ударить смерда стрѣлою, и кобылу его поиметь, а въ село въѣхавъ поиметь жену его и дѣти и все имѣнье его возьметъ" [1]). Сельское населеніе состояло изъ людей свободныхъ и несвободныхъ. Свободные сельскіе обыватели пользовались личными правами и правомъ наслѣдства, обладали движимымъ и недвижимымъ имуществомъ. Они жили или на своихъ земляхъ, составлявшихъ ихъ частную собственность, или же—на общинныхъ земляхъ [2]). Свободные люди, не отбывавшіе военной повинности, платили дань. Въ концѣ XI стол. они уже раздѣлялись на *старостъ* и *рядовичей*, т. е. на лучшихъ и худшихъ людей [3]).

Промежуточную ступень между свободными и несвободными людьми занимали такъ называемые Рус. Правдой *ролейные закупы* или просто *закупы*, наймиты, находившіеся въ полукрѣпостномъ состояніи у владѣльцевъ имѣній, гдѣ они сидѣли, выплачивая за сельско-хозяйственныя орудія и за землю [4]). Закупъ сохранялъ личную свободу; владѣлецъ безъ вины не могъ его быть: онъ считался такимъ образомъ членомъ общества, и за обиду его полагалась пеня [5]). Иногда и закупы назывались смердами. Несвободное населеніе представляло классъ рабовъ, извѣстныхъ подъ именемъ *челяди, рабовъ, холоповъ*. Они находились въ полной зависимости отъ своего владѣльца, у котораго исполняли домашнюю службу [6]). Рабовъ въ древнее время было очень много: ихъ доставляла война и задолженность свободныхъ людей, и они являются одной изъ важныхъ статей заграничнаго вывоза. Бѣжавшій отъ хозяина закупъ обращался въ раба. Впрочемъ, законодательство старается ограничить суровость судебныхъ нормъ относительно обращенія въ рабство [7]). Въ Переяславльской землѣ встрѣчается также классъ *купцовъ*, которые жили въ городахъ, лежавшихъ преимущественно по большимъ торговымъ путямъ [8]).

---

[1]) Ипат. л., с. 183.

[2]) Владимірскій-Будановъ. Обзоръ исторіи рус. права, с. 34.

[3]) Бѣляевъ. Крестьяне на Руси, М. 1891 г., с. 13—18.

[4]) Русская Правда, изданіе Калачева, с. 32—33; Бѣляевъ. Крестьяне на Руси: с. 15—18.

[5]) М. Владимірскій-Будановъ. Христоматія по ист. рус. права, с. 59—60; Бѣляевъ. Крестьяне на Руси, с. 15, 23.

[6]) Бестужевъ-Рюминъ, Рус. ист., I, с. 214. Бѣляевъ, Кр. на Руси, с. 16—23.

[7]) Бѣляевъ. Крестьяне на Руси, с. 16, 17, 23.

[8]) „Того жъ году пришли многіе Бѣловѣжцы въ Русь, которымъ Князь Великій повелѣлъ для поселенія земли отвести, *а купцы сѣли по разнымъ городамъ*", Татищевъ, II, с. 220. Въ 1835 г. въ Переяславлѣ за Альтою, былъ вырытъ изъ земли камень съ надписью на еврейскомъ языкѣ, которая гласитъ слѣдующее: „Сей столбъ поставленъ надъ возглавіемъ раввина Мардохея, для памяти потомкамъ въ 4997 году

Объ инородческомъ населеніи, занимавшемъ малонаселенные и опасные отдѣлы Переяславльской земли мы уже говорили раньше.

Однимъ изъ существенныхъ элементовъ общественнаго строя Переяславльской земли былъ *князь*. Централизаціонная княжеская власть, вышедшая изъ Кіева и подчинившая себѣ территорію сѣверянъ, явилась въ южномъ отдѣлѣ послѣднихъ на подготовленной почвѣ: здѣсь уже издавна существовала своя особая организація, состоящая изъ множества городскихъ общинъ, подчиненныхъ спеціальнымъ органамъ власти,—старшинамъ, и связанныхъ между собою федеративными узами въ подчиненіи одному центральному пункту—столицѣ. Такъ, уже въ X в., мы замѣчаемъ централизацію торговли, сосредоточившейся въ весьма крупномъ для того времени центрѣ,—Переяславлѣ. Но извѣстно, что централизація торговли ведетъ къ централизаціи всей экономической жизни страны. Вся страна, въ большей или меньшей степени, прямо или косвенно, становится въ экономическую зависимость отъ главнаго города, также какъ и отъ класса капиталистовъ. За экономической централизаціей слѣдуетъ централизація политическая, и центральный пунктъ торговли становится центральнымъ пунктомъ управленія" [1]).

Такимъ образомъ, развитію національнаго, политическаго единства, образовавшаго Землю, въ весьма значительной степени способствовалъ городской элементъ. Но развитіе и ростъ городской жизни Переяславльской земли находились въ тѣсной зависимости отъ развитія и роста сельскаго населенія, земледѣльцевъ, которые составляютъ основу благосостоянія и силу всякаго государства. Раньше мы имѣли уже случай показать, какъ широко было развито въ Переяславльской землѣ земледѣліе, какое важное значеніе имѣло оно вообще для всей страны и сколько городовъ было въ послѣдней [2]). Мы указали также и то значеніе, какимъ издавна пользовалась Переяславльская земля и ея жители и тѣ бѣдствія, какія съ незапамятныхъ временъ испытывала эта страна отъ безпрестанныхъ столкновеній съ кочевымъ міромъ.

Возставшее могущество Кіева сказывалось и на сосѣднихъ земляхъ, лежавшихъ въ бассейнѣ Днѣпра: всѣ онѣ, одна за другой, подпадаютъ власти, выросшей на средоточіи важныхъ торговыхъ путей. Подчинивши Переяславльскую землю своей власти, кіевскіе князья стараются исподволь проводить въ ней новыя начала, насаждаемыя на

да покоится душа его въ раю сладости". Переводя еврейское лѣтоисчисленіе на христіанское, получаемъ 1237-й годъ. См. Пассека, II, с. 144—5; Окрестности Переяславля. Слѣдовательно, въ Переяславлѣ въ домонгольскій періодъ жило еврейское населеніе, занимавшееся торговлей.

[1]) К. Каутскій. Очерки и этюды, стр. 82—3.

[2]) См. главу о торговлѣ и промышленности.

старой основѣ. Мѣстные центральные органы начинаютъ мало по малу замѣщаться княжескими чиновниками: старѣйшины городовъ, игравшіе роль мелкихъ князей, замѣняются княжескими *посадниками* [1]). Представитель административной власти, *тысяцкій*, избирается съ участіемъ, однако, земства княземъ, ставшимъ главою земли. Такимъ образомъ, княжеская власть, являлась руководителемъ и защитникомъ земскаго элемента, стараясь мало по малу слить свои интересы съ интересами земли. Блестящіе результаты, достигнутые княжескою властью благодаря дружной, совмѣстной работѣ съ земствомъ, поставили князя на небывалую высоту: изъ незамѣтной дотолѣ въ политическомъ отношеніи земли выходитъ крупная, могучая личность княжеской семьи,— Владиміръ Мономахъ, давшій такой разумный завѣтъ своему потомству. Постоянная опасность со стороны степи была причиной тѣсной связи, установившейся между княземъ и земствомъ. Не всегда, впрочемъ, сидѣвшіе въ Переяславлѣ князья оставались вѣрны насущнымъ интересамъ страны: эгоистическіе разсчеты князей часто заслоняли собою всякіе другіе интересы, въ ущербъ, конечно, Землѣ. И только крупная опасность извнѣ снова выдвигала князей, создательно относившихся къ основнымъ задачамъ народной жизни. Несомнѣнно, княжеская власть, какъ главный организаторъ военнаго дѣла, столь необходимаго для защиты страны, была существенно необходимымъ элементомъ ея общественнаго строя.

Функціи княжеской власти въ Переяславльской землѣ были чрезвычайно широки и разнообразны. Вѣдѣнію князя были подчинены всѣ дѣла *внѣшняго* и *внутренняго управленія*. Онъ думалъ „и о строѣ земскомъ, и о ратяхъ, и объ уставѣ земскомъ“. Находясь подъ нѣкоторымъ контролемъ общины, князь во многихъ случаяхъ дѣйствовалъ независимо, самостоятельно. Князь былъ внѣшнимъ представителемъ земли: онъ сносится съ другими русскими землями и иностранными государствами [2]); онъ принимаетъ и отправляетъ пословъ, заключаетъ союзы и договоры, съ приложеніемъ, конечно, своей печати; онъ объявляетъ войну и заключаетъ миръ, иногда не спрашивая на то согласія общины [3]). Князь назначалъ должностныхъ лицъ.

Далѣе, князь вѣдалъ *военное дѣло*: онъ предводительствовалъ и своей дружиной, и земскими ополченіями, и вспомогательными отрядами инородцевъ (торковъ, берендѣевъ, касоговъ и пр.) при оборонительной и при наступательной войнѣ [4]); онъ заботится о возведеніи въ

---

[1]) „Ипат. л., с. 209, 251. И бысть пагуба Посульцемъ, ово отъ половець, овоже отъ своихъ посадникъ“. Лавр. л., с. 289—290.

[2]) Ипат. л., с. 114, 117, 139, 143, 157, 158 и пр. Лавр. л., с. 211, 406 и пр.

[3]) Ibidem, и Ник. л., с. 178.

[4]) libdem, с. 114, 115, 118.

странѣ крѣпостей и снабженіи ихъ достаточнымъ гарнизономъ [1]); онъ заботится объ охранѣ торговыхъ путей [2]). Въ вѣдѣніи князя находилась также *судебная часть,* при чемъ судъ производился или непосредственно самымъ княземъ, или же—при помощи спеціально установленныхъ для того чиновниковъ, такъ называемыхъ *тіуновъ* [3]), которые вѣдали также финансовую часть: собирали судебныя пошлины и заботились объ имуществѣ своихъ господъ [4]). Князь былъ судьей въ крупныхъ дѣлахъ, высшей инстанціей по судебной части. Непосредственно князь разбиралъ дѣла о политическихъ преступленіяхъ, за которыя полагась смертная казнь и конфискація имущества [5]). Князь участвуетъ также въ *законодательной части*: изъ лѣтописей мы знаемъ, что обсужденіе и выработка статей законовъ Русской Правды производилась при участіи присланнаго Переяславльской землей княжескаго уполномоченнаго [6]).

Князь считалъ себя вправѣ, какъ наслѣдникъ племенныхъ князей, распоряжаться ненаселенными и пустопорожними землями, надѣляя ими церковь и служилыхъ людей. Князю были подвѣдомственны *торговля* и *промыслы*, съ которыхъ брались опредѣленныя пошлины [7]). Въ нѣкоторомъ подчиненіи князю находилась и *церковь*, высшіе іерархи которой избирались народомъ и княземъ [8]). Духовенство получало отъ князей щедрые дары и содержаніе. Князья строили церкви и монастыри, заботились объ ихъ благосостояніи и благолѣпіи [9]).

О доходахъ князя мы имѣемъ скудныя свѣдѣнія. Судя по аналогіи съ сосѣдними, близкими по своему общественному строю землями, княжескіе доходы были двоякаго рода—денежные и натуральные: хлѣбомъ, рыбой, медомъ, воскомъ, мѣхами, крупнымъ и мелкимъ скотомъ и пр., какъ это практиковалось въ странѣ и позже, въ XV и XVI ст. [10]). Въ княжескую казну шли: военная добыча, общая дань, собиравшаяся князьями по издревле установившемуся обычаю, часть судебныхъ и

---

[1]) Ibidem, c. 83, 105, 179.

[2]) Ibidem, c. 360, 361, 368, 369, 370.

[3]) Ibidem, c. 274. Тіуны были у князей и у бояръ. Они вѣдали домашнее хозяйство своихъ господъ.

[4]) Ипат. л., с. 274.

[5]) Мстиславъ, плѣняя главнаго совѣтника Глѣбова,—Станиславича въ Переяславлѣ, передалъ его мучительной казни. Татищевъ, III, с. 323.

[6]) Владимірскій-Будановъ. См. Христоматію ист. русск. пр. I, с. 56.

[7]) Аристовъ, стр. 16. 18, 21, 220—234 и пр.

[8]) Владимірскій-Будановъ, Op. cit., с. 42.

[9]) Ипат. л., с. 179. Лавр, л., с. 280.

[10]) Ипат. л., с. 14. Владимірскій-Будановъ. Обз. ист. р. пр., с. 79—81. См. Арх. Юго-Зап. Р., ч. VII, Люстр Канев. и Черк. замковъ.

торговыхъ пошлинъ, подарки купцовъ, конфискованныя имущества преступниковъ, выморочныя имѣнія и пр [1]).

Кромѣ вышеназванныхъ доходовъ, князь владѣлъ также земельной собственностью, представлявшей частное хозяйство. У князей были свои села, дворы, пахотныя, луговыя, лѣсныя и проч. земли, озера и рѣки, бобровые гоны, борти, стада крупнаго и мелкаго скота и пр. [2]). Близъ Переяславля находился „Красный дворъ“ княжескій, гдѣ, конечно, велось хозяйство въ широкихъ размѣрахъ.

Правой рукой князя, исполнителемъ его предначертаній и плановъ была *дружина*, раздѣлявшаяся на старшую, иначе—большую, и младшую. Въ составъ старшей дружины входили *бояре*, представлявшіе собой военную аристократію, съ теченіемъ времени получившую земельную собственность и осѣдавшую въ странѣ [3]). Дружинники составляли кругъ близкихъ князю людей, съ которыми онъ совѣтовался о важнѣйшихъ дѣлахъ земли [4]). Въ составъ младшей дружины входили отроки, дѣтскіе, пасынки и пр. [5]). Вообще, дружина не составлялась изъ одного какого нибудь класса. Въ дружину шелъ всякій охочій людъ, много было и иноземцевъ. Бояре — дружина сопровождали князя во всѣхъ его поѣздкахъ и походахъ, получали отъ него содержаніе, сражались за него противъ враговъ, дѣлили съ нимъ и радость, и горе [6]). Какъ великъ былъ классъ бояръ - дружинниковъ въ Переяславльской землѣ—сказать трудно; во всякомъ случаѣ, онъ былъ не особенно многочисленъ: Владиміръ Мономахъ, уходя изъ Чернигова въ Переяславль, не имѣлъ и ста челевѣкъ дружины. Впрочемъ, это было въ бѣдствянную пору, послѣ жестокаго пораженія южно-русскихъ князей на Стугнѣ и отчаянной борьбы съ Олегомъ Гориславичемъ. Въ болѣе счастливое для Переяславльскихъ князей время дружина ихъ простиралась, вѣроятно, до нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Постепенный переходъ дружины въ осѣдлое состояніе обусловливалось тѣми мѣропріятіями, какія княжеская власть практиковала относительно населенія въ странѣ: бояре были посылаемы *посадниками* въ различные отдѣлы земли, гдѣ и осѣдали съ теченіемъ времени, сливаясь съ мѣстной земельной аристократіей — земскими боярами. Дружины

---

[1]) См. статьи Рус. Правды; Владимірскаго-Буданова. Христоматію, I, с. 76. Аристова. Промышл. др. Руси, с. 220—234.

[2]) См. Аристова. Промышл. древней Руси, с. 18—20; 31—40. Ст. Русской Правды.

[3]) Ипат. л., с. 274.

[4]) Ипат. л., с. 158, 218.

[5]) См. Погодина, т. VII, с. 64—66. Дѣтскіе исполняли низшія должности, что видно изъ Русской Правды и Поученія Владиміра Мономаха; они являются помощниками вирниковъ.

[6]) Ипат. л., с. 214.

были не у одного только князя, но и у бояръ. Владиміръ Мономахъ, въ 1095 г., совѣщался съ дружиною боярина Ратибора [1]). Дружина получала доходы, жалованье, по большой части натурой: ей представлялись въ пользованіе земельные участки, имѣнія, или отчуждали иногда дань, платимую свободными людьми, что нерѣдко вызывало неудовольствіе населенія. Такъ какъ званіе дружинника было по большей части наслѣдственное, то и имѣнія доставались потомству дрижинниковъ, чѣмъ облегчался переходъ въ земельную аристократію.

Первымъ лицемъ послѣ князя былъ высшій народный представитель, облеченный большою, но уже зависимою отъ князя властью,— *тысяцкій*. Тысяцкій назначался княземъ и выбирался изъ мѣстныхъ бояръ. Онъ былъ намѣстникомъ князя въ отсутствіе послѣдняго. Тысяцкій предводительствовалъ народными ополченіями, составлявшими полкъ [2]). Вообще, тысяцкій въ своей особѣ представлялъ соединеніе власти военачальника и градоначальника.

Что касается военной организаціи края, то она представляла слѣдующія черты. Кромѣ княжеской дружины, о которой уже было сказано выше, и которая была вообще не особенно многочисленна, постоянное войско, военныя силы страны составлялись изъ *земскихъ ополченій* и *инородческихъ* вспомогательныхъ, по большей части, кавалерійскихъ *отрядовъ*. Военную службу несло все свободное населеніе страны, отъ юноши до старика. Извѣстія о народныхъ ополченіяхъ встрѣчаются въ лѣтописи очень рано. Уже во времена Олега ополченія сѣверянъ участвуютъ въ совмѣстныхъ походахъ князей [3]). Во время нападенія печенѣговъ на окрестности Переяславля, въ 993 г., на войну выступилъ старикъ съ четырьмя сыновьями [4]). Это, неоднократно упоминаемое лѣтописью, участіе мѣстнаго населенія въ военныхъ предпріятіяхъ обусловливалось или настоятельной необходимостью защиты страны отъ враговъ, или же вызывалось жаждой военной добычи. Ратники земскаго ополченія, *вои*, обыкновенно обозначались мѣстными терминами: переяславльцы, куряне, римовичи и проч. Земскія ополченія въ Переяславльской землѣ, благодаря тревожнымъ условіямъ жизни ея, собирались чрезвычайно быстро. Такъ, когда Глѣбъ подступилъ къ Переяславлю, послѣдній защищали сначала только дружинники князя но вскорѣ на выручку города явились и переяславльцы, съ которыми и была учинена погоня за отступившими врагами [5]).

---

[1]) Ипат. л., с. 158.
[2]) Соловьевъ, I, с. 223.
[3]) Ипат. л., с. 17.
[4]) Ипат. л., с. 84.
[5]) Ипат. л., с. 253.

Войско состояло изъ *пѣхоты* и *конницы* [1]). Число лицъ, несшихъ конную службу, было не велико—до 1000 чел. Въ Переяславльской землѣ составные элементы, изъ которыхъ образовывался затѣмъ крупный военный отрядъ, полкъ, представляли *сотни* [2]), начальниками надъ которыми были сотскіе; послѣднимъ были подчинены десяцкіе, начальствовавшіе надъ десятками воиновъ. Сотенная служба обыкновенно выпадала на долю горожанъ. Сотскіе, безъ сомнѣнія, выбирались самими горожанами. Совокупность военныхъ силъ Переяславльской земли предоставляла собою „*Переяславльскій полкъ*" [3]), которымъ предводительствовалъ или самъ князь, или же тысяцкій. При войскѣ находился *стягъ* или знамя. Почти постоянно, наравнѣ съ земскими ополченіями, должны были дѣйствовать и поселившіяся въ Переяславльской землѣ инородческія племена; послѣднія сначала тяготились непревычной для нихъ службой и даже иногда поднимали возстанія, для усмиренія которыхъ князья употребляли силу [4]). Впослѣдствіи, попривыкнувъ, инородцы съ большимъ успѣхомъ дѣйствуютъ противъ враговъ. Конное войско, вслѣдствіе необходимости вести войну съ кочевниками, получило болѣе широкое развитіе сравнительно съ пѣхотой. При выходѣ на войну надѣвали доспѣхи: *шлемъ, панцырь или кольчугу* и брали: *щитъ, мечъ, топоръ, копье, лукъ и стрѣлы* [5]).

Говоря объ общественной организаціи страны, мы постораемся сказать нѣсколько словъ и о городскомъ строѣ ея. *Городомъ* въ Переяславльской землѣ называлось значительное по величинѣ и укрѣпленіямъ мѣсто, гдѣ или постоянно жило населеніе, или же—спасалось въ случаѣ какой либо опасности. Города служили средоточіемъ общественной и политической жизни страны. Города, построенные исключительно для военныхъ цѣлей, отличались какъ выборомъ своего мѣстоположенія, такъ и размѣромъ и характеромъ своихъ укрѣпленій. Пограничные со степью или же находящіяся неподалеку отъ послѣдней города Переяславльской земли представляли собой скорѣе крѣ-

---

[1]) Ипат. л., с. 84, 92, 115; Лавр. л., с. 195, 231, 267. Подъ 1151 г. въ Лавр. л. (с. 317) говорится: „вышедшимъ же Переяславльскимъ пѣшимъ биться многы избиша ратнии, и передъгородье пожгоша".

[2]) Ипат. л., с. 380; Лавр. л., с. 339—40. Соловьевъ, I, с. 223. Сотенная организація отличалась большой живучестью: она сохранялась очень долго въ странѣ. Интересно, что и въ западной Европѣ, во многихъ мѣстахъ, особенно тамъ, гдѣ замѣтенъ германскій элементъ, мы встрѣчаемъ сотенную организацію, напр. въ Англіи, Пруссіи и пр.

[3]) „И сынъ его (Изяслава) Мстиславъ приде с Переяславльскимъ полкомъ" Ипат. л., с. 231.

[4]) Ипат. л., с. 143, 205.

[5]) Ник. л., IX, 178 и 187. „Демьянъ же Куденевичъ, говорится въ лѣтописи,—единъ выѣде изъ града, не имѣа ничтоже *одѣяніа доспѣшнаго*".

пости, чѣмъ торгово-промышленные пункты. Въ этихъ мѣстахъ заботились главнымъ образомъ о томъ, чтобы какъ можно лучше обставить себя въ оборонительномъ отношеніи. Обыкновенно для постройки крѣпости выбирались мѣста на возвышенныхъ пунктахъ, уже по одному своему положенію трудно доступныхъ для враговъ: отдѣльно выдающіеся въ рѣку, болото или же долину выступы, мысы съ крутыми сторонами, затѣмъ—острова, окруженные рѣчными или болотными крѣпями—были наиболѣе излюбленными мѣстами для городскихъ поселеній. Вообще, старались воспользоваться естественными, природными условіями мѣстности для обороны, именно такъ, чтобы двѣ или же три стороны крѣпости были защищены крутыми спусками или же обрывомъ. Кромѣ того, выбранное для городка мѣсто обносились еще высокимъ валомъ, по большей части круглой, неправильной формы, который на сторонѣ, примыкающей къ нагорной равнинѣ, обыкновенно былъ болѣе высокъ и имѣлъ на своей внѣшней сторонѣ глубокій ровъ. Если стѣны городка не достигали краевъ обрыва, то ровъ устраивали рядомъ съ валомъ, вогругъ послѣдняго. Валъ снабжался сверху частоколомъ или же заборомъ изъ бревенъ, обмазанныхъ, для безопасности отъ огня глиной. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вала находились укрѣпленія, въ видѣ двойного забора съ камнями въ промежуткѣ между досками; эти укрѣпленія назывались въ лѣтописи городницами [1]). Крупный городъ состоялъ обыкновенно изъ двухъ частей: 1) собственно города, *кремля*, окруженнаго высокимъ валомъ и частоколомъ на верху послѣдняго: такое мѣсто иногда называется въ лѣтописи *осадой* [2]); 2) *посада*, расположеннаго вокругъ кремля и назы-

[1]) Ипат. л., с. 436.

[2]) Въ 1097 г. „Мстиславъ затворился въ градѣ с *засадою*" (варьянтъ: съ заставою) Лавр. л., с. 261: см. также Лавр. л., с. 381—2. „Юрій... пришедше, сташа у Кудинова селца, и перешедше Стрѣковъ сташа, Володимеру же, брату Изяславлю, сущу въ *осадѣ* въ Переяславлѣ". Воскр. л., П. С. Р. Л., т. VII, с. 46; Ипат. л., с. 37, 178; Татищевъ, II, 342. Здѣсь городъ еще не осаждался врагами, а князь уже сидитъ въ *осадѣ*. Въ малорусскомъ языкѣ и до сихъ поръ осадой называется иногда крѣпостной валъ: „писля сеи пожоги зновъ построилы церковъ и мистечко, та ще й *крипостью*, по запорожскому кшталту на диво осадили". См. Олексы Стороженка. Украин. оповид. 1897 г., с. 282. „Монастырь, на случай татарскаго набига, *осаженъ* бувъ окопами зъ гарматами Ibidem, с. 298. Слово осада въ смыслѣ крѣпости долго удерживалось въ русской землѣ. Такъ въ документахъ XVII в. читаемъ: (валуйскому воеводѣ жить съ великимъ береженіемъ и тѣмъ людямъ, которые *въ осаду* не идутъ чинить наказаніе (Акты Москов. Госуд. Разряд. Прик. с. 380). Здѣсь же нѣсколько раньше, было сказано, что людей, вышедшихъ самовольно изъ-подъ охраны (Острога, валовъ и пр.), татары избили и положили „и по тѣмъ вѣстямъ посылали высыльщиковъ въ уѣздѣ, чтобы дѣти боярскіе и всякіе уѣздные люди ѣхали въ *осаду* и женъ своихъ и дѣтей везли; и дѣти боярскіе и всякіе уѣздные люди въ *осаду* въ городъ не идутъ, а укрѣпили въ селахъ и въ деревняхъ дворы во многихъ мѣстахъ за острожковъ мѣста" Ibidem, с. 382. Въ 1632 г. Лебедянскій воевода доносилъ, что многіе люди, живущіе слободами и по лѣсамъ, не хотѣли идти въ *осаду*,

вавшагося иначе *предгородіемъ*; посадъ былъ также укрѣпляемъ стѣнами и острогомъ [1]); въ немъ находились жилища и службы населенія и дружины. Церкви могли быть и въ кремлѣ, и на посадѣ [2]). Въ кремлѣ обыкновенно находились постройки князя и близкихъ къ нему лицъ [3]). Деревянныя части кремля иногда бывали жертвой пламени [4]). Посады подвергались обыкновенно разграбленію и разоренію во время вражескихъ вторженій; они становились зачастую легкой добычей врага, который, захвативъ острогъ, предавалъ пламени все предгородіе [5]).

Кромѣ земляного вала, окружавшаго и кремль, и посадъ защита города практиковалась еще другими способами; наиболѣе опасныя, наиболѣе доступныя для нападенія мѣста передъ городомъ обыкновенно покрывались цѣлымъ лабиринтомъ холмиковъ, пробраться среди которыхъ конному войску было и неудобно, и довольно опасно. Характеръ подобнаго рода укрѣпленій былъ наблюдаемъ лично нами во многихъ мѣстахъ близъ древнихъ городищъ на берегу рр. Сулы, Супоя, Трубежа и пр. [6]). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ впереди города, наблюдаются также система длинныхъ валовъ, очевидно воздвигнутыхъ съ защитительною цѣлью. Обыкновенно, укрѣпленные валомъ городки строились на опасныхъ мѣстахъ, особенно на пограничьи, гдѣ протягивались въ видѣ цѣпи, въ удобныхъ пунктахъ. На правомъ, возвышенномъ берегу и Сулы, Воркслы, С. Донца и пр. существуетъ множество такихъ укрѣпленій. Внутри страны подобныхъ городковъ—крѣпостей строилось обыкновенно меньше: здѣсь были простыя села, вѣроятно, не укрѣпленныя, благодаря чему жители ихъ легко попадали въ руки враговъ и нерѣдко уводились въ неволю.

ибо на Лебедяни острожокъ худъ, во многихъ мѣстахъ повалился и башни погнили и проч. Ibidem, с. 386. Далѣе, Ѳ. Квашнину былъ наказъ „на старомъ городищѣ (на мѣсто сгорѣвшаго города) нынѣ *осада* строить". Ibidem 592. Вѣроятно, и слово *посадъ* обозначало поселеніе *по-за-осадой*, т. е. за валами кремля.

[1]) Ник. л., т. X, П. С. Р. Л., с. 14 и т. IX, с. 178. Ипат. л., с. 437 и 348; Лавр. л., с. 317.

[2]) Ипат. л.. с. 179, 308; Свод. л., с. 104.

[3]) Ипат. л., с. 159; Соловьевъ. Ист. Россіи.

[4]) „И на ту нощь загорѣся Переяславль (въ 1140 г.)"... „видиши ли, говорилъ Всеволодъ Андрею,—я к тобѣ креста еще не целовалъ, а то ми былъ Богъ далъ, оже ся есте сами зажли". Ипат. л., с. 219.

[5]) Въ 1147 г. „половцы съ княземъ Глѣбомъ Юрьевичемъ... нощію пріидоша къ Переяславлю, на ранней зарѣ, и посадъ зажгоша". Ник. л., с. 278. Въ 1185 г. „половцы пожгоша и острогъ у Путивля". Ипат. лѣт., с. 437. Въ 1147 г. Изяславъ повелѣлъ „зажечи грады ти, т. е. Уненѣжъ, Бахмачъ и Бѣлувѣжу. Въ 1160 г. „Святославъ пришелъ къ Выреви и пожьже острогъ около города, въ городѣ бо затворился бяше съ княгинею Иванъ Ростиславичъ". Ипат. л., с. 348.

[6]) О древнихъ снѣтинскомъ и лукомльскомъ городищахъ см. наши работы въ Кіев. Стар. 1893 и 1896 гг.

При плохомъ, почти неизвѣстномъ для кочевниковъ осадномъ искусствѣ, укрѣпленные городки были совершенно достаточны для продолжительной защиты отъ враговъ. Подобныя, съ нѣкоторыми приспособленными для огнестрѣльныхъ орудій измѣненіями, укрѣпленія существовали въ южной Россіи еще въ XVI в., что можно видѣть изъ люстрацій, помѣщенныхъ въ Архивѣ Юго-Зап. Р., ч. VII, т. I [1]).

Когда угрожала опасность населенію, оно обыкновенно искало убѣжища въ городахъ [2]). Такъ, когда въ 1150 г. половцы напали на окрестности Переяславля, жители послѣдняго, спасая жизнь и имущество, укрылись подъ защиту городскихъ укрѣпленій [3]).

Бояре и поселяне, въ случаѣ осады ихъ города врагами, являлись на защиту его. Такъ, когда Глѣбъ Юрьевичъ подступилъ къ Переяславлю въ намѣреніи взять его врасплохъ, переяславльцы вскорѣ прибыли на выручку своего города [4]). Затѣмъ, мы знаемъ, что городъ спасалъ и простой народъ: извѣстенъ эпизодъ сраженія Деміана Куденевича съ половцами [5]).

Во главѣ города стоялъ присылаемый княземъ посадникъ, очевидно, смѣнившій мѣстныхъ владыкъ. Какова была власть такого посадника—мы точно не знаемъ. Вѣроятно посаднику принадлежала выс-

---

[1]) Древнія землянныя укрѣпленія украинскія находились въ прекрасной сохранности еще въ концѣ XVI в., о чемъ мы узнаемъ изъ словъ одного польскаго писателя того времени (1590 г.), который говоритъ о нихъ слѣдующее: „Обратимся къ опустѣлымъ замкамъ или, какъ ихъ называютъ въ томъ краѣ,—къ городищамъ, насыпаннымъ изъ земли, прочнымъ и очень внушительнымъ. Ихъ нельзя взять никакой силой (развѣ только выморить гарнизонъ голодомъ), даже если бы свезти пушки со всего свѣта. Пока свѣтъ стоитъ свѣтомъ, и они могутъ стоять безъ всякаго разрушенія. Если бы ихъ нѣсколько укрѣпить башнями и призвать на помощь Господа Бога, то я не знаю, кто насъ одолѣетъ. Въ нихъ можно крѣпко держаться не только противъ Турецкой или Татарской силы, но даже противъ силы цѣлаго свѣта. Кто этому не вѣритъ,—тотъ пусть самъ осмотритъ сказанныя городища и тогда легко и безошибочно убѣдится, въ вѣрности моихъ словъ". Сочиненіе Іосифа Верещинскаго, Droga pewna, 1590, с. 15.

[2]) Укрѣпленные валами городки не всегда служили постояннымъ мѣстомъ жительства для поселянъ; послѣдніе убѣгали подъ защиту ихъ стѣнъ только въ случаѣ опасности, въ другое же время жили въ слободахъ; это наблюдается въ лѣвобережной Украинѣ въ XVI и въ XVII в., что видно изъ Актовъ Московскаго Государства. У жителей м. Лукомья, на Сулѣ, сохранилось преданіе о бѣгствѣ населенія въ укрѣпленія городка при извѣстіи о нашествіи непріятеля. Сигналы о приближеніи опасности давали огнемъ (ночью) и дымомъ (днемъ), какъ это практиковалось и въ послѣдующее время.

[3]) „Томъ же лѣтѣ (1150 г.) придоша Половцы в помочь Дюргеви и придоша Переяславлю... онѣмь (половцамъ) же пакостящимъ ся людемъ сбѣгшимъся въ града, не смѣющимъ ни скота выпустити изъ города" Ипат. л., с. 281.

[4]) Ипат. л., с. 253.

[5]) Ник. л., П. С. Р. IX, с. 187. Татищевъ, II, с. 318—19.

шая власть въ подвѣдомственномъ ему округѣ; онъ былъ представителемъ центральной княжеской власти и заботился объ ея интересахъ. Уполномоченные княземъ посадники контролировали подчиненныя имъ мѣстныя власти, представителей племенныхъ территорій,—сотскихъ,— какъ въ судебномъ. полицейскомъ, такъ и въ военномъ отношеніяхъ. Территоріальныя общинныя связи князья ослабляли тѣмъ, что строили новые города, подчинявшіеся исключительно ихъ власти, и старались постепенно подчинить себѣ населеніе въ судебномъ и политическомъ отношеніяхъ.

Посадники, судя по аналогіи съ другими славянскими землями, получали плату за службу натурой: селами, лѣсами, пахотными полями и проч. Кромѣ того, доходы съ принадлежащихъ городу селъ, деревень и земель, т. е. повинности и службы населенія, часто шли въ пользу посадниковъ, что вызывало крупныя неудовольствія въ населеніи, которое бросало свои села и уходило въ болѣе удобныя мѣста. Посадники старались извлечь изъ подвѣдомственной имъ территоріи какъ можно болѣе доходовъ, что вызывало сильный ропотъ населенія [1]). Столкновенія между посадниками и городами начались очень рано: очевидно, княжеская власть боролась здѣсь съ началами племеннаго быта. Въ городахъ находился судъ, и замѣчательно, что судебная власть, имѣвшая въ своей основѣ одинъ корень съ властью военной, сохранялась въ городахъ лѣвобережной Украины до очень позднихъ временъ, не отграничиваясь отъ власти военной: казацкій сотникъ и полковникъ были очень долгое время вмѣстѣ съ тѣмъ и судьями.

Въ городахъ жили ремесленники, мастера, торговцы. Въ главномъ городѣ страны, столицѣ, подготовлялись политическіе перевороты. Города служили мѣстомъ заключенія политическихъ преступниковъ [2]).

Вообще, многіе вновь построенные города играли роль военно-политическую. Они служили средствомъ къ расширенію государственной территоріи, являлись операціонными базисами во время военныхъ дѣйствій. Намѣреваясь расширить свои земли, князья воздвигали укрѣпленія въ удобныхъ пунктахъ, снабжая ихъ достаточнымъ и надежнымъ гарнизономъ. Это укрѣпленіе пограничныхъ линій устраивалось, конечно, съ цѣлью подчиненія сосѣдней территоріи, такъ какъ за укрѣпленіемъ городовъ слѣдовалъ рядъ побѣдоносныхъ походовъ русскихъ въ степи: въ 1103, 1107, 1111 г. и пр. Понятно, кочевникамъ не особенно нравилась такая политика, и они, при первой возможности, стараются разрушить, снести мѣшавшія имъ укрѣпленія, какъ это за-

---

[1]) Въ 1138 г. была пагуба Посульцамъ (жителямъ береговъ р. Сулы) частью отъ половцевъ, частью отъ своихъ посадниковъ. См. Лавр. л., с. 289—90; Соловьева, Ш, с. 80; Арцыбашева, с. 80.

[2]) Ипат. л., с. 223; Лавр. л., с. 297.

мѣчается въ періодъ послѣ смерти Мономаха и до страшнаго погрома Посулья въ 1185 г. Городская военная организація, возникшая подъ вліяніемъ опасности со стороны сосѣдей, начала мало по малу клониться къ упадку, когда эта опасность потеряла свой острый характеръ, когда степь успокоилась и начала входить въ болѣе тѣсныя отношенія съ русской землей; передъ татарскимъ нашествіемъ она была уже въ упадкѣ.

Перейдемъ теперь къ духовенству. Когда собственно началось вліяніе христовой вѣры въ Переяславльской землѣ и какъ она здѣсь привилась затѣмъ—сказать трудно, за неимѣніемъ достаточныхъ для этого документовъ. Несомнѣнно, однако, принимая во вниманіе законъ послѣдовательности и постепеннаго историческаго развитія, христіанская религія проникла сюда не вдругъ, и была принята населеніемъ не по одному лишь приказу центральной власти изъ Кіева. Тотъ фактъ, что христіанство, послѣ признанія его Владиміромъ св. оффиціальной религіей въ своемъ государствѣ, не только не вызвало на лѣвой сторонѣ Днѣпра такого обостреннаго протеста, какъ на сѣверѣ, а, напротивъ, утвердилось здѣсь безъ всякаго труда, даже безъ посылки миссіонеровъ,—чрезвычайно характеренъ: принимая во вниманіе это обстоятельство, а также и то, что переяславльской епископіи былъ подчиненъ обширный районъ земель по великому водному пути, Днѣпромъ, можно полагать, что христіанство проникало сюда уже издавна, было рано знакомо въ значительной степени городскому, торгово-промышленному классу. Оживленныя сношенія съ Тавридой и Византіей рано знакомили приднѣпровскихъ обитателей съ началами христіанской вѣры [1]). Значительнымъ подтвержденіемъ вышесказанному служатъ, съ одной стороны, свидѣтельства древнихъ писателей о проникновеніи христіанства на югъ Россіи, а съ другой,—вещественныя доказательства,—бронзовыя иконы, крестики, медальоны и пр. [2]), судя по всему, относящіеся къ болѣе раннему періоду, чѣмъ крещеніе Руси (X в.). Вообще, наши церковные историки согласны съ тѣмъ, что христіанство проникало въ южную Русь уже начиная съ IV вѣка. Блаженный Іеронимъ сообщаетъ по этому поводу, что „гунны изучаютъ псалтирь, холодная Скиѳія согрѣвается огнемъ вѣры истинной, войска рыжихъ бѣлокурыхъ гетовъ или даковъ носятъ съ собою походные храмы“ [3]).

---

[1]) Константинъ Философъ, говоритъ Голубинскій (Исторія церкви, с. 30),—во время своего путешествія къ хазарамъ, имѣлъ остановку въ Херсонѣ, гдѣ нашелъ Евангеліе и Псалтирь, написанныя русскими письменнами, нашелъ также и человѣка, говорящаго на этомъ языкѣ.

[2]) См. книгу музея древностей унив. св. Владиміра и замѣтки (рукопись) В. Б. Антоновича о находкахъ въ Полтав. губ. возлѣ сс. Пологовъ, Подсѣннаго, Келеберды и пр. предметовъ христіанскаго культа. Кромѣ того, см. изданіе Б. И. Ханенко, заключающее коллекцію крестовъ.

[3]) М. Толстой. Разсказы изъ исторіи рус. церкви, с. 3. Скиѳія, говоритъ Тол-

Извѣстно также, что у гетовъ или готовъ, жившихъ въ нынѣшней Бессарабіи съ славянами, еще раньше Константина Великаго образовалась епархія[1]). Особенно сильно заботился о распространеніи христіанства между готами и ихъ сосѣдями Іоаннъ Златоустъ, посылавшій въ Скиѳію, для проповѣди, миссіонеровъ и назначившій готамъ епископа[2]). Въ Крыму, въ IV в., была епархія херсонская и босфорская[3]). О послѣдующемъ затѣмъ распространеніи христіанской вѣры въ русской землѣ сохранилось нѣсколько извѣстій, свидѣтельствующихъ, что христіанская вѣра распространялась среди русскихъ значительно раньше X вѣка. Изъ житія св. Стефана Сурожскаго и Георгія Амастридскаго мы узнаемъ, что въ VIII в. среди руссовъ было уже много христіанъ. Константинъ Багрянородный разсказываетъ, что руссы (конечно, не всѣ) крестились при Василіи Македонянинѣ (IX в.) и тогда же взяли себѣ епископа[4]). Конечно, варварскія передвиженія и опустошенія сильно вредили прочному утвержденію Христовой вѣры въ этихъ краяхъ; не смотря на это, христіанство продолжало распространяться въ южной Руси. „И до 988 года,—говоритъ Срезневскій—были на Руси христіане, —даже, вѣроятно, въ большемъ числѣ, чѣмъ можетъ инымъ казаться; были христіане и при княгинѣ Ольгѣ, и при Оскольдѣ и Дирѣ, и даже ранѣе“[5]). Правдоподобно, что пришедшее въ Русскую землю, вслѣдъ за учащенными, оживленными торговыми сношеніями съ Византіей, христіанство и распространяется сначала по великому водному пути „изъ Варягъ в Греки“, причемъ, по всей вѣроятности, оно шло тѣмъ же путемъ, какъ распространялось и политическое могущество Русской земли. т. е. съ юга на сѣверъ, а не наоборотъ. Лучшимъ подтвержденіемъ вышесказаднаго служитъ продолжительная зависимость въ церковномъ отношеніи Смоленской земли отъ Переяславльской: духовное іерархическое начало, развившись въ періодъ процвѣтанія средняго Приднѣпровья въ Переяславлѣ, подчинило своей власти и Смоленскъ, удерживая послѣдній въ своей власти даже значительное время послѣ полученія имъ политической самостоятельности[6]).

Въ первое время послѣ крещенія Руси Владиміромъ св., Переяславльская земля, въ церковномъ отношеніи, зависѣла отъ Кіева. Это

стой, простиралась отъ береговъ Дуная до Дона, гдѣ, по свидѣтельству древнихъ, еще съ I вѣка по Р. Хр. жили славяне.

[1]) И. Толстой. Op. cit. стр. 3. Извѣстно, что въ III вѣкѣ на устьѣ Дуная образовалась эпархія *скиѳская или томитанская*.

[2]) М. Толстой, Op. cit., 3—4.

[3]) Знаменскій. Рук. къ рус. церк. исторіи.

[4]) Голубинскій. Ист. рус. церк., с. 53; Знаменскій. Op. c., с. 2.

[5]) А. Срезневскій, Чтенія о древн. рус. лѣтописяхъ, с. I.

[6]) Макарій. II, с. 23.

замѣтно изъ того, что второй митрополитъ русскій, Леонтій, носитъ титулъ: кіевскій и переяславльскій [1]). Мы несогласны съ тѣмъ, чтобы въ Переяславлѣ была когда либо митрополья [2]); однако, какъ городъ важный для Кіева, Переяславль игралъ ту роль, что поставлялъ въ центръ русской политической жизни не только князей, но и лицъ духовныхъ [3]). Когда собственно была учреждена епархія въ Переяславлѣ, точно мы не знаемъ, но во всякомъ случаѣ ранѣе 1072 года. Упоминая подъ 1072 годомъ [4]) о переяславльскомъ епископѣ Петрѣ, лѣтопись не говоритъ, чтобы онъ былъ назначенъ именно тогда; слѣдовательно, епископія въ Переяславлѣ уже существовала раньше. Далѣе, переяславльскіе синодики и каталоги указываютъ, что первымъ епископомъ переяславльскимъ былъ Николай, а вторымъ Петръ [5]). Можно полагать такимъ образомъ, что переяславльская отдѣльная епископія была учреждена въ то время, когда Переяславль выдѣлился въ самостоятельное княжество въ началѣ второй половины XI вѣка, и это тѣмъ болѣе, что политическая власть въ древней Руси всегда старалась опереться на власть духовную [6]).

О первыхъ двухъ переяславльскихъ епископахъ—Николаѣ и Петрѣ,—мы имѣемъ чрезвычайно скудныя свѣдѣнія. О второмъ изъ нихъ, напр., извѣстно, что онъ участвовалъ въ знаменитомъ праздникѣ, устроенномъ князьями по случаю перенесенія мощей св. Бориса и Глѣба въ новую церковь [7]).

Третьимъ епископомъ Переяславльской земли былъ знаменитый чудотворецъ, инокъ печерскій Ефремъ, который извѣстенъ своимъ рвеніемъ къ возведенію и украшенію церковныхъ построекъ, больницъ и страннопріемныхъ домовъ [8]).

---

[1]) М Максимовичъ, Собр. соч., т. I, с. 112.

[2]) Вопросъ объ этомъ см. у Макарія I, 38 и II, 16—18, Голубинскаго, I, с. 286. Леонъ митрополитъ не иначе назывался Переяславльскимъ, какъ только вслѣдствіе своего предварительнаго пребыванія въ Переяславлѣ, но не въ санѣ, конечно, митрополита. Мнѣніе покойнаго Максимовича, будто третій митрополитъ Іоаннъ выстроилъ въ Переяславлѣ церковь св. Іоанна, какъ не основанное на доказательствахъ, не можетъ быть принято.

[3]) Ипат. л., с. 127; Макарій, Ист. рус. цер., т. II, с. 144.

[4]) Ипат. л., с. 127; М. Максимовичъ, Собр. соч., т. I, с. 112.

[5]) М. Максимовичъ. Собр. соч., т. I, с. 112.

[6]) Ibidem.

[7]) Ипат. л., с. 127 Макарій, II, с. 21.

[8]) Ипат. л., с. 146; Макарій, II.16—17, 21. 57. Мы сомнѣваемся, чтобы упоминаемыя въ лѣтописи подъ 1090 годомъ каменныя церкви и другія зданія были воздвигаемы въ Переяславлѣ. Скорѣе это можно относить къ Кіеву, понимая лѣтопись такъ, что слово *Переяславльскій* является какъ бы фамиліей или же эпитетомъ къ имени Ефрема: ставъ митрополитомъ, Ефремъ Переяславльскій украсилъ городъ,—вѣроятно, Кіевъ, а не Переяславль. Это замѣтно изъ конца лѣтописнаго отрывка, трактующаго объ Ефремѣ, гдѣ сказано: украсилъ городъ *Переяславльскій* зданіями церковными и проч. Очевидно, здѣсь пропущено слово Ефремъ, и смыслъ лѣтописи

Четвертымъ епископомъ переяславльскимъ считается Лазарь, поставленный въ 1105-году [1]). Онъ участвовалъ въ 1115 году въ перенесеніи мощей св. Бориса и Глѣба [2]). Въ 1117 году, сентября 7, Лазарь преставился въ Переяславлѣ [3]).

Пятымъ епископомъ—былъ Сильвестръ, происходившій изъ игуменовъ Выдубицкаго Михайловскаго монастыря [4]). Татищевъ говоритъ, что онъ былъ назначенъ въ Переяславль въ 1119 году. Въ лѣтописи мы находимъ только краткое сообщеніе о смерти епископа Сильвестра, въ 1123 году [5]).

Шестымъ епископомъ переяславльскимъ былъ Іоаннъ [6]), седмымъ—Маркъ, о кончинѣ котораго въ 1134 г. упоминаетъ лѣтопись [7]).

Восьмымъ епископомъ, по словамъ Максимовича, долженъ считаться Макарій, о которомъ наши лѣтописи ничего не говорятъ, но зато упоминаютъ синодики. Время его епископства полагаютъ въ періодъ отъ 1134 г. [8]).

Девятымъ епископомъ былъ Евфимій; лѣтопись указываетъ годъ его поставленія, а именно: 1141 г. [9]). Въ 1146 г. Евфимій напутствовалъ Изяслава Мстиславича при его выступленіи въ Кіевъ [10]). Въ 1147

тотъ, что митрополитъ—Ефремъ Переяславльскій украшалъ городъ, конечно, тотъ гдѣ онъ занималъ митрополичью каѳедру, т. е. Кіевъ. Что упоминаемый лѣтописью подъ 1090 г., Ефремъ носилъ названіе Переяславльскій, видно изъ дальнѣйшаго разсказа лѣтописи, гдѣ сказано: „на другой же день (для перенесенія мощей св. Ѳеодосія) совокупишася епископи: Ефремъ Переяславльскый, Стефанъ Володимерскій и пр. (Ипат. л., с. 148) Необходимо имѣть въ виду, что лѣтописи, передавая о сооруженіи Михайловской церкви, говорятъ о большой величинѣ ея, которая, по описанію превосходила даже Десятинный храмъ. См. Голубинскаго. Истор. Руск. Цер., т. I, с. 72. Переяславльская же церковь, какъ это обнаружено проф. Лашкаревымъ, не отвѣчала этимъ условіямъ. Слѣдовательно, церковь, о которой говорится подъ 1090 годомъ, не переяславльская, а скорѣе кіевская. Что построенныя Ефремомъ каменныя зданія, церкви и стѣны вовсе не относятся къ Переяславлю, видно также изъ того, что въ 1140 году деревянныя укрѣпленія Переяславля были истреблены пожаромъ, и городъ остался беззащитнымъ, чего не могло бы быть, если бы городъ имѣлъ каменныя стѣны. Кромѣ того, лѣтописецъ, подробно сообщающій обо всемъ, выходящемъ за предѣлы обыкновенныхъ событій, несомнѣнно сообщилъ бы и о возобновленіи каменныхъ стѣнъ и церквей при нихъ, а этого въ лѣтописи мы не видимъ.

[1]) Ипат. л., с. 185; Макарій, II, 21.

[2]) Ипат. л., с. 201.

[3]) Ипат. л., с. 205. Татищевъ, II, с. 220.

[4]) М. Максимовичъ. Собр. соч., т. I, с. 115. Макарій, II, 21.

[5]) Ипат. л., с. 206. Татищевъ, II, с. 228.

[6]) Макарій, II, 21. М. Максимовичъ, т. I, с. 115.

[7]) Ипат. л., с. 212; Татищевъ, II, 247. Въ Воскр. лѣт. (с. 29) онъ названъ: Маркеломъ. Татищевъ (II, 232) говоритъ, что Маркъ былъ назначенъ въ епископы княземъ Ярополкомъ, въ 1128 г.

[8]) М. Максимовичъ, т. I, с. 116; Макарій, II, 21.

[9]) Ипат. л., с. 221. Татищевъ, II, с. 265; Макарій, II, 12.

[10]) Ипат. л., с. 230.

году Евфимій принималъ въ Кіевѣ участіе въ избраніи соборомъ русскихъ епископовъ митрополита Климента Смолятича [1]). Въ 1149 г. онъ удерживалъ Изяслава отъ борьбы съ Юріемъ [2]).

Слѣдующій по счету епископъ, полагаютъ, былъ Василій [3]). Въ синодикахъ, однако, нѣтъ о немъ упоминаній.

Одиннадцатымъ епископомъ Переяславля былъ Павелъ [4]). Онъ упоминается также въ синодикахъ. Этотъ Павелъ былъ посланъ на югъ изъ Суздаля, княземъ Всеволодомъ Юрьевичемъ [5]).

Двѣнадцатымъ—былъ епископъ Симеонъ, убитый татарами въ 1239 году, во время разоренія Переяславля [6]).

Тринадцатымъ епископомъ Переяславля былъ Ѳеодоръ, поставленный въ половинѣ XIII вѣка митрополитомъ Кирилломъ [7]). Вскорѣ затѣмъ епископія Переяславльская надолго прекратила свое существованіе.

Христіанство имѣло большое культурное значеніе въ дѣлахъ страны: оно полагало основы гражданскаго и государственнаго строя. Епископъ имѣлъ здѣсь большое значеніе; вѣдѣнію его подчинялась обширная территорія, расположенная въ районѣ крупныхъ торговыхъ путей; онъ принималъ участіе въ политическихъ и общественныхъ дѣлахъ народа; совершалъ обрядъ постриженія князя, являлся защитникомъ и ходатаемъ народа, стараясь водворить благо въ Русской землѣ. Епископъ часто принимаетъ участіе въ княжескихъ совѣщаніяхъ, относящихся не къ однимъ дѣламъ церковнымъ [8]). Епископъ скрѣплялъ своей печатью договоры; имя епископа вносилось въ присяжную грамоту [9]).

Вѣдѣнію церковнаго епископскаго суда, имѣвшаго свой уставъ, выработанный по иниціативѣ князей, подлежали многія дѣла, относящіяся къ семейной жизни, суевѣріямъ, дракѣ между женщинами, спорамъ о наслѣдствѣ, преступленіямъ противъ чести женщинъ, преступленіямъ духовныхъ лицъ: еретичество, святотатство, нетвердость въ вѣрѣ, неправый судъ и пр. [10]). Въ виду этого, епископъ по необходимости долженъ былъ входить въ частыя сношенія съ міромъ и отстаивать чисто земскіе, народные интересы.

---

[1]) Ипат. л., с. 241; Иловайскій, I, с. 240.

[2]) Ипат. л., с. 266; Лавр. л., с. 305.

[3]) М. Максимовичъ, I, с. 116.

[4]) Ibidem.

[5]) Лавр. л., с. 393.

[6]) Ипат. л., с. 520; Лавр. л., с. 446.

[7]) М. Максимовичъ, I, с. 116.

[8]) Ипат. л., с. 160.

[9]) Голубовскій. Ист. Смол. земли, с. 237—238. Такъ какъ Смоленская земля долгое время находилаеь въ церковномъ отношеніи въ подчиненіи Переяславлю Южному, то, конечно, прерогативы власти переяславльскихъ епископовъ не могли быть ниже смоленскихъ.

[10]) См. объ уставѣ церковномъ Владиміра св.

Доходы церковные были чрезвычайно разнообразны; они состояли частью изъ натуральныхъ, частью изъ денежныхъ взносовъ. Князья иногда отказывали въ пользу епископа десятую часть своихъ доходовъ [1]). И князья, и частныя лица надѣляютъ церковь селами, деревнями, пахотными, лѣсными и луговыми землями, бобровыми гонами, рыбными озерами, отдаютъ въ ихъ пользу торговыя, промысловыя и др. пошлины, надѣляютъ скотомъ, хозяйственнымъ инвентаремъ и проч. [2]).

Выросши на почвѣ народной и имѣя съ нею тѣсное соотношеніе, духовенство оказывало грамадное вліяніе на народъ. Вліяніе духовенства, несомнѣнно было глубже и сильнѣе свѣтской власти, которая поэтому и вступаетъ въ соглашеніе съ церковью, стараясь расположить послѣднюю въ свою пользу. Мы не станемъ приводить примѣровъ къ вышесказанному: они общеизвѣстны и понятны. Замѣтимъ только, что наиболѣе ревностные централизаторы страны были вмѣстѣ съ тѣмъ и большими друзьями церкви, ея покровителями и защитниками. Такъ было и въ Кіевѣ, и въ Переяславлѣ, и въ другихъ земляхъ [3]).

Вмѣстѣ съ утвержденіемъ христіанства на лѣвой сторонѣ Днѣпра начинается здѣсь постройка храмовъ и монастырей. Первымъ переяславльскимъ храмомъ, о которомъ сообщаетъ намъ лѣтопись, была церковь Воздвиженія Честнаго Креста Господня, построенная въ 1008 году [4]). Изъ другихъ церквей Переяславля извѣстны: церковь съ монастыремъ св. Михаила; она была построена на манеръ греческихъ зданій, дивно изукрашена какъ снаружи такъ и внутри; внутреннія ея стѣны, очевидно, были покрыты мозаикой и фресками, какъ это дѣлалось въ другихъ церквяхъ XII вѣка; размѣры ея, однако, были не велики [5]).

Въ 1098 г. Владиміръ Мономахъ заложилъ, на княжемъ дворѣ, церковь Успенія Пресвятой Богородицы [6]). Кромѣ того, въ городѣ на-

[1]) Аристовъ. Пром. древ. Руси. Доходы духовенства были: десятины вѣсчихъ (за вѣсъ), судныхъ (за судъ) и ставленныхъ (за поставку) и пр. пошлинъ, недвижимыя имѣнія, деньги и пр. Голубинскій. Ист. рус. церкви, с. 33; Голубовскій. Ист. Смоленск. Земли, с. 236.

[2]) Аристовъ. Пром. др. Руси, с. 13, 14, 18, 25, 32 и пр. Знаменскій, с. 32—33. См. П. С. Р. Л. VI, 83. Владиміръ св. далъ Десятинной церкви: „отъ всего княжа суда десятую вѣкшу, изъ торгу—десятую недѣлю, а изъ домовъ на всяко лѣто отъ всякаго стада и отъ всякаго жита“. Аристовъ, с. 46.

[3]) Примѣры: Владиміръ св., Ярославъ Мудрый, Святославъ Ярославичъ, Владиміръ Мономахъ, Юрій Долгорукій, Андрей Боголюбскій.

[4]) Свод. л., с. 104; Макарій I, с. 56 и II, с. 223.

[5]) Ипат. л., с. 146. Макарій, II, с. 99, 214, 218. См. раскопки и изслѣд. проф. Лашкарева. Труды Кіев. Дух. Акад.

[6]) Ипат. л., с. 179; Макарій, II, с. 213.

ходилась также церковь св. Іоанна съ монастыремъ и крѣпкой темницей при немъ [1]).

Въ окрестностяхъ Переяславля находились также монастыри, упоминаемые въ лѣтописи: св. Саввы, Пресвятой Богородицы и свв. мучениковъ Бориса и Глѣба [2]). Послѣдній находился, какъ это недавно обнаруженно достовѣрнымъ документомъ, на мѣстѣ нынѣшняго м. Борисполя, неподалеку отъ верховьевъ р. Альты [3]). Монастырь былъ каменный; его соорудилъ Владиміръ Мономахъ. Переяславльскіе монастыри отличались богатствомъ, о чемъ свидѣтельствуетъ лѣтописи [4]).

Изъ другихъ болѣе замѣчательныхъ церквей извѣстны: церковь въ Городцѣ Остерскомъ, остатки которой сохранились до нашего времени съ уцѣлѣвшими въ нихъ фресками [5]), и развалины церкви на берегу Днѣпра, близъ Переяславля, тамъ, гдѣ изслѣдователи предпологаютъ мѣстонахожденіе г. Устье [6]). Монастыри, какъ видно, воздвигались не только князьями, но и епископами. И князья и народъ, насколько можно судить по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, отличались большой набожностью: извѣстно поученіе Владиміра Мономаха, передающее намъ образецъ набожности лицъ высшаго класса, извѣстна набожность переяславльскаго населенія и Юрія Долгорукаго, особенно во время его пребыванія въ Переяславлѣ, въ 1151 году [7]).

Вопросъ о монастыряхъ и церквяхъ тѣсно связанъ съ вопросомъ объ ихъ постройкѣ. Несомнѣнно, первыя церковныя зданія наши строились греческими людьми, греч. зодчими; но съ теченіемъ времени, въ южной Руси образовались свои мастера, которые сами уже производили постройки, конечно, по имѣвшимся уже образцамъ [8]). Зданіе Михайловской Переяславльской церкви, по всей вѣроятности, строились туземными зодчими, которые производили это столь неумѣло, что от-

---

[1]) Ипат. л., с. 233; Макарій, II, 99. Полагаютъ, что монастырь этотъ былъ каменный. См. Голубинскаго, с. 261.

[2]) Ник. л., с. 201.

[3]) Въ документѣ отъ 1629 г., представляющемъ процессъ Кіевскаго Пустынно-Николаевскаго монастыря съ наслѣдниками Жолкевскаго, сказано: *„въ окопе, албо въ вале Полукнязскомъ, въ которомъ и церковь спустошенная на крове, гдѣ княжати руского именемъ Бориса Володимеровича забито, змурованная и до сего часу стоитъ“*. Вокругъ этого вала возникло затѣмъ м. Борисполье. См. А. В. Стороженка. Очерки Переяславльской старины. Кіевъ. 1900 г., стр. 25.

[4]) Владиміръ Мономахъ „церковь прекрасну созда, на Лтѣ, идѣже св. Бориса кровь прольяна бысть“. См. Лавр. л., с. 280; Макарія, II, с. 218; Татищевъ, II, с. 220, 229.

[5]) Кіев. Стар. 1896, ноябрь, ст. Константиновича. У Голубинскаго (стр. 261) эта церковь неправильно пріурочена къ Городцу, который лежалъ противъ Кіева, на другой сторонѣ Днѣпра. См. Голубинскій, стр. 11.

[6]) Максимовичъ. Собр. Соч. II, с. 353—5.

[7]) Ипат. л., с. 306; Лавр. л., с. 318.

[8]) Макарій, II, с. 216—217,

строенныя ими церкви, спустя нѣсколько лѣтъ, падали своими верхами [1]). Неумѣнье прочно строить купола было причиной того, что верхъ церкви, куполъ съ подлежащею частью, дѣлался обыкновенно деревянымъ, какъ это было, напр., въ Остерскомъ храмѣ [2]).

Монастыри въ Переяславлѣ, какъ и въ Кіевѣ, были разсадниками школьнаго образованія и религіозныхъ основъ; въ этомъ отношеніи Переяславль уже рано соперничалъ съ Кіевомъ. Въ послѣдній являются изъ Переяславля люди, получившіе солидную нравственную и достаточную (для того времени) научную подготовку. Таковы, напр., еписк. Ефремъ и Черноризецъ Іаковъ, написавшій нѣсколько произведеній (сказаніе о свв. Борисѣ и Глѣбѣ, Похвала Князю Владиміру, Посланіе къ вел. кн. Димитрію и пр.). Въ этихъ произведеніяхъ, особенно въ первыхъ двухъ, обнаруживается, что авторъ ихъ пользовался какими-то, не дошедшими даже и до преп. Нестора лѣтописца, матеріалами, чрезвычайно характерными и важными [3]). Лѣтописныя подробности о Переяславльской землѣ, особенно до половины XII в., даютъ намъ нѣкоторый намекъ на то, что часть начальной лѣтописи велась если не въ Переяславлѣ, то, по крайней мѣрѣ, людьми, близко знавшими эту землю и заинтересованными ею.

На развитіе литературы въ Переяславлѣ указываютъ также и другіе факты: Владиміръ Мономахъ, этотъ типичнѣйшій представитель Русской земли конца XI и первой четверти XII в., оставившій намъ знаменитое Поученіе, провелъ свою юность, набирался мудрости книжной не въ иномъ мѣстѣ, какъ въ Переяславлѣ. Тамъ же сидѣлъ и его отецъ, Всеволодъ, прилежный къ наукѣ, знатокъ многихъ языковъ и, конечно,—существовавшей тогда литерутуры. Припомнимъ также, что въ сосѣдней, Черниговской землѣ, были какія-то условія, способствовавшія развитію просвѣщенія: Святославъ Ярославичъ имѣлъ прекрасную библіотеку, собиралъ рукописи, книги и пр.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о религіозномъ міросозерцаніи общей массы населенія Переяславльской земли въ удѣльно-вѣчевой періодъ. Скудость положительныхъ данныхъ по этому вопросу не даетъ намъ возможности востановить въ надлежащемъ видѣ существенныя черты религіозно-нравственныхъ основъ сѣверянъ того времени [4]).

---

[1]) Макарій, II, с. 217. Въ 1124 г., „падеся церкви великия св. Михаила у Переяславли“ Ипат. л., с. 207. Отстроенный вновь (неизвѣстно кѣмъ) храмъ этотъ полуразрушился отъ землетрясенія въ 1230 году; вѣроятно, онъ былъ разрушенъ окончательно во время взятія Переяславля татарами, въ 1239 году.

[2]) Въ Остерской церкви св. Михаила „верхъ бяше нарубленъ деревомъ“. Ипат. л., с. 308.

[3]) Макарій, II, с. 143—145.

[4]) „Старые наши лѣтописцы, говоритъ Костомаровъ, коль скоро постучишься къ нимъ въ двери сокровищницы народной жизни—тутъ они нѣмы и глухи, и заброшены давно въ море забвенія ключи отъ этихъ завѣтныхъ дверей. Слабыя, не-

Несомнѣнно, однако, что масса сѣверянъ не только въ XI, но и въ XII, XIII вв., и даже значительно позже, сохраняла въ глубинѣ своей души очень многое изъ языческаго культа, успѣвшаго, какъ извѣстно, создать довольно развитой религіозный культъ. Христіанскія основы, принятыя всей Русской землей въ концѣ X в., не могли сразу вытѣснить старой религіи, остатки которой продолжали существовать очень долго, сохраняясь въ видѣ различныхъ повѣрій, обычаевъ, обрядовъ. Не даромъ христіанскіе пастыри того времени называютъ народную массу двоевѣрной. Что языческій культъ былъ еще въ полной силѣ въ X—XIII вв. во многихъ мѣстахъ сѣверянской территоріи, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія; и археологическія данныя, и лѣтописныя свидѣтельства, и, наконецъ, остатки языческой старины въ повѣрьяхъ, обрядахъ и пѣсняхъ, удержавшіеся даже въ настоящее время,—все это ясно говоритъ о силѣ языческаго культа. Въ предыдущихъ главахъ мы имѣли уже случай указать на констатированное археологическими раскопками существованіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Переяславльской земли, обычая сожиганія трупа покойника. Тоже мы узнаемъ и изъ лѣтописныхъ извѣстій. Такъ, сообщая объ обычаяхъ сѣверянъ, лѣтописецъ говоритъ: „а Радимичи, и Вятичи и Сѣверо одинъ обычай имяху... И аще кто умряше, творяху трызну надъ нимъ, и посемъ творяху кладу велику, и възложатъ на кладу мертвѣца, и съжигаху, и по семъ събравше кости, вложаху въ ссудъ малъ, и поставяху на столпѣ, на путехъ, иже творятъ Вятичи и нынѣ. Си же обычаи творяху и Кривічи и прочии поганин, не вѣдуще закона Божиа, но творяху сами себѣ законъ“ [1]). Конечно, нельзя дѣлать въ этомъ случаѣ широкаго обобщенія относительно практиковавшагося обычая трупосожиганія среди нѣкоторыхъ русскихъ славянъ. Фактъ, переданный лѣтописью, самъ по себѣ вѣренъ, но врядъ-ли трупосожженіе имѣло такое широкое развитіе среди вышеназванныхъ племенъ: археологическія раскопки, произведенныя на Переяславльской территоріи, показали, что еще въ языческое время обычай простого зарыванія въ могилу, безъ трупосожженія, практиковался въ вышеназванной странѣ въ очень широкихъ размѣрахъ, особенно въ районѣ близъ Днѣпра, слабѣя все больше и больше по мѣрѣ удаленія на востокъ, къ землямъ вятичей. Такимъ образомъ, если лѣтописное сообщеніе и вѣрно то только относительно восточной окраины, гдѣ и значительно позже введенія христіанства могъ существовать обычай сожженія труповъ умершихъ. Подробности погребальныхъ обрядовъ, практиковавшихся при трупосожженіи, прекрасно описаны у арабскихъ писателей X в., именно у Ибнъ-Фоцлана, Ибнъ-Даста и пр. Покойника одѣвали въ до-

ясныя тѣни остались отъ далекаго прошлаго“. Костомаровъ, т. I. Двѣ русскія народности, с. 63.

[1]) Ипат. л., с. 8.

рогія одежды, приносили къ мѣсту погребенія судно (большую ладью), которую устанавливали и приспособляли для будущей кремаціи, затѣмъ вносили на судно покойника, клали его на нарочно устроенное возвышеніе, покрывали драгоцѣнными покровами, и, положивши покойнику жертвенные подарки: животныхъ, плоды, вино и пр., приводили дѣвушку, обрекавшуюся на загробное сопутствіе своему господину, закалали ее, и затѣмъ сожигали судно и находящихся на немъ—покойника, и не успѣвшій еще остыть трупъ несчатной спутницы умершаго [1]). Другой арабскій писатель, Ибнъ-Даста, говоритъ; что „на слѣдующій день по сожженіи покойника, русы отправляются на мѣсто, гдѣ оно происходило, собираютъ пепелъ и кладутъ его въ урну, которую ставятъ затѣмъ на холмъ“ [2]). Такимъ образомъ, сообщеніе лѣтописи о трупосожженіи у славянъ подтверждается арабскими писателями. Тѣже арабскіе писатели сообщаютъ намъ, кромѣ того, и такія подробности, которыя указываютъ вовсе не на звѣринскій образъ жизни восточныхъ славянъ. Такъ, передавая о погребеніи славянами праха своего покойника, арабскіе писатели говорятъ, что руссы насыпали надъ могилой холмъ, сверху котораго поставили столпъ, на которомъ было написано имя умершаго, годъ и число, когда онъ умеръ и затѣмъ имя князя, въ правленіе котораго это случилось. Это сообщеніе чрезвычайно характерно: оно показываетъ, что восточные славяне далеко не были столь дикими и „звѣринскимъ образомъ“ живущими, какъ говоритъ объ этомъ лѣтопись.

Языческій Олимпъ восточныхъ славянъ, ко времени введенія въ русскую жизнь христіанства, достигъ значительнаго развитія. У русскихъ славянъ былъ уже цѣлый сонмъ боговъ, олицетворявшихъ собой благодѣтельныя и враждебныя человѣку стихійныя силы природы; таковы: громовержецъ *Перунъ*, буйный *Стрибогъ*, палящій *Хорсъ*, *Дажьбогъ*, *Волосъ*—скотій богъ, *Ярило* и проч. Затѣмъ мы знаемъ также цѣлый рядъ божествъ, уже не выступающихъ передъ человѣкомъ со своей титанической силой, но болѣе близкихъ ему, имѣвшихъ болѣе интимныя и частыя сношенія съ нимъ; таковы: *русалки*, *Водяной*, *Лѣшій*, *Домовой*, *Купало*, *Куляда*, *Ладо* и проч,

Память о божествахъ перваго цикла очень долго жила среди сѣверянъ, и еще въ XII в. представленіе о нихъ ярко выразилось въ прекрасной поэмѣ южно-русской Украины,—„Словѣ о полку Игоревѣ“. А вѣрованіе въ русалокъ, домовыхъ, водяныхъ и пр. было настолько распространено, что существуетъ въ народномъ воображеніи и по сей день; наконецъ, многіе обряды въ лѣвобережной Украинѣ, почерпнутые несомнѣнно изъ языческаго міра и относящіеся къ религіозному-

---

[1]) Гаркави. Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Руси, с. 97—100.

[2]) Хвольсонъ. Извѣстія о Хозарахъ, Буртасахъ, Булгарахъ и пр. с. 29.

семейному и общественному бытамъ, сохраняютъ и въ настоящее время въ себѣ такіе остатки языческой старины, такъ прочно срослись съ народной жизнью, что, не смотря на девятьсотъ слишкомъ лѣтъ, прошедшихъ со времени всеобщаго крещенія Руси, они все еще существуютъ во всей своей патріархальной, первобытной простотѣ. Сила земли, ея вліяніе являются наиболѣе крѣпкими, наиболѣе устойчивыми. „Обожая природу,—говоритъ Забѣлинъ,—создавая себѣ на каждомъ шагу новые кумиры, претворяя свои первыя познанія и созерцанія, первые помыслы о мірѣ и о самомъ себѣ въ живые образы поэтическаго религіознаго чувства, язычникъ въ своей миѳологіи и въ своихъ вѣрованіяхъ выражалъ и изображалъ только то, что существовало передъ его глазами и существовало въ немъ самомъ, въ устройствѣ его мысли, чувства, нрава и всего быта. Неопровержимая истина, что какова природа и каковъ человѣкъ, наблюдавшій и испытывающій природу, таковы должны быть и его вѣрованія, таковы и его миѳы, таковы его боги. Поэтому язычество каждаго народа есть какъ бы зеркало, отражающее въ себѣ ликъ той страны и той природы, гдѣ живетъ язычникъ, и ликъ его быта домашняго, общественнаго и политическаго во всѣхъ подробностяхъ и мелочахъ“ [1]).

Говоря объ общественномъ бытѣ, мы должны были бы сдѣлать очеркъ домашней обстановки жителя предстепной окраины въ удѣльно-вѣчевой періодъ: описать его жилище, службы, времяпреповожденіе въ обыкновенное время и въ случаяхъ экстраординарныхъ—во время пировъ, праздниковъ и проч. Кромѣ того, для полноты картины домашняго быта, необходимо было бы также описать обряды семейные, религіозные, общественные и сдѣлать очеркъ пѣсеннаго творчества народа и его музыки. Къ сожаленію, мы не можемъ сдѣлать этого вслѣдствіе слишкомъ незначительнаго матеріала, доставляемаго намъ источниками, и неполноты этнографическихъ изслѣдованій лѣвобережнаго днѣпровскаго края. Это непочатое еще поле, ждущее своихъ изслѣдователей, кропотливой, детальной разработки. Одно, что мы можемъ съ большею или меньшею вѣроятностью утверждать,—это то, что среди народа было развито пѣсенное творчество, глубоко отражавшее въ себѣ народную жизнь съ ея тревогами, радостями, надеждами и печалями: съ пѣсней выходилъ крестьянинъ на работу въ поле, пѣсней онъ сопровождалъ религіозные и свадебныя обряды, пѣсня лилась и звучала и на княжескихъ пирахъ. Музыка являлась дополненіемъ вокальному искусству, и, можно полагать, что музыкальные инструменты, судя по названіямъ ихъ составныхъ частей, ведутъ свое начало съ гораздо болѣе отдаленнаго времени, чѣмъ это обыкновенно

---

[1]) Забѣлинъ, Ист. Русской жизни. II, с. 286.

считали: Востокъ и Итальянскій міръ, особенно со времени оживленныхъ торговыхъ сношеній съ южной Русью, знакомили славянина съ своей музыкой и пѣсеннымъ искусствомъ.

Намъ остается подвести итоги, сдѣлать общій выводъ относительно общественной и политической жизни южной Руси, въ періодъ до монгольскаго ига. Развитіе и ростъ политической жизни южной Руси, значительно шагнувшей впередъ вслѣдствіе благопріятныхъ для нея соціально-экономическихъ условій, въ началѣ XII ст. начинаютъ мало по малу подвергаться колебаніямъ, застою, иногда довольно серьезнымъ и продолжительнымъ. Политическая и общественная жизнь южной Руси, вслѣдствіе крупныхъ переворотовъ и измѣненій въ Передней Азіи, съ незапамятныхъ временъ оказывавшей вліяніе на южную Русь, и внутреннихъ нестроеній, начинаетъ мало-по-малу расшатываться и падать: центръ государственной тяжести перемѣщается въ другія земли, и югъ глохнетъ все больше и больше. Конечно, Кіевской землѣ, вслѣдствіе своего центральнаго положенія, раньше другихъ русскихъ земель пришлось испытать на себѣ всѣ послѣдствія упадка своихъ торговыхъ и культурныхъ рынковъ, и она дѣлаетъ попытки, старается общими усиліями удалить ту варварскую силу, тормозившую правильныя сношенія съ культурными сосѣдями, которая заняла въ то время южно-русскія степи. И Кіевская, и Переяславльская земля—обѣ одинаково заинтересованныя въ возстановленіи своихъ давнихъ связей съ приморскими странами,—энергично борются за эту идею. Но опасность лежала глубже, дальше, чѣмъ то казалось сначала: разлагавшійся, дряхлѣвшій греческій миръ разрушался все болѣе и болѣе подъ напоромъ кочевыхъ восточныхъ народовъ, стремительнымъ потокомъ направлявшихся на западъ; причерноморскія страны начали пустѣть все больше и больше. За упадкомъ культуры въ Причерноморьѣ, начинается паденіе и южной - Руси, среди составныхъ элементовъ которой съ этого времени замѣчается лихорадочная дѣятельность, направленная, въ видахъ самозащиты, на формированіе изъ сосѣднихъ областей политическихъ организмовъ въ противовѣсъ возраставшему могуществу новыхъ земель, новыхъ центровъ, Эта борьба истощала силы и средства земель безъ всякой выгоды для нихъ. Общественный и политическій строй земель разлагался, и передъ татарскимъ нашествіемъ центръ южной Руси—„Кіевъ не въ силахъ былъ отстаивать свое первенство... Отъ разнородности населенія, отъ непостоянства общественнаго строя, отъ безпрестанныхъ разореній и, слѣдовательно, отъ ненадежности гражданской жизни, въ Южной Руси видимо происходило разложеніе; изъ прежнихъ элементовъ могли сложиться какія то новыя формы, но онѣ еще не составились, не стало стараго годнаго для поддержки, но и не образовалось еще новаго; отъ этого Кіевскую Русь не трудно было сильному подчинить и дѣйствовать на не нее по про-

изволу“ [1]). Не смотря, однако, на всѣ бѣдствія, испытанныя Переяславльской землей въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ и на татарскій погромъ, страшнымъ ураганомъ пронесшійся черезъ южную Русь, послѣдняя не стала пустыней: населеніе не изчезло въ ней окончательно; значительно порѣдѣвшее, лишенное политическаго руководительства, павшаго съ приходомъ татаръ, переяславльское населеніе продолжало оставаться въ своихъ излюбленныхъ мѣстахъ, сохраняя при этомъ всѣ привычки опасной, пограничной со степью боевой жизни.

КОНЕЦЪ.

[1]) Костомаровъ, т. I, с. 219.

Списокъ князей переяславльскихъ и время ихъ княженія.

1)	Всеволодъ Ярославичъ	съ	1055 г.	по	1073 г.
2)	Владиміръ Мономахъ	„	1073 г.	„	1878 г.
3)	Ростиславъ Всеволодовичъ	„	1078 г.	„	1093 г.
—	Владиміръ Мономахъ, второй разъ	„	1094 г.	„	1113 г.
4)	Святославъ Владиміровичъ	„	1113 г.	„	1114 г.
5)	Ярополкъ Владиміровичъ	„	1114 г.	„	1133 г.
6)	Всеволодъ Мстиславичъ			въ	1133 г.
7)	Юрій Владиміровичъ Долгорукій			„	1133 г.
8)	Изяславъ Мстиславичъ			„	1133 г.
9)	Вячеславъ Владиміровичъ	съ	1133 г.	по	1134 г.
—	Юрій Владиміровичъ Долгорукій, во второй разъ,	„	1134 г.	„	1136 г.
10)	Андрей Владиміровичъ	„	1136 г.	„	1141 г,
—	Вячеславъ Владиміровичъ, второй разъ			въ	1142 г.
11)	Изяславъ Мстиславичъ	съ	1142 г.	по	1146 г.
12)	Мстиславъ Изяславичъ	„	1146 г.	„	1149 г.
13)	Ростиславъ Юрьевичъ	„	1149 г.	„	1150 г.
14)	Глѣбъ Юрьевичъ	въ	1151 г.		
—	Мстиславъ Изяславичъ, второй разъ	съ	1151 г.	„	1154 г.
—	Глѣбъ Юрьевичъ, второй разъ	„	1154 г.	по	1170 г.
15)	Владиміръ Глѣбовичъ	„	1170 г.	„	1187 г.
16)	Костантинтинъ Всеволодовичъ	„	1194 г.	„	1199 г.
17)	Ярославъ Мстиславичъ		1199 г.		
18)	Ярославъ Всеволодовичъ	съ	1201 г.	„	1206 г.
19)	Михаилъ Всеволодовичъ	въ	1206 г.		
20)	Владиміръ Рюриковичъ	съ	1206 г.	„	1207 г.
21)	Глѣбъ Святославичъ	„	1207 г.	„	1209 г.
—	Владиміръ Рюриковичъ, второй разъ	„	1209 г.	по	1212 г.
22)	Михаилъ Всеволодовичъ	„	1212 г.	„	1215 г.
23)	Владиміръ Всеволодовичъ	„	1215 г.	„	1216 г.
—	Владиміръ Рюриковичъ, третій разъ	„	1216 г.	„	1218 г.
24)	Ярославъ Мстиславичъ			въ	1219 г.
25)	Олегъ Святославичъ	съ	1220 г.	„	1226 г.
26)	Всеволодъ Константиновичъ			въ	1227 г.
27)	Святославъ Всеволодовичъ	„	1228 г.	„	1233 г.

Источники и пособія.

Авенаріусъ. Книга былинъ. Изданіе 3-е. Спб. 1885 г.

Акты относящіеся къ ист. Южн. и Зап. Россіи, т. I—II. Спб. 1863—5.

„ Московскаго государства, издан. Императ. Академ. наукъ, подъ ред. Н. А. Попова, т. I. Разрядный приказъ. Моск. столъ. 1571—1634. Спб. 1890 г.

Андріяшевъ А. Очеркъ исторіи Волын. земли до конца XIV ст. Кіевъ, 1886 г.

Антоновичъ, В. Б., проф. Монографіи по исторіи зап. и юго-западной Россіи. Кіевъ, 1885 г.

„ Зміевы валы въ предѣл. Кіев. губ. Кіев. Стар., 1884 г., кн. III.

„ О похорон. типахъ Юго-Западнаго края. Проток. арх. съѣзда въ Казани.

„ Археологич. карта Кіев. губ. Москва, 1895 г.

„ Археологич. карта Волын. губ. Москва, 1900 г.

„ Дневникъ (рукопись) курганныхъ раскопокъ, произведенныхъ проф. В. Б. Антоновичемъ въ предѣлахъ Полтав. губ.

„ Археологическія замѣтки (рукопись), составлен. проф. В. Б. Антоновичемъ относительно Полтавской, Харьковской и Черниговской губ.

Антоновичъ В. Б. проф. и Армашевскій. Публичныя лекціи по геологіи и исторіи г. Кіева, читанныя въ историч. Общ. Нестора Лѣтописца, въ 1896 г., Кіевъ; 1897 г.

Арандаренко Н. Записки о полтав. губ., 3 ч., Полтава, 1848 г.

Аристовъ Н. О землѣ Половецкой. Кіевъ, 1877 г.

Промышленность древней Руси. Спб. 1866 г.

Археологическія Извѣстія и Замѣтки, издаваемыя Императ. Москов. Археологич. Общ. (1896—97 гг).

Архивъ Юго-Западной Россіи. Акты, относящіеся къ исторіи заселенія Юго-Запад. края, издан. Кіевск. Археограф. Ком., ч. VII, т. I и II.

Арцыбашевъ. Повѣтствованіе о Россіи. Москва, 1838 г.

Ахматовъ. Атласъ историческій, хронологическій и географическій Россійск. государства, составл. на основаніи исторіи Карамзина. Спб. 1891 г.

Багалѣй Д. И., проф. Исторія Сѣверской Земли до половины XIV ст., Кіевъ, 1882 г.

„ Общій очеркъ древностей Харьковской губ. Харьковъ, 1890 г.

„ Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Москов. государства. Исторія колонизаціи, т. I, М. 1887 г.

Барсовъ Н. П. Очерки русской историч. географіи. Географія начальной Нестеровой лѣтописи. Варшава, 1885 г.

» Матеріалы для Историко-географич. словаря Россіи, т. I.

» Географическій словарь Русской Земли. Вильно, 1865 г.

Beron de Baye. Etudes sur l'archéologie de l'Ukraine, Paris, 1895 г.

Bayet C., L'art Bizantin. Paris. Nouvelle édition, 1883.

Бережковъ. О торговлѣ Руси съ Ганзой до конца XV в. Спб. 1879 г.

Бестужевъ-Рюминъ. Русская исторія, т. I, Спб. 1872 г.

» О составѣ рус. лѣтописей до конца XIV в. (въ лѣтоп. занятій Археогр. Коммиссіи, В. IV, Спб. 1868 г.).

Бильбасовъ, В. Появленіе русскихъ на историч. сценѣ. Рус. Стар., 1892 г. ноябрь.

Бодянскій, П. Памятная книжка Полтавской губ. за 1855 г., издан. полтав. статистич. комитета. Составл. Членом. секретар. комитета П. Бодянскимъ. Полтава, 1865 г.

Бонычевъ, Н. Каталогъ русской исторической и археологической библіотеки. Вып. I,—геогр карты Россіи XV—XIX вв.; вып. II,—исторія рус. земель и городовъ, Спб. 1892 г.

Beauplan, Levaseur de,— Description d'Ukrainie, qui sont plusieurs provinces du royaume de Pologne et c. Rouen, 1660, и новое парижское изданіе кн. Галицына, 1861 г.

Борзаковскій. Исторія Тверскаго княжества. Спб. 1876 г.

Блюменфельдъ, Г. Ф. О формахъ землевладѣнія въ древней Россіи. Одесса, 1884 г.

Бочкаревъ, К. П. Очерки Лубенской старины. Спб. 1901 г.

Браунъ. Розыск. въ области гото-славян. отнош. Готы и ихъ сосѣди до V в. Спб. 1899 г.

Брунъ, проф. Опытъ соглашенія противоположныхъ мнѣній о Геродотовой Скиѳіи и смежныхъ съ нею земляхъ.

» Древности Геродотовой Скиѳіи, в. I.

Буслаевъ, Ѳ. Древне-русская народная литература и искусство. Спб. 1861 г.

Бѣляевъ. Разсказы изъ русской исторіи. Москва, 1864 г.

» Крестьяне на Руси. Изслѣдованіе о постепенномъ измѣненіи крестьянъ въ русскомъ обществѣ. Москва, 1891 г.

Бѣляшевскій Н. Ѳ. Первобытный человѣкъ на берегахъ Днѣпра (Кіев. Стар. 1890 г. к. 4).

» Монетные клады кіевской губ. Кіевъ, 1889 г.

» Археологическая лѣтопись южной Россіи. Кіевъ, 1900—1 гг.

Васильевскій, проф. Византія и печенѣги. Ж. М. Н. Пр. 1872 г., кн. 4.

Владимірскій-Будановъ, М. Ф. Обзоръ исторіи русскаго права. Кіевъ, 1888 г.

» Населеніе юго-западной Россіи отъ половины XIII до половины XVII в. Кіевъ, 1886 г., 2-я книга—населеніе отъ половины XV в. до Любл. уніи. Кіевъ, 1891 г.

» Христоматія по исторіи русскаго права. Вып. 1—3. Кіевъ.

Веберъ, Г. Всеобщая исторія. Исторія римской имперіи, переселенія народовъ и возникновенія новыхъ государствъ. Т. IV—VIII.

Вейсъ Г. Внѣшній бытъ народовъ съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени. Т. II, ч. I.

Воцель, Я. Древнѣйшая бытовая исторія славянъ вообще и чеховъ въ особенности. Переводъ Задерацкаго, Кіевъ, 1875 г.

Гаркави. Сказаніе мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ съ половины VII до конца X в. по Р. Х.

Георгіевскій, А. С. Матеріалы къ оцѣнкѣ земель полтав. губ. Естественно-историч. часть. Отчетъ Полтав. губерн. земству. Составл·

подъ редакціей проф. унив. В. В. Докучаева. В. I—X. Спб. 1890 г.

Геродотъ. Переводъ съ греческаго. Проф. Ѳ. Г. Мищенко. Москва, 1888 г.

Гильфердингъ. Собраніе сочиненій, т. II, Спб. 1868 т.

Голубинскій, Е. Исторія русской церкви. Періодъ домонгольскій, т. I, М. 1880 г.

Головацкій, Я. Географическій словарь западно-славянскихъ и юго-славянскихъ земель и прилегающ. странъ. Вильна 1884 г.

Голубовскій, П. Печенѣги, Торки и Половцы до нашествія Татаръ. Исторія южно-русскихъ степей IX—XIII в. Кіевъ, 1884 г.

„ Исторія Сѣверской земли до половины XIV ст. Кіевъ, 1881 г.

„ Исторія Смоленской земли до начала XV в. Кіевъ, 1895 г.

Горленко В. П. Лубенскій музей Е. Н. Скаржинской. Кіевъ, 1891 г.

Городскія поселенія— Россійской Имперіи С.-Петербургъ. 1861 г.

Гошкевичъ. Замокъ князя Семена Олельковича и лѣтописный Городецъ подъ Кіевомъ. Кіевъ, 1890 г.

Григорьевъ, В. О куфическихъ монетахъ VII—XI вв., находимыхъ въ Россіи и прибалтійскихъ странахъ, какъ источникахъ древнѣйшей отечественной исторіи (Зап. Одес. Общ. Ист. и Древ., I, стр. 115—66).

Грушевскій, М. Очеркъ исторіи Кіевской земли съ IX ст. Кіевъ, 1891 г.

„ А Очеркъ исторіи Турово-пинскаго княжества X—XIII вв. К., 1901 г.

Гуровъ, А. В. Геологическое описаніе Полтав. губ. Отчетъ Полтавск. Губерн. Земству. Харьковъ, 1888 г.

Даниловичъ, В. Монетные клады Кіев. губ. до первой чертверти XV в. М. 1896 г.

„ Пути сообщенія Полоцкой земли до конца XIV стол. Г. Юрьевъ. 1898 г.

Дашкевичъ, Н. Княженіе Даніила Галицкаго, Кіевъ. 1873 г.

„ Замѣтки по исторіи литовско-рус. государства, Кіевъ, 1885 г.

Дворцовые разряды. Москва. Т. I—IV, Изданіе. 1850—55 гг.

Довнаръ-Запольскій М. Очеркъ исторіи Кривичской и Дреговичской земель до начала XIII ст. Кіевъ, 1891 г.

Докучаевъ, В. М. проф. Наши степи прежде и теперь. Спб. 1892 г.

„ Матеріалы къ оцѣнкѣ земель. Полтав. губ. Отчетъ полтав. земству. Изд. Полт. губ. земства. Спб. 1902 г.

Древности Труды Москов. Археолог. Общ. Т. I—XV.

Житецкій, Ир Смѣна народностей въ Южной Россіи „Кіев. Стар." 1883—4 гг.

Журналъ Кіевскаго Городскаго Музея 1900—2 г.

„ Минист. Госуд. Имущ. съ 1840 г.

Забѣлинъ. Историч. обозр. финифтяного и ценинного дѣла въ Россіи (Зап. Имп. Арх. Общ. т. VI, 1855 г.).

„ Исторія русской жизни. Т. I—II. М. 1879 г.

Zeborowsky M. Du Dniestre à la Caspienne. Paris. 1896.

Завитневичъ, В. Къ вопросу о выработкѣ критерія для классиф. кургановъ по типамъ. Кіев. Стар. 1890 г., май.

„ Раскопки въ системѣ р. Сулы. Тр. Кіев. Дух. Ак.. 1884 г. Кіевъ, с. 8.

„ Владиміръ св., какъ политич. дѣятель. Кіевъ.

Замысловскій, проф. Лекціи Русской Исторіи, читанныя въ Петерб. историко-филолог. институтѣ, въ 1879—80 гг.; и рус. истор. атласъ

Записки Императорскаго Археологич. Общества, т. I—IV, Спб. 1852 г.

Записки и труды Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, учрежден. при Император. Москов. Университетѣ, ч. II, М. 1824.

Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Т. I—VIII.

„ Отдѣл. рус. и слав. археол. Импер. Рус. Археол. Общ., т. I—IV.

Звенигородскій. Византійскія эмали. 1892 г.

Зотовъ. О черниговскихъ князьяхъ по любецкому синодику. Спб. 1892 г.

Ивановъ. Историческія судьбы Волынской земли съ древнѣйшихъ временъ до конца XIV в. Одесса, 1895 г.

Иванишевъ. Сочиненія. Кіевъ, 1876 г.

Извѣстія Импер. Арх. Общ. Т. I. Спб. 1859 г.

„ Общ. Арх., Ист. и Этногр. при Имп. Казан. унив. 1892 г.

„ XI Арх. съѣзда въ Кіевѣ, въ 1899 г. Кіевъ, 1899 г.

„ XII Археол. съѣзда въ Харьковѣ, въ 1902 г. Харьковъ, 1902 г.

„ Ал—Бекри и другихъ авторовъ о Руси и славянахъ. Спб.1878 г.

Иконниковъ, В. С. Опытъ изслѣд. о культ. Знач. Византіи. К. 1869.

Иловайскій, Д. Исторія Россіи. Кіевскій періодъ. М. 1871 г. и Владимірскій періодъ. Спб. 1880.

„ Исторія Рязанскаго княжества, М. 1884 г.

Калачовъ Н. Текстъ Русской Правды, на основаніи списковъ разныхъ редакцій. М. 1841 г.

Калайдовичъ, К. Памятники Россійской Словесности XII в., изданные съ объясненіемъ, варьянтами и образцами почерковъ. Москва, 1821 г.

Карамзинъ, Н. Исторія Госуд. Россійскаго. Спб. 1872 г. К. I—4; другое, новое изданіе Евдокимова, 1892 г.

Карты (3 версты въ дюймѣ) черниговъ. и полтав. губ., изданныя Генер. Штабомъ и карты Ильина (10 верстъ въ дюймѣ).

Карты Южной Россіи. Beauplan'a, Gastold'a, I. Mass'ы, Hondius'a, Jansonius'a, Lotteri, Vischer'a, Dankert'a, Fr. de Witt'a, Mercator'a, Blaeu, Pitt'a и Schenck'a, Rizzi Zannoni и мн. др.

Karel. B. Madl. Dêjiny Vmêni Vytrarnych. Stary vék. Praha.

Каталогъ выставокъ XII Археологич. съѣзда въ Харьковѣ. Харьковъ, 1902 г.

„ Музея Древностей, поступающихъ въ археологич. музей Император. универс. св. Владиміра съ 1894 г., ч. 2.

Cahun Léon. Introduction à l'histoire de l'Asie. Turcs et Mongols des origines à 1405. Paris. 1896.

Кельсіевъ, А. И. Палеолит. кухонные остатки въ с. Костенкахъ, Воронежскаго у. Москва, 1883 г.

Кеппенъ, О. И. Къ исторіи тарпана въ Россіи, Ж. М. Н. П. 1896 г., январь.

Кибальчичъ Т. Древности.

„ О находкахъ предмет. камен. періода на лѣв. берегу Днѣпра въ 1879 г. Спб. 1880 г.

Кіевскій синопсисъ. Изданіе пятое. Кіевъ, 1836 г.

Ключевскій, В. Боярская Дума древней Руси, М. 1883 г.

Книга Большому Чертежу или древняя карта Россійскаго государства, поновлен. въ разрядѣ и списанная въ книгу 1627 г. Изд. второе, Спб. 1838 г.

Книга для записыванія вещей музея древностей Императ. универс. св. Владиміра (рукопись).

Книги разрядныя по оффиціальнымъ оныхъ спискамъ, изданныя съ Высочайшаго соизволенія и пр. Т. I—II, Спб. 1853 г.

Книга для записыванія монетъ и медалей мюнцъ - кабинета Университ. св. Владиміра, съ 1879 г.

Congrès international d'Archéologie préhistorique et d'Antropologie. 11-ème session à Moscou du 1—8 août, 1892, т. I.

Codex Pomeraniae diplomaticus. Von d—r Karl Hasselbach, Erste Band, 1862, Griefswald.

Corpus scriptorum historiae Bizatinae Editio emendatior et copiosior consilio B. G. Nieburhii. C. F. instituta, auctoritate Academiae litterarum regiae Borussicae continuata. Constantinus Porphyrogenitus. v. III. Bonnae. Impensis. Ed. Weberi. MDCCXL.

Костомаровъ, Н. Историческія монографіи и изслѣдованія. Т. I. Спб. 1872 г.

" Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. X—XIV ст. Спб. 1873 г.

Котляревскій, А. А. О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ. Спб. 1891г.

" Сочиненія, т. 3. Спб. 1891 г.

" Металлы и ихъ обработка въ доисторич. эпоху у племенъ индоевропейскихъ (Древности. т. I, в. I).

Кулаковскій, Ю. Аланы по свѣдѣніямъ классическихъ писателей. К. 1899 г.

" Карта Европейской Сарматіи, по Птолемею. Кіевъ, 1899 г.

Лазаревскій. Описаніе Старой Малороссіи. Нѣжинскій полкъ. Кіевъ, 1894 г.

" Описаніе Старой Малороссіи. Прилуцкій полкъ, Кіевъ,1900 г.

" Указатель источниковъ для изученія Малороссійскаго края, в. I, Спб. 1858 г.

Ланге, Н. В. Днѣпръ и условія охоты въ районѣ его средняго теченія. Кіевъ, 1901 г.

Лаппо-Данилевскій. О торговлѣ скиѳскихъ племенъ съ греческими и другими народами юга и сѣверо-востока Европы.

Лашнюковъ, Проф. Владиміръ Мономахъ и его время (въ Ж. М. Н. П., ч. CXXXIV, Спб. 1867 г.).

Левченко, М. Исчезнувшія и исчезающія животныя южной Россіи. Кіев. Стар. 1882 г., августъ.

Lefèvre, André, profes. à l'Ecole d'Anthropol. à Paris. Origines slaves. 1896.

Лучицкій, И. Сябры и сябринное землевладѣніе въ Малороссіи, 1889 г.

" Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Украинѣ, въ XVIII в. (Полтав. Губ.) Кіевъ, 1889 г.

Лѣтопись по Ипатскому списку. Изд. Археогр. ком. Спб. 1871 г.

" по Лаврентьевскому списку. Изд. Арх. к., Спб. 1872 г.

" Новгородская, по синодальному харатейному списку. Изд. Археограф. Ком. Спб. 1888 г.

" Никоновская, въ П. С. Р. Л., т. IX и X. Изд. Арх. Ком. Спб. 1862 и 1885 г.

" Воскресенская (въ П. С. Р., с. 1, т. VII и VIII). Изд. Арх. К. Спб. 1856—1859 гг.

" Аврамки (въ П. С. Р. Л., т. XVI, Спб. 1889 г).

" Тверская (въ П. С. Р. Л., т. XV).

" Густинская, въ П. С. Р. Л., т. II. Спб. 1843 г.

" Сводная, составленная по всѣмъ спискамъ лѣтописей. Л. Н. Лейбовичемъ Спб., 1876 г.

Лайэлль, Ч. Руководство къ геологіи. Спб. 1868 г.

Макарій, архіеп. Харьковскій. Исторія рус. церкви. Т. I—II. Спб. 1868 г.

Максимовичъ, М. А. Собраніе сочиненій. Т. I и II, Кіевъ, 1877 г.
Маркевичъ. Рѣки полтав. губ.—въ Зап. Импер. Рус. Географич. Общ., т. XI, 1856 г.
Масперо. Histoire ancienne des peuples de l'Orient classique. Egypte et Chaldée. Paris. 1895.
Майковъ, Л. Рецензія на сочиненіе Барсова: Очерки русской исторической географіи—въ Ж. М. Н. П., 1874 г., августъ.
Матеріалы къ оцѣнкѣ земель Полтав. губ. Естеств.—истор. часть. Отчетъ полт. губ. земству. Работа исполнена подъ руководствотъ проф. Докучаева, в. XVI. Оро-гидрографія и геологія, почва и пр. Спб. 1894 г.
Межевъ, В. И. Русская историч. библіографія, т. I—VI.
Мельникъ, Н. Каталогъ коллекціи древностей А. Поль въ Екатеринославлѣ. В. I, Кіевъ, 1893 г.
„ Раскопки въ землѣ лучанъ. М. 1901 г.
Милорадовичъ. Г. Любечъ. М. 1871 г.
Милюковъ. Очерки исторіи рус. культуры. М. 1896 г.
Молчановскій, Н. Очерки исторіи Подольской земли, Кіевъ.
Mortillet, Gabriel de, Le préhistorique antiquité de l'homme. Paris, 1895 г.
„ La formation de la nation francaise, Paris. 1897.
Mortillets, Gabriel et Adien de,—Musée phéhistorique, Paris. 1881.
Надеждинъ. Геродотова Скиѳія, объясненная черезъ сличеніе съ мѣстностями (въ Зап. Од. Общ. Ист. и Др., т. I).
Nadaillac, Marquis de, Les premiers hommes et les temps préhistoriques, т. I, Paris, 1881.
Нидерле, Л. Человѣчество въ доисторическія времена. Переводъ съ чешскаго Ѳ. К. Волкова, подъ редакціей Д. Н. Анучина. Спб. 1898 г.
Niederle L. Slovanske starozitnosti. Puvod a pocatky nârod a slavanskégo. Praha. 1902.
Никитскій, А. И. Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода. М., 1893 г.
Neumann, Karl. Die Hellenen im Scythenlande. Ein Beitrag zur Alten Geographie, Ethnographie und Handels geschichte. Berlin, 1855.
Описаніе коллекціи древностей въ Музеѣ Е. Н. Скаржинской.
Отчетъ Москов. Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ за 1867—9 гг.
Отчеты Императорской Археолеологической Коммиссіи за всѣ годы.
Павлищевъ. Историч. атласъ Россіи, Изд. второе. Спб. 1873 г.
Пассекъ, Владимъ. Очерки Россіи, т. I—II. Спб. 1838 г.
Патерикъ Печерскій. Памятники русской литературы XII и XIII вв., издан. Влад. Яковлевымъ, Спб. 1872 г.
Петръ, В. Матеріалы для исторіи культа Аммона у древнихъ—въ Отчетѣ о состояніи Кіево-Печерской гимназіи за 1894—95 уч. годы, Кіевъ, 1895 г.
Погодинъ, А. А. Сборникъ статей по археологіи и этнографіи. Спб. 1902 г.
Погодинъ, М. Князь Андрей Юрьевичъ Боголюбскій. М. 1850 г.
„ Изслѣдованія. замѣчанія и лекціи о русской исторіи. т. I—VIII, Періодъ удѣльный, Москва.
„ Древняя Русская Исторія до монгольскаго ига. Т. III, 1871 г.
„ О походѣ руссовъ на Сурожъ. Зап. Од. Общ. Ист. и Др., т. I.
Полтавскій Музей земскій естественно-историч. Извлеченіе изъ Отчета Полтав. губ. земской Управы, 1891 г. Полтава. 1892 г.
Porimodaie, Elie de la Etudes sur le commerce au Moyen—âge. Histoire du commerce

de la mer Noire et des colonies genoises de la Krimée, Paris, 1878.

Прозоровскій. Опись предметовъ, хранящихся въ музеѣ Император. Археологич. Общества, Спб. 1869 г.

„ Монета и вѣсъ въ Россіи до конца XVIII ст. (Зап. Имп. Арх. Общ. т. XII, Спб. 1865 г.).

Przezdziecky, A. Podole, Wolyń, Ukraina, obrazy miejsc i czasów. Wilna 1841.

Pulasky, V. Szkice i poszukiwania historyczne. Kraków, 1887.

Путешествіе академика Гильденштедта. Переводъ М. Солтыковой, примѣч. Д. Багалѣя, Харьковъ, 1892 г.

Реклю, Элизе. Земля и люди. Всеобщая географія. Вып. V. Европейская Россія. Спб. 1883 г.

Ригельманъ. Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, М. 1847 г.

Рудченко. Чумацкія народныя пѣсни. Кіевъ, 1874 г.

Русовъ, А. Русскіе тракты въ концѣ XVII и нач. XVIII вв. и нѣкоторыя данныя о Днѣпрѣ изъ атласа конца прошлаго столѣтія, Кіевъ, 1876 г.

Савельевъ, П. С. Мухаммеданская нумизматика въ отношеніи къ русской исторіи. Топографія кладовъ съ восточными монетами и издѣліями VII, VIII, IX, X и XI вв. въ Россіи и прибалт. странахъ, объяснен. историч. свѣдѣт. о торговлѣ сѣв.-восточн. Европы въ эпоху основанія и утвержд. рус. государства. Спб. 1846 г.

Савельевъ, А. О сторожевыхъ засѣчныхъ линіяхъ на югѣ древней Россіи, въ Трудахъ II Археол. съѣзда въ Спб. 1871 г.

Самоквасовъ, Д. проф. Древніе города Россіи. Историко-юридич. изслѣдованіе. Спб. 1873 г.

„ Исторія рус. права. Начало политич. быта древне-русскихъ славянъ, вып. II. Варшава, 1878 г.

„ Исторія русскаго права. Происхожд. русскихъ славянъ, Вып. II. Варшава, 1884 г.

„ Исторія русскаго права. Универ. курсъ. К. I. Варшава, 1888 г.

„ Основанія хронологич. классификаціи; описаніе и каталогъ коллекціи древностей. Варшава, 1892 г.

„ Вещественные памятники въ предѣлахъ Малороссіи. Изъ протоколовъ антропол. выставки 1879 г.

„ Археологическія раскопки въ Полтавской губ.

Семеновъ, П. Географ. - статистич. словарь Рос. Имп., т. I—IV. Спб. 1873 г.

Сергѣевичъ. Вѣче и Князь. 1867 г.

Синявскій и Масаловъ. Исторія всемірной торговли въ связи съ промышленностью. Ч. I, Одесса, 1896 г.

Slownik geograficzny Królewstwa Polskiego i innych krajow Slowiańskich. Wydany pod red. Wlad. Walewskiego, Bron. Chlebowskiego. Warchawa, 1884 г.

Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ. Изданіе И. Срезневскаго, Спб. 1854 г.

Соловьевъ, С. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. I—V. Спб. изд. 1852—55 гг.

Софійскій временникъ Изданіе 1895 г., т. 2, вып. I и II.

Списки населенныхъ мѣстъ Полтав. губерніи по свѣдѣніямъ 1859 г. Изд. Цетр. Статист. Ком. Мин. Внутр. Дѣлъ. Спб. 1862 г.

Списокъ медалей и монетъ, поступившихъ въ мюнцъ-кабинетъ Император. университета св. Владиміра 1873—79 г. (рукопись).

Спицынъ, А. А. Разселеніе древне-русскихъ племенъ. по археолог. даннымъ. Спб. 1899 г.

Срезневскій, И. Чтенія о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ. Спб. 1862 г. и Русское населеніе степей—въ Изв. Акад. Наукъ, т. V.

Стороженко, А. В. Очерки Переяславльской старины. Изслѣдованія, документы и замѣтки. Кіевъ, 1900 г.

„ Очерки Переяславщины. Оттискъ изъ Кіевской Старины.

„ Къ исторіи мѣстечка Бориcполя Полтав. губ. Кіев. Старина. 1897 г., мартъ.

Страбонъ. Географія. Переводъ Ѳ. Г. Мищенко. Москва, 1874 г.

Страшкевичъ, К. Клады, разсмотрѣнные въ мюнцъ-кабинетѣ универс. св. Владиміра съ 1838 по 1861 гг. Кіевъ, 1867 г.

Строевъ, П. Ключъ или алфавитный указатель къ исторіи Государства Россійскаго, Н. Карамзина, и 24 составленныя Карамзинымъ и Строевымъ родословныя таблицы князей россійскихъ. Изданіе Эйнерлинга, Спб. 1844 г.

Татищевъ. Исторія россійская съ древнѣйшихъ временъ, кн. I—III. М. 1773 г.

Терещенко, А. Очерки Новороссійскаго края, Спб. 1845 г.

Терновскій, Ф. Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси. Кіевъ, 1875 г.

Тилло, А. А. Орографія Европейской Россіи на основаніи гипсометрической карты,—въ статьяхъ VIII съѣзда руск. естествоиспыт. и врачей въ Спб., отъ 28 дек. до 7 янв. 1890 г. Спб. 1890 г.

„ Гипсометрическая карта Европейской Россіи.

Толстой, гр. И. и Н. Кондаковъ. Русскія древности въ памятникахъ искусства. Выпуски 1—4. Спб. 1890 г. и др.

Труды Императорскаго Московскаго Археолог. Общества, тт. X—XII.

„ I—IX Археологическихъ съѣздовъ и соотвѣтственные имъ каталоги.

„ Харьков. предварит. комитета по устройству XII археологич. съѣзда. Изданіе подъ ред. проф. Рѣдина, Харьковъ, 1902 г. т. I, к. 2.

Тутковскій, П. Юго-западный край. Популярные естеств.—историч. очерки. Кіевъ, 1893 г.

Уваровъ, гр. А. Археологія Россіи, Каменный періодъ. Ч. I и II.

Указатель выставки при 3-мъ археологич. съѣздѣ въ Кіевѣ, въ 1874 г. Древности каменнаго, желѣзнаго и бронзов. вѣковъ.

Устряловъ. Русская исторія. Спб. 1855 г.

Филаретъ, преосв. Историко-статистич. описаніе Харьков. эпархіи. Харьковъ, т. I—III, 1857—9 гг.

Фриманъ, Э. Историч. географія Европы (съ картами). Переводъ М. Лучицкой. М. 1892 г.

Фундуклей Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ Кіев. губ. К. 1884.

Ханенко, Б. И. Древности Приднѣпровья. Выпускъ I—III.

Хвойка, В. В. Поля погребенія въ среднемъ Приднѣпровьѣ. Спб. 1901 г.

„ Дневники раскопокъ въ Кіевѣ, Трипольѣ и другихъ мѣстахъ кіевской и полтавской губ.

Хвольсонъ. Извѣстія о хазарахъ, буртасахъ, болгарахъ, мадьярахъ, славянахъ и русскихъ Ибнъ-Даста.

Хлѣбниковъ. Общество и государство въ домонгольскій періодъ русской исторіи. Спб. 1872 г

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца, кн. II—XVI.

Шафарикъ П. Славянскія древности, переводъ съ чешскаго О. Бодянскаго. М. 1847 г.

Шафонскій, А. Черниговскаго намѣстничества топографич. описаніе съ кратк. географ. и историч. описаніемъ Малыя Россіи. Изд. въ Черниговѣ 1786 г. Кіевъ, 1851 г.

Шевыревъ, С. Лекціи рус. словесности. Спб· 1887 г., ч. I—II.

Щегловъ, Д. Новый опытъ изложенія первыхъ страницъ Русской Исторіи (Труды II арх. съѣзда въ Спб. 1876 г., отд. II).

Щекатовъ. Геогр. словарь Рос. госуд. М. 1804 г.

Эварницкій, Д. И. Вольности запорожскихъ казаковъ. М. 1901 г.

Экземплярскій. А. В. Великіе и удѣльные князья Сѣверской Руси, въ татарскій періодъ, т. I и II. Спб. 1889 г.

Jablonowsky, Al. Zródla dziejowe, t. XII.

„ Polska XVI wieku pod względem geographizno-statystycznym, Tom XI. Ziemie Ruskie. Ukraina (Kijew-Braclaw). Warszawa. 1897.

„ Zdódla dziejowe, t. XIX. Polska XVI wieku. Tom. VIII.

„ Ziemie Ruskie—Wolyń i Podole. Warszawa, 1889.

Чудиновъ, А. Образцовыя произведенія скандинавской поэзіи. Воронежъ 1875 г.

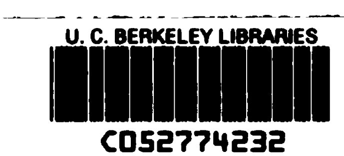
Замѣченныя опечатки:

Страница.	Строка. Сверху.	Снизу.	Напечатано:	Должно быть:
3	—	8	блезъ	близъ
8	8	—	трансгредироваго	трансгредировало
15	9	—	Limnaus	Limnaeus
28	8	—	насселеніе	населеніе
29	5	—	мѣстами	повсюду
33	10	—	завъра	завътра
—	12	—	Срели	Орели
34	2	—	рѣки:	рѣки
48	—	9	инженръ	инженеръ
64	—	12	полукочевныхъ	полукочевыхъ
65	—	20	безконечнаго	безконечно
69	—	19	Ромна,	Ромна;
71	21	—	залотыя	золотыя
—	—	15	вероятности	вѣроятности
72	15	—	бронзовыя удила	при погребеніи находили бронзовыя удила
74	22	—	неподалику	неподалеку
76	—	14	побѣдими	побѣдили
77	—	20	подвласны	подвластны
80	—	17	ставшихъ	ставшихъ его
95	—	6	прицессія	процессія
105	14	—	иредметами	предметами
110	2	—	Аль-Бекри, говоритъ	Аль-Бекри говоритъ объ этомъ
118	—	11	стороны	сторонѣ
118	7	—	Лихвица	Лохвица
121	1	—	Самбера	Самбора
125	—	11	всрѣчается	встрѣчается
130	5	—	Всевоводъ	Всеволодъ
135	—	20	придоши	придоша
136	—	6	трехвестной	трехверстной
137	—	15	1747 г.	1147 г.
152	5	—	ни	ны
156	—	15	тописью	лѣтописью.
162	—	16	укромнныхъ	укромныхъ
166	—	14	сохранилось	сохранялось
167	4	—	украинскія,	украинскіе,
—	—	20	передѣлано	порѣдѣло
182	—	15	Мазарики	Мазараки
191	—	7	И. М. Зарѣдкій	И. А. Зарѣцкій.
192	—	22	Колоптаевѣ	Колонтаевѣ
197	—	12	Заряцкій	Зарѣцкій
206	2	—	напобережья	на побережья
207	11	—	вольной	волной
216	10	—	земя	земля
—	10	—	снабжена	снабжала
224	17	—	возгоряется	возгорается.
230	—	13	печенежскимъ	печенѣжскимъ
232	7	—	полдороги	полдорогѣ
235	—	1 и 2	1) Сергѣевичъ В. и к., 387. 2) Ипат. л., с. 103.	1) Ипат. л., с. 103 2) Сергѣевичъ. Вѣче и кн., с. 387
242	—	10	Чериговъ	Черниговъ.
—	—	12	Святаславъ	Святославъ

Страница.	Строка. Сверху.	Снизу.	Напечатано:	Должно быть:
245	13	—	власть,	власть.
246	—	20	Ратиборъ, изгоняется	Ратиборъ изгоняется
261	—	12	предллгалъ	предлагалъ
269	8	—	Святославъ	Святославичъ
—	—	21	Всевозодомъ	Всеволодомъ
278	16	—	Всоволо-	Всеволо-
288	14	—	земель,	земель
302	11	—	спроситъ,	спросить,
304	—	14	сыну:	сыну;
305	20	—	не ходи княже,	не ходи, княже,
308	—	12	Далгорукаго	Долгорукаго.
309	—	20	убъждая	убѣждая
312	—	8	Юрьевичь	Юрьевичъ,
315	—	2	, и самому	, а самому
326	17	—	стоящему	стоявшему
—	—	13	чуѣ	чаѣ
338	3	—	Руси	Руси,
351	7	—	бичей	бычей
352	15	—	ско	ско и,
—	16	—	гогу	году
368	—	10	Ромона	Романа
—	—	18	заблаговременнаго	заблаговременно
373	—	9	нацаденіе	нападеніе
378	—	3	выьайно	вычайно
385	17	—	связанные	связанныя
—	—	10	является	являлся
386	—	6	грабеками	градскими
—	—	12	подовцы	половцы
—	—	17	которые	которыя
387	2	—	чаето	часто;
—	5	—	всей	и всей
—	12	—	внутры	внутри
—	—	11	новей	новой
388	17	—	быть	бить
390	18	—	создательно	сознательно
392	18	—	бѣдствянную	бѣдственную
393	7	—	дрижиини—	дружинни—
394	14	—	превычной	привычной
395	17	—	вогругъ	вокругъ
400	17	—	гола,	года,
408	—	10	Куляда,	Коляда
409	—	15	сожаленію,	сожалѣнію,
416	—	9	Zeborowsky	Zaborowsky.

Оглавленіе.

Суджа
р. Псел
Липецкое г.
вское г.


U. C. BERKELEY LIBRARIES
C052774232